

КЛЮЧ ЛЖЕЦА

МАРК
ЛОУРЕНС

Annotation

Для тех, кому пришлось ждать эту книгу целый год, расскажу краткое содержание первой книги, "Принц Шутов", чтобы освежить ваши воспоминания, и не заставлять персонажей пересказывать друг другу то, что они уже и так знают. Здесь я приведу лишь то, что существенно для последующей истории. 1.Ялан Кендет (внук Красной Королевы) и Снорри вер Снагасон (очень крупный викинг) отправляются из Красной Марки (северная Италия) в Суровые Льды (север Норвегии), связанные заклинанием, из-за которого один из них стал присягнувшим свету, а другой – присягнувшим тьме. 2.Ялан теперь присягнувший тьме, и каждый день на закате его навещает дух женского пола по имени Аслауг. 3.Снорри теперь присягнувший свету, и на рассвете его посещает дух мужского пола по имени Баракель. 4.Они путешествовали в Чёрный форт, чтобы спасти жену и выжившего ребёнка Снорри от Свена Сломаи Весло и других подручных Мёртвого Короля, включая некромантов, нерождённых и Эдриса Дина. Спасти их не удалось. Семья Снорри не выжила. 5.Ялан, Снорри и Туттугу – толстый и слегка застенчивый викинг – единственные пережили путешествие в Чёрный форт. Они вернулись в портовый город Тронд и провели там зиму. 6.У Снорри теперь есть ключ Локи – волшебный ключ, который может открыть любой замок. Этот ключ очень нужен Мёртвому Королю. 7.Из их врагов выжили, возможно, Эдрис Дин и некоторое количество хардассцев ("красных викингов"), а также горстка некромантов с Затонувших Островов. 8.Бабушка Ялана, Красная Королева, остаётся в Красной Марке со своей старшей сестрой, известной как Молчаливая Сестра, и уродливым старшим братом Гариусом. Это заклинание Молчаливой Сестры сковало Снорри и Ялана. 9.Несколько могущественных людей используют магию, чтобы манипулировать событиями в Разрушенной Империи, и часто стоят за многими из сотни тронов. Мёртвый Король, Синяя Госпожа, ледяная ведьма Скилфа и повелитель снов Сейджес – четверо из таких людей. Ялан на своём пути в Чёрный форт встречал Скилфу и Сейджеса. Мёртвый Король несколько раз предпринимал попытки убить Ялана и Снорри. Синяя Госпожа вовлечена в некую длительную тайную войну против Красной Королевы, и, похоже, именно она направляет Мёртвого Короля, хотя тот, возможно, об этом не подозревает.

- [Марк Лоуренс](#)
  - [Ключ Лжеца](#)
  -
  - [Пролог](#)
  - [ОДИН](#)
  - [ДВА](#)
  - [ТРИ](#)
  - [ЧЕТЫРЕ](#)
  - [ПЯТЬ](#)
  - [ШЕСТЬ](#)
  - [СЕМЬ](#)
  - [ВОСЕМЬ](#)
  - [ДЕВЯТЬ](#)
  - [ДЕСЯТЬ](#)
  - [ОДИННАДЦАТЬ](#)
  - [ДВЕНАДЦАТЬ](#)
  - [ТРИНАДЦАТЬ](#)
  - [ЧЕТЫРНАДЦАТЬ](#)
  - [ПЯТНАДЦАТЬ](#)
  - [ШЕСТНАДЦАТЬ](#)
  - [СЕМНАДЦАТЬ](#)
  - [ВОСЕМНАДЦАТЬ](#)
  - [ДЕВЯТНАДЦАТЬ](#)
  - [ДВАДЦАТЬ](#)
  - [ДВАДЦАТЬ ОДИН](#)
  - [ДВАДЦАТЬ ДВА](#)
  - [ДВАДЦАТЬ ТРИ](#)
  - [ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ](#)
  - [ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ](#)
  - [ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ](#)
  - [ДВАДЦАТЬ СЕМЬ](#)
  - [ДВАДЦАТЬ ВОСЕМЬ](#)
  - [ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЬ](#)
  - [ТРИДЦАТЬ](#)
  - [ТРИДЦАТЬ ОДИН](#)
  - [ТРИДЦАТЬ ДВА](#)
  - [ТРИДЦАТЬ ТРИ](#)
  - [ТРИДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ](#)
  - [ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ](#)
  - [ТРИДЦАТЬ ШЕСТЬ](#)

- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)

Марк Лоуренс

Ключ Лжеца

Война Красной королевы – 2

Предисловие автора

Для тех, кому пришлось ждать эту книгу целый год^{[\[1\]](#)}, расскажу краткое содержание первой книги, "Принц Шутов", чтобы освежить ваши воспоминания, и не заставлять персонажей пересказывать друг другу то, что они уже и так знают.

Здесь я приведу лишь то, что существенно для последующей истории.

1.Ялан Кендет (внук Красной Королевы) и Снорри вер Снагасон (очень крупный викинг) отправляются из Красной Марки (северная Италия) в Суровые Льды (север Норвегии), связанные заклинанием, из-за которого один из них стал присягнувшим свету, а другой – присягнувшим тьме.

2.Ялан теперь присягнувший тьме, и каждый день на закате его навещает дух женского пола по имени Аслауг.

3.Снорри теперь присягнувший свету, и на рассвете его посещает дух мужского пола по имени Баракель.

4.Они путешествовали в Чёрный форт, чтобы спасти жену и выжившего ребёнка Снорри от Свена Сломай Весло и других подручных Мёртвого Короля, включая некромантов, нерождённых и Эдриса Дина. Спасти их не удалось. Семья Снорри не выжила.

5.Ялан, Снорри и Туттугу – толстый и слегка застенчивый викинг – единственные пережили путешествие в Чёрный форт. Они вернулись в портовый город Тронд и провели там зиму.

6.У Снорри теперь есть ключ Локи – волшебный ключ, который может открыть любой замок. Этот ключ очень нужен Мёртвому Королю.

7.Из их врагов выжили, возможно, Эдрис Дин и некоторое количество хардассцев ("красных викингов"), а также горстка некромантов с Затонувших Островов.

8.Бабушка Ялана, Красная Королева, остаётся в Красной Марке со своей старшей сестрой, известной как Молчаливая Сестра, и уродливым старшим братом Гариусом. Это заклинание Молчаливой Сестры сковало Снорри и Ялана.

9.Несколько могущественных людей используют магию, чтобы манипулировать событиями в Разрушенной Империи, и часто стоят за многими из сотни тронов. Мёртвый Король, Синяя Госпожа, ледяная ведьма Скилфа и повелитель снов Сейджес – четверо из таких людей. Ялан на своём пути в Чёрный форт встречал Скилфу и Сейджеса. Мёртвый Король несколько раз предпринимал попытки убить Ялана и Снорри. Синяя Госпожа вовлечена в некую длительную тайную войну против Красной Королевы, и, похоже, именно она направляет Мёртвого Короля, хотя тот, возможно, об этом не подозревает.

Пролог

Два человека в комнате с множеством дверей. Один высокий в халате, суровый, отмеченный жестокостью и интеллектом. Другой ниже, очень тощий. На его голове копна волос, словно от удивления вставших дыбом, а его одежда – меняющийся шутовской наряд, настолько пёстрый, что режет глаз.

Коротышка смеётся, и этот многогранный звук с одинаковым успехом может как убить птиц в полёте, так и заставить распусться сухую ветку.

– Я призвал тебя! – Высокий мужчина стискивает зубы так, словно всё ещё старается удержать второго на месте, хотя руки прижимает к бокам.

– Отличный фокус, Келем.

– Ты меня знаешь?

– Я всех знаю. – Короткая ухмылка. – Ты маг дверей.

– А ты?

– Икол. – Его наряд меняется, лохмотья с жёлтыми квадратами на синем фоне сменяют алые геральдические лилии на сером. – Олик. – Он улыбается улыбкой, которая слепит и режет. – Локи, коли тебе так угодно.

– Локи, ты бог? – В Келеме ни капли юмора, только властность. Властность и огромная, жуткая сосредоточенность в каменно-серых глазах.

– Нет. – Локи поворачивается, глядя на двери. – Но я известный лжец.

– Я призывал самого могущественного...

– Не всегда получаешь то, что хочешь. – Он почти напевает. – Но иногда получаешь то, что нужно^[2]. Ты получил меня.

– Ты бог?

– Боги скучные. Я стоял перед троном. Там сидит старый

одноглазый Вотан, с воронами, которые шепчут ему в оба уха. – Локи улыбается. – Вечно эти вороны. Забавно, как так выходит.

– Мне нужно...

– Люди не знают, что им нужно. Они едва знают, чего хотят. Вотан, отец бурь, бог богов, суровый и мудрый. Но в основном суровый. Тебе бы он понравился. И наблюдает – вечно наблюдает – о, чего он только не видел! – Локи поворачивается и окидывает взглядом комнату. – Я же всего лишь шут в зале, где был создан мир. Я проказничаю, шучу, отмачиваю выходки. Я не очень важная фигура. Но представь... если бы это я дёргал за струны и заставлял богов плясать. Что если в основе, если копнуть достаточно глубоко, если вскрыть всю правду... что если в сердце всего... была ложь. Как червь в центре яблока, свернувшийся, словно Уроборос. В точности, как тайна человека, свернувшись, прячется в центре каждой твоей частички, какой бы тонкий кусок ни отрезать? Вот бы весёлая вышла шутка?

Келем хмурится, слушая эту чушь, а потом, потрянув головой, возвращается к своей цели.

– Я создал это место. Из своих неудач. – Он указывает на двери. Тринадцать дверей, идущих вплотную по каждой стене комнаты, в которой больше ничего нет. – Эти двери я не могу открыть. Можешь уйти отсюда, но ни одна дверь не откроется, пока все не будут отперты. Я сам так сделал. – В комнате горит единственная свеча, огонёк которой танцует, когда люди шевелятся. Их тени пляшут под её дудку.

– С чего бы мне захотелось уйти? – В руке Локи появляется серебряный кубок, доверху наполненный тёмно-красным, словно кровь, вином. Он делает глоток.

– Повелеваю именем двенадцати архангелов...

– Да-да. – Отмахивается Локи от заклятья. Вино темнеет, пока не становится настолько чёрным, что начинает притягивать взгляд и слепить. настолько чёрным, что серебро тускнеет и разлагается. настолько чёрным, что это уже ничто, отсутствие света. И внезапно становится ключом. Чёрным стеклянным ключом.

– Это...? – В голосе дверного мага слышится жажда. – Он откроет их?

– Надеюсь. – Локи крутит ключ в пальцах.

– Что это за ключ? Не Ахерона же? Взятый с небес, когда...

– Он мой. Я его сделал. Только что.

– Откуда ты знаешь, что он их откроет? – Келем взглядом окидывает комнату.

– Это хороший ключ. – Локи смотрит магу в глаза. – Это каждый ключ. Каждый ключ, что был и есть, каждый ключ, что будет, каждый ключ, что только может быть.

– Отдай его...

– И что в этом весёлого? – Локи подходит к ближайшей двери и прикладывает к ней палец. – Вот эта. – Все двери простые и деревянные, но когда он прикасается к этой двери, она становится блестящей и безупречной панелью из чёрного стекла. – Она хитрая. – Локи прикладывает ладонь к двери, и появляется колесо. Восьмиспицевое колесо из того же чёрного стекла выступает над поверхностью, и кажется, что, повернув его, можно отпереть и открыть дверь. Локи не прикасается к нему. Вместо этого он постукивает своим ключом по стене рядом с дверью, и вся комната преобразается. Теперь это высокий свод со стенами из литого камня и громадной круглой дверью из серебристой стали в потолке. От панелей, встроенных в стены, исходит свет. Вперёд уходит коридор, который тянется дальше, чем хватает взгляда. Тринадцать арок из серебристой стали стоят по краям свода, каждая в футах от стены, каждая залита мерцающим светом, словно пляшущими на воде лунными бликами. За исключением одной арки перед Локи – эта чёрная, её кристаллическая поверхность расщепляет и поглощает свет. – Открой эту дверь, и миру конец.

Локи двигается дальше, прикасаясь по очереди к каждой двери.

– Келем, твоя смерть за одной из этих дверей.

Маг напрягается, а потом насмешливо говорит:

– Бог обманов, так...

– Не волнуйся. – Локи ухмыляется. – Её тебе не открыть.

– Отдай мне ключ. – Келем протягивает руку, но не делает ни шага в сторону гостя.

– А что насчёт этой двери? – Локи смотрит вверх на круг серебряистой стали. – Ты пытался спрятать её от меня.

Келем ничего не говорит.

– Сколько поколений твои люди прожили здесь, в этих пещерах, прячась от мира?

– Это не пещеры! – Возмущается Келем. Он отдёргивает руку. – Мир отравлен. День Тысячи Солнц...

– ...был двести лет назад. – Локи беспечно взмахивает ключом в сторону потолка. Громадная дверь скрежещет, потом качается на петлях, окатывая их фонтаном земли и пыли. Она толщиной в рост человека.

– Нет! – Келем падает на колени, закрывая голову руками. Пыль оседает вокруг него, делая из мага старика. Пол покрыт землёй с зеленью, в ней копошатся черви, носятся жуки, и высоко над ними, за длинной вертикальной шахтой полыхает круг голубого неба.

– Вот, я открыл тебе самую важную дверь. Выходи, возьми себе, что сможешь, пока всё не исчезло. С востока земли уже заново заселяют другие. – Локи оглядывается, словно в поисках выхода для себя. – Можешь меня не благодарить.

Келем поднимает голову и стирает грязь с красных слезящихся глаз.

– Отдай мне ключ. – Его голос хрипит.

– Тебе придётся поискать его.

– Я приказываю тебе... – Но ключ исчез, и Локи исчез. Остаётся только Келем. Келем и его неудачи.

ОДИН

Сверху сыпались лепестки, и отовсюду неслись восторженные крики. Верхом на восхитительном жеребце, во главе лучшего кавалерийского отряда Красной Марки, я ехал по улице Победы ко дворцу Красной Королевы. Прекрасные женщины старались выбраться из толпы и броситься на меня. Мужчины одобрительно кричали. Я взмахнул...

Тук. Тук. Тук.

Мой сон попытался встроить удары в свой сюжет. У меня отличное воображение, и какое-то время всё шло нормально. Я махал высокородным дамам, украшавшим собою балконы. Мужественно ухмыльнулся братьям, которые с кислыми рожами дулись на заднем...

Тук! Тук! Тук!

Высокие здания Вермильона начали осыпаться, толпа – редеть, а лица – размываться.

ТУК! ТУК! ТУК!

– Ох, чёрт. – Я открыл глаза и выкатился из мехового тепла в леденящий мрак. – И это они называют весной! – Дрожа от холода, я с трудом втиснулся в штаны и поспешил вниз по лестнице.

Помещение таверны усеивали пустые пивные кружки, пьяницы, опрокинутые лавки и перевёрнутые столы. Типичное утро в "Трёх Топорах". Когда я вошёл, Мэрес у очага обнюхивал кучку костей, виляя хвостом.

ТУК! ТУК...

– Ладно. Ладно! Я иду. – Прошлой ночью кто-то расколол мне череп камнем. Или же у меня было чертовское похмелье. Почему принц Красной Марки должен лично открывать парадную дверь? Будь я проклят, если понимал, но готов был сделать всё, чтобы остановить этот грохот, разрывавший мою бедную головушку.

Я пробирался через обломки, и как раз перешагивал через

наполненный элем живот Эрика Тризуба, чтобы добраться до двери, когда она сотряслась от очередного удара.

– Да чёрт же дери! Я здесь! – Крикнул я как можно тише, стиснув зубы от боли за глазами. Пальцы нащупали щеколду и отодвинули её. – Что? – И я раскрыл дверь. – Что?

Возможно, будь я трезвее, и не будь мой разум настолько сонным, я бы решил, что лучше остаться в постели. Уж точно эта мысль пришла мне в голову, как только кулак попал мне точно по лицу. Я отшатнулся назад, проблеяв что-то, споткнулся об Эрика и плюхнулся на задницу, таращась на Астрид, стоящую в дверном проходе и освещённую утренним светом, значительно более ярким, чем всё, на что бы мне сейчас хотелось смотреть.

– Сволочь! – Она стояла, уперев руки в бока. Хрупкий свет преломлялся вокруг неё, резал мне глаза, но в нём её золотые волосы выглядели чудесно, и ясно виднелись очертания идеальной фигуры, из-за которой я пялился на неё ещё в первый день в Тронде.

– Ч-что? – Я убрал ноги с толстого живота Эрика и отполз назад. На руке, которой я зажимал нос, осталась кровь. – Ангел, милая...

– Ублюдок! – Она пошла за мной, обхватив себя руками, и холод последовал за ней.

– Ну... – Я не мог поспорить с "ублюдком", разве что только формально. Вляпавшись рукой в лужу чего-то определённо неприятного, я быстро поднялся и вытер ладонь об Мэреса, который подошёл разнюхать, что к чему. Он по-прежнему вилял хвостом, несмотря на насилие, совершаемое над его хозяином.

– Ядвига вер Соррен? – Астрид убийственно смотрела на меня.

Я продолжал пятиться. Да, я на полфута выше неё ростом, но всё равно, она женщина высокая, и с сильной правой рукой.

– Ой, дорогая, ну не будешь же ты верить всем уличным сплетням. – Я поднял между нами табуретку. – Совершенно естественно, что ярл Соррен пригласил бы принца Красной Марки в свои залы, только узнав, что я в городе. Ядвига и я...

– Ядвига и ты что? – Она тоже схватилась за табурет.

– Уф, мы... ничего такого. – Я покрепче взялся за ножки табуретки. Если я их отпущу, то тем самым передам ей оружие. Даже

в этом опасном положении меня посещали видения Ядвиги – черноволосой, очень красивой, с порочными глазами. В её невысоком, но манящем теле было всё, о чём только мог пожелать мужчина. – Нас всего лишь познакомили.

– Должно быть, это было довольно *близкое* знакомство, раз ярл Соррен созывает своих хускарлов, чтобы тебя привели на суд!

– Ох, чёрт. – Я выпустил табурет. Суд на севере часто означает, что тебе выломают рёбра из груди.

– Что за шум? – Сонный голос из-за моей спины.

Я повернулся и увидел Эдду, босиком стоявшую на лестнице. Она завернулась в наши постельные меха, и внизу под ними виднелись стройные ножки, а сверху – молочно-белые плечики, на которые спускались белые волосы.

Ошибкой было оборачиваться. Никогда не выпускай из вида потенциального противника. Особенно если только что передал ей оружие.

***

– Тихо! – К моей груди приложилась рука и опустила меня обратно на пол, который, судя по ощущениям, покрывал толстый слой грязи.

– Какого... – Я открыл глаза и обнаружил, что кто-то стоит надо мной, кто-то большой. – Ой! – Большой кто-то ткнул неловкими пальцами в очень болезненную точку над моей скулой.

– Просто убираю занозы. – Кто-то большой и толстый.

– Слезь с меня, Туттугу! – Я с трудом снова поднялся, на этот раз умудрившись сесть. – Что случилось?

– Ты получил табуреткой.

Я тихо застонал.

– Табуретки я не помню, я АА-Й! Какого чёрта? – Казалось,

Туттугу щиплет и тыкает самую больную часть моего лица.

– Может, табуретку ты и не помнишь, но её части я вытаскиваю из твоей щеки, так что сиди спокойно. Не хотим же мы портить это красивое лицо, а?

Я изо всех сил постарался сидеть спокойно. Действительно, привлекательная внешность и титул – вот, по большей части, и всё, что у меня осталось, и я не собирался терять ни то, ни другое. Чтобы отвлечь разум от боли, я попытался вспомнить, как же так получились, что меня избили моей же мебелью. Бесполезно. Какое-то смутное воспоминание о пронзительных криках и воплях... кто-то пинал меня на полу... щёлчками прищуренных глаз я мельком видел, как две женщины уходят рука об руку – одна изящная, бледная, юная, а другая высокая, золотоволосая, лет тридцати. Ни одна не обернулась.

– Ну вот! Поднимайся. Сейчас лучше не сделать. – Туттугу потянул меня за руку, помогая мне подняться.

Я встал, покачиваясь и чувствуя тошноту. Голова раскалывалась – возможно, я до сих пор был немного пьян, и, сложно поверить, слегка возбуждён.

– Пойдём. Надо идти. – Туттугу потащил меня в сторону яркого света в дверях. Я попытался идти прямо, но это у меня не получилось.

– Куда? – Весна в Тронде суровей, чем середина зимы в Красной Марке, и у меня не было никакого желания выходить на улицу.

– В порт! – Туттугу казался встревоженным. – Мы можем успеть!

– Зачем? Успеть что? – Я не помнил, что было утром, зато помнил, что "встревоженный" – это обычное состояние Туттугу. Я вырвался из его рук. – Постель. Вот куда я собираюсь.

– Ну, если хочешь, чтобы там тебя нашли люди ярла Соррена...

– А какое мне дело до ярла Соррена... ох. – Я вспомнил Ядвигу. Вспомнил её на мехах в доме ярла, когда все остальные всё ещё веселились на свадебном пиру её сестры. Вспомнил её на моей накидке во время неосмотрительного свидания на улице. Спереди благодаря Ядвиге мне было тепло, но, чёрт возьми, как мёрзла задница! Я вспомнил её наверху в таверне, когда однажды ей удалось ускользнуть от телохранителей... Я ещё удивлялся, что тем днём от

тряски не свалились все три топора с вывески над входом. – Дай мне минутку... две минутки! – Я вытянул руку, останавливая Туттугу, и бросился наверх.

Минутки в комнате оказалось вполне достаточно. Я топнул по неприколотой половице, выгреб свои ценности, схватил одежду в охапку и спустился по лестнице прежде, чем Туттугу успел почесать подбородок.

– Почему в порт? – выпалил я. Быстрее было бы сбежать в холмы, а потом лодкой из Хьёрла во фьорд Айофля вдоль побережья. – В порту они станут искать в первую очередь! – Пока я буду там договариваться о проезде в Маладон или в Тертаны, люди ярла меня найдут.

Туттугу обошёл Флоки Ронгхельма, храпевшего возле стойки.

– Снорри уже там, готовится отплывать. – Он, кряхтя, согнулся за стойкой.

– Снорри? Отплывать? – Похоже, табурет отбил не только утренние воспоминания. – Почему? Куда он собрался?

Туттугу выпрямился, держа мой меч, который сильно запылел, пока лежал спрятанным за барной стойкой. Я не стал протягивать за ним руку. Прекрасно носить меч там, где никто не станет считать его приглашением к драке, но Тронд не из таких мест.

– Бери! – Туттугу протянул мне рукоять.

Я проигнорировал меч, напяливая одежду – грубую северную ткань, зудящую, но тёплую.

– С каких это пор у Снорри есть лодка? – Он продал "Икею" ради денег на экспедицию к Чёрному форту, уж это-то я помнил.

– Надо бы позвать сюда Астрид и посмотреть, не приведёт ли тебя в чувство ещё один удар табуреткой! – Туттугу швырнул меч передо мной, когда я уселся, чтобы натянуть сапоги.

– Астрид?.. Астрид! – Этот миг вернулся ко мне с кристальной ясностью: полуголая Эдда спускается по лестнице, Астрид смотрит. Прошло уже немало времени с тех пор, как в последний раз утро начиналось для меня настолько неудачно. Я никогда не планировал, чтобы они встретились в таких обстоятельствах, но Астрид не казалась мне ревнивицей. На самом деле я сомневался, что я

единственный молодой человек, согревавший её постель, пока муж-торговец бороздил моря. В основном мы встречались в её доме на холме Аррлс, так что с Эддой не было необходимости скрываться. – Как Астрид вообще узнала про Ядвигу? – Но что ещё важнее – как она добралась до меня раньше хускарлов ярла Соррена, и сколько у меня ещё осталось времени?

Туттугу провёл рукой по лицу, которое было красным и потным, несмотря на весенний холод.

– Ядвиге удалось отправить посланника, пока её отец ярился и собирал людей. Парень примчался верхом из Сорренфаста и бросился расспрашивать, где живёт иностранный принц. Люди отправили его в дом Астрид. Мне это всё рассказал Олааф Рыборукий, когда я увидел, как Астрид мчится по дороге Карлов. Так что... – Он глубоко вздохнул. – Пойдём, потому что...

Но я уже поднялся, прошёл мимо него на колючий дневной морозец и захлюпал по подмёрзшей грязи, направляясь по улице к порту – верхушки мачт едва виднелись над домами. В высоте кружили чайки, сопровождая меня насмешливыми криками.

Если и есть на свете то, что мне нравится меньше лодок, так это разъярённые отцы, жаждущие моей мучительной смерти. До порта я добрался, мучаясь оттого, что надел сапоги не на ту ногу, и что меч повесил слишком низко, и он при каждом шаге норовил подставить мне подножку. Мне открылась привычная сцена: порт, в котором было полно народу, хотя рыбаки вышли в море несколькими часами ранее. На зимние месяцы гавань перекрывал лёд, и видимо поэтому норсийцы словно обезумели с приходом весны – сезона, который здесь отличался температурой чуть выше замерзания морской воды, а не цветами и пчёлами, как в более цивилизованных странах. На фоне яркого горизонта чернел лес мачт, длинные ладьи и торговые корабли викингов стояли здесь вместе с трёхмачтовыми торговыми судами из десятка южных государств. Повсюду сустились люди, загружая, разгружая и выполняя что-то замысловатое с верёвками. За ними торговки рыбой возились с сетями или разбирали блестящие горы вчерашнего улова, орудуя страшно острыми ножами.

– Я его не вижу. – Обычно Снорри легко отыскать в толпе: нужно просто посмотреть вверх.

– Там! – Туттугу потянул меня за руку, указывая на самую маленькую лодку у причала с самым крупным человеком на борту.

– Эта? Она мала даже для одного Снорри! – Но я всё равно поспешил за Туттугу. У поста начальника гавани начался какой-то переполох, и, могу поклясться, кто-то выкрикнул "Кендет!".

Я обогнал Туттугу и, с грохотом промчавшись по причалу, до маленькой лодочки Снорри добежал намного раньше. Снорри посмотрел на меня сквозь растрёпанную ветром копну чёрных волос. Отчётливо увидев в его взгляде недоверие, я шагнул назад.

– Что? – Я поднял ладони. Нужно всерьёз воспринимать любую враждебность от человека, который машет топором, как Снорри. – Что я такого сделал? – Правда, я припоминал что-то вроде перебранки, хотя казалось невероятным, что у меня хватило бы смелости возражать накачанному мышцами безумцу шести с половиной футов роста.

Снорри покачал головой и отвернулся, продолжая раскладывать припасы. Казалось, лодка доверху забита ими. И им.

– Ну правда! Меня по голове треснули! *Что* я такого сделал?

Сзади, фыркая, подбежал Туттугу – казалось, он хотел что-то сказать, но не мог, так как сильно запыхался.

Снорри фыркнул.

– Я отплываю, Ял. Тебе меня не отговорить. Просто посмотрим, кто сломается первым.

Туттугу положил руку мне на плечо и согнулся, насколько позволял его живот.

– Ял... – Что бы он ни собирался сказать, получались только хрипы и охи.

– Кто сломается первым? – Я начал припоминать. Безумный план Снорри. Его решимость отправиться на юг с ключом Локи... и моя решимость остаться в уютных "Трёх Топорах", наслаждаясь компанией, пока либо деньги не кончатся, либо погода не улучшится настолько, что можно будет спокойно добраться до континента. Аслауг была со мной согласна. Всякий раз на закате она поднималась из самых тёмных пределов моего разума и рассказывала, насколько безрассуден норсиец. Она даже убедила меня, что лучше всего будет разделить со Снорри, освободив её и присягнувшего свету духа Баракеля, чтобы они могли вернуться в свои владения, унеся с собой последние следы магии Молчаливой Сестры.

– Ярл Сноррен. – Туттугу сделал глубокий вдох. – Люди ярла Сноррена! – Он ткнул пальцем назад, в сторону причала. – Вперёд! Быстро!

Снорри, поморщившись, выпрямился и хмуро посмотрел в сторону стены дока, где через толпу проталкивались хускарлы в кольчугах.

– Я не вражду с ярлом Снорреном.

– Ял враждует! – Туттугу сильно толкнул меня между лопаток. Мгновение я стоял, махая руками и стараясь удержать равновесие, потом сделал полшага вперёд, запнулся за проклятый меч и рухнул в лодку. Я врезался в Снорри, и оказалось, что это лишь чуть-чуть менее больно, чем удариться лицом в корпус корабля. Он поймал

меня, чтобы я упал в воду на дне лодки, а не в морскую воду чуть левее.

– Какого чёрта? – Снорри ещё стоял, когда Туттугу начал с трудом спускаться в лодку.

– Я тоже еду, – сказал Туттугу.

Я лежал на боку в грязной ледяной воде на дне грязной ледяной лодки Снорри. Не лучшее время для раздумий, но я задумался о том, как же быстро произошло так, что из приятного тепла между стройных ног Эдды я очутился в неприятном холоде среди мокрых верёвок и воды на дне лодки. Схватившись за маленькую мачту, я сел, проклиная свою удачу. Когда я сделал вдох, то ещё подивился, что Туттугу спускается за нами.

– Вылезай! – Похоже, та же мысль пришла в голову и Снорри. – Тутт, ты уже наладил жизнь здесь.

– И ты потопишь проклятую лодку! – Раз никто, видимо, не собирался делать ничего насчёт побега, я сам начал прилаживать вёсла. Но действительно – на юге Туттугу делать было нечего, и в Тронде он обустроился намного лучше, чем в прежней жизни викинга-налётчика.

Туттугу слез задом в лодку и, поворачиваясь, чуть не свалился.

– Тутт, что ты здесь делаешь? – Снорри вытянул руки, помогая ему удержаться, а я схватился за борта. – Останься. Пусть твоя женщина за тобой присмотрит. Тебе не понравится там, куда я еду.

Туттугу посмотрел на Снорри, они стояли неуютно близко.

– Мы, ундорет. – Вот и всё, что он сказал, но Снорри этого, видимо, хватило. В конце концов, они, скорее всего, были двумя последними выжившими из их народа. Последними кто остался из Уулискинда. Снорри поник, словно потерпел поражение, а потом двинулся назад и взялся за вёсла, оттолкнув меня на нос.

– Стой! – донеслись крики с причала, а вслед за ними грохот сапог. – Остановите лодку!

Туттугу отвязал верёвку, и Снорри опустил вёсла, плавно увозя нас прочь. Первый краснолицый хускарл ярла Соррена примчался к месту, где мы были пришвартованы, и зарычал, чтоб мы вернулись.

– Гребите быстрее! – Я запаниковал, напуганный тем, что они

могут прыгнуть за нами. Сердитые люди с острым железом часто производят на меня такой эффект.

Снорри засмеялся.

– У них нет доспехов для плавания. – Он оглянулся на них, и, повысив голос, прогремел, заглушая их протесты: – А если этот человек и впрямь бросит топор, который поднял, то я действительно вернусь, чтобы лично вернуть его.

Мужик продолжал держаться за свой топор.

– И катитесь к чёрту! – крикнул я, но не так громко, чтобы люди на причале меня не слышали. – Чума на ваш Норсхейм и на всех здешних женщин! – Я попытался встать и помахать им кулаком, но передумал, когда чуть не вывалился за борт. Тогда я тяжело осел, держась за больной нос. По крайней мере, наконец-то я ехал на юг, и эта мысль неожиданно сильно подняла мне настроение. Приплыву домой, меня встретят как героя, и женюсь на Лизе де Вир. Мысли о ней помогали мне идти в Суровых Льдах, и теперь, когда Тронд уменьшался вдаль, она снова заполнила моё воображение.

***

Видимо, все эти месяцы, когда я изредка забредал в доки и сердито смотрел на корабли, сделали из меня моряка получше. Меня не вывернуло, пока мы не оказались далеко от порта, и я уже почти не различал выражений на лицах хускарлов.

– Ты только против ветра этого не делай, – сказал Снорри, не сбиваясь с ритма.

Я со стонами закончил и ответил:

– Я знаю, *теперь*. – Я вытер большую рвоты часть с лица. На завтрак у меня был только удар по носу, поэтому тошнило не так сильно.

– Они за нами погонятся? – спросил Туттугу.

Эйфория от того, что я избежал ужасной смерти, увяла так же

быстро, как и расцвела, и мои яйца попытались втянуться в тело.

– Они же не... или..? – Я задумался, насколько быстро может грести Снорри. Определённо, под парусом нашей маленькой лодочке не обогнать длинную ладью ярла Соррена.

Снорри умудрился пожать плечами.

– Что ты такого сделал?

– Его дочь.

– Ядвигу? – Он покачал головой и рассмеялся. – За это Эрик Соррен гонялся за многими мужиками. Но в основном пока не убедится, что они удирают. Хотя, принц Красной Марки... ради принца он может проехать на милю дальше, а потом притащить тебя назад и связать тебе руки перед камнем Одина.

– О, Боже! – Ещё какая-то жуткая языческая пытка, о которой я не слышал. – Я же её едва коснулся. Клянусь. – Во мне начинала подниматься паника, вместе с очередной волной рвоты.

– Это означает "жениться", – сказал Снорри. – Связать руки. И, судя по тому, что я слышал, ты едва коснулся её неоднократно, и к тому же в медовом зале её отца.

Я пробулькал что-то с большим количеством гласных, перегнувшись через борт, и спросил, когда немного пришёл в себя:

– Так где наш корабль?

Снорри выглядел озадаченно.

– Ты в нём сидишь.

– Я имею в виду корабль нормальных размеров, который отвезёт нас на юг. – Осматривая волны, я не замечал ни следа более крупного судна, на встречу которому, как я предполагал, мы плыли.

Снорри поджал губы так, словно я оскорбил его мать.

– Ты в нём сидишь.

– Ой, да ладно... – Я запнулся под тяжестью его взгляда. – Серьёзно? Мы поплывём через море до самого Маладона на этой лодочке?

В качестве ответа Снорри осушил вёсла и начал готовить парус.

– Святой Боже. – Моя шея уже намокла от брызг. Я сел на носу

лодки и посмотрел на сланцево-серое море с белыми пятнами в тех местах, где ветер рвал верхушки волн. Большую часть путешествия на север я провёл без сознания, и это было благословением. Возвращение придётся вынести без блаженства забвения.

– Ял, Снорри собирается заходить в порты вдоль берега, – крикнул Туттугу со своей кучи на корме. – Чтобы пересечь Карловы воды, мы отплывём из Кристиана. Только тогда мы потеряем землю из вида.

– Это большое утешение, Туттугу. Я всегда предпочитаю тонуть, видя землю.

***

Часы шли за часами, и норсийцы явно неплохо проводили время. Что до меня, то я оставался во власти страдания от похмелья, приправленного внушительной дозой табуретки-по-голове. Изредка я прикасался к носу, пытаюсь убедиться, что удар Астрид его не сломал. Она мне нравилась, и меня печалило, что мы уже не приласкаем друг друга в постели её муженька. Я догадывался, что она игнорировала мои походы налево, пока могла считать себя центром и высшей точкой моих ухаживаний. А когда я стал волочиться за высокородной дочерью ярла, и делал это настолько публично – должно быть, этого её гордость уже вынести не могла. Я потёр челюсть и поморщился. Чёрт, я уже скучал по ней.

– Вот. – Снорри сунул мне помятую оловянную кружку.

– Ром? – Я поднял голову и покосился на содержимое. Я твёрдо верю в опохмел, а морские приключения, по моему опыту (в основном воображаемому), не обходятся без рома.

– Вода.

Я со вздохом распрямился. Солнце взобралось уже до своей высшей точки, бледный круг с трудом просвечивал через белую дымку облаков.

– Похоже, вовремя ты собрался в путь. Хотя и по ошибке. Но

если бы ты не был готов отплыть, мне уже связали бы руки. Или чего похуже.

– Это серендипность.

– Серен-что-сь? – Я глотнул воды. Ну и гадость. Как в целом и вся вода.

– Счастливая случайность, – сказал Снорри.

– Уф. – Варвары должны знать своё место, а использование длинных слов под это не попадает. – Но всё равно, безумием было отплывать в начале года. Смотри! Повсюду до сих пор плавает лёд! – Я ткнул в сторону большой льдины, на которой вполне мог поместиться маленький домик. – Если мы врежемся в такую, от этой лодочки ничего не останется. – Я переполз назад, поближе к нему и к мачте.

– Тогда лучше не мешай мне править. – И словно в доказательство он швырнул нас влево, какой-то смертоносный кусок дерева пролетел в паре дюймов над моей головой, и парус повернулся.

– К чему такая спешка? – Теперь, когда пропал соблазн трёх восхитительных женщин, увлечённых моим внушительным обаянием, я с бо́льшей готовностью мог выслушивать доводы Снорри об оголтелом отъезде. Я мстительно решил использовать в разговоре слово "оголтело". – К чему вся эта оголтелость?

– Ял, мы это уже проходили. До конца! – Снорри стиснул зубы, его мышцы напряглись.

– Расскажи снова. В море такие вещи понятнее. – Под этим я подразумевал, что в прошлый раз не слушал, поскольку его слова казались мне просто десятком различных доводов, чтобы вырвать меня из тепла таверны и из рук Эдды. Я буду скучать по Эдде, она и правда милая девушка. А ещё – демон в мехах. На самом деле иногда мне казалось, что это я для неё – иностранная пассия, а не наоборот. Она никогда не заводила разговоров о знакомстве с родителями. Никогда не шептала своему принцу о свадьбе... Человек, который наслаждался бы чуть меньше меня, мог бы даже решить, что его гордость уязвлена. Северные обычаи очень странные. Я не жалею... но они странные. Между этими тремя женщинами я провёл зиму в постоянном истощении. И без нависшей угрозы смерти, у меня, возможно, никогда не нашлось бы сил уехать. Так и

прожил бы свою жизнь – уставшим, но счастливым трактирщиком в Тронде. – Расскажи ещё раз, и мы больше никогда не будем об этом говорить!

– Я говорил тебе сот...

Я наклонился сблевануть.

– Ладно! – Снорри поднял руку, останавливая меня. – Если это не даст тебе заблевать всю мою лодку. – На миг он наклонился за борт, направляя лодку своим весом, а потом сел обратно. – Туттугу! – Он приставил два пальца к глазам, показывая следить за льдинами. – Этот ключ. – Снорри похлопал по овечьей куртке над сердцем. – Нам он достался нелегко. – Туттугу фыркнул. Я едва не содрогнулся. У меня неплохо получалось забывать всё, случившееся между днём, когда мы покинули Тронд, направляясь в Чёрный форт, и нашим возвращением назад. К несчастью, пары намёков оказалось достаточно, чтобы воспоминания начали просачиваться через барьеры. В частности, меня снова начал преследовать скрежет железных петель, раздававшийся, когда дверь за дверью сдавались нерождённому капитану и тому проклятому ключу.

Снорри уставился на меня своим взглядом, со смесью честности и решимости, от которого хочешь присоединиться к нему в любом его безумном плане – всего на миг, пока в дело снова не вступит здравый смысл.

– Мёртвый Король захочет вернуть ключ. Другим он тоже нужен. Во льдах, зимой, в снегу мы были в безопасности... но как только гавань расчистилась, ключ нужно переместить. В Тронде его не уберечь.

Я покачал головой.

– Безопасность – это последнее, что у тебя на уме! Аслауг рассказала мне, что ты на самом деле собираешься сделать с ключом Локи. Все эти разговоры о том, чтобы привезти его обратно моей бабушке были чушью. – Снорри прищурился. В кои-то веки я от этого взгляда не запнулся. Измучившись за худший из дней и расхрабрившись от страданий путешествия, я продолжал бушевать, не обращая внимания на взгляды. – Ну! Разве это была не чушь?

– Красная Королева уничтожит ключ, – сказал Снорри.

– Отлично! – Я едва не кричал. – Это именно то, что она *должна*

сделать!

Снорри взглянул на свои руки, лежавшие ладонями вверх на его коленях – большие, покрытые шрамами и мозолями. Ветер трепал его волосы, закрывая лицо.

– Я отыщу эту дверь.

– Боже! Этот ключ нельзя нести туда! – Если и правда была дверь в смерть, то никто в здравом уме не захочет оказаться перед ней. – Это утро меня научило, что нужно быть крайне осторожным с тем, какую дверь открываешь, и когда.

Снорри не ответил. Он продолжал молчать. Спокойно сидел. Долгое время не было слышно ничего, кроме хлопков паруса и плеска волн о корпус. Я знал, какие мысли носятся в его голове. Я не мог их озвучить, у меня бы во рту слишком пересохло. Я не мог их отрицать, хотя это было бы лишь эхом той боли, которую причинило бы такое отрицание ему.

– Я верну их. – Он посмотрел мне в глаза, и на миг я поверил, что он сможет. Его голос, и всё его тело сотрясалось от чувств, хотя непонятно было, насколько это печаль, а насколько гнев.

– Я найду эту дверь. Отопру её. И верну мою жену, моих детей и моего нерождённого сына.

ТРИ

– Ял? – Кто-то тряс меня за плечо. Я протянул руку, чтобы покрепче обнять Эдду, и обнаружил, что мои пальцы запутались в отвратительных рыжих зарослях просоленной и засаленной бороды Туттугу. Вся грустная история разом обрушилась на меня, и я издал стон, а потом застонал ещё сильнее от качки, поднимавшей и опускавшей нашу маленькую лодочку.

– Что? – Сон мне снился неважный, но всё же лучше, чем это.

Туттугу сунул мне полбуханки тёмного викингского хлеба, словно на корабле действительно возможно есть. Я отмахнулся. Если норсийские женщины были лучшим, что есть на крайнем севере, то их кухня считалась одной из худших. С рыбой они в основном справлялись неплохо: еда получалась простая и недорогая, хотя надо было следить, чтобы тебя не накормили сырой рыбой, или полутухлой, воняющей хуже мертвечины. Они называют это "деликатесы". Есть надо, когда пища на стадии между сырой и протухшей! Мясо – то мясо, которое способно цепляться за почти вертикальные поверхности севера – им можно было доверить приготовить на открытом огне. Всё остальное получалось ужасно. А что касается прочего съестного, норсийцы делали его почти несъедобным при помощи комбинации соли, маринада и сушёных гадостей. Китовое мясо они консервировали, писая на него! По моей теории, за долгую историю набегов друг на друга они приучились делать свою еду настолько отвратительной, что никто в здравом уме не захотел бы её украсть. И таким образом гарантировали себе: что бы враги ни утащили – женщин, детей, коз, золото – по крайней мере, обед они оставят.

– Подплываем к Олаафхейму, – сказал Туттугу, снова пытаюсь всучить мне мою порцию.

– Чё? – Я поднялся и посмотрел за нос лодки. Казавшаяся бесконечной неприветливая береговая линия мокрых чёрных утёсов, защищённых мокрыми чёрными скалами, сменилась устьем реки. По обе стороны взмывали крутые горы, но здесь река пробила долину, по краям которой можно было пасти скот, и оставила округлую пойму,

где ютился маленький порт, выделявшийся на чёрном фоне.

– В море лучше не ночевать. – Туттугу помедлил, откусив хлеба в своей руке. – Особенно когда земля так близко. – Он глянул на запад, где солнце собиралось опуститься к горизонту. Быстрый взгляд, который он бросил на меня, прежде чем принялся есть, сказал мне, что он не хотел бы оставаться со мной в лодке, когда на закате явится Аслауг.

Снорри сменил курс в сторону устья реки, Хёнир, как он её назвал, и направил лодку против слабого течения в сторону гавани Олаафхейма.

– Ял, здесь одни рыбаки и налётчики. Клан Олааф, во главе которого стоят ярлы Харл и Кнутсон, братья-близнецы, сыновья Кнута Ледяного Грабителя. Это не Тронд. Люди здесь не настолько... космополитичны. Они скорее...

– Скорее расколуют мне череп, если я гляну на них не так, – прервал я его. – Суть уловил. – Я поднял руку. – Обещаю не лезть в постель к дочерям ярлов. – Я даже говорил это всерьёз. Теперь, когда мы на самом деле отправились в путь, меня волновала перспектива вернуться в Красную Марку, снова быть принцем, снова предаваться свои развлечениям, веселиться со старыми знакомыми, и оставить все неприятности позади. А если планы Снорри ведут его другим путём, то нам остаётся лишь посмотреть, что будет. Как он раньше говорил, посмотрим, кто сломается первым. Узы, которые нас связывали, похоже, ослабли после событий в Чёрном форте. Мы уже могли разделяться на пять миль и даже больше, прежде чем начинались неудобства. И, как мы уже видели, если магия Молчаливой Сестры действительно уходила из нас, то эффект уже не был фатальным... если не считать других людей. Для критической ситуации совет Аслауг казался здравым. Пусть магия выйдет, пусть она и Баракель освободятся и вернутся в свои владения. Судя по последнему случаю, приятного будет мало, но это всё равно, что вырвать зуб – потом будет намного лучше. Впрочем, очевидно, я сделал бы всё, чтобы не вырывать конкретно этот зуб – если только для этого не пришлось бы долго и утомительно путешествовать в смертельной опасности со Снорри. По моему плану викинга надо было доставить в Вермильон и сделать так, чтобы бабушка приказала своей сестре снять наши узы как-нибудь помягче.

В гавань Олаафхейма мы прибыли, когда по воде к нам уже

тянулись тени от кораблей на якоре. Снорри свернул парус, а Туттугу грёб к причалу. Рыбаки прерывали свои занятия, поставив корзины с хеком и треской, и тарасились на нас. Торговки рыбой откладывали недоштопанные сети и толпились за спинами своих мужчин, глаза на новоприбывших. Норсийцы, занятые какими-то делами на ближайшей ладье из четырёх, высовывались за борт и кричали что-то на старом языке. Угрозы или приветствия, кто знает – викинги и самые тёплые пожелания могут прорычать таким тоном, что кажется, будто он обещает перерезать горло твоей матери.

Когда до причала оставался ярд, Снорри прыгнул с борта лодки на причал. Местные хлынули на скалу и немедленно его обступили. По множеству похлопываний по плечам и тону рычания я догадался, что у нас всё в порядке. Из-под некоторых бород изредка даже смешки доносились, что было непросто, поскольку члены клана Олааф отращивали на лицах самую впечатляющую растительность из всех, что я когда-либо видел. Многие культивировали такие лохматые взрывы, которые выглядели, словно обычные бороды после неожиданных и крайне поразительных новостей. Другие заплетали их в две, три, а то и в пять кос до пояса с железными колпачками на концах.

– Снорри. – Новоприбывший был ростом больше шести футов, шириной не меньше, к тому же толстый и с похожими на куски мяса руками. Сначала я подумал, что на нём весенняя шуба или что-то вроде шерстяной рубахи, но когда он подошёл к Снорри, стало очевидно, что это волосы на его груди просто не знают, когда остановиться.

– Боррис! – Снорри протолкался через остальных, чтобы пожать руку этому человеку. Они кратко поборолись, не уступая друг другу.

Туттугу закончил привязывать лодку, и местные, по двое на каждую его руку, втащили его на причал. Я быстро взобрался вслед за ним, не желая, чтобы и меня вытаскивали.

– Туттугу! – Снорри указал Боррису на него. – Ундорет. Мы, пожалуй, последние из нашего клана, он и я. – Он замолк, приглашая присутствующих уличить его во лжи, но никто не признался, что видел других выживших.

– Чума на всю Хардассу. – Боррис сплюнул на землю. – Будем убивать их, где встретим. И всех, кто якшается с Затонувшими

Островами. – В ответ на это поднялись гул и крики. Многие плевали, произнося слово "некромант".

– Чума на всю Хардассу! – крикнул Снорри. – За это стоит выпить!

Крича и топая ногами, вся толпа направилась в сторону лачуг и усадеб, стоявших за рыболовными зданиями и сараями для лодок гавани. Снорри и Боррис шли впереди, положив руки друг другу на плечи и хохоча над какой-то шуткой. А меня, единственного принца из присутствующих, никто не представил, и я плёлся в хвосте, среди рыбаков, руки которых до сих пор были в чешуе от улова.

Пожалуй, у Тронда, как и у всех городов, есть свой особый запах, и вскоре его уже перестаёшь замечать. Подышав денёк в море воздухом Атлантического океана, не испорченного ничем, кроме чуточки соли, я понял, что ближние снова могут раздражать мой нос. Олаафхейм вонял свежей рыбой, потом, несвежей рыбой, сточными водами, тухлой рыбой и необработанными шкурами. И становилось только хуже по мере того, как мы медленно продвигались вглубь, через лабиринт низких лачуг из распиленных брёвен, с торфяными крышами. Перед каждой лачугой висели сети, а сзади были сложены укрытые дрова.

Большой зал Олаафхейма оказался меньше фойе во дворце моей бабушки. Это было наполовину деревянное строение, у которого была замазана грязью каждая щель или впадина, куда ветер мог сунуть свои пальцы. Дранка на крыше проредилась от зимних штормов.

Я пропустил вперёд себя толпу норсийцев и обернулся лицом к морю. На западе на ясном небе садилось алое солнце. Зима в Тронде была длинной и холодной. Да, я провёл в мехах на постели неблагоразумно много времени, но, по правде говоря, на севере большинство поступает так же. Ночь может длиться двадцать часов, и даже когда день, наконец, наступает, никогда не становится теплее уровня, который я называю "ну уж нахуй" – поскольку, стоит только открыть дверь, как твоё лицо тут же замерзает настолько, что становится больно говорить, и тогда ты мужественно произносишь: "ну уж нахуй", разворачиваешься и возвращаешься в постель. Зимой на севере нечем особо заняться, кроме как терпеть её. В самом разгаре сезона восход и рассвет настолько сближаются, что если бы мы со Снорри находились в одной комнате, то Аслауг и Баракель

могли бы даже встретиться. Чуть дальше на север, и они наверняка бы встретились, поскольку там дни сокращаются совершенно, становясь одной сплошной ночью, которая длится неделями. Хотя вряд ли встречу Аслауг с Баракелем можно назвать хорошей затеей.

Я уже чувствовал, как Аслауг скребётся на задворках моего разума. Солнце ещё не коснулось воды, но море уже пылало кровавым светом, и я слышал её шаги. Я вспомнил, как темнели глаза Снорри, когда она его навещала. Даже его белки наполнялись тенью, и на пару минут становились настолько чёрными, что можно было принять их за дыры в какую-то бесконечную ночь, из которой польются кошмары, стоит только ему взглянуть в твою сторону. Впрочем, я считал это несовпадением характеров. Моё зрение, если уж на то пошло, прояснялось, когда она приходила. Во время каждого заката я старался остаться один, так что мы могли побыть наедине. Снорри называл её созданием лжи, соблазнительницей, чьи слова могут превратить нечто ужасное в такую мысль, которую любой разумный человек будет готов обдумать. Я же находил Аслауг весьма приятной, хотя, быть может, слегка неумеренной. И определённо она меньше меня заботилась о моей безопасности.

Когда Аслауг пришла впервые, я удивился, насколько она похожа на образ, нарисованный в моей голове историями Снорри. Я рассказал ей об этом, и она рассмеялась. Она сказала, что люди всегда видят то, что ожидают увидеть, но за этим скрывается более глубокая правда.

– Человеческие желания и страхи придают форму миру. Это война надежды с ужасом, ведущаяся на основании, которое сам человек сделал податливым, хотя давно забыл, как. Все люди, и все людские творения стоят на глиняных ногах, ожидая, что их создадут и изменят. Страх выковывает из них монстров тёмных недр каждой души, жаждущих разорвать мир на части. – Так она мне представилась.

– Принц Ялан. – Аслауг шагнула из теней зала. Тени держались за неё, словно тёмная паутина, не желая отпускать. Она высвободилась, как только солнце поцеловало горизонт. Никто не принял бы её за человека, но она носила женскую фигуру, и делала это отлично. Её кожа была цвета кости, но настолько пропитанной чернилами, что они проникли в каждую пору, подчёркивая текстуру и собираясь чернотой в каждой впадинке. Она смотрела на меня

глазами, в которых не было цвета – только страсти. Узкое изящное лицо обрамляли маслянисто-тёмные волосы, ниспадавшие неестественными завитками и локонами. В её красоте было что-то от богомола, и что-то от бесчеловечности греческих скульптур. Но, будь то маска или нет, со мной это срабатывало. В вопросах плоти меня увлечь легко.

– Ялан, – снова сказала она, обходя меня. Вместо платья она носила обрывки тьмы.

Я не ответил, и не повернулся за ней. Жители деревни всё ещё подходили, крики и смех изнутри усиливались с каждой минутой. Никто из них не видел Аслауг, но если они заметят, что я кручусь и разговариваю с пустотой, то ничего хорошего не выйдет. Северяне суеверный народ, и, откровенно говоря, после всего, что я видел за последние несколько месяцев, они в этом правы. Но у их подозрений часто есть острый конец, и мне не хотелось, чтобы меня им проткнули.

– Что ты делаешь здесь, в диких землях, вместе со всеми этими крестьянами? – Аслауг снова появилась слева от меня, поднеся губы к моему уху. – И почему, – её тон стал резче, глаза прищурились, – здесь этот присягнувший свету? Я чую его. Он же собирался уезжать... – Она наклонила голову. – Ялан? Ты отправился с ним? Увязался, словно пёс на привязи? Ялан, мы же говорили об этом. Ты принц, человек королевской крови, претендент на престол Красной Марки.

– Я еду домой, – прошептал я, едва шевельнув губами.

– Оставив красоток позади? – Когда дело доходило до женщин, в её голосе всегда появлялась нотка неодобрения. Она явно из ревнивиц.

– Я решил, что время пришло. Они уже становились назойливыми. – Я потёр голову, сомневаясь, все ли занозы вытащил Туттугу.

– Оно и к лучшему. В Красной Марке мы начнём расчищать тебе путь к успеху. – Её лицо осветила улыбка, небо за её спиной стало алым в предсмертных муках солнца.

– Ну... – Мои губы скривились, эхом повторяя её выражение. – Я не люблю убийства. Но если все мои кузены скопом свалятся с обрыва, я хуже спать не стану. – Я давно понял, что есть смысл ей

подыгрывать. Но, хотя я бы порадовался любому несчастью, какое судьба сбросила бы на кузенов, особенно на трёх или четырёх из них – мне никогда не нравились смертельные игры с ножом и ядом, в которые играли при некоторых дворах. Моё же видение славного пути к престолу включало в себя подхалимаж и фаворитизм, смазанные байками о героизме и рассказами о гениальности. Мне нужно было всего лишь стать любимчиком моей бабушки и нечестным путём пробраться на место наследника – а дальше останется лишь подождать, когда старуху своевременно хватит удар, и наступит моё царство удовольствия!

– Ялан, ты в курсе, что Снорри планирует тебя уничтожить? – Она коснулась моей руки. Прикосновение холодное, но в то же время возбуждающее, наполненное всеми восхитительными возможностями, которые скрывает ночь. – Ты же знаешь, Баракель инструктирует его. То же самое он говорил тебе, когда я была внутри Снорри.

– Я верю Снорри. – Если бы он хотел меня убить, то мог бы сделать это уже множество раз.

– И сколько ещё, принц Ялан? Сколько ещё ты будешь ему верить? – Её губы сомкнулись рядом с моими, последние лучи заката окружили её голову ореолом. – Не верь свету, принц Ялан. Звёзды красивы, зато пространство между ними бесконечно и чёрно от обещаний. – Я почти слышал, как за спиной её тень смешивается с моей, как шелестят одна об другую сухие паучьи лапы. – Если Снорри вернётся в Вермильон с твоим телом и правильной историей, то заслужит благодарность во многих кругах, по многим причинам.

– Доброй ночи, Аслауг. – Я сжал, что было возможно, и умудрился не содрогнуться. В последние мгновения перед темнотой она всегда была меньше всего похожа на человека, словно её сущность задерживалась на один удар сердца дольше маски.

– Наблюдай за ним! – И тени затянули её, став сплошным мраком, который вскоре превратится в ночь.

Я повернулся и последовал за местными в их "большой" зал. Мгновения с Аслауг всегда делали меня менее терпимым к потным крестьянам и к их грубым мелким жизням. А за Снорри, пожалуй, и впрямь стоило понаблюдать. В конце концов, он едва не бросил меня, когда мне больше всего нужна была помощь. Ещё день, и я познал бы

все ужасы связывания рук, или ещё более жестоких форм правосудия викингов.

ЧЕТЫРЕ

Медовый зал разделяли три длинных стола, за которыми сидели мужчины и женщины, поднимавшие пенные рога и пивные кружки. Дети, которым было не больше восьми-девяти лет, бегали туда-сюда с кувшинами, наполняя их из четырёх огромных бочек и не давая пересыхать сосудам в руках пирующих. В камине рычал огромный костёр, перед которым на вертелах жарилась рыба. По краям комнаты лаяли гончие, иногда осмеливаясь промчаться под столами, если что-то упадёт. Понадобилось время, чтобы привыкнуть к жару, рёву и вони этого места после морозного весеннего вечера. Я проложил курс в заднюю часть зала, стараясь держаться подальше от собак. Животные обычно хорошо оценивают характер: я им не нравлюсь. За исключением лошадей, которые по непонятным мне причинам меня любят. Возможно, эта связь происходит от нашего общего интереса: нам нравится убегать.

Снорри и Боррис сидели близко к огню, а по обе стороны от них располагались воины Олаафхейма. Похоже, большинство в этой компании принесли с собой на вечернюю пьянку топоры, так разложив их на столах, что даже поставить кружку было непростой задачей. Когда я подошёл, Снорри повернулся и прогремел, чтобы мне освободили место. Некоторые в ответ заворчали, но быстро успокоились, услышав слово "берсерк". Я втиснулся на узкую отполированную задницами скамью, пытаюсь не показывать, как мне неприятно сидеть в такой тесноте, среди волосатых бандитов. Моя терпимость к такой фамильярности увеличилась за время, пока я был владельцем и управляющим "Трёх Топоров"... ну, на самом деле я платил Эйольф за работу в баре, а Хельге и Гудрун за обслуживание столов... но всё же мысленно я был там. В любом случае, хоть моя терпимость и увеличилась, но она по-прежнему оставалась недостаточно высокой. К тому же в Тронде качество бородатых варваров с топорами намного выше. Впрочем, столкнувшись с таким положением – не говоря уже о столе, заваленном топорами – я делал ровно то, что делал бы любой человек, желающий остаться с тем же числом рук и ног, с каким и вошёл. Ухмылялся, словно идиот, и терпел.

Я дотянулся до бутылки, наполненной до краёв, которую мне принёс светловолосый босой ребёнок, и решил напиться. Это помогло бы мне не влезать в неприятности, да и возможность провести всё путешествие до континента в состоянии опьянения казалась заманчивой. Лишь одна тревога останавливала мою руку. Хотя и больно было это признавать, но кровь моей бабушки действительно во мне проявлялась. Снорри и Туттугу уже упоминали нашим хозяевам о моей... нестабильности. Посреди севера, где нужно сражаться с троллями, быть берсерком – хорошее дело. Но любой здравомыслящий человек скажет, насколько это неудобно. Я всегда благоразумно опасался сражений. Поэтому меня не очень-то радовало открытие, что я превращаюсь в безумного маньяка, стоит толкнуть меня слишком сильно, и бросаюсь, сломя голову, в самую гущу сражения. Главное преимущество мудрого человека – знать идеальное время, когда пора удирать. А эта стратегия выживания несколько ослабляется склонностью пускать пену изо рта, отбрасывая всякий страх. Страх – ценное качество, это концентрированный здравый смысл в чистейшем виде. И нет ничего хорошего, когда его не хватает. К счастью, нужно довольно сильно толкать меня, чтобы выпустить наружу моего скрытого берсерка, и, насколько мне известно, такое случалось лишь дважды. Один раз на перевале Арал, и один раз в Чёрном форте. И прекрасно будет, если больше со мной такого не случится.

– ... Скилфа... – говорил в рог с элем одноглазый человек напротив Снорри. Я уловил это слово, и этого было достаточно.

– Что? – Я залпом допил остатки эля и вытер пену с бороды – эту прекрасную светлую поросль я вырастил, чтобы соответствовать климату. – Снорри, я туда не вернусь, ни за что. – Я вспомнил ведьму в пещере, и её пластиковый легион повсюду вокруг. Она напугала меня до чёртиков. Меня до сих пор посещали кошмары.

– Расслабься. – Обаятельно улыбнулся мне Снорри. – Нам и не придётся.

Я и впрямь расслабился и осунулся, как только ушло не пойми откуда взявшееся напряжение.

– Слава Богу.

– Она всё ещё на зимних квартирах. В Берентоппене. Это гора огня и льда, не очень далеко от моря, и там будет наша последняя

остановка перед тем, как мы покинем север. Потом останется всего несколько дней вдоль побережья, а там уже в Маладон, через открытое море.

– Чёрт, нет! – Меня пугала эта женщина, а не тоннели и статуи. Ладно, они тоже, но смысл был в том, что я никуда не пойду. – Мы направляемся на север. У Красной Королевы есть все нужные нам ответы.

Снорри покачал головой.

– Ял, у меня есть вопросы, которые не будут ждать. Вопросы, на которые нужно пролить немного северного света.

Я знал, о чём он хотел поговорить – об этой проклятой двери. Но если он принесёт ключ к Скилфе, она, возможно, его заберёт. Я ни на миг не сомневался, что она сможет. Но всё же, мне плевать, если она украдёт ключ. В любом случае, такая могущественная вещь будет в большей безопасности на хранении у старой ведьмы. Подальше оттуда, где я собирался находиться, и вне досягаемости Мёртвого Короля.

– Ладно. – Снова перебил я одноглазого воина. – Иди. Но я останусь на лодке!

Парень напротив Снорри посмотрел на меня своим холодным синим глазом. Вторая глазница была пуста, свет от огня падал на маленькие уродливые мышцы, которые подёргивались в тени углубления.

– Снорри, этот фит-фирар щас говорит от твоего имени?

Я знал, что это довольно серьёзное оскорбление. Викинги не могут придумать ничего хуже, чем обозвать тебя "сухопутным" – человеком, не знающим моря. В этом-то и проблема с деревеньками в заводях: все такие вспыльчивые. В любую минуту они готовы вскочить и выпустить тебе кишки. Разумеется, это гиперкомпенсация за жизнь в холодных лачугах на негостеприимном берегу. Дома я плюнул бы ему в глаза и позволил бы половине дворцовой стражи держать меня, пока вторая половина выпинывала бы его из города. Но проблема с таким другом, как Снорри, в том, что он принимает всё за чистую монету, и думает, будто я действительно хочу защищать свою честь. Зная Снорри, я не сомневался, что он будет стоять и хлопать, пока дикарь будет меня резать.

Этот мужик – кажется, Снорри называл его Гаути, – держал одну руку на топоре перед собой. Довольно небрежно, расставив пальцы, но не отводя от меня своего холодного глаза, в котором сложно было прочесть хоть что-то, кроме жажды убийства. Всё могло очень быстро обернуться очень скверно. Внезапно мною овладело желание отлить. Я улыбнулся отважной улыбкой Ялана, игнорируя чувство тошноты в животе, и вытащил кинжал – жуткую полосу чёрного железа. Это привлекло некоторое внимание, хотя и значительно меньшее, чем в любом другом месте, где мне приходилось видеть обнажённый клинок. По крайней мере, я с радостью заметил, как Гаути вздрогнул. Его пальцы почти сомкнулись на древке топора. В мою пользу было то, что я действительно выгляжу, как некий герой, который готов потребовать сатисфакции и обладает навыками, чтобы её добиться.

– Ял... – сказал Снорри, слегка нахмурившись, и глазами указал на восемь дюймов ножа в моей руке.

Я отодвинул несколько топоров и неожиданным движением развернул кинжал в руке, так, что кончик его завис в четверти дюйма над столом. И снова глаз Гаути дёрнулся. Я увидел, как Снорри тихо положил руку на обух топора этого мужика. Несколько воинов привстали, а потом снова уселись на свои места.

Огромное преимущество в моей карьере тайного труса – естественная способность легко лгать языком тела. Наполовину это... как там Снорри это назвал? Серендипность. Чистая случайность. Когда я пугаюсь, то сильно краснею, но в отношении здорового молодого человека, который на добрых два дюйма выше шести футов, это обычно принимают за гнев. И мои руки редко меня подводят. Внутри я могу дрожать от страха, но руки при этом не трясутся. И даже когда ужас настолько силён, что они всё-таки начинают дрожать, это тоже чаще всего принимают за ярость. Впрочем сейчас, когда я поднёс кончик ножа к столу, руки держались твёрдо и уверенно. Несколькими взмахами я грубо изобразил неправильную каплю с рогом наверху и выступом внизу.

– Чё это? – Спросил мужик напротив меня.

– Корова? – Очень пьяная женщина средних лет наклонилась через плечо Снорри.

– Люди клана Олааф, это Скоррон, страна моих врагов. Вот это –

границы. А это... – Я чиркнул короткую линию на нижней части выступа, – Это перевал Арал, где я научил Скорронскую армию называть меня "дьяволом". – Я поднял голову и встретился с сердитым взглядом глаза Гаути. – И, обратите внимание, ни одна из этих границ не находится на побережье. Так что, если б я был человеком моря, то в моей стране это бы означало, что я никогда не смогу приблизиться к врагам. На самом деле, всякий раз, как я шёл бы под парусом, я бы от них убегал. – Я воткнул нож в самый центр Скоррона. – Там, откуда я, "сухопутные" – единственные мужчины, которые могут отправиться на войну. – Я позволил мальчишке заново наполнить мою кружку. – И мы знаем, что оскорбления, как кинжалы: важно, куда их направляешь, и где при этом стоишь. – Я закинул голову и осушил кружку.

Снорри ударил по столу, топоры подскочили, и раздался хохот. Гаути отклонился назад – рожа кислая, но гнев поутих. Эль снова потёк рекой. Принесли треску с какой-то солёной кашей и жуткими маленькими пирогами из водорослей, запечёнными почти до черноты. Мы ели. Лилось всё больше эля. Я обнаружил, что пьяно болтаю с седобородым мужиком, у которого за шрамами лица не было видно, о преимуществах ладей разных типов. Своё "экспертное" мнение на эту тему я по частям сложил во время бесчисленных пьяных разговоров вроде этого с завсегдатаями "Трёх Топоров". Больше эля – пролитого, разбрызганного, проглоченного. Думаю, мы договорились до узлов к тому времени, как я грациозно соскользнул со скамьи и решил остаться прямо там.

***

– Ядвига, – проворчал я, не до конца проснувшись. – Отстань, женщина.

Облизывание ненадолго прекратилось, а потом началось снова. Я смутно задумался о том, где нахожусь, и когда это язык Ядвиги стал таким длинным. И мокрым. И вонючим.

– Отвали! – Я ударил собаку. – Проклятая шавка. – Я поднялся на локте, по-прежнему полупьяный. Раскалённые угли раскрашивали

зал кромками и тенями. Гончие сновали под столами в поисках объедков. Я различил на полу полдюжины храпящих пьяниц, лежавших там, где упали, и глубоко спящего Снорри, который растянулся на центральном столе, положив голову на сумку.

Я нетвёрдо поднялся, в животе урчало. В зале воняло так, словно если пописать здесь, то станет только лучше, но я всё же направился к главным дверям. Во мраке я мог попасть по спящему викингу, и от этого уже нелегко было бы отговориться.

Я добрался до двойных дверей и открыл левую створку. Петли заскрежетали так, что можно было разбудить мёртвых – но, видимо, больше никого, – и я вышел наружу. Передо мной клубился пар от дыхания, и залитая лунным светом площадь блестела от инея. Очередная прекрасная ночь весной на севере. Я шагнул влево и начал отвечать на зов природы.

За журчанием позаимствованного эля слышался плеск волн по стене гавани; за ним – шёпот прибоя, равнодушно хлюпавшего по далёкому берегу, спускавшемуся к реке; а за ним... тишина, от которой у меня встали дыбом волосы на затылке. Я наострил уши, и не услышал ничего, что подтвердило бы мою тревогу, но даже в моём нынешнем состоянии у меня оставался нюх на неприятности. После появления Аслауг казалось, сама ночь стала мне нащёптывать. Сегодня она помалкивала.

Я повернулся, начал завязывать шнурок ширинки, но обнаружил, что мне нужно снова отлить, и прямо сейчас. Ярдах в десяти от меня стоял самый большой волк из всех. В "Трёх Топорах" я слышал немало небылиц, и готов был поверить, что на севере водятся волки гораздо крупнее, чем на юге. Я даже видел лютоволка своими собственными глазами, хотя тот был набит и установлен в прихожей дворца удовольствий мадам Серин, на улице Магистров в Вермильоне. А тварь передо мной, наверное, была из рода Фенриса, о котором рассказывали в Тронде. Волк ростом с лошадь, а из-за косм ещё и шире неё. В его пасти в лунном свете блестели острые зубы.

Я стоял, как истукан, и на землю перед моими ногами по-прежнему текла струя. Зверь двинулся вперёд, не рыча, не крадучись – быстро и немного неловко. Мне не пришло в голову потянуться за мечом. В любом случае волк выглядел так, словно мог просто откусить любой клинок. Так что я просто стоял и делал лужу. Обычно я горжусь, что я из тех трусов, которые действуют

мгновенно, и, когда надо, убегают, а не торчат на месте. Но на этот раз бремя ужаса оказалось слишком тяжёлым, чтобы с ним бегать.

Только когда громадный зверь пронёсся мимо меня, разломав двойные двери и помчавшись в большой зал, я смог прийти в себя и начал убежать. Я побежал, задержав дыхание от запаха мертвечины, который шёл от твари. Добежал до края площади, подгоняемый жуткими криками и воплями за спиной, а потом мой разум бросил якорь. Собаки из зала с визгом промчались мимо меня. Я остановился, тяжело дыша – в основном от страха, ведь пробежал-то немного, – и вытащил меч. Впереди в глухой ночи могло быть сколько угодно таких монстров. В конце концов, волки охотятся стаями. Хотел ли я оказаться один в темноте с друзьями зверя, или безопаснее всего будет зал, где Снорри и дюжина других викингов дерутся с единственным волком, которого я видел?

По всему Олаафхейму открывались двери, зажигались огни. Собаки, которых застали врасплох, теперь подавали голос, и отовсюду начали разноситься крики "К оружию!". Стиснув зубы, я развернулся, стараясь не торопиться. Изнутри доносились звуки, словно из ада: крики и ругательства людей, грохот, треск – но, на удивление, ни одного рыка или волчьего воя. Раньше я видел, как дерутся собаки, и это было довольно громко. А волки, похоже, прикусывали себе язык – да и человеку, несомненно, тоже, если выпадет такая возможность!

Когда я подошёл ближе к залу, какофония внутри несколько стихла, доносились лишь стоны, ворчание и скрежет когтей по камню. Я ещё замедлил шаг и двигался теперь еле-еле. Вообще, двигаться меня заставляли лишь звуки за моей спиной. Нельзя было, чтобы меня увидели стоящим, когда в нескольких ярдах умирают люди. Сердце колотилось, ноги почти не шевелились, но я добрался до двери и повернул голову так, чтобы заглянуть внутрь одним глазом.

Лежали перевёрнутые столы, короткий нестройный лес их ножек будто бы плясал в свете пламени. Люди, а точнее части людей, валялись на полу посреди тёмных луж и ещё более тёмных пятен. Сначала я не разглядел Фенриса. А потом, услышав натужный хрип, посмотрел на самую чёрную тень у стены зала. Зверь стоял, наклонившись, и пожирал что-то под собой. Из его бока торчали два топора, ещё один вонзился в спину. Я видел широко раскрытые

огромные челюсти и ноги упиравшегося под мордой человека, покрытые чёрной слизью из крови и грязи. Каким-то образом я понял, кто попался в эту утробу.

– Снорри! – Крик вырвался из меня вопреки моей воле. Я прижал руку ко рту, чтобы оттуда не вылетело больше никакой глупости. Меньше всего мне хотелось, чтобы эта жуткая голова повернулась в мою сторону. К своему ужасу я обнаружил, что стою в дверях, освещённый лунным светом и перекрыв выход – хуже места и не придумаешь.

– К оружию!

– В зал! – крики доносились со всех сторон.

Я слышал за спиной топот множества ног. В ту сторону не убежать. Норсийцы подвешат труса за большие пальцы и будут отрезать нужные ему кусочки. Я быстро вошёл внутрь, чтобы не оставаться столь явной мишенью, и прижался к внутренней стене, стараясь не дышать. Викинги подбежали к дверям за моей спиной и стали всем скопом ломиться внутрь.

Я смотрел на волка и увидел руку, выглядевшую детской в сравнении с его размерами – она поднялась по дальней стороне головы зверя и хлопнула промеж его глаз. Светящаяся рука. Рука, которая становилась настолько сверкающей, что всё помещение осветилось, словно днём. Оказавшись на свету, я сделал то, что делает любой таракан, когда кто-то зажигает лампу на кухне: помчался в поисках укрытия и прыгнул в сторону части стола, лежавшей на боку между нами.

Свет становился всё более ярким, а я, наполовину ослепнув, запнулся за тело, перевалился через стол и, отчаянно пытаясь остаться на ногах, быстро пролетел несколько шагов. Мой протянутый меч вонзился во что-то мягкое, скрежетнул об кость, и, спустя мгновение, на меня обрушился громадный вес, скрыв всю иллюминацию. И всё остальное тоже.

ПЯТЬ

– ... под ним! Понадобилось шесть мужиков, чтобы его вытащить! – Женский голос, с оттенками изумления.

Я почувствовал, что меня поднимают. И уносят.

– Осторожно!

– Тише...

Тёплая влажная ткань вытерла мой лоб. Я поуютнее устроился в чём-то мягком. Мир был где-то далеко, на приятном расстоянии от меня. Я дремал, и до меня доносились лишь обрывки разговоров.

Во сне прекрасным летним днём я бродил по пустому дворцу в Вермильоне, свет лился в высокие окна, выходившие на купавшиеся в солнечных лучах городские застройки.

... – по самую рукоять! Наверное, попал в сердце. – Мужской голос.

Я перемещался. Меня куда-то несли. Какое-то движение – нечто среднее между знакомым покачиванием лошади и отвратительной качкой на океанских волнах.

– ... увидел друга.

– Я слышал, как он крикнул в дверях: "Снорри!" – он рычал, как викинг!

Мир приблизился. Мне этого не хотелось. Я был дома. Там тепло. Безопасно. Ну, безопаснее. А весь север мог предложить лишь мягкую посадку. Грудь у державшей меня женщины была гористая, как здешняя местность.

– ... бросился прямо на него...

– ... прыгнул!

Скрип двери. Сгребание углей.

– ...берсерк...

Я отвернулся от залитого солнцем городского пейзажа к

пустой дворцовой галерее, моментально ослепнув.

—... Фенрис.

Солнечные зайчики убирались с глаз долой, красные и зелёные пятна потускнели. И я увидел волка, прямо здесь, в зале дворца: разинутая пасть, белые клыки, алый язык, струйки слюны, жаркое дыхание.

— Ррррр! — Я дёрнулся вправо, и моя голова оторвалась от волосатой груди Борриса. Он вообще рубашку носит?

— Осторожней! — Толстые руки легко, словно ребёнка, уложили меня на кровать, заправленную шкурами. Мы были в прокопчённой лачуге, побольше прочих. Вокруг нас со всех сторон толпились люди.

— Что? — Я всегда это спрашиваю, хотя, поразмыслив, редко хочу знать ответ.

— Спокойно! Он мёртв. — Боррис выпрямился. В круглый дом набились воины клана Олааф, а ещё почтенная женщина с толстыми светлыми косами, и несколько крупных женщин помоложе — предположительно жена и дочери.

— Снорри... — начал я, не сразу заметив, что тот лежит рядом без сознания, бледный даже для северянина. На нём виднелось несколько отвратительных порезов, один из которых пересекал старую рану на рёбрах, воспалённую и покрытую белой коростой. Но всё равно он выглядел намного лучше, чем должен выглядеть человек, которого погрыз волк Фенрис. На мраморной коже его плеч резко выделялись синие изображения молота с топором и чёрные руны — на миг они захватили моё внимание. — Как? — Я чувствовал, что не в силах произнести предложение, состоящее больше, чем из одного слова.

— Вколотил щит в пасть зверюге. Заклинил! — сказал Боррис.

— А потом ты его убил! — Это сказала одна из его дочерей, и её грудь была развита почти так же сильно, как и у него.

— Мы вытащили твой меч. — Сказал воин из толпы, почти с благоговением протягивая мне мой клинок рукоятью вперёд. — Нелегко было!

Вес упавшей твари вколотил в неё меч.

Я вспомнил, как широко пасть волка была разинута вокруг Снорри, и что зверь не жевал. Закрыв глаза, я увидел сияющую руку

между глазами волка.

– Хочу посмотреть на тварь. – Я не хотел, но мне было нужно. К тому же, нечасто мне доводилось играть героя, и, скорее всего, это закончится, когда Снорри придёт в себя. С некоторым усилием мне удалось встать. Сложнее всего оказалось вдохнуть. Из-за волка рёбра с обеих сторон были в синяках. Повезло, что их не раздавило. – Чёрт! Где Туттугу?

– Я здесь! – Голос донёсся из-за нескольких широких спин. Люди расступились, и вперёд вышла половина народа Ундорет, ухмыляющаяся, с заплывшим глазом. – Ударило об стену.

– У тебя это входит в привычку. – Я удивился тому, как рад был увидеть его целым. – Пошли!

Боррис шёл впереди, люди по бокам от него несли тростниковые факелы. Я ковылял за ними, держась за рёбра и чертыхаясь. Площадь освещал пирамидальный костёр из высушенных брёвен, вокруг которого на соломенных тюфяках лежало множество раненых. Их раны обрабатывала древняя пара с длинными белыми волосами. За короткое время в зале я не подумал, что кто-то выжил, но раненые инстинктивно закатываются в любую щель или дыру, куда только возможно. На перевале Арал мы вытаскивали мертвецов из расщелин и лисьих нор, причём, некоторые умудрились залезть в них целиком, только сапоги торчали наружу.

Боррис провёл нас мимо раненых к дверям большого зала. На страже стоял коротышка с большой бородавкой на щеке, который всматривался в темноту, вцепившись в копьё.

– Он мёртвый! – первое, что он нам сказал. Коротышка выглядел растерянно и чесал свой большой железный шлем, словно мог таким образом унять зуд.

– Конечно, он мёртв! – сказал Боррис, проталкиваясь мимо него. – Принц-берсерк его убил!

– Конечно, он мёртв, – эхом отозвался я, проходя мимо коротышки, позволив себе каплю презрительности. Сложно сказать, почему тварюга решила упасть на меня именно в тот миг, но его вес вогнал мой меч ему по рукоять, а после такого не выживет даже волк размером с лошадь. Но всё равно, что-то меня тревожило. Что-то, связанное со светящимися руками Снорри...

– Яйца Одина! Ну он и воняет! – Сказал Боррис впереди.

Я вдохнул и понял, что волк, конечно же, вонял. Весь зал вонял адски, но, если честно, лишь немногим хуже круглого дома Борриса или всего Олаафхейма. Но мои наблюдения прервал приступ кашля, когда вонь достигла лёгких. Кашлять с отбитыми рёбрами больно, и это отвлекает от многого. Например, от необходимости стоять. К счастью, меня подхватил Туттугу.

Мы подошли, стараясь дышать не глубоко. Горели лампы, расставленные на центральном столе, который снова поставили на ножки. В горшках курился какой-то ладан, прорываясь сквозь вонь резким лавандовым ароматом.

Мертвецов разложили перед камином, привязав к ним части их тел. Среди них я увидел перекушенного пополам Гаути. Его глаз зажмурился от боли, пустая глазница таращилась на кровельные балки. Волк лежал там, где упал, кусая Снорри. Он растянулся на боку, лапы указывали в стену. Ужас, поразивший меня, когда я его впервые увидел, теперь вернулся с новой силой. Даже мёртвым Фенрис выглядел страшно.

По мере нашего приближения зловоние усиливалось.

– Он мёртвый, – сказал Боррис, направляясь в сторону морды.

– Ну, разумеется... – тут я запнулся. Тварь воняла мертвечиной. Шерсть отвалилась целыми кусками, и плоть под ней была серой. Местами там корчились разрезанные черви. Волк не просто был мёртв – он был мёртв уже давно.

– Один! – Выдохнул Боррис через прижатую ко рту ладонь. На этот раз, видимо, не нашлось никаких частей священной анатомии, которые можно было прибавить к ругательству. Я подошёл к нему и уставился на голову волка. Вернее сказать, к почерневшему черепу. Шерсти не было, кожа сморщилась, как от огня, а на кости, между глазницами, из которых сочился гной, виднелся выжженный отпечаток ладони.

– Мёртвый Король! – Я развернулся к двери, держа меч в руке.

– Чего? – Боррис не сдвинулся, всё ещё таращась на голову волка.

Я помедлил и указал на трупы. В этот миг здоровый глаз Гаути резко раскрылся. Если уж при жизни его взгляд был холоден, то после

смерти в нём бушевали все зѣмы Суровых Льдов. Его руки вцепились в пол, и в том месте, где заканчивался торс, в красном месиве, свисавшем под грудной клеткой, начали дѣргаться кусочки.

– Сжечь мертвецов! Расчленить их! – И я помчался, держась одной рукой за бок, каждый вздох отдавался болью.

– Ял, куда... – Туттугу попытался меня схватить, когда я пробежал мимо него.

– Снорри! Мѣртвый Король отправил волка за Снорри! – Я протолкнулся мимо бородавчатого в дверях и выбежал в ночь.

Первым к дому Борриса не прибежал ни я с моими рѣбрами, ни Туттугу с его полнотой. Кто-то пошустрее предупредил жену и дочерей. Местные уже прибывали для охраны, когда мы вбежали в главный вход. Снорри уже сидел, демонстрируя топологию голой груди и живота, накачанных мышцами. С ним возились дочери Борриса – одна зашивала порез на боку, а вторая прочищала рану под ключицей. Я вспомнил, как тяжело мне было вывести из строя единственный труп, когда я был присягнувшим свету и носил в себе Баракеля. Тогда, на горе за ЧамиНиксом, когда нас поймали люди Эдриса, я сжѣг руки трупа, пытавшегося меня задушить. От этого напряжения я обессилел. Тот факт, что Снорри мог даже сидеть, после того, как сжѣг всю голову гигантского мѣртвого волка, столь же явно говорил о его внутренней силе, как и его мышцы говорили о силе внешней.

Снорри посмотрел на меня и устало ухмыльнулся. Я в разное время был и присягнувшим свету, и присягнувшим тѣме, и могу сказать, что тѣмная сторона легче. Сила, которую и я и Снорри использовали против живых мертвецов, была тем же исцелением, которым мы заживляли раны другим людям. Энергия берѣтся из того же источника, только эта сила, исцеляя мѣртвую плоть, всего лишь выжигает из неѣ зло.

– Он пришѣл за ключом.

– Наверняка умер во льдах и высвободился из-за оттепели. – Снорри поморщился, когда дочь, стоявшая на коленях, сделала очередной стежок. – Главный вопрос, как он узнал, где нас найти?

Хороший вопрос. Мне совсем не нравилась мысль, что любая мѣртвая тварь может напасть на нас в любой точке нашего путешествия. Хороший вопрос, и ответа у меня не было. Я посмотрел

на Туттугу, словно он мог знать.

– Уф. – Туттугу почесал подбородки. – Ну, нет большого секрета в том, что Снорри отправился из Тронда на юг. Это полгорода видело. – Туттугу не добавил "благодаря тебе", но этого и не требовалось. – А для трёх человек на маленькой лодке Олаафхейм – первое место, куда стоит пойти. С попутным ветром легко добраться за день. А если у него есть в городе агент с каким-нибудь заклинанием для связи... или, быть может, поблизости стоят лагерем некроманты. Мы же не знаем, сколько сбежало из Чёрного форта.

– Что ж, в этом есть смысл. – Это было намного лучше, чем думать, что Мёртвый Король просто в любое время знает, где нас найти. – Хм, наверное, нам лучше уехать сейчас.

– Сейчас? – Снорри нахмурился. – Нельзя плыть посреди ночи.

Я подошёл ближе, отметив пристальный интерес одной из дочерей.

– Снорри, я знаю, что тебя здесь любят. Но в большом зале куча мёртвых тел. И когда Боррис с друзьями закончат расчленять и сжигать своих друзей и родственников, они, возможно, додумаются спросить, почему это зло посетило их маленький городок. Вот просто насколько он хороший друг? А если они начнут задавать вопросы и захотят отвезти нас по реке к своим двум ярлам... или у тебя в высших сферах тоже есть друзья?

Снорри встал, возвышаясь над девушками, и надо мной, и начал натягивать куртку.

– Поехали. – Он подхватил свой топор и направился к двери.

Никто не стал нас останавливать, хотя у них оставалось много вопросов.

– Нам надо кое-что в лодке, – сказал я тем, кто встретился на пути в гавань. И это было почти правдой.

К тому времени, как мы добрались до моря, вокруг нас собралась немалая толпа, а их вопросы сливались в единый недовольный гомон. Туттугу держал тростниковый факел из круглого дома Борриса, освещая путь среди сложенных сетей и разбросанных ящиков. Множество местных, терявшихся в тенях повсюду, пристально за нами наблюдали. Какой-то мужик схватил меня, бормоча о том, что надо подождать Борриса. Я стряхнул его.

– Я посмотрю на носу! – мне понадобилось время, чтобы разобраться с терминологией, но с тех пор, как я научился отличать нос от кормы, я пользовался любой возможностью продемонстрировать свои познания. Я слез вниз, охнув от боли, из-за того, что пришлось поднимать руки над головой. Сверху доносился гул – люди говорили друг другу, что нас надо остановить.

– Должно быть, на корме... та... вещь, что нам нужна. – Туттугу кое-чему научился возле тролль-камня. Он прыгнул на другой конец лодки, вызвав сильную качку.

– Я сяду на вёсла, – сказал Снорри, спускаясь по ступеням. Да, склонности к жульничеству у него так и не появилось, что, после шести месяцев в моей компании, плохо говорит о моих способностях обучать.

Чтобы отвлечь людей на стене гавани от того факта, что мы шустро отгребаем в ночь, я поднял руку и произнёс прощальную королевскую речь:

– Прощайте, граждане Олаафхейма. Я всегда буду помнить ваш город, как... как... какое-то место, где я побывал.

Ну вот и всё. Снорри продолжал грести, а я снова впал в полупьяный ступор, которым наслаждался до того, как начались все ночные неприятности. Очередной город, битком набитый норсийцами, остался позади. Вскоре я буду бездельничать на южном солнышке. Почти наверняка женюсь на Лизе, и ещё до окончания лета начну тратить денежки её отца.

Спустя три часа мы плыли по серым морским просторам, а Норсхейм чернел тонкой полоской на востоке, не обещая ничего хорошего.

– Что ж, – сказал я. – По крайней мере, Мёртвый Король здесь до нас не доберётся.

Туттугу наклонился и посмотрел в тёмные волны.

– А мёртвые киты могут плавать? – спросил он.

ШЕСТЬ

Два дня спустя после спешного отплытия из Олаафхейма мы заходили в порт Хааргфьорда. Запасы еды уменьшились, и, хотя Снорри хотел избежать крупных городов, Хааргфьорд, похоже, оставался единственной возможностью.

Я похлопал по нашей сумке с провизией.

– Вроде как рано пополнять запасы, – сказал я, решив, что сумка скорее полная, чем пустая. – Давайте на этот раз поищем съестного получше. Нормальный хлеб. Сыр. Может, немного мёда.

Снорри покачал головой.

– Этого хватило бы только мне до Маладона. Я не рассчитывал, что придётся кормить Туттугу, или что ты будешь брать свои порции и выплёвывать их в море.

***

Мы пришвартовались в гавани, и Снорри усадил меня за столик в таверне у причала, которая оказалась такой примитивной, что у неё даже названия не было. Местные называли её таверной у причала, и, судя по вкусу пива, его здесь разводили с тем, что выгребали из трюмов кораблей. Но всё равно, я не из тех, кто жалуется, и не собирался отказываться от возможности посидеть в тёплом месте, которое не поднимается и опускается на волнах.

По правде говоря, я просидел там целый день, потягивая отвратительное пиво, очаровывая пару пухлых блондинок, обслуживавших столики, и сожрав почти целого жареного поросёнка. Сложно было ожидать, что он задержится внутри надолго, но к тому времени, как я это понял, я уже дошёл до такого количества выпитого эля, когда ты только моргнул, а солнце уже проскочило четверть своего пути по небу.

Туттугу присоединился ко мне ближе к вечеру, и выглядел встревоженным.

– Снорри исчез.

– Хитрый фокус! Жаль, что он меня этому не научил.

– Нет, я серьёзно. Нигде не могу его найти, а городок ведь небольшой.

Я изобразил, будто заглядываю под стол, не найдя ничего, кроме покрытых грязью половиц и множества обгрызенных крысами костей.

– Он взрослый парень. Не знаю никого, кто мог бы лучше о себе позаботиться.

– Он хочет открыть дверь смерти! – сказал Туттугу и взмахнул руками, демонстрируя, насколько это противоречит заботе о себе.

– Верно. – Я вручил Туттугу кость ноги, на которой ещё оставалась жареная свинина. – Посмотри вот с какой стороны. Если он уже потерпел неудачу, то избавил тебя от многомесячного путешествия. Ты сможешь отправиться в Тронд, а я подожду здесь корабля нормальных размеров, который заберёт меня на континент.

– Если не волнуешься о Снорри, то по крайней мере тебе стоит волноваться о ключе. – Туттугу сердито посмотрел на меня и оторвал зубами приличный кусок мяса от свиной ноги.

В ответ я поднял бровь, но рот Туттугу был набит, а я был слишком пьян, чтобы помнить свои вопросы.

– Туттугу, зачем тебе вообще всё это? – Я смочил элем заплетающийся язык. – Тебе-то зачем дверь в Ад? Собираешься пойти за ним, если он её найдёт?

Туттугу сглотнул.

– Не знаю. Если хватит храбрости, то да.

– Почему? Просто потому, что вы из одного клана? Вы жили на склонах одного фьорда? Что на всей земле заставит тебя...

– Я знал его жену. Знал его детей, Ял. Я качал их на колене. Они называли меня "дядя". Если человек может наплевать на такое, то он сможет наплевать на всё... и зачем тогда ему жить?

Я открыл рот, но даже пьяным не мог на это ответить. Так что я поднял кружку и ничего не сказал.

***

Туттугу остался, только чтобы прикончить мою еду и мой эль, а потом ушёл на поиски. Одна из девушек с пивом, Хегга, или быть может Хадда, принесла очередной кувшин, а дальше я заметил только как ночь сгустилась вокруг меня, и хозяин таверны начал громко говорить, что людям пора возвращаться по домам, или по крайней мере заплатить за место на его замечательных досках.

Я поднялся из-за стола и направился в уборную. Когда я вернулся, на моём месте сидел Снорри, нахмутив лоб и сердито выпятив челюсть.

– Снолли! – Я хотел спросить, где он был, но понял, что раз уж я не могу выговорить его имя, то лучше мне сесть. И я сел.

Вскоре с улицы вошёл Туттугу и, стоило ему нас увидеть, на его лице отразилось облегчение.

– Ты где был? – Словно мать, устраивающая нагоняй.

– Прямо здесь! Ой... – Я развернулся и с преувеличенной заботой посмотрел на Снорри.

– Искал мудрость, – сказал он, повернув в мою сторону прищуренные голубые глаза, и этот опасный взгляд меня немного протрезвил. – Нашёл врага.

– Ну, с ними проблем никогда не было, – сказал я. – Подожди немного, и они сами к тебе придут.

– Мудрость? – Туттугу пододвинул табурет. – Ты был у вельвы? У которой? Я думал, мы направляемся к Скилфе в Берентоппен?

– Экатри. – Снорри налил себе моего эля. Туттугу и я ничего не сказали, только смотрели. – Она была ближе. – Снорри в тишине вывалил свою историю, и, плавая в море дешёвого пива, я видел, как она разворачивается передо мной.

Оставив меня в таверне у причала, Снорри прошёлся по списку продуктов с Туттугу.

– Тутт, ты всё понял? Мне надо повидаться со Стариком Хродсоном.

– С кем? – Туттугу оторвал взгляд от таблички, на которой Снорри нацарапал руны соли, сушёного мяса и других продуктов, и счётные отметки, для подведения итогов.

– Старик Хродсон, глава города!

– А-а. – Туттугу пожал плечами. – Я первый раз в Хааргфьорде. Иди, я торгуюсь не хуже прочих.

Снорри похлопал Туттугу по руке, и отвернулся, собираясь уйти.

– Конечно, даже тому, кто торгуется лучше всех, нужно *хоть что-то*, чем можно заплатить, – добавил Туттугу.

Снорри выловил из кармана зимней куртки тяжёлую монету и бросил Туттугу.

– Никогда не видел такой большой золотой монеты. – Туттугу поднёс её к лицу, почти к самому носу, а другую руку запустил в рыжую бороду. – Что это на ней? Колокол?

– Великий колокол Венеции. Говорят, бурной ночью в заливе Вздохов можно услышать, как он звонит, хоть и лежит на глубине в пятьдесят морских саженей. – Снорри нащупал в кармане другую монету. – Это флорин.

– Великий колокол чего? – Туттугу покрутил флорин в руке, замороженный блеском.

– Венеции. Она затонула, как Атлантида и все города под Тихим морем. Была частью Флоренции. Там они чеканят эти монеты.

Туттугу поджал губы.

– Найду Яла, когда закончу. Если смогу унести всю сдачу,

которую получу в обмен на эту красотку. Там и встретимся.

Снорри кивнул и пошёл прочь по крутой улочке, которая вела из доков в длинные залы на гребне над основным городом.

За годы войны и набегов Снорри понял, что факты важнее мнений, и научился, что истории, которые рассказывают люди, это одно, но если собираешься рисковать жизнями своих людей, лучше, чтобы истории подкреплялись доказательствами, которые видел собственными глазами – или глазами разведчика. А лучше нескольких разведчиков, поскольку попробуй показать что-то трём разным людям, и услышишь три разные истории, и, если повезёт, то правда будет где-то посередине. Он пойдёт к Скилфе и разыщет ледяную ведьму в огненной горе, но лучше вооружиться советом и из других источников, а не ждать, словно пустой сосуд, когда она наполнит тебя одним только своим мнением.

Старик Хродсон встретил Снорри на крыльце своего длинного зала, где он сидел на стуле из чёрного дуба с высокой спинкой, с резьбой, изображавшей асгардские символы. На колоннах, возвышавшихся за ним, стояли мрачные и бдительные боги. Над склонённой головой старца выглядывал Один, рядом с ним Фрейя, а по бокам Тор, Локи и Эгир. Остальные, вырезанные намного ниже, настолько истёрлись от прикосновений за многие годы, что могли оказаться любым богом, который только придёт на ум. Старик сидел, сгорбившись под весом парадной мантии. Костлявый, исхудавший, редкие белые волосы венчали голову в печёночных пятнах, над ним витал резкий запах болезни. Впрочем, глаза его блестели ярко.

– Снорри Снагасон. Я слышал, хардассцы покончили с ундорет. Нож в спину тёмной ночью? – Старик Хродсон неспешно отмерял слова, и возраст скрипел в каждом слове. Рядом с ним на стуле поменьше сидел молодой Хродсон – среброволосый мужчина шестидесяти зим от роду. По бокам от них стояли почётные стражники в кольчугах и мехах, с длинными топорами на плечах. И в прошлый раз, как Снорри здесь был – наверное, лет пять назад, – Два Хродсона сидели здесь и смотрели на свой город и на серое море.

– Только двое выжило, – сказал Снорри. Я и Олаф Арнссон, известный как Туттугу.

Старший Хродсон наклонился вперёд и откашлялся тёмной мокротой, сплюнув её на доски.

– Тьфу на Хардассу. Пусть Один дарует тебе возмездие, а Тор – силы его осуществить.

Снорри ударил себя кулаком по груди, хотя эти слова его совсем не утешили. Да, Тор – бог силы и войны, а Один – бог мудрости. Но иногда Снорри думал: не Локи ли, бог-обманщик, стоит за тем, что разворачивается. Ложь может проникать глубже, чем сила или мудрость. И разве мир не похож на горькую шутку? А вдруг и сами боги попались в западню величайшего обмана Локи, кульминацией которого окажется Рагнарёк.

– Я ищу мудрости, – сказал он.

– Что ж, – проговорил Старик Хродсон. – Всегда есть жрецы.

Все засмеялись, даже почётные стражники.

– Ну а на самом деле, – впервые заговорил младший Хродсон. – Мой отец может дать совет о войне, урожае, торговле или рыбалке. Ты говоришь о мудрости этого мира, или другого?

– Обоих понемногу, – признал Снорри.

– Экатри. – Кивнул Старик Хродсон. – Она вернулась. Найдёшь её зимовку у водопадов на южной стороне, в трёх милях от фьорда. В её рунах больше толку, чем в дыме и железных колокольчиках жрецов с их бесконечной болтовнёй об Асгарде.

Сын кивнул, и Снорри попрощался. Когда он оглянулся, оба мужчины сидели в точности так же, как и пять лет назад, глядя на море.

***

Спустя час Снорри добрался до ведьминой хижины – маленького круглого дома из брёвен, с крышей из вереска и шкур, над которой из центра поднималась тонкая струйка дыма. Лёд до сих пор окаймлял водопад, который обрушивался позади хижины тонким бесконечным потоком, белые струи падали через туман над водопадным озером

Снорри содрогнулся, проходя по каменистой тропинке до дверей

Экатри. В воздухе чувствовалась старая магия, ни хорошая, ни плохая – магия земли, у которой не было любви к человеку. Он помедлил, чтобы прочесть руны на двери. "Магия" и "Женщина". То есть, вёльва. Он постучал и, ничего не услышав, толкнул дверь.

Экатри сидела на расстеленных шкурах, почти затерявшись под кучей заплатанных одеял. Она наблюдала за ним одним тёмным глазом и пустой слезящейся глазницей.

– Ну, заходи. Ясно же, что "нет" ты за ответ не воспримешь.

Снорри низко наклонился, чтобы не задеть сначала за дверной косяк, а потом – за травы, свисавшие с крыши сухими пучками. От маленького огонька вверх поднимались завитки дыма и уходили в дымоход в крыше, наполняя комнату ароматом лаванды и сосны, почти скрывая запах гниения.

– Садись, дитя.

Снорри сел, не обидевшись. Экатри выглядела лет на сто, иссохшая и скрюченная, как дерево на вершине утёса.

– Ну? Ждёшь, что я угадаю? – Экатри сунула когтистую руку в миску перед собой и бросила щепотку порошка в угли, добавив тёмный завиток в поднимающийся дым.

– Зимой в Тронд явились убийцы. Они пришли за мной. Я хочу узнать, кто их послал.

– Ты их не спросил?

– Двоих пришлось убить. Последнего я обезвредил, но не смог заставить говорить.

– Пытать кишка тонка, ундорет?

– У него не было рта.

– Действительно, странное создание. – Экатри вытащила из-под одеяла стеклянную банку – северянам такую штуку явно было не сделать. Вещь Зодчих, в которой плавало, медленно поворачиваясь в зеленоватой жидкости, глазное яблоко. Может, глаз самой ведьмы.

– У них была оливковая кожа, и они казались людьми во всех отношениях, за исключением отсутствия рта, а ещё безбожной быстроты. – Снорри вытащил из кармана золотую монету. – Может, из Флоренции. При них была кровавая плата, флоринами.

– Это не делает их флорентинцами. У половины ярлов в Норсхейме в казне есть пригоршня флоринов. В южных странах знать в игорных домах тратит флорины не реже, чем свои монеты. – Снорри передал монету в протянутую клешню Экатри. – Двойной флорин. Нынче они редкие.

Экатри положила монету на крышку банки, в которой плавал её глаз. Вытащила кожаный мешочек из-под одеял и встряхнула, так что содержимое застучало.

– Сунь руку, перемешай и вытащи... сюда. – Она расчистила место и ткнула в центр.

Снорри сделал, как было сказано. По рунам ему уже читали и раньше. Но, подумал он, на этот раз послание будет мрачнее. Он сомкнул руку на табличках, которые оказались холоднее и тяжелее, чем он ожидал, и вытащил кулак. Потом раскрыл ладонь и выронил каменные руны на шкуры. Казалось, каждая падала через воду – слишком медленно, и вращаясь сильнее, чем полагалось. Когда они упали, хижину окутала тишина, подчёркивая окончательность утверждения, начертанного на камнях между ним и ведьмой.

Экатри жадно изучила таблички, словно жаждала того, что могла на них прочесть. Высунулся очень розовый язык, смачивая древние губы.

– Вуньо^[3] перевёрнута, под Гебо^[4]. Женщина похоронила твою радость, женщина может её освободить. – Она коснулась двух других табличек, лежавших лицевой стороной вверх. – Соль и Железо. Твой путь, твоя цель, твой вызов и твой ответ. – Шишковатый палец завис над последним рунным камнем. – Дверь. Закрыта.

– Что всё это значит? – нахмурился Снорри.

– А что, по-твоему, это значит? – Экатри посмотрела на него, криво улыбнувшись.

– Я, что ли, здесь вёльва? – Прогремел Снорри, чувствуя, что над ним насмеются. – В чём магия, если я скажу тебе ответ?

– Я даю тебе возможность рассказать мне своё будущее, и ты спрашиваешь, в чём тут магия? – Экатри протянула руку и завертела банку так, что замаринованный внутри глаз закрутился в водовороте. – Магия в том, чтобы вбить в твой толстый череп воина тот факт, что твоё будущее зависит от твоего выбора, и только ты можешь его

сделать. Магия в знании, что ты ищешь одновременно и дверь и счастье, которое, по-твоему, находится за ней.

– Это ещё не всё, – сказал Снорри.

– Всегда есть что-то ещё.

Снорри задрал куртку. Царапины и порезы, оставленные волком Фенрисом, покрылись струпьями и заживали, на груди виднелись багровые синяки. Но по рёбрам шёл единственный блестящий порез, плоть вокруг которого была воспалённо-красной, и вдоль всей раны – белая инкрустация соли.

– Мой дар от убийц.

– Интересное ранение. – Экатри протянула вперёд иссохшие пальцы. Снорри дёрнулся, но остался на месте, а она провела рукой по разрезу. – Болит, Снорри вер Снагасон?

– Болит. – Сказал он, стиснув зубы. – Отпускает только когда мы плывём. Чем дольше я остаюсь на месте, тем сильнее болит. Это похоже на... зов.

– Он тянет тебя на юг. – Экатри убрала руку, вытерев её об меха. – Ты чувствовал подобный зов раньше.

Снорри кивнул. Узы с Ялом приводили в действие похожий зов. Он чувствовал её даже сейчас, еле-еле, но эта тяга хотела вернуть его обратно в таверну, где он оставил южанина.

– Кто это сделал? – Он посмотрел в единственный глаз вёльвы.

– "Почему" – вот правильный вопрос.

Снорри поднял камень, который Экатри назвала "Дверь". Тот уже не казался слишком холодным или тяжёлым. Всего лишь кусок сланца, с единственной выгравированной руной.

– Из-за двери. И потому что я её ищу, – сказал он.

Экатри протянула руку за "Дверью", и Снорри передал ей камень, чувствуя, что ему не хочется это делать.

– Кто-то на юге хочет то, что ты несёшь, и он хочет, чтобы ты принёс это ему. – Экатри облизала губы, и ещё раз – скорость её языка тревожила. – Видишь, как один простой порез свёл все руны вместе?

– Это сделал Мёртвый Король? Он подослал убийц? – спросил Снорри.

Экатри покачала головой.

– Мёртвый Король не настолько хитёр. Он – грубая, простейшая сила. За этим же видна куда более старая рука. У тебя есть то, что нужно всем. – Экатри коснулась когтистой рукой своей иссохшей груди – под одеялами это движение было едва заметно. Она прикоснулась к себе в том месте, где ключ Локи касался кожи Снорри.

– Почему всего трое? Почему их послали посреди зимы? Почему не послать больше, и сейчас, когда путешествовать легче?

– Может, он что-то испытывал? Разумным ли кажется то, что три таких убийцы уступили одному человеку? Быть может, рана – это всё, что они собирались тебе дать. Приглашение... в некотором роде. Если бы свет в тебе не сражался с ядом того клинка, то рана бы тебя уже подчинила, и ты бы мчался на юг. Не было бы ни задержек, ни отклонений, чтобы поговорить со старухами в хижинах. – Она закрыла глаз и, казалось, некоторое время изучала Снорри пустой глазницей. – Правду говорят, ключ Локи не любит, когда его отбирают. Подарить – конечно. Но забрать? Украсть – разумеется. Но забрать силой? Некоторые рассказывают о проклятии на тех, кто завладел ключом силой. А злить богов нехорошо, не так ли?

– Я не упоминал никаких ключей. – Снорри держался, чтобы руки не потянулись к ключу, пылавшему холодом на его груди.

– Вороны летают даже зимой, Снагасон. – Взгляд глаза Экатри посуровел. – Думаешь, если какой-то южный маг много недель назад знал о твоих подвигах, то старая Экатри не узнает об этом в своей хижине чуть ниже по побережью? Ты пришёл в поисках мудрости: не держи меня за дуру.

– Так я должен отправиться на север и надеяться?

– Ничего ты не "должен". Отдай ключ, и рана заживёт. Может даже заживут те раны, которых ты не видишь. Оставайся здесь. Начни новую жизнь. – Она похлопала по шкурам возле себя. – Мне новый мужик всегда пригодится. Они никогда долго не протягивают.

Снорри собрался встать.

– Оставь себе золото, вёльва.

– Что ж, похоже, моя мудрость нынче в цене. Теперь, когда ты так щедро за неё заплатил, возможно ты примешь её во внимание, дитя. – Она спрятала монету и вздохнула. – Я старая, Снорри, мои кости высохли, а мир потерял свой вкус. Ступай, умирай, слабей в мёртвых землях... Для меня это мало значит, мои слова – всего лишь шум для тебя, и ты уже всё решил. Я – бесполезные печали, а ты молод и полон жизни, но в конце, в конце годы всех нас истощают. Но ты подумай об этом. Те, кто стоят на твоём пути, начали домогаться ключа Локи лишь этой зимой?

– Я... – Снорри почувствовал стыд. Он настолько сосредоточил свои мысли на выборе, который ему пришлось сделать, что весь остальной мир от него ускользнул.

– Твои несчастья ведут тебя на юг... так задумайся, откуда они взялись, и чья рука на самом деле за ними скрывается.

– Я был глупцом. – Снорри взял себя в руки.

– И всё ещё им остаёшься. Слова не могут свернуть тебя с твоего курса. Пожалуй, и ничто не сможет. Дружба, любовь, доверие – эти детские понятия покинули старуху, сидящую перед тобой... но, что бы ни говорили руны, именно это управляет тобой, Снорри вер Снагасон – дружба, любовь, доверие. Они затащат тебя в подземный мир, или спасут тебя от него. То или другое. – Она повесила голову, уставившись на огонь.

– А дверь, которую я ищу? Где мне её найти?

Экатри в размышлении поджала морщинистые губы.

– Не знаю.

Снорри почувствовал себя уязвлённым. На миг он подумал, что она всё-таки скажет ему, но видимо, оставалось надеяться, что расскажет Скилфа. Он начал разворачиваться.

– Стой. – Вэльва подняла руку. – Я не знаю. Но могу догадаться, где она может быть. Три места. – Она снова положила руку на колени. – Говорят, мир опускается в Хель в Иттмире. В бесплодных землях, что тянутся до Ёттенфола, небеса тускнеют, и народ странный. Зайди достаточно далеко, и найдёшь деревни, где никто не стареет, никто не рождается, и каждый день следует за другим без изменений. А ещё дальше люди не пьют, не едят и не спят, но только сидят и таращатся в окна. Я не слышала, что там есть дверь, но если

хочешь отправиться в Хель – это путь туда. Первый. Второй – в пещере Эридруина на побережье Харроуфьорда. Там обитают чудовища. Герой Снорри Хенгест сражался с ними, и сага о нём рассказывает о двери, что находится в самой глубокой части тех пещер – о чёрной двери. Насчёт третьей я не так уверена. Мне о ней рассказал ворон, ребёнок Кракка. Его перья были белы от старческого слабоумия. Но всё равно. В Скорроне есть озеро Веномир, чёрное, как чернила, и в нём не плавает рыба. Говорят, в его глубинах есть дверь. В старые дни люди Скоррона бросали ведьм в эти воды, и ни одна не всплыла, как обычно бывает с трупами.

– Спасибо, вэльва. – Он помедлил. – Почему ты мне рассказала? Если мой план настолько безумен?

– Ты спросил. Руны поставили дверь на твоём пути. Ты мужчина. Как и большинству мужчин, тебе нужно оказаться перед добычей, прежде чем ты сможешь по-настоящему решить. Ты не бросишь эту затею, пока не найдёшь эту дверь. Может, и тогда не бросишь. – Экатри опустила голову, и больше ничего не сказала. Снорри ещё немного подождал, потом повернулся и вышел. Глаз, плавающий в банке, наблюдал за ним.

***

– Убийцы? – Я поднял голову, причём комната вместе с головой не остановилась. – Чепуха. Ты не упоминал ни о каком нападении.

Снорри задрал куртку. По его боку, прямо по рёбрам, шла уродливая рана, покрытая соляной коростой, как он и описывал. Я, кажется, видел её, когда дочери Борриса мыли его, после того, как волк Фенрис его схватил... а может, он сидел ко мне не той стороной... в любом случае, я был так пьян, что ничего не помнил.

– Так сколько стоит нанять убийц? – спросил я. – Просто на будущее. И... где деньги? Ты, наверное, богат!

– Большую часть я отдал морю, чтобы Эгир даровал нам безопасную дорогу, – сказал Снорри.

– Ну так это нихрена не сработало! – Я вдарил по столу, может

даже чуточку сильнее, чем собирался. По пьяни я бываю вспыльчивым.

– Большую часть? – спросил Туттугу.

– Ещё заплатил вельве в Тронде, чтобы она обработала рану.

– Судя по тому, что я вижу, поработала она хреново, – заметил я, держась за стол, чтобы не свалиться.

– Это было ей не по силам, и пока мы остаёмся здесь, становится ещё хуже. Пошли, отплываем на рассвете.

Снорри встал, и, наверное, мы пошли за ним, хотя я об этом ничего не помню.

СЕМЬ

Я проснулся следующим утром под парусом. Голова так болела, что я до полудня провалился, скорчившись, на носу лодки и молил о милости смерти. Предыдущий вечер фрагментами возвращался ко мне следующие несколько дней, но понадобилась вечность, чтобы собрать кусочки в нечто осмысленное. И даже тогда осмысленности в нём было немного. Я утешался тем, что мы неуклонно двигались в сторону дома, и, следовательно, в сторону удобств цивилизации. Когда голове полегчало, я начал планировать, с кем повидаюсь в первую очередь, и где проведу первую ночь. Пожалуй, попрошу руки Лизы де Вир, если, конечно, её той ночью не затащили в оперу, и она не сгорела вместе со всеми. Она была самой красивой из дочерей старика де Вира, и я уже стал испытывать к ней сильные чувства. Особенно в её отсутствие. Мысли о доме согревали меня, и, съёжившись на носу, я мечтал туда попасть.

***

Море всегда меняется, но в основном к худшему. Холодный безжалостный дождь начался следующим утром и изводил нас весь день, гонимый ветрами, которые раскачивали океан, поднимая холмы морской воды. Ужасная маленькая лодочка Снорри барахталась, словно поросёнок, которому приспичило утопиться, и к вечеру это надоело даже норсийцам.

– Остановимся в Харроухейме, – сказал нам Снорри, вытирая бороду от дождя. – Я знаю это местечко. – Что-то в этом названии тревожило меня, но возражать я не стал, поскольку мне слишком сильно хотелось оказаться на твёрдой земле. И я полагал, что как бы Снорри ни спешил, ночь он предпочтёт провести на берегу.

Так что солнце садилось позади нас, и мы повернули в сторону тёмной береговой линии, позволив ветру гнать нас в сторону скал,

пока, наконец, не показался вход во фьорд, куда мы и заплыли. Фьорд оказался узким, шириной в пару сотен ярдов. Его берега взмывали круче лестниц, переходя в зазубренные гребни угрюмых скал, баюкавших воды.

Пока два норсийца занимались с верёвками и парусом, со мной говорила Аслауг. Она сидела на корме рядом со мной, одетая в тени и намёки, не обращая внимания на дождь и порывы ветра.

– Принц Ялан, как же они измываются над тобой при помощи этой лодки. – Она положила руку мне на колено, чёрные как смоль пальцы пачкали ткань, и в меня проникало восхитительное чувство. – Баракель теперь направляет Снорри. У норсийца нет твоей силы воли. Там, где ты мог противостоять проповедям демона, Снорри колеблется. Его инстинкты всегда были...

– Демон? – пробормотал я. – Баракель ангел.

– Ты так думаешь? – промурлыкала она мне на ухо, и внезапно я уже не знал, что думать, и меня это не слишком заботило. – Создания света принимают любой образ, какой вы позволите им украсть из легенд. Под ним все они желают одного и того же, а в друзья они вам годятся не больше, чем огонь.

Я содрогнулся под своей накидкой – прямо сейчас мне хотелось согреться, и пламя бы не помешало.

– Но огонь...

– Огонь твой враг, принц Ялан. Поработи его, и он станет служить, но отпусти его лишь на дюйм, только дай ему возможность, и повезёт, если сможешь сбежать из горящих развалин своего дома. Держись от огня подальше. Ты же не станешь прижимать к груди раскалённый уголь. Так же не стоит бросаться в объятия Баракеля и таких как он. Снорри так и поступил, и теперь от его воли остался лишь пепел – теперь он марионетка, при помощи которой свет добьётся своих целей. Глянь, как он на тебя смотрит. Как он за тобой наблюдает. Всего лишь вопрос времени, когда он начнёт действовать против тебя. Попомни мои слова, мой принц. Попомни...

Солнце зашло, и Аслауг погрузилась во тьму, которая вытекла сквозь обшивку.

Мы остановились у причала Харроухейма в сгущавшихся сумерках, ориентируясь на огни домов, стоявших на круче. К западу у бухты что-то вроде оползня образовывало широкую плоскую площадку, на которой под укрытием фьорда можно было растить зерно.

Нам махнул рукой старикан с лампой, который сидел в своей лодке, разбирая последний улов в сетях.

– Небось, захотите, чтоб я вас наверх проводил, – прошамкал он себе в бороду.

– Не волнуйся, отец. – Туттугу выбрался на причал с куда большей грацией, чем он демонстрировал на суше. Потом низко наклонился над лодкой старика. – Селёдка? Свежая. Отличный улов. В Тронде такой ещё несколько недель не увидеть.

– Ага. – Старик поднял рыбину, которая ещё слабо подёргивалась в его пальцах. – Ничё так. – И он положил её обратно. Снорри выбрался из лодки, и мне пришлось неуверенно пробираться по качавшемуся судёнышку в сторону лестницы. – Но всё равно. Лучше б мне с вами пойти. Парни там нынче нервные. Налётчики повсюду, у них как раз сезон. Оглянуться не успеете, вас уж копьями утыкают.

На слове "налётчики" мой сапог, намокший от воды под ногами, выскользнул из-под меня, и я едва не ухнул в полосу тёмной воды между причалом и лодкой. Вцепившись в опору, я понял, что больно ударился о доски и прикусил язык.

– Налётчики? – Я ощутил вкус крови и понадеялся, что это не предзнаменование.

Снорри покачал головой.

– Это ерунда. Весенние набеги кланов за жёнами. Здесь это будут люди клана Гантиш.

– Ага. И западенцы с острова Ворона. – Старик сложил сети и присоединился к нам, причём из лодки он вылез куда ловчее, чем я.

– Веди, – махнул я ему. Сейчас я рад был идти позади, если это

означало, что копьями утыкают его, а не меня.

После слов Снорри я припомнил разговоры об этом обычае в "Трёх Топорах". Люди Тронда вроде как считали ниже своего достоинства устраивать набеги за девушками брачного возраста, но любили рассказывать байки о своих неотёсанных кузенах, которые подобным занимались. В основном, кажется, этот добрый обычай негласно одобряли обе стороны – но, разумеется, если налётчик действовал настолько неумело, что его ловили, то он мог нарваться на хорошую взбучку... а иногда и нехорошую. А уж если он хватал девушку, которая не хотела, чтобы её ловили, то она могла устроить ему и кое-что похуже.

Мы шли среди хижин, и повсюду из темноты выходили люди. Наш новый друг, Старик Ингли, быстро их успокоил, и они повеселели. Некоторые узнали Снорри, а прочие узнали его имя, и вскоре мы уже шли в толпе, которая постоянно росла. Вокруг нас светили лампы и факелы, на грязные улочки выбегали дети, из освещённых дверных проёмов выглядывали матери с дочерьми, а иногда из окон, расколотых после ухода зимы, высовывались девушки из тех, что похрабрее. Одна или две из них привлекли мой взгляд. Последней была девушка с пышными формами и волосами цвета пшеницы, спускавшимися густыми волнами, и с маленькими медными колокольчиками на концах.

– Принц Ялан... – удалось мне отвесить полупоклон, прежде чем большая рука Снорри ухватила меня за плащ и потащила вперёд.

– Веди себя как следует, Ял, – прошипел он сквозь зубы, широко улыбаясь направо и налево. – Я знаю этих людей. Пускай хоть на этот раз нам не придётся убираться сломя голову.

– Разумеется! – Я высвободился. Точнее, он меня отпустил. – Я что, по-твоему, животное какое-то? Я всегда веду себя как следует! – И я зашагал за ним, поправляя воротник. Проклятый варвар, думает, что может учить манерам принца Красной Марки... хотя, личико у неё было премиленькое... и чувствительное...

– Ял!

Я понял, что иду мимо входа, куда свернули остальные. Быстро развернувшись, я прошёл через двери медового зала в дым и шум. Я бы скорее назвал его "медовая лачуга" – в сравнении с ним даже зал Олаафхейма выглядел большим. Вслед за мной внутрь зашли другие

люди, а остальные рассаживались по своим местам на длинных скамьях. Похоже, наше прибытие послужило поводом открывать бочонки и наполнять рога для вина. Видимо, мы начали веселье, а не ворвались на него. И это даёт отличное представление о Харроухейме. Настолько заброшенное и лишённое событий место, что прибытие трёх мужчин на лодке – повод для праздника.

– Ял! – Снорри хлопнул по столу, показывая на место между собой и Туттугу. Это выглядело довольно безобидно, но что-то во мне возмутилось от этого жеста – он указывал мне, где сидеть, словно хотел за мной приглядывать. Словно он мне не доверял. Мне! Принцу Красной Марки. Наследнику престола. За мной присматривает хольдар и рыбак, словно я могу опозориться в притоне дикарей. И Баракель присматривает за мной, хотя я больше и не обязан терпеть его в своей голове. С улыбкой на лице я сел, но чувствовал себя неуютно. Схватил рог и сделал большой глоток. Тёмный кислый эль моё настроение не улучшил.

Какофония споров из-за места и требований эля в основном успокоилась, превратившись в более членораздельные разговоры, и я начал понимать, что все вокруг меня говорят на норсийском. Снорри болтал с тощим стариком, выплёвывая слова, которые приличному человеку сломали бы челюсть. С другой стороны от меня Туттугу нашёл родственную душу – другого рыжего норсийца, огненная борода которого ниспадала на такой обширный живот, что ему приходилось сидеть довольно далеко от стола, и тянуться за пивом ему было нелегко. Они глубоко погрузились в беседу на старом норсийском. Начинало казаться, что только самый первый человек из тех, что мы встретили, мог говорить, как гражданин Империи.

В Тронде большинство северян знало старый язык, но за пивом, на работе и на улице все говорили на языке Империи. В основном горожане избегали старого языка, его сложных диалектов и местных вариаций, предпочитая язык торговцев и королей. На самом деле народ Тронда скатывался в норсийский, лишь подыскивая подходящее к ситуации ругательство. Оскорбления – это национальный спорт в Норсхейме, и для лучших результатов соперники любят вспоминать древние северные проклятия, предпочтительно из серии грубостей о чьей-то матери, которые можно отыскать в великих сагах.

Но в глуши всё было совершенно иначе – здесь говорили

исключительно на языке, в котором, кажется, нужно проглотить живую жабу, чтобы произнести некоторые слова, а для остальных – набрать в рот полпинты слизи. Мои познания в норсийском ограничивались способностью назвать человека придурком, или сказать девушке, что у неё отличные сиськи. Поэтому я сердито смотрел на собравшихся, предпочитая держать рот на замке, разумеется, за исключением случаев, когда заливал в него эль.

Ночь продолжалась, и, хотя я был очень рад, что сижу не в лодке, не на ветру, и под моими ногами есть пол, который благопристойно остаётся там, где его положили – но я не мог радоваться по-настоящему, когда сидел в одном тесном помещении с четырьмя десятками харроухеймцев. Я даже задумался о байках Ингли насчёт набегов, раз всё мужское население, видимо, втиснулось в медовый зал при первой же возможности.

– ....Хардасса! – Кулак Снорри подчеркнул слово ударом по столу, и я заметил, что теперь большинство местных слушало его. По тишине я догадался, что он, должно быть, рассказывает историю нашего путешествия в Чёрный форт. Будем надеяться, он не станет упоминать ключ Локи.

На мой взгляд, довольно странно, что норсийцы так плохо относились к Локи. Из всех языческих богов Локи определённо был самым сообразительным, искусным в планировании и тактике, и немало помог Асгарду в войнах против великанов. И всё же они относились к нему презрительно. В Харроухейме легко было понять, в чём тут причина. За их дочерьми не ухаживали, их не соблазняли – их увозили налётчики. В древних сказках, которыми викинги так восхищались, единственной доблестью была сила, а железо – единственной валютой, имевшей значение. Локи же с его хитростью, при помощи которой слабый человек может победить сильного, был проклятием для этих людей. Поэтому неудивительно, что в его ключе заключалось проклятие для всякого, кто хотел заполучить его силой.

Неужели Олаф Рикесон^[5] взял ключ силой и навлёк на себя проклятие Локи, и поэтому его огромная армия замёрзла в Суровых Льдах? Кто бы ни нанёс Снорри ту рану, он умнее Мёртвого Короля. Кажется, верное дело – забрать ключ при помощи полутонного волка Фенриса, но такие методы могут навлечь гнев бога.

– Ещё эля? – Туттугу начал наполнять мой рог, не дожидаясь ответа.

Я поджал губы, и меня поразила другая мысль: какого чёрта их называют "медовые залы"? С тех пор, как я прибыл на север, я выпил несколько галлонов из разных рогов, бутылей, кружек... один раз даже из ведра... в полудюжине разных медовых залов – и мне ни разу не предложили медовухи. Самое сладкое, что могут сделать норсийцы – это убрать соль из своего эля. Обдумывая эту важную мысль, я решил, что пора слить в уборную отработанный эль, и встал, лишь слегка покачиваясь.

– Всё ещё привыкаю к земле. – Я опёрся рукой на плечо Туттугу, перестал качаться и направился к двери.

Незнание местного жаргона не стало препятствием в поисках уборной: меня направлял мой нос. На обратном пути в зал моё внимание привлёк едва слышный звон колокольчиков. Лишь краткий высокий "звук". Кажется, звук исходил из переулка между двумя близстоящими зданиями – это были большие строения из брёвен. У одного даже имелся покрытый искусной резьбой фронто́н... возможно, храм. Прищурившись, я различил во мраке фигуру в плаще. Я стоял, моргал и уповал на Бога, что это не какой-то озабоченный близорукий варвар, который решил утащить меня в какую-нибудь далёкую деревню, ещё более унылую, чем Харроухейм.

Фигура не двигалась с места, скрытая в узком проходе. Из тёмных рукавов показались две стройные руки и откинули капюшон. Снова звякнули колокольчики, и выяснилось, что это девушка из окна, с такой дерзкой улыбкой на губах, которая не нуждается в переводе.

Я бросил взгляд на светящийся прямоугольник дверей медового зала, снова глянул в сторону уборной, и, не заметив никого, кто смотрел бы в мою сторону, помчался к моей новой подруге в переулке.

– Что ж, привет. – Я улыбнулся ей своей лучшей улыбкой. – Я принц Красной Марки Ялан, наследник Красной Королевы. Но ты можешь называть меня принц Ял.

Она прижала пальчик к моим губам и прошептала что-то столь же восхитительное, сколь и неразборчивое.

– Как я могу отказать? – Прошептал я в ответ, положив руку ей на бедро и задумавшись на секунду, как по-норсийски "нет".

Звякнув колокольчиками, она уклонилась от моей ладони и прижала пальцы между своими ключицами.

– Ингвильд.

– Прелестно. – Мои руки преследовали её, а я попытался выговорить её имя и решил, что не стоит.

Ингвильд со смехом отскочила и указала назад между зданиями, и с её губ снова полилась милая тарабарщина. Видя мой непонимающий взгляд, она помолчала, а потом повторила медленно и разборчиво. Конечно, не имеет никакого значения, насколько медленно и насколько разборчиво ты повторяешь тарабарщину. Возможно, там встречалось слово "задира".

Высоко над нами своё лицо показала луна, и тот скудный свет, что добрался до нашего узкого переулочка, выхватил из темноты черты девушки, осветив изгиб её щеки, её лоб, оставив глаза во мраке. Лунный свет блестел на усыпанных колокольчиками волосах, серебрился на выпуклости груди, и тени опускались к стройной талии. Внезапно уже перестало иметь значение то, что она говорила.

– Да, – сказал я, и она пошла вперёд.

Мы прошли между храмом и соседним с ним зданием; между хижинами; вокруг свинарников, где на сене хрюкали неугомонные боровы; мимо дровяников и пустых загонов, и вышли туда, где склон сменялся харроухеймским участком для земледелия. Я схватил фонарь со свечой внутри, висевший перед одной из последних хижин. Девушка зашипела и неодобрительно заахала, в то же время улыбаясь, и жестом показала мне повесить на место, но я отказался. Огарок жира в мутном стекле с крышечкой вряд ли можно было назвать кражей в крупных размерах, и будь я проклят, если собирался закончить эту ночь со сломанной ногой, или по колено в яме с грязью. Куда бы Ингвильд не направлялась, чтобы впервые отведать Красной Марки, я собирался добраться туда целым и невредимым, и не ударить в грязь лицом.

Так что мы ковыляли дальше в маленьком кружке света, по пологому склону, по перекопанной земле и уже держась за руки. Она иногда что-то говорила – звучало это соблазнительно, но с тем же успехом могло быть и замечанием о погоде. Ярдах в ста от последних хижин перед нами показался высокий сарай. Я стоял и смотрел, как Ингвильд подняла щеколду и приоткрыла дощатую створку двойной

двери, ведущей внутрь грубого бревенчатого здания. Она обернулась через плечо, улыбаясь, и зашла внутрь, поглощённая темнотой. Пару секунд я раздумывал, насколько мудро поступаю, а потом последовал за ней.

Свет лампы не достигал крыши или стен, но я видел, что здесь хранилось сено и фермерские принадлежности. И того и другого немного, но хватало, чтобы запнуться. Ингвильд снова попыталась заставить меня отказаться от лампы, указывая на дверь, но я улыбнулся и притянул её к себе, поцелуем сняв с губ все возражения. В конце концов, она закатила глаза и высвободилась, чтобы снова закрыть дверь.

Взяв меня за руку, Ингвильд провела меня вглубь сарая, где наверх, к этажу над основным сеновалом, шла лестница. Я поднялся за девушкой, улучив возможность насладиться грязными, но фигуристыми ножками, исчезающими в тени юбок. На самом верху из кучи сена было сложено что-то, смутно напоминавшее гнездо.

В Красной Марке сеновал весной может быть и неплохим местечком, где можно покувыркаться со случайной крестьянкой или дружелюбной фермерской девчонкой. Хотя в этих непристойных историях вам никогда не расскажут, насколько всё зудит от сена, как оно колется, и как лезет в такие места, где ни один из участников не пожелал бы ничего острого или зудящего. Сеновал в Норсхейме весной, пожалуй, похож на ледник. Ни один человек в своём уме, как бы ему не хотелось любовных утех, не станет здесь расставаться ни с одним предметом одежды, и кажется, что любой, кто высунет голову на ледяной воздух, немедленно съёжится и умрёт. Я поставил лампу рядом с нами, и, глядя на клубы пара от дыхания, задумался, есть ли способ ускользнуть обратно в медовый зал, сохранив при этом остатки гордости. С другой стороны Ингвильд вроде бы хотела продолжать, как и планировалось, и улыбаясь, жестикулируя, а потом и нетерпеливо кивая головой, она опустила на четвереньки, показывая мне, чтобы я поспешил со своей частью.

– Дай мне минутку, И... Ингв... любезная. – Я подержал руки над лампой, чтобы немного согреть. – Холодный воздух мужчине никогда не угождает.

Норсийские женщины бывают весьма страстными, и Ингвильд не была исключением: она прижала меня спиной к стене и принялась задира́ть множество грубых юбок, чтобы приступить к делу. Ещё

немного повозившись заоченелыми пальцами и почти не раздеваясь, мы с Ингвильд сомкнулись в позе, нередко встречающейся на фермах, причём у меня возникло несколько оскорбительное чувство, будто я нахожусь в бутерброде между стеной амбара и моей пассивностью.

Несмотря на кусачий холод, зудящее сено и жёсткие доски, я наконец-то начал наслаждаться. Всё же Ингвильд была привлекательной, увлечённой и энергичной. Я даже немного согрелся и начал позвякивать её колокольчиками. Протянув руки, я взял её за плечи, и принялся выяснять, какие ноты удастся из неё извлечь. Звон стал громче, наслаждение нарастало... звуки стали более хрипыми...

– Вот так! Громче! Могу поспорить, ни один норсиец не звонил на твоих...

Посреди этого бахвальства пришло понимание, что даже самый лучший любовник в мире не сможет добиться настолько глубокого и громкого перезвона от медных колокольчиков Ингвильд. Я открыл глаза и, продолжая ритмично стучаться задницей об стену, выглянул за край пола и увидел, что внизу в сарае теперь полно коров, всё больше животных заходит в двери, и у каждой на шее – большой колокольчик.

– Ты, уффф! Ты не, уфффф! Закрывает дверь как следует!

Ингвильд, видимо, была так занята, что не заметила, или не волновалась из-за этого, а может, решила, что я своим комментарием призывал её усилить накал. Ещё некоторое время я стоял на коленях, пытаюсь не удариться головой о доски.

– Да... возможно, нам стоит потише... – Казалось, её энтузиазм с каждой секундой привлекал всё больше коров. – Тсссс! – На неё это не оказывало никакого впечатления. Немного беспомощно я уставился на коровье море внизу. Те животные, что не ели сено и не гадили на пол, тарасились на меня в ответ. А когда за звяканьем колокольчиков Ингвильд, за её вздохами и за звоном коровьих колоколов я услышал голоса приближавшихся мужчин, я начал паниковать.

– Любезная, не могла бы ты, уффф! – На этот раз я довольно сильно ударился головой, добавив гнев к смеси возрастающей паники и невольной похоти. – Заткнуться!

Судя по звукам, приближалось немало харроухеймцев, и их

голоса становились всё более заинтересованными и встревоженными. Наверное, когда они поймут, что коровы вошли в сарай, ситуация станет несколько более напряжённой. Кто знает, что они сделают, если увидят, как иностранец растлевают их деву!

– Пора прекращать, И... – Я снова ударился головой, пытаюсь выговорить её имя. – Стой! Они идут!

К несчастью, Ингвильд, по всей видимости, приняла мою настойчивость за воодушевление и совершенно не собиралась останавливаться. В маленькое окошко над дверями я увидел свет фонаря в поле.

– Хватит! – С большим трудом мне удалось оттолкнуть Ингвильд достаточно далеко и высвободиться от стены. Она упала, к несчастью ничком, задела плечом лампу, и та свалилась.

– Ох, чёрт! – Удивительно, как быстро огонь охватывает сено. Я отполз на заднице, пиная по ближайшим ко мне горящим комьям. Они тут же попадали вниз в основной сеновал. Спустя несколько секунд под нами раздалось громкое мычание, которое быстро переросло в животную панику. Ингвильд перекатилась, с полным ртом сена, и с недоумением оглянулась – это выражение быстро сменилось на ярость, а потом на ужас.

– Нет! Нет-нет-нет-нет-нет! – Я попытался затоптать горящее сено, но лишь помог огню распространиться. Тем временем коровы внизу в панике начали проталкиваться в двери сарая, пылко желая оказаться снаружи. Судя по пронзительным воплям, едва слышным за общим грохотом стада, в награду за любопытство животные неслабо помяли местных, привлечённых необычным поведением коров.

– Быстрее! – По-джентльменски, как и всегда, я спускался первым, проверяя, что путь безопасен – то бишь, с безрассудной скоростью съехал по лестнице, наплевав на занозы. В воздухе уже пахло дымом и было жарко, как в аду. Кашляя и хрипя, я добрался до задней стены сарая, решив, что там должна быть дверь, и что она ближе. А ещё – хотя по большому счёту огонь был первым в списке моих приоритетов – мне не хотелось выскочить из огня напрямик в полымя. Выбравшись через задний ход, я смог бы незаметно сбежать и выкрутиться из этой заварушки.

– Чёрт! – Я остановился, как вкопанный. Передо мной оказалась небольшая дверь, заваленная несколькими дымящимися копнами

сена. Ингвильд врезалась мне в спину, и я полетел в ближайшую копну, которая тут же запылала, словно разъярённая моим приближением. Слёзы заливали глаза, дым слепил и окутывал такими густыми клубами, что видно было только языки пламени. Ингвильд прокашляла какие-то слова, ещё менее понятные от недостатка воздуха, и сунула что-то мне в руку. Похоже, это был какой-то фермерский инструмент: два острых железных шипа на деревянной рукояти. Где-то на задворках разума всплыло слово "вилы", хотя, возможно, я мог бы применить это название к любому крестьянскому орудью. Ингвильд ещё что-то пролопотала, дёргая меня за руку, и толкнула вперёд. Девчонка явно спятила от страха, но мы, Кендеты, знамениты способностью сохранять рассудительность и демонстрировать новаторское мышление. Так что я принялся откидывать в сторону горящее сено этим приспособлением. Наверное, суровость положения придала сил моим мышцам, и мне удалось раскидать копны по сторонам, несмотря на недостаток воздуха, и на то, что каждая была тяжелее меня. За спиной ревел огонь, а я из последних сил пинком распахнул дверь, и мы оба вывалились наружу.

Свет пожара из дверного проёма внезапно озарил конусом тьму, осветив пять или шесть мужиков в сером, бегущих прочь по полю. Мне было плевать, что им нужно, но в запале, обнаружив, что вилы в моей руке охвачены огнём, я завопил и бросил инструмент в убегающих людей. Интерес к орудью иссяк в ту же секунду, как оно покинуло мои опалённые руки, поскольку я обнаружил, что плащ на мне тоже горит.

***

Мы с Ингвильд ковыляли по полю в сопровождении мычащего стада. Сзади нас освещал вихрь inferno, поглотивший сарай спустя несколько секунд после того, как мы из него выбежали. Когда мы добрались до деревни, оказалось, что путь нам преграждают несколько дюжин харроухеймцев. Они стояли, разинув рты, вокруг своих лачуг и сараев, и огонь за нашими спинами отражался на их лицах. Среди них угрожающе возвышался Снорри.

– Скажи, что это не ты... – По взгляду, который он в меня метнул, я уверился, что остатки моего плаща всё ещё дымятся.

– Я... – Не успел я начать лгать, как Ингвильд высвободилась из-под моей руки, которой я опирался на неё, и заговорила с поразительной скоростью и громкостью. Я стоял, немного смущённый, а девица указывала в мою сторону, сопровождая слова изрядной пантомимой, которая, как я предположил, описывала недавние события. Какой-то частью я ожидал, что девушка сейчас рухнет на четвереньки, чтобы в точности показать, как конкретно южное чудовище надругалось над цветком Харроухейма.

Ингвильд остановилась перевести дух, и Туттугу крикнул мне:

– В какую сторону они сбежали?

– Эмм... – К счастью Ингвильд спасла меня от необходимости изобретать ответ, угадывая, что она наговорила. Как только её лёгкие снова наполнились, она пустилась во вторую часть своей байки.

– Вилы? – Спросил Снорри, и перевёл взгляд с Ингвильд на меня, подняв бровь.

– Ну, приходится импровизировать, – пожал я плечами. – При необходимости мы, принцы, можем превратить в оружие почти любой предмет.

Не сбавляя пыла, Ингвильд продолжала изливать свою историю с той же громкостью, но внимание толпы уже сместилось с неё на темноту, из которой с поля выходили три воина – один размахивал предметом, похожим на обсуждаемые вилы, и рывкал что-то неприятно похожее на обвинения. Я покровительственно обнял Ингвильд за плечи, чтобы использовать её в качестве щита.

– Слушайте сюда! Я... – Тут моё бахвальство временно иссякло, поскольку я пытался придумать, что бы такого крикнуть в свою защиту, после чего из меня не сделают мишень для метания топоров.

– Он говорит, когда они догнали налётчиков, те вытаскивали это из задницы своего товарища, – сказал Снорри, и короткостриженую тьму его бороды расколола ухмылка. – Так значит, ты спас Ингвильд и погнался за... сколько их там было? Шестеро? С вилами? Восхитительно. – Он рассмеялся и хлопнул Туттугу по плечу. – Но зачем им сжигать сеновал? Этого я не понял. На встрече кланов за это придётся немало заплатить!

– А-а, – сказал я, чтобы дать себе передышку, пока до меня дойдёт вся ложь. Ингвильд в сложных обстоятельствах оказалась весьма творческой девушкой. – Может, это произошло случайно? Наверное, один из идиотов взял лампу на сеновал – может, они планировали собрать там несколько девушек, прежде чем отправиться домой. Наверное, уронили от возбуждения...

Снорри повторил мои слова по-норсийски для собравшейся толпы. Когда он закончил, опустилась тишина, и больше четырёх десятков харроухеймцев сурово уставились на меня во мраке, освещённом пожаром. Я подумал, что если толкнуть Ингвильд к их ногам и побежать, то в ночи мне удастся скрыться. Я уже напрягся для толчка, когда без предупреждения понеслись радостные крики, бороды расплылись в широких улыбках, полных гнилых зубов, и, прежде чем я понял, что происходит, мы уже топали по грязным улицам назад в медовый зал. На этот раз туда набилось вдвое больше народу, и половина из них женщины. Эль снова полился рекой, и я оказался зажат между Ингвильд и женщиной постарше, но не менее привлекательной. Снорри уверил меня, что это её сестра, а не мать, и я начал думать, что у ночи в Харроухейме всё-таки есть своё очарование.

***

Уплывали мы поутру с больными головами и смутными воспоминаниями о ночных событиях. Дождь стих, безжалостный ветер сжалился, а настоящая история о том, как сеновал сгорел дотла, так и не открылась. Так что – самое время отправляться. Хотя, всё равно, я задержался бы на денёк, или на три, но Снорри был настойчив, и всё его добродушие исчезло. Я видел, как он держался за бок над отравленной раной, когда думал, что на него никто не смотрит, и знал, что он чувствовал тот зов, тянущий его на юг.

Печально, но ни Ингвильд, ни её сестра с ещё менее произносимым именем, не пришли посмотреть, как я отплываю. Впрочем, они обе улыбнулись, когда Снорри вытащил меня тем утром из-под шкур, и это тепло согревало меня от холодного ветра,

когда мы подняли парус.

Харроухейм удалялся, и расставаться с этим норсиейским городом мне было тяжелее, чем с Трондом, Олаафхеймом и Хааргфьордом. Но всё равно, красоты Вермильона манили. Вино, женщины, песни... желательнее не опера... и я уж точно отыщу Лизу де Вир, а может и женюсь на ней однажды.

***

– Мы плывём не туда! – мне понадобилось почти полчаса, чтобы сообразить это. Фьорд немного сузился, и моря было не видеть.

– Мы плывём вглубь Харроуфьорда, – ответил Снорри у руля.

– Вглубь? – Я посмотрел на солнце. Так оно и было. – Зачем? И откуда я знаю это название?

– Я говорил тебе о нём четыре ночи назад. Экатри сказала мне...

– Пещера Эридруина. Чудовища! – Воспоминания вмиг вернулись ко мне, как неожиданная рвота во рту. Безумная история вельвы о двери в пещере.

– Этому суждено было случиться. Это судьба. Мой тёзка плыл здесь три века тому назад.

– Снорри Хенгест здесь умер, – сказал Туттугу с носа лодки. – Надо встретиться со Скилфой. Она подскажет путь лучше. Снорри, сюда никто не заходит. Это плохое место.

– Мы ищем плохую вещь.

Вот и всё. Мы плыли дальше.

***

– Так кем был этот Эридруин? – Плыть по фьорду бесконечно лучше, чем по морю. Вода стоит на своём месте, а берег так близко, что даже я смог бы до него добраться, если б дело дошло до плавания. Впрочем, я бы предпочёл плыть по бурным морям прочь от любого места, известного своими чудищами, чем плыть в него по самому спокойному пруду. – Кем, говорю, был...

– Не знаю. Туттугу? – Снорри не отводил глаз от левого берега.

Туттугу пожал плечами.

– Духу Эридруина, должно быть, больно – ведь он так знаменит, что его имя сохранилось, но не настолько знаменит, чтобы хоть кто-нибудь помнил, за что его помнят.

Суровый ветер гнал нас от моря. День был серым, солнце показывалось ненадолго и выглядело слабым. К вечеру мы проплыли миль тридцать, и не встретили никакого жилья. Я-то думал, что налётчики явились в Харроухейм из глубины фьорда, но здесь никто не жил. Туттугу был прав. Плохое место. Почему-то это было понятно. Нет, ничего простого, вроде мёртвых скрюченных деревьев или скал угрожающей формы... просто чувство, неправильность, точное знание, что мир здесь истончается, и то, что ждёт под поверхностью, нас не любит. Я смотрел, как солнце садится за высокие гребни и слушал. Харроуфьорд не был тихим или безжизненным – вода плескала по корпусу лодки, хлопали паруса, пели птицы... но звучали все нестройно, словно жаворонки вот-вот сорвутся на крик. Это почти можно было услышать – какая-то жуткая мелодия прямо за границей слышимости.

– Вон там. – Снорри указал влево на крутой берег. Оттуда на нас смотрела пещера Эридруина, словно тёмный глаз посреди каменистых склонов. Она не могла быть ничем иным.

Норсийцы спустили паруса и вывели нас на отмель. Во фьордах отмели глубокие, и опускаются так же круто, как и долины, в которых эти фьорды располагаются. Я спрыгнул в ярде от берега и промок почти по пояс.

– Ты просто пойдёшь туда... прямо сейчас? – Я огляделся в поисках обещанных чудовищ. – Может, лучше подождать и... составить план?

Снорри положил топор на плечо.

– Ял, ты хочешь дождаться темноты?

В этом был смысл.

– Я посторожу лодку.

Снорри привязал лодку к булыжнику, торчавшему из воды.

– Пошли.

И норсийцы пошли. Туттугу, по крайней мере, выглядел так, словно предпочёл бы остаться, и бросал взгляды налево и направо. Он нёс верёвку, много раз обёрнутую вокруг него, а на его поясе качалось две лампы.

Тогда я побежал за ними. Почему-то самым ужасным мне показалось остаться в этом месте одному, сидеть у спокойной воды, пока ночь спускается по склонам.

– И где чудовища? – Не то чтобы я хотел на них посмотреть... но если они здесь, то лучше знать, где именно.

Снорри остановился и огляделся. Я немедленно уселся, чтобы перевести дух. Он пожал плечами.

– Я ни одного не вижу. Но с другой стороны, какие места оправдывают свою репутацию? Я бывал во многих местах с названиями вроде "Великанское То" или "Тролье Сё", не встретив там ни духу ни тех ни других. Я взбирался на "Рог Одина", и его там тоже не встретил.

– И "Красны Девицы" тоже сильно разочаровывают, – кивнул Туттугу. – Кому пришло в голову называть так три скалистых острова, населённых уродливыми волосатыми мужиками и их уродливыми волосатыми жёнами?

Снорри снова кивнул в сторону склона и направился туда. Местами тот был круче ступенек, и, взбираясь, мне приходилось хвататься руками за камни.

Я карабкался, в любой миг ожидая нападения. Казалось, я вот-вот увижу кости с отметинами от зубов среди скал – целые завалы костей, посеревших от возраста, а также свежих и влажных. Но вместо этого увидел лишь ещё больше камней. И то растущее чувство неправильности теперь шелестело вокруг, уже хорошо слышимое, но слишком тихое, чтобы разобрать слова.

Спустя несколько минут мы стояли перед входом в пещеру. Это была каменистая глотка, окаймлённая сверху лишаем, и с пятнами чёрного ила в тех местах, где сочилась вода. Там могли пройти два десятка человек в ряд, и пещера бы их поглотила.

– Слышите? – проговорил Туттугу, побледневший сильнее обычного.

Мы слышали, хотя возможно каждому из нас пещера говорила разные слова. Я слышал женщину, шепчущую своему малышу, сначала тихо, обещая любовь... потом резче, напряжённее, обещая защиту... а потом с ужасом, хрипло, обещая... я громко заговорил, чтобы заглушить шёпот:

– Надо уходить. Это место сведёт нас с ума. – Я уже начал думать, прекратится ли голос, если я сброшусь со склона?

– Я ничего не слышу. – Снорри вошёл внутрь. Возможно, его собственные демоны говорили громче пещеры.

Я по привычке сделал шаг за ним, а потом одёрнул себя. Пальцы в ушах не помогали заглушить женский голос. Хуже того, я понял, что в нём было нечто знакомое.

Снорри пошёл медленнее, поскольку пол пещеры начал опускаться – крутой, как долина позади нас, но ещё скользкий от слизи, и без каких-либо поручней. Дальше крутизна усиливалась, а пещера сужалась, превращаясь в чёрную голодную глотку.

– Нет.

Между Снорри и мной, в тени пещеры, там, где Снорри только что прошёл, стоял высокий человек. Молодой человек в странной распахнутой спереди белой мантии с рукавами. Он не улыбаясь смотрел на нас каменно-серыми глазами. Когда мужчина заговорил, все голоса отступили – и моя женщина с мёртвым ребёнком, и все остальные. Не исчезли, но стихли до шипения, какое можно услышать в морской раковине.

Снорри повернулся, снимая топор со спины.

– Мне нужно найти дверь в Хель.

– Такие двери для людей закрыты. – Тогда мужчина улыбнулся, хотя в этом не было ни капли доброты. – Проведи ножом по венам, и довольно скоро там окажешься.

– У меня есть ключ, – сказал Снорри и собрался продолжать спуск.

– Я сказал, нет. – Мужчина поднял руку, и мы услышали, как застонали кости земли. От потолка пещеры откололись куски камня, за ними стала опускаться пыль.

– Кто ты? – Снорри снова встал лицом к нему.

– Я прошёл через дверь.

– Ты мёртв? – Снорри, теперь заинтересовавшись, сделал шаг к мужчине. – И ты вернулся?

– Эта часть меня определённо мертва. Нельзя прожить так долго, как я, не умерев чуть-чуть. Мои эхо есть в Хель. – Мужчина наклонил голову, словно озадаченный, словно думал про себя. – Покажи мне свой ключ.

– Кто ты? – Повторил Снорри свой первый вопрос.

Туттугу рядом со мной перестал зажимать уши руками. Он раскрыл зажмуренные глаза, схватил свой топор с пола пещеры и подполз ко мне.

– Кто? Кем я был? Тот человек умер, а его кожу носит более старый. Я всего лишь эхо – как другие эхом отзываются здесь – только мой голос самый сильный. Я не я. Всего лишь фрагмент, не знающий предназначения...

– Кто...

– Я не стану обсуждать своё имя перед воином, присягнувшим свету. – Казалось, мертвец взял себя в руки. – Покажи мне свой ключ. Наверное, в нём причина того, что я здесь.

Снорри поджал губы, а потом убрал одну руку с топора и вытащил ключ Локи из-под куртки. – Вот. А теперь, тень, если ты мне не поможешь, то сгинь.

– А-а. Хорошо. Это хороший ключ. Отдай его мне. – Теперь в нём чувствовался голод.

– Нет. Покажи мне дверь, призрак.

– Отдай мне ключ, и я позволю тебе идти дальше по твоему пути.

– Ключ мне нужен, чтобы открыть дверь.

– Раньше я так и думал. У меня было много неудач. Я называл себя магом дверей – но очень много дверей мне не поддавались. Ключ, который ты держишь, когда-то, давным-давно, был украден у меня. Смерть стала первой дверью, которую я открыл без него. Некоторые двери надо только толкнуть. У других нужно поднять щеколду. Некоторые заперты, но острый ум в состоянии отпереть большинство замков. Только три мне так и не поддались. Тьма, Свет и Колесо. И когда ты отдашь мне ключ, я завладею и ими.

Снорри посмотрел в мою сторону и поманил меня.

– Ял, нужно, чтобы ты запер за мной дверь. Возьми ключ и отдай Скилфе. Она знает, как его уничтожить.

– Варвар, у меня есть кое-что, нужное тебе.

Рядом с магом дверей стоял ребёнок, которого тот держал сзади за шею. Маленькая девочка в оборванной шерстяной сорочке, босоногая, с грязными ступнями. Мужчина наклонил её голову вниз, и светлые волосы закрывали лицо.

– Эймирья? – Выдохнул Снорри.

Девочка держала в руке деревянную куклу.

– Эми? – Закричал он. В его голосе слышался ужас.

– Ключ, или я сломаю ей шею.

Снорри сунул руку под куртку и сорвал ключ со шнура.

– Забирай. – Он шагнул вперёд, небрежно сунув ключ магу в руку, не отрывая взгляда от дочери, и склонился перед ней. – Эми? Милая?

Тут одновременно случились две вещи. Каким-то образом маг выронил ключ Локи, и, стараясь его поймать, упал и выпустил шею ребёнка. Она подняла голову, откинув волосы. Её лицо было сплошной раной, виднелись тёмно-красные мышцы щёк, порванная кожа и жир. Она открыла рот и изрыгнула мух – жужжащий поток из тысяч мух. Снорри упал назад, а она вскочила на него, и из плоти на руках прорезались чёрные когти.

Я мельком увидел Снорри в тёмном облаке – он лежал на спине, стараясь не дать твари-ребёнку вырвать ему глаза. Туттугу бросился

вперёд, закрывая лицо, и взмахнул топором. Каким-то образом он не задел Снорри, зато попал в демона, и сила удара сбила её с викинга. Секунду девочка скреблась на грязном склоне, оглушительно нечеловечески визжа, а потом, завывая, упала прочь, во всепоглощающую темноту. Мухи полетели за ней следом, словно дым, втянутый открытым ртом.

Когда оглушительное жужжание стихло, я услышал смех. Отвернувшись от горловины пещеры, я увидел, что маг так и сидит, скрючившись, на земле, и ключ по-прежнему лежит перед ним на камне. Он не смотрел на Снорри, только на ключ. Он снова попытался его поднять, но каким-то образом его пальцы прошли сквозь ключ. Он снова разразился жутким, горьким хохотом, и от этого звука у меня заныли зубы, словно сделавшись очень хрупкими.

– Я не могу к нему прикоснуться. Я даже прикоснуться к нему не могу.

Снорри поднялся на ноги и бросился на мужчину, с рёвом отбросив его назад. Маг, сильно врезавшись в скалу, свалился. Снорри сгрёб ключ и потёр плечо, которым врезался в противника. На его лице было написано отвращение, словно от прикосновения его затошнило.

– Что ты сделал с моей дочерью? – Снорри подошёл к магу, подняв топор.

Тот, похоже, не слышал. Он встал, уставившись на свои руки.

– Столько лет прошло, а я даже не могу его взять... Видимо, это всё шуточки Локи. Но ты всё равно принесёшь его мне. Ты принесёшь мне этот ключ.

– Что ты с ней сделал? – Раньше я ещё не слышал, чтобы голос Снорри звучал так убийственно.

– Ты не можешь угрожать мне. Я мёртв. Я...

Топор Снорри срубил мужчине голову. Та ударилась об землю, отскочила и укатилась. Тело стояло так долго, что уж точно будет являться мне в кошмарах, а потом упало. Обрубок шеи оказался бледным и бескровным.

– Пошли. – Снорри начал спускаться в чёрную горловину пещеры, встав на четвереньки вперёд ногами, ища опоры, способные выдержать его вес. – Оставь его!

Я отвернулся от останков человека, призрака, эхо, кем бы он там ни был.

Снова усилился шёпот. Я слышал плач женщины, и этот звук скрежетал по моему разуму.

– Ял! – Крикнул мне Снорри.

– Я сказал, *нет!*

Я обернулся на голос. Посмотрел на отрубленную голову. Она таращилась на меня в ответ.

Я попытался заговорить, но вместо меня ответил голос, гораздо более глубокий, чем мой. Где-то глубоко под нами загромыхла земля, и камни, лежавшие десятки тысяч лет, заговорили разом, и это был не шёпот, а далёкий рёв.

– Что? – Я посмотрел туда, где висел Снорри, на его лице было написано недоумение.

– Лучше бегите. – Сказала голова на земле, её губы изгибались, а слова звучали внутри моего черепа.

До нас из глубины донёсся рёв и грохот падающих камней – ужасный скрежет, словно каменные зубы пожирали пространство.

– Бежим! – крикнул я, и сам последовал своему совету. Бросив последний взгляд на пещеру, я заметил, что Туттугу бежит следом за мной, а Снорри за его спиной всё ещё пытается выбраться из пропасти.

Я выбежал под свисавшим лишаем, и в меня тут же врезался Туттугу. От удара я отлетел в сторону и растянулся на земле, что, возможно, спасло мне жизнь, поскольку иначе от ужаса я бы самоубийственно побежал по круче в сторону фьорда.

– Быстрее! – прохрипел я, пытаясь вдохнуть воздуха в опустошённые лёгкие.

Мы с Туттугу, шатаясь, начали спускаться по склону, вцепившись друг в друга, а за нашими спинами вздымалось облако раздробленных в порошок камней. Мы упали на землю и оглянулись на пещеру, которая выдохнула пыль, словно какой-то громадный дракон, со свистом выпустивший дым из пасти. Нас затрясло от скрытого грома, эхом отразившегося в моей груди.

– Снорри? – спросил Туттугу, без надежды уставившись на вход в пещеру.

Я собирался покачать головой, но там из облака появилась серая с ног до головы фигура – это вышел плюющийся и кашляющий Снорри.

Он рухнул рядом с нами, и долгое время ни один из нас не произносил ни слова.

Наконец, когда последняя пыль опускалась на воду перед нами, я озвучил очевидное:

– Эту дверь теперь не откроет ни один ключ в мире.

ВОСЕМЬ

Мы снова плыли на юг вдоль побережья Норсхейма. Снорри, очевидно, оставалось лишь отправиться в пустоши Иттмира в далёком и негостеприимном королевстве Финн, или к отравленному озеру в ещё более далёком Скорроне. Так что он решил сперва найти Скилфу, как раньше и планировал. А пока его поиски давали больше вопросов, чем ответов.

Как и предыдущим вечером, когда мы плыли по фьорду от обрушившейся пещеры Эридруина, явилась Аслауг, и стала предостерегать меня от планов норсийца.

– Ключ ведёт Снорри и станет его погибелью, и погибелью любого, кто отправится с ним.

– Говорят, это ключ Локи, – ответил я. – Неужели ты не доверяешь своему отцу?

– Ха!

– Неужели дочь лжи не может разглядеть уловок отца?

– Да, я лгу. – Она улыбнулась такой улыбкой, которая заставляет мужчин улыбаться в ответ. – Но моя ложь – мелочь, по сравнению с той, что сплетает мой отец. Он может четырьмя словами отравить целый народ. – Она тронула руками моё лицо, прикосновение было сухим и прохладным. – Хотя ключ и открывает любую дверь, но он запирает тебя в твоей судьбе. Лучшие лжецы всегда говорят правду – они просто выбирают нужные её части. Например, я могу честно сказать тебе, что если будешь сражаться в равноденствие, то твоя армия победит – но, возможно, твоя армия будет в том месяце побеждать каждый день, а в равноденствие *ты* не выживешь и не увидишь бегство своего врага.

– Что ж, поверь мне, я собираюсь остаться в Вермильоне. Меня на порог Келема не затащить и лошадьми, хоть дикими, хоть прирученными.

– Хорошо. – И снова улыбка. – Келем хочет завладеть дверью в ночь. Пусть лучше она никогда не будет открыта, чем старый маг

получит над ней контроль. Но оставь ключ себе, принц Ялан, и возможно мы с тобой откроем эту дверь вместе. Я сделаю тебя королём Теней, и стану твоей королевой.

Солнце село, она растворилась во мраке, и последней исчезла её улыбка.

***

Мы пополняли запасы еды и воды в маленьких общинах, а в большие порты не заходили. Спустя семь дней плавания от причалов Харроухейма мы оказались перед Берентоппенем, нашей последней остановкой в землях Норсхейма. Об этих семи днях лучше не вспоминать. Я думал, что повидал худшие стороны путешествия по морю, когда "Икея" везла нас на север. Тогда, прежде чем вырубиться, я видел, как волны высотой с человека били в борт ладьи, и всё судно крутилось, кажется, совершенно бесконтрольно. Но шторм, который догнал нас между Харроухеймом и Берентоппенем, даже Снорри назвал "немного ветрено". Ветер поднимал волны высотой с дом, превращая весь океан в постоянно вздымавшуюся зыбь. В один миг наша маленькая лодочка оказывалась глубоко в водной долине, окружённая громадными тёмными горами морской воды, а в следующий мы уже взмывали в небеса, поднимаясь на самый гребень покрытого пеной холма. Казалось, наверняка эта волна поднимает наше судёнышко лишь для того, чтобы швырнуть в последние объятия следующей. И где-то в этом долгом мокром кошмаре Снорри решил назвать нашу лодку "Морской Тролль".

***

Единственная нормальная причина не спать, когда встаёт солнце — это если ночная пьянка ещё не закончилась, или если

требовательная юная дама не даёт тебе уснуть. Или и то и другое. А если ты замёрз, промок и страдаешь от морской болезни – то это причина не нормальная, но именно из-за неё я не спал.

Берентоппен на заре высился среди множества своих сородичей поменьше. Его отмечала крошечная струйка дыма, поднимавшаяся с тупой вершины. Эта гряда располагалась в западной части владений ярла Бергена, и с этих берегов мы собирались отправиться в открытое море к континенту.

Туттугу правил к далёкому берегу, а я смотрел на горы с глубочайшим недоверием. Снорри спал, словно океан укачивал его не хуже люльки, и выглядел так умиротворённо, что мне захотелось его пнуть.

Снорри сказал, что на севере каждый ребёнок знает: Скилфу можно найти в Берентоппене. *Как море замёрзнет, и до оттепели весенней, Скилфа живёт в зале Берена.* Впрочем, даже из кривоzubых седых старцев, сидящих на скамьях в залах ярлов, лишь немногие могли рассказать, где именно на огненной горе она живёт. Снорри явно и понятия об этом не имел. Я смотрел на этот большой мрачный комок мышц и думал, куда бы его пнуть, когда он открыл глаза, избавив меня от усилий.

Как только солнце взошло над южной стороной далёкого вулкана, в его лучах вышел Баракель. Он шагал по морю, приближаясь, когда на волнах отражались отблески дневного света. Его огромные крылья захватывали свет и, казалось, полыхали. Огонь отражался от каждой бронзовой чешуйки его доспехов. Я попытался укрыться на носу лодки. Я и не думал, что смогу по-прежнему видеть ангела, а, поскольку у меня не было привычки встречать рассвет вместе со Снорри, то и проверить такое предположение я бы не смог.

– Снорри! – Валькирий стоял перед нами на волнах, глядя сверху вниз с высоты немногим меньше мачты "Морского Тролля". Его голос я воспринял с тихим ужасом. Неужели Снорри тоже мог видеть Аслауг и слышать всё, что я ей говорил? Это было бы неприятно, и этот козёл ни разу не упоминал ни о чём подобном.

– Мне надо найти Скилфу. – Снорри сел, держась за борт лодки. Времени у него было немного, Баракель исчезнет, как только солнце выйдет из-за горы. – Где её пещера?

– Гора – это место света и тьмы. – Баракель указал мечом на

Берентоппен, и солнечный свет запылял на стали. – Хорошо, что ты и... – Баракель глянул в мою сторону, и я опустил голову, скрываясь из вида. – ...он... связаны. Впрочем, не доверяй этому грошовому принцу. Теперь тёмная шлюха льёт ему отраву в уши. Вскоре он попытается отобрать у тебя ключ. Этот ключ должен быть уничтожен, и быстро. Не давай ему времени и возможности осуществить её волю. Скилфа сможет...

– Ключ мой, и я им воспользуюсь.

– Снорри, его украдут у тебя, и он попадёт в наихудшие руки. В этом безумии ты послужишь только Мёртвому Королю. Даже если ты ускользнёшь от его подручных и сможешь отыскать дверь... через неё не пройдёт ничего хорошего. Мёртвый Король – тот самый, который навлёк на тебя все эти несчастья – хочет, чтобы дверь смерти открылась. И его желание открыть её – единственная причина, по которой твой народ, твоя жена и твои дети мертвы. А теперь ты ищешь способ поработать на него. Кто знает, сколько нерождённых он собрал по ту сторону, которые только и ждут мгновения, когда ключ повернётся в замке, чтобы пройти сюда?

Снорри покачал головой.

– Я верну их. Сколько ни повторяй, Баракель, этого не изменить.

– Рассвет всё изменяет, Снорри. Счёта солнца не перенесёт ничто. Взвали на что угодно достаточно тяжести рассветов, и оно *обязательно* изменится. Даже сами скалы не переживут утра.

Солнце уже встало за плечом Баракеля. Уже через несколько секунд оно должно было выйти полностью.

– Где мне найти Скилфу?

– Её пещера выходит на север от горловины вулкана. – И Баракель распался на золотые кусочки, искрившиеся и угасавшие в волнах, которые, в конце концов, стали всего лишь утренним светом, танцующим в морских водах.

Я поднял голову, проверить, что ангел действительно исчез.

– Насчёт ключа он прав, – сказал я.

Туттугу озадаченно посмотрел на меня.

Снорри фыркнул, покачал головой и принялся налаживать парус. Он взял у Туттугу руль и направил "Морского Тролля" к основанию

горы. Вскоре наше судно заметили чайки и стали кружить над ним в вышине, добавляя свои крики к завываниям ветра и плеску волн. Снорри очень глубоко вздохнул и улыбнулся. Под перьями облаков в ярком утреннем свете казалось, что даже самый нагруженный горем человек может ощутить минуту покоя.

***

Когда позже мы добрались до берега, Снорри и Туттугу пришлось вытаскивать меня из лодки, словно мешок с провизией. После стольких дней рвоты я был совершенно обезвожен и слаб, как новорождённый. Свой плащ я развернул в нескольких ярдах над линией прилива, решив лечь и больше никогда не двигаться. Чёрный песок с нездоровыми жёлтыми полосами тянулся до линии прибоя. Я нерешительно попинал его – песок оказался грубым и смешанным с обломками хрупкого чёрного камня с бесчисленными пузырьками внутри.

– Вулканический. – Снорри поставил мешок, который вытащил из лодки, и взял пригоршню чёрного песка, пропустив его сквозь пальцы.

– Я буду охранять берег, – я похлопал по песку.

– Поднимайся, прогулка тебе не мешает. – Снорри протянул мне руку.

Я улёгся, недовольно что-то проблеяв, и положил голову на песок. Мне хотелось назад в Вермильон, подальше от моря, туда, где намного теплее, чем на этом заброшенном берегу.

– Может, спрятать лодку? – Туттугу завязал последний ремень своей котомки и поднял голову.

– Куда? – Я уронил голову набок и посмотрел вверх гладкого чёрного песка на беспорядочное нагромождение камней, которым заканчивалась бухта.

– Ну... – Туттугу надул щёки, как всегда, когда задумывался.

– Не волнуйся, я пригляжу за ней. – Я протянул руку и похлопал

его по голени. – Передай Скилфе от меня привет. Тебе она понравится. Милая женщина.

– Ты идёшь с нами. – Снорри навис надо мной, закрывая бледное утреннее солнце.

– Нет, ну правда. Вы идите, побродите по этой горе льда и огня к своей ведьме. А я немного отдохну. Расскажите, что она сказала, когда вернётесь.

Силуэт Снорри был слишком тёмным, лица не разглядеть, но я чувствовал, как он нахмурился. Он помедлил, пожал плечами и пошёл прочь.

– Ладно. Не вижу тут ни сеновалов, которые ты мог бы сжечь, ни женщин, за которыми ты мог бы ухлёстывать. Вроде здесь довольно безопасно. Остерегайся волков. Особенно мёртвых.

– Мёртвый Король ищет тебя, а не меня. – Я повернулся набок и смотрел, как они уходят по склону в сторону каменистой прибрежной зоны. Земля там круто поднималась к подножью Берентоппена. – Ему нужно то, что ты несёшь. Надо было бросить его в океан. Вот тогда я был бы в безопасности. – Ни один из них не повернулся, и даже не помедлил. – Мне тут ничто не угрожает! – крикнул я им в спины. – В любом случае, намного меньше, чем вам, – пробормотал я "Морскому Троллю".

Для горожанина вроде меня есть что-то глубоко тревожное в том, чтобы находиться неизвестно где. Сомневаюсь, что на пятьдесят миль от моей маленькой одинокой бухточки жил кто-либо, кроме Скилфы. Ни дорог, ни тропинок, ни следа человеческой деятельности. Не было даже шрамов, оставленных Зодчими в туманном прошлом. С одной стороны куча вздымающихся гор, с другой – просторный океан, тянущийся на невообразимые расстояния и глубины. Викинги считали, что у океана есть свой бог, Эгир. К людям он был равнодушен, но их путешествия по поверхности океана воспринимал за дерзость. Глядя на суровый горизонт, я почти готов был в это поверить.

Пошёл слабый дождик, с моря дул небольшой ветер.

– Твою мать. – Я укрылся за лодкой.

Я сидел, на мокром песке, прислонившись спиной к корпусу и вытянув ноги, каблуки сапог прокопали в песке неглубокие канавки.

Можно было бы залезть в "Морского Тролля" и устроиться на носу, но все лодки у меня уже костью в горле стояли.

Я снова вернулся в свои мечты о Вермильоне. Глаза смотрели на чёрный песок, но видели высушенные солнцем черепичные крыши западного города, пронизанные узкими улочками и разделённые широкими проспектами. Я чувствовал аромат специй и дыма, видел красоток и высокородных дам, прогуливающих мимо прилавков и ковров, с которых торговцы продавали свои товары. Трубадуры наполняли вечер серенадами и старыми всем известными песнями. Я скучал по отдыхающим счастливым толпам, и по теплу. Заплатил бы золотую крону всего за час летнего дня в Красной Марке. И по еде тоже скучал. Мне всего лишь хотелось съесть чего-нибудь не засоленного, не замаринованного или не почерневшего от открытого огня. По проспекту Онороса и по площади Адама бродили разносчики с подносами конфет или печенья, нагруженные покачивающимися деликатесами... мой живот заурчал так громко, что вся иллюзия развеялась.

Над пустошью берега разносились угрюмые крики чаек. Содрогнувшись, я поплотнее закутался в свой плащ. Снорри и Туттугу давно скрылись за гребнем. Туттугу, наверное, уже жалеет, что не остался, подумал я. В Вермильоне я бы сейчас спорил с Баррасом Йоном или сидел бы на скачках с братьями Грейярами. А вечером мы все собрались бы в "Королевском Кувшине", или ниже по реке в "Садах Эля", готовясь к ночи с красотками. А если бы к нам присоединился Омар, то к игре в кости и картам в "Счастливых Семёрках". Боже, как я скучал по этим денькам... Хотя, если бы я появился в "Счастливые Семёрки", как скоро Мэрес Аллус узнал бы, что я под одной из его крыш, и пригласил бы меня на приватную беседу? Мои губы скривились в улыбке, когда я вспомнил, как Снорри отрубил руку Джону Резчику, палачу Мэреса. Но всё равно, Вермильон не будет для меня безопасным местом, пока эта неприятность не разрешится.

Крики чаек, которые раньше были такими трогательными по сравнению с унылостью окружающей местности, теперь становились всё более шумными и уже сливались в какофонию.

– Проклятые птицы. – Я поискал камень, но под рукой ни одного не оказалось.

Бросить первый камень... незатейливое удовольствие. Когда-то

моя жизнь была чередой незатейливых удовольствий. Я размышлял, узнают ли меня Баррас и парни, когда я вернусь в языческих лохмотьях, отощавший, с зазубренным мечом и шрамами напоказ. Прошло меньше года, но останется ли всё по-прежнему? И может ли остаться? Приятным ли будет то времяпровождение? Когда проеду, наконец, через Красные ворота, вернусь ли я на самом деле... или тот миг уже каким-то образом миновал, и его уже не вернуть? Я слишком много повидал в путешествии. Слишком многому научился. Мне хотелось вернуть своё невежество. И своё блаженство.

Что-то плюхнулось мне на лоб. Я протянул руку вытереть струйку со щеки, и пальцы стали липкими от белого помёта.

– Ебучие чёртовы... – Слабость тут же позабылась, я вскочил на ноги, в бессильной ярости потрясая кулаком на чаек, круживших над головой. – Сволочи! – Я повернулся в сторону моря, собираясь отыскать камень на берегу.

И пока я не нашёл свой камень – отличный плоский кусок чёрно-серого сланца, отшлифованный волнами, прекрасно лежащий в руке – и не начал выпрямляться, чтобы расплатиться с чайками, я не замечал ладью. Она была среди первых бурунов. Паруса свёрнуты, сорок вёсел ритмично поднимали брызги, толкая ладью вперёд. Я стоял, развесив рот, потрясённый до полной неподвижности. На носу с каждой стороны был нарисован красный глаз, угрожающе уставившийся вперёд.

– Чёрт. – Я выронил камень. Мне уже доводилось видеть такое. Всплыло воспоминание о нашем путешествии на север. Как я смотрел сверху вниз на фьорд Уулиск. Ладья, казавшаяся крошечной из-за расстояния. Красная точка на носу. Люди из Хардангера. Красные викинги. Может даже и Эдрис Дин с ними, если этот мерзавец сбежал из Чёрного форта. На носу стояли два викинга с круглыми щитами, в плащах из волчьих шкур, рыжие волосы ниспадали на плечи, топоры наготове. Так близко, что видно было железные серьги в ушах и защитные маски шлемов. – Чёрт. – Я отполз назад, схватил меч, подхватил три самые маленькие сумки с провизией и побежал.

Зима, проведённая в переедании и выпивке, не улучшила мою физическую форму, поскольку упражнялся я лишь под шкурами в постели. Ещё не добравшись до первого гребня, я уже запыхался. Тупая ноющая боль в рёбрах, отбитых тяжестью волка Фенриса, быстро запылаха так, словно с каждым вдохом мне в рёбра вонзали

кинжал. Поднявшись повыше, я рискнул остановиться и обернулся. Хардассцы уже вытащили ладью на берег, и вокруг неё копошилась дюжина человек. По меньшей мере вдвое больше уже бросились вслед за мной по склону, карабкаясь по скалам так, словно поимка южанина их сильно воодушевляла. И да, среди них был простоволосый, крепкий парень в подбитой кожаной куртке. Рукоять клинка торчала из-за его плеча. Седые волосы с иссиня-чёрной полосой были связаны сзади в плотный пучок.

– Ебучий Эдрис Дин. – Похоже, у меня уже входило в привычку удирать от него по горам.

Земля, словно в ужасной спешке, поднималась в сторону Берентоппена. Задыхаясь, я бежал через густые заросли утёсника и вереска, пробирался мимо сосен по зимнему пеплу, и карабкался по участкам горной породы там, где ветер не давал задержаться скудной почве. Ещё чуть выше деревья уже сдались, и вскоре мой путь пролегал по голым скалам, нетронутым зеленью. Я бежал, проклиная Снорри за то, что бросил меня, и проклиная Эдриса за погоню. Не оставалось сомнений в том, кто следил за нами в Тронде. А если Эдрис здесь, и мертвецы тоже охотятся за нами, то уж наверняка по меньшей мере один некромант сбежал с ним из Чёрного форта. Вполне возможно, та жуткая сука из Чами-Никса, поднявшая мёртвых наёмников, которых снова убил Снорри.

Снорри и Туттугу следов не оставили, так что изломанный пик Берентоппена был для меня единственным указателем. Баракель говорил, где Скилфа, но будь я проклят, если помнил его слова. Задыхаясь и спотыкаясь, я оббегал громадные валуны, украшавшие здесь любую хоть немного ровную поверхность, и мчался сломя голову по склонам, заваленным хрупкими камнями, которые, наверное, выплюнул вулкан... или феи набросали, кто знает.

Один такой спуск завёл меня слишком далеко. Я ударился об скалу, споткнулся, и растянулся, остановившись в футах от обрыва, упав с которого, немудрено было бы и убиться.

– Чёрт. – Ближайшие из преследователей виднелись в трёх сотнях ярдов и двигались быстро. Я поднялся на ноги, увидев, что все руки у меня в крови.

Я отлично убегаю. Для лучших результатов поместите меня в город. Среди улиц и домов у меня прекрасно получается. В городе в

большинстве обстоятельств скрыться наверняка помогут быстрый бег, резкие повороты за угол и широта мыслей, когда дело доходит до выбора места, где спрятаться. В сельской местности похуже: легче запутаться, и лучшие укрытия часто заняты. А на голом горном склоне всё сводится к выносливости, и если человек измотан морской болезнью, не говоря уже об упавшем на него волке, который с парочкой таких же дружков легко мог бы завалить мамонта... да, шансов у такого человека немного.

Страх – отличный мотиватор. Он поднял меня на ноги и заставил бежать. От страха снова оступиться я не смел оглядываться назад. Я держался за бок, хрипло дышал и пытался не скатиться со склона. Надежда не хуже страха загоняет человека далеко за пределы, на которых он должен был сдаться. Надежда говорила мне, что я отрываюсь от преследователей. Надежда убеждала, что за следующим подъёмом я увижу Снорри и Туттугу. А потом внезапно я услышал топот ног, меня нагнал хардассец и сбил с ног. Я упал, захрипев от удивления, хоть это и было неизбежно с того мгновения, как я заметил их ладью, приближавшуюся к берегу.

Викинг уселся на меня, прижав лицом к скале. Я лежал, задыхаясь, пока остальные преследователи собирались вокруг. Я видел лишь их сапоги, но мне и не нужно было видеть больше, чтобы понять, насколько это зловещая компания.

– Принц Ялан Кендет. И снова рад встрече. – Южный акцент, лёгкая одышка.

Мой пленитель слез с меня, и дышать стало легче. Мне понадобилось время, чтобы усесться. Подняв голову, я обнаружил, что на склоне стоит Эдрис Дин и смотрит на меня, уперев руку в бок. Он явно был доволен. Дюжина красных викингов, собравшихся вокруг него, выглядела куда менее довольной. Остальные растянулись по склону, с трудом поднимаясь вверх.

– Не убивайте меня! – Казалось, неплохо начать именно с этого.

– Отдай ключ, и я тебя отпущу, – сказал Эдрис, всё ещё улыбаясь.

Чтобы оставаться в живых, надо быть полезным. Как принц, я всегда полезен... потому что наследник и важное лицо. Как заёмщик, я был полезен, пока Мэрес верил, что я смогу с ним расплатиться. Как пленник Эдриса, я был слишком далеко от дома, чтобы надеяться

на выкуп. Единственная настоящая моя польза заключалась в том, чтобы стать связующим звеном с ключом Локи.

– Я отведу вас к нему. – Это означало всего несколько дополнительных часов жизни, но я бы продал за них родную бабушку. И её дворец.

Эдрис махнул двум викингам, чтобы подошли. Один забрал мешки с провизией – я был так занят, что не подумал их бросить. А второй начал грубо обшаривать мою одежду.

– Мои друзья говорят, что есть лишь одна причина останавливаться на этом берегу. – Он указал на Берентоппен. – Ты не нужен мне, чтобы найти ведьму.

– Ай! – Викинг обшаривал меня очень тщательно, и его руки то и дело замирали. – Ух. Но. Я нужен тебе, чтобы... – Я попытался придумать причину. – Скилфа! Ключ у Снорри, и он собирается отдать его Скилфе. Тебе надо поймать его прежде, чем он до неё доберётся.

– Для этого ты мне тоже не нужен. – Эдрис вытащил кинжал из-за пояса. Простой железный нож.

– Но... – Я смотрел на нож. Отличный аргумент. – Он обменяет ключ на меня. Вряд ли ты хочешь сражаться с ним – в прошлый раз вышло неважно. И... и... он может выбросить ключ. Если выбросит, то ты и за неделю его на этих склонах не отыщешь.

– Зачем ему менять ключ Локи на твою жизнь? – Казалось, Эдрис сомневался.

– Долг крови! – Озарило меня. – Он обязан мне жизнью. Ты не знаешь Снорри вер Снагасона. Честь это всё, что у него осталось. Он уплатит долг.

Эдрис презрительно ухмыльнулся и снова поджал губы.

– Альрек, Кнуи, вы за него в ответе. Заберите у него оружие.

Викинги, обыскивавшие меня и мои вещи, забрали мой меч и нож. Эдрис прошёл мимо, взяв быстрый темп, остальные последовали за ним.

– Не отставайте, мой принц, а то мы рискнём от вас избавиться.

Альрек, темнобородый головорез, придал мне ускорение

толчком между лопаток.

– Быстро. – Красные викинги между собой разговаривали на старом языке, и некоторые знали по несколько слов из имперского.

Кнуи пошёл следом. У меня не было иллюзий касательно того, как именно он был готов от меня "избавиться".

Спеша за Эдрисом, я тщательно смотрел под ноги, зная, что из-за вывихнутой лодыжки меня прирежут и оставят умирать. Изредка я украдкой бросал взгляд на склоны горы в обе стороны. Где-то там, наверное, наблюдает некромантша, и даже в этом, самом отчаянном положении я находил время её бояться.

***

Взбираться на кратер Берентоппена вслед за Эдрисом оказалось ничуть не менее ужасным, чем бежать от него. Я, шатаясь, поднимался по склонам, которые становились всё круче. Ноги покрылись волдырями и синяками, руки и колени – царапинами, а задыхался я так, что едва не выблёвывал лёгкие – и даже хотел снова оказаться на "Морском Тролле", покачиваясь на океанских волнах.

Проходили часы. Миновал полдень. Мы поднялись уже так высоко, что видны были укрытые снегом пики к северу и к югу. Подъём становился всё более вертикальным и всё более коварным, и по прежнему не было видно ни следа Снорри. Меня изумляло, как, даже не зная, что его преследуют, Снорри умудрялся настолько нас опережать. Особенно с Туттугу. Тот вообще был не создан для лазания по горам. У него отлично получилось бы с них скатываться.

День медленно перешёл в вечер, а я медленно шёл за Эдрисом, подгоняемый лишь угрозой топорика Альрека и меткими пинками Кнуи. На вершине горы был зазубренный край, и казалось, будто пик горы отломан. Склоны стали складчатыми, словно камень здесь застыл, как расплавленный жир из жарящегося поросёнка. До вершины оставалось несколько сот ярдов, когда вернулись разведчики Эдриса. Они затараторили на старом языке, а я лежал, растянувшись, и мечтал, чтобы охромевшим ногам вернулись хоть

какие-то признаки жизни.

– Никаких следов Снорри. – Эдрис стоял надо мной. – Ни здесь, ни в кратере.

– Должен же он быть где-то. – Я чуть не подумал, не солгал ли Снорри, отправившись на какие-то другие поиски. Может, в следующей бухте есть рыбацкий городок, таверна, тёплые постели...

– Он нашёл пещеру ведьмы, и это плохие новости для всех нас. Особенно для тебя.

Я тут же сел. Страх немедленной смерти всегда помогает находить новые запасы энергии.

– Нет! Слушай... – Я заставил себя говорить не так пронзительно и панически. Слабость навлекает беды. – Нет. Это я хотел, чтобы Снорри отдал Скилфе ключ, но он не соглашался. Скорее всего, когда он выйдет, ключ ещё будет у него. С ним тяжело спорить. И тогда ты сможешь поторговаться.

– Когда человек начинает менять свою историю, становится сложно доверять любым его словам. – Эдрис пристально осмотрел меня, и наверняка этот взгляд был последним, что видели в своей жизни полдюжины человек. Но всё равно, слепой ужас, охвативший меня, когда я впервые увидел их ладью, начал отступать. Есть что-то странное в том, чтобы находиться среди людей, которые по воле случая обдумывают твоё убийство. В путешествиях со Снорри я попадал из одной жути в другую, и с криками убегал, когда мог. Ужас, который внушает мертвец, ковыляющий за тобой, роняя кишки; или холодный пот, в который может бросить от жаркого дыхания лесного пожара – все эти реакции на совершенно чуждые ситуации и есть суть кошмаров. Но с обычными людьми всё иначе. И после зимы в "Трёх Топорах" я даже самых косматых грабителей с топорами начал воспринимать как обычных парней, с теми же самыми болячками, огорчениями и амбициями, что и у любого другого человека, хотя и с учётом того, что лето они проводили в набегах на земли врагов. А когда ты с людьми, которые не питают к тебе особой враждебности, и для которых убийство всего лишь рутина – просто рубанул, а потом протёр оружие – с такими людьми своя смерть выглядит обыденностью. Ты уже и сам почти погружаешься в это безумие. Особенно если ты настолько истощён, что смерть кажется отличной возможностью отдохнуть. Так что я

всего лишь посмотрел на него в ответ и ничего не сказал.

– Ладно. – Эдрис, наконец, принял решение, и отвернулся. – Подождём.

Красные викинги разбрелись по склонам в поисках входа в берлогу Скилфы. Эдрис, Альрек и Кнуи остались со мной.

– Свяжите ему руки. – Эдрис уселся у скалы. Он вытащил меч из ножен и начал точить его оселком.

Альрек связал мне руки за спиной полоской шкуры. Ни у кого из них не было сумок, они рассчитывали только на погоню. У них с собой не было еды, кроме той, что они украли у меня. И никакого укрытия. С такой высоты нам было видно гористое побережье на несколько миль во всех направлениях, и океан. Берег и ладья викингов скрывалась за плечом вулкана.

– А она здесь? – некромантша отравляла мои мысли, незванные образы мертвецов постоянно возвращались ко мне.

Эдрис долго не отвечал, а потом медленно повернул голову и посмотрел в мою сторону, криво улынувшись.

– Она там. – Он махнул рукой. – Будем надеяться, там она и останется. – Он показал мне меч. – Она дала мне это. – От вида меча у меня заныло в груди, и я содрогнулся, словно вспомнив его из какого-то тёмного сна. По всей длине клинка шла надпись – не норсйские руны, а более плавное письмо, напоминавшее отметины, которые использовала Молчаливая Сестра, чтобы уничтожать врагов. – Убей этим куском стали ребёнка в утробе, и бедолага будет отдан Аду. И станет лишь ждать шанса, чтобы вернуться нерождённым. Смерть матери, смерть любого близкого родственника открывает дыру в засушливые земли, только для этого потерянного ребёнка. И если ты быстр, если могущественен, то весь этот потенциал может родиться в мир людей в новой ужасной форме. – Он говорил спокойным тоном, и сожаление в его голосе казалось неподдельным – но в то же время меня неожиданно окутал холод. Это был тот самый клинок, который убил ребёнка Снорри в животе его жены. Эдрис начал ту грязную работу, которую продолжили некроманты, и которая закончилась, когда Снорри встретился со своим нерождённым ребёнком в сердце Чёрного форта. – Наблюдайте за склонами, юный принц. Некромантша где-то там, и вам совершенно не захочется с ней встречаться.

Альрек и Кнуи обменялись взглядами, но ничего не сказали. Кнуи снял шлем, положив на колени, потёр свой лысый череп и расчесал по бокам ногтями промокшие от пота светло-рыжие волосы. Шлем натирал ему в нескольких местах, ёрзая туда-сюда во время долгого подъёма. Днём всем нам пришлось несладко, и несмотря на ужас моего положения, я кивнул. Зная, что от страха перед словами Эдриса, которые теперь гремели в моей голове, я уже никогда не засну, я всё равно лёг, чтобы дать телу отдохнуть. Я закрыл глаза, отгородившись от унылого неба. Спустя миг меня охватило забвение.

***

– Ялан. – Тёмный соблазнительный голос. – Ялан Кендет. – Аслауг проникла в мой сон, который до этого момента был тупым повторением дня – снова подъём на Берентоппен, бесконечные камни и гравий под ногами. Руки тянутся к опоре, сапоги соскальзывают... во сне я остановился, как вкопанный, на склоне и выпрямился, увидев её на моём пути, закутанную в тень, кроваво-красную от заходящего солнца. – Какое мрачное место. – Она оглянулась, язык коснулся верхней губы, словно она размышляла об окружающем пейзаже. – Неужели всё настолько плохо? Почему бы тебе не проснуться, чтобы я смогла взглянуть на реальность.

Я открыл затуманенные глаза и понял, что смотрю на заходящее солнце и на полыхающее от низких облаков небо. Альрек сидел рядом и точил оселком топорик. Кнуи стоял подальше, у обрыва, и любовался закатом. Или мочился. Или и то и другое. Эдрис куда-то исчез – возможно, проверял своих людей.

Аслауг стояла за спиной Альрека, смотрела на тёмную копну его волос и на широкие плечи.

– Ялан, всё это никуда не годится. – Он наклонилась взглянуть на мои руки, сжатые между моей спиной и скалой. – Связан! Ты же принц!

Я не мог ответить, не привлекая нежеланного внимания, но смотрел, переполненный тёмным возбуждением, которое всегда

вызывали её визиты. Не то что бы она придавала мне храбрости, но один только вид окружающего мира, когда она появлялась в нём, всё смягчал и делал жизнь проще. Я попробовал узы на запястьях. По-прежнему прочные. Аслауг упрощала жизнь... но не настолько.

Аслауг поставила босую ногу на шлем, который Альрек положил рядом с собой, и приставила палец к его голове.

– Если ты бросишься на него и ударишь лбом в эту точку... он уже не поднимется.

Я указал глазами на Кнуи, стоявшего в десяти ярдах вниз по склону.

– А этот, – сказала она. – Стоит у пятнадцатифутового обрыва... Как думаешь, насколько быстро ты сможешь до него добежать?

В обычных обстоятельствах я бы уже спорил об ударе головой. Рассказывал бы, как мала вероятность того, что я смогу быстро очухаться и добежать до Кнуи, не рухнув лицом вниз. И к тому же столкнуть Кнуи с обрыва и не отправиться за ним явно было невозможно. И у меня никогда не хватит на это нервов, даже для спасения собственной жизни. Но на меня смотрела Аслауг – богиня из слоновой кости, дымящаяся тёмным желанием, с лёгкой насмешливой улыбкой на идеальных губах – и шансы уже не имели значения. Я понимал, что, должно быть, чувствовал Снорри, когда она была рядом с ним в сражении. Я чувствовал эхо духа безрассудства, переполнявшего его, когда чёрная ночь тянулась за лезвием его топора.

Я ещё помедлил, посмотрев на Аслауг – стройную, подтянутую, облечённую в тени, развевавшиеся на ветру.

– Живи, прежде чем умрёшь, Ялан. – И эти глаза, цвета которых мне было бы не назвать, наполнили меня нечестивой радостью.

Я отклонился от валуна, на который опирался, качнулся на носочках и начал заваливаться вперёд, а потом выпрямил ноги, неожиданно ими оттолкнувшись. Сдержав желание зарычать, я бросился, как копье, целясь лбом в точку на виске Альрека, куда Аслауг прикоснулась пальцем.

Удар пронзил меня, зрение помутилось от слепящей боли. Боль оказалась сильнее, чем я мог предположить – намного сильнее. На пару ударов сердца мир померк. Я очнулся, лёжа на неподвижном

Альреке, головой на его груди. Скотившись с него, я попытался что-то разглядеть плотно зажмуренными от боли глазами. Ниже по склону, у самого обрыва, Кнуи повернулся, прервав созерцание моря.

Нелегко подниматься на ноги на крутом склоне, особенно когда руки связаны за спиной. На самом деле до конца мне это так и не удалось. Я качнулся, наполовину встав, так и не найдя равновесие, и со всех ног бросился вниз по склону, отчаянно пытаюсь вовремя ставить ноги перед собой и не свалиться ничком на скалу.

Кнуи двигался быстро. Я целился в него, и это была единственная возможность остановить мой безудержный бросок. Кнуи уже преодолел пару ярдов и вытаскивал топор, когда, совершенно бесконтрольно, я врезался в него. Хотя он и собрался перед ударом, но шансов у него не оставалось. Да, викинг был гибкий и крепкий, но я больше, и такого запаса инерции, как у меня, я бы никому на склоне горы не пожелал. Хрустнули кости, я отбросил его назад, на долю секунды мы задержались на краю обрыва, а потом, одновременно закричав, рухнули вниз.

Альрека я ударил сильнее, чем хотел, и это было больнее, чем я ожидал. Удар по Кнуи вышел ещё намного больнее. Но и то и другое оказалось лёгкими хлопками по сравнению с ударом об землю. Во второй раз за минуту я вырубился.

Очнувшись, я понял, что лежу ничком на чём-то мягком. И влажном. И... вонючем. Я почти ничего не видел, и не мог пошевелить рукой.

– Вставай, Ялан. – На миг я понять не мог, кто говорит. – Подъём!

Аслауг! Я не мог встать, поэтому перекатился. Мягкое – это оказался Кнуи. Он же был тем влажным и вонючим. На его лице застыло удивление. Его затылок... разбросало повсюду, камни вокруг стали алыми. Я с трудом поднялся на колени, в которые тут же впились камни. Рядом у утёса стояла Аслауг, её голова и плечи были выше обрыва, у которого раньше стоял Кнуи. Вокруг неё, подобно лозам, свивались тени, черты её лица темнели.

– Т-ты сказала, что обрыв высотой в пятнадцать футов! – Я сплюнул кровь.

– Ялан, я стояла рядом с тобой. Как я могла видеть? – Улыбка на её губах приводила в ярость. – Но это заставило тебя действовать. А

на горе любое падение может убить человека, если немного повезёт.

– Ты! Ну... я. – Я не мог подобрать нужные слова, меня начал охватывать страх.

– Лучше освободи себе руки. – Она прижалась спиной к скале, сжалась и стала неразличимой, как только горизонт поглотил солнце, и мрак начал подниматься из всех щелей.

– Я... – Но Аслауг уже исчезла, а я разговаривал со скалами.

Топор Кнуи лежал чуть поодаль на склоне. Я доковылял до него и с большим трудом уселся так, чтобы можно было перепилить полоску шкуры на запястьях и одновременно смотреть, чтобы не выбежали другие хардассцы или сам Эдрис.

Даже с острым топором требуется чертовски много времени, чтобы перерезать прочную шкуру. А сидя рядом с трупом Кнуи это казалось вечностью. Каждые несколько секунд я бросал на него взгляд, проверяя, не шевельнулся ли он. У меня имелся неприятный опыт с убийствами людей в горах. Они так и норовят снова подняться и причинить больше неприятностей, чем при жизни.

Наконец, шкура перепилилась, и я потёр запястья. Подняв голову, я увидел вторую ложь Аслауг. Она сказала, что если я ударю Альрека головой, куда она укажет, то он уже не встанет. Однако сейчас он стоял на вершине "утёса", у подножия которого находились мы с Кнуи. Альрек выглядел недовольным. А что важнее, в одной руке он держал топорик, а в другой – нож с широким лезвием и зазубренным обухом.

– Эдрису я нужен живым! – Я подумал, не побежать ли, но не хотелось ставить на то, как плохо Альрек метает топорик. А ещё, возможно, он мог меня догнать. Я подумал о топоре, лежавшем на камнях за моей спиной. Но я таким ни разу не пользовался. Даже дрова не колот.

Викинг перевёл взгляд на лежавшего Кнуи и на окрашенные в тёмно-красный цвет камни вокруг него.

– Нахуй Эдриса.

Эти два слова сказали мне всё, что было нужно знать. Альрек собирался меня убить. Он напрягся, готовясь прыгнуть. И тут ему в голову врезался топор. Лезвие прорубило его левый глаз, переносицу и остановилось на полпути к следующей брови. Альрек упал наземь,

и в поле зрения показался Снорри. Он поставил большой сапог Альреку на лицо и с жутким хрустом, от которого меня затошнило, вытащил топор.

– Как "Морской Тролль"? – спросил Снорри.

– Я в порядке! Большое спасибо! – Я остался сидеть и принялся охлопывать себя. – Нет, не в порядке. Весь избит и, чёрт возьми, меня едва не убили! – От вида Снорри внезапно всё стало куда более реальным, и ужас всего этого охватил меня. – Эдрис Дин собирался прирезать меня ножом и...

– Эдрис? – Перебил Снорри. Так это он стоит за всем этим? – Он сапогом скатил с обрыва труп Альрека.

Вышел Туттугу, нервно оглядываясь через плечо.

– Южанин? Я-то думал, только хардассцы. – Он бросил взгляд на меня. – Ял! Как там лодка?

– И что северяне так пекутся о своих проклятых лодках? Тут принц Красной Марки едва не умер...

– Ты можешь увезти нас от красных викингов? – спросил Снорри.

– Ну, нет, но...

– Так как там проклятая лодка?

Я понял мысль.

– Нормально... но в двух шагах от неё ладья, на которой приплыли эти двое. – Я кивнул на трупы у своих вытянутых ног. – И на ней ещё дюжина, а ещё две дюжины на горе.

– Тогда хорошо, что Снорри тебя нашёл! – Туттугу потёр бока, как делал всегда, если был расстроен. – Мы надеялись, они высадились на берег где-то в другом месте...

– Как... – Я встал, думая спросить, как именно Снорри нашёл меня. А потом я её увидел. Чуть дальше от обрыва, с которого на меня смотрели Снорри и Туттугу. Норсйская женщина, волосы которой были заплетены в пару десятков плотных косичек, и на конце каждой висела рунная табличка. Так заплетали себе волосы пожилые женщины в Тронде, хотя ни у одной я не видел больше горстки таких рун.

Снорри заметил моё удивление и указал на женщину.

– Ял, это Кара вер Хуран. – И, махнув на меня: – Кара, это Ял. – Она кратко кивнула мне. Я решил, что по возрасту она где-то между мной и Снорри. Высокая, её фигуру скрывала длинная чёрная накидка из тиснёной кожи. Я не назвал бы её красивой... это слишком слабое слово. Поразительная. С решительными чертами лица.

Я поклонился, когда она подошла ближе.

– Принц Красной Марки Ялан Кендет к вашим усл...

– Моя лодка в следующей бухте. Пошли, я вас проведу. – Она бросила на меня взгляд удивительно голубых глаз, словно снимала с меня неприятно точную мерку, а потом повернулась, чтобы уходить. Снорри и Туттугу двинулись за ней.

– Стойте! – Я замялся, пытаюсь собраться с мыслями. – Снорри!

– Что? – Он глянул через плечо.

– Некромантша. Она тоже здесь!

Снорри повернулся и пошёл за Карой, качая головой.

– Тогда лучше поспешить!

Я схватился обеими руками за вершину "утёса" и приготовился подняться, когда увидел рукоять своего меча за плечом Альрека. Он лежал на боку, недалеко от Кнуи. У того от головы выше носа остались только фрагменты черепа, волосы и мозги. Я помедлил. Этим мечом я убил своего первого человека, хотя и почти случайно – по крайней мере он был первым, кого я помнил. Я оставил зазубрины на этом мече, сражаясь в неравном бою в Чёрном форте, и по рукоять вогнал его в волка Фенриса. Никогда в своей жизни я не совершал ничего более мужественного, благородного и отважного, как в те минуты, когда держал в руках этот клинок.

Я сделал шаг в сторону Альрика. Ещё шаг. Пальцы его правой руки дёрнулись. И я побежал, словно за мной гнались все черти ада.

ДЕВЯТЬ

Глубокие овраги, вымытые дождём в древних застывших потоках лавы, привели нас в бухту, где на якоре стояла лодка Кары.

– Далеко до лодки-то, – сказал я, вглядываясь во мрак. Бегать в оврагах опасно весь день. Спускаться по склону в темноте – это всё равно, что напрашиваться на сломанную лодыжку. А теперь, тёмной ночью, Кара ждала, что я поплыву в сторону далёкого и чуть более тёмного клочка моря, который якобы был лодкой. Я видел лёгкое свечение волн, где пена бурлила вокруг зазубренных камней на месте берега, а дальше... ничего. – Очень, очень далеко!

Снорри рассмеялся, словно я удачно пошутил, и начал складывать оружие на маленький плотик, который Кара притянула к берегу, когда подошла. Я, содрогнувшись, обхватил себя руками. Снова начался дождь, хотя было так холодно, что я ожидал снега. И где-то там нас выслеживала некромантша... или уже выследила, и теперь наблюдает из-за камней. Где-то там Кнуи и Альрек ковыляют по нашим следам – изломанные, сочащиеся, наполненные тем жутким голодом, который охватывает людей, когда они возвращаются из смерти.

Пока остальные готовились, я с обычным молчаливым отвращением смотрел на море. Из-за облачной гряды показалась луна, которая бросала тусклый свет на зыбь океана, превращая прибой в белые ленты.

Похоже, Туттугу разделял некоторые из моих опасений, но у него, по крайней мере, как у моржа, имелся жир, который помогал сохранять тепло и добавлял плавучести. А мою способность плавать можно было точно описать словами "как топор".

– Я плохо держусь на воде.

– Ты и на земле-то неважно держишься, – фыркнул Снорри.

– Мы подплывём ближе. – Кара глянула в мою сторону. – Сейчас прилив, так что могу подогнать её ближе.

Итак, сложив одежду плотными тюками на плот, один за другим

они вошли в прибой и отплыли в сторону лодки. Туттугу плыл последним, и, судя по его совсем не викингским взвизгам и охам, легко можно было догадаться, насколько вода ледяная.

Я стоял один на берегу, слушая звуки волн, ветра и дождя. Леденящие капли щекотали мне шею, волосы лезли в глаза, и те части моего тела, которые ещё не онемели от холода, болели, ныли, пульсировали и горели от боли. Лунный свет раскрашивал в чёрно-серебристые цвета скалистые склоны за галькой, рисуя беспорядочный узор, в который мои страхи встраивали медленное приближение восставших из мёртвых ужасов. Возможно, из тех тёмных впадин прямо сейчас наблюдала некромантша, или Эдрис безмолвными жестами направлял хардассцев в мою сторону... Облака поглотили луну, ослепив меня.

Норсийцам понадобилось гораздо больше времени, чем мне казалось разумным, но наконец я услышал крик Снорри. Снова вышла луна, выглянув в пробитую ветром дыру в облаках, и из темноты показалась лодка, выделявшаяся на серебристом фоне. Судно Кары выглядело намного более пригодным для плавания, чем лодка Снорри: длиннее, элегантнее и с более глубоким корпусом. Снорри перестал грести ярдах в пятидесяти от берега и скрытых под водой камней. Высокая мачта и свёрнутые паруса покачивались вперёд-назад; под лодкой перекачивались волны, готовясь разбиться о берег.

– Ял! Давай сюда! – Прогремел над водой голос Снорри.

Я стоял, не желая лезть в воду, и смотрел, как буруны разбиваются, обрушиваются пеной и отступают, цепляясь за гальку. А ещё дальше в море вода плясала от дождя.

– Ял!

В конце концов один страх вытеснил другой. Оказалось, я больше боюсь того, что могло под покровом темноты спуститься с гор, чем того, что могло шнырять под волнами. Я бросился в прибой, громко ругаясь от поразительного холода, и попытался тонуть в направлении лодки.

Моё плавание состояло из длительных и ужасных повторений. Сначала я уходил под ледяную воду, потом, молотя руками и ногами, поднимался на поверхность, слепо хватал ртом воздух, несколько секунд бился в пене, и меня накрывала следующая волна. Всё резко

закончилось, когда мой плащ зацепил шест с крюком на конце, и Снорри вытащил меня на борт, словно выпавший груз.

Следующие несколько часов я лежал промокший и настолько истощённый, что почти не мог жаловаться. Я думал, холод станет моей смертью, но не мог придумать ничего, чтобы решить эту проблему. А даже если бы какая-нибудь идея в голову и пришла, у меня не хватило бы сил её воплотить. Остальные пытались завернуть меня в какие-то вонючие шкуры, которые женщина припрятала на борту, но я их проклинал и не желал сотрудничать.

На рассвете мы уже дрейфовали под чистым небом в паре миль от берега. Кара развернула парус и установила курс на юг.

– Ял, развесь одежду на лине и залезай под шкуры. – Снорри снова бросил мне шкуры. С виду вроде медвежьи. Он указал на свои тряпки, развевавшиеся на верёвке, привязанной к парусу. А его грудь едва прикрывала шерстяная одёжка, которой я раньше не видел.

– Я в порядке. – Но мой голос хрипел, и холод не отпускал меня, несмотря на солнце. Спустя несколько минут я неловко схватил шкуры и разделся, сильно дрожа. Я старался не свалиться среди скамеек кверху задом, лицом в воду на дне лодки, и пытался при этом стоять спиной к Каре, поскольку холод мужчину никогда не красит. Хотя в любом случае она мной не очень-то интересовалась.

Укутанный в то, что когда-то укутывало медведя, я съёжился, укрываясь от ветра, поближе к Снорри, и попытался не стучать зубами. Большая часть моего тела ныла, а все остальные части болели по-настоящему.

– Так что случилось? – Нужно было чем-то отвлечь разум от горячки. – И кто такая Кара? – На самом деле мне хотелось узнать, у него ли ещё треклятый ключ.

Снорри посмотрел на море, ветер развеивал его чёрную гриву. Полагаю, он выглядел неплохо, в каком-то грубом варварском смысле, но меня всегда изумляло, что женщины смотрели на него, когда рядом есть принц Ял.

– Кажется, у меня галлюцинации, – сказал я, немного громко. – Уверен, я задал вопрос.

Снорри чуть дёрнулся и покачал головой.

– Прости Ял. Просто задумался. – Он пододвинулся ко мне,

укрываясь. – Я расскажу тебе.

Туттугу подошёл, чтобы послушать, словно сам не видел вчера всё произошедшее. Его одежда тоже развевалась на мачте, поэтому он сидел, завернутый в парусину. Стоять осталась только Кара, держась за румпель, глядя вперёд, изредка бросая взгляд вверх на грязную парусину, наполненную ветром.

– Итак, – начал Снорри, и, как не раз прежде в наших путешествиях, окутал нас своим голосом, погрузив в воспоминания.

***

Снорри стоял на носу, глядя, как приближается берег.

– Лодку будем вытаскивать? – Туттугу стоял возле якоря, которым служил грубый железный крюк.

Снорри кивнул.

– Попробуй разбудить Яла. – Снорри изобразил пощёчину, хотя и знал, что Туттугу сделает это мягче. По какой-то необъяснимой причине присутствие толстяка поднимало ему настроение. С Туттугу Снорри почти мог представить себе старые деньки, когда жизнь была намного проще. Лучше. На самом деле, когда эта парочка, Ялан и Туттугу, появились на причале в Тронде, сердце Снорри воспряло. Несмотря на всю решимость, он не любил оставаться в одиночестве. Он знал, что Ял в лодку прыгнул не сам, его толкнули обстоятельства, но у Туттугу не было иных причин, кроме верности. Из них троих только Туттугу начал обустраиваться в Тронде, нашёл работу, новых друзей, и женщину, которая разделит с ним дни. Но всё же он вмиг от всего отказался, потому что был нужен старому другу.

***

Час спустя берег уже остался далеко позади. Снорри взобрался выше сосен, густо растущих на нижних склонах Берентоппена. Минуту спустя к нему, пыхтя, поднялся и Туттугу. Они повернули на север и стали подниматься вокруг горы по пологой спирали. Снорри собирался выйти на северную сторону, где они уже могли бы взбираться в поисках пещеры напрямик. Они видели признаки жизни: один раз орла, который широко раскинул крылья, словно обнимал высокие ветра; один раз горного козла, скакавшего по изломанным склонам, которые выглядели совершенно непроходимыми.

Спустя пару часов за их спинами уже был север, и они готовы были взбираться напрямую вверх.

– Я бы сказал, страна троллей. – Туттугу подозрительно принялся, держа нос по ветру.

Снорри фыркнул и приставил к губам фляжку с водой. Туттугу ни разу не чуял тролля, и уж тем более не видел. Но всё же он был прав: кажется, вулканы троллям нравились. Вытерев рот, Снорри полез по склону.

***

– Вон там! – После очередного часа подъёма оказалось, что глаз у Туттугу острее, и теперь он тыкал пальцем в сторону выступа в нескольких сотнях ярдов слева.

Снорри прищурился.

– Возможно. – И пошёл вперёд, осторожно ставя ноги на вероломную поверхность. Между ними и пещерой поднимался тёмный склон, покрытый щебнем, на котором только поскользنىсь, и полетишь вниз в растущей лавине расколотых морозом камней. Туттугу дважды резко падал на спину с отчаянным воплем. Впрочем, удача их не оставила, и им удалось добраться до твёрдой породы у подножия утёсов, в которых располагалась пещера.

Снорри снова пошёл впереди, Туттугу за ним.

– Я что-то чую. Это тролли. Так и знал! – Он нащупал свой

топор. – Проклятые тролли! Надо было остаться с Ялом...

– Это не тролли. – Теперь Снорри тоже чуял. Что-то могущественное, звериное – такая вонь, которую может себе позволить только хищник. Снорри стряхнул топор с плеч и взял его в обе руки – топор отца, взятый у Сломаи Весло в Суровых Льдах. Он медленными шагами добрался до входа в пещеру. Тёмные внутренности, попадая в поле зрения, открывали свои тайны.

– Хелевы сиськи! – выдохнул Снорри, а потом закрыл разинутый рот. В тени дремал монстр. Собака ростом выше тягловой лошади, широкая, как слон в цирке Тэпрута. У неё была плоская морщинистая морда, как у собак, выведенных для боёв, а не для охоты. Из нижней челюсти вдоль слюнявой щеки к мокрому носу тянулся клык длиной в два пальца Снорри.

– Он спит. – Хрипло прошептал Туттугу за плечом. – Если не будем шуметь, то сможем уйти.

– Тутт, это её пещера. Двух таких здесь нет. А это, наверное, её охранник. Он здесь не просто так.

– Мы могли бы... – Туттугу яростно почесал бороду, словно надеясь вычесать из неё ответ. – Вымани его, а я сброшу на него камень вон оттуда! – Он указал на утёс.

– Думаю, это... разозлит её. Тутт, я видел эту женщину. Ты не захотел бы её злить.

– Тогда что? Не получится просто подойти и погладить этого щеночка.

Снорри убрал руку с топора и сунул её под куртку, чтобы прикоснуться к ключу Локи. И немедленно почувствовал их – Эми, Эгиля, Карла, Фрейю, словно под его пальцами был не гладкий обсидиан, а их кожа.

– Именно это мы и сделаем.

Руки и ноги дрожали от желания убежать, но Снорри вошёл в пещеру, опустив топор. Он шёл тихо, но не крался. Спустил несколько ярдов он понял, что идёт один. Он обернулся и поманил Туттугу. Вторая половина народа ундорет не сдвинулся с места – он съёжился в своей кожаной одежде и стёганой куртке и так плотно обхватил себя руками, что стал казаться почти стройным. Снорри снова его поманил, на этот раз более настойчиво. Туттугу отчаянно посмотрел

на небеса и быстро вошёл в пещеру.

Они вдвоём молча шагали в сторону тоннеля, ведущего из глубины пещеры, в нескольких ярдах от громадной собаки. Размер зверя поражал чувства Снорри. Мощно воняло псиной и жаром дыхания, когда он проходил мимо этой морды. Спиной он при каждом шаге касался пещеры. В самой близкой точке один громадный глаз на морщинистой морде собаки открылся, пристально осмотрев Снорри. На миг викинг замер, стиснув рукоять топора, и приподнял оружие на пару дюймов, а потом вспомнил, что оно ему тут ничем не поможет. Тогда Снорри перевёл взгляд на тоннель и пошёл дальше. Туттугу за его спиной сипел так, словно от ужаса у него перехватило горло.

Спустя двадцать шагов они уже стояли вне зоны видимости собаки, и тоннель здесь был так узок, что погнаться за ними зверь не мог. Снорри почувствовал, как разжалось его тело. Когда на него напал волк Фенрис, он мог сражаться, направлять свою энергию в битву. А от сдерживания этих инстинктов все фибры его души едва не лопнули.

– Пошли. – Он кивнул вперёд, на сияние, отражавшееся от стен тоннеля.

Очередной поворот в проходе провёл их в пещеру, освещённую сверху трещинами, которые шли через толщу горной породы до далёкого неба. Под этими отдушинами был небольшой светящийся бассейн. В большом помещении размером не меньше зала ярла повсюду виднелись признаки жизни. Соломенный тюфяк, меховые покрывала, чёрный очаг с каким-то естественным дымоходом в скале, котелок перед очагом, другие горшки, поставленные друг на друга, морские сундуки тут и там, некоторые закрытые, а в других виднелась одежда или мешки с припасами. Две женщины сидели рядом друг с дружкой на дубовых стульях с резьбой в тертанском стиле. Они держали свиток, и женщина помоложе водила пальцем по какой-то строчке, а старшая смотрела и кивала.

– Заходи, коли так надо. – Скилфа подняла руку. Её кожа была такой же белой, как и в тот раз, когда она принимала на пересечении путей Зодчих, под охраной пластиковой армии Хемрода, только теперь она не дымилась холодом. В её глазах по-прежнему оставалась зимняя синева, но теперь это были глаза старухи, а не какого-то демона, присягнувшего морозу.

Снорри сделал несколько шагов в комнату.

– А-а, воин. Что ж, принца на этот раз нет? Если только он не растолстел... немного. – Скилфа наклонила голову, глядя мимо Снорри на Туттугу, безуспешно пытавшегося спрятаться в тени. Женщина помоложе с заплетёнными в косички волосами без улыбки отложила свиток.

Снорри сделал ещё один шаг и понял, что всё ещё держит в руках топор.

– Извините. – Он убрал его за спину. – Ваш зверь напугал меня до чёртиков! Хотя топор против него не сильно бы помог.

Тонкая улыбка.

– Так значит, ты бросил вызов маленькому Бобо? – Она посмотрела на проход за его спиной. Снорри обернулся. Следом за Туттугу шёл маленький пёсик на коренастых лапках с морщинистой мордочкой и широкой грудью. Щенок уселся, глядя грустными глазками на толстяка. Над складками морды из нижней челюсти торчал клык.

– Как...

– Всё в этом мире зависит от того, как ты на это смотришь, воин. Всё дело в перспективе – и в том, где ты стоишь.

– И где же я стою, вёльва? – Снорри старался говорить уважительно – он и в самом деле уважал мудрость вёльв, рунных сестёр, как их некоторые называли. Ял их называл северными ведьмами. Рунные сёстры, хоть и не ладили со жрецами Одина и Тора, зато всегда давали советы, которые по своей сути казались честнее, мрачнее, и были наполнены сомнениями, а не спесью. Разумеется, те вёльвы, с которыми Снорри раньше имел дело, не были настолько прославленными и такими неприятными, как Скилфа. Некоторые говорили, что она была матерью им всем.

Скилфа посмотрела на вторую женщину.

– Кара?

Женщина, северянка лет тридцати, нахмурилась. Она уставилась на Снорри сбивающим с толку взглядом, и пропустила между пальцами руны на кончиках своих косичек. Эти руны означали, что она мудра не по годам.

– Он стоит в тени, – сказала она. – И в свете. – Она нахмурилась сильнее. – За смертью и потерей. Он видит мир... в замочную скважину? – Она покачала головой, руны застучали.

Скилфа поджала губы.

– Да уж, не сомневайся, он непрост. – Она взяла с кучи перед собой очередной туго скрученный свиток с резным наконечником из китового уса. – Сперва был присягнувшим тьме и цеплялся за утраченную надежду. Нынче он присягнувший свету, и мечта у него ещё хуже. И у него есть кое-что. – Она приложила костлявую руку к узкой сморщенной груди. – Предзнаменование. Легенда. Нечто, созданное из веры.

– Я ищу дверь, вёльва. – Снорри обнаружил, что его рука лежит на груди, поверх ключа. – Но не знаю, где она.

– Покажи мне, что у тебя есть, воин. – Скилфа хлопнула себя по груди.

Снорри посмотрел на неё. Не похожа на добрую бабушку, но намного больше похожа на человека, чем то существо, которое они с Ялом встретили год назад посреди армии пластиковых воинов. Он раздумывал, какое из её лиц было настоящим? Может, ни одно. Быть может, её пёс не был ни монстром, которого он увидел сначала, ни игрушкой, которая, кажется, сидела сейчас у входа в тоннель. На что положиться человеку, когда он не может доверять своим глазам... и что говорит о нём выбор, который он делает? Ответов не хватало, и Снорри вытащил ключ, висевший на шнурке на его шее. Ключ медленно крутился перед глазами, отражая мир под определёнными углами, а под другими был тёмным и всепоглощающим. Неужели и впрямь его сделал Локи? Неужели руки бога прикасались к тому, что держал сейчас викинг? А если и так, то какую ложь там оставил обманщик, и какую правду?

Три медленных хлопка прозвучали в ритме поворота ключа.

– Замечательно. – Скилфа покачала головой. – Я недооценила нашу Молчаливую Сестру. Тебе и впрямь удалось. Да к тому же щёлкнул по носу этого выскочку, "короля мёртвых".

– Ты знаешь, где находится дверь? – В мгновения между отражением и поглощением Снорри почти видел их лица. Один раз мелькнул глаз Эми, словно сквозь закрывающуюся щель. Огонь волос Фрейи. – Мне нужно знать. – Он чувствовал неправильность.

Знал, что это ловушка, и что он сам в неё лезет. Но он их видел, чувствовал... своих детей. Никто не смог бы отступить. – Мне нужно знать. – Его голос охрип.

– Эту дверь открывать не следует. – Скилфа смотрела на него, не добро и не жестоко. – Оттуда не явится ничего хорошего.

– Это мой выбор, – сказал он, хоть и не был уверен, что это так.

– Молчаливая Сестра надломила мир, чтобы наполнить магией тебя и того глупого принца. Этой магии хватило даже чтобы стать преградой нерождённому. Было время, когда мир быстро залечивал подобные надломы, как царапины на коже. А теперь эти раны гниют. И любая трещина разрастается. Расширяется. Мир истончается. Слишком многие на него давят. Мудрый чувствует это. Мудрый боится этого. Если будет достаточно времени и покоя, то рана заживёт. Время по-прежнему лечит любые раны. И оставшиеся шрамы – наше наследие воспоминаний. Но если рану ковырять, то она загниёт и уничтожит тебя. Это справедливо и к трещине, пущенной Молчаливой Сестрой через вас с твоим приятелем, и к ране, оставленной Мёртвым Королём.

Снорри отметил, что она не сказала о порезе убийцы. Он не настолько доверял ей, чтобы добровольно делиться информацией, так что просто стиснул зубы от нарастающей боли и зова на юг, который, казалось, тянул его за все рёбра.

– Отдай мне ключ, и я спрячу его так, что людям будет до него не добраться. Духи, которых ты носил, и тёмный и светлый, обретут покой. Они нам не друзья, как огонь и лёд. Они существуют у пределов, где обитает безумие. Человек идёт между ними, а когда отклоняется от центральной линии, то падает. В тебе сейчас воплощение света, но он лжёт так же сладко, как и тьма.

– Баракель сказал мне уничтожить ключ. Отдать его тебе. Сделать что угодно, только не использовать его. – Снорри терпел эту речь рассвет за рассветом.

– Значит, это была тьма, какое бы лицо она не приняла, чтобы убедить тебя. Нельзя ей верить.

– Аслауг предостерегала меня насчёт ключа. Она сказала, что Локи источает ложь, дышит ей, и его обманы разрушат всё мироздание, уступи ему хоть на волос. Её отец скормит всю тьму морскому змею и с тем же успехом уничтожит свет. Сделает что

угодно, чтобы нарушить баланс и утопить мир в хаосе.

– Значит, это и правда твоё желание, воин? Твоё и только твоё? – Скилфа наклонилась вперёд, от её взгляда он содрогнулся. – Скажи мне, я узнаю правду. – От старости, от пугающего груза лет её голос дребезжал почти как от боли. – Говори.

Снорри снова повесил ключ на шею.

– Я, Снорри вер Снагасон, воин ундорет. Я жил простой и грубой жизнью викинга, на побережье Уулиски. Сражения и клан. Ферма и семья. Я был отважен, насколько мог. Старался быть добрым. Но я оказался пешкой для сил, которые куда могущественнее меня. Меня метнули, как оружие, мною манипулировали, мне лгали. Не могу сказать, что на моём плече не лежит ничья рука, даже сейчас. Но на море, в безумстве вечернего шторма и спокойным утром, я заглядывал себе внутрь, и если уж это не правда, то я о правде не знаю ничего. Я возьму этот ключ, который получил в битве, заплатив кровью и потерями. Я открою дверь смерти и спасу своих детей. А если Мёртвый Король или его подручные выйдут против меня, я уничтожу их топором моих отцов.

Туттугу встал рядом со Снорри. Он ничего не сказал, но смысл был ясен и так.

– У тебя есть друг, Снорри из народа Ундорет. – Оценила Скилфа Туттугу, пошевелив пальцами так, словно пропускала через них нить. – Такое встречается редко. Мир – это сладость и боль, и север знает это. И мы умираем, зная, что грядёт последняя битва, грандиознее всех предыдущих. Оставь своих мёртвых в покое, Снорри. Плыви к новым горизонтам. Отложи ключ. Мёртвый Король гонится за тобой. Любая невидимая рука может отнять его у тебя. Я могла бы заморозить твой костный мозг, и забрать его здесь и сейчас.

– И всё же, ты этого не сделаешь. – Снорри не знал, сможет ли победить его магия Скилфы, но знал, что поняв его побуждения и намерения, увидев его преданность, вёльва не стала бы просто отнимать ключ.

– Нет. – Она тяжело вздохнула, в воздух взлетело облако пара. – Свобода делает мир лучше. Даже если для этого надо позволить глупцам решать, на свою голову. В сердце всего, посреди корней Иггдрасиля, выходка творения посрамит все обманы Локи. Поступки глупцов спасают всех так же часто, как и деяния мудрецов. Ступай,

если должен. Но скажу тебе прямо: что бы ты ни нашёл, это будет не то, что ты искал.

– А дверь? – Тихо сказал Снорри. Никогда его решимость не была слабее.

– Кара. – Скилфа повернулась к своей спутнице. – Человек ищет дверь в смерть. Где ему найти её?

Кара оторвалась от своего занятия, нахмурившись от удивления.

– Я не знаю, мать. Такие истины за пределами моих знаний.

– Чепуха. – Скилфа щёлкнула пальцами. – Отвечай ему.

Та нахмурилась сильнее, подняла руки, невольным жестом запустив пальцы в косы с рунами.

– Дверь в смерть... я...

– Где она *должна* быть? – требовательно спросила Скилфа.

– Ну... – Кара вскинула голову. – А зачем ей быть где-то? Почему дверь в смерть должна находиться в каком-то конкретном месте? Было бы правильно, если бы она стояла в Тронде? А что с пустынными людьми в Хамаде? Должны ли они находиться так далеко от...

– А разве мир справедлив? – спросила Скилфа, и её губы подёрнулись улыбкой.

– Сам по себе – нет. Но в нём есть красота и равновесие. Правильность.

– Так если дверь есть, но она не в каком-то конкретном месте, что тогда? – Её бледный палец подгонял молодую женщину.

– Она должна быть везде.

– Да. – Скилфа снова посмотрела на Снорри зимне-голубыми глазами. – Дверь везде. Тебе нужно просто узнать, как её увидеть.

– И как же мне её увидеть? – Снорри осмотрелся, словно дверь всё это время могла стоять в каком-нибудь тёмном уголке.

– Я не знаю. – Скилфа подняла руку, останавливая его протесты. – Разве я должна знать всё? – Она понюхала воздух, с любопытством глядя на Снорри. – Ты ранен. Покажи.

Снорри без возражений распахнул куртку и задрал рубашку,

показав красную покрытую коростой полосу от клинка убийцы. Две вельвы встали с мест, чтобы рассмотреть её поближе.

– Старая Грия в Тронде сказала, что яд на клинке не подвластен её искусству.

– Её искусству неподвластны даже бородавки. – Фыркнула Скилфа. – Бесполезная девчонка. Я бы не смогла научить её ничему. – Она зажала рану, и Снорри охнул от пронзительной соляной боли. – Это работа присягнувшего камню. Вызов. Тебя зовёт Келем.

– Келем?

– Келем Лудильщик. Келем, мастер императорского монетного двора. Келем, хранитель врат. *Келем!* Ты о нём слышал! – Раздражённый щелчок пальцами.

– Теперь слышал. – Снорри пожал плечами. Имя действительно было знакомым. Истории о нём рассказывали детям долгими зимними вечерами у огня. Снорри подумал о флорентийском золоте убийц, на миг вспомнив их жуткую скорость. На каждой монете был отчеканен затонувший колокол Венеции. Боль в ране усиливалась вместе с гневом. – Расскажи о нём ещё.... пожалуйста. – Прорычал он.

***

– Старый просоленный Келем сидит в своих копиях, прячась от южного солнца. Он погребён глубоко, но немного от него ускользает. Он знает древние тайны. Некоторые называют его последним Механиком, ребёнком Зодчих. Он настолько стар, что рядом с ним я выгляжу молодо.

– Где...

– Во Флоренции. Ему покровительствуют банкирские кланы. Или он им. Их взаимоотношения запутаны сложнее, чем любой узел Гордия. Возможно, он сам породил эти кланы много веков назад, когда ожил. Банки Флоренции, как и многие дети, хоть и желают получить его наследство, но в последнее время играют мускулами,

испытывают силы старика... и его терпение. – Скилфа посмотрела на Кару, а потом снова на Снорри. – Келем знает каждую монету в нашей Разрушенной Империи и держит свою когтистую руку на пульсе всей коммерции. Может, эта власть и отличается от имперской мощи, или от власти Сотни престолов, но всё равно это власть. – В её руке оказалась золотая монета, двойной флорин, отчеканенный флорентийскими банками. – Это другая власть, но она могущественней армий, коварнее плясок во снах коронованных голов. Возможно, это обоюдоострое лезвие, но Келем прожил много столетий, и ещё не порезался.

– Я-то думал, это байки. Сказки для детей.

– Его ещё называют Хранителем Врат. Он находит и открывает двери. Вполне понятно, почему он призвал тебя к себе. И вполне понятно, почему тебе нужно как можно скорее избавиться от ключа.

– Хранитель Врат? – сказал Снорри. – А может, его называют ещё и магом дверей? – Он почувствовал, как его кулаки сжимаются, и на миг снова увидел, как маг в пещере Эридруина отпускает демона в облике Эйнмирьи, и та бросается на него...

– Когда то он так себя называл, давным-давно.

– И ты говоришь, он присягнувший камню?

Скилфа наклонила голову, под новым углом изучая Снорри.

– Чтобы прожить так долго, человек должен присягнуть многим хозяевам. Но золото из земли, а оно всегда было его первой любовью.

– Я встречал его... или его тень. Он закрыл мне дорогу в Хель, и сказал, что я принесу ему ключ. – Снорри помедлил, вспомнив демона, и то, как заколотилось его сердце, когда он решил, что это его маленькая дочка. Он заставил себя разжать кулаки. – И я принесу.

– Это безумие. Хуже только отдать ключ Мёртвому Королю.

– Зато он знает, где дверь смерти. Ты можешь её мне показать? Есть ли иной выбор? Вариант лучше? Такой, который Келем не сможет мне закрыть? – Снорри убрал ключ и запахнул куртку. – Встретишься с треской, и получишь обед. Встретишься с кашалотом, и возможно *ты* будешь обедом. – Он положил руку на лезвие топора. – Пускай он меня затащит к себе, и мы посмотрим.

– По крайней мере, не придётся пытаться ослабить его крючок,

не убив тебя, – сказала Скилфа, поджав губы. – Кара поедет с тобой.

– Что? – Кара посмотрела на неё, так резко дёрнув головой, что её волосы взметнулись веером.

– Нет. Я... – Снорри не мог придумать возражений, кроме того, что это казалось неправильным. Резкий вызов во взоре этой женщины мгновенно зажгёт в нём симпатию. Она напомнила ему Фрейю. И это казалось похожим на предательство. Глупая мысль, но честная, пробирающая до самых костей.

– Но... – Кара покачала головой. – Воин? Чему я научусь, глядя, как он машет топором?

– Кара, ты поедешь с ним. – Скилфа посуровела. – Воин? Сегодня он воин. А завтра, кто знает? Каждый человек отбрасывает миллионы теней, а ты настолько однобоко ограничиваешь мнение о нём. Девочка, ты приехала сюда в поисках мудрости, но в моих свитках нет ничего, кроме информации. Мудрый взрослеет в миру, посреди грязи и боли живых людей. Не всё тебе бросать руны, да заворачивать банальности в солидные фразы. Ступай туда. Отправляйся на юг. Загорай на солнце. Потей. Проливай кровь. Учись. Возвращайся, когда станешь старше, сдержаннее, закалённее. – Она постукала пальцем по свитку на коленях. – А эти слова ждали здесь сотню лет, подождут и ещё немного. Прочитай их, когда твои глаза повидают просторы мира, и они будут значить для тебя больше. Снорри хочет заставить Келема показать ему дверь, и от его решения есть одна польза. Польза в тысячу миль. В таком путешествии человек может вырасти, измениться и отыскать себе новые взгляды. А может, тебе удастся ему помочь.

***

Снорри потянулся.

– Вот так всё и было. – Он встал, взглянув на Кару, и лодка закачалась под его тяжестью. – Скилфа выгнала нас, и её собачка шла за нами, посмотреть, как мы выходим. Кара вышла несколько минут спустя. Она сказала, на горе за нами гонятся люди, и мы найдём тебя

у воронки на западном склоне.

Я посмотрел на них: Снорри, Туттугу и Кара. Безумец, верный пёс и девочка-ведьма. Эти трое против Мёртвого Короля, а если тот их не перехватит, тогда на конце пути поджидает Келем. А если они победят, то призом будет открытая дверь в смерть и выпущенный наружу ад...

– Флоренция, да? Лучший путь во Флоренцию лежит через Красную Марку. Бросите меня там.

ДЕСЯТЬ

Возможно, лодка пропиталась магией Кары, или я наконец-то привык к морю – в любом случае, путешествие на юг от Берентоппена оказалось менее ужасным, чем долгие дни со Снорри на "Морском Тролле". Кара назвала свою лодку "Эрренса" в честь валькирии, которая плавает под волнами, собирая жертв войны на Рагнарёк. Вёльва знала ветра, её паруса всегда были полны, так что мы плыли на юг быстрее, чем человек может бежать.

– Привлекательная женщина, – сказал я Снорри, когда он снова присоединился ко мне на носу. Лодка была небольшой, но ветер шумел громче, унося слова прочь и давая возможность поговорить наедине.

– Это точно. В ней есть сила. Не думал, что она в твоём вкусе, Ял. И ты, вроде, бредил о своей Лизе с тех пор, как мы отчалили из Тронда?

– Ну, да, в смысле, Лиза милая девушка... и не сомневаюсь, что заберусь разок-другой на её балкон, когда вернусь... – Но мужчина должен думать о настоящем, а прямо в настоящем всё моё внимание занимала Кара.

***

Никому не пожелаешь жить на борту маленькой парусной лодки, какой бы приятной ни была компания, и даже если не приходится полдня опорожнять за борт содержимое желудка. Еда была холодной, однообразной, и её было мало. По ночам зима пыталась вернуться в свои права. От лихорадки я ослаб, постоянно дрожал, и все мои мечты очаровать Кару быстро умерли. Во-первых, сложно играть загадочного романтического принца, когда объекту твоего внимания приходится дважды в день наблюдать, как ты гадишь в море. Во-вторых, как только моя рука в самый первый раз направилась в

сторону Кары, та вытащила из многочисленных складок юбки длинный нож и излишне громко объяснила, как она с его помощью прибьёт руку к моему паху, если та ещё раз направится в её сторону. А Снорри с Туттугу лишь смотрели на меня, закатывая глаза, словно всё это была моя вина! Я обозвал их всех жалкими крестьянами и удалился грызть наши уменьшающиеся запасы овсяных лепёшек – отвратительные штуки, к слову.

На закате явилась Аслауг, поднявшись сквозь корпус лодки, словно чернильные глубины хранили её, пока день отчищал мир. Туттугу глянул в мою сторону, содрогнулся и занялся починкой сетей. Снорри сурово уставился на точку, откуда появилась Аслауг, понять его взгляд было невозможно. Скучал ли он по ней? Впрочем, похоже, видел он её нечётко: его взгляд скользнул мимо неё, когда она двинулась ко мне. Я надеялся, что её слова тоже проскользнут мимо его ушей.

– Ялан Кендет. Всё ещё среди северян? Твоё место во дворце в Красной Марке, а не в какой-то скрипящей бадье.

– У тебя есть способы добраться туда быстрее? – спросил я, по-прежнему пребывая в мрачном настроении.

Аслауг не ответила, но стала медленно поворачиваться, словно почуяв запах, пока не замерла лицом к корме, где за румпелем стояла Кара. Вёльва увидела Аслауг в тот же миг, как на неё упал взгляд воплощения. Я мгновенно это понял. Кара не попыталась скрыть ни узнавание, ни свой гнев. Не отводя взгляда от духа, она привязала румпель и шагнула вперёд. Она приноровилась к качке и двигалась так, словно лодка стояла на скале.

– Вон! – Закричала она так громко, что Снорри и Туттугу вздрогнули, а я подпрыгнул на скамье. – Вон, порождение ночи! Вон, лжерождённая! Вон, дочь Локи! Вон, дитя Арракни! – Глаза Кары полыхали от заката. Она приближалась, выставив руку перед собой и держа в ней что-то, напоминающее человеческую кость.

– А она милашка! – сказала Аслауг. – Но Снорри уведёт её у тебя. Ты же знаешь это, Ялан?

– Вон! – Взревела Аслауг. – Это моя лодка! – Она ударила костью по мачте, и по всему корпусу засветились руны, запылавшие зимним светом. В тот же миг Аслауг словно осела, перетекла в какую-то более мелкую форму размером с большую

собаку, настолько окутанную тьмой, что сложно было разглядеть детали... кроме того, что ног у неё было слишком много. Быстро замолотив длинными сухими конечностями, Аслауг умчалась за борт и исчезла без всплеска. Я содрогнулся и посмотрел на Кару, которая уставилась на меня в ответ, сжав губы в тонкую линию. Я решил ничего не говорить. Ещё с минуту вёльва так и стояла, прижав кость к мачте, а потом ещё минуту, и, наконец, когда солнце исчезло за миром, она расслабилась.

– Ей здесь не рады, – сказала Кара и вернулась к управлению лодкой.

– Она и Баракель – это всё, что у нас со Снорри осталось в нашем положении. Это древние духи, ангел и... ну... За нами гонятся люди, и *твари*, которые творят магию, как дышат. Эти духи нужны нам. Сестра Красной Королевы дала нам...

– Красная Королева двигает вас по своей доске, словно пешки. То, что она вам даёт, больше похоже на ошейник, чем на оружие. – Кара снова взялась за румпель, чтобы скорректировать курс. – Не заблуждайся насчёт природы этих существ. Баракель не больше ангел или валькирий, чем ты или я. И он, и Аслауг когда-то были людьми. Когда Колесо впервые повернулось, некоторые из Зодчих скопировали себя в свои машины, а другие сбежали из плоти в новые формы.

– Аслауг никогда мне не говорила...

– Она дочь лжи, Ялан! – Кара пожала плечами. – И к тому же, вполне возможно, она не помнит. Их духи очень долго формировались ожиданиями других людей. Когда настал День Тысячи Солнц, они выпустили себя усилием своей воли и освободились. Боги в пустом мире... а потом вернулись мы. Новые люди разбрелись по земле, когда развеялся яд. Новая воля. И медленно, даже не зная этого, и их самих, наши сказки связали этих духов, и уже *наша* воля сделала из них нечто, соответствующее нашим ожиданиям.

– Ух. – Я откинулся назад, пытаюсь понять смысл слов вёльвы. Спустя некоторое время у меня заболела голова. Так что я перестал думать и вместо этого начал смотреть на волны.

Мы плыли. Снорри и Кара, похоже, радовались каждой очередной полоске унылого норсийского побережья. Даже само море приводило их в восторг. Качка то, скалы сё, ветер сменился, течение западное. Тьфу! Я как-то слышал дискуссию между пастухами о недомоганиях овец, так она и то была интереснее. Или была бы, если б я слушал.

От скуки человек вынужден заглядывать либо в будущее, либо в прошлое, либо в воображение. Своё воображение я в последнее время находил слишком тревожным, и уже устал обдумывать все возможные сценарии возвращения домой. Так что я долгими часами хандрил на носу "Эрренсы", обдумывая обстоятельства моего похищения из Красной Марки и форсированного марша через половину империи в Чёрный форт. Снова и снова мои мысли возвращались к двоюродному дедушке Гариусу и его молчаливой сестре – рождённые соединённым чудищем, законные король и королева Красной Марки. Их отец, Голлот, приказал хирургам разделить их, но ни один из них не мог занять трон, когда короля забрала старость. Он передал престол через их голову Алисе^[6], младшей сестре. Моей бабушке. Не настолько явному монстру. Но которая из сестёр правила на самом деле? Которая из них поставила мою жизнь и душу против Мёртвого Короля? Мясники с острыми ножами и тупыми мнениями отрезали Гариуса от его сестры, но близнецы разделились не ровно. Гариус стал искалеченным сказочником, а его безымянная сестра – молчаливым созерцателем грядущих лет. И бабушка, Красная Королева, сердце Марки на целое поколение, железная королева, неуступчивая, как скала. Её армий боялись по всему югу, и повсюду поносили её имя.

В пустые часы воспоминания отравляли меня, поскольку нечем было заглушить их шёпот. Гариус отдал мне медальон матери, и за все эти годы я настолько закутал его в ложь, что, держа в ладони, уже не видел в нём ценности. Возможно, я также был слеп и к его назначению. Доктор Тэпрут, который знал скрытые факты о склонах Скраа и гребнях Нффлра в Уулискинде, рассказал мне кое-что о моей матери, а я рассмеялся, думая, что он ошибся. Но не закутал ли я в ложь и её жизнь, как её медальон? Может, я смотрел на её смерть с

той же слепотой, что скрывала от меня природу медальона?

Не в моём духе размышлять о прошлом. Неудобная правда причиняет мне неудобства. Предпочитаю сглаживать углы, пока есть, что скрывать. Но в море на лодке заняться особенно нечем.

– Покажи ключ, – сказал я.

Снорри сел возле меня и забросил в море леску с крючком. За все те часы, что он этим занимался, поймать ему ещё ничего не удалось.

– Он в безопасном месте. – Снорри положил руку себе на грудь.

– Вряд ли для него есть безопасное место. – Я сел лицом к викингу. – Покажи его.

Снорри неохотно привязал леску к уключине и вытащил ключ из-под рубашки. Не было похоже, что он из этого мира. Выглядел так, словно ему нет места в дневном свете. Казалось, ключ изменялся, поворачиваясь на шнурке, мерцая от одной возможности к другой. Полагаю, ключ, который может отпереть любой замок, должен принимать разные формы. Я потянулся к нему, но Снорри отпихнул мою руку.

– Лучше не надо.

– Боишься, что я брошу его в воду? – спросил я.

– Ты можешь.

– Не брошу. – И я протянул руку.

Снорри поднял бровь. Простое, но красноречивое выражение. Я ведь и раньше лгал.

– Снорри, ради этой штуки мы подошли настолько близко к смерти, насколько вообще возможно. Мы оба. У меня есть право.

– Дело было не в ключе. – Голос тихий, глаза смотрят мимо меня. – Мы шли не за ключом.

– Но это всё, что нам досталось, – сказал я, злясь, что он мне отказывает.

– Ял, лучше не трогай его. В нём нет ничего радостного. Как друг говорю, не трогай.

– А я говорю как принц Красной Марки: дай мне этот ёбаный

ключ!

Снорри снял шнурок с шеи и с тяжёлым вздохом опустил ключ в мою ладонь, не отпуская шнурок.

Я сомкнул ладонь на ключе. На краткий миг я подумал, не вырвать ли его и зашвырнуть ли в море. Но в итоге мне не хватило то ли храбрости, то ли жестокости. Не знаю точно, чего именно.

– Спасибо. – Казалось, ключ шевелится в моей ладони, и я сжал её, чувствуя, как она изменяется под его форму.

Я мало что помнил о матери. Её волосы – тёмные, длинные, пахнущие добротой. Помнил, какими надёжными казались её руки. Помнил, как приятна была её похвала, хотя конкретных слов на ум не приходило. Забравшую её болезнь я помнил только в виде истории, которую рассказывал, когда люди спрашивали. История без драмы и трагедии, всего лишь повседневная тщета существования. Прекрасная принцесса, которую свалила распространённая болезнь, и она безо всякой романтики зачахла от дизентерии. Из-за заразности её пришлось изолировать, и её последние слова я слышал через ширму. Чувство предательства, которое ощущает ребёнок, когда его оставляют родители, снова вернулось ко мне – такое же острое, как и прежде.

– Ой. – И без какого-либо перехода ключ уже не был ключом. Я держал ладонь матери, или она держала мою – её пальцы обхватывали руку семилетнего мальчика. Я уловил её запах, что-то ароматное, вроде жимолости.

Снорри кивнул, в его глазах появилось сочувствие.

– Ой.

И безо всякого предупреждения лодка, море, Снорри – все они исчезли, всего лишь на удар сердца. Их место занял слепящий свет, блеск, который померк, как только я моргнул, и мне открылась знакомая комната с плафонами в форме звёзд на потолке. Гостиная в Римском зале, где мы с братьями играли зимними ночами. Там, наклонившись ко мне, стояла мать с улыбкой на лице – это было лицо с моего медальона, только улыбающееся и с ясными глазами. В следующий миг всё сменилось лодкой, небом и волнами.

– Что? – Я отбросил ключ, словно он меня укусил. Ключ закачался на шнурке в руке Снорри. – Что!

– Прости. – Снорри убрал ключ. – Я тебя предупреждал.

– Нет. – Я покачал головой. *Слишком молода для клинка убийцы.* Слова Тэпрута, словно он говорил их мне на ухо. – Нет. – Я встал, пошатываясь от качки. Закрыв глаза и увидел это снова. Мать, улыбаясь, наклоняется ко мне. За её плечом маячит лицо мужчины. Без улыбки. Полузнакомый, но не друг. Черты лица в тени, различимы лишь смутно, а волосы такие чёрные, что кажутся почти синими, как сорочье крыло, и с расходящейся от висков сединой.

Мир вернулся. За два шага я добрался до мачты и вцепился в неё, чтобы не упасть. В нескольких дюймах от моего носа хлопал парус.

– Ял! – Крикнул Снорри, показывая мне, чтобы я вернулся и сел, пока качка не сбросила меня в воду.

– Там *был* клинок, Снорри. – Я видел его всякий раз, как моргал: свет отражался на острие меча; кулак, сжимающий рукоять, держал клинок низко и свободно. – У него был меч! – Я снова увидел его – какой-то секрет, скрытый в блеске стали, от которого я почувствовал боль в груди и за глазами.

***

– Мне нужна правда. – Я уставился на Кару. С заходом солнца Аслауг не пришла. Для меня это было достаточным доказательством силы вёльвы. – Ты можешь мне помочь, – сказал я ей.

Кара вздохнула и привязала румпель. Ветер стих до лёгкого бриза. Паруса скоро придётся свернуть. Он села возле меня на скамейку и пристально посмотрела мне в лицо.

– Принц Ялан, людям редко нужна именно правда.

– Мне нужно знать.

– Знание и правда – разные вещи, – сказала Кара. Она смахнула с губ прядь волос. – Я и сама хочу знать. Много чего хочу узнать. Я отважилась на путешествие в Берентоппен, отыскала Скилфу, и всё это в поисках знания. Но знание – опасная вещь. Ты прикоснулся к ключу, вопреки настоящему совету Снорри, и ключ не принёс

тебе покоя. А теперь я советую тебе подождать. Мы направляемся на твою родину. Задай там свои вопросы, обычным способом. Ответы скорее всего не тайна, просто факты, которых ты избегал или которым не уделял внимания, пока рос.

– Я не могу ждать. – Лодка стала тюрьмой, а море – бесконечной стеной. Я сидел здесь в западне, и не было ни места, ни ответов. *Слишком молода для клинка убийцы.* Я вспомнил, как во время путешествия на север я стёр суп с медальона и по настоянию Снорри впервые за многие годы посмотрел на него по-настоящему. С глаз упала пелена, и я обнаружил сокровище. Теперь я боялся уже того, что ещё увижу, заглянув в прошлое – но варианта не смотреть у меня не оставалось. Ключ отпер дверь к давно забытым воспоминаниям. А теперь я должен был распахнуть её настежь. – Помоги мне вспомнить.

– Принц Ялан, мои умения невелики. – Кара посмотрела на свои руки: ногти коротко обгрызены, на пальцах мозоли от работы с верёвками. – Найди другой способ... Может, ключ...

– Это ключ Локи, – бросил я, вложив в слова больше резкости, чем собирался. – Он чёрен ото лжи. Мне нужно знать: то, что я видел, что вспомнил – настоящие воспоминания или жульничество какого-то языческого духа.

Вечер сгущался, расходился по поверхности моря, и на западных небесах, закрытых облаками, тускнело зарево поглощённого солнца. Крупная капля дождя попала мне по руке, другая коснулась щеки. Снорри, завёрнутый в плащ, смотрел на нас с носа лодки. Туттугу сел ближе и начал строгать ножом какую-то деревяшку, которую выловил в воде.

– Всё, что я знаю о памяти, заключено в крови, – сказала Кара. – Кровь человека может рассказать тайны о его происхождении. В крови история его жизни, и история его отца, и отца его отца. Но...

– Тогда давай. Мне нравятся хорошие истории, а если они обо мне, так это ещё и лучше!

– Но, – она продолжала говорить таким тоном, который всегда означает, что говорящий ведёт к "нет". – Я новичок. Нужна целая жизнь, чтобы выучить язык крови. Скилфа могла бы показать тебе день по твоему выбору, или выудить какую-нибудь тайну, которая лежит так глубоко, что её не высказать. Моё искусство менее...

точное.

– Ну, попробуй? – Я соорудил ранимое выражение, от которого тают женщины.

Кара сжала губы в тонкую линию, пристально рассматривая моё лицо. Её очень голубые глаза двигались так, словно я был книгой, которую она могла прочесть. Я увидел, как расширились её зрачки. Отчего-то она клюнула на мою обычную щенячью уловку. А я почувствовал некоторое разочарование. Мне-то хотелось, чтобы Кара была более... магической. Более сильной.

За многие годы я понял, что женщины хотят меня спасти. И неважно, насколько я плох. Неважно, насколько плохим они *видят* меня – даже когда я отделялся от их друзей ради забавы, или каждый день изменял с очередной придворной дамой – если я показывал женщине хоть крупицу надежды, что могу искупить свою вину, то многие, и даже самые умные, самые нравственные, самые мудрые, попадали в мою ловушку. Похоже, перспектива приручить опасного распутника, которому на них, скорее всего, плевать, была для некоторых слаще, чем, к примеру, такой сильный и нравственный человек, как Снорри. Не спрашивайте меня, почему... Для меня в этом нет смысла – я просто благодарю Бога за то, что он создал мир таким.

Но здесь, в лодке, желая знать правду, возможно впервые в жизни желая познать себя, я бы предпочёл сидеть рядом с женщиной, которая могла видеть меня насквозь.

– Пожалуйста, – сказал я, распахивая глаза. – Я знаю, это поможет мне стать лучше.

И она купилась.

– Что ж, Ялан, если ты уверен. – И она принялась копаться в рундуке под скамьёй.

– Уверен. – Уверен я был только в том, что от этого опыта черта с два я стану лучше. Зато не сомневался, что хочу этого, а получение того, что я хочу, всегда было моим главным приоритетом. Аслауг говорит, это показывает силу характера. Я забыл, как это называл Баракель.

– Вот! – Она вытащила из рундука длинный ящичек полированной кости и села. На передней стороне коробки была выжжена единственная руна. Она казалась знакомой.

– Тернии. – Я вопросительно приподнял бровь, и Кара в ответ приложила палец к руне палец. – Сначала понадобится немного крови. И для этого – шип. – Она раскрыла ящик и достала самую длинную иглу из всех, что я когда-либо видел.

– А-а, – сказал я, порываясь встать. – Наверное, можно заняться этим и попозже. – Но Снорри и Туттугу были рядом, и оба фыркнули, словно я ломал комедию для их развлечения.

Тяжесть их ожиданий придавила меня к скамье.

– Ха. Стану я бояться маленькой иглки. – Мне удалось выдавить сухой смешок. – Принимайтесь за меня, мадам ведьма.

– Сначала надо произнести заклинание. – Она слабо улыбнулась, и внезапно, несмотря на длинную иглку между нами, и на её обещание ответить на мои приставания ножом по яйцам, я понял, что хочу её. В ней не было сладострастности Астрид или стройных форм Эдды, как и красоты обеих... а может, просто мою похоть разжигало то, что запретно, но больше того меня в Каре привлекала сила. За исключением старух вроде Скилфы и моей бабушки, я никогда не встречал более искусных женщин. Как и в Снорри, в ней было нечто такое, из-за чего невозможно было поверить, что она когда-нибудь подведёт тебя, испугается или убежит.

Кара зажгла фонарь. Заговорив на старом языке севера, она окунула иглку в море, а потом провела над пламенем. Среди прочего она называла моё имя. И не раз. В её устах оно звучало приятно.

– Когда игла окрасится кровью, ты должен будешь её лизнуть. И тогда откроется то, что должно быть открыто.

– Я пробовал раньше свою кровь. Она немного мне рассказала. – Когда Астрид меня ударила, я проглотил, наверное, галлон своей крови. Моему носу стоит только начать кровоточить, и его уже не остановить.

– Здесь будет по-другому. – И снова та улыбка. – Протяни руку.

Так я и сделал. Я не знал, насколько глубоко уколёт игла, но набрался решимости. Ведь вряд ли мне на пути к её постели поможет, если я завизжу, как девчонка.

Кара взяла мою руку, прощупала пальцами, словно в поисках идеальной точки. Я сидел спокойно, довольный, что она держит меня за руку, чувствуя жар между нами.

– Пора... – Она провела иглой над моей рукой, словно в поиске.

– Ай! Боже ты мой! Господи Иисусе! Эта сука меня проткнула! – Я отдернул руку, пронзённую иглой, которую Кара одним стремительным движением полностью воткнула в ладонь. – Иисусе! – Шесть дюймов алой стали торчали из обратной стороны моей ладони.

– Быстро! Лизни. Чем дольше ждёшь, тем дальше в прошлое уйдут воспоминания! – Кара схватила моё запястье и попыталась направить руку к моему рту.

– Блядь, ты меня проткнула! – Я не мог поверить. Перед глазами сгущалась чернота, я слабел от потрясения. Любопытно, что боли почти не было.

– Помоги мне. – Кара глянула на Снорри и схватила моё запястье обеими руками. Окровавленная игла показалась перед моим лицом. Но будь я проклят, если позволю ей! Она бы воткнула иглу мне в рот, только дай! Я оттолкнулся назад. – Ялан, хватит со мной сражаться. Времени мало.

Снорри надавил, и спустя мгновение игла стёрла с моего языка все протесты. Затем Кара вытащила сталь. Тогда-то и начало болеть – словно игла задела маленькие кости ладони.

– Ялан, теперь сконцентрируйся! Это очень важно. – Она сжала моё лицо своими вероломными руками. Возможно, потом она говорила что-то ещё, но к тому времени я совершенно ослаб.

***

Я лечу. Или я – небо. Это одно и то же. День заканчивается, и земля далеко подо мной изгибается, опускается и поднимается. Горы по-прежнему ловят солнце, леса скрылись в тени, бегут реки, или тащатся, каждая в соответствии со своей природой, но все направляются к морю. Вдалеке лежит сморщенный от угасающего света океан.

***

Ниже.

***

Зелёные от посевов равнины внизу сменяются засушливыми холмами с каменными гребнями. Клубы дыма, скрученные ветром, пронзают воздух, словно нити. Поля почернели там, где их уничтожил огонь. Лес на много акров вокруг полыхает.

***

Ниже.

***

На высоком гребне раскинулся замок, на господствующей высоте над двумя долинами, которые тянутся в сторону плодородных земель. Замок огромен, его внешняя стена толще дома, выше деревьев, и в неё встроены семь круглых башен. Внутри этого периметра стоит маленький городок из камня и кирпичей Зодчих. Дальше идёт вторая стена, толщиной в несколько ярдов и выше первой, а за этой стеной казармы, оружейные, колодец и цитадель. Её я узнаю – или мне кажется, что узнаю. Она напоминает мне башню Амерот, которая стоит на краю Скорпионов – гряды холмов, охватывающей с двух

сторон район, где встречаются Красная Марка, Словен и Флоренция. Я как-то бывал в той башне. Мне было лет десять. Отец отвёз Мартуса служить оруженосцем лорда Марсдена, у которого здесь жила семья. Мы с Дарином потащились с ним в рамках нашего обучения. Башня была самым высоким строением из всех, что я видел. И до сих пор это так. Работа Зодчих. Уродливое прямоугольное строение из литого камня, без окон и без узоров. Я вспомнил, что вокруг там повсюду валялись булыжники, а в миле от башни стояла деревня. Местные слишком боялись призраков, чтобы селиться поблизости. Мы с Дарином поехали верхом в холмы, поскольку всё ещё были молоды, и нам ещё нравилось исследовать и играть. Помню, на камнях виднелись явные следы огня. Геометрические узоры на них я понять не мог.

***

Ниже.

***

Возле замка расположилась лагерь армия, выстроенная для осады. Такая большая армия, что палатки разных отрядов раскрашивают землю, словно зерновые на огромных полях. Лошади для их кавалерии стоят в загонах тысячами. Леса вырублены для постройки машин, которые ожидают на переднем крае войска. Перед каждой навалены пирамиды камней высотой в десять, двадцать, тридцать ярдов. Рычаги требушетов, катапульт и мангонелей отведены назад, заряжены, готовы к обстрелу.

***

Ниже.

***

Вонь и какофония орды нестерпимы. Такая толкучка людей и животных на таком маленьком участке. На участках выше стоят шатры, украшенные гребнями с гербами. Это великие дома Словена. Сильные мира сего явились со своими рыцарями и рекрутами. В лесу штандартов видны гербы знати из Загра, Зюйд-Рейха, и даже Майяра. Здесь никак не меньше тридцати тысяч человек. А может и все пятьдесят.

***

Я падаю. Падаю. В сторону внешней стены. Невидимый, опускаюсь среди войск, собравшихся на самой западной башне. Здесь сотня лучников, на них гладкие железные шлемы с пластинчатыми назатыльниками, кольчужные капюшоны, кожаные куртки с пришитыми железными пластинами, юбки из усеянных железными заклёпками кожаных полос. Я видел такие доспехи на стойках в длинной галерее Римского зала. За одним таким костюмом, стоявшим у западной лестницы, я прятался в детстве и выскакивал, пугая горничных.

В передней части башни стоит скорпион, направленный между зубцами башни в далёких врагов. Команда скорпиона стоит на почтительном расстоянии, а прямо за машиной маленькая группа знати обсуждает какой-то вопрос.

В следующий миг я уже стою среди них. Рядом со мной огромный воин в тяжёлом помятом бехтерце, сделанном в старинном стиле из чёрного железа. Воин оглядывается в мою сторону, но

смотрит сквозь меня.

– Мы сможем продержаться до подкрепления. Если не больше пары месяцев, то продержимся, – говорит он. У него яростные тёмные глаза на грубом лице, чёрная щетина на длинном подбородке, разделённом бледным шрамом.

– Проклятье! – Сказавшая это отворачивается от противника. Она ростом на четыре пальца выше шести футов, атлетического телосложения, сильная, юная... ей лет восемнадцать. Её доспехи позолочены и отделаны финифтевыми изображениями пылающих копий Красной Марки. Но доспехи не декоративные – это полновесная сталь без украшений. Солдатские доспехи. – Если позволить им остаться здесь, то путь царя на запад будет открыт. И Степи ещё до осени встанут у ворот Вермильона.

Я смотрю на широкое угловатое лицо этой женщины Марки, на копну тёмно-рыжих волос, на сердитые ореховые глаза, на полные губы. Я знаю это лицо.

– Контаф. – Она подходит к рыцарю рядом со мной. Любой женщине её роста нужно смотреть на него снизу вверх. – Мы можем атаковать? Устроить вылазку? Они не будут ждать атаки.

Люди вокруг неё тяжело вздыхают – судя по доспехам, это командиры рыцарей и лорды. Могу их понять. В замке недостаточно войск, чтобы бросить вызов армии снаружи. Я знаю это, даже не глядя. Столько в замке просто не поместится.

– Они не ждут атаки, принцесса, – говорит Контаф. – Но всё равно, они к ней готовы. Кёрвиц не дурак.

– Делегация! – это кричит человек у стены с подозрной трубой.

Принцесса ведёт аристократов к зубцам стены, лучники расступаются, давая им пройти.

– Говори, – произносит она.

– Десять всадников под белым флагом. Эмиссар. И пленник. Женщина. Девушка...

Принцесса выхватывает подозрную трубу и подносит к глазу.

– Гвен!

– У Кёрвица ваша сестра? – Контаф стискивает пальцы на

рукояти меча, стальные пластины латной рукавицы скрежещут друг о друга. – Значит, Омера пала.

– Дай сюда лук, – требует принцесса у ближайшего лучника.

– Алиса! – Напряжённо шепчет мужчина возле неё. Он меньше ростом, но его волосы того же цвета.

– Принцесса, – говорит она. Лук уже в её руках, она угрожающе смотрит ему в глаза. – Ещё раз назови моё имя, кузен, и я сброшу тебя с этой стены.

Она вытаскивает стрелу из колчана лучника.

– Лук хороший?

– Д-да... принцесса. – Запинаясь, проговаривает лучник. – Если перетянете, то немного ведёт влево. Но это не беда – для женщины он слишком велик...

Принцесса Алиса накладывает стрелу и притягивает её до уха, целясь в громадную цитадель за второй стеной.

– Так?

– Немного влево, ваше величество. – Мужчина отступает назад. – На два пальца для мишени в пятидесяти ярдах.

– Они остановились, – говорит кузен на стене.

Принцесса отпускает лук и идёт посмотреть. Девять человек на лошадях выстроились в линию. Эмиссар и пленница выезжают на пять ярдов вперёд. Девушка в шелках, в дамском седле, и с виду ей не больше тринадцати. Может, четырнадцать. Мужчина жирный, в подходящих ему доспехах, его шея толстая и покрасневшая от солнца Красной Марки. На нём синий шлем с плюмажем и длинный бирюзовый плащ.

– Приветствую вас, замок! – Доносится до них его голос, приглушённый расстоянием.

У принцессы Алисы каменное лицо. Она снова накладывает стрелу на тетиву и натягивает её.

– Флаг... – Контаф таращится на неё, начинает хмуриться, его лоб покрывается глубокими морщинами.

Она бросает взгляд за стену.

– ... ошибка, – говорит она. – Он помогает мне сделать поправку на ветер. Она выгибает спину, натягивая тетиву до самой кирасы... и стрела улетает, оставив после себя лишь шелест среди нашего молчания.

Принцесса бросает лук и отходит от стены. За её спиной раздаётся пронзительный крик. Пауза. Звук скачущих во весь опор лошадей.

– Принцесса Гвен... – выдыхает кузен.

– Застрелила свою сестру... – Шёпот разносится по стене.

Алиса разворачивается лицом к ним.

– Никаких переговоров. Никакой сдачи. Никаких соглашений.

Она снова резко разворачивается и шагает в сторону лестницы в центре башни. Контаф с грохотом бежит за ней, пытаясь догнать, остальные приходят в себя позади. Я за её плечом. Так близко, что слышу её напряжённое дыхание.

Она не поворачивает головы, когда Контаф догоняет её у самой лестницы

– Кёрвиц уже к утру привязал бы её к столбу над огнём, чтобы мы все смотрели. Заставил бы её петь для моих войск песню боли и держал бы её там, насколько хватило бы умений палачей. – Кузен и ещё трое подходят сзади. Алиса не поворачивается к ним. На стене первый камень разрывается об зубцы. По всей вражеской линии военные машины, хрипло звеня, высвобождают свои скованные силы.

– Мы победим или умрём. Третьего пути нет.

И в этот миг я понял свою бабушку.

И на нас посыпался каменный дождь.

ОДИННАДЦАТЬ

– Я *так* хочу есть.

– Наконец-то он проснулся! – Голос Снорри поблизости.

Я открыл глаза.

– Я ослеп! – Меня охватила паника, и я с трудом поднялся, врезавшись головой во что-то твёрдое.

– Успокойся! – Судя по голосу, его это забавляло. Большая рука придавила меня вниз. В местах соприкосновения неприятно зашипела старая магия.

– Мои глаза! Мои ёб...

– Сейчас ночь.

– А где тогда чёртовы звёзды? – Я потрогал лоб в том месте, где ударился. Пальцы стали липкими.

– Облачно.

– А где фонарь? – На этот раз я его подловил. Тёмными ночами мы всегда его зажигали, низко подрезав фитиль. Лучше потратить немного масла, чем в темноте вывалиться за борт, когда зовёт природа.

– Ты его разбил, когда упал.

Я вспомнил всё. *Эта женщина! Моя рука!*

– Моя рука! – крикнул я, по глупости схватившись за то место, куда она меня проткнула, и завопил от боли.

Туттугу недовольно и сонно что-то пробормотал, и перестал храпеть. Нынче я замечал, что он храпит, только когда он переставал.

– Почему я так голоден?

– Потому что ты свинья. – Я услышал, как Снорри перевернулся и укрылся.

– Ты спал целый день и большую часть двух ночей. – Голос Кары с другого конца лодки.

– Что ж... – Я ненадолго задумался. – Что ж, не сработало. Ты покалечила меня просто так.

– Ты ничего не видел? – Её голос звучал недоверчиво.

– Я видел свою бабушку. Она была младше, чем я сейчас. Ну и жуткой сукой она тогда была! Даже хуже, чем сейчас.

– Ты слишком долго ждал, прежде чем лизнуть кровь, – сказала Кара.

– Ну прости меня за то, что я был занят, разглядывая шесть дюймов стали, торчащих из моей ладони! – Я до сих пор поверить не мог, что она меня не предупредила.

– Возможно, увидишь больше, когда уснёшь в следующий раз. Может быть даже то, что ищешь. – Её голос звучал не очень-то заинтересованно – скорее сонно.

Я сердито зыркнул на неё в темноте, но, судя по сопению вокруг меня, все снова задремали. А я уже достаточно поспал. Так что я устался в темноту и качался на волнах, пока небеса не побледнели, возвещая рассвет.

***

Эти холодные тёмные часы я провёл, разглядывая в уме воспоминания о воспоминаниях. Снова смотрел на бабушку вечность назад; на жертвы, которые ей пришлось принести, чтобы противостоять врагу; на огонь в ней, который повёл её в атаку, когда надежда давно уже покинула поле битвы. Бабушка была такой же, как Снорри. Или скорее, каким Снорри был раньше.

В серые предрассветные часы я смотрел, как северянин тяжело идёт к рулю, смотрел на тёмные щёлки его глаз, когда он посмотрел на меня в ответ. Скоро Баракель заговорит с ним. Ангел пойдёт по волнам и станет вещать о свете и предназначении, а Снорри всё равно будет править на юг, к смерти.

– Ты трус, Снорри вер Снагасон. – Возможно, дело было в недостатке сна, или кровь Красной Королевы взбурлила в моих венах,

или просто появилось честное желание помочь ему – но отчего-то слова полились изо рта, перевесив на миг моё обычное желание всеми силами избежать побоев.

– С чего бы? – Он не повысил голос и не шевельнулся. На самом деле я никогда не видел, чтобы та жестокость, которую он демонстрировал в битве, проявлялась в разговорах – даже в тех, которые шли против него. Быть может, я судил о нём по тому, что сделал бы сам, если был бы огромным страшным викингем.

– Этот ключ. Он сделан из лжи, и ты это знаешь. Нести его к двери в смерть... – Я помахал рукой. – Это всего лишь поиск выхода, побега. С таким же успехом в Тронде ты мог бы пробить дыру в морском льду и прыгнуть в неё. Результат тот же, усилий меньше, и куче народу доставил бы меньше хлопот. – Я бы сказал ему, что он не вернёт свою жену, детей и нерождённого младенца. Я бы сказал ему, что всё это чушь, и что мир так не работает. Сказал бы, но возможно я не настолько жесток, а может, просто не полагался на его терпеливость... но скорее всего, этого и не нужно было говорить. Он и так всё это знал.

Снорри не отвечал. Ни звука, кроме стоны ветра и плеска волн по корпусу. Потом:

– Да. Я трус, Ял.

– Так брось ключ за борт и поехали со мной в Вермильон.

– Теперь дверь – цель моих поисков. – Снорри сел. – Дверь. Ключ. Вот и всё, что у меня есть. – Он коснулся того места, где под курткой висел ключ. – И что такое этот ключ, если не шанс встать перед богами и потребовать объяснений за мир... за свою жизнь?

Я знал, что дело было не в богах. Что бы он ни говорил. Его влекла семья. Фрейя, Эми, Эгиль, Карл. Я по-прежнему помнил их имена, и истории, которые он о них рассказывал, а эти дети даже не были моими. Не в моём духе волноваться о таком, но всё равно, я видел маленькую девочку, её деревянную куклу, и Снорри, бежавшего, чтобы спасти её. Я ожидал, что долгой зимой он станет говорить о них снова и снова. Ждал и боялся этого. Зная, что однажды ночью, сильно напившись, он сломается и станет пьяно яриться от своей утраты. Но он так и не заговорил. Какой бы тёмной и длинной не была ночь, сколько бы эля он не принял, Снорри вер Снагасон ни разу не пожаловался, и не сказал ни слова о своей

потере. И я вовсе не ожидал, что в конце концов говорить об этом придётся в маленькой лодочке, за бортами которой на много миль во все стороны лишь холодное неугомонное море.

– Это не...

– Хватит шестидесяти ударов сердца. Если бы я мог обнять их. Дать им знать: я приду за ними, что бы ни встало на моём пути. Этого было бы достаточно. Шестидесят ударов сердца за той дверью перевесят шестидесят лет в этом мире без них. Ты не любил, Ял, и не держал своего ребёнка, новорождённого и окровавленного, такого мягкого в жёстком мире – и ты не давал обещания, что будешь оберегать этого ребёнка. И Фрейя. У меня нет слов. Она меня разбудила. Я всё время проводил в кровавых снах, кусая любую руку, которая пыталась меня покормить. Она меня разбудила, я увидел её, и она была всем, что я только хотел видеть, и всем, что я только мог видеть.

Кара и Туттугу не шевелились на своих скамьях, но в их неподвижности я видел, что они оба проснулись и слушают.

– В этом мире мне больше нет места – только быть оружием, гневом за острым лезвием, приносящим печаль. Со мной покончено, Ял. Я сломан. Моё время прошло.

Мне нечего было сказать на это, так что я ничего не сказал, дав говорить морю. Вскоре нас отыскало солнце, и Баракель, наверное, проник в разум северянина. Хотя не знаю, было ли ему что сказать после слов Снорри.

ДВЕНАДЦАТЬ

Первый день после пробуждения от кровавого сна я провёл, баюкая свою руку и сердито глядя на Кару. Она, впрочем, держалась спокойно. По крайней мере, до тех пор, пока я не начал развязывать шнуровку на штанах, чтобы ответить на зов природы. И в лучшее время, когда просто стоишь на маленькой лодке и облегчаешься за борт, это дело непростое. А пытаться стоять во время качки, при этом развязывая штаны раненой рукой, трудно вдвойне.

– Это было бы чертовски проще, если бы меня не проткнула одна идиотка! – Шнурки продолжали сопротивляться моим неловким пальцам. – Шлюха Христова! – Возможно, я произнёс ещё несколько ругательств и запятнал доброе имя одной конкретной вёльвы.

– На севере мы называем это лёгким уколом^[7], – ответила Кара, не глядя в мою сторону со своего места за румпелем.

Уверен, она подразумевала оскорбление, но невежественные варвары Снорри и Туттугу хрипло расхохотались надо мной, поэтому я мужественно проигнорировал свою рану. Оказалось, что язычок у Кары ещё острее, чем игла.

***

Мы с Туттугу постоянно смотрели на север, выглядывая паруса ладьи. Любой белый проблеск заставлял нас думать, нет ли под ним пары красных глаз и полной палубы хардассцев. К счастью, мы не заметили ничего похожего на них. Может, после событий в Чёрном форте влияние Мёртвого Короля на красных викингов ослабло, и он уже не мог заставить их плыть до самого континента. А может, мы их просто сильно опередили.

***

За три дня плавания под парусом из Берентоппена "Эрренса" увезла нас так далеко на юг, что вдалеке уже было видно, как изгибается к востоку побережье Норсхейма. Впереди нас ждало Всепожирающее море, последний барьер перед континентом, простирающийся до берегов Маладона. Кара молилась, ундорет зывали к Одину и Эгиру, я заключал со Всемогущим односторонние сделки, и мы, к добру ли, к худу ли, разлучились с севером.

***

Всепожирающее море, или Карловы воды, как их называют на южных берегах, имеет плохую репутацию у моряков. Шторма из великого океана часто обрушиваются на Карловы воды у нагорья Норсхейма. Подобные шторма и на глубинах достаточно опасны, но в мелких водах, где мы теперь плыли, они иногда поднимают настолько большие волны, что никакой корабль их не переживёт. Такие волны были редкостью, но могли полностью расчистить Карловы воды. Метла Эгира, так их называли викинги. Морской бог прибирается в доме.

Я сидел на корме "Эрренсы", глядя, как позади нас исчезает Норсхейм, сжатый между морем и небом в тёмную зазубренную линию. А потом просто в линию. Потом он остался только в воображении. И, наконец, лишь в памяти.

– Только доберусь до Маладона, так сразу попрошу цирюльника сбрить эту бороду. – Я провёл пальцами по просоленным и засаленным завиткам, отбелённым вышедшим солнцем до белого цвета. Мои старые друзья и так-то не узнают меня – со всеми шрамами, стройными мышцами и растрёпанными волосами. Впрочем, портной, брадобрей и месяц комфортной жизни могут всё исправить.

– Она тебе идёт. – Кара исподлобья посмотрела на меня, по её

голубым глазам нельзя было ничего понять. Она сидела, занимаясь починкой крышки рундука. За время путешествия она стала лучше ко мне относиться, и даже проверяла рану на моей руке – без извинений, но прикасалась нежно. Дважды в день она втирала сладкопахнущую мазь во входное и выходное отверстия. Её внимание мне очень нравилось, и я почему-то даже забыл упомянуть, что рана уже не болела.

В обмен на медицинскую помощь, я развлекал Кару байками о дворе Красной Марки. Никогда не помешает напомнить, что ты принц. Особенно, если ты принц. Похоже, мои истории её забавляли, хотя смеялась она не всегда над теми вещами, которые я считал смешными...

– Рыба! – Снорри вскочил, раскачивая лодку. – Зубы Тора! Я поймал рыбу!

И действительно, в его руках дёргалась скользкая рыбина в полтора фута длиной. Леска всё ещё торчала у неё изо рта.

– А прошло-то всего двенадцать дней в море! – Я уже давным-давно говорил ему бросить это дело.

– Поймал! – Мои насмешки ничуть не уменьшили радость Снорри.

Подошёл Туттугу и похлопал его по спине.

– Отлично! Мы ещё сделаем из тебя рыбака.

Туттугу-то стоило только забросить крючок за борт, и, казалось, рыбы начинали биться за привилегию его заглотить. С тех пор, как мы подняли парус, он вытащил их десятка два. Он взялся учить Снорри, а мне сообщил, что и фермер из воина тоже не очень. Туттугу волновался, что у Снорри не осталось, к чему возвращаться – у него был талант к войне, но мирная жизнь могла оказаться для него нелёгкой.

– Отличная. – Кара присоединилась к ним, встав близко к Снорри. – Угольную рыбу хорошо варить и есть с зимней зеленью. – Похоже, эти двое непринуждённо чувствовали себя в компании друг друга. Я наблюдал за ними со странной смесью ревности и удовлетворения. Какая-то часть меня хотела, чтобы Снорри и вёльва сблизилась. Его единственной надеждой была хорошая женщина. Ему нужно было что-то, кроме скорби.

Меня тревожило, что я вообще рассматриваю возможность принести в жертву те удовольствия, которые рассчитывал получить от Кары. Это было совершенно на меня не похоже. Особенно после всех часов, которые я провёл, представляя способы, которыми заставлю стучать друг о дружку её рунные амулеты... Но всё же... если Снорри найдёт себе женщину, он, может, забудет овладевшее им безумие и не станет искать дверь в смерть, чтобы вернуть утраченную семью. Ведь какими бы ни были мои планы, всегда есть шанс, что и меня втянут в это безрассудство. Так что, в конечном счете, я отказывался от Кары в своих собственных интересах. Подумав так, я расслабился, и вот это уже было намного больше на меня похоже.

***

Посреди Всепожирающего моря, дальше от земли, чем я когда-либо бывал, я сидел, качаясь на маленькой деревянной лодке Кары. Разум занять было особенно нечем, так что я сосредоточился на Снорри. Я наблюдал за ним, сидя на носу лодки – его тёмные волосы развевались на ветру, глаза вглядывались в южный горизонт. Самый яростный воин из всех, кого я знал, бескомпромиссный, не боявшийся ни меча, ни топора. Я знал, почему сам стремлюсь на юг – чтобы потребовать удобства и привилегии, дарованные мне по праву рождения, и дожить до безобразно преклонных лет. Я знал, что влекло Снорри, и, несмотря на все его слова, сказанные несколько дней назад, я не мог найти в них хоть какой-нибудь смысл. Я повидал немало всякого, явившегося из мёртвых земель, и ничто из этого не было красивым.

А ещё я заметил, что после моего затяжного сна он начал носить ключ на ржавой цепочке – словно прочёл мои мысли о том, чтобы сорвать шнурок и выбросить ключ за борт. От такого недоверия, насколько бы заслуженным оно ни было, я чувствовал себя немного обиженным. Я подумывал заговорить об этом, но глядя на викинга, согнувшегося от боли в отравленной ране и застарелой боли утраты... не стал. Вместо этого я проследил за его взглядом до тёмного пятна на горизонте, которое привлекло его внимание.

– С виду дело плохо. – С виду дело было хуже некуда.

– Да. – Кивнул он. – Возможно, придётся несладко.

Шторм настиг нас за полдня пути от берегов Маладона. Катастрофическая война стихий, которую даже викинги называли штормом. Всё, что я вынес на море до того, на его фоне выглядело мелкими неудобствами. Ветер стал кулаком, а дождь – копьями, которые яростно впивались в плоть. А волны... эти волны будут преследовать меня в кошмарах до того дня, когда их сменит что-нибудь похуже. Море вздымалось вокруг нас. Человек в океане всегда чувствует себя маленьким, но среди огромных волн, способных смести замки, понимаешь, что значит быть жучком среди топающих слонов.

Ветер гнал нас, и мы без парусов скользили среди пенных громадин. Только повернись взглянуть на них, и дождь ослепит тебя, и ветер переполнит, если пытаешься закричать. Только отвернись, и придётся сражаться, чтобы сделать вдох – настолько сильно воздух не желал остановиться хоть на миг.

Наверное, Снорри и остальные были заняты. Они явно что-то кричали друг другу и бросались туда-сюда. Не знаю, чем они там занимались. Что бы они не сделали, против такой атаки им нечего было противопоставить. Я же обеими руками цеплялся в мачту, а порой и обеими ногами. Ни одна пара возлюбленных никогда не обнималась так крепко, как я с этим деревянным шестом. И несмотря на волны, которые окатывали меня, пока мои лёгкие бились за каждый вдох, я не разжимал хватку.

Оказалось, что маленькие лодки не так-то просто потопить. Они снова и снова поднимаются, вопреки здравому смыслу и ожиданиям. Мой старший брат, Мартус, лет в десять-одиннадцать часто ходил с друзьями к Моранскому мосту, и мы с Дарином иногда увязывались за ними, чтобы посмотреть. Старшие мальчики плавали на отмелях, или отправлялись на мост и закидывали удочки в Селин. Когда, не поймав рыбы, они начинали скучать, то придумывали всякие проказы. Мартус первым бежал вдоль стены моста со множеством колонн и писал на проходящие лодки, или насмехался над местными, зная, что отцовские стражники его защитят. Отец всегда посылал с Мартусом четверых охранников, поскольку тот был наследником.

Одним прекрасным весенним утром на Моранском мосту

Мартус решил организовать имитацию сражения на море. На практике это значило, что они с друзьями притащили на мост большие камни с берега реки и бросали их на проплывавших мимо уток с утятами. Вся штука в том, что очень сложно утопить утёнка камнем. Особенно когда они выплывают из-под моста. Нужно было учесть задержку между криками наблюдателей на другой стороне моста и появлением целей, а ещё точку появления и время броска. Так что почти два часа мы с Дарином смотрели с берега реки, как Мартус сбросил прорву камней, некоторые больше его головы, на вереницы пушистых утят, которых неосмотрительные утки заводили под мост. И, несмотря на огромные всплески со всех сторон, на засасывающую силу тонущих камней и на приличные волны, эти мелкие пушистые сволочи упорно плыли дальше. Непотопляемые шарики жёлтого пуха довели Мартуса до белого каления. Он не потопил ни одного, а когда помчался вниз, чтобы на отмели наброситься на последних утят, из тростника на него набросился рассерженный лебедь, ускользнул от всех четверых охранников и яростным ударом клюва сломал Мартусу запястье. Лучший день в моей жизни!

В любом случае, лодка Кары была похожа на тех утят. Наверное, тут не обошлось без магии, но как бы шторм нас ни швырял, судёнышко оставалось на плаву.

***

Шторм не прекращался, лишь немного ослабевал, и тут же возрождался, стоило моим надеждам окрепнуть. Но к утру остался лишь проливной дождь со шквалистым ветром. Я задремал в обнимку с мачтой, промокший насквозь и замёрзший. Я знал, что солнце начало взбираться в небо, но мне его не увидеть из-за шторма.

Снова дрожа от лихорадки, я проснулся из-за криков чаек и далёкого грохота бурунов.

– Отвяжи кливер! – Голос Кары.

– Поворачивай! Поворачивай! – Встревоженный голос Снорри.

– Большая идёт! – Туттугу, и, судя по голосу, он устал не меньше меня.

Я поднял голову, отцепил больную руку от мачты и стёр соляную коросту с глаз. Небо было бледно-голубым, с полосками остатков дождевых облаков. Солнце стояло над головой, яркое, но не очень-то тёплое. Я медленно повернулся в сторону носа "Эрренсы", не желая совсем отпускать мачту. Перед нами вперёд катилась волна, а за ней открывалось тёмное побережье из утёсов, покрытых травой и кустарником. А за мысом... ничего... никаких норсийских гор, которые вздымаются в небеса и предлагают проваливать к чёртовой матери. Наконец-то мы добрались до Маладона. Да уж, герцогство довольно дикое, но по крайней мере ему хватает благопристойности не торчать на краю абсурдно крутого склона, и не ютиться на узком берегу между заснеженной возвышенностью и ледяным морем. С моего сердца свалился тяжкий груз.

Несколько восхитительных секунд надежды, а потом я заметил, что от нашего единственного паруса остались только обрывки тряпок, натянутые между баком и мачтой. А потом разглядел, насколько велики те буруны, и насколько сильно пенятся, прежде чем откатиться, открывая чёрные клыки скал. А в следующую секунду нас перевернуло и холодная вода начала заливать мне в рот. Несколько минут я провёл, в основном дико барахтаясь и хватая ртом воздух между обрушивающимися гребнями волн, которые погружали меня, вертели и крутили и наконец выпускали, только чтобы всё повторилось снова.

Не помню, как в итоге я выбрался на берег – помню только, как с уровня песка увидел Снорри, идущего по берегу в поисках меня. Каким-то образом он сохранил свой топор.

– Маладон, – сказал я, схватив горсть песка, когда викинг поднял меня на ноги. – Я почти готов расцеловать тебя.

– Ошим^[8], – сказал Снорри.

– Что? – Я сплюнул песок и попытался сформулировать вопрос лучше. – Что? – спросил я снова. *Никто не ездит в Ошим.* И на то есть чертовски веская причина.

– Шторм снёс нас к западу. Мы в пятидесяти милях от Маладона. – Снорри надул щёки и посмотрел на море. – Ты в порядке?

Я охлопал себя. Никаких серьёзных ран.

– Нет.

– В порядке. – Снорри отпустил меня, и мне удалось не упасть. – Кара дальше по берегу с Туттом. Он порезал ногу о скалы. Повезло, что не сломал.

– Серьёзно, *Ошим*?

Снорри кивнул и побрёл обратно. Он шёл там, где волны накатывались на песок, и отпечатки его сапог исчезали прежде, чем он успевал сделать десяток шагов. Я сплюнул изо рта ещё песчинку, если не сказать полноценный камушек, и со вздохом пошёл следом.

Зодчие оставили немало напоминаний о своей эре. Таких напоминаний, которые игнорировать не мог даже кто-то вроде меня, кто исторические книги в основном использовал для ударов по головам принцам помладше. Тот, кто проигнорировал бы границы Обетованной Земли, вскоре обнаружил бы, что его кожа отваливается, а его лицо объедают жуткие монстры. Машина Аномалий^[9] в Аттаре, мосты и башни, до сих пор стоящие всему континенту, Хранилище Голосов в Орланте, пузыри времени на Бреммерских склонах, или Последний Воин, попавший в ловушку в Бреттании... всё это отлично известно, но ни от чего по моей спине не бегут такие мурашки, как от Ошимского колеса. Кажется, чуть ли не любая сказка, которую наши няньки рассказывали, чтобы развлечь меня и моих братьев в детстве, происходила в Ошиме. А самые страшные случались возле Колеса. Те сказки, которые требовал рассказывать Мартус, самые кровавые и запутанные, начинались: "Давным-давно, неподалёку от Ошимского Колеса", и дальше оставалось только закрывать руками лицо или затыкать уши. Если подумать, то женщины, которые присматривали за нами в детстве, были злобной кучкой старых ведьм. Надо было их всех повесить, а не позволять присматривать за сыновьями кардинала.

***

Мы со Снорри укрылись в лощине за мысом, пока Кара

осматривала ближайшую пустошь, а Туттугу вернулся на берег посмотреть, что можно спасти из обломков на песке. На ноге Туттугу всё ещё оставался воспалённый красный шрам, но исцеляющее прикосновение Снорри сделало его сносным, закрыв отвратительную рану, от одного вида которой у меня живот крутило. От этих усилий Снорри лёг пластом, но обессилел куда меньше, чем в других случаях, и довольно скоро он уже снова сидел и возился со своим топором. Сталь не любит солёную воду, и воин не оставит лезвие мокрым. Я наблюдал за его работой, поджав губы. Его быстрое восстановление казалось мне странным, поскольку, если верить Скилфе, заклинание Молчаливой Сестры вроде бы должно было ослабеть, и лечение должно было даваться ему тяжелее, а не легче.

– Яйца. – Кара вернулась с покрытого вереском склона, держа в руках полдюжины голубых чайчьих яиц. Пожалуй, их содержимое легко можно было перелить в одно куриное яйцо нормального размера, да ещё и место бы осталось. Она села на траву между Снорри и мной, скрестила длинные ноги – босые, исцарапанные, грязные и прелестные. – Сколько, по-твоему, займёт путь до Красной Марки? – И посмотрела на меня, будто бы я знал.

Я развёл руками.

– С моей-то удачей, год.

– Понадобятся лошади, – сказал Снорри.

– Ты же ненавидишь лошадей, а они ненавидят тебя. – Но он был прав, лошади нам были нужны. – А Кара вообще может ездить верхом? А Туттугу? И Кара действительно едет с нами? – Казалось чертовски странным, что она едет в такую даль по прихоти старой ведьмы в пещере.

– Если бы "Эрренса" до сих пор была цела, то решение оказалось бы сложным, – признала Кара. – Но возможно шторм пытался нам что-то сказать. Не возвращаться, пока не закончим.

Снорри поднял бровь, но ничего не сказал.

– Я никуда не собираюсь. Никогда. Я больше из Красной Марки не уеду. Даже если до сотни лет проживу. Чёрт, стоит мне проехать за ворота, и больше ноги моей не будет за стенами Вермильона. – Праведное негодование нарастало, выйдя далеко за границы моего обычного стоического хорошего настроения. Я винил в этом лихорадку и тот факт, что сидел в травянистой лощине, промокший,

замёрзший, уставший, и в нескольких днях пути от тёплой постели, кувшина с элем и горячей пищи. Я пнул дёрн. – Ёбаная Империя. Ёбанные океаны. Кому они нужны? А теперь мы в ёбаном Ошиме. Просто здорово. Присягнувшие, блядь, свету и тьме. Лучше был бы кто-то, присягнувший будущему. Чтобы узнал о приближающемся шторме и убрал нас с его пути.

– Зодчие наблюдали за погодой свысока. – Кара ткнула пальцем в небеса. – Они могли предсказать приближение шторма, но всё равно не смогли остановить тот шторм, который смёл их всех с лица земли.

– Все гадалки, которых я встречал, были мошенницами. Всем прорицателям надо первым делом давать в глаз и говорить: "Ну что, не ждал такого?". – Моё настроение никак не желало улучшаться. Я поверить не мог, что мы оказались на берегах места, где буйствовали все кошмары моего детства.

Кара протянула руку, зажав большим и указательным пальцами крошечное яйцо над камнем и спросила:

– Что случится, если я его отпущу?

– Испачкаешь отличный камень, – сказал я.

– Вот, ты уже видишь будущее. – Ухмылка. Улыбаясь, Кара выглядела моложе. – А если ты бросишься вперёд и попытаешься меня остановить?

На моих губах появилась такая же улыбка. Мне эта идея понравилась.

– Не знаю. Попробуем?

– И это проклятие всех, присягнувших будущему. Никто из нас не может видеть последствия наших действий – ни мы, вельвы, ни маги, присягнувшие будущему, ни Молчаливая Сестра, ни Лунтар, ни Часовой Парна, никто. – Кара протянула мне яйцо.

– Сырое? – Вышло солнце, и я начал чувствовать себя человеком настолько, что захотел поест. Я не мог вспомнить, когда в прошлый раз ел нормальную еду. Но всё равно, мой аппетит ещё не дошёл до точки, в которой захотелось бы выдавить на язык сырое чаячье яйцо.

– Не будешь? – Кара пожала плечами и, закинув голову, разбила яйцо себе в рот.

Глядя на неё, сложно было представить, что Скилфа или Молчаливая Сестра были когда-то такими же девушками, перегруженными умом и амбициями, и впервые ступали на дорогу могущества.

– Интересно, что Молчаливая Сестра видит своим слепым глазом. То, о чём она не может говорить.

Кара вытерла рот тыльной стороной ладони.

– А если она шевельнётся, чтобы изменить это... то уже не сможет увидеть, чем всё закончится. Так насколько ужасно должно выглядеть будущее, чтобы ты сунул руку в этот чистый пруд, постаравшись изменить его, и взмутил ил вокруг своей руки, став таким же слепым, как и все остальные – зная, что муть не оседет до того дня, часа, мгновения, которого ты больше всего боишься?

– Я бы изменил всё, что могло бы плохо сказаться на мне. – Мне на ум приходил длинный список того, что я мог бы избежать, и в первой его строке было "уехать из Красной Марки". Или, может, на первом месте было "влезать в долги к Мэресу Аллусу", поскольку отъезд из Красной Марки на самом деле спас меня от ужасной смерти в руках палача. Но влезать в долги было так весело... и сложно было бы представить себе все те годы, проведённые в бедности... Пожалуй, я мог бы заложить медальон матери... У меня закружилась голова. – Ну... наверное... непростое это дело.

– А если ты изменишь плохое, то как узнать, что изменение не приведёт к чему-то худшему, и оно не будет незримо поджидать тебя в грядущем? – Кара съела ещё одно яйцо, и передала остальные Снорри. Казалось, они затерялись в его широченной ладони.

– Хмм. Возможно, старая ведьма получила, что заслужила. – Похоже, смотреть в будущее не менее мучительно, чем смотреть в прошлое. Ясное дело, что лучше всего находиться в *настоящем*. Вот только в моём настоящем было холодно и мокро.

***

Спустя час вернулся Туттугу с самодельным мешком из паруса,

в который он сложил спасённое имущество. Его осталось немного, и ничего съестного, кроме бочонка с маслом, которое было прогорклым, ещё когда его купили неделю назад в Хааргфьорде.

– Пора идти! – Снорри хлопнул себя по бедру и встал.

– Наверное, это лучше, чем голодать здесь. – И я пошёл, не отягощённый мечом, котомками, едой или любой другой защитой от опасности и лишений, за исключением ножа на бедре. Стоит отметить, нож был отличный – его я тоже купил в Хааргфьорде. Брутальная полоса острого железа, предназначенный для запугивания, хотя до сих пор я его не использовал в мероприятиях более опасных, чем чистка фруктов.

Снорри и Туттугу пошли за мной.

– Куда вы собрались? – Кара стояла на месте.

– Хм. – Я покосился на солнце. – Юго... восток?

– Зачем?

– Я... – Это казалось *правильным*. Пока я думал над ответом на вопрос, мне пришло в голову, что в том направлении, куда я шёл, нас ждёт что-то хорошее. Что-то очень хорошее. И возможно нам стоит поспешить.

– Это зов Колеса, – сказала она.

Снорри нахмурился. Туттугу почесал бороду в поисках вдохновения.

– Чёрт. – Нанна Уиллоу рассказывала нам об этом дюжину раз. Нанна Уиллоу перешла к нам из личных слуг моей бабушки – тощая как палка, сухая, как кости, и не давала спуску непослушным принцам. В хорошем настроении она рассказывала нам сказки – и некоторые были настолько мрачными, что даже Мартус требовал ночник и поцелуй, чтобы отвести духов. И практически каждую жертву бойни в сказках Нанны Уиллоу в Ошим заводил зов Колеса.

– Это правильный путь. – Туттугу кивнул, словно убеждая сам себя, и указал вперёд.

Что до меня, так я повернулся и подошёл к Каре.

– Чёрт, – повторил я. Часть меня по-прежнему хотела идти, куда указывал Туттугу. – Всё это правда, так ведь? Скажи, что там нет

болотников и пожирателей плоти...

– Дорога к Колесу чем дальше, тем удивительнее. – Кара словно цитировала что-то. – А потом становится ещё удивительнее. И если человек доберётся до Колеса, то обнаружит, что там всё возможно. Колесо даёт всё, что только можно пожелать.

– Что ж, звучит не так уж плохо. – И, ей богу, мои ноги снова начали уводить меня на юг. На юг и немного на восток. Туттугу тоже направился туда, чуть впереди от меня.

– Добраться до Колеса мешают чудовища. – Донёсса сзади неприятно ворчливый голос Кары. Одного только слова "чудовища" было достаточно, чтобы остановить нас с Туттугу. Мы оба повидали больше чудовищ, чем хотелось бы.

– Что за чудовища? Ты же говорила, всё, что только можно пожелать! – Я повернулся против своей воли.

– Чудовища из подсознания.

– Откуда?

– Из тёмных участков твоего разума, в которых ты ведёшь войну сам с собой. – Кара пожала плечами. – Так говорится в сагах. Думаешь, ты знаешь, что хочешь, но Колесо добирается дальше твоих мыслей, в глубины, где рождаются кошмары. Колесо становится сильнее, чем ближе к нему подходишь. Сначала оно отвечает на твою волю. Потом – на твою страсть. А ещё ближе начинает отвечать на твоё воображение. Все твои мечты, в каждом тёмном уголке твоего разума, каждая возможность, что ты когда-либо обдумывал... оно их питает, воплощает и отправляет к тебе.

Туттугу подошёл к нам. Я почувствовал его запах. Старый сыр и мокрый пёс. Такой запах замечаешь, только когда он некоторое время был вдалеке. Наверное, после стольких дней в маленькой лодочке все мы воняли, и придётся немало поплескаться, чтобы смыть этот запах.

– Веди нас, вёльва, – сказал он.

Только Снорри оставался на месте – на торфянике, поросшем длинной травой, плясавшей вокруг него в такт порывам ветра. Он стоял без движения, уставившись на юг, где небо было окрашено багрянцем, словно рассасывающийся синяк. Сначала я думал, это облака. Но теперь засомневался.

– После вас. – Я жестом показал Каре идти вперёд. Моё воображение и так достаточно меня мучило, и мне совершенно точно не хотелось отправиться туда, где оно могло воплотить любую из моих фантазий. Страхи постоянно разрушают людей, но в Ошине, видимо, это было куда более буквально.

Снорри стоял там, где остановился. Он наверняка слышал наш разговор, но не шевельнулся, чтобы вернуться, и дальше не шёл. Я знал, о чём он думал. Это великое Колесо Зодчих могло повернуться для него и вернуть его детей. Но они не будут настоящими, а всего лишь образами, рождёнными его воображением. Но всё равно – возможно, Снорри не мог отступить даже от изощрённой боли такой муки. Я открыл рот, чтобы произнести какое-то возражение... но не нашёл слов. Что я знал об узах, которые связывают отца с сыном или мужа с женой?

Можно подумать, что воин-викинг, воспитанный в культуре войны и смерти, как никто другой способен пережить такую трагедию и двигаться дальше. Но Снорри за бородой и топором был совсем не таким человеком, каким я мог бы его представить. Каким-то образом он был одновременно и больше и меньше моих представлений.

Я повернулся и пошёл к нему. Что бы я ни сказал, всё казалось мелким по сравнению с глубиной его горя. Слова и в лучшем-то случае неуклюжие инструменты, которые слишком тупы для деликатных задач.

Я чуть не положил руку ему на плечо, а потом опустил её. В конце концов мне удалось выдавить:

– Ну, пошли.

Снорри обернулся и посмотрел на меня, словно с расстояния в тысячу миль. А потом скривил губы, выдавив улыбку, кивнул, и мы оба пошли обратно.

***

– Парус! – Пока я возвращал Снорри, Туттугу вернулся на

гребень над ложиной. А теперь, когда мы вернулись, он указывал на океан.

– Может, в конце концов, нам и не придётся идти, – сказал я, когда мы дошли до Кары.

Она покачала головой в ответ на моё невежество.

– Корабль не остановить взмахом руки.

– Почему тогда Туттугу там подпрыгивает?

– Не знаю. – Снорри проговорил это голосом, в котором слышалась нарастающая тревога. Он побежал по склону на гребень. Кара пошла за ним более спокойным шагом, а я последовал за ней.

К тому времени, как мы поднялись, оба викинга припали к земле, и Снорри замахал нам, чтобы и мы пригнулись.

– Эдрис, – прошипел он.

– Вот дерьмо. – Прищурившись, я посмотрел на парус вдалеке от берега. – Чёрт возьми, а ты откуда знаешь?

Я почувствовал, как Туттугу рядом со мной пожал плечами.

– Просто знаю. Разрез парусов... просто всё вместе... точно, это хардассцы.

– Как такое вообще возможно? – спросил я, заметив, что Кара поднимается рядом со мной. Ветер постукивал рунами на её косичках.

– Нерождённый знал, где копать, чтобы найти ключ Локи, – сказала она.

– Это было под Суровыми Льдами! Любой, кто слушал сказки, знает... ох. – Ледяные утёсы Суровых Льдов тянулись на десятки миль вдоль побережья и неизвестно насколько вглубь белой преисподней севера. Действительно, откуда они знали, где именно копать?

– Что-то притягивает их к нему, – сказала она.

– На корабле есть нерождённый? – Внезапно мне очень сильно захотелось домой.

Кара пожала плечами.

– Возможно. Или какой-то другой слуга Мёртвого Короля тоже

может чувствовать ключ.

Я скатился с гребня.

– Тогда лучше пошевеливаться! – По крайней мере, уносить ноги мне не привыкать.

ТРИНАДЦАТЬ

– Пошевеливаться нужно, но в какую сторону? – спросил Снорри.

– Надо убираться от берега. – Туттугу обхватил нервными руками живот, возможно представляя, как хардассцы втыкают в него копье. – Надо лишить их преимущества. Иначе они догонят нас у моря и нападут ночью. А если высадятся на берег, то им придётся оставить людей охранять ладью.

– Идём на юго-запад. – Кара указала на невысокий холмик на горизонте. – Надо добраться до границы Маладона за три-четыре дня. Если повезёт, выйдем неподалёку от Копена.

– Копена? – Спросил Туттугу. Я мысленно поблагодарил его за то, что мне снова не пришлось показывать своё невежество.

– Маленький город на реке Эльза. Там зимует герцог. Хорошее место, где можно отдохнуть и пополнить запасы, – сказала Кара. Имея в виду, разумеется: "где Ялан купит нам еду и лошадей". В таком случае я вернусь в Вермильон таким же бедным, каким был, когда уезжал.

***

Мы пошли быстро, зная, что хардассцы будут лучше обеспечены, лучше снаряжены... и, возможно, просто лучше во всех смыслах, с учётом того, что, похоже, наш второй по силе воин – женщина с ножом.

Вышло солнце, насмехаясь над нами. Кара шла впереди, выбирая дорогу по склонам, заросшим вереском и зарослями очень колючего утёсника.

– Мы приближаемся к Колесу, так ведь? – спросил я её часом

позже, уже стерев ноги.

– Да, мы просто срежем путь через внешнюю границу его... владений.

– Ты тоже чувствуешь? – Снорри сбавил шаг, чтобы идти рядом со мной. Он шёл легко, словно рана его больше не беспокоила.

Я кивнул. Даже за четыре часа перед закатом я чувствовал, как нетерпеливо крадётся Аслауг. Несмотря на ясный день, каждая тень бурлила возможностями. Её настойчивый, но нечёткий голос был тише всех остальных звуков, усиливался с ветром, скрипел за вопросом Снорри. – Как будто мир здесь... тоньше. – Хотя Снорри шёл на расстоянии вытянутой руки, та старая энергия потрескивала у ближнего к нему плеча, гудела на зубах – хрупкое ощущение, словно я мог разбиться, если бы упал. С этим старым ощущением пришли новые подозрения, и все предупреждения Аслауг вернулись ко мне на ум. С каждым ярдом в сторону Колеса влияние Баракеля на северянина будет усиливаться. Сколько я ещё смогу доверять Снорри? Сколько пройдёт времени, прежде чем он станет мстителем, которым хочет его сделать Баракель, и начнёт карать любого, запятнанного тьмой?

– Ты выглядишь... лучше, – сказал я Снорри.

– Я чувствую себя лучше. – Он похлопал себя по боку.

– Здесь любая магия усиливается, – откликнулась Кара, не оборачиваясь. – Быстрее отвечает на волю. Здесь Снорри проще сопротивляться зову Келема, и свет в нём сражается с ядом. – Она догнала нас, глянув на меня. – Но для заклинаний это плохое место. Всё равно, что разводить костёр на сеновале. – Я подумал, не упоминал ли Снорри при ней Харроухейм.

– А вообще, что значит "колесо"? Какой-то механизм? – Я представил себе огромное крутящееся колесо, такое зубчатое, как оборудование на водяной мельнице.

– Из живых никто его не видел, даже аномаги, которые живут к нему как можно ближе. Саги утверждают, что это труп бога, Гефестура – не из Асгарда, а чужака, скитальца. Кузнеца, который выковал оружие для Тора и Одина. Говорят, он лежит там и гниёт, а магия творения сочится из него, по мере того, как разлагается его плоть. – Кара глянула на меня, словно оценивая мою реакцию.

Я невозмутимо шёл дальше. Я давно понял, что язычники обидчивы, когда смеёшься над их байками.

– Так говорят жрецы. А во что верят вёльвы?

– В библиотеке короля Хагара на Айсфьяре есть остатки книг, скопированных прямо с работ самих Зодчих. Как я понимаю, в них говорится, что Колесо – это комплекс зданий над огромным подземным кольцом, каменным тоннелем длиной во много миль, ведущим в никуда. Это место, где Зодчие увидели новую правду.

Я задумался над этими словами, и следующий час шёл в тишине. Представлял себе пламенеющее кольцо тайн Зодчих, разглядывал его внутренним взором, пытаюсь в то же время игнорировать каждый новый волдырь на ногах. Не таким болезненным, как волдыри, но отчего-то более огорчительным оказалось осознание, что каждый шаг приближает нас к Колесу, мир становится всё более хрупким, его кожа всё сильнее натягивается на кости, вот-вот внезапно и без предупреждения порвётся, а мы все полетим во что-то новое и гораздо, гораздо худшее.

– Смотрите! – крикнул Туттугу, который шёл позади, но указывал вперёд.

Прищурившись, я посмотрел на тёмную точку в небольшой долине перед нами.

– Не думал, что в Ошине кто-то живёт.

– Болван, в Ошине живёт полно народу. – И Снорри собрался шутливо ударить меня по плечу, отчего моя рука онемела бы на следующие шесть часов. Впрочем, он помедлил, почувствовав старую магию, которая яростно затрещала у него между костяшек пальцев и у меня вдоль бока. – Большинство из них живут далеко на юге, в городе Ош, но фермы есть повсюду.

Я осмотрелся по сторонам.

– А что именно здесь выращивают? Камни? Траву?

– Коз. – Кара указала на какие-то бурые точки поблизости. – Коз и овец.

Мы поспешили по долине в сторону одинокой лачуги. Где-то на задворках моего разума Аслауг шептала, что Снорри поднял на меня руку, и снова оскорбил меня в лицо. Варвар-простолудин оскорбляет

принца Марки...

Приблизившись, мы увидели, что строение – это каменный круглый дом, с крышей из сушёного вереска и тростника. Не считая сарая, который ещё через зиму сараем быть перестанет, и стены сухой кладки для защиты скотины от снега, не было никаких пристроек, и в поле зрения не стояло никаких других жилищ.

Горстка шелудивых коз заблеяла при нашем приближении, причём одна была на крыше. Из бревна перед дверью торчал топор. Место казалось заброшенным.

– Посмотрим, не оставили ли там каких-нибудь шкур. – Я кивнул на дверь, когда Туттугу остановился возле нас. – Я замерзаю. – Моя одежда так и не просохла, и плохо спасала от ветра.

Туттугу посмотрел на Снорри, который пожал плечами и пошёл к двери.

– Эй! Есть кто дома? – Снорри помедлил, словно что-то услышал, хотя я не мог расслышать ничего, кроме козы на крыше, которая блеяла так, словно не знала, как спуститься.

Снорри подошёл к входу. А потом отступил назад. За ним из дома высунулись длинные зубья какого-то фермерского инструмента.

– Я здесь один, и ничего нужного для вас у меня нету. – Голос был хриплым от старости. – А ещё нету желания впускать вас, что б вы тут всё забрали. – Дюйм за дюймом показалось древко, а за ним, наконец, и старик – высокий, но сгорбленный. Его волосы, брови и короткая борода были белыми, как снег, но такими густыми, словно оттепель могла вернуть ему молодость.

– Вас тут много, да? – Он прищурился, глядя слезящимися глазами на Кару. – Вёльва? – Он опустил вилы.

Кара склонила голову и проговорила несколько слов на старом языке. Звучало как угроза, но старец воспринял слова нормально и жестом указал на свою лачугу.

– Заходите. Я Арран Вейл, сын Ходда, а мой дед... – Он оглянулся на нас. – Но может, вы приехали издалека и не слышали о Лотаре Вейле?

– Арран, вам нужно убираться отсюда. – Снорри подошёл ближе, отчётливо выговаривая слова. – Соберите лишь то, что нужно. Идут

хардассцы.

– Хардассцы? – повторил Арран, словно то ли не понял слово, то ли не расслышал. Он наклонил голову, уставившись на норсийца.

– Красные викинги, – сказал Снорри. Их старый Арран знал! Он быстро обернулся, исчезнув в своём доме.

– Они гонятся за нами! Надо взять, что нужно, и бежать! – Я оглянулся на далёкий вход в долину, почти ожидая увидеть друзей Эдриса, мчащихся вниз по склону.

– Это именно то, что сделают *они*, как только увидят это место, – сказал Туттугу. – Возьмут, что захотят. Пополнят запасы. На их ладье поместится много коз. – По выражению его глаз я понял, что у него и самого в голове прямо сейчас вертится мысль о козьей похлёбке.

– Быстрее! – Снорри хлопнул рукой по каменному косяку, заглянув внутрь дома.

Я снова оглянулся, и там, на гребне, всего лишь в миле от нас, стояла одинокая фигура.

– Чёрт. – Я всё время этого ожидал, но как только это случилось, меня всё равно бросило в холодный пот.

Арран снова появился в дверях, держа в одной руке вилы, а в другой – секач. За спиной старика висел лук, выглядевший таким же старым, как и он сам, и также грозил вот-вот сломаться, если его согнуть.

– Я остаюсь. – Старик посмотрел на горизонт. – Это мой дом.

– Какую часть про орду викингов ты не понял? – Я шагнул вперёд. Любая храбрость, как правило, заставляет меня чувствовать себя неуютно. А настолько глупая храбрость меня лишь разозлила.

Арран даже не глянул в мою сторону.

– Но буду обязан, если возьмёте моего парнишку. Он ещё достаточно молод, и может уехать.

– Парнишку? – Прогремел Снорри. – Ты же сказал, что ты один.

– Я соврал. – На суровой линии губ старика появилась едва заметная улыбка. – Мой внук с козами в южной долине. Вёльва знает, что для него лучше всего. Только не приводите его сюда... после.

– Ты их даже не замедлишь этими... вилами.

– Пошли с нами, – мрачно сказал Туттугу. – Присмотришь за внуком. – Он сказал это искренне, хотя старик явно не собирался уходить. А если б и собрался, то просто замедлил бы нас.

– Ты не сможешь победить. – Нахмурившись, сказал Снорри очень низким голосом.

Старик медленно кивнул и похлопал Снорри по плечу рукой с зажатым ножом. Этот жест напомнил мне, что старик не всегда был старым, и не возраст характеризовал его.

– Неважно, победишь или нет, важно только, что дашь отпор, – сказал он. – Я Арран, сын Ходда, сына Лотара Вейла, и это моя земля.

– Ясно... А ты ведь знаешь, что если просто сбежишь, то они, скорее всего, не обратят на тебя внимания? – сказал я. Где-то на фоне этого разговора пытались пробиться крики Аслауг. *Беги!* Эта мысль просачивалась в каждую паузу. Инструкции были мне не нужны – бегство заполняло весь мой разум, снизу доверху. – Что ж... – Я снова взглянул на дверь круглого дома, представляя себе, что внутри полно плащей из тёплых шкур. – Нам пора... идти. – Оглянувшись, я увидел на гребне уже полдюжины фигур. Они были достаточно близко, и мне удалось разглядеть их круглые щиты. Я пошёл, чтобы побудить остальных к действию.

– Пусть боги присмотрят за тобой, Арран Вейл. – Кара склонила голову. – Я сделаю, что смогу, ради твоего сына. – Она говорила, словно играла роль, но когда она повернулась, я увидел её сомнения – возможно, руны и мудрость были для неё таким же фасадом, как для меня мой титул и репутация. Она пошла за мной. Копни любого поглубже, и увидишь испуганного маленького мальчика, или испуганную маленькую девочку. Вопрос лишь в том, насколько глубоко придётся копнуть – а ещё в том, что на самом деле пугает этого ребёнка.

– Чёрт. – Я увидел мальчика, бегущего в нашу сторону по длинному склону южного края долины, одетого в лохмотья, с развевающимися рыжими волосами. Снорри посмотрел в ту же сторону. Я пошёл быстрее, направляясь парню наперерез, хотя нас всё ещё разделяло ярдов сто. Кара сместилась влево, чтобы перехватить его с той стороны, если он попытается от меня ускользнуть.

Только ундорет остались, где стояли.

– Снорри! – крикнул я назад.

– Уведи его в безопасное место, Ял. – От грубого тона я остановился, как вкопанный.

– Пошли! – Я обернулся, махая им. Туттугу стоял со Снорри, держа в руках топор.

– Важно только, что мы дадим отпор. – Я услышал слова Снорри, хотя он не повышал голоса.

– Господи! – Они оба купились на чушь старика. Я мог понять Аррана, у которого от возраста мозги съехали набекрень, и который в любом случае одной ногой в могиле... но Снорри? Неужели Баракель украл его разум? И за каким чёртом остаётся Туттугу?

– Кара! – крикнул я. – Они не идут!

Уже больше пары десятков хардассцев спускались по северному склону грубой стрелковой цепью. На плечах плащи из тартана, из волчьих и медвежьих шкур. Щиты низко опущены, топоры высоко над вереском, железные шлемы скрывают выражения лиц.

– Возьми парня! – И она помчалась обратно к Снорри.

– Погоди! Что? – Судя по выражению её лица, отговаривать Снорри она не собиралась. – Чёрт. – Аслауг кричала мне убежать, мои инстинкты кричали ещё громче, и Кара сказала мне убежать... так что я побежал.

Мелкий ублюдок проскользнул мимо меня, но за дюжину шагов мне удалось его догнать, схватить за волосы, и мы оба свалились в траву. Парень был не старше десяти лет, тощий, но при этом отчаянно сильный и с острыми зубами.

– Ай! – Я отдернул руку, сунув пальцы в рот. – Мелкий уёбок! – Он отполз, осыпая меня фонтанами земли. Поднявшись на ноги, я бросился за ним и промчался полдюжины шагов, отлично понимая, что двигаюсь в противоположном направлении от того, куда мне хотелось. Потом запнулся за кочку и грохнулся, вытянув руки. Мои пальцы сомкнулись на лодыжке пацана, а лицо ударилось об траву.

Из лёгких вышибло воздух, и они никак не хотели снова наполняться. Я лежал, так крепко вцепившись в парня, что мог бы сломать кость, и отчаянно хотел сделать вдох. Подняв голову, за

чёрными точками перед глазами я увидел шеренгу хардассцев, приближавшихся к трём мужчинам у лачуги. Кара стояла на полпути между мной и сражением.

Вот и всё. Мы все умрём.

Хардассцы с криками бросились в атаку, взметнув копья и топоры, подняв щиты.

Раздались боевые кличи Снорри и красных викингов – та древняя звенящая нота жестокой радости. Снорри не стал ждать, пока они добегут, но сам бросился на самого крупного противника. Атака застала хардассца врасплох, настолько они были уверены в своём численном превосходстве. Снорри прыгнул, поставил ногу на умбон поднятого щита своего врага и поднялся над ним – красный викинг сначала пытался удержаться, а потом рухнул под таким весом. Снорри соскочил со щита и взмахнул топором, который сокрушил один шлем, потом другой, а третий слетел с головы противника и улетел прочь.

Туттугу и старик тоже бросились на викингов, рыча свои кличи. Когда воздух снова начал просачиваться в мои лёгкие, я понял, что Туттугу будет убит в следующие десять секунд, и что я буду скучать по нему, несмотря на то, что он жирный, вонючий, и к тому же язычник низкого происхождения.

Я увидел, как Арран ткнул вилами рыжебородого викинга. Какой-то частью – той, которая воспитывалась на сказках о рыцарях и легендах о героях прошлого, – я ожидал от старика некой демонстрации военного мастерства, чего-то внушительного, под стать его словам. Но Арран, несмотря на всю свою отвагу, в итоге оказался всего лишь тем, кем и был – простым фермером, и к тому же старым. Его вилы попали в щит, процарапали две борозды на рисунке, а топор викинга вонзился ему в шею, скрывшись за фонтаном алых брызг.

Хардассцы окружили Снорри и Туттугу. Последние из народа Ундорет оказались в безнадёжном меньшинстве и безо всякой защиты, кроме топоров и собственных рук, – потому и шансов у них не было. Нога, которую я держал, перестала дёргаться, поскольку парень тоже начал смиряться с положением.

Я всё ещё видел Снорри, или по крайней мере его голову над схваткой – казалось, собственный свет освещает его, как зеркала со

свечами освещают актёров на сцене в Вермильоне. Туттугу было не видно.

Кара стояла ярдах в десяти от спин ближайших викингов, без оружия в руках. Я понятия не имел, что они с ней сделают, когда закончат убивать. Пользуются ли вёльвы той же неприкосновенностью, что и священники в христианском мире... и топчут ли священные традиции на севере так же, как и на юге?

Топор Снорри взмывал над толпой, поднимая фонтаны крови, алые брызги слетали с лезвия, когда оно разворачивалось и обрушивалось вниз. Рука, державшая топор, так ярко светилась, что пятна крови на ней отбрасывали тени. Так ярко, что смотреть на неё было больно. А потом, со звуком, который я скорее почувствовал в груди, чем услышал, в толпе викингов разлился такой блеск, что конечности и тела стали казаться чёрным лесом. На миг я ослеп, но перед глазами остались образы – силуэт топора и щита, путаница рук. Проморгавшись, я разглядел фигуру, пробирающуюся через схватку, расталкивающую людей, что-то тащившую. Светящуюся фигуру.

– Снорри! – Я поднялся на колени, отпустив парня и прижав ладони к глазам, чтобы избавиться от остатков слепоты.

Подошёл Снорри, волоча Туттугу за ногу. Он помедлил возле Кары, развернулся и выдернул копье, пронзившее грудь Туттугу. Потом отбросил окровавленное древко и зашагал дальше, таща за собой своего друга и кряхтя от напряжения. Свет угасал в нём с каждым мгновением. За его спиной викинги ругались и тёрли глаза. По меньшей мере один свалил своего товарища, яростно взмахнув топором, когда в него врезался ослеплённый человек.

Кара не спешила идти за Снорри. Она по-прежнему стояла лицом к врагу, подняв руки над головой. Внезапным движением она сорвала две пригоршни рун со своих волос и, словно фермер, сеющий зерно, разбросала их на земле перед собой.

Снорри дошёл до меня и парня и рухнул на колени. У него виднелась рана на плече и ещё одна на бедре. Раны уродливые, но по справедливости его должны были изрубить на куски. За его спиной Кара расхаживала туда-сюда, что-то напевая.

– Какого чёрта? – У меня было слишком много вопросов, и растущий гнев не давал их сформулировать.

– Не мог оставить его одного, Ял. После того, как мы привели их

к его дому.

– Но... – Я махнул рукой на всё вокруг. – Теперь-то мы убегаем? Когда Туттугу мёртв?

– Старик умер. – Снорри глянул на парня. – Прости, сынок. – Он пожал плечами. – Это не моя земля. Арран пал, и здесь больше оставаться незачем.

– Я не мёртв. – Раздался слабый голос позади него. – Или мёртв?

– Нет. – Кара прошла мимо нас. – Пошли. – Последнее слово она крикнула уже через плечо. От её спины ещё отскакивало несколько рун, но большая часть кос осталась без табличек.

Туттугу со смущённым выражением лица сел, хлопывая себя. Потом потыкал окровавленную дыру в куртке на груди. Я понял, почему Снорри стоял на коленях, опустив голову вниз.

– Ты его вылечил! А свет... – Я умолк, глядя мимо ундорет туда, где стояли красные викинги – одни тёрли глаза, другие поднимались и оглядывались, по мере того, как к ним возвращалось зрение. Между ними и нами, там, где Кара посеяла свои руны, земля, казалось, поднималась в одних местах и опускалась в других. Один из хардассцев перестал отмаргиваться, заметил нас и бросился в погоню, высоко подняв топор для удара.

– Чёрт. – Я оглянулся. Снорри и Туттугу, видимо, были не в состоянии драться. У Кары, чтобы расправиться с викингом, был лишь тонкий ножичек. Значит, оставался я и безоружный мальчик. Сколько ему там лет – десять? Одиннадцать? Двенадцать? Да и что я понимал в детях. Я подумал, не бросить ли сначала вперёд парнишку.

Красный викинг пробежал ещё дюжину шагов. Слева от него грунт пошёл рябью, дёрн разорвался, и из-под земли вынырнула огромная змея. За два удара сердца она схватила викинга своей пастью и нырнула обратно, а земля над ней сомкнулась, словно это была морская змея в океане.

– Что?.. – Выговорил я, и это скорее было недоумение, чем вопрос. На поверхность вырывались новые змеи, на этот раз меньше размером, не толще человека, показывались на краткие мгновения и исчезали. А их цвет, из палитры, которой я в жизни не видел, с коричневым кристаллическим узором, сбивал глаза с толку, словно они были тварями не из этого мира.

– Дети Мидгардского Змея – огромного морского гада, который опоясывает мир. – Казалось, Кара была изумлена не меньше, чем я.

– Сколько они здесь пробудут? – Змеи держались там, где Кара бросила руны, формируя защищающий нас барьер. Остальные хардассцы, восстановив зрение, теперь пятились, подняв щиты, словно щит мог остановить такого змея.

– Не знаю. – Как и я, Кара не могла отвести взгляда. – Такого раньше никогда не случалось. Это заклинание заставляет человека воображать змей, заставляет его верить, что трава извивается перед ним, заставляет бояться идти туда... а это...

– Это Колесо. – Сказал Туттугу, всё ещё разглядывавший свою разорванную окровавленную куртку в том месте, где его пронзило копьё.

– Пошли. – Снорри с усилием встал. – Скоро они догадаются обойти.

Мы пошли вперёд, а хардассцы остались забирать припасы, обрабатывать раны и решать проблему со змеями. В холмах за долиной мы даже потеряли их из виду, хотя ясно было, что скоро они снова нас догонят.

***

– Мы приближаемся к Колесу? – Спустя час я заметил, что задача ставить одну ногу перед другой отнимает все мои силы.

– Наш единственный шанс заключается в магии – мы не можем убежать от них, или победить в сражении. – Кара оглянулась в сторону погони. – А в этом направлении мы становимся сильнее.

Кара, может, и становилась сильнее, но я слабел с каждым ярдом. Из всех нас только у парнишки, Хеннана, ещё оставались силы идти. Донёсся далёкий звук рога, и я тут же обнаружил, что всё-таки могу идти чуть быстрее.

– Мне кажется, – я сделал ещё несколько шагов, прежде чем нашёл в себе силы закончить предложение. – Что Колесо и тебя тоже

притягивает. Только немного дольше.

Так рассказывала Нанна Уиллоу. Колесо затянет тебя. Быстро или медленно, но в конце концов ты придёшь, думая, что это твоя идея, и что у тебя на то полно отличных причин. Я задумался, как Хеннан и его дед прожили здесь так долго, не поддаваясь этому зову. Возможно, такая сопротивляемость была у них в крови и передавалась из поколения в поколение.

Пятно в небе стало темнее, и камни странной формы, торчавшие из земли, отбрасывали странные тени. Почему-то ужас встретить Аслауг здесь был лишь немногим меньше, чем здравый страх перед острыми лезвиями, которые для меня приготовили красные викинги.

Мы с трудом пробирались по всё более пересечённой местности, по диким пустошам, где редкое деревце косо тянулось к небу, склоняясь под северным ветром. Всё чаще и чаще через землю пробивались камни. Тёмные куски базальта, которые выглядели так, словно прорезались от основания скал, но которые, должно быть, установили люди. Местами поля таких камней стояли рядами, уходящими вдаль, в сторону Колеса. У меня уже не осталось сил изумляться ими. Позднее мы проходили мимо чёрных осколков вулканического стекла – некоторые куски были выше человека и острые, как клинки, которые из него делали древние. Я видел, как моё лицо отражалось в блестящих обсидиановых гранях – покоробленное, словно я в ужасе тонул в камне. Ещё дальше обсидиан рос скрюченными деревьями с острыми, словно бритвы, ветвями.

Ближе к Колесу камни принимали тревожно человеческие формы, размерами от человеческой головы до залов моего отца. Я старался не замечать лиц, как и того, что они делали друг с другом.

Изредка я бросал взгляд на идущего Снорри, пытаюсь понять, какую власть над ним обретёт Баракель, когда мы подойдём ближе к Колесу. Несколько раз я замечал, как он украдкой смотрит в мою сторону, лишь подтверждая тем самым мои сомнения на его счёт.

В одном месте мы пересекли кольцо кусков обсидиана, острых как ножи, каждый выше Снорри, и направленных в небо, хоть и расходящихся, словно какая-то огромная сила в центре круга раздвинула их наружу. На пятьдесят ярдов во все стороны пустошь была выжжена, всюду лежала почерневшая земля с редкими обуглившимися и скрюченными стебельками вереска. В центре

светилось что-то серебристое. Несмотря на спешку, Кара повела нас к кольцу.

– Что это? – Снорри адресовал вопрос спине Кары, которая направилась к стоящим камням. Казалось, внутри кольца чёрную землю украшали светящиеся жемчуга, формируя грубые очертания какого-то взрыва. Кара прошла между двух осколков и вошла в круг. Она встала на колени и поскребла жжёную землю своим клинком. Казалось, свечение вокруг неё усилилось. Потом она встала, держа в руках что-то настолько сияющее, что её пальцы казались тёмными веточками.

Когда она вернулась к нам, я увидел, что в руках у неё не серебро и не жемчуг.

– Орихалк. – Она убрала одну руку. На её ладони лежала бусина металла размером с кулак. Она светилась серебристым светом, но на нём, как масло на воде, блестели другие цвета, переходя один в другой, смешиваясь и разделяясь в медленном танце.

– Это поможет нам сражаться с Хардассой? – спросил Снорри.

– Нет. – Кара пошла дальше. – Возьми его, Туттугу.

Туттугу взял большую бусину. Свет в ней немедленно погас, и бусина стала всего лишь блестящим металлом, вроде твёрдой капли ртути.

– В этом круге давным-давно творилась магия. – Кара снова взяла бусину, и сияние вернулось. – В таких местах орихалк просачивается в мир, хотя я никогда не слышала, чтобы его находили в таких количествах. У Скилфы есть кусочек. – Большим и указательным пальцами она показала, насколько тот мал, с горошину. – Его используют для оценки потенциала будущей вельвы. Он ничего не говорит о мудрости, зато о способности колдовать говорит красноречиво. Это сияние – мой потенциал. Тренировки и мудрость научат меня им пользоваться – так же воин оттачивает свои силы в мастерство.

– И когда Скилфа его тебе дала? – спросил Снорри.

Кара покачала головой.

– Она предложила мне взять его из чаши на полке в пещере. Хотя спустя несколько недель я видела, как она проходила под той полкой, и свечение из чаши было сильнее, чем когда я держала

орихалк в руках. – Она протянула его Снорри. – Попробуй.

Снорри, не замедляя шага, протянул руку, и Кара уронила орихалк ему в ладонь. Тот немедленно так ярко засветился изнутри, что мне пришлось отвести взгляд.

– Тёплый! – И он быстро передал бусину назад.

– Интересно. – Кара с виду не расстроилась тем, что её затмили. – Понимаю, почему Молчаливая Сестра тебя выбрала. Ял, попробуй ты. – Она протянула мне орихалк.

– Я и так по горло сыт языческими гадалками. – Я не приближался к ней и спрятал руки под мышки. – В прошлый раз, как мы делали нечто подобное, меня проткнули. – На самом деле мне не хотелось, чтобы камень в её присутствии показал, что во мне нет никакого потенциала. Туттугу, может, и был доволен, что ничего не высек из металла, но принца не должны видеть терпящим неудачу. Особенно женщина, на которую он хочет произвести впечатление. И не ухмылку ли я видел на лице Снорри, который решил, что снова меня затмил? Аслауг говорила, что северянин хочет увести Кару меня, и теперь на задворках моего разума послышался подтверждающий это шёпот. На миг я представил себе, что красные викинги его убили. Разве это было бы так уж плохо?

– Испугался? – Кара по-прежнему протягивала мне орихалк.

Чтобы сменить тему, я спросил:

– Говоришь, она выбрала его? Никто его не выбирал, как и меня. Это был несчастный случай, из-за которого нас окутало заклинание Сестры. Шанс сбежать, встреча вопреки всем вероятностям. – Я был расходным материалом: младший принц, оставленный умирать в её пламени, приемлемая цена за то, чтобы покончить с нерождённым. И моя "встреча" со Снорри вряд ли была запланирована. В слепом ужасе я врезался прямо в него, пытаюсь убежать от трещины, расходящейся от нарушенного заклинания моей двоюродной бабки.

– Я так не думаю. – Пока мы взбирались по склону, Кара больше ничего не говорила. Наверху она продолжила. – Заклинание Молчаливой Сестры не подойдёт любому человеку. Оно слишком мощное. Я о таких никогда не слышала. Даже Скилфа изумилась – она выражала это немногословно, но уж я-то знаю. Такое заклинание требует двух человек, способных вынести его, и вырастить его силу из первого семени. Два человека, противоположности – один для

тёмной части, другой для светлой. Такое нельзя оставлять на волю случая. Нет, всё должно было быть спланировано заблаговременно... чтобы свести вместе таких редких людей.

Я услышал достаточно. Противоположность Снорри. Трусость против его героизма, вороватость против его честности. Распутство против его преданности. Неспособность к магии против его сияющего потенциала. Мне оставалось успокаивать себя лишь тем, что я принц, против его бедности... И в конце концов, я был рад, что подхожу для колдовства примерно как булыжник мостовой. Магия всегда казалась мне тяжёлой и опасной работой... хотя, какое слово не поставь перед "работой", ничто не сделает её привлекательнее. И уж точно не сделают её привлекательнее слова "опасная" или "тяжёлая".

***

Спустя несколько миль порядок, в котором мы шли, изменился. Парнишка устал и переместился назад, к Туттугу, у которого весь выплеск энергии от лечения, похоже, израсходовался. А вот я, Снорри и Кара отбросили усталость. Я почувствовал, как во мне нарастает тёмное возбуждение. Всякий раз, ступая через тени от стоящих камней, я слышал Аслауг, и теперь её послания были простым обещанием: "я иду". И, хоть я и страшился её прибытия, эта угроза пузырилась чёрной радостью, искривляя мои губы в улыбке, которая напугала бы меня, посмотри я на себя в зеркало.

Взобравшись на гребень, который был несколько выше прочих, мы остановились и, обернувшись, впервые после хижины увидели врагов. Мы подождали, пока Туттугу и Хеннан доберутся до нас.

– Я насчитал двадцать, – сказал Снорри.

– У круглого дома Аррана, до атаки, их было примерно столько же, – сказал, задыхаясь, Туттугу. – Около двух десятков.

– Разве тебе не удалось убить никого из них? – Я даже не попытался скрыть недовольство в голосе.

– Думаю, шестерых, – проворчал Снорри. – И они гонятся за

нами вместе с остальными.

– А-а. – Я повернулся к Каре. – Когда ты сказала, что магия наша единственная надежда, ты помнила о некромантше? Потому что, похоже, она гонится за нами.

Наши враги шли плотной группой, не спеша, но непреклонно в пяти или шести сотнях ярдов за широкой долиной. Я сделал несколько шагов, чтобы встать подальше от Снорри, потому что со стороны, обращённой к нему, начало жечь кожу, и, клянусь, на миг я разглядел трещины, тянущиеся в его сторону от моей руки, словно чёрные молнии, ветвящиеся в воздухе.

Мы поднажали, быстро спустившись с дальней стороны гребня, и вереск хлестал нам по лодыжкам. Внизу нам пришлось снова подождать Туттугу.

– Солнце скоро сядет. Тогда и дадим отпор. – Снорри бросил взгляд в мою сторону. – Баракель тоже придаст мне сил. Он приходит на рассвете, но угасание света – это ещё одно время, когда он может приблизиться, особенно здесь.

Я кивнул, внезапно ни на йоту не доверяя норсийцу. Каждое произнесённое им слово звучало как ложь, и, моргнув, я почти увидел крылья Баракеля, расправляющиеся за спиной Снорри. Но всё равно, впереди нас ждало Колесо и вместе с ним все кошмары, о которых когда-либо рассказывалось в байках у костра. Я бы туда не отправился, даже чтобы избежать топора. И к тому же Аслауг уже однажды показала мне, что вряд ли позволит мне бежать куда-либо, кроме как прямо на врага, каким бы он ни оказался.

По-прежнему дул ветер, теперь порывистый, сдобренный воспоминаниями о зиме. Вокруг было удивительно тихо, и редкий крик кроншнепа казался нахальством. Я чуял приближение дождя.

– Долго им не пройти, – сказал я Каре, когда подошёл Туттугу. Хеннан, казалось, был уже полумёртв от ходьбы, хотя я не слышал от него ни единой жалобы. Парень, подойдя ближе, вытер нос. В его волосах по-прежнему виднелась засохшая грязь оттого, что я уронил его наземь, когда он мчался к своему деду.

Туттугу поравнялся с нами и устало поднял топор в приветственном жесте – лезвие было тёмным от засохшей крови.

Снорри схватил проходящего мимо Хеннана за ворот, одной

рукой поднял с земли и усадил себе на плечи.

– Ты можешь ехать, – сказал он. – Бесплатно.

Туттугу посмотрел в мою сторону.

– А Ял повезёт меня?

Я вопреки своей воле рассмеялся и хлопнул его по плечу.

– Тутт, тебе надо со мной, в Вермильон. Будешь рыбачить с моста для пропитания, а вечерами ходить со мной шокировать знать. Тебе понравится. Если только жара не плавит викингов.

Туттугу ухмыльнулся.

– Жару военный командир ундорет сможет перенести.

– А-а, но только даже Снорри там покрылся хрустящей корочкой, а ведь он провёл большую часть времени в милой тюремной камере...

– Чт... – Туттугу оборвал себя на полуслове и остановился, вытаращившись.

Перебравшись через очередную складку местности, мы оказались перед стоявшей на нашем пути узкой аркой из выветрившегося камня высотой с дерево, расписанной высеченными рунами. Кара поспешила к ней рассмотреть надписи.

– Что ж, как мило. – Я прошёл под аркой, игнорируя предупреждающее шипение Кары. По большей части я надеялся, хоть и безосновательно, что, пройдя под аркой, окажусь где-нибудь в другом месте. В безопасности. К несчастью, я вышел на траву с другой стороны и оглянулся на норсийцев, волосы которых растрепал внезапный порыв ветра.

– Что это? – спросил я.

– То, к чему можно прислониться, – сказал Снорри.

– Работа аномагов. – Кара изогнула шею, уставившись на руны над головой. – Дверь в иные места. Но мне не хватит искусства её открыть. И, скорее всего, те места ещё хуже этого.

– Похоже, раз их магия настолько сильна, любой из этих аномагов мог бы занять трон Империи и подчинить себе всю Сотню.
– Я тоже посмотрел на каменную кладку. С моей стороны руны тоже

имелись. Некоторые из них напоминали мне знаки, которые Молчаливая Сестра наносила на стены оперы, и внезапно я снова почувствовал то жуткое бледно-сиреневое пламя, а в ушах зазвучали крики тех, кого я оставил гореть.

– Хель, с такой магией они могли бы забрать весь мир. – Туттугу прислонился спиной к камням и соскользнул вниз, усевшись у основания. Снорри стряхнул Хеннана со стены и поднял топор, проверить лезвие.

– Аномаги прикованы к Колесу, – сказала Кара. – И со временем оно всех их ломает. Их сила быстро убывает, если они удаляются от центра. Да и в любом случае, не у многих из них хватит воли сбежать отсюда. – Она провела пальцами по косичкам и сняла большую часть оставшихся рун, готовясь к схватке.

– Ты сказала, тебе не хватит искусства открыть дверь... – Я хмуро посмотрел на вёльву. Выражение её лица было безмятежным, и в то же время свирепым. – Но до сегодняшнего дня заклинание, которым ты вызвала змей, всего лишь разведало траву...

Она посмотрела на стоявшего рядом с ней Снорри.

– Дай мне ключ, здесь уже нечего терять... я попробую открыть путь.

– Что? – Он осмотрел пространство перед нами. – Это арка. Здесь нет замка.

Кара прикоснулась левым кулаком, наполненным рунами, к символу на левой опоре. Её глаза сосредоточенно сощурились, губы дрожали, повторяя слова какой-то внутренней молитвы. Она прошла до противоположной стороны и правым кулаком ударила по второй надписи.

– Дай мне ключ. У меня получится.

Снорри выглядел подозрительно. Я почувствовал слабое свечение и понял, что не только мне он не доверял насчёт дара Локи.

– Направляй меня, – сказал он.

Вёльва пристально посмотрела на него.

– Нет времени спорить, просто...

– Покажи мне как, и я сделаю. – В его голосе слышалось

рычание, не оставлявшее места для дискуссий.

Кара оглянулась на ближайший гребень, откуда скоро должны были появиться хардассцы.

– Судя по рунам, похоже, эта арка предназначена открывать двери во многие места, куда людям лучше не соваться. Вот, – Она указала на первую букву, к которой она прикоснулась, – тьма, а там свет. Чтобы пересечь многие мили в этом мире, нужно срезать путь через подобные места.

– Открой дверь в свет, – сказал Снорри.

– Чёрта с два! – Теперь я понял его план: спустить Баракеля и таких как он на Разрушенную Империю. – Пойдём тёмным путём, Аслауг проводит нас.

– Нет! – Возможно, впервые с тех пор, как он встал перед Свеном Сломай-Весло, я слышал в его голосе настоящую ярость. Вокруг него разгорелся нимб света, подёрнутый краснотой западного неба. – Той дорогой мы не пойдём.

От раздражения на вероломном лице северянина во мне тоже вскипела ярость. Чёрный гнев потёк по моим венам, тёмный и волнующий. Сама мысль, что я когда-то боялся Снорри, теперь казалась такой же нелепой, как и мысль, что я когда-то ему доверял. Прямо сейчас я знал, что одна только сила мышц ничего не будет значить, когда я протяну руку, чтобы сокрушить его. Я выдержал его взгляд. Этот ублюдок хотел выпустить Баракеля в мир. Всё, что говорила Аслауг, было правдой. Снорри уже стал слугой света.

– Кара, открой дверь в ночь.

– Нет. – Снорри вышел вперёд, и я встал напротив него – теперь мы стояли лицом к лицу под пустой аркой. Моя кожа дымилась тьмой, и я чувствовал прохладные успокаивающие руки Аслауг на моих плечах. Свет, горевший вокруг Снорри, теперь сочился и из его глаз. Сначала там был свет, который означает тепло и уют первых дней лета, а потом хлынуло яркое сияние солнца пустыни, где свет вместо уютного становится жестоким. А потом свет, который Баракель посылал через Снорри, стал совершенно нестерпимым для людей, настолько суровым, что в нём не осталось места ни для чего живого.

– Кара! – рявкнул я. – Открывай.

Снорри поднял кулак, возможно не осознавая, что в нём зажат топор.

– Я не позволю этой ночной шлюхе...

И я его ударил. Не думая. Потрясение от удара почти оглушило меня. Взрыв света и тьмы отшвырнул нас на несколько ярдов назад, но мы мгновенно оказались на ногах и, завывая, бросились друг на друга.

Второе, куда более суровое столкновение предотвратил Туттугу, вступивший под арку между нами. Снорри обнаружил, что держит топор своего отца над головой одного из двух оставшихся ундорет. А я обнаружил, что мои скрюченные пальцы тянутся к лицу Туттугу.

Снорри отдернул руку и уронил топор.

– Что... что мы делаем? – Миг безумия прошёл.

Я собирался с пустыми руками прыгнуть на вооружённого топором Снорри!

– Боже, во всём виновато это место! – Ни один из нас уже не владел собой. Ещё немного, и мы оба стали бы марионетками в руках воплощений, которых носили в себе. – Надо убираться, пока оно нас не убило.

– Красные викинги, наверное, управятся раньше Ошима. – Кара протиснулась мимо Туттугу, встала между нами и оттолкнула нас назад. – Я попытаюсь открыть ту дверь, с которой будет больше шансов на успех. – Он посмотрела на Снорри. – А если ты не отдашь свой драгоценный ключ, то ладно, я тебя направлю. – Она стёрла с лица раздражение и оттолкнула Снорри ещё на пару футов. Потом повернулась к арке, и в её глазах появилось то расфокусированное "ведьминское" выражение. – Вот! – Она встала рядом с ним, склонив голову, и указала на произвольную точку в воздухе, уставившись мимо своего пальца куда-то в бесконечность.

Снорри, нахмурившись, вытащил ключ на цепочке и, подойдя ближе, поднял его к указанной точке. Чернота ключа казалась аномальной в сгущающемся мраке. В этой черноте не было ничего от тьмы, но там было что-то другое – возможно, цвет лжи, или греха.

– Ничего. – Снорри убрал ключ. – Вся эта суматоха и... ничего. – Он наклонился поднять свой топор. – Прости, Ял, я плохой друг.

Я поднял руку, прощая его и игнорируя тот факт, что первым его ударил.

Снорри отошёл, помахивая топором. Вскоре здесь будет враг. Викингу надо было размяться. Топор описал в воздухе мерцающую восьмёрку, потом опустился по дуге и резко взметнулся вверх. В руках Снорри даже такое грубое оружие казалось почти искусством. Слева от меня готовился Туттугу – он подвязал пояс и начисто протёр лезвие парусиной. Храбрость не была для него естественной, по крайней мере та храбрость, которую восхваляют воины, но сегодня он уже принял смертельный удар и готовился умереть снова.

– Мы могли бы просто отдать им ключ. – Я почувствовал, что кто-то должен высказать очевидное. – Оставить его здесь и отправиться на запад, в Маладон.

Меня все проигнорировали. Даже мальчишка – он понятия не имел, о чём я говорю, так что это выглядело грубостью. Ведь в десять-одиннадцать лет уж точно не сможешь видеть принца Ялана насквозь, через весь его внешний лоск?

Я бы пошёл один, но ловушка Молчаливой Сестры здесь становилась сильнее с каждым шагом в сторону Колеса. Я сомневался, что пройду хоть сотню ярдов, прежде чем трещина разойдётся, и Баракель вырвется из Снорри, а Аслауг выльется из меня.

– Солнце садится, – проговорила Кара.

– Я знаю. – Тень арки, тёмная от возможностей, вытянулась в сторону Колеса. Я снова чувствовал дыхание Аслауг на своём загривке, слышал, как она сухо скребётся у сдерживавшей её двери.

На гребне показались красные викинги. Так близко, что я разглядел детали на их щитах: морской змей, пятиугольник из копий, лицо гиганта, ревуший рот которого был шишкой щита... Смертельные раны, которые нанёс Снорри, блестели в угасающем красном свете – человек, разрубленный от ключицы до бедра; ещё одного без головы вели на привязи; другие шли сзади. Где-то в толпе из-за викингской маски смотрел Эдрис Дин. Была ли среди них и некромантша, в шкурах, со щитом на руке? Или она наблюдала откуда-то издалека, как часто делала раньше? Внезапно мой мочевого пузырь объявил, что он переполнен.

– Как думаете, есть время... – начал я, но сволочные красные

викинги оборвали меня своими боевыми кличами и бросились в атаку.

Оказалось, время было. Я вытащил нож, и с мокрыми ногами приготовился встретить атаку двух ближайших норсийцев.

Что-то изменилось.

Хотя от арки не доносилось ни звука, я перевёл на неё взгляд. Она вся стала чёрной, и тьма лилась из неё, холодными потоками струилась вокруг моих лодыжек, сгущая перед нами тени.

– Ялан. – Из затенённой земли поднялась Аслауг, как женщина поднимается из-под простыни – сначала укрытая, её формы неопределённые, а потом простыня её облегает, всё плотнее и плотнее, и наконец женщина перед тобой во всей своей красе. Аслауг встала передо мной спиной к врагам, а я стоял, наполняясь её силой, видя мир с идеальной ясностью, и моя кожа дымилась тьмой. – Тебе здесь не место, мой принц. – Она улыбнулась, блеснув чёрными от безумия глазами.

Первый хардассец, юный быстроногий грабитель, помчался в сторону Аслауг, готовый вонзить свой топор между её лопаток. Вместо этого он резко остановился, пронзённый острой чёрной ногой, тонкой, как у насекомого и, по всей видимости, появившейся из спины Аслауг, хотя мне не было видно, откуда именно и как. Это было что-то новенькое – она действительно стояла здесь, во плоти.

– Пойдём? – спросила меня, пока человек умирал, задыхаясь от своей крови. Она указала глазами на арку.

Следующую волну викингов встретил Снорри, вытянув руки на всю длину и точно вовремя прорубив одному лицу. Потом отпрыгнул с пути человека в шаге позади, крутанулся и рубанул его по спине, когда тот по инерции пролетел мимо. Туттугу, который стоял, прижавшись к арке с другой стороны, с похвальной сноровкой ускользнул в сторону, и удар первого врага пришёлся по камню, а оружие затряслось в его руках. Туттугу ответил, вонзив свой топор ему в грудь.

Слева от Туттугу выбегало всё больше людей, держась подальше от зияющей пропасти внутри арки. Кара бросила в них небольшую горсть своих рун, и каждая стала ледяным копьём, брошенным с такой силой, с какой даже Снорри не бросить. Копья пробивали щиты, кольчуги, плоть и кости, а враги в замешательстве глядели на

пробитые в них дыры.

– Ялан? – спросила меня Аслауг, отвлекая моё внимание от схватки. В мою ногу вцепились маленькие ручки. Мальчишка. Бог знает, почему для защиты он выбрал меня... Ещё два хардассца добежали до нас, пытаясь обогнуть Аслауг. Оба упали и растянулись, запутавшись в паутиноподобных нитях тьмы. – Тебе надо уходить, – сказала она. За её спиной человек, пронзённый её паучьей ногой, поднял голову и посмотрел на меня с всепоглощающим голодом, какой бывает у возвращённых из смерти. Из его широко раскрытого рта донёсся бессловесный рёв, который заменяет мертвецам язык. Аслауг стряхнула его в алом фонтане, как только он задёргался. – Здесь действует не только моя магия.

Снорри поймал стремительно несущийся на него топор прямо под лезвием и разворачивался к нападавшему, мощно скроенному рыжебородому, пока его спина не упёрлась тому в грудь, а затылок не прижался к наноснику. Вытянув руку, всё ещё державшую топор противника, Снорри развернулся к другим нападавшим. Их удары обрушились на спину рыжебородого викинга, которого Снорри теперь нёс, словно плащ. Потом он уронил мужика, который утянул за собой топоры хардассцев. Освободившись, Снорри рубанул по двум ближайшим врагам.

За моей спиной раздался яростный звук – арка внезапно запульсировала светом, словно яркая рана в темноте. Из образовавшегося вихря кружащейся черноты с проблесками сияющего света появился златокрылый Баракель с серебряным мечом в руке, который был настолько ярким, что на него было больно смотреть – и двинулся на Аслауг. В то же время земля вокруг нас закипела и из неё стали подниматься кости, словно кусочки мяса в котелке супа над огнём. Всё больше и больше костей и черепов тут и там. Торфяная почва изрыгала кости рук, кости ног, части находили друг друга, соединялись, сцепляясь со старыми хрящами и грязными сухожилиями, которые ещё не успели сгнить.

– Это место смерти! – завопила Кара с другой стороны арки. – Некромант... – Она замолчала, чтобы приложить ножом руку скелета, схватившую её за ногу, и ещё больше хардассцев быстро подбежало к ней.

Мертвецы, лежавшие позади Снорри, тоже стали подниматься. Костяные руки начали цепляться в ноги Баракеля и даже потянулись

к Аслауг. Воплощения света и тьмы, вместо того, чтобы броситься друг на друга, как только что делали мы со Снорри, вынуждены были разбираться с порождениями некромантии, тянущими к ним свои руки.

– Беги! – Крикнула Кара, и, освободившись от хватавших её костей, нырнула головой вперёд в арку.

На миг я заколебался. Это выглядело очень похоже на более широкую версию трещины, которая преследовала меня в Вермильоне. Арка, кипящая воюющими светом и тьмой – я видел, как такая смесь разрывает людей на окровавленные куски и разбрасывает во все стороны. Кто знает, может маленькие кусочки Кары сейчас украшают траву с другой стороны арки.

– Нет! – прошипела Аслауг, и из её тела выросли новые конечности, чтобы пригвоздить к земле норсийцев, прежде чем они потянутся ко мне. Длинные, тонкие, волосатые конечности. – Останься! – Пока арка была тёмной, Аслауг настаивала, чтобы я прошёл, а теперь хочет, чтобы я остался?

Это убедило меня. Я помчался к вихрю тьмы и света.

– Стой! – В визге Аслауг слышалась смесь ярости и боли. – Вёльва солгала тебе, она...

И я прыгнул. Тяжесть на моей ноге сообщила мне, что мальчишка тоже отправился со мной. Все звуки за моей спиной мгновенно оборвались, и я начал падать.

***

Лучшее, что я могу сказать о случившемся потом – что больно было, пожалуй, немногим меньше, чем от удара топором.

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ

Я падаю. Я прошёл через арку, и теперь падаю, пробивая в бесконечной ночи дыру в форме меня, пока она наконец не заканчивается. Падаю через ослепительную белизну, которая не добрее тьмы, через острые тернии, через такую свирепую боль, что она крадёт время, и наконец попадаю в сон. В прохладную, окутывающую ткань сновидения, серую, как облака...

***

Я падаю через нижнюю кромку облаков, в ужасе забывая, что это сон, и наконец обрушиваюсь посреди семибашенного замка Амерот, в котором мою бабушку осаждает пятидесятитысячная армия. Армия, которой, словно клинком, управляет военачальник Кёрвиц. Его называют Словенским Мучителем, железным кулаком царя Келджона, который обитает в степях, но предпочёл бы сидеть в Вьене и быть императором по праву войны.

***

Мы снова стоим над внешними стенами, на широкой верхушке одной из семи башен. Даже на такой высоте нас окутывает дым, закрывающий небо, настолько густой, что, не свались я с небесного свода через эти клубы, и не знал бы, началось ли уже утро.

***

Бабушка снова здесь. Алиса Кендет, принцесса Красной Марки, которой нет и двадцати, с палахом в руке, в помятых доспехах со стёртой позолотой и отколотой эмалью в тех местах, где удары помяли кирасу. В её глазах тот же стальной взгляд, какой был, когда она пустила стрелу в сердце своей сестры. Она выше меня, а Улламер Контаф в своей демонически-чёрной туркменской броне возвышается и над ней. От его переносицы до уголка рта идёт багровая рана.

Вершину башни усеивают осколки камней и куски зубцов стен. На стенах стоят солдаты, уже не так густо, как в прошлый раз. Мертвецы сложены возле лестницы в башню. Две кучи мертвецов: в одной люди в алой форме Марки, в другой более разнообразные. Там лежат люди Словена, вместе с воинами Майара. Вон там рыцарь Зюйд-Рейха, а на нём растянулись два воина Загра с синими татуировками оберегов на лицах, которые так нравятся этим людям. Был приступ, недавно отбитый. Я подумал, сколько ещё переломанных врагов лежат в кучах у основания башни, среди обломков лестниц и верёвок...

– Надо отходить за вторую стену. – Рана Контафа раскрывается, когда он говорит. Через окровавленную щеку я вижу его зубы.

– Нет, – говорит Алиса.

– Принцесса, мы слишком сильно растянулись. – В его голосе нет жара, только беспокойство. – Этот замок должно защищать больше человек.

– Мне не интересно удержать этот замок. Я собираюсь уничтожить Кёрвица и дать знать царю, что на этот раз он свои силы переоценил.

– Принцесса! – Теперь раздражение. – Среди наших возможностей атаки никогда не было. Это...

– Это единственная возможность. – Она направляется в сторону лестницы. Зовёт Контафа через плечо. – Соберите пять сотен лучших из лучших к цитадели. Выбирайте по мастерству, а не по крови. Мне нужны воины. Новых аристократов отец может наделать куда легче, чем новых воинов.

– Цитадель, ваше высочество? – Раздражение сменяется замешательством. – Мы можем удерживать вторую стену. По

крайней мере, несколько недель. Цитадель должна стать нашей последней...

Алиса Кендет поворачивается на верхней ступеньке и смотрит на него.

– Мы не можем позволить им занять внешние башни. Приведите мне пять сотен и прикажите удерживать башни. Если это значит сдать стены между ними – так тому и быть.

Контаф бледнеет, словно его полоснуло лезвие ужасной мысли, которое сильнее клинка обезобразило лицо.

Я следую за бабушкой по лестнице, вьющейся в центре башни – это широкое строение со множеством этажей. Вниз, мимо комнат, казарм, арсеналов. И ещё ниже, через второй слой, уже из литого камня – это древняя башня размером поменьше, скрытая в толще более нового сооружения. Спиральная лестница расширяется в зигзагообразный пролёт, изгибающийся на литых опорах. Она кажется иллюзорной, и даже призраком я боюсь на неё вставать. Каждая ступенька всего лишь пластина – сквозь них всё видно, сквозь лестницу до пролёта под ней... но всё равно, она простояла тут тысячу лет, если не больше, и не обвалится сейчас под тяжестью моего воображения. Мы спускаемся в башню Зодчих, мимо железных дверей, мимо деревянных дверей, окованных сталью, мимо троицы дворцовых стражников Красной Марки и приходим в комнату – это идеальный куб, в котором стоит машина. Она больше королевского экипажа, сделана из серебристой стали, испускает тусклый свет и дрожит от слабой, но несомненной вибрации, словно где-то глубоко внутри дышит какой-то огромный спящий зверь.

Алиса прижимает руки к серебристому металлу. Наклоняется, словно позволив себе быть уставшей в этом уединённом месте. Прижимает лоб к холодной стали Зодчих, закрыв глаза, и тёмно-рыжие волосы падают ей на лицо.

Спустя мгновение она уже целенаправленно шагает вон из комнаты, кивнув стражникам, которые собираются закрыть дверь. Длинный коридор ведёт её к воротам главной башни.

Я следую за ней на выход. Со всех сторон люди кланяются. Её сопровождает отряд из шести солдат, оставивших для этого службу в башне. Мы идём по широкому проходу через город, втиснутый между внешней и внутренней стенами замка. Здесь стоят дома людей,

живущих в замке – рабочей силы, которая обеспечивает этот замок, благодаря которой на столе есть еда, на плечах защитников есть одежда, между камнями – раствор, и масло в шестерёнках военных машин. Тут и там я вижу урон, причинённый камнями, брошенными снаружи, но это место построено, чтобы выстоять. Прочное. Стойкое. И люди здесь демонстрируют те же качества. Здесь нет отчаяния, пока. Когда мимо проходит принцесса Алиса, несутся приветственные крики. В одном месте на улице стоят торговые прилавки, и через толпу нам приходится идти медленнее. Когда наши пути пересекаются с обитателями замка, какой-то инстинкт разводит их в стороны. Меня они не видят и не слышат, но шестое чувство не даёт нам сталкиваться.

Надвратную башню на второй стене пронзает тоннель, который можно перекрыть четырьмя опускающимися решётками. Все они сейчас открыты. Эскорт меняется, и мы вступаем в зону поражения между цитаделью и второй стеной. Гулко разносится звук шагов по голым плитам под нашими ногами. Ну, не под моими – я-то всего лишь сплю.

Дверь цитадели расположена на противоположной стороне от ворот с четырьмя решётками во внутренней стене. В эту дверь проедет всадник, но она надёжно защищена, как и сами стены. Мы проходим в маленькую железную дверцу, встроенную в одну из створок. Это башня Амерот, которая тянется к небу – как было и во время моего визита в детстве. Хотя сейчас на башне нет тех странных шрамов в камне Зодчих, какие были, когда я видел её в детстве – и разумеется, сейчас она окружена замковыми стенами. Я начинаю задумываться, каким образом я мог не знать историю, объясняющую, как пятьдесят лет назад здесь не осталось ни единого камня от того замка. Неужели его просто растащили местные, камень за камнем, за десятилетия после войны, и построили в другом месте замок, или дом? Камня здесь хватит на целый город.

Мы проходим мимо дворцовых стражников, элитных солдат из личной стражи Голлота, второго из этой фамилии. Не имею представления, почему эти люди не во дворце в Вермильоне, вместе с моим прадедом.

Алиса останавливается перед капитаном, который стоит у внутренней двери.

– Джон, приведи избранных за вторую стену.

– Да, принцесса. – Щёлкают каблуки, голова склоняется в придворном поклоне.

– Джон, только мастеровых. Искусных рабочих. Если это облегчит дело, то впустите и их детей. Впускайте как можно больше.

– Да, принцесса. – В его голосе никаких эмоций.

Мы проходим в дверь, которую охраняет капитан, и он закрывает её за нами. Короткий коридор ведёт в комнату с куполом. Толщу камня Зодчих пронзает спиральная лестница. Тускло блестят концы железных армирующих прутьев, через которые проходит лестничная шахта. Наверное, эта лестница потребовала многих лет тяжёлого труда. Мерцают лампы, когда мимо них проходит Алиса, и её доспехи лязгают при каждом шаге.

Мы выходим в квадратную комнату шириной ярдов в десять. В каменный пол встроено кольцо из серебристой стали в три ярда диаметром, которое поднимается примерно на высоту пояса, его верхняя поверхность наклонена в нашу сторону. Тусклый свет здесь медленно меняется в трёх цветовых конфигурациях. Над центром кольца горит странная синяя звезда, не дающая жара, но её свет приковывает взгляд. Она висит на высоте человеческого роста над камнем, и, как и любые звёзды, её ничто не поддерживает. Я понимаю, что таращусь на эту штуку, потеряв всякое ощущение времени. Говорят, время это огонь, в котором мы сгораем. Теперь я знаю, как выглядит время, когда горит оно само.

***

Алиса проходит сквозь меня – неприятное ощущение, но из-за него я выхожу из транса. Сомневаюсь, что без вмешательства бабушки мне удалось бы когда-нибудь отвести взгляд. Я тщательно стараюсь больше на звезду не смотреть. Понятия не имею, минуты прошли, или часы.

Огоньки на наклонной стальной стене, формирующей кольцо, над которым висит звезда, теперь сияют с яркостью, которая не имеет ничего общего с огнём. Узоры становятся боле комплексными,

многочисленными, и кратковременными. Алиса быстро двигается тут и там, прикасаясь то к одному огоньку, то к другому. Я замечаю, что мы не одни. Теней в комнате немного, но все они словно собираются в дальнем углу. Там стоит женщина, закутанная в складки серого халата. Она ростом почти с Алису, но немного сутулая. И выглядит не старше тридцати пяти, но у неё отвислые седые волосы, падающие на лицо. Она поднимает голову – и находит меня.

– Как? – Остальные вопросы замирают на моих губах. Левый глаз женщины жемчужного оттенка. Она поднимает бледный палец к губам и цыкает на меня. Когда она опускает руку, на губах играет еле заметная улыбка.

– Я готова, – говорит Алиса. – Люди на местах? Солдаты собраны?

Здесь нет никого, кроме меня и молчаливой сестры Алисы, и ни один из нас не отвечает.

Бабушка повышает голос.

– Я сказала...

– Оптика показывает, что зона стазиса полностью заполнена.

От удивления я едва не просыпаюсь. Перед бабушкой стоит призрак. Его там не было еще мгновение назад. Бледный, прозрачный, натуральный призрак. Надо сказать, выглядит призрак чертовски странно – его лицо как у греческой мраморной статуи, изваянное совершенство, которое никогда не примешь за живое.

Алиса склоняет голову.

– Начинаем.

– Я уже объяснял, что стазис невозможен. Потребуется дорогие ремонтные работы, прежде чем генераторы смогут обеспечить достаточный импульс энергии. Генераторы семь и три функционируют на тридцать процентов, а остальные не более чем на десять процентов. Последствием неудачного стазиса будет ускорение. Получится лишь пузырь быстровремени, с пиковым соотношением тридцать к одному.

– И мне это известно. Ты запустишь реакторы в обход защиты.

– Вы не понимаете последствия таких действий. Генераторы катастрофически разрушатся. Предположительный радиус

опустошения...

– Всё равно, исполняй. – Алиса не отводит глаз от пульсирующих огней.

Призрак не выражает ни эмоций, ни колебаний. Он даже меньше похож на человека, чем капитан Джон у двери цитадели, а уж дворцовую стражу специально тренируют выглядеть невозмутимо.

– Боюсь, пользователь с уровнем допуска "гость", как вы, не имеет таких прав. Этот алгоритм будет...

– Моя сестра видела тебя насквозь, Рут^[10]. Не смотри на её выжженный глаз, она видела сквозь годы. Ты всего лишь танец цифр, без души. Ум без мозгов. Ты сделаешь то, что я скажу.

– Пользователь не может...

– Переопределение системы защиты Альфа-шесть-фидвенадцать-омега.

– Принято. Энергетический импульс через три минуты. Прогноз основного отношения быстровремени – тридцать два к одному.

Мы ждём, пока призрак отсчитывает секунды. Контаф, вызванный каким-то невидимым сигналом, спускается по лестнице и ведёт за собой дворцовую стражу, солдат, рыцарей и даже пару лордов. Суровые люди, прирождённые воины.

– Пятнадцать.

Комната уже набита битком, и всё больше людей толкается на лестнице. Алиса обходит стальное кольцо, встав с другой стороны лицом к выходу. От света голубой звезды за её головой виден лишь её силуэт.

– Очистить лестницы! – Кричит Алиса, в её тоне слышна непреклонность. – Расчистить путь к воротам.

– Четырнадцать.

Крик эхом разносится по лестнице и дальше.

– Уже готово, принцесса, – говорит Контаф. – Как вы приказывали.

– Одиннадцать.

– Контаф, остальные. За мной.

– Десять. Девять. Восемь. Семь.

Люди стоят близко друг к другу. И я вместе с ними, стою, согнувшись под самой звездой.

– Шесть.

Поверх лязга доспехов и шарканья ног доносится едва слышный вой.

– Пять.

В воздухе что-то чувствуется. Неравномерное жужжание, от которого у меня зубы сводит, хоть на самом деле меня здесь нет.

– Четыре. – Я отваживаюсь оглянуться на Молчаливую Сестру, и спустя мгновение обнаруживаю её. Она смотрит на меня из своего угла, куда никто не пожелал забиться.

– Три.

– Ты ведь меня знаешь, да? – Я не хочу с ней говорить. Я снова чувствую себя маленьким мальчиком, которому только что исполнилось пять, и которого впервые представили Красной Королеве. Я помню её сухое прикосновение, помню тот миг, когда Молчаливая Сестра впервые положила свою руку на мою, и я упал в какое-то жаркое тёмное место.

– Два.

Она не собирается отвечать. Она лишь улыбается.

– Один.

– Да, – говорит она.

– Ноль.

Синяя звезда расширяется, её холодный огонь поглощает нас и проходит сквозь стены комнаты. Вот и всё. Ничего не изменилось. Мы все стоим, замерев, ждём, ждём той магии, что должна спасти замок.

– Теперь быстро. – Алиса мчится вдоль стены. Мне бы такого в полном доспехе не сделать. Её сила поразительна.

Люди передо мной быстро бегут за ней, и я пробираюсь вслед за ними. Контакт со сталью оставляет странные сальные ощущения, словно ткань сна хочет повлиять на реальность. Мы спешим по

расчищенному проходу через плотные ряды воинов, и только у лестницы я понимаю, что лишь люди, стоявшие ближе всех к кольцу, хоть что-то делают, чтобы поспеть за нами, и даже у них получается чертовски медленно. Но Алиса не ждёт, так что я мчусь за ней.

Наверху лестницы я понимаю: что-то не так. Солдаты здесь застыли, как статуи, и даже не следят за нами глазами. Неужели их заморозила магия Зодчих? Нет времени размышлять об этом – Алиса решительно бежит, с лязгом направляясь к огромной двери.

Я изумлён, увидев дверь широко открытой, словно мы не на войне. Оглянувшись, я вижу, что люди из комнаты растянулись позади нас – самые дальние двигаются так, словно бегут сквозь густую грязь. Мне требуется секунда, но, кажется, я понимаю. Свет звезды ускорил нас. Те, кто были к ней ближе всех, получили самую большую скорость. Быстровея, так он сказал? Неужели машина Зодчих заставила наши секунды течь быстрее? А наши сердца – биться быстрее, чем крылья колибри?

Выбравшись из цитадели, я думаю, что, наверное, сплю. Потом вспоминаю, что я действительно сплю, но это, должно быть, воспоминания моего рода, вплетённые в мою кровь и открытые магией Кары.

Внутренняя стена разбита, хоть и стоит ещё в нескольких местах, но в других на её месте лишь кучи булыжника. Под наваленными обломками лежат раздавленные тела, готовые закричать. Там, где стена упала, языки пламени достигают цитадели, раскрашивая её стены геометрическими подпалинами и превращая всех людей на своём пути в пылающие столпы.

Небо полно дымом, огнём и падающими камнями. Кусок каменной кладки размером с лошадь опускается по дуге, которая заканчивается там, где стою я. Он падает и переворачивается медленнее, чем осенний лист. Я отхожу в сторону и следую за Алисой. За моей спиной снаряд попадает в стену цитадели и разрывается с неописуемо низким звуком, который перекрывает пронзительный визг разрушающегося камня.

В бреши стены я вижу только жаркое пламя. Города не видно, как не видно и огромных внешних стен и семи громадных башен. В воздухе полно обломков. Камни, черепица, кирпичи... и тела тоже – я вижу, как они падают с высоты, будто тонут в воде.

Алиса пробегает под надвратной башней, под четырьмя решётками, по-прежнему поднятыми. Мы с Контафом не можем за ней угнаться, и она отрывается далеко вперёд. Мы вылезаем из-под четвёртых ворот и попадаем в ад. Пламя ревёт и здесь. Не как языки огня над дровами в камине или пламя горящего дома, а облака inferно – будто бы какая-то живая, текучая тварь. По мере того, как мы смотрим, оно, кажется, стихает, поднимаясь спиралью к небу и открывая выжженную пустошь, на которой не выжило ни одно здание. Мы мчимся дальше, надеясь, что нас сохранит наша скорость.

Алиса несётся извилистым путём мимо кратеров, огненных ям, траншей, прокопанных невообразимой силой. Огибает упрямые фундаменты, торчащие на нашем пути. Оббегает самые сильные языки пламени, отходит от падающих обломков и тремя огромными прыжками перескакивает полыхающий кусок внешней стены. Я бегу за ней, обнаружив, что, как и Контаф в его броне, могу прыгать на расстояния, которые посрамили бы древнегреческих атлетов. Я вижу, что теперь мы рядом с тем местом, где стояла одна из семи башен – теперь же там над громадным кратером спиралью поднимается колонна раскалённого добела пламени. Вокруг нас в воздухе всё ещё висят булыжники, разлетевшиеся из этой точки и тянущиеся к земле по радуге тяготения.

За стеной, на расстоянии дальше полёта стрелы, перед горящим замком Амерот выстроились многие тысячи. Мы мчимся за моей бабушкой по пустой земле между осаждёнными и осаждающими. Повсюду пылают части военных машин. Куски каменной кладки, летящие от огромных стен, пробили широкие улицы в шеренгах врагов, прорвали кровавые проспекты в их лагерях. Ближайшие к стенам люди полыхают, обращённые огнём в пылающий жир посреди обугленных костей. Ещё дальше – солдаты застигнутые в миг агонии. Их крики нам кажутся низкими и гортанными. А дальше солдаты всё ещё стоят, подняв тлеющие щиты, и их палатки охвачены огнём. Похоже, повсюду вокруг семи башен умерли тысячи и тысячи людей – во много раз больше, чем за стенами.

Видимо, Алиса точно знает, куда направляется. Мы бежим за ней, и остальные из комнаты под Цитаделью Амерот тянутся за нами – они медленнее нас, но всё равно намного быстрее любого обычного человека.

Мы проникаем глубоко в армию военачальника, мимо основного

ущерба, нанесённого взорвавшимися башнями, в самое сердце его войска, где над шатрами реют штандарты благородных домов. Даже здесь упали огромные камни, раздавившие людей, лошадей, палатки – но девять из каждого десятка выжили. Мы оббегаем солдат, которые почти застыли. Их глаза слишком медленные, чтобы заметить нас, их руки медленно тянутся к рукояткам мечей.

Наконец мы замечаем плотно сгруппированные штандарты Словена, шатры становятся всё больше и великолепнее. Анар Кёрвиц, западный кулак царя, как раз появляется из огромного шатра с внушительным копьём в руке. Вход украшает золотая ткань, а перед ним на шестах висят знамёна его вассалов, образуя аллею для его прохода. Вокруг его резиденции плотно стоят великолепные Последние Клинки в чёрных кольчугах. Их лица закрыты масками чёрного цвета и цвета слоновой кости – внушающая ужас элита, эхо репутации которых так громко разносилось долгие годы, что даже я о них слышал.

Мы уже замедлились, словно наша скорость – как нечто, сделанное из мака Мэреса Аллуса, и, когда наркотик в наших венах заканчивается, мы возвращаемся во время реального мира. Но всё равно, Последние Клинки едва вздрагивают, когда Алиса проводит своим клинком по горлу Кёрвица. Она не тратит времени на отсечение головы – возможно, её клинок сломался бы, врезавшись в хребет человека на такой скорости. Прославленного полководца она больше не удостаивает и взглядом, а просто подходит к ближайшему солдату и повторяет своё действие, прежде чем фонтан крови из раны Кёрвица пролетает четверть расстояния до земли.

Его копьё висит в воздухе, и почему-то оно более реально, чем всё вокруг него, живее всех стражников по обе стороны. Это тёмное дерево, покрытое узором из серебристой стали, лезвие которого блестит на шесть дюймов за наконечником. Оно взывает ко мне, и я, не задумываясь, протягиваю к нему руку. Моя ладонь смыкается на древке, и я чувствую его твёрдость под своими пальцами.

– Убить всех! – кричит Алиса.

И Улламер Контаф подчиняется. Другие избранные прибывают, когда резня уже началась, и тоже принимают за свою кровавую работу. Я вырываю копьё военачальника и следую за Алисой, морщась, когда алые фонтаны брызжут надо мной и сквозь меня.

Прежде, чем военачальник падает, она перерезает двадцать глоток. Перерезает ещё сотню, прежде чем ей приходится уклониться от меча. Местами она двигается через отряды в десять-двадцать словенских пехотинцев, и, прежде чем люди начинают падать, она уже у следующей группы.

Кажется, это длится вечность, но для армии вокруг нас, наверное, проходит лишь несколько минут. Алиса убила уже несколько сотен человек, прежде чем ей приходится отразить удар. Она с головы до ног ярко-красная, кровь капает с её клинка и брызжет с волос, когда она поворачивается. Кровь окрашивает её путь через лагерь. Даже сейчас она, должно быть, кажется размытым пятном, движущимся с нечеловеческой скоростью, и оставляет за собой падающих мертвецов.

Армия Красной Марки, те несколько сотен выживших из Цитадели Амерота, начинают перегруппировываться, как только угасает магия Зодчих. Их ведут Алиса и Улламер, направляя на все сильные подразделения, которые ещё держатся вокруг разрушенного замка. Воины Марки рубят их на куски, и замыкают круг.

В последнем сражении моя бабушка ведёт свои четыре сотни выживших против армии в две тысячи солдат Загра с топорами, которых держали в резерве. Люди Красной Марки всё ещё немного быстрее обычного человека, а некоторые – вдвое, а то и втрое быстрее. И все они с ног до головы покрыты кровью. Загранцы быстро ломают строй и разбегаются. Это последний очаг сопротивления. Осада пробита.

Войска бабушки алые, и стоят тихо, если не считать звуков капающей с них крови. Она проходит несколько ярдов во главе своих людей и взбирается на какой-то упавший кусок стены высотой в два шага. Там она и стоит, тяжело дыша. Её дыхание медленно выравнивается, а по доспехам течёт алое, пока она осматривает своих воинов. Она стоит на фоне горящих развалин своего замка и вызывающе высокой Цитадели Амерота, за руинами второй стены.

Улламер Контаф выходит вперёд. Он смотрит на неё, поднимает свой палаш и кричит: "Красная Королева!", хотя она ещё только принцесса.

– Красная Королева! – Подхватывает армия. – Красная Королева.
– Вздывается оружие. – Красная Королева. – Их голоса полны

эмоций, хотя сложно сказать, это печаль, триумф, или и то и другое.

ПЯТНАДЦАТЬ

– Просыпайся!

– Что?

– Просыпайся! – Голос Кары.

– Нет, – сказал я ей. – Ещё темно, и мне вполне удобно. – Ну, почти. Что-то из того, на чём я лежал, впивалось мне в спину.

Меня встряхнула рука. Сильно.

Я зевнул и сел.

– Я знаю, почему мою бабушку называют Красной Королевой.

– Потому что она королева Красной Марки. – Сказал Туттугу где-то позади меня.

– Я бы тоже так решил. Но нет. – Я прикоснулся к земле вокруг меня. Твёрдая, влажная, покрытая песком. – А почему тут так воняет? – Я потёр ноющую спину и похлопал землю позади, обнаружив длинный твёрдый предмет, на котором лежал. – Что это за чертовщина...

Внезапно лицо Кары озарил свет. Позади смутно виднелся Туттугу, а та фигура побольше глубоко в тени, должно быть, Снорри. Свет исходил из руки Кары – от сияющей бусины серебристого металла.

– Орихалк, – выговорил я. И внезапно я вспомнил. – Арка! – Я оглянулся вокруг и не увидел ничего, кроме темноты. – Чёрт, где мы?

– Не знаю, – сказала Кара, что не воодушевляло, поскольку она, предположительно, должна была всё знать.

– В каком-то нехорошем месте, – предположил Туттугу. В такой темноте это казалось правдой. – Где ты взял копьё?

Я посмотрел вниз и обнаружил, что предмет, на котором я лежал, действительно копьё. Копьё Кёрвица. Я забрал его у военачальника из своего сна... или из воспоминаний бабушки. – Чёрт, как я...

– Я не знаю, где мы. Деяния аномагов мне недоступны, – сказала

Кара. – Без руководства мы должны были выйти как можно ближе к тому месту – но выпали куда-то, где мир истончается. В место, которое треснуло от недавней магии. Мощной магии.

– Это значит, нас забросило ещё ближе к Колесу? – Недавняя мощная магия – ничем хорошим это не пахло. – Почему это никогда не бывает "куда-нибудь, где есть дешёвая выпивка, дорогие женщины, ипподром и хороший вид на реку"?

– Арка создана служить воле того, кто ей пользуется. Я шла первой, и пыталась вытащить нас оттуда.

– А где парнишка? – Я вспомнил о нём, когда ушли остатки сна, и на моих плечах начал устраиваться страх. – Снорри! Ты видел... – Имя вылетело из головы. – ...мальчика?

– Снорри тут тоже нет, – снова Туттугу, на этот раз ближе к моему уху, чем я ожидал. – Надеюсь, он с Хеннаном.

– Но... – Я-то не сомневался, что видел его. Тряхнув головой, я решил, что сон, наверное, всё ещё до конца не выветрился. – Так что это за вонь?

– Тролли, – быстро сказал Туттугу.

– Ты чуешь троллей всякий раз, как меняется ветер. Снорри сказал, что ты ни одного не видел. – *Прошу, только не тролли.* Я их ни разу не встречал, и не горел желанием встречаться. Шрамы, которые мне показывал Снорри, оставшиеся от его встречи с троллем, рассказали мне всё, что я хотел о них знать.

Кара придвинулась ближе, и мы сжались в кучку над светом орихалка – три освещённых бледных лица в море тьмы.

– Кажется, мы в пещере, – сказала она.

– Надо выбирать. – Я надеялся, кто-нибудь другой расскажет мне, как.

– Пока тролли нас не съели, – сказал Туттугу.

– Хватит болтать об этих чёртовых троллях! – От страха я повысил голос. Моё воображение уже населило темноту множеством этих тварей, что было непросто, поскольку я понятия не имел, как они выглядят. – Снорри говорит, ты не узнал бы тролля, даже если...

– На этот раз он прав! – Голос Снорри, далеко, но приближался.

– Снорри! – Я изо всех сил попытался не пищать, словно дамочка в беде.

– Хеннан с тобой? – спросила Кара. Я видел, что и она успокоилась, хотя виду не подавала.

– Да. – Снорри подошёл, и сияние орихалка осветило его. Сразу за ним виднелась маленькая фигура.

Хеннан выбежал вперёд и прижался сбоку к Каре. Не могу сказать, что и мне в голову не приходила такая мысль.

– А нет ли у тебя трутницы в том ме... Погоди-ка. Туттугу прав? Ты это только что сказал?

– Да. – Судя по его голосу, даже Снорри был этому не рад.

– Трутницы нет, – сказал Туттугу, оглядываясь, словно мог её сейчас найти.

– Давайте зажжём свет поярче, – сказал Снорри, протягивая руку.

– Он же сказал, что у него нет... – Я замолчал, как только Кара уронила орихалк в ладонь Снорри. – А-а.

Сияние стало яростнее, разогнав тени до границ пещеры. Её пол под нами оказался ровным, плотно покрытым грязью от какой-то подземной реки. Снизу стены были сглажены древними течениями, а выше становились грубыми. С потолка свисали каменные сосульки, словно над нашими головами зависло множество Дамокловых мечей. Некоторые из них уже упали, и теперь лежали на полу, развалившись на части. Отчего-то они почернели. На самом деле стены тоже почернели... и земля под ногами... словно здесь от стены до стены горел огромный костёр.

– Там, – сказал Снорри, указывая топором на сгусток тьмы, который не поддавался свечению орихалка. – И там. – Он указал на другой сгусток у стены пещеры.

– Что там? – Прищурившись, посмотрел я на них.

– Тролли.

Туттугу не сдержал ругательство, но потом взял себя в руки. Я отошёл к Каре, крепко сжимая копьё и думая о том, окажусь ли я ещё когда-нибудь в безопасности.

– Снорри, ты же победил тролля, верно? – Хриплым голосом спросил я, поскольку рот внезапно пересох.

– Одного, – сказал он. – Мне повезло. – Он кивнул в сторону тёмного прохода, идущего из дальней стороны пещеры. – Ещё двое там. Одного не понимаю, почему мы до сих пор живы.

Одно из существ отделилось от стены и подошло на несколько шагов. Но всё равно его сложно было разглядеть: шкура поглощала любой падавший на неё свет. Чёрное существо, выше и мощнее сложенное, чем Свен Сломай-Весло, который вряд ли вообще был человеком. Длинные чёрные конечности и такое чёрное лицо, что скрывались любые черты. Ещё шаг ближе, и я увидел блеск его глаз, таких же чёрных, как у Аслауг, широкий рот, полный чёрных зубов, и чёрный язык, вытянутый, словно от рыка, хотя до меня доносилось только едва слышное шипение.

Снорри поднял топор, готовый взмахнуть им. От него с Туттугу пахло кровью других людей. Должно быть, этот запах привлёк и других тварей, а те, что стояли перед нами, от него обезумели. Я раздумывал, не бросить ли копье.

– Кто вы, нарушители перемирия? – Прогремел сзади голос. Настолько низкий голос, что здесь, среди корней гор, он казался уместным.

Мы повернулись к говорившему. Врагов здесь было так много, что, как ни повернись, окажешься задом хотя бы к одному из них. Не то чтобы мой перед смог бы как-то помочь в драке с троллем. Да, копье – великолепное оружие, но у меня появилось чувство, что эти тролли могут просто откусить наконечник. Поворачиваясь, я снова на удар сердца увидел ту едва заметную улыбку Молчаливой Сестры из сна. Неужели она видела этот миг своим слепым глазом? Из-за этого она так веселилась?

Тварь, разглядывавшая нас прищуренными от нашего света глазами, может и была когда-то троллем, но что-то её искривило. Сомневаюсь, что рука Господа касалась таких созданий, так что этого зверя могла деформировать только более тёмная рука, протянутая из серы. Его рёбра торчали из груди, как длинные чёрные пальцы, почти смыкаясь над сердцем. У меня в уме пронёсся образ Аслауг, расправляющей паучьи лапы, и я содрогнулся. Этот тролль был ростом футов в семь, может даже немного больше – на фут короче

остальных, зато намного более крепкий, а его шкура, как шептали тени, могла быть красной. Кошачьи глаза, зубы, которым позавидовал бы лютоволк, и вместо длинных пальцев с чёрными когтями, как у других троллей, у него были пальцы толщиной с детскую руку, по три на каждой руке, с тупыми красными ногтями. А ещё, в отличие от остальных, на нём была какая-то роба, скорее даже тога, из тёмного тартана горцев. У меня было много времени, чтобы насладиться деталями его облика, пока я ждал, что кто-нибудь из наших преодолееет изумление и ответит на его вопрос.

– Мы не нарушали перемирия. – Кара собралась с мыслями для ответа.

– Может, вы и не собирались его нарушать. Возможно, вы даже совершенно не знаете о его существовании, но перемирие вы совершенно точно нарушили. – Для дикого зверя чудовищный тролль разговаривал с удивительным спокойствием и с такой вежливостью, которая и при дворе пришлась бы к месту, если б только его голос не звучал настолько низко, что от него могла кровь пойти носом.

– В этой пещере вершилась великая магия, – сказала Кара. – Она и призвала нас сюда. Что случилось?

– Двое присягнувших огню повздорили. – Ответ краткий, словно воспоминание причиняло ему боль.

– Что это за место? И как тебя зовут? – Спросила Кара, вероятно надеясь увести разговор подальше от нарушенных перемирий.

Монстр довольно дружелюбно улыбнулся широкой улыбкой, хоть и открывшей множество острых зубов.

– Вы под Халрадрой, под огненной горой Химрифта. Эти пещеры были дарованы моим братьям Алариком, герцогом Маладона.

– Маладон! – Я не смог удержаться. – Слава Богу. – Если бы не все эти тролли, я бы рухнул на колени и поцеловал землю.

– А я, – продолжил зверь, – Горгот.

– Ты правишь здесь? – спросил Снорри.

Монстр пожал плечами и, могу поклясться, выглядел озадаченно.

– Они называют меня своим королём, но...

– Принц Ялан Кендет, внук Красной Королевы Марки. – Я протянул руку. – Рад встрече с вами.

Горгот посмотрел на мою руку, словно не зная, что с ней делать. Я уже собирался убрать её, чтобы тролль её не отхватил или не откусил, но он сжал её своими тремя пальцами, и на миг я почувствовал крошечную часть его силы.

– Итак, – сказал я, высвобождая руку и сжимая кулак, чтобы унять боль. – Итак, надеюсь, как король Хал... хм...

– Радры, – помог Снорри.

– Да, Халрадры. – Я бросил на Снорри мрачный взгляд. – Надеюсь, как король... под этой горой... вы окажете любезность другому члену королевской семьи Империи, и обеспечите нам сопровождение до границ ваших земель.

Горгот ничем не выказал, что услышал меня. Вместо ответа он опустил на колено и протянул раскрытую руку в сторону Хеннана.

– Как вышло, что с вами ребёнок, а на ваших топорах кровь? – И сфокусировал свои кошачьи глаза на парнишке. – Подойди.

Надо отдать должное мелкому паршивцу – в темноте он продемонстрировал не меньше отваги или безрассудства, чем при свете дня. Мы впервые встретили его, когда он мчался прямо в зубы налётчикам-хардассцам, а теперь твёрдо пошёл вперёд и положил свою маленькую руку в ладонь короля троллей.

– Как тебя зовут, дитя?

– Хеннан... сир.

– У меня был младший брат, – сказал монстр. – Сейчас ему было бы примерно столько же лет, сколько и тебе... – Он отпустил парня и встал. – Мои новые братья готовятся к походу в свой новый дом, в семи сотнях миль к югу, в Высокогорье Ренара. Можете идти с нами, пока вам по пути.

– Было бы от... – Я поумерил свой пыл. – Звучит приемлемо. – Я не мог заставить себя называть его "сир". Но звучало и впрямь отлично. Если только они нас не съедят, то сложно представить себе, какие охранники смогли бы лучше уберечь нас от слуг Мёртвого Короля. Если уж съешь людей, то они обычно не воскресают! – Когда вы планируете отправляться?

– Герцог Маладона обеспечит эскорт, чтобы избежать любых недопониманий с его людьми. Они должны быть здесь в течение недели. Перемирие гласит, что мы должны отправиться в путь после пира Хеймдаля. И что до тех пор нога человека не ступит на Халрадру... люди герцога патрулируют эти места, следя, чтобы никто сюда не забрёл.

– Мы прошли путями, которые герцог не в силах защитить, – сказала Кара. – Раз уж мы уже здесь, можем ли мы положиться на ваше гостеприимство, король Горгот, и остаться здесь, пока вы не будете готовы отправиться?

Я ощетинился, услышав это – терпеть вонь троллей и сидеть в темноте, в сырой пещере, когда мог бы хлебать эль за столом герцога. Я заметил, что и ундорет тоже нахмурились. Но, в конце концов, мне не очень-то хотелось тащиться по горам и лесам, чтобы добраться до залов герцога, даже если эль у него подают обнажённые богини: сейчас мне нужно было только лечь и поспать, и не важно, мокрый пол или нет.

– Можете остаться, – сказал Горгот. На том и порешили.

ШЕСТНАДЦАТЬ

Нам выделили пещеру, выходившую на жуткие склоны Халрадры, с видом на безжалостный сосновый лес. Я настолько устал, что сразу лёг, попытавшись устроиться поудобнее, и почти мгновенно уснул.

– Это копьё, которое ты нашёл в пещере... – голос Кары.

Сбитый с толку, я резко проснулся и понял, что уже стемнело. Кара у входа в пещеру разожгла костёр и сидела близко к огню, изучая одну из последних табличек с рунами, всё ещё висевшую на её косичке.

– Я не находил его в пещере.

– Ты сказал, что лежал на нём.

– Я нашёл его в своём сне. Забрал у военачальника. – Даже на мой взгляд это звучало глуповато. Наверное, оно лежало на полу, поскольку тролль, убивший его предыдущего владельца, счёл копьё несъедобным. Только это было не так. Я видел его в воспоминаниях бабушки, до самой мельчайшей детали.

– Сложно поверить, что его просто оставили, – сказал Снорри, выходя из мрака. Теперь огонь освещал его лицо.

– Не оставили. Оно было в моём...

– Покажи ещё раз. – Кара протянула руку.

Я тяжело вздохнул, уселся и вытащил копьё перед собой.

– Гунгнир! – сказал Туттугу, выпучив глаза.

– Сам ты Гунгнир. – Я зевнул и потёр глаза.

– Такое копьё было у Одина. У Тора был молот Мьёльнир. А у его отца – копьё, Гунгнир.

– А-а, – сказал я. – Ну, сомневаюсь, что это оно.

– Однако, это охрененное копьё. – Снорри наклонился и взял его у меня.

– Оставь себе. – Я погрел руки. – Я перестал доверять снам с тех пор, как встретил ручного мага Анкратов, Сейджеса.

– Словенскому военачальнику нет смысла таскать норсийское копьё. – Кара хмуро посмотрела на оружие, которое вертел в руках Снорри, изучая покрытие.

– Его послали нам боги. – Кивнул Туттугу, словно это можно было считать за серьёзное предположение. – А может, и сам Один.

– Видят боги, оружие нам нужно, – сказала Кара. – Если Снорри решил вести нас в логово Келема... Что ты собираешься делать, если Келем откажет? Что если он просто превратит тебя в соляной столп и возьмёт то, что ты принесёшь с собой?

Снорри прищурился и похлопал по топору.

– Если б острого лезвия было достаточно, чтобы Келем расстался с жизнью, то вряд ли он смог бы называть Скилфу молодой. – Кара протянула руки, и Снорри над костром передал ей копьё.

– А копьё справится лучше топора? – спросил он.

– Мифы отбрасывают тени. – Кара вытянула копьё перед собой, и его тень заплесала на её лице. – Все сокровища из саг отбрасывают множество теней, и даже их тени могут быть смертоносным оружием. А чтобы отбросить самую тёмную, самую отчётливую тень, нужен самый яркий свет. Тень и свет, связанные друг с другом, могут быть могучей силой. – Она бросила краткий взгляд на меня и Снорри. – А такое копьё... достаточно сильный свет может создать тень и от Гунгнира. И такая вещь может остановить даже Келема!

– Отлично, давайте вернёмся к Скилфе и спросим, может ли...

– Я и сама могу. – Перебила меня Кара. – Если сделаю это сейчас, пока прикосновение Колеса меня не покинуло, и моя магия не померкла до прежнего уровня.

– А проживёт ли копьё-тень дольше, чем то, что сделал с нами Ошим? – спросил Снорри.

Вельва кивнула.

– Его будет удерживать не только моё заклинание.

– Боги эту штуку не посылали, – фыркнул я, оборвав себя на полуслове. Не было смысла говорить им, что их боги это вообще

языческая чушь.

Кара меня проигнорировала и встала, по-прежнему держа копьё.

– Лучше сделать всё быстро. Возьмитесь за концы. – Она кивнула мне и Снорри.

Мы так и сделали. Я убедился, что берусь за тупой конец. Здесь, когда свет от костра мерцал на серебристых рунах, покрывавших тёмное дерево, это оружие выглядело таким же страшным, как и в руках военачальника.

Кара сделала шаг назад и достала кусок орихалка. Тот в её руке засветился, разгоняя тени.

– Держите копьё ровно, так, чтобы тень падала между вами. – Она подняла орихалк. – Опустите к земле. Отвернитесь и не двигайтесь.

И без предупреждения металл в её руке вспыхнул, ослепляя всех вокруг, словно раскалился добела. Последнее, что я видел, была тень копья на полу между нами – чёрная линия посреди яркости. Я схватился за копьё изо всех своих сил и обнаружил, что оно крошится меж пальцев, словно свет выжег его жизненную силу, оставив только пепел.

– Боже, женщина! – Я прижал ладони к глазам. – Я ничего не вижу.

– Цыц. Погоди. Скоро зрение вернётся.

Зрение возвращалось медленно. Сначала перед глазами только плавали светлые и тёмные пятна, а потом добавился цвет. Потом я увидел огонь и сияние в руке Кары. Пятна обрели черты, и я увидел, что от орихалка размером с кулак теперь остался лишь маленький кусочек – сияющая бусина не больше зрачка, словно всё остальное сгорело.

– Что ж, вот это копьё, достойное бога! – Снорри выпрямился, подняв с того места, куда падала тень, новое копьё – кажется, длиннее прежнего, на вид такое же, только в него добавилось что-то яростное: руны на нём теперь словно кричали своё послание, дерево под ними стало чернее греха, и серебристая сталь теперь сияла собственным светом.

Некоторое время мы сидели, глядя, как Снорри держит копьё.

Оно стало темнее. А я заснул.

***

Неделя до приезда людей герцога, о которой говорил Горгот, обернулась четырьмя днями. Оказалось, что четыре дня – это на три дня больше, чем нужно, и первый из них я провёл во сне.

Постели мы сделали из папоротника, вереска и редких побегов утёсника, вырванных прямо с корнями, на которых до сих пор виднелась свежая земля. На ужин предсказуемо была коза – её принесли сырой, и она смотрела на нас со слегка удивлённым выражением, когда тролль оторвал ей голову. На завтрак тоже была коза. И на обед.

На второй день я проснулся до зари и лежал, не шевелясь, пока внутри не начал проникать свет. Время шло, и я увидел (или подумал, что увидел) посреди серости более глубокую тень, скользящую к глыбе, которую я принял за Снорри. Как будто мрак сгущался вокруг... чего-то, скрывая это, но его самого хватало, чтобы привлечь мой взгляд. Возможно, если б я не был присягнувшим тьме, то ничего бы и не увидел. Что-то, или ничто, собралось, подобравшись ближе к Снорри, и поднялось над ним. А я по-прежнему лежал, парализованный – не от страха, а просто замерев, как иногда бывает с человеком, увидевшим галлюцинацию.

Начался рассвет, хотя лучи солнца не попадали в нашу пещеру – просто стало светлее.

– Стук. – Снорри сел, бормоча. – Я слышал стук.

И тут же вся странность исчезла, и я уже не видел ничего зловещего – только Снорри, который тёр лицо ото сна, и Кара, склонившаяся над ним.

– Я ничего не слышала. – Она пожала плечами, а на лбу у неё, возможно, промелькнула тень недовольства. – Надо проверить раны. Сделаю сегодня припарку.

Утром того второго дня Кара прошла по покрытому пеплом уступу горы до уровня, где осмеливались расти растения, и несколько часов спустя вернулась с холщовой сумкой, набитой всякими травами, корой, цветами и чем-то, что выглядело подозрительно похоже на грязь. Со всем этим она принялась обрабатывать раны, оставшиеся у наших викингов – порез над бедром Снорри выглядел самым серьёзным. Я же мог обратиться лишь с ободранными коленками, как малый ребёнок. Наверное, эту рану я получил, упав на колени, чтобы умолять о пощаде или помолиться безучастному Богу, но, если честно, я этого не помнил. В любом случае, я не дождался никакого сочувствия от Кары, которая вместо этого возилась с мускулистым боком Снорри.

На вторую ночь Аслауг тоже не вернулась. В первую ночь я заснул до заката и спал, как убитый, так что потребовался бы сильный некромант, чтобы меня поднять. Но на второй закат, когда Аслауг не появилась, я задумался, не сердится ли всё ещё дочь Локи на меня за то, что я бросился в арку аномагов. С её стороны возражать казалось неразумным, поскольку, кажется, все альтернативные варианты окончились бы ужасной смертью – однако она тогда была настроена против. Но сердится или не сердится, мне казалось это странным. Она была так рада встрече в тот первый день на берегу, после стольких дней разлуки из-за магии, установленной вокруг лодки Кары. "Женщины", – решил я, и сказал себе, что в конце концов она вернётся. Они всегда возвращаются.

Во мраке и скуке нашей пещеры я снова проигрывал в голове воспоминания бабушки о замке Амерот. По правде говоря, как только мой разум вернулся к событиям последнего дня осады, я уже не мог выбросить из головы резню, развернувшуюся перед моими глазами. И снова я изумился тому, как мне удавалось так долго не знать этой истории. Но всё же, в прошлом меня не раз обвиняли в том, что я слегка эгоистичен, и единственный интерес во всей славной истории моей семьи у меня вызывало лишь то, где они закопали своё добро. Если подумать, я слышал песенку о Красной Королеве Амерота, но никогда не обращал внимания на слова.

Я размышлял о бабушке с её далеко идущими планами; о её

странной наводящей ужас сестре, которая связала заклинанием меня и Снорри; и о Скилфе, холодной как лёд и такой старой, что люди столько не живут.

– Кара?

– Да?

Я попытался найти правильные слова для вопроса, не нашёл, и решил воспользоваться неправильными.

– Почему ты решила стать ведьмой? Ты же знаешь, что все они кончают плохо? Живут в пещерах, бормочут чепуху и потрошат жаб... пугая честной народ. Когда ты решила: "да, потрошить жаб – эта жизнь по мне!"

– А чем бы ты занимался, если б не родился принцем? – Она посмотрела на меня, её глаза блеснули на свету.

– Ну... я... предназначен...

– Забудь о священных правах, или какими оправданиями вы там пользуетесь – что если бы ты не был принцем?

– Я... не знаю. Может, управлял бы таверной, или растил лошадей. Что-нибудь с лошадьми. – Вопрос казался глупым. Я *и есть* принц. Если бы я им не был, то это уже был бы не я.

– Значит, ты не стал бы хвататься за меч и прорубать себе путь на трон? Несмотря на право рождения?

– Ну, разумеется. Точно. Очевидно. Как я и сказал, мне судьбой предназначено стать принцем. – Я бы предпочёл, если бы мне было предназначено стать королём. Но она меня поймала: я не стал бы завоёвывать себе королевство, а работал бы с лошадьми. Будем надеяться, ездил бы на них, а не убирал бы их дерьмо. Но лучше уж орудовать лопатой, чем мечом.

– Я родилась в крестьянской семье трэлей из Тогрила, ледяных викингов. Я могла бы сказать тебе, что у меня есть жажда знаний, желание понять, что находится за тем, что мы видим, открыть секреты, которые связывают одно с другим. Многие юные послушницы вэльв порасскажут тебе чего-нибудь в таком духе, и многие даже так и думают. Любопытство. От него сдохло больше кошек, чем от зубов собак. Но в чём настоящая причина? Для меня, по крайней мере – скажу тебе честно, потому что не следует лгать на

горе. Власть, принц Ялан из Красной Марки. Я хочу взять свою долю того, что тебе досталось с молоком матери. Наступают плохие времена. Для всех нас. Времена, когда будет лучше быть вельвой, даже если это значит быть страшной ведьмой в пещере. Это лучше, чем быть крестьянином, который выкапывает пропитание из земли, опустив голову, и ничего не зная о том, что грядёт, как козлята по весне не знают о ноже фермера.

– А-а. – На это у меня не было ответа. Каждый человек королевской крови понимает значение человеческих амбиций, и присущую им опасность. При дворах Разрушенной Империи таких полно. И я почти представлял себе разные силы, которые влекут тех, кто играет с тканью мира и грезит о странном пугающем будущем... но возможно, мне не следовало удивляться, обнаружив амбиции и простую жажду власти даже среди самых слабых из них.

***

На третий день я так соскучился, что позволил Снорри уговорить меня дойти до кратера в тысяче футов над нами. Он взял копье, используя его в качестве посоха, и захромал со скоростью, за которой я в кои-то веки мог угнаться. Парнишка пошёл с нами и скакал впереди по камням.

– Хороший пацанёнок. – Снорри кивнул в сторону Хеннана, ждавшего нас на тропе.

– Только не называй его так при троллях. Они в два укуса его сожрут, и даже разбираться не станут, пацанёнком ты его назвал, или козлёнком – Я посмотрел на парня, который съёжился от ветра. Я считал, что он хороший пацан. На самом деле, раньше мне не представлялся случай подумать о детях, как о хороших, или как о плохих – просто они маленькие, путаются под ногами, и удивительно много шумят о том, за какие места я трогал их старшую сестру.

Мы прошли через глубокие овраги на чёрной скале. Потом вверх между зубцами борта кратера, и устались вниз на широкое и озеро, которое не ожидали там увидеть.

– Где же огонь? – спросил я. Отсутствие дыма над головой во время нашего подъёма уже зародило во мне подозрения. Я упустил возможность посмотреть на кратер Берентоппена, когда Эдрис Дин заставил меня подниматься ускоренным маршем на ту чёртову гору, и честно говоря, был очень рад, что мне не пришлось взбираться последнюю сотню ярдов до гребня. Но я помнил, что над Берентоппеном дым поднимался, и его сдувал ветер, унося на юг, словно последние клочья волос лысого человека. Взбираясь с таким трудом на Халрадру, я ожидал, что буду вознаграждён по меньшей мере каким-то количеством огня и серы.

– Давно потух. – Снорри нашёл закрытое от ветра местечко, где можно присесть. – Этот старичок спит уже много веков, возможно тысячу лет, если не больше.

– Вода здесь неглубокая. – Хеннан спустился дальше по внутреннему склону – и это было первое, что он сказал за день. Странно, ведь определяющей характеристикой детей для меня было то, что они редко затыкаются. Впрочем, он был прав: над огромным пластом льда виднелась лишь пара дюймов воды.

– Там ближе к середине дыра. – Указал Снорри.

Отражённый свет скрывал дыру, но, увидев её, я уже не понимал, как мог не заметить её раньше. В неё могла свалиться карета с четвёркой лошадей. Я вспомнил слова Горгота. *Двое присягнувших огню повздорили.*

– Возможно, так тролли закончили ссору присягнувших огню. – Как ведро холодной воды помогает разнять двух дерущихся собак – так целое озеро помогло закончить битву, которая настолько глубоко расколола мир, что это вырвало нас из того места, куда нас послала арка аномагов.

Парень принялся швырять в воду камушки, как мальчишки обычно и делают. Мне почти хотелось к нему присоединиться, и я бы так и сделал, если бы на это требовалось меньше усилий. Есть простая радость в том, чтобы бросать камни в спокойную воду и смотреть, как расходятся круги. Это волнение разрушения в сочетании с уверенностью, что всё снова будет хорошо, в точности как раньше. Камень, упавший в моё комфортное существование при дворе, оказался таким большим, что волны донесли меня до края земли. Но возможно, вернувшись, я обнаружу, что всё как прежде,

неизменно, и готово принять меня обратно. Во взрослой жизни люди тоже только и делают, что бросают камни – хотя камни куда больше, и пруды другие.

Снорри сидел тихо, и синева его глаз была лишь на оттенок светлее отражения неба в озере. Он смотрел на воду, смотрел на мальчишку, сложив руки. У камня, к которому он приставил спину, дунул ветер, бросив волосы ему на лицо, скрыв его выражение. Я видел его в шаге от Хеннана, и не раз, когда викинг проявлял заботу к Каре и Туттугу. Но он смотрел на парня. Всякий раз, как думал, что за ним не наблюдают, Снорри смотрел на Хеннана. Возможно, семейный человек, такой как Снорри, и помимо своей воли не мог не заботиться о сироте. Может, он думал, что его забота – это предательство его собственных потерянных детей. Сложно сказать, я ведь никогда не видел, как работает семья во внешнем мире, без нянек и сиделок, которым платят, чтобы они выполняли работу за родителей. Если я был прав, то это выглядело как тревожная мысль и опасная уязвимость. Столько лет тренироваться в военном деле, а потом позволить маленькому мальчишке пробраться через твою защиту и отяготить тебя своими желаниями.

Несколько секунд спустя я поднял камень и перебросил его над головой Хеннана в озеро. Вопрос был не в том, брошу я камень или нет, а когда.

***

На борту кратера мы оставались, пока солнце не стало садиться, а ветер не стал прохладным. Пришлось крикнуть мальчишке, чтобы заканчивал свои глупые игры у озера. Он отыскал где-то ветку и пускал её в плаванье, где на льду собирались талые воды.

Он подбежал и встал между нами – Снорри глядел вдаль над заросшими лесом долинами, а я съёжился, укрывшись одеялом, которое служило мне плащом.

– Уже идём вниз? – Хеннан выглядел разочарованно. – Я хочу остаться.

– Не всегда получаешь то, что хочешь, – сказал я. И вспомнил, как только слова слетели с моих губ, что от меня ему советов насчёт тягот не нужно. Ведь спустя несколько мгновений после нашего знакомства он видел, как умирает выросший его человек. – Вот. – Я протянул двумя пальцами серебряную крону, чтобы отвлечь его внимание. – Можешь взять себе эту монету, *или* можешь получить от меня самый ценный совет, который дал мне однажды мудрый человек. Я этим советом ни с кем не делился.

Услышав это, Снорри оглянулся и, подняв бровь, посмотрел на нас обоих.

– Ну? – спросил я.

Хеннан нахмурил лоб, уставившись на монету, потом на меня, и снова на монету.

– Я... – Он протянул руку, потом отдернул. – Я... совет. – Выпалил он, словно слова причиняли ему боль.

Я глубокомысленно кивнул.

– Всегда бери деньги.

Хеннан непонимающе смотрел, как я убирал монету в карман и укутывался в одеяло. Снорри фыркнул.

– Погоди... чего? – Замешательство Хеннана сменилось гневом.

Снорри пошёл вперёд, а я за ним.

– Всегда бери деньги, пацан. Выгодный совет.

***

К тому времени, как Горгот сообщил, что наконец-то заметили входящих в лес датчан, мы все уже сильно хотели снова отправиться в путь.

Вышли мы унылым утром, когда северный ветер хлестал дождём по склонам. По плану, в нашем долгом путешествии передвигаться мы должны были по ночам, но первая часть маршрута – спуск с

Химрифта – пролежала по таким редконаселённым землям, что, по словам датчан, смысла прятаться не было. Могу поспорить, наши сопровождающие просто не хотели, чтобы их первая встреча с ордой троллей проходила в темноте.

По-прежнему в том, в чём спаслись с "Эрренсы", мы спускались по чёрным бокам Халрадры к сосновым лесам в долинах внизу. Мы держались в хвосте колонны, и насчитали сто сорок тварей, покинувших пещеры и шипящих от света. Жутковато было идти за сотней троллей – редкий человек хоть мельком видел одного-двух таких существ, и ещё меньше людей выжили, чтобы об этом говорить. Мы впятером ходили между троллями почти беззвучно, и при этом издавали больше шума, чем любой из них. И всё-таки исход оказался быстрым и упорядоченным. Кара утверждала, что существа, должно быть, общаются между собой неслышно для нас, и им не нужны слова. Я же сказал, что и овцы выстраиваются в упорядоченную очередь, выходя из загонov, а они всего лишь тупые животные. Троль в конце колонны обернулся на эти слова и уставился на меня своими совершенно чёрными глазами. Тогда я заткнулся.

Оказавшись под защитой деревьев, Горгот назначил привал, и тролли разошлись вокруг, шумно пробиваясь через плотные заросли старых сухих веток.

– Подождём здесь, как уговорено, – сказал Горгот.

Не понимаю, откуда он знал, где ждать. На мой взгляд, это место казалось случайным участком леса, неотличимым от любого другого, но я был рад подождать здесь, под защитой от ветра и дождя. Я сел у дерева, мокрая рубашка неприятно липла к телу. Если бы не присутствие сотни троллей, то я бы изводил себя мыслями о людях-соснах и других ужасах, которые могут тут шнырять в темноте. Во время путешествия на север мы со Снорри не очень-то ладили с местными лесами. Но всё равно я откинулся назад и расслабился, не беспокоясь о том, как сильно теперь воняло троллями. Душевное спокойствие того стоит.

– ... главный... – Неподалёку от меня Туттугу разговаривал с Горготом. Похоже, они неплохо ладили, хотя один был громадным чёртом с рыжей шкурой, а второй – толстым рыжим норсийцем, который троллю едва до локтя доставал. – ...племянник герцога...

По мне прошла волна тревоги – словно в пруд моего спокойствия бросили камень.

– Что племянник герцога? – крикнул я.

– Племянник герцога возглавляет наш эскорт, Ял, они скоро должны быть здесь, – крикнул в ответ Туттугу.

– Хмм. – Звучало неплохо. Само собой разумеется, что эскорт, сопровождающий домой принца Красной Марки, должен возглавлять аристократ. Пусть и незначительный. Племянник герцога... о чём-то это мне напоминало.

Я выбросил из головы тревогу и принялся смотреть на Кару, которая смотрела на Хеннана. Через толщу иголок сверху на меня капал дождь. Некоторое время спустя я заметил тролль-камень, из-за которого, вероятно, это место и было выбрано для randevu. Древний обветренный кусок скалы, покрытый мхом и торчащий из земли под небольшим углом. Я понял, что это тролль-камень по отсутствию даже малейшего сходства с троллями.

***

– Лошади! Они едут. – Снорри встал, держа копьё в руке. Топор теперь был прилажен за его спиной на сбруе шнурков из козьих шкур, которую он смастерил во время нашего пребывания в пещере.

Через несколько секунд я их тоже услышал – хрустели ветки, всадники продирались через деревья. Некоторое время спустя выехали первые из них.

– Привет, Горгот. – Человек говорил скованно. Всего я видел троих, на конях, и они плотно жались друг к другу. Повсюду вокруг нас в тених двигались чёрные фигуры. Лошади выглядели ещё более нервно, чем всадники – от запаха троллей они закатывали глаза.

Они подъехали ближе – все в плащах из волчьих шкур, с круглыми щитами, в шлемах, почти как у красных викингов, плотно облегающих, склёпанных бронзовыми полосами. Спускавшиеся с краёв шлемов защитные маски и наносники были изящно отделаны.

– Рад снова встретиться. – Горгот в приветствии поднял свою громадную руку. – Сколько вас?

– Двадцать всадников. Мои люди на лесной дороге. Вы готовы?

– Да. – Горгот склонил голову.

Всадники натянули поводья, но, когда они повернулись, их командир заметил Снорри, выходившего из леса.

– Кто твои гости... Горгот? – Я услышал в его голосе сомнение, словно он хотел назвать титул монстра, но не смог.

Моя тревога вернулась. Мужчина выглядел молодо, среднего роста. По плечам рассыпалась грива золотых волос. Это плохо пахло.

Пока я колебался, вперёд вышел Снорри. Он ухмылялся, показывая зубы по своему обыкновению, что таинственным образом тотчас же превращало незнакомцев в друзей.

– Я Снорри вер Снагасон, из клана Ундорет с берегов фьорда Уулиск. Это мой родственник Олаф Арнссон, по прозвищу Туттугу. – Он протянул руку в сторону Туттугу, который вышел из-за Горгота, выбирая ветки из бороды.

Вперёд вышла Кара, не соблюдая протокол, как и остальные. Принца следует первым представлять простолюдинам. Я-то думал, это даже простолюдинам известно!

– Кара вер Хуран, из Рекьи, что в Землях Льда и Огня.

Вот это новость! Я-то решил, что она из владений какого-нибудь ярла Норсхейма. В Тронде я изредка встречал моряков из Земель Льда и Огня, но очень редко. Они называли перевал ненадёжным, а когда викинг говорит "ненадёжный", это значит "самоубийственный". Неудивительно, что в пещерах вулкана Кара чувствовала себя как дома.

Я прочистил горло и вышел вперёд. Хотелось бы мне представляться со спины лошади, или по крайней мере, глядя этому парню в глаза. А ещё лучше – глядя на него сверху вниз.

– Принц Красной Марки Ялан Кендет, к вашим услугам. Внук Красной Королевы. – Обычно я не упоминаю бабушку, но увидев, как она заслужила своё имя, подумал, что оно и моему имени добавит немного веса.

Слегка кивнув головой, племянник герцога поднял руки и снял свой шлем. Встряхнул волосами, поставив шлем на луку седла, и повернулся, глядя на меня своими голубыми глазами.

– Мы уже встречались, принц. Меня зовут Хакон, а герцог Аларик Маладонский мой дядя.

Блядь. Я умудрился не сказать этого вслух. В первый день в Тронде я встретил его в "Трёх Топорах". За десять минут я умудрился врезать ему дверь по лицу и сломать нос, а потом устроил, чтобы его выгнали из таверны как шарлатана.

– Очень приятно, – сказал я, надеясь, что мою роль в его позоре он понимает смутно. Я выставил его лжецом, который выдаёт себя за героя. В то время я так радовался, используя силу Баракеля, чтобы залечить раненую руку Хакона и выдать за ложь его утверждение, что его укусила собака, пока он спасал ребёнка. В конце концов, он действительно хвастался. Любого дурака может укусить собака. И к тому же, выглядело так, словно он мог увести у меня Астрид и Эдду прежде, чем моё очарование получило бы возможность сработать.

Хакон, прищурившись, посмотрел на меня. На лбу у него появились две морщинки, но больше он ничего не сказал и повернул свою лошадь. А мы отправились по дороге вслед за датчанами.

– Симпатичный парень, – сказала Кара, шагая следом за Горготом.

Мы со Снорри переглянулись. Мой взгляд говорил: "Видишь, вот почему в тот раз мне пришлось с ним связаться".

***

В Маладоне за время нашего путешествия мы мало чего видели, за исключением того, что попадало в свет факелов, или изолированных болот, на которых мы вставали лагерем на день. Невелика потеря, решил я. В Датских землях я повидал всё, что хотел, ещё во время нашего путешествия на север в прошлом году. Суровая земля, полная суровых людей, которые хотели быть настоящими викингами.

Тертаны были ничуть не лучше. А может и хуже, если такое возможно. Запись в моём "Путеводителе по Разрушенной Империи для знати" о Восточном Тертане гласила бы: "То же, что и Маладон, только более плоский". А о Западном Тертане: "Смотри статью о Восточном Тертане. Болотистый".

Аслауг не возвращалась, хоть я и ждал её появления каждый закат. Дважды я слышал тихий стук, словно где-то далеко кто-то стучал по тяжёлой двери, но, видимо, каким-то образом наш полёт из Ошима наконец разбил связь, которой сковала нас Молчаливая Сестра. Возможно, появление Аслауг и Баракель в сражении с хардассцами вырвало их из меня и Снорри, опустошив нас, или освободив – как посмотреть.

По правде говоря, я по ней скучал. Она единственная видела, чего я на самом деле стою. На вторую ночь после лесов Маладона я лежал, съёжившись, под своим плащом, страдая от моросящего дождя, и представлял, что сказала бы Аслауг, обнаружив меня здесь.

"Принц Ялан, спящий на земле среди всех этих северян. Неужели они не понимают, что такой достопочтенный человек должен гостить в лучших замках этой земли?".

***

Насколько я скучал по Аслауг, настолько же радовался, что Баракель изгнан из Снорри. "Наблюдай за ним, Ялан", – сказала Аслауг. "Наблюдай за присягнувшим свету. Баракель знает, что этот ключ откроет не только ту единственную дверь, которую ищет Снорри. В копиях Келема много дверей. За одной из них ждут своего шанса Баракель и такие как он – такие же праведные и скорые на суждения. На рассвете он будет шептать Снорри на ухо, медленно обращать его, пока тот не вставит ключ Локи в нужный замок – и тогда оттуда вырвутся Баракель и ему подобные, уже не предлагая советов, но оглашая приговор и приводя его в исполнение".

Я посмотрел на самый крупный из спящих бугров. Аслауг представляла всё очень убедительно, но Снорри из тех людей,

которого сложно направить на любой путь, кроме его собственного – и я знал это по своему опыту. Но всё же меня радовало, что Баракеля нет.

Солнце где-то село, и далёкий стук стих. Я посмотрел на Кару и обнаружил, что Хеннан смотрит на меня в ответ, уютно расположившись у вельвы в постели. Он смотрел на меня своим нечитаемым взглядом, и, в конце концов, я пожал плечами и отправился смочить деревце.

***

Ночь за ночью мы пересекли сначала Маладон, а затем и Тертаны. Тесный союз герцога Аларика с тертанскими лордами означал, что он считал себя ответственным за безопасный проход Горгота и его братьев по этим землям. Это для него был вопрос чести, как не раз повторял Горготу Хакон.

– Если хотя бы коза или овца пропадёт из стада пастуха, это будет всё равно, что сам герцог Аларик их украл, – сказал Хакон.

Горгот просто склонил свою огромную голову и уверил его, что всё будет в порядке.

– Троллей вывели для войны, а не для воровства, лорд Хакон.

Хеннан на марше пришёл в себя, не жаловался на пройденные мили, и ему ещё хватало энергии бегать на рассвете вокруг лагеря, изводя норсийцев просьбами рассказать истории. И с Горготом он тоже проводил время. Поначалу интерес монстра распалил мою подозрительность, но казалось, мальчонка ему просто нравится. Он рассказывал ему свои истории, о загадках и чудесах, которые можно встретить в тёмных закоулках под горами.

***

Марш продолжался, а я сосредоточил свои силы на соблазнении Кары. Хотя она и не прилагала ни малейших усилий, чтобы казаться привлекательной, но всё равно умудрялась мучить меня. Даже несмотря на то, что она, как и все мы, была грязной и растрёпанной, тощей, мускулистой и проницательной, я всё равно желал её.

Несмотря на очевидные недостатки – пугающе умная, слишком много знает, видит меня насквозь при любом удобном случае, и с радостью протыкает тянущиеся к ней руки – я находил её компанию превосходной. Для меня это было ново и сбивало с толку. А когда Кара развлекала двадцатерых датчан вульгарными байками у костра, это было всё равно как если бы во время охоты на кабана в Королевском лесу за Вермильоном зверь перестал бы убегать, уселся и, вытащив трубочку, принялся обсуждать с нами достоинства говядины перед олениной и высказывать своё мнение о том, какое вино лучше подавать к лебедю.

Снорри, которого до приезда Хакона, я считал своим соперником в ухаживаниях за Карой, возле женщины казался удивительно осторожным. Я подумал, не связан ли он всё ещё воспоминаниями о Фрейе, не верен ли до сих пор своей мёртвой жене. Он спал отдельно от нас, и его рука часто тянулась похлопать по груди, на которой под курткой висел ключ. Изредка, когда я просыпался раньше Снорри, то видел, как он морщился от боли и чесал бок, словно отравленная рана, которую Баракель уменьшил в Ошине, теперь возвращалась и мучила его.

***

Ночи марша тянулись медленно. Восточный Тертан стал Западным, и различие было лишь в увеличении сырости. Мы шли, я натирал себе ноги, и всё больше и больше мне хотелось, чтобы меня несла лошадь.

Всю ночь мы шли по Западному Тертану и в награду получили только грязь на сапогах. Я уже достаточно насмотрелся на кривляние лорда Хакона возле Кары – сейчас он разглагольствовал о классической литературе, словно был сморщенной дамой, которую

выпустили на денёк из её книжной башни – так что я решил отвлечься с единственным из наших монстров, который мог говорить.

– Король Горгот, что ждёт вас и ваших подданных в Высокогорье? Не припоминаю за графом Ренара репутации гостеприимного человека...

– Никакой я не король, принц Ялан. Это всего лишь удобное на данный момент слово. – Горгот очень близко поднёс руку к костру, и казалось невероятным, что с неё не начинает слезать кожа. Три пальца отчётливо выделялись на фоне пламени, и от этого он казался каким-то чуждым. – Высокогорьем сейчас правит король Йорг. Он предложил нам убежище.

– Троллям нужно убежище? Я... погодите, Йорг? Неужели тот мальчишка из Анкрата?

Горгот склонил голову.

– Он силой забрал трон у своего дяди. В Химрифт я пришёл с ним.

– А-а. – На миг я забыл все слова. Я-то полагал, Горгот рождён среди троллей, хотя даже не задумывался, как он среди них научился говорить, или откуда он знает людей настолько, что может вести переговоры с герцогами и лордами.

– И да, троллям нужно убежище. Людей много, и силу они воспринимают за вызов, а отличие – за преступление. Говорят, когда-то в мире были драконы. Теперь они исчезли.

– Хмм. – Я не мог отыскать в себе сожаления о положении преследуемых троллей. Может, будь они пушистыми... – Этот ваш Йорг, я слышал о нём всякие байки. Королева Сарет хотела, чтоб я положил этого негодника на коленку и выдрал. И мне бы пришлось: королева Сарет очень убедительная женщина. – Я повысил голос, всего лишь чуть-чуть, просто чтобы Кара не пропустила мой разговор о королевах и принцах. – И к тому же прекрасная. А вы когда-нибудь... ну, может и нет. – Я вспомнил, что Горгот не из тех, кто получает приглашения ко двору, кроме как в клетке, в качестве развлечения для гостей. – Преподал бы мальчишке урок, да были более срочные дела на севере. Поставить на место некромантов и нерождённых, понимаете. – Пускай мои путешествия и были нескончаемыми страданиями, но по крайней мере я мог в любую историю об отваге и бедствиях вставлять "некромантов", чтобы

козырнуть перед оппонентом. Горгот, может, и был чудовищным королём троллей, но что пещерный житель вроде него знает о некромантах!

Горгот утробно заворчал.

– Йорг Анкрат необузданный, беспринципный и опасный. Мой тебе совет, держись от него подальше.

– Йорг Анкрат? – Хакон, услышав имя, оторвался от своей дискуссии о трудных вопросах какого-то нудного стиха из "Илиады". – Мой дядя говорит о нём то же самое. Думаю, он ему нравится! На кузена Синдри он тоже произвёл впечатление. Мне и самому придётся как-нибудь присмотреться к нему. – Датчанин обошёл костёр: весь такой златокудрый, с квадратным подбородком, да ещё и тени подчёркивали его лицо. – А вы собирались положить его на коленку, принц Ялан? – Я слышал, как сзади фыркнул Снорри, наверное, вспомнив, как в действительности было дело, и наш спешный исход из города Крат. – Это было бы нелегко. Он положил конец Ферракайнду...

– Ферракайнду?

Ответила Кара:

– Это огнемаг, правивший в Химрифте, Ял. Вулканы погасли после его смерти. – Она смотрела на меня из теней, в свете костра были видны лишь очертания её лица. Я видел, как её улыбка эхом отразилась на лицах многих датчан.

– А-а. – *Будь они все прокляты.* Я встал, громко заявил, что мне нужно прогуляться, и оставил их, дерзко бросив: – Что ж, а королева Сарет была невысокого мнения об этом мальчишке.

***

Ночь проходила за ночью, мы приближались к границам Геллета, и я, кажется, потихоньку продвигался к своей цели – к постели Кары – хотя у меня появилось тревожное чувство, что это не я подцепил жертву на крючок очарования старого доброго Ялана и

подтаскиваю её к себе, а меня постепенно вытягивают.

Вдобавок к моей досаде, пока Кара таинственным образом начинала смотреть в мою сторону и так тепло улыбаться мне, что любой бы на моём месте растаял... ещё она стала насквозь видеть мою обычную болтовню, отшучиваясь от моих вран по части привязанности и чести. Часто она спрашивала меня насчёт Снорри и ключа: об обстоятельствах, в которых мы его заполучили, о его неразумных поисках, и о моих мыслях о том, как его от них отговорить. Но, хотя мне и надоедали постоянные разговоры с женщиной о Снорри, я наслаждался самим фактом, что ей интересно моё мнение и советы по части ключа Локи.

– Такую вещь нельзя забирать силой, – сказала она. – Это огромный риск.

– Что ж, конечно нельзя – мы же говорим о Снорри...

– Дело не только в этом. – Она подвинулась ближе и восхитительно зашептала прямо возле моего уха. Где-то глубоко внутри зашевелились воспоминания об Аслауг. – Это работа Локи. Он обманщик. Лжец. Вор. Такой не даст своему творению попасть к сильнейшему.

– Ну, если честно, мы его забрали не очень-то мирно! – Я выпятил грудь и попытался выглядеть невозмутимо.

– Но нерождённый капитан атаковал *вас*, Ялан. Снорри всего лишь взял ключ с его останков. Это не было его целью – он не атаковал нерождённого ради ключа.

– Ну... нет.

– Обман или воровство. Вот две единственные безопасные возможности. – Она выдержала мой взгляд.

– Если ты думаешь, что они безопасные, – сказал я, – то ты не знаешь Снорри.

***

Я чувствовал, как усиливалась моя связь с Карой, но в то же время казалось, что она с каждым днём всё сильнее очаровывалась раздражающе симпатичным лордом Хаконем. Каждую ночь этот мерзавец демонстрировал какую-нибудь новую добродетель, да ещё с превосходным мастерством, и умудрялся делать это непринуждённо, так, что его нельзя было обвинить в хвастовстве. В один вечер это был его низкий тенор, идеальный слух и знание всех великих песен севера. На следующий – победа над всеми, кроме Снорри и какого-то страшилища по имени Хёрн, в борьбе на руках, причём его ещё упрашивали поучаствовать. Другой ночью он устроил нам целое представление, проявляя заботу о человеке, который страдал от внезапных приступов головной боли – Хакон спорил о травах с Карой, словно был старухой-женой, которая ухаживает за инвалидом. А сегодня он приготовил нам похлёбку из оленины, которую я еле проглотил и заставил себя выдавить: "сносно", хотя только благодаря железной воле мне удалось не потребовать третью порцию... чёрт возьми, лучшая оленина из всех, что я пробовал.

Всю предпоследнюю ночь с датчанами Кара шла во главе колонны вместе с лордом Хаконем, который слез с лошади и вышагивал рядом с вельвой. Ночь была тёплой, идти было легко, заливались соловьи, и уже вскоре Кара с Хаконем шли рука об руку, шутя и смеясь. Разумеется, я изо всех сил хотел разбить их парочку, но парочка смотрела на меня холодно – а такое трудно не учитывать, особенно когда в затылок дышат два десятка верховых датчан.

В последний день мы поднялись во второй половине дня. Наш лагерь стоял на лугу возле ручья, день был тёплым и солнечным, распускались деревья. Меньше десяти миль оставалось до границ Геллета, где лорд Хакон с его датчанами отправятся восвояси, и я собирался искренне порадоваться, глядя на их спины. Снорри и Туттугу, несомненно, с радостью прошли бы с язычниками и до Флоренции – они всё путешествие до этих пор травили свои боевые байки. Датчане обожали морские истории и старые саги. Первые выуживал из личного опыта Снорри, а последние – Кара, из своего огромного хранилища подобной чепухи. Люди герцога так благоговели перед ундорет, что я было подумал даже, что некоторые из датчан добровольно присоединятся к викингам и отправятся с ними в путешествие... Даже Туттугу получился неким героем – то он высаживался на берега Затонувших островов, то сражался с мертвецами в Суровых Льдах, а то давал отпор Хардассе у

Ошимского Колеса...

Я зевнул, потянулся и снова зевнул. Датчане лежали вокруг пепла от утреннего костра, лошадей привязали к шестам чуть выше по небольшому склону, а троллей было почти не видно – они разлеглись в длинной траве ближе к воде. По сравнению с предыдущими днями, было почти жарко – первое прикосновение лета, а точнее, бледное северное подобие лета.

Вечерний "завтрак" приготовили не спеша – казалось, никто не торопился выдвигаться. Туттугу принёс мне миску овсянки из общего котелка, и парень по имени Аргур подвёл ко мне своего коня из стада, чтобы я на него взглянул. Это единственное, в чём маладонцы считали меня хоть немного сведущим: в лошадях.

– Хромает на левую, да ведь, Ялан? – Он провёл вокруг меня своего серого скакуна, и, наклонившись, похлопал по щётке волос за его копытом. Я сдержал порыв выкрикнуть "*Принц Ялан*". Чем дальше мы забирались на юг, тем меньше во мне оставалось терпимости к таким промахам. В "*Трёх Топорах*" я сносил норсийское "Ял", как сносил зиму – естественное явление, с которым ничего не поделать. Но теперь... теперь мы приближались к Красной Марке, и нас настигало лето. Всё изменится.

– Видишь? Вот, снова. – Сказал Аргур. Конь сделал полшага.

Уголком глаза я заметил идущую Кару со свёрнутой постелью в руке. Она шла по длинной траве в сторону ручья, вокруг цвели дикие цветы, поднимались бабочки...

– А ещё у него живот немного пучит. – Передо мной снова оказался Аргур, продолжая болтать о своей кляче и закрывая мне обзор.

– Что ж. – Со вздохом я взглянул на лошадь: лучше посмотреть, пока свет не померк. – Проведи его вон туда. Посмотрим, как он двигается.

Аргур отвёл коня. Выглядело так, будто у мерина шип впился над копытом, или он ударился, и ему больно ступать на эту ногу. Я поманил его обратно, почувствовав, как за моей спиной опускается солнце – с лошадью надо было разобраться, пока оно не село. Хоть Аслауг и не вернулась, и даже стук прекратился, я всегда ощущал её присутствие, когда солнце заходило, и звери вокруг меня начинали нервничать.

– Держи его. – Я встал на колено посмотреть на ногу. Из-под живота коня я заметил, как отряхивается Хакон. Он перевязал волосы и умыл лицо. На мой взгляд, очень подозрительно. Когда мужчина в диких землях не ленится умывать лицо, он явно что-то затевает. Я пошевелил суставом коня, мягко поглаживая пальцами и бормоча всякую чепуху, чтобы его успокоить. Почти сразу же я обнаружил под кожей кончик шипа. Поскрёб ногтем, быстро щипнул и вытащил эту штуку. Злобную, длиной в дюйм, и липкую от крови.

– Пусть кровотоочит, – сказал я, передавая шип Аргуру. – Легко не заметить. Чаще всего ищи проблему прямо над копытом.

Я быстро встал, игнорируя его благодарности, и пошёл прочь из лагеря, пригибаясь и пропуская через пальцы цветы мака.

– Аслауг! – Солнце ещё не коснулось горизонта, но небо над холмами Геллета, поднимавшимися к западу, уже стало алым. – Аслауг! – Она была нужна мне здесь и сейчас. – Это крайняя необходимость.

Кара не просто так пошла прогуляться по лугу со своей постелью. Хакон не просто так прихорашивался на случай, если мы встретим геллетских пограничников. А датчане готовились так невыносимо медленно не из-за своей лени. Я не терплю безнравственное поведение только в одном случае – когда сам в нём не участвую.

Я глянул в сторону запада. Мучительный спуск солнца продолжался, оно уже висело над самыми холмами.

– Что? – Не слово, даже не шёпот, но слабый безошибочный звук вопроса, глубоко внутри моего уха.

– Нужно остановить Хакона... – Я помедлил, не желая произносить вслух. Всегда полагал, что дьявол должен и так знать мысли человека.

– Ложь. – Так тихо, что возможно, я это себе придумал.

– Да-да, ты дочь лжи... что насчёт них?

– Ложь. – Голос Аслауг звучал на самой границе слышимости, и вокруг меня сгущались тени. Я задумался, отчего же она оказалась такой далёкой и приглушённой... дело точно не в том, что она сердилась – что-то её ко мне не пускало... "Ложь". В Тронде была

поговорка: "ложь умна, как ночь темна" – предполагалось, что в такую ложь поверят скорее всего.

– Но какую ложь мне...

– Смотри. – Казалось, слово забрало все её силы, в конце совсем стихнув. На миг показалось, будто тени потекли, двинулись в одном направлении. В направлении одинокой чахлой ивы, растущей возле ручья в паре сотен ярдов от той стороны, куда направлялась Кара. Хотя я её нигде не видел – девчонка скрылась из вида.

– Но там же только тролли спят. – Хакон не был дураком, да и не хватило бы одной дурости, чтобы сунуться к троллю.

Ответа уже не было, но я припомнил, как давным-давно Аслауг сказала, пригнувшись ко мне, поднеся губы к моему уху, пока солнце корчилось в агонии:

– Ты удивишься, узнав, что я могу соткать из тени. – Я подумал, не собирается ли она и сегодня что-нибудь выткать. Может, какой-нибудь обман? Холста лучше чёрной шкуры тролля, ей не сыскать... Меня охватило чувство нетерпения. Похоже, хулиганская затея пришлась Аслауг по душе.

Я выпрямился. Хакон уже проходил мимо последних своих людей, помедлив, чтобы перекинуться шуткой. Моё сердце быстро стучало, и я поспешил ему наперерез, изо всех сил стараясь не показывать, что я спешу. Это было довольно сложно. Вряд ли мне удалось. Я нагнал его прямо за лагерем.

– Да? – Хакон отстранённо посмотрел на меня. По поводу инцидента в "Трёх Топорах" он ни разу не упрекал меня в злом умысле, и даже не показывал, что тот вообще имел место, но я не сомневался: он что-то подозревал. Даже сейчас, когда Кара ждала его, Хакон не расслабился настолько, чтобы позлорадствовать, а пристально смотрел на меня с подозрением – видимо, пуганая ворона куста боится.

– Просто пришёл вас поздравить. Побеждает сильнейший, и всё такое, трофеи победителю. Она ждёт вас вон там. – Я махнул рукой в сторону ивы. Произнося эти слова, я чувствовал, как Аслауг их повторяет, оборачивая каждый слог тёмной роскошью своего голоса. Казалось, будто она стоит к нему ближе, чем я, и последнее слово она словно прошептала прямо ему на ухо.

Ни миг Хакон нахмурился.

– У вас, принц, очень странные понятия о том, что игра, а что нет. И ни одного человека нельзя считать трофеем. – На миг я подумал, что он собирается меня ударить, но он просто пошёл в сторону ивы, больше на меня не взглянув.

***

– Отличный вечерок для прогулки! – Снорри поднял свою сумку. Датчане купили нам одежду, снаряжение и провизию в последнем городе, который мы проезжали. На мои деньги, разумеется. – Пересечём Геллет и окажемся в Роне, оглянуться не успеешь. Ял обожает Рону, Тутт, просто обожает.

Хеннан весело посмотрел со своей постели.

– Там хорошо?

– Если какую страну и надо захватить, так это Рону. – Я сплюнул мошку, а то и двух, решивших покончить жизнь самоубийством у меня во рту – наступал вечер, и поднималась мошкара. Снорри выглядел необъяснимо весёлым. По крайней мере, Туттугу взглянул на меня с некоторым сочувствием.

– Не беспокоишься о безопасности нашей вёльвы? Она там совсем одна, да и ночь наступает? – Уколол я Снорри, чтобы он разделил со мной моё несчастье.

Снорри стрельнул в меня взглядом исподлобья.

– Вряд ли она одна, Ял. И это твари в темноте должны бояться вёльвы, а не наоборот.

Юный Хеннан смотрел на нас из-под своего одеяла, так и не потрудившись подняться. Он переводил взгляд, словно оценивал нас и решал, чей путь выбрать.

Где-то в сгущающемся мраке вечернюю тишину пронзил вопль.

– Я умываю руки, – сказал я, разводя руками. Снорри уже пробежал мимо меня с топором в руке, и Туттугу за ним следом. Я, со

своей стороны, туда не рвался. В ночи полно всяких ужасов. И к тому же звук доносился со стороны ивы. Хеннан хотел было отправиться за ними, но я выставил ногу на его пути:

– Лучше не надо.

С трудом представляю себе ту сцену, но могу заключить лишь, что Аслауг хорошо соткала тени. Действительно отлично, если уж ей удалось заставить лежащую троллиху выглядеть как манящий силуэт Кары. Так и не стало до конца ясным, как именно лорд Хакон оскорбил троллиху, но, похоже, его заигрывания оказались довольно грубыми, поскольку из-за них та воткнула внушительную ивовую ветку в одно из его отверстий. Опять же, деталей нам так и не раскрыли, но достаточно сказать, что эскорт покинул нас на этом лугу, и Хакон не ехал, а очень осторожно шёл.

В поднявшейся сразу за инцидентом суматохе я улучил возможность предложить Горготу повести свой народ на запад, а не ждать, пока гнев датчан достигнет точки кипения. Горгот совет принял, и я отправился с ними, не услышав, таким образом, всех тех слов, которыми Хакон мог меня назвать, и, разумеется, мне не пришлось сдерживать при этом усмешку.

СЕМНАДЦАТЬ

Снорри и остальные догнали нас на каком-то заброшенном геллетском холме, заросшем кустарником и залитом лунным светом. Не знаю, как именно им удалось отследить наш путь в темноте – я-то ожидал, что они нагонят нас днём. Старые узы, которые раньше связывали нас с северянином, по-прежнему вызывали чувство дискомфорта и давали общее представление о направлении, когда мы оказывались в паре миль друг от друга, но вряд ли этого было достаточно, чтобы найти путь ночью по пересечённой местности.

– Это ты сделал! – Первое, что сказал мне Снорри.

– Да, я действительно увёл Горгота и его интересных друзей от потенциально жестокого столкновения. – Снорри снова открыл рот, на этот раз так широко, что явно собирался заорать. Но я остановил его поднятой рукой. – Не надо меня благодарить. Красная Королева приучает принцев своей семьи сохранять хладнокровие во время кризиса.

– Я только хочу узнать, как ты это сделал! – Туттугу протолкнулся мимо Снорри. В его густой бороде мелькнула ухмылка. – Судя по виду, бедный Хакон ещё не скоро сможет сидеть в седле.

От вида лица Кары в свете орихалка смех застрял в моём горле. Она явно не замечала забавную сторону этого дела, и, судя по её убийственным взглядам, мне будет безопаснее спать с троллями.

Горгот во главе колонны отдал какую-то тихую команду, и его подданные снова отправились в путь. Порадовавшись этому предлогу, я повернулся спиной к Каре, поправил сумку и пошёл. Я уже обращался к Горготу с просьбой выделить тролля, чтобы нести мои вещи, но он отделался на этот счёт каким-то странным замечанием, словно считал, что таскать багаж принца Красной Марки ниже достоинства тролля. Думаю, подобное безумие случается, если проводишь жизнь в тёмной пещере. Как бы то ни было, в итоге он оправдал их тем, что они сожрали бы мои припасы, а потом и сумку, и мой запасной плащ.

Я пожаловался на это Снорри, но тот лишь рассмеялся.

– Ял, человеку полезно носить по миру свои пожитки. Это и тебя немного закалит.

Я покачал головой.

– Похоже, концепция аристократии заканчивается к северу от Анкрата. Вон тот, – я кивнул в сторону головы колонны, – наверное, не преклонил бы колена, даже если бы выбрали нового императора, и тот нанёс бы ему визит. Это напоминает мне одного нищего в Вермильоне. Его звали Нервный Джек, или по крайней мере так звал его Баррас Йон... Как бы то ни было, он обитал на Шёлковой улице, за оперой. Сидел там с оловянной кружкой, демонстрируя обрубки своих ног и требуя денег у честного народа, проходившего мимо. Я и сам ему пару монет бросил. Наверное. Баррас сказал мне, что видел, как этот человек высыпал содержимое кружки на тряпку, аккуратно стараясь не прикоснуться ни к одной монетке, и тщательно протирали каждую. Баррас сказал, что бросил ему как-то раз серебряную крону, просто чтобы посмотреть, как тот её поймает. Старина Нервный Джек дал монете упасть, поднял своей тряпкой и дочиста вытер. Серебро сына вьенского посла было для него недостаточно хорошо.

Снорри пожал плечами.

– Говорят, все деньги грязные, так или иначе. Похоже, этот Джек всё верно понимал. Мы направляемся во Флоренцию, так что довольно скоро и сами это узнаем.

– Хм... – Неопределённым звуком я решил скрыть тот факт, что собираюсь идти не дальше Вермильона.

– Все деньги империи текут во Флоренцию, немного задерживаются в хранилищах каких-нибудь флорентийских банкиров, и снова утекают. Не знаю почему, но если деньги действительно грязные, тогда Флоренция, наверное, самый грязный уголок во всей Разрушенной Империи.

Я хотел было обучить Снорри тонкостям банковского дела, а потом понял, что понятия не имею, в чём они заключаются, хоть и провёл отчаянно жуткий год в Матеме в Хамаде – это ещё одна мука, которую взваливает на принцев Красной Марки безжалостная старая ведьма, утверждающая, что она наша бабушка.

И так мы брели дальше. Тролли, видимо, не скучали по датчанам и по их факелам – по датчанам я и сам не скучал, но мне больше нравилось видеть, куда мы идём. Кара отдала орихалк Снорри, так

что лодыжки мы бы себе не переломали, но даже в его руках свет производил на темноту и на пустоту вокруг нас не сильное впечатление.

***

Спустя много миль по лесистым возвышенностям, вокруг деревень с лающими собаками и изгородями, по замысловатым долинам – мы в предрассветный час остановились в уединённой лощине.

Я подошёл к Каре сказать какую-нибудь любезность, но – поразительно! – она, похоже, до сих пор таила на меня обиду, и повернулась ко мне так резко, что я отпрянул.

– И что именно ты сделал Хакону? – потребовала она объяснений. Вот так просто, не кружа вокруг да около, никаких намёков. Крайне тревожно.

– Я? – Попробовал я изобразить оскорблённую невинность.

– Ты! Он сказал, что это ты сообщил ему, где я.

– А ты не хотела, чтобы он узнал? – Должно быть, в эту фразу просочилось немного горечи.

Надо было мне отойти на пару шагов. От ответа её руки, попавшей мне по щеке, дюжина троллей зашипела, вскинув когтистые лапы для удара.

– Ай. – Я прикоснулся пальцами к ноющему лицу и почувствовал кровь.

Проницательность – это добрая половина... чего-то. Как бы то ни было, я отошёл подальше и расстелил постель на дальней стороне лагеря, бормоча что-то про анти-ведьмовские законы, которые приму, когда стану королём. Улёгся и сердито уставился в небо, даже не порадовавшись тому, что не идёт дождь. Я лежал с медным привкусом во рту и думал, что долго не засну. Я ошибался. Сон окутал меня мгновенно.

***

Сон тянул меня вниз, и я продолжал падать, в сновидение без дна. Я падал через ткань воображения в пустое пространство, которое есть внутри всех нас. На самом краю какой-то более крупной пустоты я умудрился ухватиться за что-то – за мысль о том, какая жуткая вещь ждёт меня внизу этого бесконечного обрыва, и что я ещё могу его избежать. Я вцепился в эту мысль, качался на ней, держась одной рукой. А потом я вспомнил иголку, которую Кара воткнула мне в ладонь, и кровь, блестевшую на ней. Я вспомнил вкус крови на иголке, прижатой к моему языку, вспомнил окутавшее меня заклинание вёльвы, и тот вкус снова заполнил мой рот. Боль в старой ране снова пронзила мою ладонь, и была свежей, как в миг, когда пришла впервые. С отчаянным воплем я разжал руку и снова упал в воспоминания – и на этот раз они были моими собственными.

***

– Попросим Фуэллу нанести мазь на этот порез. – Женский голос, голос моей матери.

Я чувствую кровь. Мою кровь. Рот всё ещё болит в том месте, куда попал лоб Мартуса. В наших шуточных поединках Мартус не делает скидок на мой возраст. В свои одиннадцать он с радостью собьёт с ног меня или любого другого семилетку, и объявит это великой победой. Моему среднему брату Дарину всего девять, но он куда любезнее, не многим сильнее, чем я, и использует меня в качестве отвлекающего маневра, когда подкрадывается к нашему старшему брату.

– Ялли, я же говорила тебе не ввязываться в их драки, они слишком грубые. – Моя рука в её руке, и она ведёт меня по Длинной галерее – по хребту Римского Зала.

– Ох, – говорит она и, меня направление, утаскивает меня назад по галерее.

Я стараюсь освободиться от забот мальчика – от боли в его распухшей губе; от ярости на Мартуса за то, что тот снова победил; от жаркой уверенности, что в следующей битве он одержит верх.

***

Приходится постараться, чтобы отделить мои мысли от мыслей мальчика, но это приносит мне значительное облегчение. На миг я даже подумал, что попал в сознание какого-то другого ребёнка, поскольку в нём не было ничего знакомого или удобного: этот парень не чувствовал ни осторожности, ни страха, ни лжи. Только воспалённое чувство несправедливости и яростная жажда броситься в драку. Это совсем не я. Этот парень мог бы вырасти в Снорри!

Мать уходит из галереи и ведёт меня по западному коридору. Римский Зал, наш дом в здании Алого Дворца – кажется годы, которые изменили меня до самого основания, его совсем не тронули.

Я вытираю рот, точнее мальчик вытирает, и на его руке остаётся кровь. Это не моё действие – я делю с ним его зрение и его боль, но понятия не имею, что он сделает. Это кажется разумным, если не честным, поскольку эти события происходили пятнадцать лет назад, и технически я уже свою волю в этом вопросе применил.

На самом деле по мере того, как события разворачиваются передо мной, я их вспоминаю. Впервые за долгое время я по-настоящему вспоминаю длинные тёмные волосы матери, ощущение своей ладони в её руке, и что именно означало для меня то чувство в семь лет... какая это была неразрывная связь доверия – моя маленькая ладонь в её большой ладони, якорь в море неразберихи и неожиданностей.

Нам кажется, что мы не растём. Но это потому, что рост происходит так медленно, что он для нас незаметен. Я знал стариков, которые говорили, будто бы внутри чувствуют себя двадцатилетними, или что тот мальчишка, который когда-то с

безрассудством юности носился сломя голову, до сих пор живёт в них, связанный лишь старыми костями да ожиданиями. Но когда оказываешься в голове самого себя в детском возрасте, понимаешь, что всё это сказки, самообман. Ребёнок в Вермильонском дворце, который носит моё имя, видит мир теми же глазами, что и я, но отмечает другие вещи, выбирает другие возможности и приходит к другим выводам. У нас мало общего, у этого Ялана Кендета со мной. Мы разделены целым морем лет. Он живёт более полно, его не гнетёт опыт, его не изуродовал цинизм. Его мир больше, чем мой, хотя он почти не покидал стен дворца, а я уже добирался до краёв земли.

Мы поворачиваем из западного коридора, проходим мимо комплекта доспехов, который напоминает мне о битве за Цитадель Амерот, а Ялли он напоминает жука-оленья, которого он нашёл два дня назад за конюшнями посыльных.

– Куда мы идём? – Разум мальчика так сильно занят дракой, в которой лоб Мартуса ударил Ялли по лицу... мне по лицу... что он до сих пор не заметил, что мы направляемся не в детскую комнату, вовсе не к Фуэлле с её мазями.

– Во дворец, Ялли. Здорово, правда? – В её голосе слышны хрупкие нотки, весёлость пробилась через что-то настолько неловко, что даже ребёнку сложно это не заметить.

– Зачем?

– Твоя бабушка просила нас зайти.

– И меня тоже? – От этих слов его пронзает беспокойство, словно страх проводит холодным пальцем по спине.

– Да.

Я никогда не слышал, чтобы моя бабушка просила. Мальчик, чьи мысли я ощущаю как поток детского шёпота, журчащий позади моего, думает, что возможно у взрослых слух лучше, чем у детей, и когда он вырастет, то сможет тоже расслышать призыв бабушки через многие акры дворцовых строений, через десятки дверей и множество высоких стен. Мои же мысли возвращаются к первым мгновениям этого сна, к тому "ох", к рывку материнской руки, к внезапной смене направления. Неужели в тот миг она неожиданно вспомнила, что королева Красной Марки желает её видеть? Такое просто так не забудешь. А может, думаю я, она услышала тихий призыв из тех, какие взрослые обычно не замечают? Я знаю, что у

моей бабушки есть сестра, которая, пожалуй, может осуществить такой призыв, но всё равно, наверное, только определённый человек способен его услышать.

Привратники Рапло и Альфонс выпускают нас в парадный вход Римского Зала. Рапло подмигивает мне. Сейчас я кристально ясно помню, как его кожа морщится вокруг зелёного глаза. Пять лет спустя он умер – говорят, подавился косточкой куропатки. Для пожилого человека глупый способ окончить долгую жизнь.

Во дворе слепит солнце, отражающееся от бледных плит мостовой, жара обволакивает – лето в Красной Марке золотое и бесконечное. Я прислушиваюсь к шуму мыслей мальчика, удивляясь, как сильно его желания на это время года отличаются от моих. Он видит исследования, драки, открытия и проказы. С моей точки зрения это время праздности, дремоты под оливковыми деревьями, разбавленное вино и ожидание ночи. Ожидание того, как я буду разбрасываться серебром на жарких тёмных улицах Вермильона, перемещаясь из одной заводи света и декаданса к другой. Бойцовские ямы, бордели, заведения для игры в карты и любые организации, готовые меня принять, как и толпы других людей достаточно высокого ранга, и благородных дамочек широких взглядов.

Мы идём по площади под бдительными взглядами часовых Марсельской башни. Стражники также смотрят и с башенок Миланского дома – каменного флигеля, в роскоши которого обитает наследник, ожидая смерти бабушки. Дядя Гертет редко покидает Миланский дом, а когда такое случается, в свете солнца он кажется таким же старым, как Красная Королева, только не таким здоровым.

Жара охватывает мальчика, а я в ней купаюсь, вспоминая, каково это, быть по-настоящему согретым. Моя рука в ладони матери потеет, но ни я, ни мальчик не желаем её выпускать. Я узнаю её заново, свою потерянную мать с кожей цвета чая и с талантом слышать тихие голоса. Сейчас я, возможно, старше, и годы сильно изменили мальчика, который идёт за ней, но я не собираюсь её отпускать.

Ялли думает о слепой на один глаз женщине, и о её прикосновении, от которого он лишился чувств и надолго остался в темноте. Страх, который она в него вселяет, похож на грязь чистой весной. Это неправильно и злит меня. Такую ярость я не чувствовал уже давно – возможно, с тех пор, как мог взяться за руку матери. На нас падает тень Внутреннего дворца, и я понимаю, что совершенно

забыл этот визит, который сейчас разворачивается передо мной. В истории, которую я сам так часто рассказывал, после представления Красной Королеве в возрасте пяти лет, я её не видел до тринадцати, когда снова предстал перед ней. Это было официальное представление на праздник сатурналий. Мои братья и кузены шептались по краям огромного зала, а Мартус искал с кем поспорить о том, что я снова вырублюсь.

Мы прошли мимо фасада Внутреннего Дворца и идём дальше.

– Бабушка живёт *там...* – Ялли указывает назад, на золотые ворота дворца Красной Королевы.

– Мы встретимся с ней в Юлианском дворце.

Это здание возвышается перед нами на широкой площади, посвящённой многочисленным победам нашего народа. Все называют его Бедным дворцом. Безумное число лет назад там жили короли, а потом кто-то, чьё имя я забыл, решил, что дворец для него недостаточно хорош, и построил над своим тронном крышу получше. Так что теперь там ютятся обнищавшие аристократы, которые отдали себя на милость Красной Марки. Лорды, узнавшие, почём фунт лиха, и слишком старые, чтобы восстановить своё богатство; генералы, которые одряхлели, отправляя в землю молодых; и даже герцог, погрязший в игорных долгах – вот уж точно поучительная история.

Мы поднимаемся по лестнице к огромным дверям. Мать терпеливо ждёт, пока Ялли с трудом взбирается по ступенькам, поскольку его ноги – мои ноги – немного короче, чем нужно для таких лестниц, хотя по большей части задерживает его неохота. Сами двери поднимаются в тёмную высь под портиком – это громадные палисандровые плиты, инкрустированные медным узором, изображающим долгий марш наших людей с востока, чтобы заявить свои права на обетованные земли после того, как отступили тени тысячи солнц. Красный марш^[11], давший название нашему королевству.

Два стражника в блестящих доспехах, с замысловатыми алебардами, лезвия которых направлены ввысь, делают вид, что не замечают нас, хотя мать замужем за сыном королевы. Это личная стража бабушки, которая не склонна оказывать знаки почтения кому-либо, кроме неё. А ещё это знак, что бабушка, наверное, действительно ожидает нас в Бедном Дворце.

При нашем приближении левая створка бесшумно открывается, ровно настолько, чтобы мы проскользнули внутрь – словно недовольно признавая наше право войти. Внутри мы останавливаемся, ослеплённые после яркого дневного солнца сравнительным мраком приёмного зала. Когда моё зрение проясняется, я вижу старика в дальнем конце фойе – согбенного, но очень высокого. Он шаркает в нашу сторону от ряда церковных свечей у противоположной стены. Его китель расстёгнут и посерел от множества стирок, а щетина бороды белеет на тёмно-красной коже. Он выглядит неуверенно.

– Уходи, Улламер. – Юная женщина, возможно сиделка, выходит из дальней двери и уводит старика с глаз долой. Он поворачивается, и становится виден бледный шрам от переносицы до уголка рта, настолько широкий, что я могу разглядеть его даже с такого расстояния.

Мать поворачивает от прохода мраморных колонн, от блеска мозаичного пола и выбирает маленькую неохраемую арку, ведущую на узкую спиральную лестницу. От подъёма по ступеням моя голова начинает кружиться. Ялли считает их, чтобы справиться со страхом, но среди чисел всплывает бесцветное лицо Молчаливой Сестры. Из-за него я ненавижу её с такой силой, какой никогда не испытывал из-за себя.

– Сто семь! – И мы на месте: маленькая площадка, тяжёлая дубовая дверь, узкое окно, в которое видно только небо. Я знаю, что это комната в башне западного шпиля – одного из двух, что высятся, словно копья, над входом в Бедный Дворец. Это скорее умозаключение, чем опыт, поскольку по этим ступеням я ни разу не поднимался – или по крайней мере думал, что не поднимался, до этого воспоминания.

– Ялан, подожди здесь. – Мама указывает мне на один из двух стульев возле входа. Я слишком нервничаю, чтобы возражать, взбираюсь на сидение, и дверь открывается. Как и большие ворота, эта дверь лишь немного приоткрывается – похоже, в королевских кругах мало какие двери распахиваются широко – а за этой видны угловатые черты Нанны Уиллоу. Мама проскальзывает внутрь, и старуха закрывает за ней дверь, бросив на меня суровый взгляд в уменьшающуюся щель. *Щёлк*, и я один на площадке.

Я говорил, что у нас с мальчиком ничего общего, кроме имени...

но он довольно скоро слезает со стула и прижимается ухом к двери. Я сейчас, наверное, действовал бы медленнее, больше боялся, что меня застукают, но всё равно, тоже бы послушал!

– ... зачем заставлять меня приводить Ялана? Вы же знаете, как плохо он отреагировал, когда...

– Это было... неудачно. Но его надо снова проверить. – Старый голос, глубже и суровей, чем у Нанны Уиллоу, но всё равно женский. Значит, моей бабушки.

– Зачем? – Спрашивает мать. Пауза: должно быть, она опомнилась. – Ваше высочество, зачем его проверять?

– Ниа, я тащила тебя из Индуса не для того, чтобы ты меня допрашивала. Я торговалась с твоим вздорным раджой, чтобы составить партию моему дурачку-сыну в надежде, что если скрестить волчицу с ослом из Красной Марки, признаки моего рода снова проявятся в третьем поколении.

– Но ваше высочество, вы же его проверяли. В нём нет того, на что вы надеялись. Он чувствительный мальчик, и ему потребовалось так много времени на восстановление... Неужели и правда необходимо...

– Синяя Госпожа считает его достаточно важным, чтобы отправить ассасинов. Возможно, она видела в своих кристаллах и зеркалах то, что моя сестра упустила в своих изысканиях.

– Ассасинов?

– Пока троих, двоих в этом месяце. Моя сестра видела их приближение, и их остановили. Хотя цена была немалой. На Синюю Госпожу работают опасные люди.

– Но...

– Это долгая игра, Ниа. Будущее горит, и те, кто могут нас спасти – дети, или ещё не родились. Во многих вариантах будущего ключ – Анкраты. Либо император появляется в их роду, либо получает трон из-за деяний этого дома. Анкраты несут с собой перемены, и перемены нужны. Присягнувшие будущему согласны, что нужны два Анкрата, работающие вместе. Остальное сложнее разглядеть.

– Я ничего не знаю об Анкрате. И мой сын – не какая-то пешка

на вашей игровой доске! – Проявляется гнев матери. Если Красная Королева и пугает её, она этого не показывает. Она дочь короля. По ночам она поёт мне песни своей родины, о мраморных дворцах, украшенных драгоценными камнями, где расхаживают павлины, а перед воротами лежат тигры, и стоит аромат пряностей. – Ялан вам не игрушка, а я не племенная кобыла, которую вы купили на рынке. Мой отец...

– Ты именно племенная кобыла, моя дорогая. Твой монарший отец продал тебя на запад. Раджа Варма взял мои рубины и серебро, а не заплатил приданое золотом по твоему весу какому-нибудь местному сатрапу, как поступил бы, не заметив в тебе то, что так ценно для меня. И я заплатила эту цену, поскольку во многих вариантах будущего твой ребёнок стоит по правую руку императора, разоряя его врагов и восстанавливая его на троне.

– Вы... – Я убираю ухо от толстой двери, и от остальной части фразы могу разобрать лишь сердитый, но смутный отказ. Какой-то холодный ужас заставил меня прекратить подслушивать. А теперь этот ужас разворачивает меня в сторону арки и лестницы за ней – словно мне на шею легла рука с ледяными пальцами.

Она стоит на верхней ступени: тощая как кость, бледная как кость, мертвенная кожа вокруг рта сморщилась в некое подобие жуткой улыбки. Сложно сказать, какого цвета у неё глаза, только один из них слепой, а второй – словно омут. Брызги солнца играют на полу, на стене, на стульях, но арка, где она стоит, так глубоко в тени, что почти кажется игрой света.

Я бегу. В этом мы с мальчиком единомышленны. Один быстрый удар, и стул скользит по плитам пола. Я мчусь за ним, а когда стул останавливается, я уже поднимаюсь на него и взбираюсь. Страх меня подгоняет, шаг – и я на сидении, другой – и я на спинке, а когда стул падает, я бросаюсь в сторону окна. В западном шпиле я раньше не бывал, зато бывал в восточном. Юный Ялан решает, что они одинаковые. Я молюсь об этом.

Пока рос, я научился многого бояться. Почти всего, наверное. Но высота до сих пор вызывает во мне трепет. Пролетев в окно, я цепляюсь за камни, ноги ищут карниз, который должен быть внизу чуть левее. Мальчик, не глядя, съезжает ниже, и край окна проскальзывает под его ладонями. Мы стоим, прижавшись к внешней стене, подоконник над нашей головой, руки широко раскинуты и

прижаты к камням, нас держит лишь трёхдюймовый карниз.

Мало-помалу я заворачиваю за горгулью – близнеца уродливого демона, наблюдающего за королевством с восточного шпиля, прямо под самым верхним окном. На обоих шпилях по нисходящей спирали установлено несколько таких демонов, все одинаковой формы, но разные, как люди, и у каждого есть двойник в соответствующей точке на другом шпиле. Их лица я знаю лучше, чем лица своих немногочисленных кузенов. Мои пальцы дрожат, но это дрожь от страха перед слепой на один глаз женщиной, а не перед обрывом подо мной.

С карниза я падаю на горгулью, соскальзываю мимо рогов и шипов, дотягиваюсь до карниза, по кругу добираюсь до следующей скульптуры, и снова падаю. Так я и обнаружил старика в башне – только тогда я карабкался вверх, и был почти на год моложе. Просто чудо, что я не умер.

Двоюродный дедушка Гариус живёт (или его держат) в восточном шпиле. Когда я впервые туда взобрался, я был ещё слишком мал, чтобы осознавать опасность. И к тому же шпили были просто созданы для того, чтобы по ним взбираться. Мало в империи найдётся башен с таким количеством опор для рук и ног, с таким множеством украшений, размещённых на удобных интервалах. Выглядело как приглашение. И даже в самые ранние годы я был одержим побегом. Стоило только охранникам и нянькам Римского Зала отвернуться от меня больше чем на секунду, как я сбегал, прятался, карабкался, изучая все входы и выходы. Любое окно на высоте меня привлекало. Кроме одного на западном шпиле – то всегда выглядело как распахнутая пасть, только и ждущая, когда я в неё залезу.

Я добираюсь до крыши дворца и мчусь вверх по черепичному уклону, через насечку на гребне, и вниз, к восточному шпилю. Тёмные плитки обжигают горячие и жгут ладони. Я пытаюсь не прикасаться к ним руками и ногами и съезжаю на заднице, чувствуя жар даже сквозь штаны. Потные ладони не могут удержаться за плитки. Я скольжу быстрее, ударяясь по ним спиной, схватиться не за что. Неверно рассчитанное усилие вместо того, чтобы замедлить, поворачивает меня вбок, и спустя миг я уже кувыркаюсь, качусь по крыше в сторону обрыва. Руки молотят, мир расплывается, я кричу.

Бум. Что-то жёсткое остановило моё падение, одним болезненным ударом забрав всю инерцию, приданную мне склоном. Удар обернул меня вокруг неподвижного предмета, остановившего падение, и теперь я лежал и стонал. Почему-то я запутался в старом одеяле – в мокром старом одеяле – и, похоже, шёл дождь.

– Ял! – Крик мужчины.

– Ял! – Другой мужчина, ближе.

Я застонал чуть громче, хоть и не намного. Мои лёгкие ещё не наполнились после того, как из них столь грубо выбило воздух. Спустя несколько секунд меня нашли руки, стащив одеяло с моего лица. Оказалось, что я смотрю на лицо Снорри, обрамлённое мокрыми чёрными волосами. Со всех сторон стояли деревья – пугающе высокие и отчётливые на фоне серого неба, которое казалось слишком ярким.

– Чт.., – выговорил я. Этого кажется достаточно, чтобы выразить мои чувства.

– Тролли тебя уронили. – В поле зрения появилась голова Туттугу, закрывая небо. Мокрые рыжие волосы свисали вокруг озабоченного лица. – Повезло, что ты попал в дерево.

Меня озадачило это новое определение слова "повезло".

– Я упал с крыши? – На самом деле я всё ещё слабо понимал, о чём идёт речь. Туттугу выглядел сбитым с толку. – Ты сбросил вес, – сказал я ему. Может, к делу это и не относилось, но уж точно было правдой – дорожные трудности помогли ему сбросить несколько фунтов.

Викинги переглянулись.

– Поднимаем его, – сказал Снорри.

С явным недостатком нежности они оттащили меня от дерева. Это было высокое хвойное дерево с редкими ветвями – другие такие же усеивали склон. Снорри поднял меня на ноги, и охнул, выпрямившись, словно это причинило ему боль. Он положил мою руку себе на плечи и помог мне подниматься на гребень футах в

пятидесяти над нами. Там стояла колонна чёрных троллей, с Горготом впереди. Кара стояла в конце, куда Снорри меня и направил. Похоже, был уже поздний вечер, и тени сгущались к ночи. Когда мы подошли ближе, из-за спины тролля выглянул Хеннан. Похоже, твари неплохо с ним ладили. Раньше я и не обращал внимания, что, хотя в нашей весёленькой компании были и тролли и троллихи, детей я среди них не видел.

Начавшийся холодный дождь прочистил мне голову, и я вспомнил пощёчину, которую отвесила мне Кара. К тому времени, как мы до неё добрались, я чувствовал себя совершенно истощённым.

– Что случилось? – Спросил я, адресуя вопрос любому, кто слушал.

– Попал на кочку и вывалился. – Туттугу указал на нечто, похожее на грубо сделанную волокушу, лежавшую на тропе.

– Что-то не вижу никаких кочек, – сказал Снорри. – Тролли тащили тебя четыре дня. Возможно подумали, что если выбросят тебя, никто и не заметит.

Кара подошла ко мне и принялась через рубашку сжимать части моего тела. Все они болели.

– Ты в порядке, – сказала она и протерла тряпкой, пахнущей лимонами, ссадину на моей щеке. Вид у неё при этом был слегка извиняющийся.

– Ааай! – Я попытался оттолкнуть её руку, но она оказалась настойчивой. – Мне снова снился сон. Чёрт, вёльва, что за заклинание ты на меня наложила?

Кара нахмурилась и убрала свою тряпку, спрятав её в маленький кожаный мешочек.

– Это довольно простое заклятье. Никогда не видела, чтобы оно оказывало на кого-либо такой эффект. Я... я не знаю. – Она нахмурилась сильнее и тряхнула головой. – Думаю, Молчаливая Сестра не просто так выбрала тебя в напарники Снорри для своей магии. Наверное, в тебе есть родство к ней, или восприимчивость. Могу ночью проверить...

– Можешь держать свой орихалк от меня подальше, вот что ты можешь. – Я плюхнулся на кучу папоротника, прикрывавшего плетёнку из полос коры, которые соединяли шесты волокуши. –

Ведьмы у меня уже в печёнках. Северные, южные, молодые, старые, мне плевать. С меня хватит. – Я откинул голову назад, сплюнув дождь. – Поехали!

Я увидел крошечную невольную улыбку на губах Кары, а тролли, к моему удивлению, взялись за шесты и потащили меня, когда вся колонна тронулась в путь.

Несколько минут я лежал, закрыв глаза, стараясь снова вернуться в тот сон. В воздухе витало слово "ассасин" – возможно, ключ взял у меня это воспоминание и отпер что-то несбывшееся, а может соболезнования Тэпрута по поводу моей матери основывались на слухах о трёх убийцах, которых остановила Красная Королева. Но сны, как и сонное состояние, ускользают, когда за ними гоняешься, и подкрадываются, когда их не ждёшь. Некоторое время спустя капавший мне на лицо дождь стал раздражать, и я сел, стерев капли рукавом.

– Четыре дня? – Я перевёл взгляд со Снорри на Туттугу, топавших среди троллей. – Как же я не обгадил сво... – Глянув вниз, я обнаружил, что на мне нет моих старых брюк, а вместо них что-то вроде грубого килта. – А-а.

– Есть хочешь? – Снорри вытащил полоски сушёного мяса и протянул их мне.

Я потёр живот.

– Не это. – Но всё равно взял их и начал жевать, тут же обнаружив, что слова "хочу есть" не в силах описать мой голод. Чтобы прожевать сушёное мясо, жевать пришлось долго, так что на некоторое время я был занят. Я называю его мясом, а не говядиной, свининой или олениной, потому что по мясу, напичканному специями от порчи, уже совершенно невозможно определить, какое животное погибло, чтобы его полоска попала тебе в руку. Возможно, осёл. На вкус похоже на кожу, которую несколько жарких недель носили на ногах в качестве обуви. И по структуре тоже. – Ещё есть?

***

– Так где мы?

Всю ночь я притворялся слабым и планировал притворяться, пока тролли будут меня тащить. Волокушу не назовёшь королевским экипажем, но это лучше, чем идти пешком. Но сейчас, с рассветом, когда тролли разбрелись по лесу на охоту, а Снорри повесил на ветках непромокаемую ткань, которая частично спасала от непогоды, я начал больше интересоваться происходящим.

– Центральный Геллет. – Кара села на корточки рядом со мной. Поблизости на бревне сидел Туттугу и поддерживал небольшой костерок, над которым в котелке, висевшем на железном треножнике, кипела похлёбка. – Если верить Горготу, можно пройти из одного конца страны в другой, не выходя из лесов. И это неплохо. На этих землях сейчас беспорядки, повсюду мародёрствуют армейские отряды, дерутся рекруты, призванные десятками разных аристократов. У горы Хонас было какое-то бедствие – говорят, герцог умер, и вся его армия сгорела...

– Гора Хонас? – Никогда о такой не слышал. Но знал, что герцог мой родственник, хотя и дальний. – Сгорела, говоришь? Чертовски глупо с его стороны лезть в вулкан!

– Это не вулкан. На этой горе был построен его замок. Какое-то древнее оружие взорвало всю гору. Огромные площади леса к северу испепелены, и на многие мили от них умирают деревья. Пока ты спал, мы два дня шли среди мёртвых деревьев. Горгот сказал, это работа Йорга Анкрата.

– Боже. – Я вспомнил, как королева Сарет подговаривала меня вызвать мелкого ублюдка на дуэль. Только он был не таким уж мелким: шестифутовый убийца, холодный как камень, в свои четырнадцать выглядящий на сорок. – Сколько осталось до Роны?

– Меньше недели. Город Дидорф меньше чем в десяти милях. Мы отлично продвигаемся.

– Хмм. – На самом деле меня не сильно волновало, где мы. Больше всего меня заботило, насколько далеко мы от цивилизации. Все мокрые леса очень похожи друг на друга – будь то лес, в котором обитают охотящиеся на трюфели тертанские крестьяне, геллетские углежоги, ронские дровосеки или очаровательно неотёсанные лесники Красной Марки. На мой взгляд, все они могли убираться ко всем чертям. – Это заклятье, которое ты на меня наложила...

– Заклинание, которое ты умолял меня наложить, – прервала Кара. – Да. Так что с ним?

– Я был близко. Очень близко. Прямо перед тем, как эти тролли попытались меня убить... – Я понизил голос и заговорил серьёзно. – Мне снились вещи, которых я не помнил, но помню теперь. И я подобрался близко к тому дню, когда она умерла. Летом, когда мне исполнилось восемь. Возможно, мне снился тот самый день. – Я взял руку Кары, она вздрогнула, но руку не вырвала. – Как мне туда вернуться? Мне нужно это закончить. – Не могу отрицать, в голову мне приходила и мысль, что я могу проспать всю дорогу через Геллет. А ещё лучше, если б я мог проспать ещё две недели, пока Снорри и Туттугу тащили бы меня через Рону, и не просыпаться, пока норсийцы не доставят меня к воротам Вермильона. Если повезёт, то пропущу всю экскурсию, словно кошмар, и никогда о ней не вспомню. Но к чёрту эти надежды – меня подгоняло желание узнать правду о смерти моей матери, необходимость покончить с ложью, которой меня заразил ключ Локи. Эта штука наложила на меня проклятие, и я не буду знать покоя, пока этот зуд – словно в расчёсанном волдыре – не прекратится.

Кара прикусила губу, между её бровей появились вертикальные морщины. От этого она выглядела намного моложе.

– Кровь запустит процесс.

Я поднял руку, останавливая её.

– Не надо меня снова колоть!

– Прикуси язык.

– Что?

– Прикуси язык.

Попытался, но нелегко намеренно причинить себе боль.

– Не моху прокуфить до крофи, – сказал я, болезненно зажав зубами язык.

– Кусай! – Кара безнадежно покачала головой, а потом без предупреждения протянула руку и ударила меня по подбородку.

– Боже, как больно! – Я прижал руку ко рту, засунув пальцы внутрь, проверить, что язык всё ещё на месте. На пальцах осталась кровь, и мне ничего не оставалось, кроме как таращиться на них, пока

алый цвет заливал мой разум.

***

Какое-то время я не понимаю, где я, и почему болит рот. Я врезался ногами в восточный шпиль, и всё посерело. Рот болит, и когда я убираю от него руку, с пальцев капает алое. Наверное, я прикусил язык от удара – жёсткая остановка, но эта встреча намного мягче, чем устроила бы мне земля, свались я с крыши.

Необходимость убраться подальше от слепой на один глаз женщины куда более насущна, чем желание поплакать и постонать, так что я вытираю руки и поднимаюсь на ноги. Вспотевший, уставший, перегревшийся, я начинаю карабкаться к окну Гариуса. В последующие годы я чаще предпочитаю лестницу, особенно в неприятную погоду. Но даже за несколько месяцев до того, как я покинул город вместе со Снорри, если находилось время между подъёмом в полдень и выходом в Вермильон с моей бандой распутников в поисках грехов, я время от времени взбирался на шпиль. От старых привычек трудно отказаться, и в любом случае мне нравится держать себя в форме. Когда дама приглашает тебя из окна своей спальни, хорошо уметь взбираться.

Руки дрожат от усталости, порванная рубашка промокла от пота – я подтягиваюсь к окну площадки Гариуса. Иногда здесь дежурит служитель, но сегодня тут пусто, дверь в его покои приоткрыта. Я неловко пролезаю через окно, и это не остаётся незамеченным. Слышу кашель Гариуса, а затем:

– Юный принц или неумелый ассасин? В любом случае, покажись. – Голос заплетающийся, поначалу сложно разбирать слова, но я уже наловчился.

Я шагаю в узкую щель, сморщив нос от лёгкой вони. Здесь всегда чувствуется запах подкладного судна, хоть сквозняк его и ослабляет. Спустя годы я понял, что этот запах честнее ароматов парфюма при дворе. Ложь пахнет сладко – правда часто воняет.

Гариус сидит в своей постели, освещённый светом, падающим

через высокое окошко, перед ним на столе кувшин и кубок. Он поворачивает ко мне свою уродливую голову. Кажется, в неё набито слишком много мозгов – его череп похож на клубень, раздутый надо лбом, редкие волосы раскинулись на блестящих склонах.

– Надо же, принц Ялан! – Он изображает удивление. Гариус ни разу не возражал против того, что я взбираюсь в его башню, хотя для меня безопаснее было бы жонглировать скорпионами. Возможно, человек, который никогда не ходил, никогда не контролировал свои подъёмы и спуски, не понимает опасности падения всем своим нутром, как понимает любой, кто видит, как ребёнок висит на кончиках пальцев.

– Я убегаю, – провозглашает Ялли.

Гариус приподнимает бровь.

– Боюсь, мой принц, ты забежал в тупик.

– За мной гонится Красная Королева, – говорит Ялли, оглядываясь на дверь. Он почти ожидает увидеть мертвенно-бледное лицо слепой на один глаз женщины, смотрящей в щель.

– Хмм, – Гариус с трудом немного приподнимается на подушках – его руки слишком тонкие и скрюченные, потому дело это нелёгкое. – Подданный не должен убегать от своей королевы, Ялан. – Некоторое время он изучает меня своими широко раскрытыми водянистыми глазами с глубокими и успокаивающе карими зрачками. Проницательно смотрит на меня, словно видит сквозь ребёнка мужчину внутри. – И, может быть, ты слишком много убегал? А?

– Она заставила маму привести меня в другую башню. В ту, где живёт ведьма. Сказала, что позволит ей снова ко мне прикоснуться. – Ялли содрогается, и я вздрагиваю внутри него – мы оба вспоминаем, как рука Сестры ложится на нашу ладонь. Бумага и кости.

Обезображенный лоб Гариуса быстро хмурится, но тут же разглаживается. Улыбка возвращается на его губы.

– Это честь для меня, что ты ищешь убежища у меня, мой принц, но я всего лишь старик, прикованный к постели в Бедном Дворце. У меня нет права голоса в делах королевы или ведьм в башнях.

Ялли открывает рот, но не находит подходящих слов. Каким-то образом глубоко внутри его собственное мнение и ожидания от старика совершенно расходятся с фактами, которые прямо перед

глазами. В последующие годы, хоть я и наносил Гариусу визиты почти каждый месяц, та вера в него сменилась жалостью. И наконец к двадцати годам я стал считать свои посещения добротой, некоей тайной обязанностью, к которой меня принуждали последние остатки приличия. В конце я ходил потому, что от этих визитов начинал относиться к себе лучше. В начале дело было в самом Гариусе. Где-то посередине этого пути я перестал слушать то, что он говорил, и начал слушать свою гордость. Но всё равно, только в его присутствии, как сейчас, я чувствовал, что не занимаюсь самообманом. Когда я вырос, этот эффект стал проходить быстрее, так что в конце любые прозрения сменялись смутным дискомфортом прежде, чем я доходил по площади до Римского Зала. Но всё равно, наверное, именно эти мгновения ясности более всего прочего тянули меня сюда.

– Тебе следует вернуться, принц Ялан. Быть может, королева страшная пожилая леди, но она не позволит причинить вред своему внуку, не так ли? А Молчаливая Сестра... что ж, ни она, ни я не радуем глаз, так что не суди о наших сердцах по нашей шкуре. Она видит слишком много, и возможно, это искажает её понимание того, что видим мы с тобой, но у неё есть цель, и...

– Она хорошая? – Спрашивает Ялли. Я чувствовал, как этот вопрос формировался на его губах. Он знает, что она не хорошая, и хочет услышать, не солжёт ли Гариус.

– Что ж, дети задают самые сложные вопросы, не так ли? – Толстый язык смачивает губы. – Она лучше, чем её альтернатива. Есть ли в этом смысл? Слово "хороший" как слово "большой". Камень большой? Кто знает. Этот конкретный камень большой? Спроси муравья, спроси кита, получишь разные ответы, и оба будут правильными.

– А бабушка хорошая? – Шёпот. Ялли слишком мал для таких вопросов. Он слушает интонацию Гариуса, смотрит на его глаза.

– Твоя бабушка, Ялан, ведёт войну. Она сражается всю свою жизнь.

– Против кого? – Ялли не замечал никакой войны. Он видел, как солдаты тренируются и маршируют, видел парады по праздникам. Он знает, что Скоррон враг, но мы с ним больше не воюем...

– Тысячу лет назад Зодчие поставили всех нас на склон, Ялан. – Женский голос за моей спиной, старый, но сильный. – Мир по нему

катится к обрыву. Некоторым из нас так нравится эта гонка, что они не волнуются о том обрыве, или думают, будто на дне пропасти найдётся что-то и для них. Другие хотят отменить то, что изначально поставило нас на этот склон. Вот что это за война.

На миг я думаю о той горячей крыше, скользящей подо мной, о том, как я отчаянно хватался за плитки, как край нёсся ко мне, и том облегчении, которое испытал, когда мне удалось отклониться к восточному шпилю. Она всё это видела? А если она планирует, чтобы мы все упали? Не хочу её об этом спрашивать.

Я медленно поворачиваюсь. Дверной проём заполняет Красная Королева. На ней тёмно-алое платье, за плечами поднимаются костяные шпоры, на которых веером развёрнута ткань. На её груди ожерелье из чёрного янтаря в форме бриллиантов и прямоугольников. Она выглядит старой, но крепкой, словно скала, потрёпанная бесчисленными штормами. В её глазах нет доброты. Я вижу за её спиной поднимающуюся по лестнице маму, которая в сравнении с королевой кажется крошечной, а с ней Нанна Уиллоу.

– Пойдём, Ялан. – Зовёт меня бабушка, поворачиваясь, чтобы уйти. Она не протягивает мне руку.

– Попробуй прикосновение полегче, – говорит Гариус. Он кашляет, пытается подняться, потом машет рукой в сторону полки на противоположной стене. – Медная шкатулка.

Бабушка входит в комнату.

– Получится в лучшем случае очень приблизительно.

Я задыхаюсь, изумлённый, что Красная Королева позволяет старому калеке в Бедном Дворце так к себе обращаться.

– Этого будет достаточно, чтобы понять, нуждается ли мальчик в более пристальном изучении. – Гариус снова махает в сторону полки.

Бабушка отрывисто кивает, и Нанна Уиллоу спешит к шкатулке. Она маленькая, поместится в моей ладони. Ни замка, ни защёлки, и украшена узором с терниями.

– Только то, что внутри, – приказывает Гариус.

Нанна Уиллоу открывает шкатулку: "щёлк", – издаёт та довольный звук, когда крышка открывается. Нанна некоторое время стоит, не двигаясь, спиной к нам, а когда поворачивается, её глаза

блестят, словно она вот-вот заплачет. Возможно, её поразило какое-то воспоминание, одновременно горькое и приятное. Шкатулка в её руках открыта, изнутри разливается сияние, заметное в тени от её тела.

– Занавески, будь так любезна. – Гариус смотрит на мою мать, которая ещё сильнее удивлена, что королева принимает задания от этого незнакомца. Но, немного поколебавшись, она берёт длинную палку у полки и задёргивает тканью высокое окно. Комната погружается в полумрак. Нанна Уиллоу роняет содержимое шкатулки себе в руку, закрывает крышку и ставит её на полку. В её ладони какой-то кусочек серебра в форме цельного конуса с высеченными маленькими рунами. Вся эта штука светится, словно уголь в костре, только свет белый, а руны горят.

– Принцесса Ниа, не могли бы вы дать своему сыну поддержать орихалк? – просит Гариус. В переменчивом свете металлического конуса его лицо кажется чудовищным, но не хуже горгулий, помогавших мне карабкаться.

Мама берёт орихалк из рук Нанны Уиллоу, и сияние немедленно становится ярче, белее, но меняется, словно по нему идёт рябь. Она держит его на вытянутой руке, словно металл может взорваться, и несёт его мимо кровати Гариуса ко мне. Когда она проходит мимо него, сияние немедленно делается ещё ярче. Бабушка отступает назад, как только мама подходит к нам.

– Вот, Ялли. Это не сделает тебе больно. – Мама протягивает мне конус, держа большой палец у основания, а указательный палец на кончике. Меня это не убеждает. То, как она держит его подальше от своего тела, говорит, что эта штука может укусить.

Несмотря на опасения, я беру орихалк, и он тут же разгорается так ярко, что невозможно смотреть. Я отворачиваю голову, едва не выронив конус, и, стараясь его удержать, прокалываю острым концом палец у сустава. Не глядя на конус, я вижу его иллюминацию как свет и тень на стенах. Когда его держала Нанна Уиллоу, он светился ровно, но теперь я словно держу закрытую лампу, которая крутится на верёвке, пускает на стены яркие лучи, резко освещая сначала рельеф лица королевы, потом матери, погружая бабушку во тьму.

– Ялан, поставь на стол, – говорит Гариус. – На это блюдце. – Так я и делаю.

Свет немедленно гаснет, остаётся лишь слабое сияние, и руны по-прежнему ярко горят, словно они прорезаны в какое-то жаркое место, где солнце ослепительно светит на пески пустыни.

– Нестабильный. – Бабушка подходит ближе, наклоняется и смотрит. Несмотря на их интерес, и она и Гариус тщательно стараются не прикасаться к орихалку. – Противоречивый.

Нанна Уиллоу без спроса подходит и поворачивает блюдце, крутя орихалк так, чтобы королева могла увидеть все руны, которых всего семь.

– Храбрый. Трусливый. Великодушный. Самолюбивый. Словно в нём два человека. – Бабушка качает головой и оборачивается, глядя на меня, словно я – какая-то невкусная еда, которую перед ней поставили.

– Его характер тут ни при чём, – говорит Гариус. – Нестабильность Ялана можно исправить тренировками. И да, он сильный, но чтобы исполнить роль, которую моя сестра видела для ребёнка Нии, нужен экстраординарный талант. Какой можно противопоставить таким как Корион, Сейджес, Келем или Скилфа. Синяя Госпожа просто ошиблась. Возможно, она утратила слишком много отражений, и её разум помутился.

Мама подходит и запускает руку мне в волосы. Во время этого краткого прикосновения она берёт конус и возвращает в шкатулку на полке.

– Возможно ты прав. – Низкий рокот Красной Королевы звучит скорее как угроза, чем признание. – Забирай мальчишку, Ниа. Но всё равно строго охраняй его.

И вот так просто нас отпускают.

– Что такое "ассасин"? – спрашивает Ялли, пока они идут к лестнице.

***

На миг я мельком вижу проплывающие мимо решётки веток на

фоне яркого неба. Чувствую, что вокруг двигаются тела, надо мной склоняется смутное лицо.

***

– Прикуси язык.

Я отрываю взгляд от алого ковра.

– Прости, мама.

– Ялли, Королева Алиса твой сюзерен, и тебе не следует говорить о ней дурно. – Мать встаёт на колени, чтобы быть со мной на одном уровне.

– Она противная, – говорю я. Или точнее, говорил пятнадцать лет назад, и теперь вспоминаю тот миг и ощущения от этих слов. Моя мать всё ещё стоит на коленях, на её лице написано неодобрение, она пытается не улыбаться.

– Ялли, королеве иногда приходится быть... жёсткой. Править страной тяжело. Видят боги, мне и с тремя мальчиками каждый день справляться нелегко. – *Боги*. Иногда мать забывается. Отец говорит, что есть только один Бог – впрочем, всё-таки это его работа. Бабушка, должно быть, многое ставила на родословные, женив своего кардинала на язычнице, обращённой из веры во множество богов, знаменитых разнообразием форм и добродетелей, в веру в наше единственное невидимое божество. Интересно, сколько сокровищ стоило такое разрешение из Рима? Да, у отца может и есть собор и толстые книги, но Ялли больше любит истории матери, рассказанные тихим голосом у кровати.

Она целует меня в лоб и поднимается.

Мы снова в Римском зале, в одной из галерей на первом этаже. В северной галерее, судя по тому, как солнце светит в высокие окна. В них есть стекло – дюжины соединённых небольших квадратов Аттарского стекла слегка зелёного оттенка. Когда я был совсем маленьким, называл её "Комната Зелёного Неба".

– Мама, что с твоей рукой? – Её рука в тени и выглядит

неправильно... слишком ярко. Мать смотрит вниз и виноватым движением быстро скрещивает руки. Ялли таращится на неё, и я смотрю. Это та же женщина, которую я видел в своём медальоне. Ей немногим больше тридцати, а выглядит она моложе – длинные тёмные волосы, тёмные глаза, красавица. Картинку у меня делал очень искусный художник, но почему-то она её не полностью передаёт. И только когда нахлынули эти воспоминания, я вспоминаю, как далеко ей пришлось путешествовать, чтобы стать моей матерью, и как одиноко, должно быть, она себя чувствует в чужих землях. Может, бабушка и выбрала мою мать за её кровь, но какое бы наследие ни несла она в своих венах, оно мало отражалось на моей внешности, как и на внешности моих братьев. Может, из-за неё золото наших волос немного потемнело, но с виду в нас не было ничего индусского. Светлые волосы достались нам от Габрона, третьего мужа бабушки, или от её отца, или деда, Голлотов первого и второго, и передались нашему отцу (хотя он как можно чаще прячет их под кардинальской шапкой, вместе со своей плешью), а потом и нам.

– Твоя рука выглядит... не так.

– С ней всё в порядке, Ялли. Давай вернём тебя Нанне Одетт.

За другой рукой мелькают пальцы, и я вижу сияние, сейчас более отчётливое.

– Красть нехорошо, – сказал Ялли. Полагаю, так и есть – хотя меня это бы не остановило – но я могу понять значимость.

– Это заимствование. – Мать протягивает руку и раскрывает ладонь. Там сияет орихалк, ярче, чем в комнате Гариуса, и свет более устойчивый. – Но ты прав, Ялли, неправильно было не попросить. – Она наклоняется вперёд. – Ты можешь вернуть эту вещь и не говорить, где взял? Он не будет на тебя сердиться. – Она выглядит обеспокоенно, и это пугает Ялли. Он медленно кивает и протягивает руку, чтобы взять конус.

– Я не скажу, мама. – Он говорит это торжественным тоном, его переполняет замешательство. Ему грустно, но он не знает почему. Я мог бы ему сказать, что это он впервые видит, как мать поступает неправильно, как его мать испугана и неуверенна. Эту боль испытывают все дети, когда растут.

Мать качает головой, не выпуская орихалк из руки.

– Минутку. – Она отворачивается от меня, идёт к двери, ведущей в комнату, которую я называю "Звёздная", и заходит внутрь. Я иду за ней до порога и смотрю в щель двери, которую она неплотно прикрыла. Мать стоит ко мне спиной. По движению руки я понимаю, что она двигает ладонь от груди к животу. Сияние становится ярче, во все направления отбрасывая чёрные тени, потом ещё ярче, и внезапно это уже ослепительный блеск, словно вспышка молнии, с такой интенсивностью заливший всю комнату, что в ней не остаётся места цветам. Мать с криком роняет конус орихалка, и я врываюсь в дверь. Оббежав её, чтобы посмотреть, что она прячет, я вижу, что обе руки она приложила к животу, одну на другую. Из её плотно зажмуренных глаз текут слёзы.

Я останавливаюсь, забыв про орихалк.

– Что это?.. – Ялли не имеет ни малейшего понятия. Но я-то знаю. Она беременна, и ребёнок в утробе в тысячу раз талантливее, чем Кара после всех лет обучения на вэльву.

Мы стоим в гостиной под потолком, усеянным плафонами в форме звёзд, и смотрим друг на друга.

– Всё будет хорошо, Ялли. – Ложь, сказанная шёпотом, словно даже мать не верит в неё, и потому не может высказать громко. Она улыбается, откидывает волосы и наклоняется ко мне. Но я смотрю за её плечо на лицо человека, возвышающегося за ней. На его лице никаких улыбок. Я почти узнаю его, но в дверь за его спиной льётся свет, и черты его лица в тени, едва различимы. Его волосы настолько чёрные, что кажутся почти синими, как крылья сороки, и от висков расходится седина.

– Ял... – Окончание моего имени выходит кровавым. Мы оба смотрим вниз на клинок, который появляется из её живота. В следующий миг она заваливается вперёд, сползая с меча, который держит в руке мужчина. Кровь течёт по завиткам надписей, выгравированных на стали.

– Тссс, – говорит он и приставляет лезвие к шее матери, которая лежит, истекая кровью, на индусском ковре. Теперь виден мундир человека – китель и кираса генерала дворцовой стражи. Его лицо несколько размыто, и на какой-то миг хочет казаться лицом Альфонса младшего из привратников, а когда я его не признаю, оно меняется на лицо старого Рапло, который подмигнул мне тем утром. Его я тоже

страхиваю, и теперь ясно вижу этого человека, всего на миг. Это Эдрис Дин, без шрама на скуле, и слишком молодой для седины, но всё равно седеющий.

Детские блуждающие мысли Ялли, которые так долго журчали позади моих, теперь затихли. Он смотрит на мать, на меч, на Эдриса, и его разум – гладкая пустота.

– Я знал, что ты придёшь... – говорю я голосом Ялли.

– Нет, не знал. – Эдрис поднимает клинок, перерезав горло матери. Она начинает биться, пытаюсь подняться. – Никто не знает. Это мой талант, точно говорю. Данный самим Всемогущим Богом. Присягнувшие будущему не видят меня, мальчик. – Он поднимает кончик меча ко мне. – Я не отбрасываю тени в грядущих днях. Уж конечно это сбивает с толку всех гадалок. Они всё говорят мне, что я не доживу до утра.

– Я сам тебя убью, – говорю я, и действительно так думаю. Меня охватывает странное чувство спокойствия.

– Неужели? – Улыбается Эдрис. – Возможно. Только сначала тебе придётся умереть. – И он вонзает свой меч мне в грудь. Но, благодаря какой-то глубокой части Ялли уже начинает двигаться, отшатывается назад, и последняя судорога ноги матери – случайно или намеренно – мешает атаке Эдриса. Но всё равно кончик меча попадает мне между рёбер, и я с криком падаю наземь, кровь пропитывает мою рубашку. Даже пока я кричу, удар меча в мою грудь снова проносится в темноте перед моими плотно зажмуренными глазами. Я мельком замечаю руны на стали, почти невидимые под кровью моей матери.

Потом слышу далёкий крик, моя голова падает набок, и я вижу, как огромный стражник спотыкается и пролетает мимо Эдриса, отступившего в сторону. Рука стражника брызжет кровью в том месте, где её порезал клинок убийцы. Это Роббин, один из любимчиков матери, ветеран войн, которые шли ещё до моего рождения – а возможно и до её рождения. Эдрис двигается, чтобы его прикончить, но Роббин, взревев, отбивает удар мечом, и проводит свою атаку. Звуки ужасные: грохот клинков, топот ног, хриплые вздохи. Я уже не различаю мелькание мечей. Всё становится тусклым, звуки стихают. Я встречаюсь глазами с матерью. Они тёмные и стеклянные. Она меня не видит. Её ладонь раскрыта,

тянется ко мне в свой последний миг, а конус орихалка отлетает от пинка одного из дерущихся и исчезает под длинным диваном у дальней стены.

Поверх головы матери я вижу, что у Эдриса уже рана в боку, полученная в бою. А теперь клинок Роббина разрезает ему щёку до кости, окрасив лицо в алый цвет. Эдрис отвечает диким ударом, вонзив клинок глубоко в мышцу бедра Роббина, прямо над коленом. Тот шатается, но не падает. Он отпрыгивает, чтобы встать между Эдрисом с одной стороны и нами с матерью с другой, хотя мы оба, должно быть, выглядим мёртвыми. На самом деле я и думаю, что мы мертвы. Я слышу слабые крики вдали. Эдрис сплёвывает кровь, бросает раздражённый взгляд на Роббина, а потом быстро смотрит на тела на полу. Решив, он разворачивается на пятках и с поразительной скоростью выбегает в дверь.

Сейчас темно. Холодно. Большие руки поднимают меня, но это всё уже так далеко.

***

Сейчас темно. Холодно. Большие руки поднимают меня.

– Я сам убью его! – Получилось лишь прошептать, хотя хотелось крикнуть.

– Кара! Он просыпается! – Голос Снорри.

Я открыл глаза. Они болели. Небо над головой было окрашено в глубоко багровый цвет и быстро темнело.

– Убью этого уёбка. – Наверное, кто-то дал мне выпить кислоты – больно было произносить каждое слово.

– Кто ты, и что сделал с Яланом Кендетом? – Надо мной показался ухмыляющийся Снорри и протянул фляжку с водой.

Я бы ударил его, но в руках не оставалось сил, и не только в руках.

– С-сколько? – спросил я.

– Больше недели. – Подошла Кара с озабоченным видом, держа орихалк, чтобы изучить моё лицо. Она пристально посмотрела в каждый глаз, поднимая веки большим пальцем.

– Дай сюда! – Мне удалось положить руку ей на ладонь, и, нахмурившись, она позволила мне взять бусину металла.

– Один! – Туттугу только подошёл с охапкой валежника, и бросил его, чтобы прикрыть глаза. Хеннан спрятался за его спиной. Орихалк вспыхивал и угасал в моей руке, испуская в ночь ослепительные лучи, выхватывавшие случайным образом из темноты ближайшие деревья, от которых по траве расходились странные светлые тени. Я выронил его и отпустил руку.

– Это была правда... – Что-то поднялось по моему воспалённому горлу и сдавило его, так что я больше ничего не мог сказать. Вместо слов я перекатился на бок, лицом вниз, закрыв его рукой. Меня всё ещё переполняли эмоции юного Ялли – маленького мальчика, которого я уже не знал. Он всё ещё смотрел в остекленевшие невидящие глаза матери, и это горе, кровавое страдание, затопило меня, разрывая грудь. Столько несчастья, что нигде было его скрыть. Я не мог вспомнить, испытывал ли когда-нибудь настолько глубокое и ужасное чувство, что в груди не оставалось места для воздуха.

Руки Кары легли мне на плечи.

– Тутт, принеси ещё дров. Снорри, помоги ему. И мальчишку возьмите.

– Но... – начал Снорри.

– Живо!

Наконец, содрогнувшись и всхлипнув, мне удалось сделать вдох. Снорри и Туттугу быстро ушли прочь, и Хеннан за ними.

– Иисусе! – Я изо всех сил ударил по земле. – Останови это!

Кара продемонстрировала мудрость вельвы, долгое время не говоря ни слова.

Оказалось, что сильные эмоции – это костёр, а костру нужны дрова. Без подтопки он гаснет, становясь жарким прикрытым сиянием, готовым снова вспыхнуть, но оставляя место для иных забот. Когда Снорри и Туттугу наконец вернулись с половиной леса в руках, вокруг было достаточно темно, чтобы скрыть стыд в моих

красных глазах.

Я понял, что мучительно хочу пить, и осушил целую флягу воды. Снорри и Туттугу принялись разводить костёр и готовить еду. Сейчас я видел Снорри с новой стороны, и возможно впервые понимал, какое горе он, наверное, носил в себе всё то время, что мы путешествовали вместе. Теперь мне частично стало ясно, что стояло за этим человеком, когда я смотрел на него сверху вниз в кровавых ямах, что лежало за его словами: "Ведите медведя побольше".

Я сделал глубокий вдох.

– Где тролли? – Я скорее заметил отсутствие острой лисьей вони, чем грозных гигантов, маячащих со всех сторон.

– На Высокогорье Ренара. – Снорри сломал ветку и подбросил в костёр. – Мы попрощались с Горготом две ночи назад.

– То есть мы в...?

– В Роне. В провинции Аперлеон, в десяти милях к югу от развалин Компера.

Я принялся, представив, что смогу учуять запах гари из этого города.

– Я должен его убить.

Снорри и Туттугу переглянулись, огонь раскрашивал их лица.

– Кого?

– Эдриса Дина, – сказал я, понимая, что такому профессиональному трусу, как я, желание – необходимость – отомстить принесёт огромные неудобства. Как игроку в покер, страдающему от желания широко улыбнуться всякий раз, как открывает туза.

– Конечно, Эдриса Дина надо убить. В этом я с тобой. – Снорри повернулся ко мне лицом, и теперь, когда огонь светил ему в спину, оно оказалось скрыто в тени. – Но неужели понадобилось две недели сна, чтобы прийти к такому заключению? Он уже дважды пытался тебя убить. И меня.

Снорри понимал, что я узнал нечто во сне – и таким образом он спрашивал меня, сколько я готов ему рассказать. Я вытер нос рукавом и снова шмыгнул. Аромат похлёбки Туттугу донёсся до меня

вместе с пониманием, насколько сильно я хотел есть. Наверное, они чем-то кормили меня по пути, но всё равно этого было совершенно недостаточно. И, тем не менее, несмотря на голод, я встретился взглядом со Снорри.

Первым заговорил Туттугу.

– Дин лишь раз пытался меня убить, и я уже с радостью сбросил бы его с обрыва. – Он помешал похлёбку. – Зачем Ялу новый повод сердиться? Этот человек уже дважды на него нападал.

– Трижды. – Я задрал рубашку. И там, прямо под левой грудной мышцей, виднелся белый шрам длиной в полтора дюйма. Раньше я говорил, что это Мартус порезал меня кухонным ножиком – и сам в это верил. А в последнее время утверждал, будто это боевая рана с перевала Арал. Я знал, что это ложь. А теперь я знал, что это сделал Эдрис, тем же мечом, что пронзил мою нерождённую сестру и мою мать. А потом перерезал ей горло. Сестру? Не знаю, откуда я знал, что ребёнок был бы моей сестрой... но я знал. Волшебница, которой была уготована роль, предвиденная Молчаливой Сестрой – ключевая фигура на доске Империи, сидящая между Красной Королевой и Синей Госпожой.

Я коснулся шрама пальцами, вспомнив боль и потрясение. Кто знает, сколько времени выхаживали Ялли на смертном ложе, но уверен, встал уже другой мальчик. Мальчик, который не помнил последние несколько недель, и который все свои таланты бросил на то, чтобы выжечь из памяти все следы тех событий. Я сочувствовал тому выбору, если там была возможность выбора. Я бы и сейчас принял то же решение, если бы знал, как. Или по крайней мере мне бы этого очень хотелось.

– А когда был первый раз? Когда он оставил тебе этот шрам, и кого ещё убил Эдрис? – Спросил Снорри, а Туттугу и Хеннан встали за ним, позабыв похлёбку.

– Мою мать. – Чтобы сказать это, мне пришлось стиснуть зубы, но дыхание перехватило, я снова её увидел, и мой голос надломился.

– Я убью его за своего деда. – Хеннан сел, скрестив ноги, опустив голову. Он никогда ещё не говорил так серьёзно.

Снорри посмотрел вниз и покачал головой. Потом он похлопал себя по груди, где под курткой висел ключ.

– Скоро он придёт за мной. Тогда, Ял, я убью его за всех нас.

ВОСЕМНАДЦАТЬ

Почти шесть месяцев, проведённые к северу от Роны, значительно улучшили моё мнение об этой стране. Прежде всего, здесь понимали, что такое лето. Долгими жаркими деньками мы шли на юг, и я купался в солнечном свете, пока остальные краснели и обгорали. Хуже всех чувствовал себя на солнце Туттугу. В какой-то момент уже казалось, что бо́льшая часть его открытой кожи облезает, и он безостановочно стонал об этом, вскрикивая от малейшего похлопывания по руке – и даже предполагал, что некоторые из этих похлопываний не были случайными.

Ещё солнце выжгло мрачное настроение, охватившее меня на несколько дней после того, как я проснулся. Оно не дотягивалось до ядра холодной уверенности, что мне придётся убить Эдриса Дина, но вытеснило отбрасываемые памятью тени, оставив меня с воспоминаниями о матери, которые были бы навеки утрачены, если бы не магия Кары. Пока мы двигались, казалось, что прошлое согласно плестись позади, не вылезая на пути каждую секунду. В первую пару дней я думал, что открытия из сна сведут меня с ума, но, как это ни странно, по прошествии недели я, под своей темнеющей кожей, стал чувствовать себя лучше, чем за все прошедшие годы. Я был почти доволен, и приписывал это уменьшающемуся расстоянию между мной и домом.

Возможно, из-за того, что я провёл столько времени в своей голове с более юным собой, за последние недели нашего путешествия мои отношения с Хеннаном улучшились. Мы проходили через настоящие города, и я научил парня нескольким трюкам с колодой карт, которую прикупил по случаю. Всего лишь простые хитрости, но их хватало, чтобы выудить у Туттугу и Снорри их мелочь и избавиться от рутинных обязанностей в лагере.

– Точно говорю, кто-то из вас жульничает... – проворчал тем вечером Снорри, на которого в пятый раз подряд свалилось дополнительное ночное дежурство и сбор дров.

– Такое неверное представление часто встречается среди неудачников, – сказал я ему. – Если ты называешь применение

интеллекта и прозорливую оценку статистических вероятностей жульничеством, то да, мы с Хеннаном жульничали. – На самом деле, если бы он назвал жульничеством "несоблюдение правил игры", то нам тоже пришлось бы на это поднять руки. – Понимаешь, Снорри, правила покера пережили и всю основную информацию об обществе, и век, в котором они были придуманы, – продолжал я. В отрицании жульничества важно продолжать – не прекращать говорить, пока разговор не уйдёт так далеко от начала, что никто из слушателей уже не вспомнит, с чего он начался. – То, что цивилизации удаётся сохранить из того, что было прежде, так же много говорит о ней, как и то, что она оставляет следующему веку.

Снорри нахмурил лоб.

– Почему в твоём рукаве туз?

– Нет там никакого туза. – Там был король, и Снорри об этом знать никак не мог – просто удачная догадка.

Продолжение – хорошая тактика, но иногда оказывается, что варвар слишком упрям, и тогда тебе приходится две ночи сидеть в дозоре и всю неделю собирать дрова. Снорри спросил, какой урок преподаст Хеннану моё поведение – на что я подумал: "уж точно лучше, чем вид принца Красной Марки, низведённого до ручного труда". Но по крайней мере, я довольствовался тем, что жульничество моего ученика осталось незамеченным, что делало честь моему обучению.

Ещё одной пользой от возвращения солнца и цивилизации стало то, что лето снова вернуло золото моим волосам, высветлив коричневый цвет. К тому же появление людей помогло мне вспомнить, что в мире есть и другие женщины, кроме Кары. Я купил в городе Амель новую одежду и принарядился. Подумывал взять и лошадь, но седло под задницей не доставило бы меня домой быстрее, если бы только я не купил по меньшей мере четырёх лошадей. Я даже подумывал просто уехать одному, но в Роне путешествие в одиночку дело рискованное, и даже если наши враги сосредоточились на поисках ключа, мне не улыбалась идея объяснять им на какой-нибудь просёлочной дороге посреди тысяч акров Ронских полей, что его у меня нет. Я поигрался с мыслью взять кляч для Снорри, Туттугу и Кары, а Хеннана посадить позади себя, но медальон матери выглядел уже поношенным, а я не был уверен, что смогу вынести все стоны и падения норсийцев, которых, несомненно, было не миновать.

Я посетил цирюльника и сбрил бороду – это был, если угодно, ритуал избавления от севера. Парень с бритвой и ножницами объявил мою бороду нечестивым клубком и потребовал дополнительную крону за работу. Без бороды я почувствовал себя странно голым, подбородок казался слишком нежным, и когда цирюльник показал мне результат в зеркале, понадобилось время, чтобы смириться с тем, что смотрящий на меня человек, это я. Выглядел он намного моложе и несколько удивлённо.

Я шёл по Амелю в новом наряде – ничего особенного, всего лишь уличная одежда, которая сойдёт и для деревенского помещика – подбородок кололо от малейшего ветерка, и, признаюсь, некоторые оборачивались в мою сторону. Я улыбнулся пышной крестьянской девушке, занятой каким-то своим крестьянским делом, и она улыбнулась мне в ответ. Мир был прекрасен. И с каждой милей становился прекраснее.

***

– Бонжур, – поприветствовал меня Хеннан, когда я вернулся в таверну, где оставил остальных. Она называлась "Королевская Нога", и над дверями висела деревянная культя.

– Бон-что?

– Снорри учит меня языку, на котором говорят местные. – Он посмотрел на Снорри, убедиться, что всё сказал правильно. – Это значит "добрый день".

– Местные нормально говорят на имперском языке. – Я сел возле Туттугу и стащил с его тарелки куриное крылышко. – Иногда приходится помахать перед ними монетой, прежде чем они это признают. Не трать своё время, парень. Жуткий язык. – Я замолчал, чтобы пожевать. Какими бы ни были недостатки Роны – а их имелось немало – я назвал бы лжецом любого, кто сказал бы, что местные не умеют готовить. Худший житель Роны может приготовить еду лучше всех северян вместе взятых. – М-м-м. Одно только это стоит путешествия на юг, а, Туттугу? – Туттугу кивнул с набитым ртом, его

борода лоснилась от жира. – О чём там я? Ах да, о ронском языке. Не трать времени. Знаешь, как буквально переводится ронское слово, обозначающее оборону? "Время-перед-тем-как-убежать". Но, ничего не скажешь, лгать на этом языке нелегко.

Снорри состроил предупреждающее лицо, и Туттугу ещё сильнее заинтересовался остатками своего цыплёнка. Я заметил, что несколько местных сурово смотрят в мою сторону.

– Но народ здесь изумительно храбрый, – добавил я, достаточно громко, чтобы подслушивающие подавились.

– Ты выглядишь необычно, – сказал Снорри.

– Думаю, ты хотел сказать "ещё более привлекательно". – Я стащил ещё кусок цыплёнка Туттугу. Он попытался проткнуть мою руку, пока я её отдёргивал.

– Больше похоже на девчонку. – Снорри взял пивную кружку и осушил её.

– Что ж, теперь, когда усов нет, придётся руками вылавливать крошки из пива... а в остальном всё прекрасно. Тебе стоит попробовать.

Туттугу фыркнул.

– Только борода и защищает мой подбородок от ожогов в этом пекле, которое ты называешь домом. – Он сдёрнул мясо с ножки. – Думаю, ваши курицы такие вкусные из-за того, что они наполовину зажариваются ещё раньше, чем вы их зарежете.

Снорри почесал свою бороду, но ничего не сказал. Он её коротко постриг, вопреки северному стилю: по сравнению с большинством викингов он выглядел, словно просто забыл утром побриться.

Кара пристально посмотрела на меня, будто бы изучая.

– Ты меняешь кожу, Ялан, сбрасываешь север. К тому времени, как мы доберёмся до ворот твоего города, ты снова будешь южным принцем. Интересно, что ты сохранишь от своего путешествия?

Тут наступила моя очередь хранить молчание. От большей части я с радостью бы избавился, но уже усвоил урок насчёт этого: отбрось слишком много от своего прошлого, и уже не будешь тем человеком, которым был тогда. Да, можно восстановить то, что отрежешь от себя, но из-за такого, пожалуй, всегда становишься меньше, и в итоге

от тебя ничего не останется.

Несомненно, две вещи я сохраняю. Первая – страстное желание узнать, что Эдрис Дин умер в мучениях. А вторая – воспоминание об Огнях Севера. Кара сказала, что они называются "северное сияние" – призрачное представление, освещавшее небо самой длинной ночью в моей короткой жизни, когда мы стояли лагерем на Суровых Льдах в конце наших мучений.

***

Переход продолжался под голубым небом. Несмотря на наши опасения, нам не мешали агенты Мёртвого Короля, монстры не выползали из своих могил, чтобы отправить в могилы нас, и мы без происшествий пересекли границу Красной Марки. Но всё равно Снорри гнал нас сильно – настойчивее, чем в любое время с тех пор, как у нас на хвосте висели хардассцы. Наверняка его рана болела – в том, как он двигался, чувствовалась скованность. Я раздумывал, что мы увидели бы, если б он задрал рубашку и показал отметину, оставленную Келемом. Впрочем, возможно именно воспоминание о Келеме, который в той пещере держал мёртвого ребёнка, тянуло северянина вперёд сильнее, чем крюки в его ране. Со стороны мага это была ошибка. Тот путь к двери смерти он мог закрыть и другим способом. Неважно, какой магией ты обладаешь – вселять такую ярость в человека вроде Снорри всегда плохая идея.

***

В городе Генуя, в двух днях от Вермильона, я сдался и потратил последнее золото на приличную лошадь и сбрую вкупе с отличным плащом для верховой езды и позолоченной цепочкой на шею. Принц королевства не может позволить себе выглядеть как попрошайка со стёртыми ногами, как бы далеко он не путешествовал, и как бы много

врагов он не покорил. Я неплохо знал Геную, и там нашлось бы, где повеселиться, но дом был так близко, что я без задержек поспешил дальше.

– Чёрт возьми, здесь даже воздух лучше! – Я хлопнул по луке седла и глубоко вздохнул, наслаждаясь пьянящим ароматом дикого лука, дубов и буков лесов на холмах.

Загорелые Снорри, Туттугу и Кара, топавшие позади, мало что хорошего могли сказать о моей родине. А вот Хеннан, который сидел на мерине позади меня, склонен был со мной соглашаться.

Чудесно было снова сидеть в седле – немного непривычно, но куда лучше, чем идти. Мой новый конь выглядел отлично: чёрная как смоль шкура и изогнутая белая вспышка на морде – почти как молния от глаз к носу. Был бы он жеребцом в семнадцать ладоней^[12], а не приземистым мерином ниже четырнадцати^[13], я стал бы гораздо счастливее – хоть и гораздо беднее. В любом случае, шёл он бодро, и с его спины удобно было смотреть на красоты Красной Марки. Я сожалел лишь о том, что норсийцы навьючили на него свой багаж, словно он был вьючной лошадью. Включая даже "Гунгнир", который скрыли от любопытных глаз старыми тряпками, и только его кончик блестел в том месте, где проткнул обмотку.

Я разок-другой улыбнулся с высоты Каре, но ответа не получил. Женщина выглядела всё угрюмее с каждой милей. Возможно, думала о том, как сильно будет по мне скучать. Она была достаточно умна и наверняка не верила, что я отправлюсь с ними во Флоренцию и в тот кошмар, к которому стремился Снорри.

Я снял нам комнату на постоялом дворе, и после ужина Кара отыскала меня в одиночестве на крыльце. Я сидел там уже некоторое время, глядя на последних проезжих, спешивших по Аппанской дороге в сгущавшихся сумерках. Она пришла ко мне, и я всегда знал, что так и будет. В конце концов, после самого долгого ухода в моей жизни, её притянули чары старого доброго Ялана.

– Ты уже решил, как его остановить? – спросила она без предисловий.

Услышав это, я вскинулся от удивления. Я-то ждал какого-нибудь светского разговора, после которого мы начнём старый танец, к которому я её подводил. Танец, который вознаградит, наконец, мои страсти в съёмной кровати, ожидавшей нас на втором этаже.

– Кого?

– Снорри. – Она села на шаткий стул напротив, рассеянно потирая запястье. Между нами висел фонарь, в стекло которого бились мотыльки, и невидимые москиты пищали в темноте. – Как ты заберёшь у него ключ?

– Я? – Удивлённо уставился я на неё. – Мне не заставить его передумать.

Кара помассировала запястье, потирая какие-то тёмные отметины. Сложно было понять, какие именно, в свете фонаря, среди всех этих теней.

– Это синяки?

Она скрестила руки, пряча ладонь, и молчала под моим взглядом, пока, наконец, не сказала:

– Я пыталась стащить его две ночи назад, пока он спал.

– Ты... собираешься украсть ключ?

– Не смотри на меня так. – Она сердито зыркнула на меня. – Я пыталась спасти жизнь Снорри. Что вообще-то должны делать вы с Туттугу, и сделали бы, если были бы ему друзьями. По-твоему, почему Скилфа отправила его к Келему? Это довольно долгое путешествие, в котором я могла бы его остановить – либо отговорив, либо украв ключ. – Она поднялась, подошла и села рядом со мной на ступеньку. Успокоилась и изобразила милую улыбку, которая выглядела неплохо, но совершенно на неё не похоже. – Ты мог бы снова попросить у него ключ и...

– Ты! Тем утром в пещере ты пыталась украсть у него ключ! Он повесил его на цепочку из-за тебя, а не из-за меня! Всё это время он видел тебя насквозь! – Я понял, что тыкаю в неё пальцем, и опустил руку.

– Забрав ключ, я спасу ему жизнь! – Она раздражённо посмотрела на меня. – Или если заставлю его передумать.

– Это невозможно, Кара. К этому времени тебе стоило бы уже понять. Ты бы и знала, если б видела, как он шёл на север. Его не остановить. Он взрослый человек. Это его жизнь, и, если он хочет...

– Ял, он не просто свою жизнь губит. – Она снова говорила тихим голосом. Положила ладонь мне на руку. Следовало признать,

это возбуждало. Что-то в ней было – возможно, я всего лишь навоображал себе после стольких месяцев ожидания, но думаю, дело не только в этом. – Снорри может причинить неведомый урон. Если ключ Локи попадёт в руки Мёртвого Короля...

– Чёртова каша заварится. – Момент внезапно прошёл, настроение испортилось, и темнота вокруг нас наполнилась не романтическими возможностями, а мертвецкой угрозой. – Но всё равно я ничего не могу с этим поделать. – И к тому же, я буду в безопасности, во дворце, в самом сердце Вермильона, в самом сердце Красной Марки, и, если уж зло Мёртвого Короля сможет до меня добраться, тогда нам всем пиздец. Но мне гораздо безопаснее было положиться на мою веру в стены бабушки и в её армии, чем в мою способность разделить Снорри с ключом. Я стряхнул руку Кары и неожиданно встал, пожелав ей доброй ночи. Я уже был так близко к дому, что чувствовал это – практически протяни руку и прикоснись пальцами. Так что я не собирался провалить всё дело, ни ради чего, даже ради обещания прикосновения Кары. В любом случае, ни одному мужчине не захочется быть последним средством. А превыше всего прочего, несмотря на большие глаза, обещание и след отчаяния, я никак не мог стряхнуть ощущение, что эта женщина каким-то образом играет со мной.

Это была долгая ночь. В комнате было жарко, душно, и я не мог заснуть.

Следующий день, новые бесконечные мили Аппанской дороги, очередной постоялый двор. И наконец, одним восхитительным летним утром, после долгих миль обработанных полей, золотых от пшеницы и зелёных от тыкв, мы поднялись на гребень и оттуда увидели, что на горизонте, за лёгкой дымкой стоит Вермильон, стены которого светились от раннего света. Должен признать, от этого вида я мужественно пустил слезу.

На одной из множества ферм у Аппанской дороги, открывающей двери проезжающим путникам, мы устроили ранний обед. Сидели снаружи за столиком в тени огромного пробкового дерева. По пыльному двору расхаживали курицы, за которыми присматривал старый пёс светлого цвета, ленивый настолько, что даже не вздрагивал, когда на него садились мухи. Жена фермера принесла нам свежий хлеб, масло, чёрные оливки, миланский сыр и вино в большой глиняной амфоре.

Я выпил уже кружку или три этого замечательного красного, когда решился, наконец, в последний раз поговорить со Снорри о его плане. Не ради Кары – ну, может быть в надежде на её хорошее мнение, но в основном просто чтобы удержать огромного быка от его собственной глупости.

– Снорри... – сказал я достаточно серьёзно, чтобы он отставил свою глиняную кружку и обратил на меня внимание. – Я, уф... – Кара посмотрела на меня поверх своего хлеба и оливок, подбадривая меня незаметным кивком.

Оказалось, что даже с развязанным языком сказать нелегко.

– Вся эта затея... пронести ключ Локи за дверь смерти... – Туттугу предупреждающе посмотрел на меня, и жестом ладони показал умерить пыл. – Как насчёт того, чтобы *не* делать этого? – Туттугу закатил глаза. Я сердито посмотрел на него. Проклятье, я же старался ему помочь! – Брось ты. Это же безумие. Ты сам знаешь. Я знаю. Мёртвые мертвы. Кроме тех, которые не мертвы. А мы видели, как это отвратительно. Даже если твари Мёртвого Короля не поймают тебя на дороге и не заберут ключ. Даже если ты доберёшься до Келема, и *он* не убьёт тебя и не заберёт ключ... даже тогда... ты *не сможешь* победить.

Снорри уставился на меня, молча, бесстрастно, бесстрашно. Я хорошенько глотнул из кружки и, обнаружив, что она опустела, налил снова.

– Ты не первый, кто теряет жену...

Задев его за живое, я думал, что он вскочит на ноги, но Снорри этого не сделал. На самом деле он почти с минуту ничего не говорил, просто смотрел на дорогу, и на проходящих мимо людей.

– Меня пугают годы впереди. – Снорри не повернул ко мне своё лицо и говорил вдаль. – Я не боюсь боли, хотя на самом деле боль внутри меня сильнее, чем я могу перенести. Намного сильнее. Она меня зажгла. Моя жена, Фрейя. Словно я был одним из тех окон, что видел в доме Белого Христа. Ночью они тусклые и ничего не значащие, а потом рассветает, и они начинают полыхать цветом и историей. Знал ли ты когда-нибудь такое, принц Красной Марки? Не женщина, ради которой ты умрёшь, а женщина, ради которой ты будешь жить? Больше всего меня пугает, что время притупит эту рану. Что через шесть месяцев, или через шесть лет я проснусь

однажды утром и пойму, что уже не могу вспомнить лица Фрейи. Обнаружу, что мои руки больше не помнят тяжести маленькой Эми, мои ладони забыли её гладкую кожу. Я забуду моих мальчиков, Ял. – Его голос надломился, и неожиданно больше всего на свете мне захотелось взять свои слова назад. – Я их забуду. Воспоминания смешаются. Я забуду звуки их голосов, и время, которое мы провели на рыбалке во фьорде, и как они маленькими гонялись за мной. Все эти дни, все эти мгновения исчезнут. А без моих воспоминаний... кто они, Ял? Мой храбрый Карл, мой Эгиль, кто они? – Я увидел, как его плечи трясутся, как он дёрнулся, делая вдох.

– Я не говорю, что это правильно, или отважно, но я пронесу топор своего отца в Хель и буду искать их, пока не найду.

Целую вечность после этого никто из нас не говорил. Я постоянно пил, ища ту отвагу, что лежит на дне бочонка, хотя вино уже казалось кислым.

***

В конце концов, когда тени вытянулись, а наши тарелки давно опустели, я сказал им.

– Я остаюсь в Вермильоне. – Сделал ещё глоток, покатал его во рту. – Снорри, это было приятно, но моё путешествие заканчивается здесь. – Я даже не думал, что придётся что-то предпринимать по поводу проклятия Сестры. Оно уже настолько ослабло, что я, очнувшись от последнего сна Кары, уже не слышал шёпота Аслауг. Закаты проходили теперь почти незамеченными – только кожу покалывало и ненадолго обострялись чувства. – С меня хватит.

Кара потрясённо уставилась на меня, но Снорри лишь поджал губы и кивнул. Такой человек, как Снорри, мог понять, какую власть имеют дом и семья. Впрочем, по правде говоря, я терпеть не мог почти каждого живого члена моей семьи, и в списке причин, по которым я не собирался продолжать безумное путешествие Снорри, главной был страх, что меня убьют агенты Мёртвого Короля. Впрочем, очевидным был тот факт, что даже причины номер шесть:

"жутко скучное путешествие" было вполне достаточно. Может, у моей семьи и не было надо мной большой власти, но престиж их имени, комфорт их дворца, и гедонистические удовольствия их города держали моё сердце порочной хваткой.

– Тебе надо взять Хеннана с собой, – сказал Туттугу.

– Уф. – Этого я не предвидел. – Я... – В этом был смысл. Ребёнку не следовало терпеть то, что ждало их впереди. Если уж на то пошло, то это и взрослому терпеть не следовало. – Конечно... – В уме я уже обдумывал список мест, куда мог всучить пацана. Мадам Роза с улицы Розолли могла бы взять его относить поручения и чистить столы в фойе. Графиня Паламская нанимала в свой особняк весьма юных мужчин... рыжеволосый мог бы ей понравиться... Или его могли использовать на дворцовой кухне. Уверен, я видел там беспризорников, крутивших вертела с мясом и всё такое.

Сам Хеннан не возражал, но яростно жевал свою горбушку и таратился на дорогу.

– Я, уф... – Я отхлебнул ещё вина. – Пора прощаться и ехать.

– Мы недостаточно хороши, чтобы нас видели с тобой в твоём городе? – Кара выгнула бровь. Лишившись всех рун, она распустила косички и отрастила волосы. Они так выгорели на солнце, что выглядели почти серебристыми, ниспадая на голые плечи, усеянные летними веснушками.

– Снорри разыскиваемый преступник, – сказал я. Конечно, это была полная ложь, и даже если б это было так, я, наверное, смог бы выговорить ему помилование. Правда состояла в том, что я не хотел, чтобы факты мутили воду той лжи, которую я стану рассказывать о своих приключениях во льдах и снегах. И к тому же мне хотелось, чтобы, когда я триумфально вернусь в высшее общество, все взгляды были прикованы ко мне, а не блуждали по мускулистому и интригующе привлекательному варвару, возвышающемуся надо мной.

Снорри посмотрел мне в глаза и, прежде чем я успел отвести взгляд, протянул руку для воинского рукопожатия. Я сжал её немного неловко. Костедробительное пожатие, и он отпустил. Туттугу с той же целью протянул свою ладонь куда более обычных размеров.

– Попутного ветра, принц Ялан, и много рыбы тебе. – Мы пожали руки.

– Тебе тоже, Туттугу. И попытайся удерживать его от неприятностей. – Я кивнул на Снорри. – И её. – Я кивнул на Кару. Хотел и ей что-нибудь сказать, но не нашёл подходящих слов, и неуклюже поднялся. – Нет смысла тянуть... как сказала актриса епископу... – Мой конь стоял у корыта на другой стороне двора, и, раз уж мир закружился вокруг меня немного быстрее обычного, я немного постоял, чтобы всё успокоилось. – Прими мой совет: выбрось этот ключ в озеро... – Я помахал пальцами Хеннану, чтобы он поднимался. – Пошли, парень. – И с этими словами я как можно твёрже направился к своему мерину, которого в тот миг решил назвать Нор, в память о коне по имени Рон, который нёс меня большую часть пути на север. Нор везёт меня в противоположном направлении, потому у него должно быть противоположное имя.

Я довольно легко влез в седло и протянул руку Хеннану, чтобы помочь ему подняться. Нога коснулась копыя, Гунгнира, замотанного в тряпки и привязанного к боку Нора. Мне пришло в голову, что я мог бы уехать с ним. Надежда всегда опасна, а Туттугу и, возможно, Кара, держатся за это копыё, за эту ложную надежду. Из-за этого копыя их появление перед Келемом казалось менее похожим на самоубийство. Без него они, возможно, повернут на последней миле, а то и Снорри свернут с пути.

– Гунгнир! – Туттугу бросился вперёд. Я чуть не ударил Нора пятками по бокам, но в итоге всё-таки отвязал верёвки и взял копыё в руку. Оно трепетало, словно полуживое, и было намного тяжелее, чем ему следовало.

Я бросил копыё Туттугу.

– Осторожнее с ним. Чувствую, оно острое с обоих концов.

С этими мы покончили, отвязали их котомки, я отсалютовал столу и пустил Нора рысью по гравийной дороге в Вермильон.

– Надо было отправиться с ними. – Сказал Хеннан. Его голос дёргался в такт шагов Нора.

– Он собирается попросить безумца в соляных копиях показать дверь в смерть и открыть её. Безумца, который отправил за ним убийц. Это похоже на то место, куда надо отправиться?

– Но они же твои друзья.

– Парень, я не могу себе позволить таких друзей. – Слова

получились сердитыми. – Это важный урок: научись отпускать людей. Друзья полезны. Но когда у них не остаётся того, что нужно тебе – отмахнись от них.

– Я думал, мы... – В его голосе слышалась боль.

– Это другое, – сказал я. – Не говори глупостей. *Мы* по-прежнему друзья. А кого ж ещё я буду учить карточным трюкам?

ДЕВЯТНАДЦАТЬ

После разлуки со Снорри, Туттугу и Карой мы с Хеннаном ехали без разговоров. Я вёл Нора по Аппанской дороге, движение на которой по мере приближения к входу в великий город становилось всё плотнее. Придорожные дома уже были полноценными тавернами или фасадами магазинов, готовыми предложить путнику всё, что он пожелает. Вдали блестящие изгибы Селина отражали и преломляли солнечный свет. Моя голова начинала болеть от жары и вони столицы, доносившейся до нас при малейшем дуновении ветерка.

***

Ворота Вермильона открыты круглый год. Перед огромными стенами Аппанская дорога ещё четверть мили проходит по пригороду. По краям его, подальше от дороги, стоят ветхие лачуги, а ближе к стенам – более благородные дома: двух- и трёхэтажные строения вперемешку с общественными зданиями и открытыми площадями, усаженными деревьями. Бабушка регулярно издавала объявления, напоминающие здешним обитателям, что дома на этой земле будут сожжены, если городу когда-нибудь придётся обороняться, но каждый год пригород немного расширился и тянулся всё дальше вдоль пяти дорог, питающих Вермильон.

На огромной надвратной башне, выходившей на север Аппанской дороги, томила от жары горстка стражников. Другие скрывались в тени стены на нижнем уровне – но эти редко пошевелились бы ради чего-то меньше, чем гружёная телега. Мы с Хеннаном проехали ворота на Норе без остановки. Спустя несколько секунд мы уже с грохотом ехали по улице Победы; мимо Главных Старых Конюшен, нынче отданных в общественное пользование; мимо прохладных удовольствий площади Фонтанов, на проспект, обсаженный вишнёвыми деревьями, который вёл к новому собору.

Казалось нереальным, почти сном, что столько времени всё это ждало меня здесь. Пока я дрожал в Суровых Льдах на самом пороге смерти, люди гуляли по улицам, покупали леденцы, смотрели на акробатов, любовались на текущий Селин, играли, любили, напивались... Я проехал три тысячи миль, и здесь, на этом маленьком каменном островке, инкрустированном терракотой, была вся моя жизнь.

Я пустил лошадь со скоростью городского потока и смотрел на такие знакомые и чужие здания, мимо которых мы проезжали.

Из тёмного прохода в заведение Массима за мной с излишним интересом наблюдал темнокожий человек. И тогда в моих мыслях неожиданно замаячил почти забытый Мэрес Аллус, который так долго был абстрактной тревогой. Я тряхнул поводьями и заставил Нора шевелить копытами.

– Едем прямо во дворец. – Я-то рассчитывал заглянуть в парочку мест, скинуть пацана, оценить положение дел, но теперь решил, что разузнать всё, что нужно, лучше в безопасности во дворце. Уж лучше дать знать семье о себе, чтобы Мэрес не смог затащить меня в какой-нибудь уединённый склад, где никто и не узнает, что я выжил в пожаре в опере.

Хеннан за моей спиной ничего не сказал. Трудная жизнь в пустошах вокруг Ошимского Колеса может подготовить человека ко многим вещам, но Вермильон не входил в их число. Я чувствовал, как он крутит головой туда-сюда, пытаюсь охватить всё вокруг. Мне город казался меньше, чем в воспоминаниях – а Хеннану, должно быть, больше, чем в моих рассказах. Мы строим ожидания на том, что уже знаем. Я надеялся, что парень не окажется навязчивым. Вряд ли можно ожидать, что принц Красной Марки станет присматривать в коридорах власти за нищим парнишкой...

Проезжая по величественным улицам вокруг дворца, мы привлекали любопытные взгляды. Стражники на воротах особняков прищуривали глаза и выпячивали грудь. Служанки, идущие по поручениям, удивлённо таращились. В наряде деревенского помещика я не походил на тех посетителей этих домов, к которым они привыкли, а бледный нищий парнишка за моей спиной добавлял чуток экзотики.

Мы цокали по Королевской дороге, через просторную площадь

перед дворцом, и наконец добрались до Эрриковых ворот, через которые когда-то мой пра-пра-прадед Эррик Четвёртый вернулся из имперского порта с головами Тибора Чарла, Элиаса Грегора и Роберта Чёрного – худших пиратских лордов с Пиратских островов всех времён с самых Солнц. Я помнил их имена, потому что Мартус однажды положил под мою кровать три искусно украшенных кочана капусты и заявил, что это отрубленные головы той троицы, взятые с пик на Эрриковых воротах, и если я расскажу о них или попытаюсь сдвинуть, они снова оживут. Сволочь.

Стражники перед Эрриковыми воротами довольно резво вышли вперёд, двое из них готовы были меня прогнать, а третий стоял позади, опустив пику. Лучники на привратных башнях тоже проявили интерес. Эрриковы ворота предназначены для визитов высочайших сановников и королевских особ, так что их редко открывали.

– Назад. Если у вас есть дело во дворце, вам придётся пройти в поварскую дверь, за старым замком. Понятно? – Он указал пальцем на Марсельскую башню.

Тут мне пришло в голову, что надо было купить капюшон, чтобы драматично откинуть его и представиться. А получилось, я начал с того, что меня уже не узнали.

– Я принц Ялан Кендет, вернувшийся с Крайнего Севера, и я велю отрубить голову любому, кто не даст мне проехать во дворец моей бабушки. – Я высказал это с лёгким налётом усталого недовольства, но молился, чтобы никто из них не назвал эти слова блефом.

– Ух. – Младший из пары, но старший по рангу, судя по звезде на плече, поджал губы, раздумывая. Наверное, раньше никто не подъезжал к воротам, и не врал, объявляя, что он связан с Красной Королевой. Разве что какой-нибудь пьяница, упившийся до полной утраты самосохранения, и заявлял нечто подобное, но не трезвый юноша на лошади. Стражник ещё немного подумал и хмуро взглянул на меня. – Я пойду, проверю. Сэр, не могли бы вы подождать здесь. Коган, пусти их отдохнуть в тени.

Так что мы ждали в тени стен, в тишине, и только Нор жадно пил воду из корыта. Не о таком въезде во дворец я мечтал, но в Вермильоне немало принцев, а эти стражники не моего семейства.

Прошло больше времени, чем, на мой взгляд, на это требовалось,

но субкапитан вернулся со знакомой фигурой.

– Толстый Нед! – Крикнул я, шагая к мужчине и разводя руки.

Толстый Нед, который с виду отощал, сделал шаг назад, а потом ещё один. Над головой я услышал скрип тетивы.

– Нед, это я. – Я поднёс пальцы обеих рук к лицу и обаятельно улыбнулся.

– Не может быть? – Нед потряс головой, и обвислая кожа затряслась на костях. – Принц Ялан, но вы же мертвы... это... это правда вы? – Он наклонил голову, пристально вглядываясь своими старыми глазами.

Я опустил руки. В любом случае, я не собирался с ним обниматься.

– Правда, честное слово. И я не вылез из могилы. – Я ударил себя в грудь. – Жив и здоров. Сообщения о моей смерти были сильно преувеличены!

– Принц Ялан! – Толстый Нед изумлённо покачал головой. – Но как...

Из служебного хода появился капитан стражи и поспешил к нам, стуча мечом в ножнах.

– Принц Ялан! Мои извинения! Нам сказали, что вы умерли. Был день траура ...

– День? – *Один вишивый день...*

– Он был объявлен по приказу королевы по всем жертвам пожара в опере. В тот день умерло много аристократов...

– Один день? – И даже не только ради меня. – Погоди-ка, мои братья выжили?

– Мой принц, вы были единственным представленным членом королевской семьи. Ваши братья в добром здравии. – Мужчина склонил голову и сделал шаг назад, указывая на служебный ход и приглашая проследовать за ним.

– Капитан, не станет принц Красной Марки спустя шесть месяцев возвращаться во дворец из мёртвых через боковые ворота. – Я махнул на Эрриковы ворота и проговорил имперским голосом. – Открывайте.

Стражники пару раз переглянулись. Капитан несколько неуверенно прочистил горло.

– Ключ от Эрриковых ворот хранится в сокровищнице, принц Ялан. Его выдают по особому распоряжению её величества, и...

– Так сбегайте к моей бабушке и дайте ей знать, что я жду! – Каким-то образом я вляпался в неприятности, ещё даже не попав во дворец, но будь я проклят, если позволю какому-то выскочке-капитану и его людям хихикать за моей спиной, пока я протискиваюсь в служебный ход.

– И в любом случае, ворота в настоящее время закрыты на ремонт. Нужно убрать несколько центнеров гравия и заменить одну петлю, прежде чем их можно будет открыть.

Будь он проклят.

– А наружу они не открываются? – Я лишь очень смутно помнил, что кто-либо ими пользовался. Флорентийский герцог, Абрамус, наносил визит, когда мне было десять, но когда он проезжал, я проказничал позади королевских конюшен...

– Мои извинения, ваше высочество. – Вид у него был ничуть не извиняющимся.

– Ладно, чёрт возьми. Ведите меня через вашу мышиную нору. – Я слез с лошади и, тряхнув головой, направился к служебному ходу. – Ты. – Я указал на субкапитана. – Проследи, чтобы моего коня доставили к Римскому Залу. Нед, иди с ним и убедись, что они не заблудятся.

Хеннан встал и собрался идти за мной.

– И парня тоже возьми. – Я махнул Неду на него. – Скажи Балессе, пусть даст ему поесть.

Хеннан бросил на меня такой взгляд, будто его предали, и пошёл за мужчинами с Нормом, повесив голову. Я раздражённо махнул рукой капитану. А чего пацан ожидал? Вряд ли я стал бы представлять его во дворце. Кардинал Кендет, это Хеннан, Хеннан, это кардинал. Принц Мартус, принц Дарин, он пасёт коз... Безумие.

Капитан лишь непроницаемо и бесстрастно посмотрел на меня, как смотрел с самого моего прибытия, кивнул и отвернулся, чтобы провести меня через дверь. Итак, наконец-то, спустя столько

времени, я вернулся во дворец, протиснувшись в узкий изогнутый проход через служебную дверь. С другой стороны стены мы вышли на слепящий солнечный свет, и, прищурившись, я осмотрелся, собираясь с мыслями. Наверное, надо было явиться к отцу и отыскать подходящую одежду, прежде чем наносить визиты. Все же захотят услышать мою историю, и, хотя рассказывать её в неопрятной дорожной одежде было бы полезно – это придало бы ей достоверности, – я предпочитал комфорт и великолепие своего придворного наряда. И ванна тоже не помешает. Как и горничная, чтобы подливать воду и возвращать мыло, когда я его уроню.

– Ваше высочество, я провожу вас к вашему отцу. – Капитан взмахом подозвал пару своих людей. Я бы предпочёл, чтобы меня спрашивали, куда я собираюсь идти, а не говорили мне, но я всё равно кивнул, разрешая себя проводить.

– Раз уж я мёртв, сначала покажите мою могилу. – Интересно было посмотреть, какой памятник они воздвигли герою перевала Арал.

Капитан коротко кивнул, и мы пошли вдоль дворцовых строений. Солнце так палило, что ходили здесь немногие. Маленькие фигурки в чёрном неспешно брели вдоль тенистой стороны Бедного дворца, Миланского дома и Марсельской башни – слуги, отправленные по каким-то поручениям. Кроме них наша публика состояла из редких стражников на стене и небольшого личного состава взъерошенных ворон, полинявших от жары.

Через горнило Западного Двора мы прошли к дворцовой церкви – а именно, к южному крылу Римского Зала. Отец мог быть внутри, хотя он проводил в залах Христовой службы меньше времени, чем некоторые язычники – что, для кардинала, было нелёгким делом.

Мы подошли к дверям церкви, по обе стороны остроконечной крыши ввысь взмывали одинаковые шпили. На нас со стены неодобрительно смотрели высеченные из камня святые. Я начал подниматься по лестнице.

– Сюда, ваше высочество, – крикнул капитан, прежде чем я поднялся на верхнюю ступень.

Я обернулся. Он указывал на диск, вделанный во внешнюю стену, посреди множества других отметок по лордам и генералам, умершим в прошлом году – некоторые уже так выветрились, что их

невозможно было прочесть. Я вернулся, во мне закипал гнев. Членов королевской семьи всегда хоронили в церкви, наши могилы плотно стояли по обе стороны от нефа. Принцы и принцессы королевства были погребены под чёрными мраморными плитами, встроенными в пол, а более прославленные фигуры – в собственных склепах под своими идеализированными подобиями из алебаstra. Для королей и королев находилось место в алтаре. Медленный поток лет смывал забытых членов королевской семьи вниз, в катакомбы, освобождая место для более свежих усопших... но даже таблички самых распоследних принцев от дождя берегла крыша церкви.

Моя табличка была установлена между двумя новыми: слева генерал Улламер Контаф, герой Цитадели Амерот, 17-97 годы Междуцарствия, а справа лорд Квентин де Вир, 38-98 годы Междуцарствия. Я приложил руку к своему диску.

"В память: Ялан Кендет, третий сын кардинала Реймонда, 76-98 годы Междуцарствия". Я зачитал эти слова вслух.

– И это всё? Третий сын кардинала? – Ни "принц"? ни "герой перевала Арал"? Сволочи. – Я встречаюсь с кардиналом немедленно. Если он трезв и не в постели с каким-нибудь певчим. – Я понял, что держу руку на ноже, ладонь сжимает наверху. – Живо!

В ответ на последнюю рывкнутую команду стражники резко выпрямились. Капитан, стоявший по стойке смирно, указал глазами на двери церкви.

– Очень сильно сомневаюсь, что найду его там, капитан! – Но, как бы то ни было, я снова поднялся по лестнице и с некоторой жестокостью толкнул обеими руками левую дверь.

Некоторое время я стоял, ослеплённый, и ждал, пока мои глаза после яркости дня привыкнут к мягкому свету свечей и приглушённому спектру витражного стекла. Наконец, показались смутные фигуры, и я шагнул внутрь. У скамей стояли на коленях три пожилые дамы, у ряда свечей склонился старик, и посередине северного нефа лицом к стене стояла сутулая серая фигура. На самом деле я не ожидал встретить среди них своего отца. В дальнем конце под круглым окном за аналоем стоял священник в чёрной рясе, который переворачивал страницу. Я сделал ещё шаг вперёд. Не было никакого смысла спрашивать, не прячется ли отец в трансепте, но всё равно, что-то меня привлекло. Возможно, просто прохлада. Снаружи

становилось чертовски жарко. Наверное, за время, проведённое в Норсхейме, я отвык от лета Красной Марки, поскольку даже на миг избавиться от палящего света оказалось благословенным облегчением.

Я пошёл по северному нефу, и только тогда понял, что сутулый человек стоял перед камнем моей матери – на диске было написано её имя и родословная, а за ним, в толще стен, лежали её останки. И, как я помнил, и о чём, вероятно, больше никто не знал – останки моей нерождённой сестры.

– Принц Ялан? – Мужчина посмотрел на меня. Он был седым и рано постаревшим, с морщинами от боли на лице. Он захромал в мою сторону – его правая нога была искалечена. Почему-то я компенсировал его приближение шагом назад.

– Роббин? – Слуга моего отца, хотя сначала, во мраке, я засомневался. Его голова купалась в зелёном свете, который лился через змея на высоком окне, где святой Георгий сражался с драконом. Сейчас я не обращал внимания на его сутулость и на старческие волосы, заглядывая на полтора десятилетия в прошлое. – Роббин? – И снова на миг я никак не мог его разглядеть – от проклятого ладана в церквях глаза режет. Я зажмурился от слёз и увидел Роббина, каким он был пятнадцать лет назад, когда сражался с Эдрисом Дином, встав между убийцей, мной и матерью. Искалечившую его рану он получил, служа мне. Я прижал пальцы к глазам, чтобы их протереть, думая, сколько раз за все эти годы я насмеялся или проклинал его за медлительность, когда он хромал по поручениям моего отца.

– Да, ваше высочество. – Он начал опускаться на колено, как люди перед троном. – Г-говорили, что вы умерли.

Я схватил его, пока он не свалился ничком, или не выкинул что-нибудь ещё более неприятное.

– Я не чувствую себя мёртвым. – Я отпустил его и сделал шаг назад. – А теперь, если только мой отец не притаился здесь, пойду и поищу его там, где он может находиться. Наш добрый кардинал, наверное, сможет раз и навсегда разобраться, мёртв я или нет.

Я оправил куртку Роббина в том месте, где схватил его, когда поднимал на ноги, и вежливо кивнул. Старый слуга, по-прежнему потрясённый, остался стоять там. Мои шаги громко разносились эхом среди колонн и старых вдов – они следили за моим уходом между

скамьями, и каждая их морщинка выражала осуждение.

***

– Его здесь нет. Попробуем поискать в доме. – Я взмахом показал капитану и его людям следовать за мной, и направился к величественному входу в Римский Зал. Перед лестницей стояла карета, запряжённая четвёркой лошадей, кучер опустил голову, словно ждал здесь уже довольно долго. Я проигнорировал его и поспешил к дверям.

Я не узнал лакея, который открыл двери в ответ на мой стук, но знал двух стражников в мундирах дома за его спиной, которые щурились от яркого солнца.

– Альфонс! Дубль! Рад вас видеть. Где мой отец? – Я протолкнулся мимо дворцового в зал, в нишах которого стояли индусские статуи, которые кардинал по-прежнему коллекционировал, к недовольству своих священников. Привратники бросились ко мне, лопоча всю эту чушь, вроде: "но вы же мертвы!", от которой в следующие несколько дней мне явно предстояло порядком устать.

– Ялан! – В мою сторону шагал мой брат Дарин в одежде для путешествия, а человек рядом с ним тащил сундук. – Я знал, что ты выскочил из огня в какое-нибудь полымя! – Он явно был доволен – не счастлив, но доволен. – В винных залах ходили слухи, что ты устроился в цирк! – Дарин развёл руки, чтобы меня обнять, красивое лицо расплылось в широкой и явно искренней улыбке.

– Уёбок! – Я ударил его в челюсть – так сильно, что он свалился на задницу, а я порезал костяшки об его зубы.

– Что? – Дарин остался сидеть на полу, сплёвывая кровь. Он покачал головой и посмотрел на меня. – Это ещё за что?

– "Отец ждет тебя вечером в этой своей опере. И не вздумай опоздать или заявиться пьяным. Не притворяйся, что тебя не предупредили!" – изобразил я глубокий снисходительный голос, которым он отправлял меня на смерть в пламени.

– А-а. – Дарин протянул руку своему носильщику, который помог ему подняться на ноги. Он вытер губы. – Ну, очевидно, я не знал...

– Ты не пошёл! – Взревел я, вспоминая крики. Свирепость моего гнева застала меня врасплох. – Мартуса там не было! Дорогой отец забыл свою оперу? Ни один из выводка бабушки не явился? – Я снова поднял кулак, и Дарин, хоть и был на пару дюймов выше и дрался всегда лучше, отступил назад.

– Это же была *опера*, Бога-то ради. Я и не думал, что ты пойдёшь! Если бы ты не исчез в ночь пожара, я бы деньги поставил на то, что тебя там не было... и я был прав, тебя не было! – Поморщившись, он пошевелил рукой челюсть. – Я всего лишь исполнял свои обязанности, рассказывая тебе о твоих. Отец слишком напился тем вечером и от оперы воздержался. Мартус подошёл ко второй половине и обнаружил здание в огне...

– Так я туда *пошёл*, и, чёрт возьми, чуть не сгорел! – Я немного опустил руки. – И тут есть, кого винить!

– Кого-то, да. Только не меня. – Окровавленной рукой он вытер губы. – Неплохой удар, братец. – Он ухмыльнулся. – Рад тебя видеть! – И как-то ему удалось выглядеть, словно он действительно был рад.

– Ты... – Я вспомнил Лизу и прикусил язык, не став произносить обвинение. – А де Виры были там той ночью?

Улыбку Дарина как рукой сняло.

– Ален де Вир был. Потрясение от этого убило его отца, лорд Квентин умер в своей постели через неделю. К счастью, в день представления у них был какой-то скандал, и сёстры остались дома. И правда к счастью, поскольку я женился на Мише, младшей из них. Сейчас как раз отправляемся в наш загородный дом.

Я держался невозмутимо. На самом деле слишком невозмутимо.

– Миша! Ты же её знаешь? Наверняка ты с ней встречался? – сказал Дарин.

– Ах, да... Миша. – Добрых полдюжины раз. И большую часть из них в её постели после тяжёлого подъёма по увитой плющом колонне. Малышка Миша, красотка, лицо которой сияло ангельской невинностью, а её трюкам мне пришлось научить дам в "Шёлковой Перчатке" и у мадам ла Пенды. – Помню эту девушку. Поздравляю,

брат. Желаю вам счастья.

– Спасибо. Миша порадует, что ты выжил. Она так тревожилась, узнав слухи о тебе. Может, заедешь к нам, как устроишься? Особенно если у тебя найдутся слова утешения по поводу последней ночи бедняги Алена...

– Конечно. Непременно, – солгал я. Миша, должно быть, выясняла, жив ли я, чтобы успокоиться насчёт тех историй, которые я мог бы рассказать её новому мужу. И сомневаюсь, что она хотела бы услышать, как её брат умер в туалете, после удара моей ноги в его в лицо, пока он стаскивал с меня штаны. – Навещу вас при первой же возможности.

– Договорились! – Дарин снова ухмыльнулся. – О! Я забыл, ты же не знаешь. Ты будешь дядей.

– Что? Как? – По отдельности эти слова имели смысл, но никак не желали соединяться во что-то понятное.

Дарин положил руку мне на плечо и заговорил насмешливо-серьёзным голосом:

– Ну... когда папочка и мамочка очень сильно любят друг друга...

– Она беременна?

– Или да, или же проглотила что-то очень большое и круглое.

– Боже!

– Большинство людей в таких случаях поздравляют.

– Ну... и это тоже. – Я – дядя? Моя Миша? Внезапно я почувствовал, что мне нужно присесть. – Я всегда думал, что из меня получится отличный дядя. Ужасный. Но отличный.

– Ялан, поехали со мной. Восстановишься после своих испытаний и всё такое.

– Возможно. – Смотреть, как Дарин и Миша играют в счастливую семейку? Не так я представлял себе первые дни в цивилизации. – Но прямо сейчас я должен повидаться с отцом.

– Не терпится снова отправиться в путешествие? – Дарин озадаченно склонил голову.

– Нет... а что? – В его словах не было смысла.

– Отец в Риме. Папесса вызвала его на аудиенцию, и бабушка сказала, что он должен поехать.

– Чёрт возьми. – У меня были вопросы, требовавшие ответов, и из отца их вытянуть было бы легче, чем у других. – Ладно... слушай, я собираюсь помыться и... постой, ты ведь не выбросил мою одежду?

– Я? – Дарин рассмеялся. – Зачем бы мне прикасаться к твоим павлиньим перьям? Насколько мне известно, всё на месте. Если только Балесса не взяла их себе, чтобы расчистить твои комнаты. Отец уж точно не стал бы отдавать таких распоряжений. В любом случае, мне пора. Я и так опаздываю. – Он кивнул своему человеку, и тот снова потащил сундук. – Навести нас, как будет возможность, и не зли Мартуса, у него плохое настроение. Бабушка назначила старшего брата Миши и Алена, нового лорда де Вира, капитаном пехоты, которую собирала последние несколько месяцев. А Мартус уже считал, что этот пост его. А потом ещё несколько дней назад какая-то новая напасть или оскорбление. Я не очень-то вникал... что-то насчёт громадного счёта от торговца. Кажется, его звали Оллус.

– Мэрес Аллус?

– Возможно. – Дарин повернулся к дверям. – Рад видеть тебя живым, братец. – Он махнул рукой и ушёл. А я стоял и смотрел, пока карета не увезла его из вида. Он даже не спросил, где я был...

Альфонс не отрывал взгляда от двери. Дубль, менее древний стражник, темнокожий парень с мешками под глазами, смотрел на меня с явным любопытством. Я стерпел эту дерзость. Приятно видеть, что по крайней мере один человек находил занимательным вернувшегося искателя приключений.

ДВАДЦАТЬ

Отец уехал в Рим, Дарин свалил в свою деревню с *моей* милой Мишей, а Мартус, получив мои посмертные игральные долги, вышел на тропу войны, так что у меня сейчас не оставалось семьи, которую можно было бы потчевать сагой о моём нежданном изгнании.

Я решил сидеть в доме и не высовываться, надеясь, что Мартус заплатит Мэресу мои долги, прежде чем узнает, что я не мёртв. Вернувшись в свои комнаты, я вызвал пару горничных потереть мне спинку и прочее, пока принимаю ванну, в которой так давно нуждался. Вода вскоре почернела, так что пришлось отправить Мэри подогреть ещё, пока Джейн помогала выбрать мне придворный наряд. В общем, возвращение на родину пока выглядело не очень-то утешительно, и даже горничные радовались не так сильно, как им следовало. Я немножко прижал Джейн, и она так оскорбилась, будто была принцессой! Из-за этого я вспомнил последнюю встреченную мной принцессу, потрясающую Катерину ап Скоррон, обладательницу весьма соблазнительного зада и жестокого левого колена. Воспоминание о том, как она применила то самое колено, убило всё настроение, и я отправил Джейн к её обязанностям, сказав, что оденусь и сам.

Казалось, всё не так, словно дворец был чужими ботинками, которые я надел по ошибке. Я пошёл в Стеклянную Палату – комнату, в которой какой-то предыдущий кардинал собрал коллекцию стеклянных изделий в высоких шкафах из затонувших городов Венеции и Атлантиды. Этой комнаты я избегал многие годы, после инцидента с боями на яйцах, из которого Мартус и Дарин как-то вышли безнаказанными и сговорились свалить всю вину на меня. Ну а теперь я ходил среди старых шкафов, и их забытое содержимое блестело всеми цветами от красного до фиолетового – меня вело какое-то старое воспоминание и вкус крови.

Пригнувшись в углу, я оттянул кусок незакреплённого плитуса, и там, в маленькой ямке в штукатурке блестел покрытый рунами конус из орихалка, который выпал из руки матери, когда её убил Эдрис Дин. Когда меня выпустили из под опеки врача, только получив, наконец, возможность остаться одному, я отправился в

Звёздную комнату, достал конус из-под дивана, куда его запнули, и спрятал его здесь. Меня никогда не беспокоила мысль, что Гариус захочет его вернуть, а он никогда не спрашивал. Возможно из-за того, что, спроси он, ему пришлось бы обвинить меня или мою мать в воровстве. Я спрятал орихалк и вытеснил воспоминание из памяти: и конус, и тайник, и всю эту ужасную историю. Пока магия крови Кары не пробудила эти воспоминания.

– Моё. – Я схватил конус, в моей руке он оказался таким холодным. Через ладонь запульсировал свет, плоть стала розовой, а кости пальцев казались чёрными прутьями. Я завернул его в платок и убрал глубоко в карман.

Потом встал, но остался на месте, невидяще уставившись в угол. Я говорю, "магия Кары", поскольку это её заклинание оживило старые воспоминания, её действия потревожили их покой, заставив вновь и вновь проигрываться в моей голове, подобно какому-то чудовищному спектаклю теней... но начал это ключ. Именно ключ Локи отомкнул всё это – вопреки совету я им воспользовался и открыл дверь в прошлое, которую теперь не мог закрыть. И тогда я подумал, как тяжело, наверное, закрыть дверь, которую собирался открыть Снорри.

Я вернул плинтус на место и следующий час ходил по коридорам Римского Зала. Той ночью сон долго не шёл ко мне.

***

Мне нужно было поговорить с кем-нибудь, кто понял бы, что со мной случилось. Я хотел было сходить к Гариусу, но казалось глупым ждать совета от человека, который шестьдесят лет не покидал своей комнаты и никогда не бывал за стенами дворца. И к тому же властью обладали его сестры. Полдня поразмыслив, я решил предстать перед немолчаливой. Перед выходом я прицепил церемониальную шпагу. Стражник при входе её заберёт, на бабушка отметит ножны, и ей понравится, что её отпрыск ходит вооружённым.

Дорога до Внутреннего дворца была настолько долгой, что мой

запас отваги почти иссяк, и я почти решил повернуть обратно. Будь она длиннее ещё на сотню ярдов, я бы так и сделал, но сейчас обнаружил, что уже поднимаюсь по лестнице к величественным дверям.

На верхних ступенях по бокам стояли десять личных охранников королевы, страдавших от жары в полудоспехах. Надо мной перед дверью возвышался рыцарь, и казался ещё выше из-за высокого шлема с алым плюмажем.

– Принц Ялан. – Он едва заметно склонил голову.

Готовый вспылить, я подождал слов "но вы же мертвы", и обнаружил, что разочарован, когда их не последовало.

– Я желаю встретиться со своей бабушкой. – По воскресеньям после церковной службы она всегда устраивала полуденное совещание двора. Я сходил на римскую мессу в надежде встретить её там, но она, должно быть, посетила личную часовню, или просто пропустила всю эту нудятину, как обычно поступал и я. Мессу в Зале проводил епископ Джеймс, который вознёс благодарности за возвращение заблудшей овцы в стадо. Я бы предпочёл возвращение "льва-завоевателя в прайд", но по крайней мере о моём возвращении было официально объявлено, и это значило, что Мэрес не сможет убить меня по-тихому.

– Мой принц, идёт заседание двора. – Рыцарь толкнул дверь и отступил в сторону, давая мне пройти.

***

Двор Красной Королевы не похож на дворы в других странах. Король Роны Йоллар держит пышный двор, где собираются сотни аристократов, которые задирают носы, бранятся и демонстрируют новинки моды. В нашем протекторате Адора герцог принимает в своих залах философов и музыкантов, а лорды и леди со всего королевства приезжают их послушать. Граф Кантанлоны знаменит расточительными придворными пирушками, которые длятся больше недели и осушают запасы вина в городах вокруг столицы. Бабушкин

двор куда суровей. Это практичное собрание, на которое дураков допускают лишь ненадолго. И здесь редко увидишь блеск нового платья – для них просто нет публики.

– Принц Ялан Кендет. – Объявил о моём приходе камергер Мантал Дрюс, одетый в тот же мрачный серый костюм, в котором я его видел в день, когда покинул город.

Около дюжины присутствующих повернулись в мою сторону. Куда больше королевских стражников в кольчугах, начищенных до блеска, стояло по краям зала. Эти на меня даже не взглянули. На лицах, направленных в мою сторону, не отразилось никакого удивления. Никто даже не шептал, прикрывшись веером – новости во дворце расходятся быстро. За ночь вести разошлись через стражников и слуг, а утром подтвердились через знать, видевшую меня на службе.

Сама королева на меня даже не взглянула. Её внимание было занято человеком в тяжёлой не по сезону пурпурной мантии, который стоял на коленях перед тронном и о чём-то страстно молил. По бокам от бабушки стояли её старые угрюмые служанки: с одной стороны костлявая женщина, а с другой – крепкая седовласая матрона за пятьдесят, обе в серо-чёрных шaliaх. Я оглянулся в поисках Молчаливой Сестры, но её нигде не было видно.

Собравшись с духом, я вышел на середину тронного зала, и все мои старые тревоги вышли за мной следом. Я изо всех сил старался держать маску, которая так долго мне служила: добродушный принц Ял, герой перевала, самый бесшабашный из всех. Выражением лица и языком тела я лгу не хуже, чем языком во рту, и, смею думать, ложь неплохо мне удаётся. Придворные – или правильнее было бы назвать их сегодняшними просителями, поскольку из аристократии никто не задерживался при дворе, как только их дело решалось – расступились. Я узнал некоторых из них: мелкие лорды, барон Стромболь из тени Скорронских Ауп, торговец драгоценностями из Норроу, дочь которого я неплохо узнал за пару ночей... всё как обычно.

– А вот и он! – Человек перед тронном закончил своё прошение, повысив голос сильнее, чем того требовали приличия, и указал пальцем прямо на меня.

– Вы ставите меня в неудобное положение, сир. – Я терпеливо

улыбнулся ему, почти не сомневаясь, что раньше мы с ним не встречались, хотя что-то в нём казалось знакомым.

– Никаких удобств от меня вам не дождаться, принц Ялан! – С виду ему было лет тридцать, крепкий малый, с покрасневшим от гнева лицом. – Я услышал о вашем возвращении и немедленно покинул свой полк, чтобы выяснить правду. – Он начал отстёгивать пустые ножны, отчего стражники положили руки на рукояти. – Я требую сатисфакции. И требую её немедленно! – Он швырнул ножны к моим ногам, бросая мне вызов в старых традициях. – Сразитесь со мной, и ваше возвращение живо исправит ошибку в вашем некрологе!

– Берегитесь, лорд Грегори. – Это сказала бабушка на троне, её голос был тихим, но предостерегающим.

Тот развернулся и изобразил глубокий поклон.

– Со всем уважением, ваше величество.

К счастью, у меня большой опыт по уклонению от дуэлей, и бабушка только что дала мне ключ к выходу из этой ситуации.

– Не буду притворяться, что знаю вас, любезный. – Я прикрасил лёгким негодованием свой тон. – Но раз уж вы, видимо, меня знаете, то также должны понимать, что я принц Красной Марки, человек, которому – коли несчастье обрушится на этот королевский дом – придётся, быть может, нести бремя короны. – Я не стал упоминать, сколько именно наследников должно умереть, чтобы *такое* случилось. – Сердце ветерана Скорронских кампаний принуждает встретить холодной сталью любой вызов моей чести. – Я увидел, как он встрепнулся. – Однако, долг превышает зова, и он предписывает мне обратить ваше внимание на эдикт Голлота шестого года. Ни один принц королевства не должен унижать себя, отвечая на вызов простых аристократов. – Я перефразировал оригинал, добавив слово "простых", чтобы посыпать соль на рану, но королевские указы в этой области я знал куда лучше всего, чему меня когда-либо пытались научить преподаватели. Короче говоря, он был ниже меня – его ранг считался недостаточно высоким, чтобы бросать вызов принцу.

Я дал ему некоторое время покипеть, его лицо наливалось кровью, и наконец я подумал, что он либо бросится на меня, либо кровь уже брызнет из его глаз. Я был бы рад, если бы он прыгнул на

меня, чтобы стража избила его за дерзость, но, к сожалению, он сделал глубокий неровный вдох и повернулся ко мне спиной.

Грохот моего сердца стих до уровня, когда я мог слышать свои слова, и теперь, рассердившись, что мне перечат при дворе, я пнул его ножны ему обратно.

– Ваше имя и титул, сир! – Я не знал никаких лордов Грегори.

Он медленно повернулся, согнув пустые руки.

– Лорд де Вир Карнтский, главнокомандующий Седьмой Пехотной. А вы... принц, вы растлили мою сестру, Лизу де Вир, и этот бессовестный акт насилия привёл моего младшего брата, Алана, к смерти.

– А-а... – Я понял, что в нём мне показалось знакомым. Он был похож на своего брата. Тот же излишне суровый череп, уж точно. – Растлил, говорите? Это вряд ли, сир! Если уж на то пошло, так это они меня растлили! Никогда не знал столь ненасытных сестёр!

И снова Грегори выглядел так, будто вот-вот на меня бросится, не в силах от ярости сформулировать слова, а потом внезапно опустил руки.

– Они? Вы сказали "*они*"? Они! Жена вашего собственного брата... моя маленькая Миша?

– Нет! – Выпалил я, прежде чем снова взял себя в руки. – Нет, не стройте из себя дурака больше, чем нужно, лорд де Вир. Разумеется, Шараль. – Мужчина не должен называть имена, но сестёр было всего три. Я не в силах был не отвернуться на миг, чтобы представить милую Шараль, с волосами до бёдер, самую высокую из трёх... ей всегда нравилось быть сверху...

– Шараль... – Он сказал это таким довольным тоном, что снова привлёк моё внимание. Из всех реакций, которых я ожидал, "удовольствие" было в самом низу списка.

Я щёлкнул пальцами, указав ему на бронзовые двери:

– Де Вир, если ваше дело закончено...

– О, не волнуйтесь, принц Ялан. Моё дело закончено. Я удаляюсь. – Он поклонился бабушке. – С вашего разрешения, ваше высочество. – И, дождавшись кивка, он наклонился поднять свои ножны – неплохой работы, украшенные пластинами из чёрного

железа. – Но я, пожалуй, задержусь в городском доме графа Изена. Быть может, вы его знаете?

Я не удостоил его ответом. Все знали графа Изена, и его репутация, заработанная на юге, простиралась даже за границы Красной Марки. В землях, которые он удерживал для короны, его частная армия изводила контрабандистов и даже преследовала пиратов по всем морям до самых берегов Пиратских островов.

Грегори церемонно поклонился мне.

– Шараль помолвлена с добрым графом. Уверен, когда он услышит, как вы навязывали своё распутство моей сестре, не оставив ей возможности сопротивляться, он тоже пожелает сатисфакции своей чести ... И, полагаю, когда вас вызовет граф, вы уже не сможете прятаться за юбки последнего короля Голлота.

Грегори в последний раз поклонился трону и зашагал прочь.

***

Только с уходом Грегори я заметил Молчаливую Сестру, стоявшую в самой глубокой тени слева от огромных бронзовых дверей – бледная как кость, замотанная в одежду, которую будто бы намочили и высушили, так что она стала похожа на вторую сморщенную кожу.

– Итак, мальчик Реймонда. – Голос бабушки повернул меня обратно к трону. – Так где ты был?

Я посмотрел на неё, сидевшую в ярде надо мной на помосте, и встретился с ней взглядом. Там сидела Алиса – та же девушка из замка Амерот, начавшая осаду с убийства своей младшей сестры, которое она назвала милосердием, а закончила, купаясь в крови посреди останков своих врагов – конечно, с маленькой помощью своей старшей сестры. Разумеется, пять десятков лет под солнцем Красной Марки натянули её плоть на кости, выжгли кожу в плотные морщины, но в её глазах виднелись всё те же безжалостные размышления. Мне ничего не получить от неё, если она решит, что я слаб. Ничего, если она учует запах моего страха.

– Снова язык проглотил, мальчик? – Бабушка прищурилась, тонкие губы неодобрительно вытянулись в ещё более тонкую линию.

Я сглотнул и постарался вспомнить каждый удар, который претерпел с той ночи, как покинул город, каждую невзгodu, каждый излишний миг ужаса.

– Я был там, куда меня послала двоюродная бабушка. – Я обернулся, указывая на Молчаливую Сестру у входа. Она подняла брови и невесело ухмыльнулась. Её слепой глаз почти светился на затенённом лице.

– Хмм. – Донеслось ворчание из горла Красной Королевы. – Вон. – Она махнула людям за моей спиной.

Лорды, леди, торговцы и бароны отлично знали, что нельзя протестовать или мешкать и кротко зашаркали прочь под её взглядом.

Двери за ними закрылись с лязгом, прозвучавшим как погребальный колокол.

– А у тебя острый глаз, мальчик. – Она уставилась на свою ладонь, лежавшую на ручке трона.

Большую часть жизни я до жути боялся тронного зала, и всякий раз, бывая здесь, страстно хотел уйти как можно скорее и по возможности без шумихи. Но сейчас, хоть каждый мой нерв вызвал к возможности сбежать, я пришёл по своей воле и спровоцировал Красную Королеву на частную аудиенцию. Я указал на Молчаливую Сестру и рассказал её секрет. Пот лился с меня ручьями по рёбрам, но я вспомнил, как мать стояла перед старухой, и как умерла двумя часами позже, не от гнева бабушки, а из-за её неудачи.

– Да. У меня острый глаз. – Я взглянул на неё, но она продолжала смотреть на ладонь, словно читала что-то по линиям на ней. – Настолько острый, что я посмотрел на вас в замке Амерот, с Улламером.

Королева подняла брови, словно моя дерзость её ошеломила, а потом фыркнула.

– Эту историю поют в тавернах по всей стране. Её даже в Словене поют!

– Я видел вас в комнате под цитаделью, – сказал я. – Среди ваших лучших войск.

Она пожала плечами.

– Там кроме цитадели ничего не осталось. Любой дурак тебе скажет, что выжившие собрались там.

– Я видел машину, и слышал, как она говорила. И видел время-звезду, горящую синим цветом.

Она сомкнула ладонь в кулак.

– И кто показал тебе всё это? Может, Скилфа? В ледяном отражении?

– Я показал это сам себе. Это записано в моей крови. – Я обернулся посмотреть на старую ведьму у двери. Она не двинулась, но уже не улыбалась. – И я видел, как умерла моя сестра. В ней была вся магия, которую вы искали во мне... но Синяя Госпожа украла у вас этот шанс. Эдрис Дин украл. Почему вы не убили его за это? Сейчас он работает на Мёртвого Короля... почему вы не протянули руку и... – Я изобразил руками скручивающее движение. – Почему она этого не сделала? – Я указал на Молчаливую Сестру, но обнаружил, что та исчезла.

– Эдрис Дин по-прежнему работает на Синюю Госпожу, – сказала королева. – Как и многие другие.

– Но Мёртвый Король...

– Мёртвый Король как лесной пожар, а Синяя Госпожа в своих целях направляет его пламя туда-сюда. Сотня думает, что война ведётся за Империю, но те, кто стоят за этим, знают, что на кону гораздо более важные вещи.

Я попытался представить себе вещи важнее, чем целая империя. И мне не удалось. Меня даже не интересовала империя, разрушенная или не разрушенная. Я хотел лишь, чтобы мир катился по своей весёлой дорожке, как всю мою прошлую жизнь, и обеспечил мне беззаботный средний возраст и удобное старческое слабоумие, чтобы я мог тратить понапрасну отведённое мне время, как потратил понапрасну свою юность. Я даже не хотел быть королём Красной Марки, несмотря на все мои стоны. Просто дайте мне пятьдесят тысяч золотом, особняк и беговых лошадей, и я больше никого не беспокою. Из богатого распутного юноши я стану до одури богатым распутным стариком, с милой и любезной молодой жёнушкой и с кучей светловолосых сыновей, которые найдут чем

занять милых и любезных юных горничных. А когда возраст даст о себе знать, я полезу в бутылку, прямо как дорогой папочка. И только одно пятно оставалось на сияющем воображаемом горизонте моего будущего...

– Я хочу, чтобы Эдрис Дин умер.

– Его нелегко найти. – На лице королевы появилось то же убийственное выражение, которое было в Амероте. – Моя сестра его не видит, и служба Синей Госпоже завела его далеко за пределы наших границ. Терпение это ключ. В конце концов враги всегда возвращаются к тебе.

Тогда я подумал о Снорри. Ключ Локи – вот ключ к моему врагу. Эдрис придёт за ним. А Снорри убьёт его.

– Ваша сестра, моя двоюродная бабушка... – Неприятно было так прямо говорить о наших родственных связях, но во время своих путешествий я понял, что знание – вещь, которой я всегда избегал, считая нудной помехой веселью – может оказаться полезным в деле выживания. И раз уж знаний у меня было так мало, я решил выложить всё имеющееся, в надежде, что бабушка заполнит пробелы. Если я и знал что-то о людях, от дураков до мудрецов, так это только одно: они изо всех сил стараются не показать, что знают больше тебя и, конечно, поступая так, немного заполняют пробелы. – Моя двоюродная бабушка пыталась убить меня. На самом деле она убила сотни людей... и делала так и раньше! – Внезапно из ниоткуда я увидел Амералья Контафа, его круглое лицо, подозрительно прищуренные глазки. Всего лишь один из дворцовых чиновников и заноза в моей королевской заднице, но с этим человеком я в тот день разговаривал, и он умер в пожаре. Я увидел его на фоне фиолетового пламени, освещённого сиянием. – Пойдите... Амераль Контаф... он же....

– Внук Улламера. – Красная Королева склонила голову. – Один из восьми. Это яблоко упало от яблоньки дальше всех. – Она мрачно уставилась на меня. Знала бы она, подумал я, как далеко я упал от её яблоньки... если мы говорили о яблоках, то Ялан Кендет упал с ветки Красной Королевы, скатился с холма, упал в речку и уплыл в море, и его выбросило на берег совершенно иной страны.

– А массовое убийство? – Я вернулся к своей мысли, снова оглядываясь в поисках Молчаливой Сестры, и внезапно обнаружил,

что теперь она стоит за троном, и её зрячий глаз суров, как камень. Я вспомнил, как она выглядела той ночью в своих лохмотьях, когда рисовала проклятье на стенах оперы.

– Мальчик, эта война началась ещё до моего рождения. – Бабушка говорила тихим и угрожающим голосом. – Дело тут не в том, кто какую корону носит. И не в сохранении города, страны, образа жизни или идеала. Троя сгорела из-за красивого личика. Здесь всё куда серьёзнее.

– Так расскажите! Все эти величественные разговоры прекрасны, но я видел лишь, как горят люди. – Эти слова слетели с моих губ, и остановить их было нельзя, как чих. Понятия не имею, зачем я её подстрекал. Мне хотелось лишь оказаться подальше отсюда, вернуться к своим устремлениям, соблазнять дамочек Вермильона очарованием Ялана. И всё же я критиковал вторую по могуществу женщину мира, словно был её наставником. Я быстро принялся извиняться. – Я...

– Рада видеть, что ты вырос, Ялан. Гариус сказал, что север вознесёт тебя, либо погубит. – Клянусь, я видел, как её губы едва заметно одобрительно дёрнулись. – Если мы потерпим неудачу. Если не остановить, а лучше обернуть вспять те изменения, которые запустили в мире Зодчие, если магия выйдет из-под контроля, и миры треснут, начав перетекать друг в друга... тогда на кону окажется всё. Сами скалы запылают. Не останется ни стран, ни людей, ни жизни. Вот в чём заключается эта долгая война. Вот что на кону.

Я глубоко вздохнул.

– И всё равно... – Начал я, мысли кружились. Война это игра, а в играх нужно два игрока, и у другой стороны есть свои цели. – Синяя Госпожа, и все, кто работают на неё... они же не хотят уничтожить мир. Или, если хотят, в этом есть что-то для них. У всех своя точка зрения.

Красная Королева посмотрела через плечо в глаза своей старшей сестре.

– Видать, не совсем тупой.

Молчаливая Сестра улыбнулась, показав узкие жёлтые зубы, отстоящие друг от друга. Она вытянула руку мимо плеча королевы, и я вздрогнул, вспомнив её прикосновение. Пальцы разжались, и каким-то образом в её ладони очутился мак, такой красный, что на

миг мне показалось, будто это рана.

– Курение мака – это зависимость, которая обходит чувства людей. Это голод, который заставляет гордых мужчин и умных женщин ползать в трясине, в поисках большего. – Красная Королева взяла цветок с руки сестры, и в её руках тот стал дымом, алым туманом, который поднялся и исчез. – Магия – наркотик куда хуже, и её крюки впиваются намного глубже. Именно магия раскалывает мир, магия тянет нас к концу. Мир треснул, и каждое заклинание делает трещины чуть шире.

– Синяя Госпожа хочет приговорить всех, потому что не может отказаться от своих заклинаний? – Пока я задавал этот вопрос, мой тон сменялся от недоверчивого к легковёрному. Старые шлюхи с Грязного переулка продавали не только своё тело за монеты, чтобы купить очередную дозу смолы, которую Мэрес выжимал из мака. Они бы продали и души, если бы только могли.

– Частично, – согласилась бабушка. – Сомневаюсь, что она смогла бы отказаться от своей силы. Но более того, она верит, что где-то, за пределами соединения сфер, есть место для немногих самоизбранных. Синяя Госпожа считает, что те, кто достаточно глубоко погрузятся в магию, смогут в конце выжить и отыскать новые формы существования, так же как некоторым Зодчим удалось пережить День Тысячи Солнц. Возможно, она видит себя в качестве первого бога в том, что наступит. Своих последователей она рассматривает как элиту, избранных отыскать совершенно новый мир.

– А вы... не верите? – Внезапно я осознал, что всё это время обращался к ней без формальностей, и запоздало добавил: – Ваше величество.

– Не имеет значения, что я думаю о последствиях такого финала, – сказала она. – У меня есть долг перед моими людьми. Я не позволю этому случиться.

В конце концов, что бы Алиса Кендет ни говорила о том, что стоит на кону, передо мной была королева, защищающая свои земли, города и подданных.

– А пожары? Чёрт, вся опера? – Я увидел, как она прищурилась, и добавил: – Ваше величество.

– Мир, возможно, и истончается, но по-прежнему есть очень

немного мест, где может вернуться нерождённый. Возможности выпадают редко, длятся недолго, и их нелегко предсказать. Определённое место в определённый час. Если его пропустить, то следующее окно, через которое они смогут пройти, может не открываться месяцами, и может оказаться за тысячу миль отсюда. А чтобы провести нерождённого через вуаль в других обстоятельствах, потребуется громадная трата ресурсов. Количество населения этого города и магия, которая здесь творится, делают Вермильон нерестилищем для нерождённых. Моя сестра не может давать предупреждений, она может лишь определять и уничтожать тварей, когда они появляются. Люди вокруг таких событий – пища для новых нерождённых, тварь использует их плоть, чтобы восстановиться, вырасти, принять более жуткие формы и подпитать свои силы. Есть лишь один способ уничтожить нерождённого – сжечь гнездо, прежде чем он поймёт, что на него нападают.

– Но я видел его – в опере я видел нерождённого. Он сбежал и преследовал нас на север. В цирке на нас напал нерождённый – его выкинуло из утробы в могилу, и глубокой ночью он вырвался из-под земли. А ещё сын Снорри в Чёрном форте, а потом их капитан...

Красная Королева поджала губы. Можно было подумать, на неё произвело впечатление, что я видел четырёх разных нерождённых, и всё же стою перед ней, а мои внутренности до сих пор внутри меня.

– Существо, которое ты видел первым, не нововозвращённый. Он был одним из двух, которые собирались запустить процесс. Каждый нерождённый начинается с убийства ребёнка в утробе. Чем дольше дитя остаётся в мёртвых землях, тем сложнее ему родиться в мир живых, но зато он сможет пользоваться всем потенциалом, заложенным в его кровь. Это был очень особенный нерождённый, возможно величайший из всех. Два худших слуги Мёртвого Короля присутствовали там, чтобы облегчить появление этого в мире: нерождённые Принц и Капитан. Проход намного легче осуществить при помощи смерти близкого родственника. Скорее всего, нужный им родственник был среди публики. Нам выпал редкий шанс испытать магию моей сестры против ключевых фигур в рядах наших врагов и предотвратить прибытие нового могущественного слуги Мёртвого Короля.

Я сглотнул, снова вспомнив глаза, смотревшие на меня в щёлочки фарфоровой маски. А потом, подумав, что заканчивать

разговор на моей роли в неудаче заклęcia было бы не очень хорошо, продолжил:

– И нерождённый Принц сбежал и следовал за нами на север...

– Нерождённый Принц отправился на юг, – сказала бабушка. – Нерождённый Капитан на север. Несомненно, они известили Мёртвого Короля об этих событиях и отправили за тобой своих агентов, но принц отправился на юг, где и сейчас работает против нас.

– А-а.

– Когда ты разрушил заклęcie, моя сестра увидела возможность. Трещина, которую ты вставил в её заклęcie, позволила двум старшим нерождённым сбежать, но сестра увидела способ вложить свою силу в двух необычных человек, и поняла, что потоки случайностей приведут вас к нашему врагу на севере.

– Потоки случайностей? – Это была вовсе не случайность. Я, бывало, напившись, делал за игральным столом довольно безумные ставки, но ни разу не бросал кости, ставя на такой невероятный шанс.

– Возможно, она и передвинула несколько фигур на нужные места. То, что она делает – это скорее искусство, чем наука, и, даже не будь она такой молчаливой, сомневаюсь, что она смогла бы объяснить больше половины своих действий. Её мотивы вряд ли можно облечь в слова.

– Но как только она вмешалась, когда воздействовала на то, что со мной случится... она уже не могла ничего увидеть. – Перефразировал я Кару. – Она сунула руку в чистое озеро, чтобы изменить будущее, и взмутила воду.

Бабушка наклонила голову набок, словно хотела взглянуть на меня под новым углом. Я видел, как пятьдесят лет назад она так же смотрела на дымящиеся развалины замка Амерот.

– Мы почувствовали, что проклятие снято. Почувствовали, что с нерождённым покончено. В диких землях, вдали от людей, которыми им можно подпитываться, они слабее... Так скажи мне, после победы над врагами нашёл ли Снорри вер Снагасон то, что искал?

Я помедлил. Планировать ложь всегда плохая затея. Знала ли она, что именно искал Мёртвый Король под Суровыми Льдами? Знала ли она, что мы нашли это? Важно было не загнать себя в

неприятности... а неприятности последуют, если меня поймут на лжи, но так же их не миновать, если мне поручат новое задание.

– Его семью убили, – сказал я. Это была правда, но не та, которую она хотела услышать. В любом случае, Снорри не искал ключ – как и никто из нас.

Молчаливая Сестра снова вытянула руку, сжимая что-то. Я затаил дыхание, не желая встречаться с ней взглядом. Её пальцы медленно разжались, открыв длинный чёрный ключ, ключ Локи.

– Ах, да, он нашёл это. – Я чувствовал, что лгать небезопасно. Чертовски неприятное чувство. Говорят, правда освобождает, но я заметил, что меня она обычно загоняет в угол. – Ключ у Снорри. – Но на этот раз меня немедленно затопило чувство облегчения. Я им рассказал. Это больше не моя проблема. У бабушки есть армии, убийцы, агенты – хитрые и бесстрашные мужчины и женщины, которые со всем разберутся.

– И? – Поторопила меня Красная Королева, её лицо напряглось. Копия ключа Молчаливой Сестры померкла, став пятном на белизне её руки.

– Он несёт его к магу по имени Келем, в соляные копи. У него есть какая-то безумная идея открыть дверь, которую старик ему покажет... и... хм... вернуть свою семью.

– Что? – Грянул гром недоверия, от которого я так быстро рванул назад, что наступил на свой плащ и грохнулся на задницу. Пока эхо разносилось по тронному залу, клянусь, я услышал, как из тёмного рта Молчаливой Сестры вырвалось шипение:

– Где...

Бабушка поднялась с трона, и выглядела ужаснее, чем Скилфа. Казалось, она мучительно пытается задать вопрос, произнести его и сформулировать свой гнев.

– Где сейчас Снорри вер Снагасон?

– Уф... – Я отполз назад, чувствуя, что на ноги подниматься небезопасно. – Он д-должен быть милях в двадцати на дороге во Флоренцию. Я оставил его за Вермильоном вчера в полдень.

Бабушка закрыла лицо рукой, вытянув вторую к ручке трона.

– Ключ был у меня на пороге? Почему...

Она оборвала свой вопрос, и в этот миг я чувствовал: говорить о том, что никто ни разу не упоминал мне, что ей нужен этот чёртов ключ, сейчас было бы неуместно.

– Март. – Красная Королева опустила руку и посмотрела на седовласую женщину справа от трона. – Организуй сотню всадников. Отправь их привезти сюда норсийца. Его сложно с кем-то спутать: ростом в шесть футов, чёрные волосы и борода, бледная кожа. Так ведь, мальчик?

Меня снова понизили до "мальчика". Я поднялся и отряхнул плащ.

– Да. Он путешествует с толстым рыжим викингом и светловолосой вельвой с Крайнего Севера.

– Ещё лучше. Раскинь сети пошире. Не упusti его.

ДВАДЦАТЬ ОДИН

Бабушка отпустила меня из тронного зала без формальностей, как и своих придворных ранее. Короткая прогулка, три двери, закрывшихся за мной, и я снова оказался на палящем солнце жаркого полудня Красной Марки. Никаких обязанностей, требований, никакой ответственности...

– Хеннан! – вспомнил я о мальчишке и с удивлением обнаружил, что эта мысль дала мне ощущение цели, которому я обрадовался.

***

– Балесса! – Вернувшись в чуть более прохладные пределы Римского Зала, я отправился искать Хеннана, а это означало, что сперва надо найти Балессу. Бесстрашная хозяйка отцовских владений знала, где лежит каждая булавка. – Балесса! – Я кричал и шагал по комнатам первого этажа и, устав, тяжело опустился в кожаное кресло в рабочем кабинете отца. На полках стояло бесчисленное количество ценных томов по теологии. Книги меня мало интересовали, кроме двенадцатитомника святого Проктора-Малера, в котором отец прятал виски – два длинных глиняных кувшина, покрытых соляной глазурью, плотно закупоренных. А ещё на верхних полках стояли книги "Дорога на Небеса", и "Спасение падших, по одной душе за раз", и прочих в том же духе, гравюры в которых были, наверное, самыми порнографическими из тех, что можно отыскать в городе.

– Джейн! – Я заметил горничную, которая пыталась незаметно прошмыгнуть.

– Да, принц Ялан? – Она выпрямилась и посмотрела на меня.

– Не могла бы ты привести сюда Балессу? Мне надо разузнать про мальчишку.

– Сэр, вы имеете в виду Хеннана?

– Его самого. Мелкий такой. Грязный. Где он?

– Сэр, он сбежал. Балесса поручила ему работу в огороде, и спустя час он исчез.

– Исчез? – Я встал со стула. – Куда исчез?

Джейн почти высокомерно подняла плечи.

– Не знаю, сэр.

– Проклятье! Скажи Толстому Неду, я хочу, чтобы мальчишку нашли. Он не мог убежать далеко. – Хотя на самом деле он мог сбежать уже очень далеко. Во дворец трудно попасть. А выбраться из него намного проще, если только не тащишь кучу ценностей.

Джейн ушла разыскивать Неда – совсем не спеша, следует добавить. Я вздохнул и взял книгу со стола отца, чтобы отвлечься. Хеннан, должно быть, помчится за Снорри, направившись на юг по Аппанской дороге там, где она выходит к Речным воротам. Если повезёт, он увидит всадников, тащащих остальных назад, и последует за ними. Мне не хотелось объяснять Снорри отсутствие парня. Особенно после того, как бабушка заберёт у него ключ.

Ещё некоторое время я смотрел на корешки книг, снова вздохнул и пошёл проверить сейф в углу, надеясь отыскать несколько монет. Разумеется, он был заперт, но я давным-давно разобрался, как обмануть механизм. Требовался согнутый гвоздь и терпение. Оказалось, что моих запасов терпения для этой задачи маловато, но согнутого гвоздя и раздражённых ругательств тоже вполне достаточно.

– Вот ведь хрень. – К моему разочарованию, монет в сейфе не оказалось, хотя, подняв кардинальскую накидку, я обнаружил неожиданное сокровище. Там лежали завёрнутые в бархат отцовский фон и священный камень. Два атрибута его должности, важнее которых была только кардинальская печать. Фон представлял собой тонкую помятую табличку из пластика и стекла, которая легко ложилась в руку. Эту штуку удерживало сплетение серебряной проволоки, не дававшее вывалиться тёмному растрескавшемуся стеклу. Священники говорили, что Зодчие при помощи таких устройств могли разговаривать с кем угодно и призывать знания великих древних библиотек всего мира. Духовенство же использовало свои фоны для более набожных целей, ускоряя молитвы к Богу и, как они заявляли, слушая его ответы. Я несколько

раз слушал это устройство, но никакой связи не почувствовал.

Священный камень выглядел точь-в-точь как маленький железный ананас. Его поверхность разделялась глубокими пазами на квадраты, и к боку крепко прижималась тусклая ручка или рычаг из серебристой стали. В древние времена ананас всегда был символом гостеприимства, хотя церковь использовала эти предметы другим способом. Видимо, каждому ученику-теологу из хорошей семьи, предназначенному для высшей должности, в начале обучения выдавался священный камень, и запрещалось тянуть за рычаг под угрозой отлучения от церкви. Они называли это испытанием послушания. Я называл это испытанием любопытства. Явно церкви нужны были епископы, у которых так мало воображения, что им не хочется исследовать и задавать вопросы.

Я поигрался с этой штукой. *Кто без греха, пусть первый бросит камень...* и отложил, зная, что отец лишит меня наследства, если я сломаю эту штуку. Сокровища, но к сожалению слишком ценные и их слишком сложно заложить. Я кратко поразмыслил об их значении. Как правило, отец никогда не выпускал их из вида. Возможно, он боялся, что если возьмёт их в Рим, то папесса заберёт их в качестве взыскания за плохое исполнение служебных обязанностей.

Я закрыл сейф и вернулся на своё место, выбрав с полки книгу наугад. "Блудный Сын". Библейские истории не самая сильная моя сторона, но я чувствовал, что блудный сын по возвращении пировал и праздновал, а не просто занимал место. А я, несмотря на все свои настоящие достижения, получил лишь табличку снаружи на фамильной церкви и выговор за то, что не стал сражаться с гигантской норсиейской машиной убийства за предмет, о котором даже не знал, что он нужен бабушке. Прибавьте к этому Мишу, которая вышла замуж за недостойного Дарина, Шараль, помолвленную с человеком, который хотел порезать меня на куски, и сбежавшего Хеннана – будто бы ходить по пыли приятнее, чем жить во дворце в Вермильоне.

– Пора наружу. – И я бросил книгу. Моя жизнь в Вермильоне всегда была сосредоточена на его самых нездоровых точках: бойцовских ямах, притонах, скачках, борделях...

Сначала в свои покои, найти что-нибудь подходящее для выхода в город. В моих комнатах оказался жуткий бардак, и я поджал губы. Было вполне вероятно, что я оставил свои вещи разбросанными,

когда уходил, но я ожидал, что их приберёт... кто-нибудь. Я точно не знал, кто занимается подобным, но кто-то же занимался. Всегда. Я пометил себе пожаловаться на этот счёт Балессе. Выглядело так, словно кто-то обыскивал мои вещи... Пожав плечами, я выбрал прекрасный камзол, бархатные панталоны с разрезами, открывающими алую подкладку, тёмную дорогую накидку с серебряной пряжкой. Взгляд в зеркало. Восхитительно. Пора идти.

В караулке я разбудил двух стариков, которых отец назначил для моей личной защиты: Ронар и Тодд, оба ветераны каких-то войн, о которых не пели песен. Никогда не спрашивал их фамилий. Они поднялись, поворчав, и загрохотали вслед за мной, словно это было каким-то жутким штрафным заданием после шести месяцев, проведённых за игрой в баттамон в казармах.

Из Римского зала я направился в гостевой комплекс, собрать своих старых друзей. Прошёл через Поле – двор с дурацким названием, на котором в юности провёл много несчастных часов, тренируясь всем воинским искусствам. Миновал дядю Гертета, почти затерявшегося среди своей свиты. Ему было за пятьдесят, и в свои годы он выглядел неважно. Он представлял собой кричащую фигуру в закрытом кителе, прошитом таким количеством золотой нити, которого хватило бы, чтобы основать сиротский приют. В свите я заметил кузенов Роланда и Ротуса, но ни один не бросил на меня и взгляда. Похоже, они шли со стороны Внутреннего дворца – возможно, это был очередной формальный визит, во время которого наиболее невероятный наследник проверял, вдруг его мать уже оказала ему любезность и померла.

***

С Поля я повёл своих бездельников-телохранителей в гостевой комплекс – в расплзающееся крыло Внутреннего дворца, отделённое от королевских покоев и служащее домом для сменяющихся жителей из числа приезжей знати, дипломатов, торговых делегаций и тому подобного. Отец Барраса Йона, посол Вьены, занимал комплекс покоев на втором этаже. Вьена, может, и столица Разрушенной

Империи, но память о прошлой славе придавала её послам некоторую солидность, подкреплённую Золотой Гвардией, которая прежде служила последнему императору, а теперь защищала династию оставшихся после него властителей.

Похоже, никто точно не знал, почему Большой Йон при дворе уже три года. Империя состояла из сотни фрагментов размером с Красную Марку, и хотя, несомненно, в каждый из них время от времени призывали вьенских послов, но редко кто из них оставался настолько, чтобы занять резиденцию. Баррас говорил лишь, что его отец, договорившись о перемирии между Скорроном и Маркой, теперь отказывался уезжать из страха, что оно рухнет, как только он повернётся к ним спиной.

Я прошёл по нескольким длинным коридорам, по лестницам вверх, вниз и снова вверх. Наконец, мы добрались до нужных дверей, и я застучал, чтобы меня впустили.

– Баррас! – Он вышел к дверям полуодетый, хотя с тех пор, как я отправил за ним привратника, прошла целая вечность. За ним шёл Роллас – дюжий детина, сведущий в драках на кулаках и с клинком. Компания хорошая, но не следовало забывать, что он должен был защищать сына посла от последствий его безрассудства.

– Ялан! Это правда! А мы-то думали, что опера тебя убила. – Он ухмыльнулся, хотя и немного нервно. Рубашку он застегнул неправильно, и на шее у него виднелись следы, похожие на укусы.

– Едва-едва не прикончила, – сказал я. – Но я выбрался во время антракта. Пришлось немного попутешествовать по северу, но я вернулся и готов к неприятностям. Сегодня мы идём развлекаться.

– Звучит неплохо... А кто это "мы"? – Он почесал шею и глянул на Ролласа, который подошёл к двери, дружелюбно кивнув мне.

– Возьмём Грейяров, вытащим Омара от его штудий, отправимся в сады Давмара и опрокинем немного вина... а там посмотрим, куда ночь нас заведёт. – Краем глаза я заметил мелькнувшие атласные юбки и уставился мимо Барраса на угол в конце коридора за его спиной. – Развлекаешь юную даму, Баррас? А что сказал бы Большой Йон?

– Он, хм... дал мне своё благословение. – Баррас хмуро посмотрел себе под ноги. – Я, хм.

– Он женился, – сказал Роллас. – Когда вы "умерли", это его слегка потрясло. Он начал думать о своих планах, о том, что останется после него, если и его что-то подкосит. – Он пожал плечами, словно речь шла о стадии, которую проходят все мужчины.

– Ах ты старый кобель! – Я постарался, чтобы мой голос звучал радостно. Хотя сложно радоваться потере хорошего человека. – Кто она? Надеюсь, богачка!

Баррас по-прежнему не мог посмотреть мне в глаза. Роллас прокашлялся.

– О-о, Христа ради... это же не Лиза? – Это прозвучало громче, чем я рассчитывал. – Ты женился на Лизе де Вир?

Баррас стеснительно посмотрел на меня.

– Она была так расстроена, когда ты... когда думала, что ты умер вместе с Аланом. Я думал, это мой долг её утешить.

– Чёрта с два ты так думал. – Я мог себе представить, как он "утешал" её прямо только что. "Бедный Ялан. Наверное, он сейчас в лучшем месте...", и придвигается к ней на кушетке. "Ну-ну!", и рука обнимает её за плечи. – Будь всё проклято. – Я развернулся и зашагал прочь.

– Куда ты идёшь? – Крикнул Баррас мне вслед.

– Найду Руста и Лона. А ты, видимо, расскажешь мне, что и Грейяры уже женаты?

– Вернулись в Стрелу, – крикнул он, поскольку расстояние между нами увеличивалось. – Их кузен втянул страну в войну. Теперь они участвуют во вторжении Конахта!

– Тогда Омар! – Прорычал я в ответ.

– Вернулся в Хамаду учиться математике!

– Насрать! – Я уже ушёл за пределы слышимости, перепрыгивая по три ступеньки за раз. Перед главными дверями я помедлил, чтобы отдышаться и осознать несправедливость всего этого. Я ведь определённо собирался попросить Лизу выйти за меня. Только Лиза, память о которой поддерживала меня в ледяных водах, помогала мне идти, несмотря на боль, тяготы и самоубийственную природу наших поисков. Лиза, к которой мой разум возвращался в пустоте диких земель. Замужем! За моим другом, Баррасом! Я сильно пнул по

дверному косяку и захромал под палящим солнцем.

Следующей остановкой я назначил себе Бедный дворец. Я туда не собирался, но раз всё пошло наперекосяк, то отправился через площадь Победы и поднялся посмотреть, что скажет сам старый Гариус. Я воспользовался ступеньками – было слишком жарко, чтобы карабкаться. В любом случае подобные действия ниже достоинства принца, вернувшегося с границ Суровых Льдов, где он смотрел смерти в глаза.

– Привет? – При входе никто не стоял, и дверь была полуоткрыта.

Нет ответа.

– Привет? – Я просунулся внутрь. – Это я, Ялан.

Куча на кровати неуклюже дёрнулась. Со вздохом и усилием, от которого он весь задрожал, Гариус поднял голову – такую же уродливую, как я и помнил, только старше и более усталую.

– Юный Ялан.

– Я вернулся. – Я взял стул у кровати и уселся без приглашения. Занавески были задёрнуты, так что сложно было разглядеть что-то кроме мебели.

– Я этому рад. – Он улыбнулся влажными губами. По его подбородку текла слюна, но улыбка была искренней.

– Ты единственный. – Я наклонился потереть пальцы ноги, которые до сих пор болели от удара по косяку. – Бабушка только что наорала на меня в тронном зале из-за какого-то ключа...

– Из-за ключа Локи. – Это не было похоже на вопрос. Гариус спокойно посмотрел на меня.

– Возможно, довольно скоро он станет ключом Келема. – Тишина затянулась. – Келем это...

– Я знаю, кто это, – сказал Гариус. – Все, у кого есть деловые интересы, знают старого Келема. Не так давно его лицо легко можно было встретить на каждой монете в Империи.

– А теперь? Я думал, он владеет всеми банками во Флоренции. – Что там говорил Снорри? Что-то насчёт пульса коммерции.

– Его называют отцом банкирских кланов, но если отец живёт

слишком долго, то детки склонны поворачиваться против него. – Гариус с усилием махнул рукой на корреспонденцию, сваленную на стол за его кроватью. – В Умбертиде зреют проблемы. Финансовые дома ищут новых партнёров. Некоторые даже смотрят в сторону Затонувших островов. Интересные времена сейчас, Ялан, интересные времена.

– Затонувшие острова? Мёртвого Короля золото интересует так же, как и трупы?

Гариус пожал плечами.

– Одно часто следует за другим. – Он откинулся назад и задышал со скрежетом, явно измождённый.

– Ты... – Я попытался подыскать нужное слово, явно он был не "в порядке". – Привести тебе кого-нибудь?

– Я устал, Ялан. Старый, уставший и сломленный. Мне... надо поспать. – Он закрыл глаза. Я хотел задать ему тысячу вопросов о своём путешествии, но теперь, увидев, какой он хрупкий и древний, ни один из них не казался таким уж важным. Я уже не очень-то понимал, почему мы заговорили о банках, но у меня не хватало смелости расспрашивать его о моих подозрениях – сейчас, когда я сидел перед ним, они казались глупыми.

– Тогда поспи, дедушка. – Почти прошептал. И повернулся, чтобы уйти.

Он снова заговорил сонным голосом, когда я прошёл в дверь.

– Я *правда* рад... видеть тебя, Ялан... знал, что в тебе это есть, парень.

***

– Парни, остались только мы с вами.

Ронар и Тодд ждали меня, с такой непринуждённостью развалившись в тенике, какой могут достичь только бывалые солдаты. Судя по их виду, новостям они не обрадовались и не

огорчились – просто выправились и приготовились идти. Выглядели они так себе: оба седые, старые и с большими животиками. Я не ждал от них многого, вспомнив, как быстро они испарились в прошлый раз в "Кровавых Ямах", когда подошёл поговорить Мэрес Аллус.

Мы отправились через Лекарские ворота в угрюмую послеполуденную жару. Над крышами города висела грязная дымка, а вдали, к югу над Гонельскими холмами, собирались грозовые тучи. Я чувствовал себя несколько выжатым, но ничто не восстанавливает мужское самомнение, как полный бурдюк вина. Так что я повёл своих стражников по повторявшей изгибы Селина улице Корелли, которая располагалась на гребне, и между домов был виден блеск воды. Дома торговцев и городские имения мелких аристократов вскоре сменились скверами и площадями Маленькой Венеции, разделёнными бесчисленными каналами. Мы пересекли множество горбатых мостов и вышли к "Лозам Рота" – винному магазину, который я отлично знал. Старина Рот умер много лет назад, но его сыновья унаследовали его чутьё на выбор отличных сортов винограда и не пускали внутрь всякое быдло.

– Принц Ялан! – Старший сын, несмотря на покачивающийся живот, грациозно протанцевал между столиками. – А мы-то думали, вы нас покинули!

– Ни за что! – Он провёл меня внутрь и выдвинул стул за одним из зарезервированных столиков в центре под высоким навесом. – Даже смерть не отвадит меня от твоей гостеприимности, Марко!

– Что вам принести, мой принц? – Доброжелательная улыбка на пухлом рябом лице. Он источал добродушие, его уродство отчего-то казалось очаровательным, и, если на самом деле его беспокоил тот факт, что я задолжал ему почти пятьдесят крон золотом... что ж, никто из нас этого не показывал.

– Красного ронского, да получше, – сказал я.

– А-а, ваши вкусы расширились, принц Ялан! Но все красные ронские хороши. Что выбрать? Байерн? Иларскую долину? Чами-Никс? Дон П....

– Чами-Никс.

– Как пожелаете. – И с поклоном удалился. Уже скоро в подвалы помчится мальчонка в поисках моего вина.

Я откинулся назад. Тодд и Ронар разместились неподалёку, в тени большого клёна за огороженной для посетителей Рота частью площади. За оградой тёк медленный поток мира, тени становились всё длиннее. Принесли моё вино, и я его медленно потягивал, перекаывая вкус на языке. Расслабленный, уважаемый, в тепле и безопасности. Я должен был чувствовать себя куда лучше. Спустя некоторое время вино стало разъедать моё недовольство, но время от времени перед глазами вставал длинный холмистый горизонт из моих путешествий – тянущийся вдаль, полный нераскрытых тайн. Я пытался избавиться от этого ощущения и напоминал себе, каким жутким оно было от начала и до конца.

– Принц Ялан! Как вы? Вы должны рассказать нам о своих приключениях. – Моё внимание привлёк человек за соседним столиком. Я хмуро посмотрел на него: тощий, хорькоподобный, лысеющий, с пятном цвета портвейна под глазом, словно он плакал кровью... Бонарти По! Ужасный карьерист и человек, которого в обычное время мне хотелось бы прирезать. Но в отсутствии компании, и вспомнив, насколько красива его сестра, я едва заметно кивнул ему и, слегка пошевелив пальцем, поманил его с приятелями к себе.

Ещё до того, как сыновья Рота зажгли лампы, я был уже навеселе, уговорив полторы бутылки, и рассказывал первую часть своего путешествия на север. Неприятные детали я упускал и не упоминал Мёртвого Короля, но всё равно удивил сам себя, обнаружив, что в кои-то веки ложь в моём рассказе есть только для показухи, а серьёзный костяк истории составляет чистая правда.

– Две дюжины бандитов преследовали нас по горам, круче которых не найти и вокруг перевала Арал! – Я осушил свой кубок, свободной рукой изображая те горы. – Во главе у них был Эдрис Дин – грязный убийца, как...

Разговоры вокруг меня стихли – не разом, как если бы вошёл человек, держащий в руках отрубленную голову, а постепенно, словно каждый вдруг захотел, чтобы на него не обращали внимания. Судя по взглядам в мою сторону, я на миг подумал, что за моей спиной стоит Эдрис Дин, в точности такой, каким я его описывал.

– Принц Ялан, как я рад вас видеть. – Тихий голос, немного гнусавый, можно даже сказать, скучный.

Я повернулся, неловко вывернув шею.

– Мэрес Аллус. – Мне удалось говорить без заикания, хотя я немедленно почувствовал себя привязанным к его столу, ожидающим Джона Резчика, который изменит моё лицо острым маленьким ножиком.

– Не беспокойтесь из-за меня, мой принц. – Мэрес положил маленькую тщательно наманикюренную ладонь мне на плечо. – Я всего лишь хотел поздравить вас с возвращением из ваших странствий. Полагаю, граф Изен завтра нанесёт визит в Римский зал, но если после этого у вас появится возможность, то я был бы очень рад снова встретиться с вами в "Кровавых Ямах" и обсудить деловые вопросы.

Рука с плеча поднялась, и Мэрес Аллус ушёл, не ожидая ответа. Из-за него я почувствовал себя неприятно трезвым, и внезапно захотел оказаться в безопасности за стенами дворца.

– Чёртов гад. – Я поднялся, отряхивая плечо в том месте, где он ко мне прикоснулся. – Вспомнил, что у меня есть дело во дворце. Королевский... приём. – Я не чувствовал себя пьяным, но моя ложь звучала хуже обычного. Я, бывало, умиротворял обманутых мужей совершенно смехотворными оправданиями – тут ведь всё дело в подаче. Скажи с достаточной убедительностью даже: "Я уронил ей в корсаж запонку – это подарок от моей матери, понимаете, а она помогала её вытащить", – и это временно может выглядеть благовидно. Однако за этим столом сейчас никто не думал, будто бы я ухожу не из-за Мэреса Аллуса, а по какой-то другой причине.

Я быстро промчался между столиками, заставив официанта отшатнуться, чтобы избежать столкновения, и свернул, увидев Марко, который, несомненно, собирался обсудить свои деловые вопросы и оплату четырёх бутылок Чами-Никс девяносто шестого года.

– Подъём. Живее! – Я щёлкнул пальцами Тодду и Ронару, дремавшим под клёном. Охранники Мартуса стояли бы всю ночь, не присев, прислонившись спиной к стволу. – Мы возвращаемся. – С тем же успехом я мог бы обращаться к дереву. Я сильно пнул Ронара по ноге. – Просыпайся! Если вы напились, то я...

Он свалился, и голова глухо ударилась о мостовую. Где-то за моей спиной засмеялась женщина.

– Чёрт.

Я толкнул ногой Ронара. Его голова со стеклянными глазами наклонилась, изо рта потекла струйка красной слюны. Мэрес убил обоих. Это было единственное объяснение. Он убил их в качестве предупреждения. И я побежал.

Я выдохся ярдов через двести и стоял, хватая воздух ртом, согнувшись пополам, прислонившись одной рукой к воротному столбу большого дома. По мне тёк пот и капал с волос. Когда я остановился, и меня догнал здравый смысл, я понял, что незачем бежать. Если бы Мэрес хотел меня убить, я уже был бы мёртв. По своему опыту в его складе я знал, что за спокойствием и благоразумным внешним видом в нём кроется безумие. Я всегда знал, что он руководил половиной преступников города не благодаря вежливому убеждению, но ошибочно принял его за обычного дельца, прагматика, который умеет выкручиваться. Однако на том складе я видел его без маски – и тот человек посчитал бы мой побег оскорблением своей гордости, и сложно сказать, сколько золота понадобится, чтобы залечить такую рану. Уж точно больше, чем у меня было.

ДВАДЦАТЬ ДВА

Посыльный принёс в Римский зал два послания, и хотя от похмелья в моей голове будто торчал огромный металлический кол, я к этому времени уже проснулся и готов был их читать, сидя за столиком с завтраком. Снаружи по Королевской дороге к дворцу уже крался на цыпочках серый рассвет. Я с одинаковым отвращением смотрел на свой омлет и на тубусы для свитков – один чёрный, другой медный. Протесты желудка заставили меня отставить сначала тарелку. На чёрном тубусе был картуш из слоновой кости с изображением силуэта потерпевшего крушение корабля – герба Изена. Внутри оказалось официальное сообщение о запланированном им визите. На уме у меня был лишь один вопрос: куда мне бежать и прочесть ли сначала другое послание. У меня не было средств, стоивших упоминания, некуда было бежать, и не имелось оправданий для побега – но я даже не рассматривал возможность остаться и сразиться на дуэли с графом Изеном. Понадобилось бы нечто большее, чем неодобрение бабушки, чтобы я решил сойтись в поединке с умалишённым вроде Изена.

Прижав ладонь ко лбу в попытке вытеснить причинённую самому себе боль, я со стоном протянул другую руку к медному тубусу. На нём не имелось никаких надписей. Я осторожно попытался открыть крышку одной рукой на тот случай, если Мэрес послал мне гадюку. В конце концов, эта штука свалилась на пол, и мне пришлось воспользоваться обеими руками – обе тряслись от вчерашнего избытка вина, стресса и уверенности, что если внутри сидит гадюка, то сейчас она уже определённо взбешена. Оказалось, наконечник откручивался, а не вытаскивался. Я вытряхнул свиток и расправил на столе. Некоторое время мне сложно было сфокусировать глаза, чтобы прочесть каллиграфический почерк на тонком пергаменте. Что-то вроде официального письма или долговой расписки.

Я сосредоточился на строке сверху: "Даварио Романо Эвеналин из отделения Коммерческих Деривативов^[14] Золотого Дома". А потом строка снизу: "Податель сего, принц Ялан Кендет, назначен представителем интересов Голлота в торговле с Африком, а именно

КМО "Юпитер, Марс и Меркурий". Я моргнул, поднёс свиток к глазам и прищурился. "Золотой Дом, Умбертиде, Флоренция".

Видимо, это был документ, который одновременно предоставлял полномочия и отправлял меня проводить какие-то коммерческие переговоры в Умбертиде, в банковскую столицу Флоренции. Я провёл пальцем по твёрдой восковой печати с оттиском сложного символа. Через мгновение я вспомнил, откуда знал его. Восемь сцепленных пальцев.

– Гариус! – Громко произнёс я. Слишком громко. И тут же пожалел об этом. На миг пронзительная му́ка похмелья вышибла из головы все мысли. – Гариус. – Прошептал я. Этот символ был вытатуирован на его левом запястье. А Голлот – это, наверное, его настоящее имя, унаследованное от отца, короля Голлота II. Я присмотрелся повнимательнее и увидел, что "Ялан", кажется, было написано поверх какого-то другого, стёртого имени, и другая печать подтверждала изменение.

Я скрутил свиток, сунул в тубус, плотно закрутил и облегчённо вздохнул. У меня нашлось оправдание для отъезда и место, куда отправиться. Дорогой старый дедушка Гариус прознал о моём затруднительном положении и нагрузил работой. Если я поспешу, то скроюсь из дворца ещё прежде, чем сюда притащат Снорри, прежде чем заявится граф, размахивая мечом и скуля о сатисфакции, и прежде чем об этом узнает Мэрес Аллус. А что ещё лучше – меня отправляли в Умбертиде, куда рано или поздно стекаются все деньги мира: а где обнищавшему принцу легче всего набить карманы? Я мог бы вернуться, гружённый золотом, расплатиться с Аллусом и другими стервятниками, и, будем надеяться, обнаружить, что Шараль де Вир к тому времени уже привела своего нового мужа в чувство.

– Седлайте мне коня! – И, надеясь, что кто-нибудь передаст мой приказ конюху, я нетвёрдо направился в свои комнаты, рассчитывая на этот раз собраться в путешествие. Первым делом я сменил церемониальную шпагу на верный боевой клинок. Королева поддерживает порядок на дорогах во Флоренцию, но всё равно, как гласит старая поговорка, чем более подержанным выглядит твой клинок, тем реже придётся держать его в руках.

Верховая езда в похмелье может либо прибить, либо излечить, и мне удалось выжить, хоть и хотелось несколько раз упасть в милосердные объятия смерти. Я выехал галопом из Вермильона с битком набитыми седельными сумками, стучавшими по бокам Нора, а утреннее солнце вокруг нас начинало разогревать булыжники мостовой.

Как только расстояние уменьшило город за моей спиной до пятнышка, которое можно было закрыть большим пальцем, я пустил Нора шагом. Приятно было снова ехать – на этот раз в безопасном направлении, с доверенностью в сумке, с кучей провизии, сменной одеждой, на лошади, с горстью медных монет и шестью серебряными кронами. Я распорядился передать графу, что меня вызвали по официальному королевскому делу. Приятно было представлять, как он томится на жаре перед Римским залом, а потом топает домой. Мэрес Аллус пускай тоже проваливает ко всем чертям. Я ехал в отличном настроении. Определённо есть что-то жизнерадостное в том, чтобы ехать вперёд, оставив позади свои проблемы.

Я ехал весь день, потом выспался в приличной гостинице, насладился огромным завтраком из омлета с грибами и жареной картошки, и снова отправился в путь. Путешествие инкогнито по моей родине оказалось избавительным переживанием. И, хотя мне не хватало компании норсийцев, это дало мне время подумать и посмотреть на окружающий мир. Оказалось, эти занятия сильно переоценивают.

Среди размышлений о событиях в Вермильоне всё сильнее проявлялись две мысли. А именно: где всадники бабушки с узником Снорри, и почему, чёрт возьми, я до сих пор не догнал Хеннана? Как бездомный, пешком, всего с одним днём форы мог так долго оставаться впереди меня?

Ещё один день по Аппанской дороге не принёс ответов ни на один из этих вопросов. Заходящее за спиной солнце принесло мне едва слышный шёпот Аслауг и погрузило долину Эдмар в тень. Белая молния на морде Нора словно ловила последний свет и указывала путь. Тёплый воздух, стрёкот сверчков, разносящийся среди

виноградников на склонах по обе стороны, редкий фургон или гружёная телега, которую тянет покачивающий боками ослик... о таком спокойном вечере можно только мечтать. А я же понял, что мечтаю о пьяном вечернем разгуле в "Причудах", за которым последуют пьяные кувыркания с самой гибкой исполнительницей (они любят называть себя актрисами), а то и с двумя, если не с тремя. Я поудобнее уселся в седле Нора, раздумывая, как быстро меня потянуло в Вермильон, несмотря на несколько досадное возвращение после долгого отсутствия.

До последнего мгновения я не замечал, что сзади ко мне приближаются всадники – в этом состоит ещё один недостаток блуждания в своих мыслях. Мужчина слева от меня наклонился в седле и вытащил мой меч, а человек справа вывел свою лошадь перед Норм и выхватил у меня поводья.

– Принц Ялан, вы не могли бы спешиться? – Донёсса голос сзади.

Оглянувшись, я увидел ещё троих всадников. В центре – крепкий мужчина, хорошо одетый, в плаще с высоким воротником по последней моде, застёгнутом на толстую золотую цепь. Выглядел он лет на пятьдесят, с короткими волосами, тёмными глазами и зловещей улыбкой. Желудок и мочевого пузыря сжал холод осознания, что это, наверное, граф Изен. Слева от него сидел человек постройнее, в сером капюшоне, держащий поводья одной рукой, а справа – уродливый темноволосый здоровяк, весьма похожий на тех, что были рядом со мной, только этот целился мне в спину из тяжёлого арбалета.

Я поднял руки, мысли понеслись вскачь.

– Я еду по делу королевы. У меня нет времени на игры – особенно на всякие засады на дороге. Это явное преступление! Моя бабушка за такое прибывает людей к деревьям. – Я старался говорить как можно спокойнее, тщательно выбирая слова, чтобы напомнить графу о его и о моих обязанностях. Одно дело вызвать человека на дуэль. И совсем другое – заставлять его съехать с дороги, пугая арбалетом.

– Принц Ялан, я попросил вас спешиться. Повторять просьбу я не буду. – Граф казался непоколебимым.

Я медленно спешил, чтобы не давать поводов парню с

арбалетом. Ему, или даже его лошади, хватило бы одного нервного вздрагивания, и я бы уже смотрел на дыру, проделанную во мне арбалетным болтом. Я видывал вблизи людей, пронзённых арбалетным болтом, и лучше бы я этого не видел.

– Полегче. Это безумие! Вам надо было всего лишь подождать...

Граф махнул двоим, которые тоже спешили. Я потряс головой, но не мог разобрать слов, которыми они переговаривались.

– Эй! – Они схватили мои руки и сноровисто связали их мне за спиной. Видимо, у них была заранее заготовлена верёвка с петлями, которой они и скрутили мне запястья.

Граф оглянулся назад на дорогу, потом приподнялся в стременах, чтобы посмотреть вперёд. Убедившись, что в ближайшую пару минут нас не потревожат, он снова сел.

– И маску. – Ни один не пошевелился. Граф приложил ладонь ко рту.

Сзади донёсся шелест, вытянулись руки и прижали к моему рту что-то тяжёлое.

– Нет! – Я начал сопротивляться, но человек впереди – высокий, как я, и с крепкими мышцами – ударил меня в живот, как раз в ту точку, которая приказывает воздуху как можно быстрее покинуть лёгкие.

Пока я сгибался пополам, они закрепили кляп и просунули кусок кожи между зубов, когда я хватал ртом воздух. Толстые кожаные ремни протянулись по моему лицу и на затылок, словно пальцы руки, частично перекрыв мне нос и наполовину закрыв глаза. Обычная маска лжеца из тех, что используются для перевозки подстрекателей к мятежу и безумцев. Я бы улыбнулся, если б мог. Граф Изен зашёл слишком далеко. Бабушка не потерпит таких унижений по отношению к любому, кто носит её имя. Если меня протащат так по Вермильону, то это несколько подмочит мою репутацию, но граф легко отделается, если останется с титулом и землями. И уж точно и речи быть не может, что я стану драться с ним на дуэли.

– Поднять! – Граф махнул рукой паре тащивших меня мужиков, и с удивительной лёгкостью они вернули меня на Нора. Я сунул ноги в стремена и крепко прижался коленями. Свалиться с лошади со связанными за спиной руками – верный способ сломать себе шею.

– Нет! – Хотел я сказать. Вместо этого из-за кляпа получился лишь приглушённый крик. Человек с другой стороны от Изена поднял капюшон. Для этого ему пришлось отпустить поводья, поскольку у него была лишь одна рука. Капюшон соскользнул с лысой белой головы, бледные глаза уставились на меня с бесплотного лица, которое каким-то образом умудрилось казаться довольным, несмотря на то, что выглядело, словно кожа, натянутая на кость. Какого чёрта Джон Резчик, мастер пыточных дел Мэреса Аллуса, разъезжает с графом Изеном? Я попытался пустить Нора рысью, но здоровяк возле меня крепко держал поводья, а второй так сильно пнул меня по ноге, что та онемела.

– Спокойно! – Граф поднял руку. – Немного поздно вы решили бежать, принц Ялан. – Он невесело улыбнулся. – Вижу, вы узнали Джона. Я Альбер Маркс, а имена наших помощников значения не имеют. Важно то, что они не понимают ни слова из того, что вы им говорите, и понятия не имеют, кто вы. Я упоминаю это лишь затем, чтобы вы не тратили времени, пытаюсь их подкупить, или как-то иначе сбить с толку.

Чёрт. Чёрт. Чёрт. Мэрес Аллус послал за мной одного из своих лучших заместителей. Альбер Маркс пользовался репутацией безжалостно эффективного человека. Я-то утешал себя мыслью, что между мной и графским мечом стоят любезности и королевский долг. Но настоящей угрозой стало повторное знакомство с щипцами Джона Резчика – и всё, что стояло между мной и возможностью оказаться привязанным к столу в одном из складов Мэреса, ускользнуло, когда я перестал обращать внимание на детали. Я должен был понимать, что это не граф. Говорили, что Изен коротышка, а Альбер Маркс даже на лошади, рядом с огромными подручными, под это описание никак не подходил.

– Поехали. – Альбер склонил голову и направился в сторону обочины, где с дороги в сторону уходила еле заметная тропинка. Два славянина ехали впереди, один сзади, направляя меня. Они не спеша вели меня за Альбером и Джоном Резчиком. Спустя пару минут мы скрылись среди виноградников и разделительных изгородей из боярышника.

Меня снова сняли со спины Нора, и Джон Резчик подошёл проверить мои узы. Он провёл холодной рукой с длинными пальцами по каждому из пяти ремней на моей голове – я аж содрогнулся от

такого отвратительно интимного прикосновения. Он ещё немного повозился с ремнями на затылке, и я услышал щелчок замка. Джон Резчик показался передо мной, покачивая маленьким ключом, который он положил себе в карман. Потом улыбнулся, демонстрируя острые зубы, и раскрыл плащ, чтобы показать обрубок руки, который оканчивался уродливым бледным шрамом прямо над локтем. Когда я видел Джона Резчика в прошлый раз, из раны хлестала кровь – за несколько секунд до этого Снорри отрубил ему руку. А я несколько раз хорошенько пнул его по голове, пока он лежал без сознания и, как я надеялся, умирал. Сейчас я пожалел, что не пробил его череп ножкой стола.

Неловко покопавшись во внутреннем кармане, Джон Резчик вынул железные щипцы.

– Помнишь? – спросил он.

Я не забыл, хотя, видит Бог, очень хотел. За последние шесть месяцев проклятый инструмент не раз являлся мне во снах.

– Я ждал, – сказал он. Потом, подойдя поближе, схватил щипцами кончик моего пальца и сильно сжал. Я глухо взревел и забился в руках славян. Каким-то образом мой палец высвободился, но боль была такой, что я не знал, вырвал он ноготь или нет. Вся рука мучительно пульсировала, я вдыхал и выдыхал через нос, из-под кляпа текли слюни.

Альбер Маркс подъехал ближе и наклонился.

– Мы с Джоном сейчас уедем. Неразумно рисковать быть пойманными, когда вы в наших руках. Мы организуем для вас незаметный въезд в город, а если мы с вами больше не встретимся... что ж, уверен, Джон встретится. – Он выпрямился. – Счастливого пути, принц Ялан. – И с этими словами они оба уехали рысью, а Джон Резчик подскакивал, как человек, непривычный к седлу.

Я сидел, стараясь сделать под маской вдох, глаза заливали слёзы, а палец полыхал от боли, словно его погрузили в горячую кислоту. Но всё равно, с каждым новым ярдом между нами моё сердце стучало чуть менее яростно. Может показаться слабым утешением, но, каким бы ужасным ни было моё положение, всё становилось чуточку лучше от того факта, что Джон Резчик удалялся.

Но облегчение оказалось недолгим. Один из трёх славян, что-то проворчав, потянул Нора за поводья, и мы направились назад на

Аппанскую дорогу. Я поморгал, прочищая глаза, и оглянулся на охранников. У них были похожие грубые черты лиц: тяжёлый лоб над маленьким носом и выступающие скулы, с которых желтоватая кожа тянулась к квадратной челюсти. Я решил, что они братья, а может даже тройняшки, поскольку различить их было сложно. Без маски и языкового барьера у меня, наверное, были бы неплохие шансы отговориться от них, но что-то в их глазах – в их ровных, лишённых воображения взглядах – говорило мне, что даже тогда свернуть их с пути было бы нелегко.

Первые три раза, как мы проезжали мимо людей на дороге, я немедленно начинал дёргаться и пытался закричать. Путешественники с отвращением смотрели на меня и насмешливо кричали, проезжая мимо, а от славян отворачивались, как только те уезжали из их поля зрения. В четвёртый раз я добился того, что кучер телеги бросил в меня камень, а самый крупный из славян так сильно ударил меня по почкам, что утром я наверняка буду писать кровью. После этого я сдался. В маске лжеца опознать меня было почти невозможно, даже если бы здесь проходили наши домашние слуги. Более того, маска показывала, что я враг Красной Марки, ложь которого является ядом. Большинство решило бы, что меня везут на суд, на котором признают виновным и вырвут мне язык – или, если судья попадётся снисходительный, разрежут до основания.

***

Мы встали лагерем на поле у дороги, достаточно далеко, чтобы нас не было видно. До этого мы неуклонно двигались к Вермильону, и облегчение, которое я испытал с отъездом Джона Резчика, снова быстро исчезло, как только расстояние между нами опять стало сокращаться. Я понятия не имел, как мне сбежать, да ещё сводило с ума то, что я еду верхом по своему королевству мимо дюжин верных подданных, неузнанный, и без возможности попросить о помощи.

Сидя в кругу примятой кукурузы и окружённые со всех сторон высоким зелёным множеством нетронутых посевов, мы были отлично скрыты. Даже лошадей не было видно – они наклонили головы и

хрустели почти созревшими початками. Один из братьев-славян вбил в землю деревянный шест и прикрепил к нему мою маску на приделанную к шесту цепочку. Покончив с этим, братья разделили холодную еду и принялись есть: чёрный хлеб, бочонок сероватого масла и кусок тёмно-красной колбасы с белыми пятнами жира и хрящей. Они поглощали еду в тишине, если не считать постоянного чавканья и редких неразборчивых фраз, с которыми они обменивались пищей. Никто из них не обращал на меня ни малейшего внимания. Я пытался разработать план побега, стараясь не думать о том, как сильно хочу писать. Ни то ни другое мне не удалось, и стало казаться, что единственный способ сообщить ублюдкам о моей нужде – это обмочиться.

Оказывается, и обмочиться тоже довольно сложно, поскольку это противоречит множеству ключевых инстинктов. Но тем не менее, если времени достаточно, то всё получится. Я даже чуть не обгадился, когда один из славян поднялся и вытащил из кармана необычный металлический крюк. Он без предупреждения схватил меня одной рукой за затылок, а другой просунул крюк мимо кляпа, поймав меня, словно рыбу, за уголок рта. Потом, просто держа крюк – отчего я не мог сопротивляться, – он вытащил воронку и насадил её на конец крюка – который оказался полый трубкой.

– Вода.

Он дотянулся до бурдюка с водой, и начал наполнять воронку. С этого момента и до тех пор, как он остановился, меня полностью занимала задача не задохнуться до смерти. Этот инцидент прояснил две вещи: во-первых, что ключа от маски у них нет, а во-вторых, если меня когда-нибудь и покормят, то это будет после того, как мы доберёмся до Вермильона.

"Водопой" решил и другую мою проблему – пока я задышался, мочевой пузырь утратил всю свою стыдливость. Сначала эффектом было довольно приятное тепло, быстро сменившееся куда менее приятным ощущением холодных мокрых штанов.

Солнце село, и хотя я вообразил шёпот Аслауг среди сухого шелеста кукурузы, но слов разобрать не мог, и помощи она не предлагала. На самом деле её шёпот звучал почти как смех.

Два брата расположились спать, оставив третьего наблюдать за мной. В конце концов я лёг на постель из примятых стеблей кукурузы

и попытался уснуть. Мой палец – или то, что в моём воображении от него осталось – пульсировал от боли. Я не мог вытянуть руки вперёд, и потому не мог найти положение, в котором они бы не болели. Маска причиняла страдание, да ещё в темноте повылезали жуки и принялись исследовать каждый дюйм моего тела. Но всё равно в какой-то момент я вырубился, и десять секунд спустя – во всяком случае, так показалось – мои пленители уже трясли меня, а небо над нами понемногу серело.

Я посмотрел, как они завтракают, ещё раз подавился водой, и меня снова взгромодили на спину Нора. Мы возобновили наше путешествие в сторону Вермильона. Лошади, мерно цокая копытами, несли нас мимо обычного потока фургонов, гонцов, экипажей, снаряжённых в длительные путешествия, и крестьян, которые ехали намного ближе на заваленных телегах, или вели за собой перегруженных мулов. Дорога поднималась среди каменистых гребней холмов, которых я не помнил по путешествию из города, и фермерские земли сменялись сухими лесами пробковых дубов, буков и хвойных деревьев. Солнце, снова начавшее палить ещё сильнее прежнего, выжгло утреннюю дымку, подняв вонь от навозных куч, усеивавших плиты Аппанской дороги, и я неожиданно затосковал по прохладным чистым ветрам норсхеймской весны. Я покачивался в седле, потел, мучился от жажды и страдал, размышляя о том, сколько мух слетелось на ноющие останки моего пальца, и сколько яиц они уже отложили в блестящую рану.

– Это он! – Мужской голос, резкий и триумфальный. – Или, по крайней мере, это его лошадь. Точно говорю! Взгляните на пятно.

Я разлепил глаза и попытался сфокусироваться. Четыре человека на лошадях перегородили нам дорогу.

– Это не может быть он. – Пренебрежительно проговорил другой. – Принц Красной Марки не стал бы...

– Бонарти, проверь. – Сказал мужчина на самой крупной – просто чудовищной – лошади.

Последний из них направил ко мне своего коня. Братья-славяне напряглись, но не двинулись, чтобы предотвратить его приближение.

– Лошадь точно его. – Сказал первый, словно призывая кого-нибудь с ним поспорить.

Меня затопило облегчение. Если бы не кляп, я закричал бы от

радости. Вся боль мгновенно испарилась. Бабушка, Мартус... кто-то... узнал о намерениях Мэреса и выслал спасательный отряд. Спасательный отряд, включающий человека, который заметил особые отметины Нора – то зазубренное белое пятно на бархатно-чёрном носу. Эта отличительная особенность и заставила меня его купить – я хотел хорошо выглядеть, возвращаясь в родной город, и, хотя такой знаток лошадей, как я, не должен соблазняться на такую мишуру, я всё же соблазнился. И, наверное, именно эта отметина навела на меня людей Мэреса. Если бы я только выбрал простую серую клячу и надел капюшон, то сейчас уже пересекал бы границу Флоренции, а не ехал бы к Вермильону по уши в дерьме.

Тощий человек, подъехавший ко мне, наклонился ближе и уставился на меня, прищулив глаза, под одним из которых виднелось красное пятно. Бонарти По! В последний раз я видел его в "Лозах Рота" прямо перед тем, как появился Мэрес и испортил вечер. Да, Бонарти был скользким типом с заострённым лицом, которое так и просило оплеухи, но в тот миг я был рад как никогда, что вижу хоть кого-то знакомого. Я даже ничуть не жалел о всём том красном ронском, которое он вылакал тем вечером за мой счёт.

– Принц Ялан?

Я энергично закивал, издавая булькающие звуки, надеясь, что они звучат утвердительно. Бонарти продолжал пристально смотреть на меня, шевеля головой из стороны в сторону, словно это могло помочь ему разглядеть моё лицо за ремнями маски. – Это точно он! – А потом тихим и озадаченным голосом: – Принц Ялан, почему вы...

– Он прячется, это очевидно! Прикидывается, чтобы незаметно пробраться в город, – оборвал вопрос Бонарти человек на громадной лошади. Но моё внимание было приковано к братьям-славянам – им только дай шанс, и они перережут моих спасителей, и отправятся в Вермильон, как ни в чём не бывало. Я настойчиво указывал на них головой, издавая бульканье, надеясь, что оно звучит как явное предупреждение.

– Прекратите это дурачество! Слезайте, сир! И сразитесь со мной, как мужчина! Сразитесь со мной, как вам и следовало поступить, когда вы получили мой вызов! – Теперь мужчина на большой лошади привлёк моё внимание. Его лицо вокруг аккуратных серых усиков и узкой щели рта покраснело от ярости.

– Граф Изен, его руки связаны! – Сказал Бонарти, наклоняясь, чтобы посмотреть мне за спину.

– Арестант! – Объявил ближайший ко мне из братьев-славян.

– Чепуха! – Возмутился граф Изен – на этот раз настоящий. – Довольно этого фарса. Развяжите его и спустите. У меня нет времени на эти глупости. Целый день потерян в пути, когда я мог заниматься чем-нибудь полезным...

Бонарти взял маленький украшенный драгоценностями ножик и освободил мои запястья.

– Арестант! – Повторил славянин, но теперь уже многие на дороге остановились посмотреть представление, и братья были бы глупцами, попытавшись что-нибудь предпринять.

Я вытянул руки вперёд, потёр запястья и внимательно изучил изуродованный палец. Он оказался изранен меньше, чем я себе представлял – только ноготь был вырван, и открывшаяся плоть покрылась чёрными струпьями. Часть меня радовалась, что урон не был невосполнимым, а другая ужасалась, что такое маленькое повреждение могло принести столько боли. И хоть граф Изен готов был порезать меня на дрожащие кусочки, я умудрился содрогнуться от мысли о том, чего мог добиться Джон Резчик, будь у него достаточно времени.

– Слезайте, сир! Я собираюсь получить сатисфакцию немедленно! – И граф Изен соскочил с седла своей громадной лошади, полностью за ней скрывшись. Потом он появился из её тени, уперев руки в бока и сердито уставившись на меня. Он оказался меньше любого мужчины, которых я видел за все месяцы своего путешествия по дороге, за исключением карлика из цирка доктора Тэпрута. На графе был лучший дорожный наряд из всех возможных, а на боку висел меч, который шаркал бы по земле, даже если висел бы на моём бедре.

Я потянул за свою маску, потом указал на Бонарти, а потом себе на затылок.

– Да, я привёл Бонарти в качестве вашего секунданта. Моим будет Стивенас, вон он. – Изен махнул рукой в сторону крепкого воина, сердито смотревшего на меня со своей лошади. – Сир Критчен будет следить, чтобы всё прошло по правилам. А теперь спускайтесь, а не то, ей-богу, вас стащат с седла.

Я впервые встретился с Изеном взглядом. Из-под аккуратно постриженных волос и ухоженных бровей на меня смотрел маньяк. Конечно, маленький маньяк, но отчего-то всё равно чертовски страшный. Я довольно резво спрыгнул со спины Нора, потянув за маску и обнаружив тяжёлый замок на затылке. То, что я спешился, не было актом отваги. Когда уже убегаешь, лошади отлично подходят, но им недостаёт начального ускорения. Так что, если угроза прямо перед тобой, и ты хочешь сбежать, то может оказаться, что пешком будет быстрее. К тому времени, как Нор наберёт скорость и оторвётся от моих многочисленных пленителей, врагов и потенциальных убийц, по меньшей мере один из них, скорее всего, тыкнет мечом в какую-нибудь дорогую мне часть моего тела. Так что я выразительно ткнул на ремни маски и указал себе на рот.

– Довольно вашей пантомимы! Защищайтесь! – Граф Изен вытащил свой чересчур длинный меч и направил его в мою сторону.

Я вытянул пустые руки.

– У меня даже меча нет, крошечный ты сумасброд! – пытался я сказать, хотя получилось лишь сплошное мычание.

– Сир Критчен. – Изен не отрывал от меня своих безумных чёрных глаз-бусинок. – Дайте принцу меч. Вижу, у того парня за спиной два меча.

И пока я продолжал выражать свои протесты, сир Критчен – высокий пожилой мужчина, которого я откуда-то помнил – спешился, чтобы взять мой меч у одного из братьев-славян. Толпа росла с каждой минутой, и у славянина не было иных вариантов, кроме как отдать меч. Он этому явно не обрадовался. Возможно, раздумывал, достаточно ли далеко находится его родина, чтобы избежать гнева Мэреса, если они не вернут меня в Вермильон, как им было приказано.

Сир Критчен, безукоризненно чистый, несмотря на долгую пыльную скачку из города, сомкнул мою правую ладонь на рукояти меча. В прошлый раз я целенаправленно размахивал этим оружием на перевале Арал. Зарубки на нём рассказывали историю, которую я по большей части забыл и воскрешать в памяти не очень-то хотел. Отчего-то в тот день ужас заставил меня впасть в ярость берсерка. И даже если бы я смог повторить это здесь, на Аппанской дороге, это не сильно бы мне помогло. Боевое безумие не помогает лучше

фехтовать – от него просто перестаёшь беспокоиться о том, насколько твой противник лучше тебя.

Сначала я глупо смотрел на свой клинок, ослеплённый отражённым от него солнечным светом. От обезвоживания и голода соображал я медленно, не вполне связанный с тем, что меня окружало.

– Очистить место! Стивенас, расчисти место! – Изен опасно размахивал мечом, описывая широкие круги.

– Стойте! Снимите сначала эту штуку! – Я безрезультатно тянул маску, вместо слов получалось только бульканье. Секунду спустя я понял, что держу в руках острое лезвие, и с огромным облегчением приложил его к ремням. К несчастью, видимо, невозможно держать меч так далеко, чтобы поднести кончик к лицу. Я попытался перепились ремни лезвием клинка, но они оказались такими крепкими, что я не мог подсунуть под них пальцы. И они так сильно впивались в мою плоть, что, если слепо и неуклюже рубить по ним, то можно было нанести себе жуткие раны. Видя, что Изен повернулся в мою сторону, и зная, что он намерен нанести мне куда более смертельные раны, я начал резать самый выступающий ремень, хоть и несколько неуверенно. Было больно.

Аристократ, рывкающий, как аристократов учат, довольно быстро заставил толпу расступиться. В любом случае зеваки хотели посмотреть представление и рады были помочь.

– Защищайтесь! – Изен шагнул в мою сторону, направив кончик меча точно в моё сердце.

– Стой! – завопил я. – Меня держали как пленника! – Или точнее: – Ффой! Фефя феффафи фаф флефифа! – Пальцы уже скользили от крови, или пота, но ремень, похоже, поддавался.

– Лучше мне не слушать вашу ложь, принц Ялан, а вам лучше не позориться перед свидетелями оправданиями своей трусости. – Глаза графа горели безумием, которое мне сложно точно описать... пожалуй, на три части в них светилось смертоубийство, и на две – абсолютная уверенность в том, что каждое слово, слетевшее с его губ – святая правда. – Приступим!

– Я не буду с вами драться! – Я фе фуфу ф фами ффаффа! – я решил и пальцем не шевелить для своей защиты и положиться в деле своего спасения на честь графа, или по крайней мере на его опасения,

что его честь окажется под сомнением.

Первый ремень сдался. И тогда граф напал.

Несмотря на решимость не реагировать, я обнаружил, что отпрыгиваю назад и размахиваю мечом, отбивая его выпады. Сложно сказать, правда ли он искренне покушался на мою жизнь, или это была уловка, чтобы заставить меня защищаться, но моё тело приняло решение за меня, и теперь граф нападал шквалом ударов, явно направленных на то, чтобы меня выпотрошить.

Моя рука с мечом двигалась инстинктивно, следуя схемам, вбитым в неё за столько долгих несчастных часов тренировок по настоянию бабушки. Лязг стали по стали всегда пугающе громок, и предупредительный отзвук того мучения, что ждёт, если получить удар, передаётся через эфес и отдаётся осколками такой боли в ладони и запястье, от которой только и хочется, что выронить проклятый меч.

Сначала... – казалось, прошёл час, но наверное на самом деле не больше минуты, – темп атак Изена не оставлял ни доли секунды, чтобы подумать. Инстинкты и тренировки действительно неплохо мне послужили. Я хорошо защищался, хотя и не проводил контратак. Меня выворачивало от идеи умышленно вонзить мой меч в чужую плоть, даже в плоть такого одиозного карлика, как граф Изен. И речь тут не о каком-либо сострадании – всё дело в брезгливости. Я не мог даже подумать о таком. Я понял, что не могу даже заставить себя сделать подобное – это было всё равно, что воткнуть иголку в собственный глаз. И к тому же, я был занят.

Мы с лязгом двигались в основном в одном направлении: я пятился, заставляя толпу расходиться, а Изен, наступая, рубил и колол с лёгкой гримасой удовлетворения на лице. Казалось, будто дерёшься с человеком, который стоит в норе – неприятное ощущение, от которого я стал беспокоиться не о тех жизненно важных органах, о которых обычно волнуюсь. Я сошёл с дороги, чуть не свалившись в канаву, и стал отступать по неровной земле, запинаясь за кусты.

И это всё ради чести Шараль де Вир? За кувыркиания в постели, которые случились задолго до того, как он положил на неё глаз... или, быть может, старый козёл положил оба глаза на неё много лет назад, и просто ждал, когда её рука станет достаточно взрослой для его кольца? А может, ему пришлось ждать, пока умрёт её излишне

заботливый папаша, чтобы заключить брачную сделку с новым и менее скрупулёзным лордом де Виром?

Инстинкт и тренировки отлично мне служили до тех пор, пока меня не настиг жуткий ужас всей ситуации, и тогда начал вмешиваться разум и совершать ошибки. Кончик клинка Изена прочертил жаркую красную черту на моём плече. Боль была не такой сильной, как шок... и страх. Я отбил его меч, отпрыгнул назад, круто развернулся и помчался к деревьям.

Неожиданность дала мне отличную фору. Я оторвался ярдов на двадцать, прежде чем до меня донёсся недоверчивый рёв графа Изена. Не пробежав и полпути до деревьев, я услышал, что началась погоня, но лишь немногие люди одарены такой же скоростью, как я, и, рискуя предположить, все они выше коротышки Изена.

Я пробежал между двумя первыми вязами, и, если бы не маска, ухмылялся бы во всё лицо. Я мог затеряться в лесу, избавиться от кляпа и обеспечить себе безопасный проезд в Умбертиде. И пускай они катятся ко всем чертям! Славяне будут клясться, что это не я, а уж я-то точно стану всё отрицать. "Вы, должно быть ошиблись. Я в маске лжеца? Как вообще можно понять, что за несчастный предатель под такой маской? Надо было снять её, тогда всё стало бы очевидным. Повезло, что Изен не убил бедолагу!"

Задыхаясь, я остановился, затерявшись среди деревьев — в основном высоких тёмно-пунцовых буков. Я весь был исцарапан, и пот тёк с меня ручьями. Шелестящие останки прошлогодних листьев устилали землю под буками, и всюду росла ежевика. Я прислонился спиной к самому толстому дереву и снова занялся кожаными ремнями на голове. На этот раз я зажал рукоять между ног и водил клинком намного осторожнее.

Не так-то просто прижимать острое лезвие к лицу с силой, достаточной, чтобы перерезать старую кожу, стараясь при этом сохранить мальчишескую привлекательность. На самом деле эта задача так поглотила меня, что я едва не пропустил приближающийся слабый хруст сухих листьев под сапогами.

Почему-то необходимость возможности говорить перевесила внезапно усилившуюся панику, и я продолжал пилить, пока не перерезал последний ремень. Я стащил эту чёртову штуку и пошевелил больным языком, стараясь не сплёвывать и не

производить других звуком, которые могли бы привлечь внимание.

– Стивенас? По? – Снова шелест, тихое ругательство. – Сир Критчен? – голос графа Изена громыхал куда громче, чем можно было бы ожидать от такого маленького человека, и намного ближе, чем я думал. – Ялан Кендет! Покажитесь! – Он кричал довольно хрипло, словно уже изрядно накричался.

Мучительно медленно я положил маску и начал поворачивать меч, чтобы взяться за рукоять. Как я ни старался сосредоточиться, мои руки, скользкие от пота и крови, умудрились сделать полную противоположность тому, что я от них требовал, и выронили оружие. Меч с приглушённым хрустом упал на сухие листья.

– Ага! – Граф Изен появился из-за лесного гиганта, стоявшего рядом с моим, выскочив с совершенно неожиданного направления и оказавшись намного ближе, чем я думал: дерево, из-за которого он вышел, стояло так близко к дереву за моей спиной, что их нижние ветви соединялись над нами, словно пальцы сложенных в молитве рук.

На миг мы оба застыли, глядя друг другу в глаза. Я сидел на заднице, меч валялся на земле передо мной, а вокруг только молчаливый лес, освещённый тут и там неравномерными пятнами солнечного света, которые в пёстром полумраке казались золотистыми. Изен без дальнейших предупреждений ринулся вперёд с бессловесным и кровожадным боевым кличем на губах. Я бросился вниз за своим мечом, вопя, что я не вооружён.

Я ещё поднимался, когда, в двух ярдах от меня, нога графа зацепилась за какой-то скрытый корень, и меч, которым он собирался меня проткнуть, неуклюже задёргался от тех больших шагов, что мы всегда делаем в подобных обстоятельствах, чтобы не упасть ничком. В итоге он пронзил бук – его клинок воткнулся на два-три дюйма как раз в том месте, где раньше к стволу прислонялась моя голова.

К чести мелкого ублюдка, среагировал он быстро, выхватив нож, которым можно было бы выпотрошить быка, и развернулся ко мне, размахивая им.

– Послушайте, Изен... тут небольшое недоразумение... – Я так долго прикусывал кляп маски, что слова получались плохо.

Он продолжал наступать, держа этот жуткий нож так высоко, что его глаза я видел по обе стороны от клинка – зрачки выглядели

крошечными чёрными точками безумия, рот дёргался.

– Стойте! – Я держал свой клинок вытянутой рукой, не подпуская графа. Я пытался выдумать хорошую причину, чтобы он подождал, и тут мой рот сам по себе произнёс:

– Высвободите свой меч. Я не допущу, чтобы говорили, будто я победил нечестно!

Граф Изен помедлил, нахмурился и оглянулся на торчащий из ствола меч. Потом нахмурился ещё сильнее.

– Что ж... людям благородного происхождения действительно не пристало драться на ножах... – Он бросил на меня взгляд, который показывал некоторые сомнения в том, что я на самом деле рождён из королевского лона, а потом развернулся к дереву.

Гениально! За долгие годы привычной лжи мой язык стал способен на выдумки, не требуя осмысленного вмешательства разума. Я напрягся, готовясь перейти к стадии побега, как только граф начнёт тащить свой меч. Но тут заметил, что моя правая нога стоит на крепкой ветке фута в три длиной – расщеплённая часть отломалась от дерева во время какой-то недавней грозы.

Граф Изен, повернувшись ко мне спиной, убрал нож в ножны и обеими руками взялся за рукоять, приготовившись тащить. Я перекинул меч в левую руку, подхватил палку и незаметно пошёл к графу. Медленно ступая, я оказался прямо за его спиной. Мягкий шелест листьев под моими ногами не был слышен из-за его кряхтения – так он напрягался, вытаскивая глубоко засевший клинок. Я посмотрел на палку. Она была довольно тяжёлой. Пожав плечами и положившись на то, что мои ноги длиннее, и вынесут меня, если что-то пойдёт не так – ударил его сбоку по голове. У меня уже был неприятный опыт с ударом вазой по затылку мужчины, так что на этот раз я решил ударить сбоку.

Целый удар сердца, за который я чуть на обмочил штаны, мне казалось, что Изен останется стоять на ногах. Он начал поворачиваться, а потом на середине этого движения свалился безвольной кучей. Тяжело дыша, я постоял немного, уставившись на бесчувственного графа. Наконец мне пришлось в голову отбросить палку, и в то же самое время я услышал вдалеке крики и лязг мечей. Я помедлил, задумавшись, что могло быть их источником.

– Ничего хорошего, – пробормотал я лёсу, и, пожав плечами,

пошёл прочь. В обычных обстоятельствах я, быть может, облегчил бы кошелёк графа, в качестве платы за беспокойство и за новую лошадь, но приближались звуки сражения.

Я быстро зашагал прочь, и, пробравшись через кусты, вышел к руслу пересохшего ручья, вдоль которого направился дальше. Я прошёл всего ничего, когда захрустели ветки, сбоку в меня кто-то врезался, и мы оба свалились в сплетении рук, ног и острых локтей. За этим последовали беспорядочные крики ужаса и дикие удары, и в конце концов мне удалось воспользоваться своим весом и более крупным телосложением, чтобы оказаться сверху, сдавливая руками тощую шею.

– По? – Оказалось, я смотрю на узкое багровеющее лицо Бонарти По. Немного неохотно я разжал пальцы на его горле.

– О... – Он сделал очень глубокий вдох. – Он-ни пошли следом... – Он повернулся набок, и его шумно стошнило в наполненное листьями русло ручья.

– Кто пошёл за кем? – Я вскочил с него и отступил назад, скривив от отвращения губы.

– Т-те люди...

– Славяне? – Я развернулся, представив, что они выходят из подлеска. У По кишка была тонка, чтобы попытаться меня остановить, а вот трём славянам нужно было меня вернуть, если они хотели сохранить свои шкуры.

– Они напали на Стивенаса и сира Критчена. – Кивнул По, поднимаясь на ноги. – А я побежал. – Сейчас, в порванной и запылившейся городской одежде, он выглядел жалко. – За помощью. – Спешно добавил он. Ему хватило любезности выглядеть виноватым.

Справа от меня зашелестели листья, захрустели ветки – кто-то невидимый приближался к нам.

– О Боже! – Бонарти прижал руки к груди. – Это они!

– Заткнись! – Я схватил его за руку и, низко пригнувшись, потянул его за собой вниз. Главное в панике – паниковать тихо. Я крепко вцепился в него, раздумывая, насколько он задержит славян, если толкнуть его на них. Вокруг нас жужжали насекомые, под каблуками сапог шуршали сухие камушки, неуклонно нарастало

желание пописать, и треск в подлеске приближался. Судя по звукам, не было похоже, что гонятся именно за нами, скорее это были хаотичные поиски, которые могли случайно нас раскрыть. – Надо бежать, – прошипел Бонарти.

– Погоди. – Бегство это хорошо и замечательно, но его нужно уравновешивать тем, что время от времени сидишь в укрытии. – Погоди.

Шелест и треск внезапно стали намного громче, и из кустов ярдов в тридцати от нас показалась маленькая фигура.

– Граф Изен! – Бонарти вскочил на ноги, словно появление графа решало все его проблемы.

Я вскочил секундой позже, точнее попытался, но из-за внезапного появления графа оступился на гальке и свалился на карачки.

– Вы! – Изен указал на меня своим слишком длинным мечом.

– Я могу объяснить! – Я не мог.

– Вы меня просто оставили! Нельзя бросать человека, которого вы победили! – Его голос звучал скорее неодобрительно, чем кровожадно. Липкие струйки крови стекали по его лицу там, где по нему попала ветка.

– Принц Ялан вас победил? – Бонарти удивлённо оглянулся на меня.

Граф Изен подошёл, немного шатко.

– Я нашёл его в лесу, бросил вызов и напал на него. Потом почти ничего не помню. Наверное, он ударил меня мечом плашмя по голове. – Он коснулся алыми пальцами своей раны.

– Да! Да! Так и было! – Я поднялся на колени и пополз назад.

Граф встал в паре ярдов от Бонарти и коротко поклонился в мою сторону.

– Отлично сражались, сир! – Он снова коснулся своих спутанных волос. – Но, но вы же убежали? – В его глазках-бусинках читалось замешательство, сменяющееся гневом.

– Конечно убежал! Размахивая мечами на королевском тракте, словно обычные драчуны, мы представляли опасность для честных

граждан. И к тому же мне надо было избавиться от моих пленителей и завести их в лес, где я мог убить их без риска для крестьян.

– Простолюдины! Фу. – Граф Изен хотел было сплюнуть.

– Осторожнее, Изен. – Я поднялся на ноги. – Это граждане моей бабушки. Только Красная Королева может решать, насколько важны их жизни, и больше никто! – Я убрал меч в ножны, на тот случай, если он воспримет это за обиду.

Изен отмахнулся.

– Но вы оставили меня там!

– Я должен был отвлечь славян. – Иногда моя ложь производила чертовское впечатление даже на меня самого. – Я не мог позволить им найти вас, когда вы не в состоянии себя защитить. Я бы остался и сражался бы над вашим телом, но не был уверен, что смогу победить всех троих, если они нападут разом... так что я увёл их от вас. – Я выпрямился и потянул обеими руками рубашку на груди, что, как я надеялся, выглядело властно, мужественно и самоуверенно.

– Что ж... – Казалось, Изен не очень-то понимает, что обо всём этом думать. Я подозревал, что его разум всё ещё несколько замутнён от удара по голове. Он, прищурившись, посмотрел на меня, на Бонарти, на ближайшее дерево, пошевелил усами и, наконец, убрал меч в ножны.

– Отлично! – Я еле заметно поклонился. – Честь удовлетворена. Давайте убьём каких-нибудь славян! – И направился в сторону, противоположную той, откуда слышал лязг схватки на мечах.

***

Оказалось, что леса довольно вероломны. Чертовски легко заблудиться среди всех этих деревьев, которые выглядят очень похоже друг на друга. И каким-то образом, хоть я и считал, что знаю, куда идти, и игнорировал советы Изена вернуться на дорогу, мы нашли славян. По крайней мере двоих, неуклюже развалившихся на земле в собственной крови – к счастью, ничком. Сир Критчен лежал,

сложив руки на груди и почти закрыв убившую его рану. Последним я заметил Стивенаса, который сидел, прислонившись спиной к поваленному дереву, вытянув ноги и положив на них меч, покрытый тёмной засыхающей кровью. Его рука и левый бок были алыми, колотая рана на плече перевязана полосками разорванной рубахи.

– Где ещё один? – По-деловому спросил Изен, оглядываясь.

– Удрал. – Стивенас кивнул в сторону плотных зарослей молодых деревьев.

Изен недовольно фыркнул.

– Довольно скоро мы его выследим. – Он глянул на сира Критчена и махнул в сторону Стивенаса: – Поднимите его. – Он помедлил, оказавшись в необычном положении, когда не может указывать всем вокруг: – Бонарти, за дело!

Я понятия не имел, как тощий и хилый Бонарти умудрится поднять с земли гору мышц вроде Стивенаса, но чёрта с два я стал бы ему помогать, если граф собирался только смотреть. К тому же Стивенаса привели следить за соблюдением правил, пока Изен резал бы меня на куски, так что я ему не очень-то сочувствовал. Хотя и был ему признателен за то, как он расправился с братьями-славянами. Да и то сказать, двое из трёх во многих обстоятельствах не так уж плохо, хотя здесь я бы предпочёл, чтобы Стивенас прикончил всех разом.

Мы с графом Изеном смотрели, как Бонарти возится с воином. К счастью, несмотря на потерю крови, Стивенас ещё мог передвигаться, и вскоре он уже вёл нас обратно на дорогу, демонстрируя куда больше способностей к навигации, чем все мы.

Мы снова перебрались через канаву и вышли на Аппанскую дорогу, и каждый из нас был значительно более грязным, побитым и израненным, чем часом ранее. Толпа давно рассосалась, но к счастью разносчик поставил свою телегу у обочины и присмотрел за оставленными лошадьми. Наверное, он провёл время, оценивая шансы на награду против выгоды конокрадства и раздумывая, насколько высока вероятность, что его поймут и предадут суровому правосудию, как всегда поступали с конокрадами в Красной Марке.

– Порядочный человек. – Изен бросил мужику монету и махнул ему рукой, чтоб отправлялся восвояси. – Постой! – Граф поднял руку, прежде чем разносчик влез на свою телегу. – По, возьми этого человека в лес и принесите сира Критчена. Положим его на телегу и

вернём в Вермильон. – Он покачал головой, словно его оскорбляла мысль о рыцаре, ставшем грузом в телеге разносчика.

Бонарти вроде бы хотел возразить, но передумал и побрёл в сторону леса, а разносчик за ним. Тем временем Стивенас смог влезть в седло, и сидел теперь, сгорбившись от боли.

– Итак... – Граф Изен прищурил суровые глаза и уставился на меня, словно копался в памяти.

Я решил смыться оттуда восвояси как можно быстрее, на случай, если голова Изена прояснится, и к нему начнут возвращаться детали того, как именно она была затуманена.

– Граф, не могу сказать, что мне всё это по нраву. Мужчина, который женится на такой прекрасной женщине, как Шараль де Вир, должен сосредоточиться на будущем, а не копаться в её прошлом в поисках обид. – Я выставил руку, останавливая его, когда он шагнул вперёд с какой-то грубостью на языке. – Но благодарю вас за то, что освободили меня от этих мерзавцев. Им заплатил человек по имени Мэрес Аллус, который среди прочего производит и продаёт опиум. Возможно, он запустил пальчики и в ваш пирог. Я слышал, у него есть влияние на Пиратских островах. В любом случае, разбираться с ним я буду по возвращении, а сейчас у меня дела в Умбертиде по поручению королевы.

Я поставил ногу в стремя Нора и живо поднялся ему на спину. Граф Изен всё прижимал пальцы к окровавленному скальпу, и мне совсем не хотелось оказаться поблизости, если он вытащит щепку от ветки и вернёт утраченные воспоминания. Я наклонился и подхватил поводья сначала первой, потом второй, а потом и третьей лошади славян.

– Граф Изен. – Я едва заметно склонил голову. – Стивенас. – И неловко поехал прочь, ведя за собой троих кляч. Я собирался продать их в следующей пристойной гостинице, и нужда в золоте перевешивала любой стыд от такого мародёрства на глазах у Изена и его подручного.

Первую сотню ярдов я чувствовал, как взгляд Изена буравит мне затылок. Может, я и одержал верх над маленьким безумцем, но всё равно он пугал меня до чёртиков. Такие люди, как он и Мэрес, стоили друг друга. Я надеялся, что Изен воспримет смерть сира Критчена как личное оскорбление и призовет за это мастера Аллуса к ответу.

Я ехал под полуденным солнцем, дорога впереди тонула под мерцающей дымкой жары, и внезапно меня затопила волна облегчения, от которой я содрогнулся. За один день меня схватили оба кошмара, которые гнались за мной из дома сразу после долгожданного возвращения. Я прыгал – или меня толкали – из огня прямо в полымя, и в конце концов сбежал, немного обжегшись, тем же путём, которым ехал двумя днями ранее.

– Надеюсь, эти ублюдки сожрут друг друга живьём, – сказал я Нору, а потом ударил его по бокам, пуская галопом. Стоя в стремях, я гикнул и продолжал подгонять своего коня. Как же мне хотелось скорее оставить это дерьмо позади!

ДВАДЦАТЬ ТРИ

Сбежав и от Мэреса Аллуса и от графа Изена, я ехал на юг в таком чудесном расположении духа, какого у меня не было с... ну, с тех пор, как я выехал со Снорри. Хорошее настроение продлилось до раннего вечера, когда от угрюмой жары собралась грозовая туча титанических размеров, которая решила затопить всё и вся на Аппанской дороге. Я укрылся под громадным дубом в сотне ярдов от дороги посреди поля табака. Молнии начали раскалывать небо, раскаты грома разносились тут и там. Нор ржал и лягался, пугаясь и стараясь убежать от каждого нового треска над головой. Говорят, глупо стоять под деревом, когда повсюду сверкают молнии, но промокнуть до нитки, когда рядом нет никакого укрытия, казалось ещё более глупым, поэтому я решил, что это, наверное, байки сплетниц и проигнорировал совет. Довольно скоро ко мне присоединилась небольшая толпа путешественников – и среди них парочка сплетниц.

Мы стояли и ждали, пока дождь ослабнет, простолюдины сплетничали между собой, а я гордо хранил молчание и исподтишка подслушивал.

– ... Нобби? Хрен знает, сколько уж Нобби не видал. У него ещё голова плоская, у Нобби-то – когда я его в прошлый раз встретил, у него на голове стояла кружка пива, и по пиву в каждой руке... лет двадцать назад эт было...

– ... две дюжины дворцовых всадников! Мчались как черти, на юг. А за ними другие, и всех проверяли...

– Геллет? Не может быть! Правда, что-ль?.. Наверно, эт им кара небесная. Они там на севере все как есть безбожники...

По дороге плотная группа всадников спешила в сторону Вермильона. Сложно было разглядеть мундиры под дождём, под промокшими тёмными плащами, но я видел, что на всадниках мундиры, а значит, почти наверняка это какая-то часть кавалерии, которую бабушка послала за Снорри. Возможно, ундореты и Кара где-то посреди этой группы, и вполне вероятно, привязанные к седлу.

Когда ярость ливня стихла, я снова выбрался на дорогу и поехал довольно быстро. Снова вышло солнце, и от булыжников дороги пошёл пар. Спустя два часа дорога впереди уже была пыльной и высушенной, словно дождя здесь вовсе и не было. В этом есть своего рода урок. Дорога забывает. Преврати жизнь в путешествие, двигайся куда хочешь, оставь позади всё, что тяжело нести.

***

Мили пролетали довольно легко. Я взял комнату в приличной гостинице и попросил немного ламповой сажи, которой замазал отличительное белое пятно на носу Нора. Иногда путешествовать инкогнито лучше, чем с размахом.

Я ехал дальше, день за днём, ожидая встретить на дороге Хеннана, по-прежнему мечтающего о хорошей жизни со Снорри, не зная, что норсийцев схватили и везут в Вермильон вместе с тем проклятым ключом.

Чем дальше я ехал, тем большее впечатление на меня производила сила духа Хеннана и его скорость. К тому времени, как я добрался до границ Флоренции, я решил, что, должно быть, пропустил его где-то по пути. Или же с ним приключилась какая-то беда. Такая беда, которая хватает тебя сзади и закапывает твоё тело в неглубокой могиле. Эта мысль принесла мне особенно глубокую боль, которая отличалась от простого страха перед тем, что скажет Снорри, если узнает, что я позволил парню сбежать и дать себя убить. Я отмахнулся от этого чувства, приписав его несварению из-за выпечки, которую купил у торговца на дороге несколько часов назад. Чем ближе я подъезжал к Флоренции, тем меньше местная еда мне подходила.

За десять миль до границы между Красной Маркой и Флоренцией Аппанская дорога соединяется с Римской дорогой – более крупный тракт поглощает её, и наш транспорт теряется в потоках движения величайшей артерии Империи.

У всех растёт предвкушение в поездках на юг. После Вьены и,

разумеется, Вермильона, ни в одной части Разрушенной Империи нет более великого города, чем Рим, и аромат Рима густо висел в воздухе. Вид папских гонцов напоминал всем, как близко от нас находится папесса. Ни часа не проходило, чтобы не проехал какой-нибудь напыщенный папский всадник в пурпурных шелках на стройном чёрном и исключительно выносливом жеребце. Колоннами по десять-тридцать человек по дороге брели монахи, бормоча молитвы или распевая хоралы, и священники на любой вкус и цвет топали на север и на юг. Я вспомнил, что мой собственный отец проезжал этим же путём со своей свитой меньше недели назад. Я решил, что старик уже, наверное, в Риме, предстал перед её святейшеством и, возможно, она разъясняет ему, каким должен быть кардинал и насколько именно он не соответствует этому званию.

Банковские бумаги и очевидная родословная провели меня через пропускной пункт на границе – это была довольно милая гостиница с казармами, битком набитая перегретыми флорентийскими солдатами в разукрашенных доспехах. Страна по ту сторону границы оказалась такой же сухой и жаркой, как южные полосы Красной Марки. Возле ручьёв растили оливки, табак, перец и апельсины. Там, где ручьёв не имелось, выращивали камни, с которых изредка за путниками наблюдали козы.

Со склонов засушливых предгорий Римскую дорогу обозревали сонные побелённые деревеньки. Дальше деревеньки вырастали в города, а предгорья становились горами. Римская дорога начала извиваться и поворачивать, подчиняясь воле окружающей местности. Воздух стал чуть свежее, и долины заполняли тени от пиков, делая каждый вечер благословенным облегчением после жары равнин.

Умбертиде показался, когда дорога свернула и спустилась с высокого участка в широкую плодородную долину Умберто. С высоты город выглядел белым и роскошным, окружённый аккуратными фермерскими районами и отдалёнными виллами завидных размеров. По мере приближения впечатление достатка и мира только росло.

Благодаря бумагам я быстро миновал городские ворота и вскоре уже шёл за беспризорником, из тех, что околачиваются у въезда в любой город и назойливо предлагают отвести вас в лучшее место, что бы вы не искали – будь то постель для сна, постель для блуда, или гостиница, где можно вымыть дорожную пыль из горла. Надо только

напоминать им, что если приведут не в лучшее место, то получают не медяк в руку, а сапогом по жопе.

Я взял комнату в пансионе, куда привёл меня пацан, а Но́ра поставил в конюшню через дорогу. Помывшись при помощи таза и тряпки, я взял в общем зале поесть и переждал полуденную жару, слушая разговоры местных. В пользующийся известностью дом госпожи Джоэлли приезжали путешественники со всех уголков империи, и общего у них было немного, за исключением дел в Умбертиде. Похоже, среди них не было ни одного, кто не искал бы займа или финансирования для какого-нибудь рискованного предприятия. И вокруг каждого витал запах денег.

День застал меня в прохладе мраморного приёмного зала в Золотом Доме. Гулко разносились шаги посетителей, сновали клерки по своим делам, а за мраморной стойкой быстро писали секретари, поднимая головы, лишь когда видели новоприбывших.

– Принц Ялан Кендет на встречу с Даварио Романо Эвеналином.
– Я махнул бумагами маленькому мужчине с осунувшимся лицом за стойкой, приняв тот скучающий вид, который мой брат Дарин столь успешно использует на чиновниках.

– Садитесь, пожалуйста. – Мужчина кивнул в сторону ряда скамеек у дальней стены и записал что-то в своей книге.

Я сдержался, хоть и хотел наклониться за стойку и ударить парня об неё головой.

Миновал долгий миг, и мужчина снова посмотрел на меня, спокойно удивившись, что я всё ещё здесь.

– Да?

– Принц Ялан Кендет на встречу с Даварио Романо Эвеналином,
– повторил я.

– Садитесь, пожалуйста, ваше высочество.

Похоже, лучше было на него наплевать, так что я пошёл посмотреть на улицу через одно из высоких окон. На полпути через фойе я заметил знакомое лицо и свернул в сторону. Некоторые лица нелегко забыть – а это лицо, густо покрытое татуировками с языческими письменами, забыть было невозможно. В последний раз я видел его в Анкрате, в особенно отчётливом сне, когда он убеждал меня убить Снорри.

Я оказался перед рядом стульев вдоль стены у стойки и занял место рядом с тёмным малым в светлом одеянии. Я опустил голову, глядя Сейджесу в ноги и надеясь, что он меня не заметил, а маг шёл дальше по мраморному полу. Пока повелитель сновидений не вышел на улицу, я даже не вздохнул.

– Он вас видел.

Я повернулся, чтобы взглянуть на этого человека. Парень был скромного вида в свободном ниспадающем халате, который обеспечивает телу прохладу в местах, где жара даже менее терпимая, чем в Умбертиде. Я кивнул ему. Враг моего врага мой друг, как я всегда говорил, а мы оба пострадали от нахального клерка за стойкой. А может, у нас есть ещё один общий враг, Сейджес.

– Он размещал золото, – сказал мужчина. – Возможно, плату от Келема. Он проводил время в холмах Крптипа. Заставляет задуматься, над чем могут совместно работать два таких человека.

– Вы знаете Сейджеса? – Я напрягся, раздумывая, не в опасности ли я.

– Я знаю о нём. Мы не встречались, но сомневаюсь, что по миру странствуют два таких человека.

– А-а. – Я откинулся на стуле. Не стоило удивляться. В Умбертиде все только и занимались тем, что разнюхивали, чем все занимаются.

– Я вас знаю. – Мужчина посмотрел на меня тёмными глазами. Его кожа была тёмно-коричневого оттенка, характерного для Северного Африка, волосы чёрные, мелковьющиеся и заколотые гребнями из слоновой кости.

– Маловероятно. – Я поднял бровь. – Но возможно. Принц Ялан Кендет из Красной Марки. – Не зная его положения, я воздержался от обещания быть к его услугам.

– Юсуф Малендра. – Он улыбнулся, показав чёрные зубы.

– А-а. Из Матемы! – Все матемаги Либы зачерняли свои зубы каким-то воском. Мне всегда казалось, что для секты, в остальном столь связанной с логикой, это весьма суеверный обычай.

– Вы ведь бывали в нашей башне в Хамаде, принц Ялан?

– Уф. Да. Провёл там свой восемнадцатый год в обучении. Не

могу сказать, что многому научился. С числами я в ладах лишь до определённого предела.

– Значит, оттуда я вас и знаю. – Он кивнул. – Многие вещи от меня ускользают, но лица обычно задерживаются.

– Вы там учитель? – Он выглядел недостаточно старым для учителя, лет тридцати, наверное.

– У меня много ролей, мой принц. Сегодня я бухгалтер, приехал для проверки некоторых финансовых дел калифа в Умбертиде. А на следующей неделе, возможно, буду носить другую шляпу.

От разговора нас отвлекло металлическое жужжание, на которое мы повернули головы. Звук был чем-то средним между тем, как рука шарит в ящике для столовых приборов и жужжанием дюжины сердитых мух. На нас упала тень, и, взглянув вверх, я увидел высоченное сооружение, которое могло быть только знаменитым механическим солдатом банкирских кланов.

– Поразительно, – сказал я. По большей части потому, что так оно и было. Человек, построенный из шестерёнок и колёс, движения которого получались из сцепленных механизмов и пересекающихся стальных зубцов – одна шестерёнка крутит следующую, та следующую, и так до тех пор, пока рука не начнёт двигаться, а пальцы сгибаться.

– Они производят впечатление. – Кивнул Юсуф. – Но это не работа Зодчих. Вы знали? Их сделал Механик примерно век спустя после Дня Тысячи Солнц. Союз часовых механизмов, доходящих до размеров, которые не разглядеть вашему глазу. Разумеется, они не заработали бы, если бы Зодчие не повернули своё Колесо, но знаете, как говорят: одно колесо крутит другое, и многое становится возможным.

– Ялан Кендет. – Голос у штуковины оказался выше и музыкальнее, чем я ожидал. На самом деле я вообще не ожидал, что оно заговорит, но если бы ожидал, то представлял бы себе нечто глубокое и завершающее, словно свинцовые плиты, падающие с высоты. – Пошли.

– Изумительно. – Я встал, чтобы сравнить свой рост с устройством, и обнаружил, что не достаю ему до плеча. Солдат тревожил меня. Безжизненный и непреклонный механизм, но всё же он ходил и даже произнёс моё имя. Куча шестерёнок, имитирующих

жизнь – это уже само по себе нечто очень неестественное и неправильное. Но ещё меня сильно беспокоила мысль о том, что нечто настолько опасное находится так близко от меня, и при этом в нём нет рычагов, которыми я обычно манипулирую потенциальными противниками – таких как лезть, гордость, зависть и похоть. – А они могут гнуть мечи? Пробивать щиты, как рассказывают в байках?

– Я такого не видел, – сказал Юсуф. – Но видел однажды, как такой солдат нёс дверь сейфа в ремонтируемый банк. Весила она не меньше, чем пятьдесят человек.

– Пошли, – повторил солдат.

– Я уверен, он может попросить и повежливей. Или ему не завели пружины для вежливости? – Я ухмыльнулся Юсуфу и постучал костяшками пальцев по грудной пластине солдата. – Попроси снова, на этот раз как полагается. – Костяшки заболели, и я потёр их другой рукой. – Пятьдесят человек, говорите? Им стоит построить больше таких и завоевать мир. – Я обошёл вокруг устройства, вглядываясь в редкие щели между пластин его доспехов, покрытых филигранными узорами. – Я бы так и сделал.

– Людей делать дешевле, мой принц. – Снова чёрная улыбка. – И к тому же, это искусство утрачено. Поглядите, как сделана его левая рука. – Он указал. Рука была больше, чем правая, и сделана из меди и железа. Изумительно сделана, но при ближайшем рассмотрении механизмы – кабели и колёсики от крошечных и замысловатых до крупных и грубых, – оказались не настолько маленькими, чтобы их, по моему представлению, не смог изготовить очень искусный ремесленник.

– Рука управляется из торса, и своей силы в ней нет, – сказал Юсуф. – Нынче большинство солдат частично заменены, и в механизмах – в пружинах, которые заводили, давая им силу – заканчивается завод. А знания, необходимые для подзавода таких механизмов, утрачены ещё до того, как кланы завладели наследием Механика.

Пока Юсуф говорил, мой взгляд был прикован к выемке между плеч солдата – комплексной впадине, из которой выступало множество металлических зубцов. Возможно, это и было место подзавода, хотя я понятия не имел, как оно могло работать.

– Пойдёмте, принц Ялан. – Снова заговорил солдат.

– Так-то. – Я прошёл мимо солдата на открытое пространство зала. – Видишь, можешь ведь обращаться ко мне, как следует. Советую тебе изучить корректные формы обращения. Вероятно, сможешь их выучить прежде, чем твой завод совсем закончится и ты станешь всего лишь интересным украшением гостиной.

Железные пальцы согнулись, и солдат, тяжело ступая, подошёл ко мне. Потом прошёл мимо и повёл меня через толпу. Приятно было думать, что у этой штуки, видимо, всё-таки есть чувства, и мне удалось залезть под его металлическую кожу.

Я прошёл за механизмом вверх по лестнице, по широкому коридору с кабинетами по обе стороны, где за столами сидело огромное число клерков, которые разбирали кипы бумаг и что-то подсчитывали; а потом поднялся по следующему лестничному пролёту к полированной двери из красного дерева.

Кабинет за этой дверью оказался смесью спартанской обстановки и денег. К таким интерьерам стремятся самые богатые. Пройдя стадию необходимости демонстрировать всем и каждому, насколько ты богат, безвкусно выставляя напоказ свою покупательскую мощь, то достигаешь стадии, когда возвращаешься к простому функциональному дизайну. Когда цена уже не имеет значения, и каждая часть окружающей обстановки составлена из абсолютно лучшего, что только можно купить за деньги – хотя, чтобы определить это, может потребоваться пристальное изучение.

Я-то, разумеется, по-прежнему стремился к той стадии, на которой мог бы себе позволить безвкусно выставлять напоказ свою покупательскую мощь. Однако я мог оценить утилитарную экстравагантность пресс-папье на столе, которое представляло собой простой золотой куб.

– Принц Ялан, прошу вас, присаживайтесь. – Мужчина за столом не поклонился и не поднялся меня поприветствовать – на самом деле он едва отвёл взгляд от пергамента перед собой.

Действительно, за пределами дворца мне редко встречался утончённый придворный этикет, но неприятно было, когда такие обычаи игнорируются людьми, которые должны бы понимать, что к чему. Одно дело, когда крестьянин на дороге не может понять мой статус, но чёртов банкир без капли королевской крови в жилах, и всё же сидящий метафорически на такой гряде золота, рядом с которой

некоторые страны покажутся крошками... что ж, такая несправедливость практически вопиет к тому, чтобы этот человек в качестве компенсации облизывал со всех сторон любого аристократа. А как ещё им убедить нас не послать их ко всем чертям, не бросить наши армии на их жалкие маленькие банки и не опустошить их хранилища ради каких-либо высших целей? Я-то уж точно этим займусь, как только стану королём!

Я сел на стул. Очень дорогой и совершенно неудобный стул.

Он накарябал что-то своим пером и посмотрел на меня. Глаза на пустом безвозрастном лице были тёмными и нейтральными.

– Как я понимаю, у вас есть бумаги о делегировании полномочий?

Я приподнял свиток, который мне послал двоюродный дедушка Гариус, и чуть отдёргнул, когда банкир за ним потянулся.

– А вы, должно быть, Даварио Романо Эвеналин из отделения Коммерческих Деривативов Золотого Дома? – Я помедлил, чтобы до него дошли последствия того, что он не представился.

– Это я. – Он постучал по маленькой табличке с именем на своём столе, направленной в мою сторону.

Поджав губы, я передал свиток, и подождал, уставившись на тёмные редяющие волосы на его макушке, когда он наклонился, чтобы прочесть.

– Принц Ялан, Голлот дал вам право распоряжаться значительным имуществом. – Он посмотрел на меня с гораздо большим интересом, быть может даже с неким голодом.

– Что ж... наверное, я всегда нравился моему двоюродному деду... но я не до конца понимаю, как именно я должен представлять его интересы. Я к тому, что это всего лишь корабли. И они даже не здесь. Далеко ли ближайший порт? Миль тридцать?

– Принц, до ближайшего существенного порта около пятидесяти миль.

– И, Даварио, между нами – я не очень-то люблю всякие лодки, особенно если на них нужно устанавливать какие-либо паруса.

– Принц Ялан, думаю, вы не совсем поняли, о чём речь. – Он не смог скрыть самодовольную улыбку, которую демонстрируют люди,

поправляющие глупость. – Эти корабли нас не касаются, разве что в абстрактном смысле. Нас здесь не интересуют верёвки и прилипалы, смола и паруса. Эти корабли – всего лишь актив с неизвестной стоимостью. Как раз такими больше всего любят спекулировать финансисты. Корабли вашего двоюродного деда – не обычные торговые судёнышки, снующие вдоль берегов. Его капитаны – авантюристы, которые направляются к дальним берегам на океанских судах. Каждый корабль с одинаковой вероятностью никогда не вернётся, сядет на риф, а его команду съедят дикари, или же доберётся до порта, гружёный серебром, янтарём, редкими специями или экзотическими сокровищами, украденными у неизвестных людей. Мы торгуем вероятностями, опционами, фьючерсами^[15]. Ваши бумаги... – Поднял он их, – ...когда эксперт архивариус сверит их с нашими образцами... дают вам место в великой игре, в которую мы играем в Умбертиде.

Я нахмурился.

– Что ж, с азартными играми я знаком. Эти торговые бумаги... немного похожи на азартную игру?

– Они в точности как азартная игра, принц Ялан. – Он уставился на меня своими тёмными глазами, и я представил его, сидящим за столиком для покера в каком-нибудь тенистом углу, а не за этим изысканным столом. – Этим мы здесь и занимаемся. Только шансы здесь выше и ставки больше, чем в любом казино.

– Великолепно! – Я сцепил руки. – Я в деле.

– Но сначала проверка подлинности. Её закончат к завтрашнему вечеру. Я могу дать вам расписку о кредите и солдата, который проводит вас до вашей резиденции. На улицах довольно безопасно, но не стоит излишне рисковать, когда дело касается денег.

Мне не очень-то нравилась мысль о механическом солдате, который будет плестись за мной до гостиницы мадам Джоэлли. Сработал приступ осторожности, приобретённой мною в дороге: мне хотелось, чтобы как можно меньше людей знали, где я ночую. И к тому же рядом с этими штуками я чувствовал себя неуютно.

– Благодарю, но я и сам могу добраться. Не хотел бы, чтобы у этой штуки на полпути кончился завод, и пришлось бы её тащить обратно.

Даварио нахмурился, но выражение досады быстро исчезло.

– Принц Ялан, вижу, вы наслушались сплетен. Действительно, у многих механизмов в городе завод кончается, но здесь, в Золотом Доме у нас есть свои решения. Вы узнаете, какая мы прогрессивная организация – здесь отлично впишется такой юный трейдер, как вы. Ведите свой бизнес у нас, и вместе нас ждёт большое будущее. – Он вытащил из-под стола нечто похожее на рог для вина, присоединённый к какой-то гибкой трубке, и заговорил в него. – Пришлите бета-солдата. – Даварио кивнул в сторону двери. – Принц Ялан, сейчас вы увидите нечто особенное.

Дверь на бесшумных петлях распахнулась, и вошёл механический солдат. Он был меньше того, что провёл меня в кабинет. Его походка была более плавной, и вместо латунных пластин со щелями, механизмов за медно-красными глазами и решёткой рта, у этого было фарфоровое лицо. За солдатом вошёл мужчина, предположительно ответственный техник – белолицый угрюмый человек в плотно подогнанном чёрном костюме и специфическом головном уборе современного флорентинца.

– Бета, покажи нашему гостю руку, – сказал Даварио.

Конструкт, жужжа зубцами, поднял левую руку и продемонстрировал мне ладонь – мертвенно белую, и во всех отношениях человеческую, за исключением бескровной сущности и того факта, что в плоть за суставами входили латунные стержни, которые шевелились, сжимая и разжимая пальцы.

– Механизм управляет мёртвой рукой? Вы купили её у какого-то попрошайки, или украли из могилы? – От этой штуки у меня живот скрутило. Заметного запаха не было, но почему-то мой нос дёрнулся от отвращения.

– Пожертвование в счёт долга. – Даварио пожал плечами. – Банк всегда получает причитающееся. Но вы ошибаетесь, принц Ялан. Не стержни управляют рукой. Это рука тянет за стержни и приводит в движение вторичные пружины внутри туловища. Не так эффективно, как часовые пружины Механика, но это мы можем создавать и чинить, и они достаточно мобильны, если постоянно подзаводить их при помощи мёртвой плоти.

Белые пальцы передо мной сжались в кулак, и рука опустилась.

– Но рука... – Рука была мёртвой. – Это же некромантия!

– Это необходимость, принц. Необходимость вечно порождает изобретения из своего изобильного чрева. Нужда порождает странных компаньонов, и самые разные сделки стучатся в двери тех, кто торгует на свободном рынке. И, разумеется, всё не остановится лишь на руке или ноге. Весь экзоскелет механического солдата можно... потенциально... обернуть в трупную плоть. Так что, как видите, принц Ялан, вам не стоит опасаться за безопасность и силу Золотого Дома. Завод последних произведений Механика, быть может, и иссякнет, но мы – раскручиваемся, готовимся к светлому будущему. Вложения и торговля вашего двоюродного деда с нами в полной безопасности, равно как и дела Красной Королевы.

– Красной Ко...

– Разумеется. Красная Марка последние тридцать лет в состоянии войны или в боевой готовности. Некоторые говорят, что запад уже стал бы востоком, если бы между ними не сидела Красная Королева и не говорила "нет" всем проходящим. И всё это, конечно, прекрасно, но экономика военного времени больше тратит, чем производит. Умбертиде десятилетиями финансировал вашу бабушку. Половина Красной Марки заложена банкам, которые можно увидеть из башни Ремонти за площадью в конце улицы. – Даварио улыбнулся, словно в этом были хорошие новости. – Кстати, позвольте представить вам Марко Онстантоса Эвеналина, из Южного отделения Коммерческих Деривативов. Марко недавно назначен помочь провести аудит нашего счёта Красной Марки.

Современный флорентинец, стоявший за мерзостью, которой Даварио, кажется, гордился, слабо улыбнулся мне и посмотрел мёртвыми глазами.

– Очень приятно, – сказал я. Внезапно я уже не знал, что меня сильнее нервировало – чудовищная смесь трупа и металла, или белолицый человек, стоявший в его тени. Было в нём что-то очень неправильное. Трусы разбираются в таком – также как у жестоких есть инстинкт выискивать трусов.

Не сказав больше ни слова, Марко вывел механического солдата из комнаты.

– Так этот Марко банкир? – Спросил я, когда дверь за ними закрылась.

– Среди прочего.

– Некромант? – Пришлось мне спросить. Если Золотой Дом продлевает срок использования своих механических солдат при помощи таких преступлений против природы, то мне оставалось только задуматься, кто выполняет для них эту работу, и не запустил ли Мёртвый Король свои костлявые пальцы в их пирог.

– А-а, – Даварио улыбнулся и продемонстрировал множество маленьких белых зубов, как будто я остро пошутил. – Нет. Не Марко. Хотя он плотно работает с нашими исполнителями. "Некромантия" – неудачное слово с оттенками черепов и могил. Мы же здесь более... научны, и наши исполнители твёрдо придерживаются чётких инструкций.

– А что насчёт Келема? – спросил я.

Банкир от этих слов напрягся, словно я попал в больное место.

– А что с ним?

– Одобряет ли он эти... инновации? Ваших исполнителей и их искусства? – На самом деле я хотел спросить, правда ли Келем владеет половиной Красной Марки, но возможно, мне не хотелось услышать ответ на этот вопрос.

– Келем уважаемый акционер во многих организациях Умбертиде. – Даварио склонил голову. – Но он не контролирует Золотой Дом, и не определяет нашу политику. Мы здесь новое поколение, принц Ялан, и у нас много полезных связей.

Даварио взял из ящика стола кусок пергамента аккуратной прямоугольной формы, с изящным гербом и густо украшенный завитками. Он взял своё перо и написал "100" на чистом пространстве в середине, подписав снизу своё имя.

– Принц Ялан, это кредитная расписка на сто флоринов. Надеюсь, этого будет достаточно на ваши нужды, пока не придёт подтверждение бумаг вашего двоюродного деда. – Он толкнул мне его по столу.

Я поднял бумагу за уголок и подозрительно встряхнул. Она почти ничего не весила.

– Я предпочитаю холодную монету... – Я перевернул расписку, оборот которой также был украшен завитками. – Нечто более твёрдое и реальное.

Даварио едва заметно нахмурился – между его глаз появилась морщинка.

– Мой принц, ваши долги – не монета, но всё же они реальны не меньше, чем ваши активы.

Настала моя очередь хмуриться.

– Что вам известно о моих долгах?

Банкир пожал плечами.

– Лишь то, что они есть. Но если вы захотите занять у меня денег, то я буду знать о них куда больше уже к закату. – Его лицо стало серьёзным, и несмотря на цивилизованную окружающую обстановку, я не сомневался, что в вопросах сбора задолженностей Золотому Дому Даварио Романо Эвеналин склонен к милосердию не больше, чем Мэрес Аллус. – Но я говорил не о ваших личных долгах, а вот долги вашего дяди Гертета стали легендарными. Он с самого совершеннолетия занимал под то, что станет королём.

– Он занимал. – Мне удалось произнести это не в виде вопроса. Я знал, что наиболее невероятный наследник любил тратить и управлял несколькими рискованными предприятиями, включая театр и бани, но я предполагал, что это Красная Королева потакала ему, возмещая тот факт, что до сих пор не впала в слабоумие и не умерла.

Даварио вернулся к своей теме.

– Долги весьма реальны – это не твёрдая монета, но твёрдые факты, мой принц. Эта расписка – обещание: на ней репутация Золотого Дома. Весь Умбертиде, все финансы работают на обещаниях. Громадная сеть связанных обещаний, каждое из которых уравнивает следующее. А вы знаете, в чём разница между обещанием и ложью, принц Ялан?

Я открыл рот, помедлил, подумал, ещё подумал и сказал:

– Нет. – Я не раз произносил и обещания и ложь, и мне казалось, что единственная разница между ними заключалась в том, с какой стороны на них смотришь.

– Прекрасно, если мы когда-нибудь найдём того, кто знает, нам придётся его убить. Ха-ха-ха. – Он проговорил это, даже не изображая веселье. – В конце концов, ложь может оказаться правдой, а обещание можно нарушить. Можно сказать, разница в том, что если

человек нарушает одно обещание, то все его обещания попадают под подозрение и становятся бесполезными, но если лжец случайно скажет правду, мы не начнём все остальные его слова считать истиной. Обещание этой расписки настолько же сильное или слабое, как и обещание любого банка в нашей разрушенной империи. Если оно будет нарушено, мы погрузимся в бездну.

– Но... но... – Я ухватился за эту мысль. На меня легко нагнать страх Господень... (если только речь не идёт о настоящем Господе – в этом отношении я достаточно спокоен). Но в моей голове не укладывалось это замечание о королевствах и странах, которые строятся или рушатся на репутации кучки грязных банкиров. – Любое обещание можно нарушить, – проговорил я, пытаюсь вспомнить человека, на обещание которого я мог бы хоть как-то положиться. Что касалось обещаний, приносящих пользу мне, а не другим, то я из таких людей мог вспомнить разве что Снорри. Туттугу *попытался* бы не подвести, но это не то же самое, что *не подвести*. – Большинство обещаний нарушаются. – Я положил расписку на стол. – Кроме моих, разумеется.

Даварио кивнул.

– Действительно, как у каждого человека есть цена, так и у каждого обещания есть дефект, из-за которого оно может нарушиться. Даже у банка есть цена, но к счастью никто не может себе позволить её заплатить, и потому для всех намерений и целей он настолько же неподкупен, как и святая мать в Риме.

От этих слов моя вера в бумагу снова мгновенно испарилась. Но всё равно я её взял и удалился с положенными любезностями, снова отказавшись от сопровождения.

В сгущавшихся тенях на узких улочках Умбертиде я почти пожалел о том, что меня не провожает механический монстр. Некромантия, поджидавшая меня в самых высших кругах города, ничуть не успокаивала мои нервы, особенно после того, как во время путешествия мне едва удалось избежать этих ужасов. С каждым поворотом я чувствовал на себе скрытые взгляды и немного ускорился, так что к тому времени, как добрался до своего жилища, я уже почти бежал, и моя одежда промокла от пота.

Я думал и о потерявшемся на дороге Хеннане, и о Снорри – может, его уже привезли в Вермильон, сломали и отобрали ключ?

ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ

Несмотря на мои страхи, в Умбертиде я устроился, как игрок за карточным столом. Я приехал не за ночной жизнью, не собирался присутствовать на балах, наслаждаться местными винами, карабкаться по здешней социальной лестнице или даже найти богатую жену – я приехал за деньгами. Несомненно, в своё время многое из этого было бы мне интересно – за исключением поиска жены – хотя в банкирских городах вроде Умбертиде не так уж и много зланных мест, но когда дело доходит до азартных игр, я становлюсь удивительно сосредоточенным. Моя способность проводить за покерным столом двадцать часов в день семь дней в неделю – одна из причин, по которой мне удалось накопить столь непомерный долг Мэресу Аллусу в таком юном возрасте.

Карту Умбертиде усеивают многочисленные торговые залы. Некоторые из них определяются Домами, которые их контролируют, другие – природой заключаемых там сделок. Я начал в зале Золотого Дома, чтобы получить инструкции по основам торговли у белолицего подчинённого Даварио, Марко Онстантоса Эвеналина.

– Доли в предприятиях скромных размеров продаются четвертями, а доли в более крупных предприятиях, даже в самих банках, можно приобрести по одной десятитысячной. Хотя в случае концернов вроде Центрального Банка для большинства частных трейдеров даже десятитысячная доля будет не по карману. – От его голоса даже козы сдохли бы со скуки.

– Понимаю. Итак, я готов сыграть. У меня есть на продажу три лучших торговых судна из всех, что плавали под парусами в океанах, и чутьё на покупки. – Я оглянулся на трейдеров: разношёрстный народ, в основном люди Золотого Дома, но с вкраплениями независимых торговцев с многих дальних берегов. Трейдеры Золотого Дома носили чёрное с золотой отделкой и постоянно курили трубки и сигариллы в таких количествах, что над их головами висел покров едкого дыма. Табак остаётся одной из немногих грязных привычек, которые меня не привлекают. – Думаю, смогу импровизировать.

– Лоты покупаются при помощи табличек, которыми привлекают внимание продавца, – продолжал Марко, словно я ничего не сказал, а просто губами шлёпал. – Затем, наняв представителя Золотого Дома для оформления бумаг, обе стороны удаляются в кабинки для сделок. Продажа должна быть зарегистрирована в...

– Правда, я понял. Просто хочу уже начать...

– Принц Ялан. – Чопорно выговорил он, и впервые в его голосе появились какие-либо интонации. – Пройдёт несколько дней, прежде чем вы будете готовы совершить покупку в этом зале или в любом другом. Даварио Романо Эвеналин поручил мне ваше обучение, и честное слово, я не могу позволить вам торговать в неведении. Ваше разрешение не будет утверждено, пока я не скажу, что вы готовы торговать. – Он сомкнул свои бледные губы и наклонял шею, пока та мучительно не хрустнула. – Для продаж более чем на одну тысячу флоринов нужен старший представитель, обозначенный зелёными нашивками на лацканах торгового пиджака...

– А что насчёт механических солдат? – Прервал я его. – Есть ли "концерн", специализирующийся на них? Могу я купить его долю? – Мне вовсе не хотелось совершать таких покупок, просто в его банкирских глазах хоть что-то блеснуло лишь однажды – когда Даварио обсуждал дьявольский прожект, мёртвую плоть на металлических костях.

– Собственностью на солдат обладают многие частные лица и коммерческие предприятия. Центрального регулирования нет, хотя государство в лице герцога Умберто держит права на знания Механика...

– Права на знания, которых никто не понимает... Нет, тут, пожалуй я пас. Но скажи мне, сколько десятитысячных Золотого Дома надо купить, чтобы получить право голоса на то, что происходит в ваших лабораториях? Сколько нужно заплатить, чтобы выяснить, как далеко дотягиваются руки Мёртвого Короля в то, что создаётся под кабинетом Даварио?

Лицо Марко от моих слов ещё сильнее напряглось и побелело, если такое возможно.

– Использование трупных материалов в наших механических конструкциях... имеет ряд коммерчески щепетильных моментов, но в целом это не тайна. Мы заключаем соглашения с независимыми

экспертами на местах. И опять же, их имена не являются засекреченной информацией.

– Тогда назови мне одно, – сказал я, ухмыляясь во весь рот, безуспешно пытаясь вызвать ответную улыбку на столь тонких и бескровных губах, что я сомневался, что они вообще способны улыбаться.

– Я могу назвать вам три, и один из них недавно прибыл в город. – Он помедлил. – Но в Умбертиде любая информация имеет цену, и ничто ценное не отдаётся даром.

– Так хватит ли тысячи флоринов за имена твоих специалистов?

– Да. – Марко сунул руку за пазуху и вытащил счёт на продажу. На его лице не появилось никакого выражения, но скорость, с которой он двигался, говорила о том, что даже сердце такого чёрствого существа, как он, бьётся немного быстрее при мысли о тысяче флоринов золотом. Он положил счёт на стол и потянулся к перу, чтобы я мог подписать.

– Нет, – сказал я, протянув руку. Марко с недоумением посмотрел на неё.

– Принц Ялан, зачем вы протяну...

– Чтобы ты мог дать мне разрешение, Марко. Должно быть, ты решил, что я уже готов совершать покупки, раз только что предложил продать мне что-то.

Я услышал скрежет и стук его зубов, когда он вытащил документ из узкого чёрного пальто и протянул мне.

– Не грусти, Марко, старина. Я рождён для таких мест. Понимаешь, у меня на них чутьё. В это же время через месяц я буду владеть этим зданием. – Я похлопал его по плечу, в основном, чтобы позлить, и ушёл, потирая руку. Несмотря на свой внешний вид, он был словно из камня сделан.

***

Той ночью в комнате мадам Джоэлли мне снился Хеннан, испуганный и бегущий по тёмному каменистому полю. Казалось, я его преследовал, приближался, пока не стал слышать его неровное дыхание и не увидел в лунном свете мелькание его босых ног, тёмных от крови. Я гнался за ним, дышал ему в затылок, но всё время был за пределами досягаемости. Наконец я приблизился и потянулся к нему. И руки, которыми я его схватил, были крюками, чёрными металлическими крюками, впившимися ему в плечи. Он закричал, и я проснулся, мокрый от пота в чёрной ночи своей комнаты, и понял, что кричу я сам.

***

Несколько дней я провёл, наблюдая за тем, как быстро всё меняется в торговом зале Золотого Дома, и совершил несколько сделок – небольшие ставки на цену оливок и соли. Соль торговалась в огромных количествах – для богатых это всего лишь приправа, но естественный консервант для всех остальных. И несмотря на то, что в холмах рядом с Умбертиде, видных с городских стен, имелись соляные копи, город всё же закупал огромное количество соли из Африка.

Только почувствовав механику торговли, я двинулся дальше.

Я перешёл в Морской Торговый Дом – большое строение из песчаника, построенное в виде амфитеатра с куполом и расположенное на краю расточительно зелёного парка возле центра финансового квартала города. Я называю это "квартал", хотя финансовой можно было считать две трети города.

Каждый день от зари до полуночи толпы самых состоятельных людей Разрушенной Империи собирались в просторных пределах Морского Дома и хрипло кричали, пока гонцы – обычно молодые люди с быстрыми мозгами и ещё более быстрыми ногами, надеявшиеся, что однажды и сами будут кричать – носили сделки туда-сюда. Это не сильно отличалось от ставок на бои в "Кровавых Ямах" в Вермильоне, только здесь на кону была разница во мнениях о стоимости грузов, доставляемых в различные порты, которых

большинство торговцев никогда не увидит и видеть не желает. Корабли с самыми отдалёнными точками назначения, и о которых не было ничего известно уже долгое время, привлекали самые высокие ставки. Возможно, о корабле больше никогда не услышат, а может он вернётся через три недели, гружёный самородками чистого золота, или бочками настолько экзотических специй, что у нас даже нет для них названия, только желание попробовать. Корабли, о которых была доступна какая-то информация – может, его видел месяц назад другой капитан, или доходила какая-то весть, что он весной отходил от побережья Индуса, под завязку загруженный янтарём и канифолью, – на эти корабли ставить было безопаснее, но и ставки были ниже. И, чтобы забрать прибыль или претерпеть убыток, не нужно было даже ждать, пока твой корабль вернётся – любую ставку можно было продать, со значительной прибылью или намного дешевле, чем она была куплена, в зависимости от информации, которая всплыла в определённый промежуток времени, и насколько она заслуживала доверия.

***

Первые две недели я быстро зарабатывал, но в ту же секунду возвращался к прежним уровням. Несмотря на моё естественное чутьё на игру, отличное понимание расчётов и великолепные навыки работы с людьми, и даже вооружённый внушительной финансовой глубиной, которую представляли собой корабли моего двоюродного деда, я никак не мог добиться прибыли. Иные скажут, что работа на рынке – это искусство, которому нужно учиться много лет, строить свои сети и добиваться понимания различных торговых сфер. По мне же, всё сводилось к ставкам (хоть и в самом большом казино Разрушенной Империи), и на самом деле мне нужна была только система. А ещё немного поспать. От долгих часов торговли и повторяющихся снов о Хеннане, встречавшем один мрачный конец за другим, я уже совершенно вымотался.

На третью неделю я был в плюсе почти на две тысячи флоринов и вернулся в Золотой Дом разместить свою коллекцию сертификатов на продажу. Мне снова пришлось стоять в очереди, что было

невыносимо по двум причинам: во-первых, ни один принц не должен паяться в потную шею другому человеку, если, конечно, тот не король. А во-вторых, я искренне сомневался, что кто-то впереди меня нёс к стойке такое состояние, и уж конечно банк должен отдавать приоритет богатым.

Большую часть своих денег я заработал на соглашении о покупке места в гавани Гоханского порта. Согласно комплексной магии моей системы, мне не придётся совершать настоящих покупок очень долго. Никогда, если я правильно рассчитал время своего отъезда из города. Кашель сзади оторвал меня от раздумий.

– Принц Ялан, приятно ли вы проводите время в Умбертиде? – в очередь за мной встал матемаг, с которым я встретился в первый визит. На нём был прекрасный халат пересекающихся чёрных и белых фигур – узор восхищал глаз и сообщал, что дом этого человека очень далеко отсюда.

– Я... – Имя парня выскользнуло из моей головы, но я неплохо скрыл этот факт. – Что ж, благодарю. Скажем так, с прибылью, а это всегда приятно.

– Юсуф Малендра, – сказал он, демонстрируя чёрную улыбку своей касты и склоняя голову. – Вижу, вы сменили кожу. – Он восхищённо осмотрел мой наряд.

Я нахмурился. Кара говорила нечто похожее. Я применил некоторые особенности местной моды и потратил пятьдесят флоринов на прекрасные шёлковые рубашки, парчовые панталоны, высокие ботинки из телячьей кожи и отличную шляпу со страусиным пером.

– Стиль никогда не выходит из моды, Юсуф. – Я улыбнулся улыбкой богача. Такой симпатичный парень как я, всегда привлекает много взглядов, и, хотя принцы и так никогда не выходят из моды, правильно представить себя никогда не вредно.

– Так вы теперь богач?

– Ещё богаче, – сказал я. Мне не очень-то понравился подтекст, будто бы я прибыл попрошайкой.

– Возможно теперь вам сто́ит купить себе защиту, раз вы богач... то есть, ещё богаче. Состоятельный человек должен быть осторожен, а тот, кто так быстро делает деньги, сильно рискует. У меня на родине

есть поговорка: рискованно брать на себя риск. – Он, оправдываясь, пожал плечами. – Её сложно нормально перевести.

– Возможно и сто́ит. – Эта мысль уже приходила мне в голову. Я скучал по норсийской машине для убийства шести с половиной футов ростом рядом с собой. Хватило бы только врезаться на улице не в того человека, и я оказался бы на остром конце спора, от которого меня не спасла бы никакая сумма денег в банке. И к тому же, к несчастью, Юсуф был прав: моя система была не из тех, что порадует власти, если выйдет на свет, и груда мышц рядом со мной сможет купить мне время, чтобы сбежать, если всё пойдёт наперекосяк.

– Поверьте, нет защитника лучше, чем механический солдат. – Юсуф произнёс это как вопрос, склонив голову. – С таким солдатом рядом вы будете настоящим флорентинцем.

В шести шагах впереди завершал сделку чрезвычайно высокий торговец с Дальнего Востока, а все остальные медленно передвигались к стойке.

– Я уже рассматривал этот вариант, – сказал я. На самом деле не рассматривал. Что-то в этих штуках отвращало меня, и, несмотря на то, что солдат идеально демонстрировал бы мой статус остальным трейдерам в зале и черни за его пределами, мне не хотелось, чтобы такая штука всюду ходила за мной. – Но меня беспокоит их лояльность... как доверять такому... механизму?

– А как доверять человеку? Особенно если его лояльность можно купить? – Матемаг поплотнее запахнул халат, словно ему было холодно, хотя в Умбертиде за стенами Золотого Дома стояло невыносимое пекло, а сравнительную прохладу внутри любой здравый человек счёл бы жарой. – Автоматы Механика "перенастраиваются" во время продажи. Специальная машина – существует только два работающих экземпляра, – создаёт представление о новом владельце и производит тонкий медный стержень с мой палец длиной. На нём видны бороздки, которыми предположительно каким-то образом закодированы особенности нового владельца. Этот стержень через маленькое отверстие вставляется в голову солдата, и таким образом завершается передача собственности.

– Обворожительно. – Или по крайней мере чуть менее скучно, чем таращиться на затылок нубанца передо мной – толстяка,

пахнущего незнакомыми специями. – Но всё же я предпочитаю себе в телохранители человека из плоти и крови.

– Сын меча, принц Ялан. Купите контракт с сыном меча. Лучше защитника вам не найти. По крайней мере, из тех, кто может кровоточить.

Я пометил себе сделать вложение в услуги сына меча. С учётом того, что вся моя прибыль зависела от "системы" задержки уплаты налогов и операционных сборов посредством комплексной сети трейдеров и их помощников, которые возникали только при необходимости их участия в моей схеме, казалось вероятным, что вскоре мне придётся обратить мои бумажные деньги в золото и незаметно покинуть город. А если моё время выйдет, то вполне возможно мне потребуется кто-то, кто может кровоточить за меня – потому что я был чертовски уверен, что сам я кровоточить не хотел.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ

Лето на крышах Умбертиде потрескивает на раскалённых терракотовых плитках, блестит на побелённых стенах, за которые цепляются неподвижные ящерицы, ждущие, как ждёт и весь город, когда зайдёт солнце.

***

Три ночи подряд меня преследовал один и тот же сон, в сравнении с которым сны, повторявшиеся до этого три недели подряд, теперь казались спокойными. С каждым днём я чуточку сильнее волновался за Хеннана – парнишка мне нравился, и я не желал ему зла, но не нанимался ему в охранники и не обещал усыновить в семью Кендетов. Ребёнок сбежал, как поступают многие дети, и вряд ли моей обязанностью было разыскивать его по всей Разрушенной Империи.

Но видимо, моя совесть считала иначе, хотя и только после полуночи. Три утра подряд я просыпался истощённым и измученным бесконечными видениями Хеннана под пытками. Чаще всего я видел его схваченным, кричащим, его держали многочисленные руки и утаскивали в темноту. Я видел, как он лежит, съевшись, на грязном полу, в лохмотьях – бледная кожа да кости, уже без огня в волосах, а безжизненные глаза ничего не видят.

На первое утро я нанял сыщика отыскать парня. У меня были на это деньги, куча денег.

На второе утро я заплатил священнику за молитвы и свечи для Хеннана, хотя сильно сомневался, что несколько свечей сподвигнут Бога присматривать за язычником.

На третье утро я решил, что совесть сильно переоценена и решил посетить доктора, чтобы получить какое-нибудь лечение моему

недугу. Волноваться о других людях, тем более о каком-то крестьянском парнишке, было совсем не в моём духе.

***

Умбертиде – это город узких улочек, где булыжники мостовых освещены лишь на короткое время, когда в зените каждого дня солнце глубоко запускает свои пальцы в каждую трещину и щёлочку. По этим тенистым дорожкам люди ходили туда-сюда по своим делам – а их делами были дела других людей. Гонцы, отправленные с поручениями, несли расписки, счета, оформленные и заверенные сделки, а также капельки информации, слухи, скандалы и интриги, которые сливались в поток, текущий из одного архива в другой, наполняя и опустошая сейфы. Можно подумать, что кровь Умбертиде золотая, но на самом деле она цвета чернил – информация ценнее, и её легче переносить.

А сегодня один из этих людей был отправлен по моему поручению, и нёс, как я надеялся, маленький факт, ценный для меня.

Открылась дверь ресторана, и, после некоторых переговоров в группе официантов, метрдотель подвёл к моему столику высокого тощего человека, закутанного в чёрный уличный плащ.

– Садись. – Я махнул на стул напротив. Человек пах потом и специями. – Попробуй перепелиные яйца, они восхитительно... дорогие. – Я уже некоторое время ковырял изысканную еду на трёх обильно украшенных тарелках из Линга. Икра осетров из Степей, крошечные анчоусы в сливовом соусе, артистично разбрызганном по фарфору, грибы с чесноком и полевым луком, тонкие полоски копчёного окорока... ничто не манило, хотя потребуется полновесная крона золотом, чтобы оплатить счёт.

Мужчина сел и повернул ко мне лицо, такое же длинное и угловатое, как и весь он. Яйца он проигнорировал.

– Я нашёл его. Тюрьма должников Центрального банка, на площади Пьяццо.

– Великолепно. – Раздражение во мне сражалось с облегчением.

Будь я проклят, если знал, зачем потратил немалые деньги на сыщика: мог бы и сам догадаться, что Хеннан где-то за решёткой. Но в тюрьме должников? – Ты уверен, что это он?

– К нам в Умбертиде попадает не так уж много северян – ну, во всяком случае, белых, как молоко, безбожных северных еретиков, да ещё таких как он. – Он подтолкнул ко мне по столу маленький пергаментный свиток. – Адрес и номер его камеры. Дайте знать, если смогу чем-то ещё услужить. – С этими словами он встал, а официант устремился проводить его наружу.

Я развернул пергамент и уставился на номер, словно он мог открыть путь, который привёл ребёнка без гроша в тюрьму должников. А может, открыть ответ на более неприятный вопрос: зачем я трачу время и деньги, разыскивая его? По крайней мере, найти его оказалось удивительно легко и быстро. Дальше надо было вытащить его живым и невредимым туда, откуда он не сбежит. И тогда, возможно, закончатся неприятные и, к счастью, редкие атаки совести.

Год, проведённый в Матеме, вооружил меня ожиданием, что в числах содержатся секреты, но не дал мне инструментов открывать их. Я был плохим студентом, и младшие математики вскоре отчаялись меня обучить. Единственная область чисел, которой я находил применение, были вероятности – это было связано с моей любовью к азартным играм. Теория вероятностей, как называют её либанцы, тем самым уничтожая в играх всё веселье.

– 983836681632.

Всего лишь цифры. Центральный Банк? Я-то думал, что найду Хеннана мёртвым в канаве или прикованным к скамье в какой-нибудь мастерской... но не гостем флорентийского Центрального Банка.

Я ещё немного посидел в ресторане, наблюдая, как обедающие поглощают маленькие состояния, и не мог понять, кто из них на самом деле по-настоящему наслаждается пересоленными прелестями, редко разбросанными по их тарелкам.

Я повернулся и дал знак налить мне ещё бокал анкратского красного. Есть особый звук, который издают монеты, задевая друг о друга – не звон и не шелест. Золотые монеты издают более мягкий звук, чем медяки или серебро. Во Флоренции чеканят флорины, которые тяжелее дукатов или золотых крон Красной Марки, а в

Умбертиде чеканили ещё двойные флорины, на которых не было головы какого-нибудь короля, или Адама (третьего в своём роде и последнего из императоров), или иного символа Империи – только шифр Центрального Банка. Этот тихий звон золота об золото, двойных флоринов об двойные флорины, сопровождал моё движение, когда я попросил ещё вина, и, хотя это был всего лишь тихий шёпот за потоками бесед, несколько пар глаз повернулись в мою сторону. Золото всегда говорит громко, а в Умбертиде на его голос настроено больше ушей, чем где бы то ни было.

Большинство людей на ланче были современными флорентинцами, которых, как и всех в Умбертиде, влёл поток модных веяний, менявшихся с безумной скоростью. В отношении моды на одежду единственной постоянной в умбертидском стиле было то, что наряды должны быть неудобными, дорогими и непохожими друг на друга.

Я снова посмотрел на номер. Пускай ещё потомится, пока я закончу свою трапезу. В идеальных обстоятельствах надо было дать неблагодарному оборванцу провести ещё месяц на тухлой воде и объедках. Я зачавкал перепелиным яйцом, разглядывая небольшое море многоярусных шляп, склонённых над тарелками. Явно в моде было не снимать их за обедом – по крайней мере на этой неделе. Жаль, у меня не было месяца. Пришло время покинуть город, и задержка даже на день могла оказаться рискованной.

Со вздохом я поднялся из-за стола, положил флорин у основной тарелки и ушёл. Золото, спрятанное по всему моему телу, тихо позвякивало, а избыток, сложенный в портфель, изо всех сил оттягивал мне руку.

Современные смотрели, как я ухожу, инстинктивно привлечённые уходом столь большого капитала.

***

Та-Нам ждал меня снаружи у "Жирного Гуся", непринуждённо расположившись в тенишке, но не дремал. На деньги, уплаченные за

сына меча, можно было нанять шестерых охранников, но я решил, что он более смертоносен и определённо более лоялен за свои монеты – лояльность это кредо их касты. Для этой цели таких людей, как Та-Нам, воспитывали и обучали на каком-то чёртовом острове в Африке, очень, очень далеко к югу. Я принял совет матемага и купил услуги сына меча, как только положил в банк свою первую тысячу. Стоимость его контракта сильно её уменьшила, но всё равно, я чувствовал, что совет Юсуфа был ценным – у принца всё должно быть лучшим, и его защита должна соответствовать тому, что защищают. В любом случае, одной из прелестей Умбертиде было то, как магия рынка могла превратить одну монету во множество, плавая в сети кредитов, обещаний и маленьких кропотливых расчётов, называемых "финансовые инструменты". Возможно, впервые в жизни я был в плюсе и мог позволить себе лучшее.

– Пошли, – сказал я. – Мы направляемся в тюрьму.

Та-Нам не ответил и молча последовал за мной. Нелегко было добиться от него ответа. Что бы ни включало в себя обучение сынов меча, оно забирало у них не меньше, чем давало: они так сильно замыкались на своей задаче, что уже не тратили время или мысли на светские любезности и болтовню. К этому времени я мог бы заменить Та-Нама на лучшие механизмы города – если бы захотел. Я уже сколотил состояние средних размеров, ставя торговые суда под флагом бабушки против комплексных фьючерсных опционов на грузы. С состоянием, которое я накопил, я мог бы позволить себе очень многое. Но вряд ли механический солдат оказался бы лучшим собеседником, чем сын меча. И к тому же, игрушки Механика заставляли меня нервничать, хотя охранников лучше было не сыскать. У меня мурашки по коже бежали, даже когда один из таких солдат находился рядом. Постоянное жужжание всех этих шестерёнок и колёс под доспехами, скрежет при каждом движении, множество маленьких зубцов, соединённых между собой, и всё в движении... это нервировало меня, и медный блеск их глаз не предвещал ничего хорошего.

Та-Нам шёл за мной, как и полагается охраннику, который нужен не для шоу, а для защиты – поскольку так он мог всегда держать меня в поле зрения. То и дело я оглядывался назад проверить, там ли он, моя молчаливая тень. Я ещё не видел его в деле, но он определённо выглядел как надо, а об искусстве сыновей меча веками ходили легенды. Его мышцы были крупными и

сильными, но не настолько огромными, когда ценой становится скорость. Невозмутимый, крепкий, смотрящий на мир без суждений. Темнее даже нубанцев, а его голова была выбрита и блестела.

– Я даже не знаю, зачем мы туда идём, – сказал я Та-Наму через плечо. – Я же ему ничего не должен. И он сбежал от *меня*! Я к тому, что видал я неблагодарных, но чтоб настолько...

Мы медленно, но неуклонно продвигались. За те недели, что я жил здесь, я выучил планировку города, хоть и провёл большую часть времени во мраке обмена, расстраивая трейдеров, играя с процентными ставками и обманывая с плеча.

Люди на узких улицах Умбертиде и огромных залитых солнцем площадях не сильно отличались от людей в самых высококлассных ресторанах. Вездесущие гонцы в чёрных плащах сновали среди многонациональных толп. Соблазны города привлекали посетителей из всех уголков известного мира, и большинство из них уже были богачами. Наверное, не найти другого места на карте, где можно встретить торговца-лингйца с Дальнего Востока, потягивающего кофий за столиком с либанским матемагом, а с ними нубанского торгового агента, обмотанного золотой цепью. На улицах Умбертиде я видал даже человека из Великих Земель за Атлантическим океаном – светлее, чем люди кланов северного Африка, с голубыми глазами, в пёстром одеянии, украшенном перьями и расшитом множеством малахитовых бусин. Я так и не узнал, какой корабль перевёз его через просторы этого океана.

Узкий проход между домами расширился почти до улицы, ограниченной с обеих сторон оштукатуренными доходными домами в пять, а то и в шесть этажей. Их стены поблекли, потрескались и обесцветились, хотя роскошь внутри могла посрамить многие особняки, а стоимость подобного жилища разорила бы большинство провинциальных лордов. Впереди на пересечении двух улиц журчал фонтан, и хотя я его ещё не видел, но уже слышал его музыку и чувствовал прохладу.

– Принц Ялан. – Толпа вокруг меня поредела.

– Корпус Арманд. – Формально нужно было обращаться к нему с указанием его принадлежности Железному Дому, но он уже пренебрёг протоколом, не обозначив мой род и владения. Я оглянулся на Та-Нама: когда современный не соблюдает протокол –

жди беды. Если современный нарушает этикет, это всё равно, как если Анкрат убивает твою семью – то есть, нельзя сказать, что это неслыханно, но это означает, что он взбешен.

Корпус вытянулся во весь свой невпечатляющий рост и перегородил мне путь. За его спиной с жужжанием встал его солдат, возвышаясь над хозяином. Из них вышла чудная парочка: современный, одетый в чёрную облегающую одежду, совершенно негодную для жары, с мертвенно-белой кожей – не по-норсийски бледной, но цвета альбиноса, который достигался отбеливанием и, если слухи не врали, немалым количеством колдовства. За его спиной стоял солдат размером с тролля, выше любого человека, стройный, длиннорукий и длинноногий, в местах стыка пластин доспехов виднелись механизмы, стальные когти изгибались, когда провода наматывались на их колёса, или убирались под накулачники.

– Принц, ваша расписка для Гоханской сделки недействительна. И Вайлан и Бутарни её не приняли.

– А-а, – сказал я. Когда тебе отказывает любой банк, это уже довольно неприятно. А когда в кредите отказывают два старейших банка Флоренции, это фактически выводит человека из всех лучших финансовых игр Умбертиде. – Что ж, это прискорбный недосмотр! Как смеют какие-то банки ставить под сомнение имя Кендет? С тем же успехом они могли бы назвать шлюхой Красную Королеву!

Та-Нам встал рядом со мной. Правила Умбертиде запрещали в старом городе ношение оружия больше ножа, но сын меча со своими бритвенно-острыми полосками хромированной стали представлял собой ходячее массовое убийство. К сожалению, автомат за спиной Корпуса по общему мнению был невосприимчив к уколам.

Корпус прищурился и посмотрел на меня своими маленькими тёмными глазками.

– Принц Ялан, страны держатся или рушатся из-за финансов. – Он протянул долговые обязательства, о которых говорил – прекрасные хрустящие документы на самом толстом пергаменте с завитками по краям, подписанные мной и заверенные тремя свидетелями с подтверждённой репутацией. – Верните мне долг, принц Ялан. – Каким-то образом мелкий белолицый подонок умудрился произнести эти формальности весьма угрожающим тоном.

– Корпус, мой дорогой друг, всё это чепуха. Мой кредит должен

быть в порядке. – Я действительно так думал. Я очень осторожно опустошал свои счета, чтобы на них остался каркас активов, на котором здание моих финансов могло продержаться по меньшей мере день или два после моего отъезда. Всё, что мне оставалось сделать, это превратить мою чудовищно тяжёлую кучу золота в какую-то более портативную форму богатства – в такую, которая не будет зависеть от банковских сейфов, долгов и прочей чепухи – и самая быстрая лошадь, какую только можно купить за украденные деньги, унесёт меня прочь. На самом деле если бы мой сыщик не нашёл меня за ланчем, я бы уже стоял у дверей одного торговца алмазами, покупая самые большие камни его коллекции. – Мой кредит в порядке, как...

– Закрыт из-за проблем со сборами. – Корпус слабо улыбнулся. – Центральный банк своё получит.

– А-а. – Очередная долгая пауза, заполненная яростным изобретением оправданий. Из-за банковских сборов с каждой сделки получить законную прибыль на рынках Умбертиде было очень сложно. Я сразу выяснил, что настоящий ключ к успеху заключается в том, чтобы их не платить. Разумеется, это требовало разработки сложной схемы задержки платежей, платежей по расписанию, обманов и безумной лжи. Я подсчитал, что эти особо крупные и потенциально смертоносные цыплята вернутся в курятник не ранее конца недели. – Послушай, старина Корпус, из Железного Дома и всё такое. – Я сделал шаг вперёд и положил бы руку ему на плечи, вот только он отошёл назад, а его солдат выглядел так, словно готов был схватить любую руку, прикоснувшуюся к его хозяину, и зашвырнуть её за крыши, вместе с телом владельца, или без оно. – Разберёмся с этим по старинке. Встретимся с первым ударом колокола завтра утром у Кофейного Дома Юлани, и я всё тебе отдам золотом. – Я похлопал себя по рёбрам, чтобы звякнули монеты под моим жакетом. – В конце концов, я же наследник трона Красной Марки, и моё слово – кремень. – К предложению я добавил улыбку, и лучился при этом искренностью.

На лице Корпуса появилось то выражение отвращения, которое появляется у всех финансистов Умбертиде, когда упоминается нечто настолько вульгарное и грязное, как чистое золото. Всю свою жизнь они строят на нём, и всё же почему-то считают золото ниже своего достоинства, предпочитая бумаги и расписки тяжести монет в руке. На мой взгляд, лишний ноль в долговой расписке радует намного

меньше, чем кошелёк, весящий в десять раз больше. Хотя прямо сейчас, когда куча активов в портфеле, сговорившись с тяготением, пыталась вырвать моё плечо из сустава, мысль о расписках несколько меня манила.

– С первым колоколом... принц. Вся сумма. Иначе последуют санкции. – Он повернул голову и показал глазами на солдата, не оставив никаких сомнений, что санкции будут куда хуже, чем просто отмена моей торговой лицензии.

Скрывая облегчение, я пошёл мимо Корпуса, не удостоив взглядом ни его, ни чудище. Каплей хвастовства и кучей лжи мне удалось купить себе большую часть дня. Дёшево и сердито! Обманы были той валютой, которую я тратил с радостью.

– За нами следуют два агента, – сказал Та-Нам сзади.

– Что? Где? – Я развернулся. В море голов ничто не выделялось, за исключением механического солдата Корпуса – никто ему не доставал даже до плеч.

– Если покажете им, что знаете об их присутствии, ускользнуть будет сложнее. – Та-Наму удалось сказать это не в виде упрёка, причём с помощью не подобострастия, а разумного ожидания, что вокруг все взрослые и понимают правила игры.

Я снова тронулся в путь и ускорился, несмотря на жару.

– Двое?

– Другие могут быть более опытными, – признал Та-Нам. – Те двое, которых я заметил, наверное, наняты частниками – банковские агенты не будут столь неуклюжими.

– Если только они не посылают сообщение... – Частные наёмники? Сыщики вроде того, который принёс мне новости за обедом. Возможно, я был его следующим заданием, и он следует за мной прямо сейчас. В любом случае, послание было ясным: подозрения имелись не только у Корпуса из Железного Дома. Пока я не отказывался платить по долгам, они не могли на меня наброситься, но уж точно могли за мной следить. Страх протянул свои лапы из того места, где он всегда поджидает, и схватил меня за яйца.

– Будь они все прокляты.

ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ

Когда выходишь на площадь Пьяццо, сразу вспоминаешь, что такое лето так далеко на юге. В тенистых извилистых переулках, где дует ветерок, чувствуешь лишь жаркое дыхание лета, лишь отголосок той силы, которая тебя поджидает. Но стоит выйти на Пьяццо в полдень посредине лета, и оно бьёт тебя, словно кулак. Внезапно мне захотелось шляпу, пусть даже и такую нелепую, какие носили современные. Склонив голову под атакующим солнцем и прищурившись от ослепительного света, отражавшегося от широких светлых плит мостовой, я зашагал в сторону долговой тюрьмы Центрального Банка на дальней стороне площади.

Спереди она выглядела как изящный особняк в том же архитектурном стиле, что и её окружение, и была достойна выходить на одну из самых знаменитых площадей Умбертиде. Мне рассказывали, что зимой площадь становится местом, где собираются и общаются богатые граждане, разъездные торговцы продают дорогие лакомые кусочки, и дают представления знаменитые оркестры. Неудивительно, что должники с достаточно щедрыми друзьями и семьями часто предпочитают поселиться в передней части тюрьмы, ожидая там недели, месяцы, а то и годы, пока их состояние не вырастет настолько, что они смогут расплатиться с долгами и процентами, или не сократится до точки, от которой должники начинают медленно и неотвратимо мигрировать в сторону скрытой задней части здания.

Мы подошли к роскошной парадной двери, украшенной позолоченными узорами. Сначала платишь привратнику. В тюрьме должников всё стоит денег, и плата прибавляется к долгам. Если хочешь кровать, еду, чистую воду – надо платить. Если не можешь заплатить, то продаёшь то, что у тебя есть. В передней части люди работали прислугой. Дальше – продавали свою одежду, свои тела, волосы, своих детей. В самом дальнем конце, где уже не было крошечных тесных камер, складывали трупы, тощие как скелеты, обнажённые, проданные на корм свиньям, и тогда кредит вычитался из общей суммы их долгов.

Я знал всё это, поскольку долговые тюрьмы, которых немало в

Умбертиде, были моим пунктом назначения в том случае, если приключения на товарных рынках обернутся скверно. Не в моём духе слишком усердно изучать оборотные стороны любого порока, которым я развлекаюсь, а азартные игры всегда главной из моих слабостей. Однако мне нравится изучать все пути отхода, а это неизбежно влекло за собой выяснение многого об учреждениях вроде этой тюрьмы, которой управлял Флорентийский Центральный Банк. Вывод из моих изысканий: попадаться туда не надо.

Этот вывод задержал меня на ступенях. Солнце колотило по голове, тень чернела под ногами, Та-Нам невозмутимо стоял позади меня. Я пришёл сюда, чтобы купить свободу – но что привело меня сюда? Кусочек пергамента. Записка, данная мне человеком, который продаёт свои услуги любому с монетой или с кредитом. Записка, отданная мне в день, когда банки отказались принимать мои бумаги.

– Иронично будет, если я войду сюда, надеясь помочь заключённому, и окажется, что сам передам себя в заключение. – Я сказал это громко, чтобы услышал Та-Нам, но он ничего не ответил. Внезапно у меня пересохло во рту – город поднимался надо мной, словно цепкая рука. Мне хотелось только убежать. Забыть свой план. Забыть алмазы. Бросить чёртово золото, если надо. Просто сбежать. Перед глазами всплыли видения, которые преследовали меня три ночи – угасающий Хеннан, гниющий, словно фрукт на солнце.

Я повернулся к Та-Наму. Он стоял неподвижно, наблюдая за всем, включая меня, пот блестел на его чёрных руках.

– Там... ребёнок, о котором я должен позаботиться. – Молчание. – Я должен пойти внутрь и добиться его освобождения. – Молчание. – Это... может быть опасно. – Это был не я. Друзья для меня – балласт, который надо сбросить за борт, если начинаешь уходить под воду. "Только не ты", говорил я при этом Хеннану, "не ты, а другие друзья" – но конечно имел в виду и его. И всё же я не мог отвернуться. Возможно, сны меня пугали.

Та-Нам удостоил меня привычным красноречивым молчанием. Ни намёка на осуждение – словно, если бы я приказал, он донёс бы меня на руках до городских ворот и без малейшего упрёка усадил бы на самую быструю лошадь. Будь он проклят. Я попытался сосредоточиться на том, что сделает со мной Снорри, если узнает, что я бросил Хеннана. Войти внутрь казалось немного более разумным – по сравнению с норсийцем, который выкрутит мне руки.

В фойе тюрьмы три крупных безупречно одетых охранника изъяли хромированные кинжалы Та-Нама и мой стилет, рукоять которого была со вкусом отделана кроваво-красными рубинами из внутренней части Африка. Затем самый крупный из мужчин подошёл к нам с каким-то пластиковым устройством, похожим на игровую ракетку, только без струн, которыми отбивают мяч.

– Что это? – Я быстро шагнул за спину Та-Нама, готовясь предоставить ему возможность отработать свою плату. Современные флорентинцы жутко любят артефакты Зодчих, вытащенные из временных хранилищ по всей империи: сложно найти современного со сколь-нибудь существенными вкладами без какого-нибудь устройства из времён до Дня Тысячи Солнц – например, фонов, по которым они могут разговаривать с Богом (наверное, чтобы пожаловаться), или каких-нибудь безымянных штук из проводов и стекла. У Корпуса имелась какая-то странная машина из нержавеющей серебристой стали – две пересекающиеся каплевидные клетки, которые прокручивались друг через друга, когда поворачивали рукоять над устройством. Он поднимал её в торговом зале, вращая клетки, когда хотел разместить заказ.

Я уставился на приближающегося лакея.

– Я не хочу, чтобы эта... штука... ко мне приближалась!

– Оно ищет спрятанное оружие, сэр. – Громила утешительно улыбнулся, словно я был каким-то деревенским помещиком. Он помахал устройством вдоль толстой руки Та-Нама, а потом провёл перед ним сверху вниз.

– Ну так оно мне не нравится! – Оно мне действительно не нравилось, но когда лакей закончил с сыном меча, он подошёл ко мне, размахивая своей палкой. Эта штука запищала, как только приблизилась ко мне – загадочный звук, чистая нота, какой не извлечь ни одному певцу-кастрату. Все трое сразу мрачно направились ко мне, готовые наброситься на меня, несмотря на моё

положение.

Вскоре выяснилось, что игрушка Зодчих посчитала золото оружием – что во многих смыслах верно – и поэтому, к потрясению персонала, я вынужден был снять с себя триста восемьдесят двойных флоринов, а потом позволил им ощупать жадными пальцами ещё три тысячи двадцать шесть монет в портфеле.

– Сир, не хотите ли оставить это с нами во время вашего визита?
– Казалось, громила жаждет взять на себя заботу о моих средствах. – У нас тут случались бунты из-за оброненного серебра. Брать туда столько денег... неразумно.

– Небезопасно. – Второй громила, помоложе, не мог отвести глаз от моего портфеля.

– Ненормально. – Сказал последний, хоть и самый маленький, но всё равно мускулистый и, похоже, рассерженный видом таких богатств в обители долгов.

– Всё отлично спрятано. – Я хмуро посмотрел на сваленную в кучу ленту, между двойными слоями которой были зашиты запасные флорины. – Ну, было спрятано, пока вы не начали меня лапать. – Я взял конец ленты и принялся со звоном наматывать её себе на пояс. – Та-Нама будет более чем достаточно для защиты моих интересов, с ножами или без. – Последнюю фразу я обронил медленно, чтобы слова вколотили в их головы тот факт, что сын меча может покончить с ними на месте. Кроме того, он может сделать это с чистой совестью, поскольку законы Умбертиде снимают ответственность за преступления с любого, кто выполнял их за плату. Подписывая контракт, сыны меча делались фактически неуязвимы к обвинениям в преступлениях, поскольку становились всего лишь устройствами, как меч или механический солдат, и столь же невиновными.

Несмотря на всю свою алчность, стражники не предприняли попыток забрать моё золото. В Умбертиде собственность и долги были религией, и нигде не относились к ним трепетнее, чем в тюрьмах должников. По сути, вся тюрьма была устройством для выжимания досуха тех, кто попал в её объятия – и выжимали их прекрасно организованным и совершенно законным способом. Посреди настолько узаконенного грабежа таких грандиозных масштабов индивидуальное воровство не терпелось ни в коей мере. Только строгой приверженностью правилам можно было

поддерживать иллюзию, что этот грабеж законный и цивилизованный.

***

Наш наманикюренный громила провёл нас по самой приятной четверти тюрьмы, и передал охраннику, который должен был вести нас остаток пути. Ему тоже пришлось заплатить.

– 98-3-8... как там дальше? – Он шагал впереди, покачивая незажжённым фонарём.

– 98-3-8-3-6, – сказал я, косясь на свою бумагу. Мы проходили мимо высоких окон, по освещённым фонарями коридорам; а потом деревянные двери в стенах, сменились решётками и масляными лампами, словно специально чадившими так, чтобы вызвать кашель. – Что это значит?

– Значит, что он прибыл в этом году, в 98-м, недавно, меньше месяца назад, и что он гол как сокол, раз оказался в такой дали.

Я глянул через очередную решётку в пустую камеру: каменный пол, усыпанный грязью, голая скамья, куча лохмотьев в качестве постели. Среди лохмотьев блеснул глаз, и я понял, что это не постель.

По мере того, как мы шли, вонь усиливалась – грубая смесь нечистот и гнили. Проход становился больше похож на тоннель, чем на коридор, и мне уже приходилось наклоняться, чтобы не задевать головой потолок. Тут и там темноту нарушали одинокие свечные огарки, качавшиеся в лужах воска. Повсюду в темноте и вони за прутьями решёток что-то стонало и шелестело, и я рад был не видеть, что именно. Наш проводник зажёг тонкую свечку от последнего из тех огарков, и мы пошли за этим светящимся угольком в ад.

– Вот, 3:6. – Он зажёг свой фонарь, снова демонстрируя потную комковатую топологию своего обнажённого торса. Мы стояли в квадратном помещении с низким потолком, из которого восемь арок вели в крупные камеры. Каждую арку перегораживали грязные ржавые прутья. Существа внутри отвернули свои лица от света, словно он ранил их глаза. Большинство были голыми, но я не мог

отличить мужчин от женщин. Они казались одинаково серыми, заляпанными грязью, и настолько тощими, что сложно было представить, как настолько исхудавшие люди могут жить. А здешний запах... тут меньше пахло нечистотами и больше гнилью... такая вонь, от которой не избавиться и за несколько дней. Запах смерти – смерти без надежды.

– Какая последняя часть?

– Что? – Я оглянулся на тюремщика.

– Последняя часть. Номер камеры.

– А-а. – Я поднял пергамент и прочитал.

Мы подошли к арке, на замковом камне которой было написано "VI".

– Назад! – Охранник провёл дубинкой по прутьям, и должники отпрянули, съёживаясь, словно собаки, привыкшие к побоям. – Новенький! Покажите мне новенького!

Серая толпа расступилась, прижимаясь к стенам камеры, шаркая босыми ногами по влажной грязи. Тени отступили с ними, и фонарь осветил каменный пол, устланный соломой.

– Где... – И тогда я его увидел. Он лежал на боку, спиной к нам, его хребет чередой костлявых шишек выпирал из-под бледной кожи. Я видывал мёртвых попрошаек в канавах Вермильона, на которых оставалось больше мяса, после того, как собаки всю ночь грызли их конечности.

– Восемь-один-шесть-три-два! – Проревел стражник, словно стоял на параде. – Подъём!

От этого резкого крика я вздрогнул – а ведь я выйду отсюда, нагруженный золотом, и в животе заурчал обед, за цену которого можно было бы купить свободу одному из этих несчастных. Я быстро протянул руку к охраннику.

– Довольно. Открывай. – Проговорил я, стиснув зубы.

– Открыть Отбросы стоит два гекса, – беззлобно сказал он.

Я порылся в карманах в поисках такой мелочи, и спустя вечность вытащил три шестигранных медяка.

– Открывай. – Моя рука дрожала, хотя я не понимал, из-за чего

сержусь.

Охранник устроил целое представление, пересчитывая ключи, и наконец вставил в замок самый тяжёлый кусок железа на своём кольце. Он ещё раз ударил по прутьям, отчего у меня свело зубы, и потянул на себя створку решётки.

– Ты уверен, что это он? – В фигуре не было ничего знакомого. Рёбра выпирали по бокам, волосы были тёмными от грязи. Я мог безо всяких усилий поднять на руки эту кучу костей и кожи. Все те мили, что мы брели на юг, что вывели нас с северных пустошей, в конце концов завели его сюда?

Я передал портфель Та-Наму и шагнул внутрь, мучительно глядя на должников по обе стороны, руки которых заканчивались чем-то похожим на когти. От их вони мои глаза слезились, и перехватывало горло. За пять шагов я дошёл до фигуры. Расчистил пинками участок плиты пола и опустился на одно колено.

– Это я... принц... это я, Ялан.

Тело едва заметно дёрнулось, согнулось, словно все кости чуть сжались под кожей.

– Ты... – Я не знал, что сказать. Спросить, всё ли с ним хорошо? Выглядел он нехорошо.

Я протянул руку и повернул его к себе. Светлые глаза смотрели на меня из-под спутанных волос.

– Хеннан. – Я сунул руки под парня и, не обращая внимания на грязь, притянул его к себе. Он оказался даже легче, чем на вид. Я без усилий встал и повернулся к воротам, обнаружив, что они закрываются.

– Нет! – Я бросился вперёд, всё ещё держа мальчика и поскальзываясь на грязи. Не успел я проделать полпути, а тюремщик уже повернул ключ. Он ухмыльнулся мне через решётку. Мой сын меча неподвижно стоял посреди центрального помещения. Я изумлённо посмотрел на него, а потом понял, что технически тюремщик не причинил мне никакого вреда.

– Та-Нам! Вытащи меня отсюда!

Сын меча остался на месте. Удар сердца тянулся целую вечность, и мои внутренности скрутило в тугой тяжёлый шар. Теперь

Хеннан стал весить как вся тяжесть мира.

– Та-Нам! Сын меча никогда не разрывает контракт! – В мире мало истин, и ещё меньше определённостей. Смерть, налоги, и мало что ещё. Но верность сынов меча была легендарной...

– *Вы* нарушили наш контракт, мой принц. – Та-Нам склонил голову, словно этот поступок его огорчил. – Вы купили меня при помощи бумаги. День назад ко мне пришёл человек и заплатил полную сумму за мой следующий контракт, хотя я сказал ему, что не знаю, когда вы откажетесь от опциона на мои услуги. Кроме того я сказал ему, что обязан доложить о нашем разговоре своему хозяину. Тогда он объяснил мне, что у меня нет хозяина, поскольку банк Бутарни больше не принимает вашу подпись, так как Центральный Банк приостановил ваш кредит по обвинению в уклонении от налогов. А без хозяина контракт, на который я только что согласился, стал действующим.

– Что за обвинения? – Корпус говорил то же самое. – Не было никаких обвинений. И на какого ублюдка ты теперь работаешь?

Та-Нам поднял голову и встретился со мной взглядом.

– Я работаю на Корпуса Арманда из Железного Дома. – Он сунул руку в маленькую сумку на боку и вытащил два деревянных тубуса для свитков. – Эти обвинения были доставлены сегодня утром. Я получил их от вашего имени и спрятал от вас по распоряжению Корпуса.

– Это мои деньги! – Я указал на портфель в его руке. Казалось, для него он не так тяжёл, как для меня.

– Я сказал Корпусу, что у вас есть портфель, полный золота...

– Ты не мог рассказать! Сыны меча не говорят! – Вокруг меня поднимались головы, поворачивались в сторону портфеля в руках Та-Нама. Бледные грязные руки сжимали прутья решёток остальных семи арок, глаза лихорадочно таращились.

– У нас не было контракта, мой принц. – Та-Нам снова склонил голову и повернулся, чтобы уйти. Даже в бездне отчаяния я отметил, что он не вытащил меня наружу, чтобы снять с моего тела ленту с двойными флоринами. Корпус не знал о ней, а в сыне меча злобы было не больше, чем в обоюдоостром лезвии.

– Дерьмо, – сказал я.

Та-Нам и охранник отвернулись, погрузив нас в глубокую тень. Шаг за шагом свет покидал нас, тьма сгущалась со всех сторон, и с ней приближались должники.

– Дерьмо. – Мне уже надоело повторять это.

Хеннан, который сначала казался таким лёгким, теперь в моих руках делался всё тяжелее. Во мне росло ощущение предательства, и утрата Снорри обрушилась на меня внезапно и из ниоткуда. Отчего-то дружба сейчас казалась более ценной, чем нерушимые контракты. Какими бы ни были его недостатки, северянин никогда не стал бы стоять там и смотреть, что здесь со мной происходит.

ДВАДЦАТЬ СЕМЬ

Благодать тюрьмы Центрального Банка заключается в том, что её обитатели не являются преступниками. Они не убийцы, не наркоманы, не воры, а просто люди, долги которых достигли таких значений, которых достаточно для принятия мер. Причём, их кредиторы достаточно почтенны, чтобы этими мерами было тюремное заключение, а не нож в бок. К тому же люди, окружавшие меня в темной вонючей камере, были наполовину мертвы от голода и слабее здорового ребёнка, и потому совершенно ужасные перспективы стали просто очень мрачными.

Должники вокруг меня испытывали такой трепет перед горстью мелочи в моём кармане, что мне удалось обеспечить порядок обещанием пары медных полушек. Если бы они знали, что золота на мне хватит, чтобы выкупить долги каждого во всех восьми камерах, выходящих в центральное помещение, тогда, возможно, возобладали бы основные инстинкты, и толпа превратилась бы в чудовище. Хеннан молча лежал возле меня, пока я обещаниями и тычками отбивался от наиболее настойчивых сокамерников.

Я смотрел в темноту и беспокоился. Конечно, главным моим страхом было то, что явятся стражники забрать остатки моих богатств. Но Умбертиде отличался от других мест, и долговые тюрьмы были странными учреждениями, управлявшимися строжайшими правилами. Если у должников имелись средства, то они могли выкупиться в любое время, но не были обязаны так поступать. Должник владел любыми капиталами, которые ему удалось сохранить, и многие надеялись, что смогут продолжать свои предприятия из удобной передней части тюрьмы, откуда сумеют заработать достаточно монет, чтобы свести баланс своей бухгалтерии. В любом случае, сколько бы монет ни потратил должник на поддержание своей жизни, все они в конечном итоге возвращались к кредиторам, так что каждый день, что я здесь выживу, я буду потихоньку уменьшать свои громадные долги.

Казалось, прошла вечность (а на деле, наверное, не больше часа), и тюремщик вернулся. Его медлительность и расслабленный вид говорили мне, что он ещё не разговаривал с парнями на входе.

Возможно, они даже не знали, что меня задержали – но рано или поздно новости о целом состоянии на мне будут распространяться. Тюремщика же привлекла мелочь, которую я заплатил ему, чтобы он отпер камеру. Он знал, что у меня остались медные гексы и горсть полушек, и пришёл он не чтобы красть, а чтобы продавать. Так всё было заведено в Умбертиде.

Он поставил фонарь на пол и протянул свечу толщиной с его предплечье и такую же длинную, из дешёвого жёлтого жира, который будет коптить и шипеть, но погорит некоторое время.

– Огоньку, ваша светлость? – Он ухмыльнулся, как когда запирали ворота. Я-то ожидал увидеть большие зубы с прорехами, но на деле они у него были маленькие, ровные и начищенные до удивительной белизны.

– Тюремщик, как тебя зовут? – Всегда полезно установить личную связь.

– Меня звать Раско. – Он злобно посмотрел на бледные лица, прижавшиеся к прутьям по обе стороны. – И вы все тут этого не забываете.

– Значит, Раско. – Я и без монет отлично понимал, что я для него – всего лишь умирающая плоть, цепляющаяся за кости. – И сколько за свечку?

– Две полушки. Или могу отдать треть свечи за одну. Подожгу бесплатно. – Он улыбнулся. – На первый раз.

Хотя и стоило благодарить цивилизованные методы Умбертиде за то, что меня жестоко не ограбили и не прирезали в камере, но всё же слово "цивилизованные" казалось по отношению к ним неуместным. Это был набор правил, по которым люди умирали. Цеплялись гексами и полушками за жизнь, пока не кончатся деньги. Отчего-то в тот миг, торгуясь за зачатки жизни, я подумал, что побои и ножи от тюремщиков и заключённых в обычных тюрьмах кажутся более честными.

– Сколько будет стоить мальчонке выйти? Сколько он должен? – Сумма не могла быть большой. Я вообще удивлялся, что он смог заработать какой-то официальный долг.

– А-а. – Раско смущённо почесал живот. – Непростая задачка.

– Непростая задачка? Он в долговой тюрьме. Он должник.

Сколько он должен?

– Ну...

– Это просто число.

– Шестьдесят четыре тысячи. – По камерам разнёсся шёпот.

– Пенни?

– А это важно? – Спросил Раско.

– Ну... нет. Шестьдесят четыре тысячи? Это даже не число.

– Это...

– Ни у кого нет шестидесяти четырёх тысяч! – Я сомневался, что даже бабушка смогла бы наскрести своими когтями шестьдесят четыре тысячи в золотых кронах, не продав что-нибудь священное или не пролив крови. – Кто одолжил ему столько денег?

– Понимаете, это шифр. – Раско снова почесался и склонил лысеющую голову, словно это признание позорило человека, которому платят за то, что он смотрит, как голодают люди. – Это значит, банк держит его здесь по своим причинам. Оскорбление всей системе, вот чё это такое. – Он покачал головой и уныло сплюнул.

Я вернулся к более срочным вопросам.

– Тогда пенни за свечку. А ещё еды мне и мальчишке – хлеб, сыр, масло, яблоки?

– Гекс. – И снова ухмылка: тюремщик с радостью вернулся на знакомую почву. – Надеюсь, вы можете есть достаточно быстро. – Он глянул на тела позади меня, которые задрожали от предвкушения.

– Сколько стоит выйти отсюда, в отдельную камеру дальше по коридору?

– А-а. – Медленное покачивание головой, почти печальное. – Это стоит серебряный флорин, ваш светлость. Кажись, я тут, в темноте этих камер, и не видал его ни разу. У вас есть серебро? А, ваш светлость? – Казалось, он считал это маловероятным.

– Пока только еду, – сказал я. – И свечу. – Я покопался в кармане и вытащил пенни и гекс.

Раско взял мои деньги на плоскую деревянную лопатку, привязанную к его ремню. Устройство означало, что ему никогда не

придётся приближаться к прутьям, и его не смогут схватить. – По рукам. – Он убрал монеты, кивнул и передал мне мою свечу. Завершив сделку, Раско вытер руки об штаны и неторопливо пошёл прочь, насвистывая какой-то весёлый мотивчик, напоминавший о цветах и радости.

***

Когда Раско вернулся, он нёс тростниковую корзину с тремя жёсткими буханками, ломтем голубого сыра и полудюжиной приличных зрелых яблок. Ещё он привёз бочку на колёсах, из которой раздавал черпаки воды тем, кто мог заплатить. Вода обменивалась на обрезки медяков, на левый башмак, на оловянную кружку (мужчина, отдавший её, принял свою порцию в подставленные ладони), и на обещания компании от нескольких женщин помоложе. Мне пришлось заплатить пенни за две кружки и их содержимое – в моём предыдущем заказе вода не упоминалась.

– Сначала дай мне два яблока, – сказал я. И Раско подкатил их к прутьям.

Я бросил яблоки двум самым крупным и наименее мёртвым из наших сокамерников, Артемису и Антонио – с ними я провёл переговоры ранее. Они расчистили место и удерживали остальных позади, пока я брал оставшуюся еду.

– Ведите себя прилично, и поделюсь корками. Только попробуйте выкинуть какую-нибудь херню, и сломаю вам челюсть. – Довольно легко быть суровым, когда ты здоров, сыт и крепок, а враги сплошь кожа да кости.

Прислонившись спиной к стене, положив хлеб между нами, поставив чашки на пол и со свечой, горящей у наших ног, мы с Хеннаном принялись есть. Мальчик макал свой хлеб в воду, чтобы легче было жевать воспалёнными дёснами. Я по-прежнему понятия не имел, сколько ему лет, да и сам он точно не знал. Сегодня я решил, что ему двенадцать. От голода он выглядел старше. Как и все здесь. Старики со страхами юнцов. Старые женщины с детьми, похожими

на крошечных старичков. Мать, у которой грудь сморщилась, как у старухи, а младенец в её руках был чёрный от грязи и неподвижный. Я проглотил столько еды, сколько смог, а остальное бросил им, проклиная всех попрошаек и воров. Страх украл мой аппетит.

Хеннан оправился быстрее, чем на мой взгляд было возможно, набросившись на сыр.

– Потише, а то станет плохо. – Я сказал "оправился"... он оставался скелетом, одетым в кожу, но его глазам вернулся блеск, а языку – слова.

– Зачем ты пришёл? – Спросил он.

Я задавал себе тот же вопрос.

– Я идиот.

– Как получилось, что они тебя заперли? У тебя же есть деньги?

– Я должен больше, чем у меня есть. – Это была история всей моей взрослой жизни. Довольно короткая повесть, но в аду из-за неё меня раньше не запирали. – В долговой тюрьме у тебя есть только то, что ты принёс с собой. Это называется "банкротство".

– Как мы выберемся? – Он вытер рот ладонью и потянулся к воде. На другом конце камеры разгорались драки из-за буханки, которую я бросил.

– Не знаю. – Честность всегда причиняет мне боль. От неё словно шипы на словах вырастают, и проговорить их сложнее, чем кажется, когда пытаешься высказать такое парню, который считает тебя героем. – Не надо было тебе убегать. – Встречные обвинения бесполезны, но я не настолько хороший человек, чтобы не пнуть ближнего в беде. – Бога ради, ты же был во дворце в Вермильоне! А теперь...

– Я хотел быть с остальными. – Он не отрывал взгляда от яблока, покрасневшего от крови там, где он его куснул.

– Да, но ты ведь их не нашёл? – Снорри и остальные вернулись в Вермильон и наслаждались гостеприимством моей бабушки – во второй раз для Снорри. Они не могли уйти от всадников Красной Марки до границы, а я видел возвращавшихся всадников, так что их, должно быть, схватили.

– Я нашёл их. – Сказано так тихо, что я едва расслышал.

– Что? Где? Я здесь уже несколько недель, и о них ни звука.

– Кара здесь. В этой тюрьме.

– Не может быть! – Я не мог в это поверить. Как могли здесь удерживать вёльву? Я представил себе, что она смотрит через прутья из камеры напротив – ещё одно серое лицо среди остальных – и понял, что мне эта мысль не нравится. – Где?

– Она прислуживает в передней части. – Хеннан положил хлеб, вцепившись рукой в раздувшийся от боли живот. – Она не знает, что я здесь.

– Но ты знаешь, что она здесь? – Я скептически поднял бровь.

– Новости здесь движутся от передней части назад, а не в обратную сторону. Говорят, у леди Коннагио языческая служанка с белыми волосами и белой кожей, которая знает наговоры от бородавок. Попала сюда в то же время, что и я.

– Боже мой! – Из моего рта рвались наружу тысяча вопросов, но победил главный. – Где ключ?

Хеннан подполз ближе и заговорил тише. Хлебные войны подходили к концу, победители грызли корки шаткими зубами, а проигравшие зализывали раны.

– Не могу об этом говорить. Из-за него мы и здесь.

ДВАДЦАТЬ ВОСЕМЬ

Хеннан, верный своему слову, не рассказал мне о ключе. Каждый вопрос, что я шипел ему, он встречал молчанием. Я измучился допрашивать его, но ребёнок держал рот на замке. В конце концов я задремал, не зная, светит ли ещё солнце снаружи, или нет.

***

Мне снилась книга, определённо впервые в жизни. Я давно утвердился в мысли, что между обложками книг нет ничего интересного – разумеется, кроме кардинальского виски и порнографии – но в этом сне я переворачивал страницу за страницей. Даже во сне мне не хотелось её читать, но что-то принуждало меня листать, словно я искал конкретную страницу. Я попытался сосредоточиться на тексте, но в буквах не было смысла – они скакали туда-сюда, словно пауки, забывшие, как управляться с таким количеством ног.

Ещё страница, ещё одна, ещё, а потом я увидел – слово, как и все прочие, скрытое среди остальных, но приковывавшее взгляд. *Сейджес*. И как только я его произнёс, лицо повелителя снов поднялось со страницы вместе со всем текстом, так что слова погрузились в его кожу, став татуировками. А его имя исчезло в чёрной прорези его рта, который теперь открывался всё шире и шире, чтобы произнести моё.

– Принц Ялан.

– Ты! – Я вскочил на ноги, и книга свалилась на пол. Я стоял в комнате, где впервые его встретил – в гостевой спальне Высокого Замка, в Крате, столице Анкрата. – Какого чёрта?

– Вы спите, принц Ялан.

– Я... так и знал. – Я отряхнулся и осмотрелся. Всё не было

похоже на сон. – Почему ты здесь? Ищешь Баракеля, чтоб он снова тебя проткнул? – Мне Сейджес совсем не нравился, и я хотел как можно быстрее выкинуть его из своей головы.

– Не думаю, что кто-то из ваших друзей, светлый или тёмный, побеспокоит нас сегодня, принц Ялан. – Говоря о свете и тьме, он прикоснулся к слову на левой руке, а потом к другому на правой. – А я здесь пытаюсь выяснить, можно ли что-нибудь спасти. Предполагалось, что вы освободите мальчика, а потом отправитесь за норсийцами. С таким количеством золота в вашем распоряжении вы могли бы и их освободить. На ваши деньги вы могли бы нанять армию. А вместо этого вы заперты в долговой тюрьме вместе с мальчиком.

– Я... предполагалось? – Я уставился на язычника, пытаюсь разобраться в его тарабарщине. – Сны? – Я закрыл лицо рукой. – Ты посылал те сны. А я-то думал, я схожу с ума! – Все эти ночи, что меня преследовала судьба Хеннана. Я знал, что это было на меня не похоже. – Ах ты сволочь! – Я шагнул к нему, но, поняв, что мои ноги меня не слушаются, остановился.

– Похоже, я вас переоценивал, принц Ялан. – Сейджес шикнул на меня, и мои предательские ноги ему подчинились. – Человек, который сам заходит в тюрьму, вряд ли сможет из неё выбраться. Боюсь, моему нанимателю придётся принять вашу неудачу и свои потери.

– Наниматель?

– Келем хочет, чтобы вы освободили своих компаньонов из тюрьмы Золотого Дома, чтобы они могли продолжить своё путешествие и принести ему ключ Локи. Впрочем, я не верю, что такое возможно.

– Но Келем владеет банкирскими кланами... – Хотя, только сказав это, я вспомнил разговоры о раздорах между ними.

– У Золотого Дома есть свои амбиции, и в прошлые годы он сблизился с другими кругами.

– Мёртвый Король! – Теперь всё встало на свои места. Или по крайней мере двигалось в этом направлении. – Механические солдаты и трупная плоть...

– Именно. – Кивнул Сейджес.

– Так банк схватил Снорри, надеясь отыскать ключ Локи? А когда они его получают, то отдадут Мёртвому Королю. – Звучало паршиво.

– Возможно, а может и нет. Как я и говорил, у них есть и свои амбиции. Однако ключ ещё надо найти. Ваши норсийцы должны знать, где он. Поэтому Келем хочет, чтобы вы их освободили.

– Он мог бы попросить!

Сейджес улыбнулся, будто мы оба знали, какой я бы дал ответ. Маг навёл меня на Хеннана – мягко подтолкнул, так что обычный человек принял бы это за уколы совести. Похоже, Келему важно было, чтобы Снорри не чувствовал, как его толкают, поскольку колдун боялся, что викинг передумает. Слабо утешало то, что, видимо, ни повелитель снов, ни маг дверей не понимали ни одного из нас. Совесть никогда не довела бы меня до беды, а Снорри ничто бы не свернуло с пути, и уж точно не тот факт, что Келем так сильно хочет встречи с ним.

Улыбка Сейджеса повисела ещё немного, и испарилась, будто её и не было.

– А теперь к цели моего визита. – Сейджес приблизился ко мне, и он был ужасен, хоть и на голову ниже меня. – Где ключ Локи? – его глаза стали омутами, и меня затопил ужас. Я падал во тьму, выкрикивая только правду. Я не знаю! Я не знаю!

Я очнулся в поту, крича эти слова, а Хеннан кричал, чтобы я просыпался.

***

После визита повелителя снов я решил больше никогда не засыпать.

***

Потребовался день настойчивости и уединение очередного бунта за еду, чтобы заставить Хеннана говорить о ключе. Как только еда попала в его организм и придала энергии, мальчишка захотел говорить обо всём на свете – о Каре, о том, как схватили Снорри, о том, что случилось с Туттугу. Я не слушал. Меня интересовал лишь один вопрос: где ключ? В конце концов необходимость поговорить о чём-нибудь, пусть и о том, о чём он обещал не говорить, нарушила решимость Хеннана.

– Кара его спрятала, – сказал он.

– Снорри не доверил бы ей ключ.

– Он смотрел, как она прятала.

– Они его где-то закопали? – Я не знал, чего ждать, но не очень-то обнадеживала мысль о том, что ключ в ящике под футом земли, или засунут в какую-нибудь далёкую трещину на утёсе. Такая вещь не останется скрытой. Нерождённый чувствует зов ключа, и, видимо, некроманты тоже могут его отследить. Если единственная вещь, которую хочет Центральный Банк, уже не будет в том месте, где спрятана, когда я выторгую наше освобождение в обмен на неё, то мы все покинем тюрьму одинаковым способом, и никто этому не порадует, кроме свиней. А если мне и удастся выяснить, где он, то Сейджес вытащит этот факт из моей головы сразу, как только я усну. Если ключ получит Келем, то это, может, и меньшее из двух зол, по сравнению с тем, что на него наложит свои лапы Мёртвый Король, но всё же это казалось довольно злобным злом. Оставалась одна надежда: выяснить, где ключ, и использовать эту информацию себе на благо, до того, как я усну.

– Скажи, что они отдали его на хранение тому, кому можно доверять. – Я не мог вспомнить никого, кому смог бы доверять, но быть может у Снорри больше друзей, и конкретно эта проблема его меньше волнует.

– Снорри не отдавал его, – сказал Хеннан.

– Ну так где он тогда? – Прошипел я, отталкивая старика, который, споткнувшись, пролетел мимо наших стражей, после того, как получил локтем по лицу в борьбе за обладание огрызком яблока.

Хеннан почесал голову, словно это был сложный вопрос.

– Хеннан! – Я попытался скрыть раздражение в голосе.

Он отодвинул руку и разжал пальцы. На его ладони лежала маленькая железная табличка, не больше ногтя моего мизинца, с единственной руной на ней. Кара носила такие в волосах, пока не уничтожила с их помощью хардассцев неподалёку от Ошимского Колеса. Наверное, Хеннан прятал табличку в своих грязных спутанных волосах.

– Как это поможет? – Я не сказал, что не поможет, поскольку видел, как из таких рун выскакивают чудеса.

Хеннан нахмурился, пытаясь вспомнить правильные слова.

– Пусть тень ключа падёт сюда, и откроет правду и разоблачит ложь.

– Она... что? – Он забыл заклинание. У нас была лишь искажённая чепуха. Смерть маленькой надежды ранит сильнее, чем вечность отчаяния. Тот постоянный страх снова поднялся из глубин моей утробы, и из глаз полились слёзы.

– Это *и есть* ключ. – Хеннан не отрывал взгляда от руны. – Но мы не можем его увидеть или использовать, пока не будет снято заклинание.

Это звучало как безумие.

– Тенью?

– Да.

– Ключа?

– Да.

– Боже. – Я откинулся назад, прижавшись плечами к грубой стене. – И ты думаешь, у кого-то здесь есть ключ? – Я наклонился вбок и схватил за лодыжку старика, который свалился на пол. – Эй! У тебя есть ключ? – Я рассмеялся, слишком громко, таким смехом, который ранит грудь, и едва-едва отличается от рыданий.

***

Когда сидишь в камере, и делать совершенно нечего, кроме как оберегать то, что у тебя осталось, да голодать, сказать об этом можно лишь одно – это даёт тебе время. Время подумать, время спланировать.

Очевидно, чтобы опровергнуть чушь, которую Кара наплела Хеннану, или быть может доказать, что это правда, нам нужен был кто-то с ключом. Единственным, кто мог спуститься в недра тюрьмы, был наш друг Раско. Так что нам нужно было лишь одно – чтобы тень ключа Раско упала на руну, и такая возможность появится в следующий раз, как он откроет камеру.

Раско вернётся, когда решит, что пора продавать должникам еду и воду, то есть, возможно, часов через двенадцать. Я прислонился к стене и предложил Хеннану рассказать, как именно Снорри умудрился завести их всех в заточение.

– И как, чёрт возьми, ты их нашёл?

***

И Хеннан мне рассказал. Еда, которую он взял на кухнях Римского Зала, закончилась через два дня. Голодный и уставший, он уговорил подвезти его пару стариков, ехавших навестить родственников в Хемеро. Старики, казалось, взяли с собой в телеге все свои пожитки, но нашли местечко и для парня поверх всей кучи. Хеннан со своей стороны должен был приносить воду, собирать хворост, водить лошадей на выгон и выполнять разные мелкие поручения. На мой взгляд, старики просто сжалились над удивительно бледным беспризорником. В любом случае, благодаря им он без проблем оказался в десяти милях от флорентийской границы.

Просёлочными дорогами Хеннан перебрался через невидимую черту между двумя королевствами к месту, где его не завернули бы никакие стражники. В Умбертиде он прибыл загорелым и голодным, исчерпав последние припасы, с которыми его отправили пожилые

благодетели. Путь в город лежал через канализацию – в Умбертиде хватает своих уличных детей, и новых не пропускают солдаты на воротах.

Когда Хеннан почти закончил рассказ о том, как он попал в город, я понял, в чём состоит настоящая проблема. От нахлынувшего понимания внутренности сжались, как от холода, и внезапно мне уже не хотелось задавать вопросы, требовавшие ответов.

Я выдавил из себя:

– Как давно тебя схватили?

Хеннан нахмурился в свете свечи.

– Не знаю. Здесь всё ощущается как вечность, и здесь нет дней.

– Предположи.

– За пару дней до тебя?

То тянущее чувство стало более свирепым, словно огромная рука пыталась вдавить меня в каменный пол. Я-то думал, он сидел в камере всё то время, что я был в Умбертиде.

– Но ты такой худой...

– Я жил на отбросах и спал на улицах... неделями. Снорри приехал не по дороге. То есть не сразу. Они взяли лодку ниже по реке...

– Селин? – Хитрые сволочи. Они не верили, что я буду молчать о ключе, и знали, что Красная Королева придёт за ними. И поступили, как поступают северяне. Вышли в море.

– Да, они нашли торговца, который довёз их до побережья на своём корабле. Только у них возникли проблемы, которые отняли много времени. Они сошли в каком-то порту на флорентийском побережье и пошли в Умбертиде. Я увидел, как они входят через ворота Эхо. Я часто спал там, на крыше.

– Так ты встретился с ними и...

– Солдаты схватили нас через несколько часов.

– Солдаты?

– Ну, во всяком случае, люди в мундирах, с мечами.

– И что ты сделал?

– Ничего. Кара сняла нам комнату, и мы отправились в таверну, а Снорри взял мне поесть. Они говорили о том, как найдут Келема, когда доберутся до его копей – Кара сказала, что они недалеко. А потом явились солдаты. Некоторых вырубил Снорри, и мы забаррикадировались в комнате. И тогда Кара убедила Снорри позволить ей спрятать ключ. Снорри сказал... Хеннан снова нахмурился, словно пытаясь вспомнить точные слова. – Спрячь его у парня. Ему понадобится что-нибудь, что можно им отдать.

– Чёрт. – Нехорошо. Совсем плохо.

– Что? Что случилось? – спросил Хеннан, будто бы мало случилось такого, из-за чего мне стоило ругаться всякий раз, как открываю рот.

– Если им нужен ключ, то довольно скоро они явятся сюда.

У Хеннана тут же появилась куча вопросов, но в кои-то веки благовидной лжи я придумать не мог, а правда была слишком отвратительной, чтобы ею делиться. Всё казалось не настолько срочным, когда я думал, что Золотой Дом неделями держал Снорри, не заглядывая в долговую тюрьму, чтобы допросить других пленников. Если они уже прождали три недели, то велики шансы, что прождут и ещё одну, и ещё. А теперь вопросы крутились в моей голове, и ответы были неприятными. Зачем они схватили Снорри, если не ради ключа? Что может быть опаснее, чем ключ, открывающий что угодно, в городе, где повсюду сейфы? Зачем Снорри отдавать ключ ребёнку? Потому что Снорри нужно было знать, что когда они придут допрашивать парня, у Хеннана найдётся то, что можно им отдать, а не подвергаться пыткам за информацию, которой у него нет. И самый крупный вопрос: сколько? Сколько продержатся северяне, пока банкиры не перестанут спрашивать вежливо и не вытащат раскалённое железо? Если бы речь шла обо мне, то я бы вывалил все секреты ещё прежде, чем они начали бы грубо со мной разговаривать. Их держали три дня. Если они задавали вопросы по-жёсткому, то никто не сможет продержаться дольше, даже Снорри.

Здравый смысл говорил, что банку нужен ключ, и они явятся в мою камеру, как только сломают Снорри. Или – и эта мысль только усилила мою панику – как только они сломают Туттугу, что займёт намного меньше времени. Без ключа я никогда не выйду из этой камеры, кроме как в виде мешка с костями через заднюю дверь. Нам

надо было выбираться как можно скорее – на самом деле прямо сейчас. Но пока у нас не будет тени ключа, у нас не будет и ключа, а без ключа нам оставалось лишь ждать.

Прошёл целый день, прежде чем вернулся Раско – день и бессонная ночь, во время которой каждый час тянулся крайне медленно, а я каждую минуту потел. Я не мог себе представить, как северяне могут так долго держаться на допросе, и каждый далёкий удар металла по металлу убеждал меня, что это кто-то идёт за Хеннаном. Но оказалось, это пришёл наш тюремщик с новой должницей – привёл свежее мясо для камер. Точнее, видимо, это была давняя должница, чьи средства настолько сократились, что её сочли готовой для последней остановки в программе выплаты долга. Ворота должны были открыть ещё днём ранее, когда посреди камеры тихо умер мешок с костями по имени Артос Мантона – он был настолько слаб, что не смог доползти до своего угла. Мы кричали через прутья, но если Раско и слышал, он не предпринял ничего, чтобы убрать труп. Может, думал, что рано или поздно придёт замена, и он убьёт двух зайцев разом.

Судя по некоторым худым лицам в свете моей мерцающей свечи, Артос мог оказаться не единственным заключённым, которого придётся вытаскивать к свиньям к тому времени, как Раско соблаговолит отпереть камеру. Вскоре хуже стало одному из "громил", которому я заплатил яблоками, чтобы он удерживал голодающие массы от меня подальше – человеку с неправдоподобным именем Артемис Канони – несмотря на то, что его диета с моим появлением улучшилась. Казалось, он скорчился от какой-то скрытой боли, становясь всё меньше час от часу. У другого парня начался мокрый кашель. Не в нормальном смысле мокрый – из его напряжённой груди слышался рваный звук лёгких и бульканье разложения. Я держался от него подальше.

– Назад, опарыши-банкроты! – От рёва Раско я всегда вздрагивал, и всякий раз моя ненависть к нему становилась чуточку глубже. Должники отодвинулись от прутьев, как только по ним застучала дубинка Раско. Настоящие опарыши не сдвинулись с места, пережёвывая крошечными ртами останки глаз Артоса Мантоны. – Назад!

Мы с Хеннаном остались, где сидели, возле нашей последней свечи, от которой уже догорали последние дюймы. Мы разместились

как можно ближе к прутьям.

За спиной Раско стояла женщина средних лет в серых лохмотьях и с ужасом смотрела на нас. Она выглядела скорее сухопарой, чем оголодавшей, и, по сравнению с остальными заключёнными, почти здоровой.

– Подвиньте того должника к воротам. – Раско кивнул на останки Артоса. – Эй, ты, давай-ка сюда и кати его. – Он пересчитал свои ключи и выбрал из них кусок железа, который подходил к воротам. Фонарь он держал в одной руке, и путаница теней качалась туда-сюда, узор от прутьев носился вперёд-назад по полу. Я раскрыл ладонь с маленькой руной, которая оказалась холоднее и тяжелее, чем следовало.

– Давай, чёрт возьми. – Отчаянно бормотал я, гоняясь за тенями, пытаюсь поймать их рукой. Не было ни одной треклятой тени, похожей на ключ – только случайные пятна и раскачивающиеся тени прутьев.

– Чё там у вас, ваш светлость? – Раско помог женщине войти лёгким тычком между лопаток. – Чё-т на продажу? – Старая развалина, которого он определил передвинуть Артоса, пытался перекатить тело в проход. От поднявшейся вони старика стошнило на труп. – Чё-т нормальное?

Я встал, протягивая ему ладонь. Движение оказалось слишком быстрым, и подозрительный тюремщик захлопнул ворота, повернув ключ в замке. Несколькими секундами ранее мёртвые ноги Артоса не дали бы воротам закрыться, но старик протолкнул их как раз вовремя. Не знаю, что бы я тогда сделал. Уж точно совать голову под дубинку Раско мне не хотелось. Судя по виду, он, как и многие толстяки с крупными руками, обладал немалой силой. Не показной, мускулистой, а убийственной.

– Полегче, император! Без резких движений! Без резких! – Он покосился на мою руку, отдёргивая ключ. – Чё это?

– Погляди получше! – Я шагнул вперёд, а он шагнул назад, покачивая фонарём и выставив ключ, словно тот мог защитить от нападения. Я слишком сильно старался, и это выводило его из себя.

– Тебе б успокоиться, император, полегче. Не дай этому месту себя забрать. Немного попостишься и остынешь. – Он отвернулся, явно не собираясь принимать заказы на еду.

От огорчения я ударил по прутьям. Это не помогло. На следующую ночь я засну и выболтаю все свои секреты Сейджесу.

– Постой! – Высокий голосок Хеннана. – Серебряная крона. Крона Красной Марки серебром! – Он пребольно ткнул меня под рёбра. Раско с удивительной грацией резко развернулся.

– Серебро? Эт вряд ли. Серебро я бы учуял. – Он постучал себя по носу.

Хеннан снова меня ткнул, и с большой неохотой я вытащил из недр кармана одну из трёх серебряных монет – не обещанную крону, но серебряный флорин монетного двора Центрального Банка. Со всех сторон разнёсся голодный вздох.

– Заткнитесь! – Раско ударил по прутьям, злобно глянув на заключённых, и вернул взгляд на флорин. – Серебро, да? – На его лице отразилась особая жадность, словно монета была пудингом, который он собирался сожрать. – И чего вы хотите, ваш светлость? Мяса? Хороший кусочек на кости? Говядины? С кувшином подливки?

– Просто поддержи фонарь вот так. – Хеннан изобразил, что надо сделать. – И ключ от двери, вот так. – Он вытянул одну руку перед другой. – И пусть тень упадёт на ладонь Ялана.

Раско нахмурился, его руки двинулись подчиниться, хотя сам он обдумывал возражения.

– Колдовство, что-ль? Какие-то языческие штучки, а, пацан? – Он отстегнул с пояса кольцо с ключами и вытащил самый большой из них.

– Он говорит, это принесёт нам удачу. – Я пожал плечами, вступая в разговор. – Чёрт возьми, я уже так устал от этого места, что немного удачи мне бы не помешало. Ключ символизирует свободу.

– А вы теперь, ваш светлость, поклоняетесь северным богам? – Раско рассеянно почесал нос рукой с ключом. – Не очень-то это по-христиански.

– Это просто азартная игра, Раско, просто игра. С тех пор, как я попал сюда, я так сильно молился Иисусу и Отцу, и не получил ничего. Я – сын кардинала, и всё такое! Так что теперь решил поставить ещё на что-нибудь.

И Раско поднял ключ, за ним фонарь достаточно близко и спокойно, чтобы тень упала на пол. Как и предположил Хеннан, всё продаётся за нужную цену, и нечасто найдёшь тень, которая принесёт серебряный флорин.

Я протянул руку с руной на ладони и подставил её под тень, закрыв её в ладони. В тот же миг пальцы сомкнулись на пустоте, а в следующий уже держали ключ Локи – холодный, тяжёлый и твёрдый, как сама ложь.

В то же самое мгновение я бросил флорин между прутьями, и сотня пар глаз следила, как он со звоном уносится прочь. Раско бросился за ним, уронив ключ на пол – за пределами досягаемости, но это не остановило полдюжины моих сокамерников от того, чтобы за ним тянуться.

Он догнал монету и топнул по ней ногой, чтобы остановить.

– Ну, эт было неправильно, должник. – Он называл должниками тех, кто был близок к смерти, словно это оправдывало всё, что с ними происходит. – Неправильно заставлять человека бегать за монетой, словно он уличный попрошайка. Даже за серебром. – Он выпрямился, куснул монету и снова пошёл в нашу сторону, зажав флорин в кулаке. Потом расхохотался, глядя на руки, тянущиеся через прутья. – Чтоб выбраться из Центральной тюрьмы, нужен не только ключ. Я мог бы открыть все восемь ворот, и никто из вас, опарыши, и полпути наружу не прошёл бы. Вам бы понадобились все эти ключи. – Он похлопал по кольцу на своём бедре, отчего ключи на нём зазвенели. – И сын меча, чтоб пройти через охрану. Между вами и свободой стоит почти дюжина человек. – Он хмуро задумался над числами. – Ну, в любом случае шесть или семь.

Раско посмотрел на монету в своей ладони. Его лицо почти светилось от её блеска.

– Лёгкие деньги. – Он рассмеялся и хлопнул себя по животу, тени закачались. – Я вернусь за должником позже. – Он пнул труп Артоса. – Мне тут кой-чё потратить надо. – И он пошёл прочь, насвистывая свою песенку прохладных ветерков и открытых полей.

Я сел в своём островке света. Пламя свечи догорало вокруг фитилька, в моей ладони лежал ключ Локи, а в толще теней вокруг отчаявшиеся люди бормотали о серебряных монетах.

ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЬ

Мы ждали, пока вернётся Раско. Его ключ нам был не нужен, но мне для моего плана нужен был свет, а перед светом мне была нужна темнота. Пришлось ждать. Я не хотел ждать. Мне не нравилась скука, отчаяние или чувство неуверенности, но больше всего я не хотел уснуть и увидеть, что там меня ждёт Сейджес.

Это оказалось длинное и несчастное испытание на выносливость в глухой ночи тюремных камер. Я стонал и вздыхал, пока не вспомнил, что Хеннан терпел это место в одиночку ещё до моего прибытия, и большую часть этого времени голодал и сох. После этого я умолк, хоть и подумал, что ему, наверное, было легче, поскольку он вырос в тяготах крестьянской жизни.

Артемис Канони перестал отвечать на мои требования удерживать сокамерников с их жадными лапами от меня подальше, и принялся стонать в углу. Что бы ни пожирало его изнутри, сейчас, похоже, оно брало над ним верх. Мой второй телохранитель, Антонио Гретчи, бывший сапожник богатеев, оказался неспособным выполнять эту задачу в одиночку, так что я заключил договор с новым слугой за цену в сморщенное яблоко и отправил его приступать к своим обязанностям, то есть топать в темноте по любой руке, которая, по его мнению, потянется в мою сторону.

Пустые часы сменяли друг друга, было слишком жарко, слишком хотелось пить. Мы сидели на жёстком полу и слушали, постоянно слушали, не раздастся ли приближающийся шорох. Я клевал носом, воображение подкрадывалось, рисуя картины на темноте, искушая меня провалиться в сон. Я дёргал головой, чертыхался, и с каждым разом отчаивался всё сильнее. Изредка кто-то начинал говорить, иногда слышалась приглушённая беседа, а иногда в темноте разносилась долгая медленная молитва. В анонимности слепоты люди признавались в грехах, рассказывали о своих желаниях, примирялись со Всемогущим, или, в отдельных случаях, до смерти мучили всех бесконечными унылыми воспоминаниями из своих совершенно тупых жизней. Я раздумывал, сколько мне придётся здесь просидеть, прежде чем люди вокруг ознакомятся со всеми деталями событий на перевале Арал, а я

перейду к полной реконструкции вермильонских борделей. Вполне возможно, ещё денёк, и начну.

Тихий гул разговоров циклически усиливался и стихал, переходя в долгую тишину, а потом начинался снова, распалённый воспоминанием, встроенным в рассказанное, и разделялся на полдюжины потоков среди числа заключённых. В гуле имелся естественный ритм, и когда он нарушался, я резко выходил из своей задумчивости. Разом стихло бормотание четырёх или пяти человек. Даже влажный смертный грохот мистера Кашля прекратился.

– Что это? – Спросил я. Определённо нужен кто-то королевской крови, чтобы озвучивать важные вопросы.

Тишина, если не считать шарканья – что-то тяжёлое тащили по плитам пола.

– Я сказал... – Снова раздалось шарканье, и я резко понял: что бы ни издавало звуки, оно находится за решёткой.

Я задержал дыхание. Тишина. От страха этот вдох оставался в моих лёгких, только чтобы с визгом вырваться, когда мистер Кашель неожиданно стал задыхаться – он тоже попытался сдерживать дыхание, а потом начал так сильно кашлять, что я уже не сомневался, его лёгкие наверняка были наполнены кровью. Когда он наконец замолк, несколько человек снова начало бормотать, и напряжение спало. Что-то глухо ударилось об прутья – и все проглотили свои слова, и у всех снова перехватило дыхание. Заключённые отпрянули вглубь камеры, начав ругаться и кричать от страха.

– Какого чёрта?

– Как...

– Там никого нет...

А потом кто-то произнёс:

– Артос? – Труп, который валялся прямо перед воротами.

– Может, он не умер.

– Он умер. Я его проверил. Он был моим другом.

– Черви ели его глаза.

– Конечно он был мё... – Второй глухой удар плоти по прутьям прервал разговор.

– Ох, чёрт.

– Господи Иисусе!

– Артос? Это ты?

Тьма бурлила возможностями, и хорошей среди них не было.

– Это действительно Артос? – Голос Хеннана, который оказался ближе, чем я думал. Я вздрогнул.

– Да.

– И он действительно мёртв? – Маленькая ладонь нашла мою.

– Да. – В моей левой руке лежал ключ, извлечённый из укрытия. Ведьмино заклятье исчезло... ключ Локи был снова готов к использованию, и снова привлекал внимание всех грязных тварей, которые его разыскивали.

Снова раздался удар плоти по железу. Я представил то, что не мог увидеть. Артос на мёртвых ногах, отшатывается от удара, лицо кишит опарышами, и он готов снова броситься вперёд, отвечая на зов того, что я держу в руке.

– Не волнуйся. – Я воспользовался своим притворным голосом героя-с-перевала – достаточно громко, чтобы слышали все, хотя адресовал слова лишь паре ушей. – Не волнуйся. Он там, а мы здесь. Если за все эти месяцы, что его держали здесь, он не смог пробраться через эти прутья наружу, то и пробраться обратно через них до следующего визита Раско ему не удастся.

Только я проговорил это, как мистер Кашель сделал очередной булькающий вдох, словно он тонул в грязи, которая заполняла его лёгкие. И как специально, стоило только мистеру Кашлю сделать этот грохочущий вдох, мой прежний телохранитель, Артемис Канони, испустил тихий мученический крик из своего угла камеры. Ни Хеннан, ни я не сказали этого вслух, но по внезапному напряжению его руки я решил, что мы одновременно поняли одно и то же. Артос, быть может, и заперт там, но если мистер Кашель или Артемис Канони собирались в ближайшие десять часов на встречу с создателем, до того, как вернётся Раско... Мёртвый Король получит новый труп для своих забав, и на этот раз мы окажемся в ловушке с тем, кого он решит снова поднять. И внезапно моя забота о сокамерниках достигла новых высот.

– Чёрт возьми, освободите место человеку с кашлем! Не толпитесь возле него. Кто-нибудь, дайте ему воды – вот медяк тому, кто это сделает. И Артемис – куда подевался мой верный Артемис? Ему тоже воды. И вот ещё корка, обмакните её в воду.

Пришлось повозиться с организацией, но я сделал для них всё, что мог. Не то чтобы я сильно верил в целительные свойства тухлой воды и несвежего хлеба. Наш друг снаружи продолжал колотиться о прутья, а наши друзья внутри продолжали бормотать о том, *почему* он это делает. Но, в конце концов, смотреть было не на что, и сделать было ничего нельзя, и мы снова расселись в нервной тишине.

Правда о смертельном страхе заключается в том, что даже для такого труса мирового класса, как я, он не может длиться вечно. Когда то, чего боишься, не случается час за часом, оно остаётся чем-то по-прежнему ужасным, но оставляет место, куда могут проскользнуть и другие мысли. И мысли пришли. Мысли, которые сеяли подозрения в темноте камеры. В центре моих проблем была война Красной Королевы. Её старшая сестра отправила меня на далёкий север найти ключ, который я сейчас держал. И что я делал в Умбертиде? Меня сюда отправил близнец Молчаливой Сестры. В то время это казалось милостью, побегом от опасностей дома... но так ли это было? Красная Марка заложена банкам Флоренции; борьба за власть между Золотым Домом и другими банками против Келема, неофициального мастера над монетой Разрушенной Империи; Мёртвый Король суёт свои костлявые пальцы в пирог... последний перевалочный пункт для Снорри перед тем, как направиться в холмы с ключом Локи в поисках мага дверей... и юного принца Ялана прямо в центр всего этого бросает человек, которого здесь в Умбертиде я стал понимать лучше, чем когда-либо во дворце – человек, которого трейдеры считали неофициальным мастером над монетой Красной Марки. Я подумал о Гариусе, лежащем в своей постели. Когда он посылал меня в путь, казалось, он стоит одной ногой в могиле, и только от него я слышал тёплые слова по возвращении. Я подумал о том, как он лежит там, и попытался сопоставить тот образ с новым, который предстал сейчас перед моими глазами. Внезапно я понял, что плотно прижимаю ключ Локи к груди, и опустил руку, раздумывая, не течёт ли в меня ложь этого предмета прямо сейчас.

Я сидел, задумавшись, сжимая в руках ключ Локи, меняя позу каждые несколько минут, чтобы не отсидеть что-нибудь об плиты пола. В итоге я отсидел каждую частичку своего тела, и это уже

перестало иметь значение. Я бы положил ключ в карман, но не мог рисковать его потерять, и потому держал крепко. Казалось, эта скользкая вероломная штука так и норовит выскользнуть из моих пальцев, словно тающий лёд.

Сначала я сжимал ключ, словно он мог меня укусить, и вспоминал, как после первого прикосновения во мне запульсировали воспоминания – образы того, как Эдрис Дин убил мою мать. Но как Артос не мог пролезть через прутья камеры, так и ключ больше не кусал меня. Я сидел, чувствуя в ладони его прохладу, с час, если не больше, прислушиваясь к звукам темницы. В какой-то миг я услышал стук, словно кто-то недалеко постукивал по двери, хотя я знал, что здесь только ворота и прутья, и никаких дверей. Стук стал громче, настойчивей, хотя никто вокруг о нём не упоминал. И, казалось, тьма у моих ушей наполнилась шёпотом на пределе слышимости. Это длилось пару минут, а потом прекратилось.

Страх стих до тревоги, беспокойство сменилось скукой, и в течение слепых часов оставалась только долгая борьба со сном. Тогда-то ключ и ударил. Казалось, будто его потянуло в сторону. Я мог выпустить ключ, или позволить ему меня утянуть. Темнота расплавилась в видение, хотя я изо всех сил старался оставаться на месте и видеть лишь то, что вокруг меня. Мои усилия унесло прохладным ветром. Я снова стоял на границе владений Ошимского Колеса. Передо мной снова был арочный проход – та пустая арка, через которую мы сбежали от Эдриса и хардассцев, одинокое творение аномагов на странной пустоши, куда нас привела Кара. Вёльвы, Снорри и Туттугу не было видно. Меня тоже не было видно – лишь моя свободная точка зрения, смотрящая, неморгающая, ждущая лжи, ждущая обмана ключа. И ничего не случилось. Я смутно ощущал существование своего тела где-то вдалеке, в другом месте и времени, а холодный тяжёлый ключ был крепко зажат в моей руке.

– Странное видение, которое ничего не показывает... – Слова звучали только в моей голове. В Ошима говорил ветер, а всё остальное молчало. Я уставился на арку и на удивительно высеченные инкрустации чёрных и стеклянных камней, усеивавших окружающую местность. Посмотрел вверх, на розовато-лиловую рану неба. – Что?

Мой взгляд привлёк свет, отражённый одним из ближних камней. Эту штуку называли обсидианом. Я знал это не из лекций

какого-то наставника, но из-за моды на украшения из этого материала в Вермильоне. Одной осенью несколько месяцев подряд все, кто чего-то стоил, носили их, и после того, как Лиза де Вир сделала со своего довольно высокого балкона несколько весьма прозрачных намёков, я занял немалые деньги, чтобы купить ей обсидиановое ожерелье из отполированных бусин и дисков. Если правильно помню, как-то раз она его носила... Ключ обжигал мою ладонь холодом, и внезапно я понял, из чего он сделан, и откуда взялся.

– Ах, чёрт. – Ни одна история, что начиналась с "неподалёку от Ошимского Колеса", не заканчивалась хорошо. Я посмотрел вниз и увидел, что теперь сюда прибыл не только мой дух, но и тело тоже. В моей руке, где должен был лежать ключ, не было ничего, кроме железной рунной таблички Хеннана. Спустя мгновение она стала тенью ключа. Потом ключом. – Кара спрятала тебя в тень... – Я перевёл взгляд на арку, тревожно осмотрев символы в камне. – Она присягнувшая тьме? – Я вспомнил ту лёгкость, с которой она вышвырнула Аслауг из своей лодки. Она не противопоставляла духу свет или огонь, просто приказала ей исчезнуть... и дочь Локи сбежала.

Я посмотрел на арку и вспомнил, как Кара готовила её заклинаниями перед тем, как Снорри воспользовался ключом. Арка открылась во тьму, появилась Аслауг, а потом пробился Баракель, устроив в портале войну света и тьмы, от которой сформировалось некое воссоздание сил, составлявших основу заклинания Молчаливой Сестры. И только тогда вёльва погнала нас внутрь, бросившись вперёд. И с того момента до этого я не слышал ни слова от Аслауг, и Снорри не упоминал Баракеля. Их голоса внезапно стали тихими, а их влияние почти исчезло за неделю. До этих самых пор это не казалось странным. В любом случае, всё, что касается магии, странно и ненадёжно... но... Кара привела нас к той арке, наложила на неё заклятье, а оно потом, переместив нас от опасности, отсекло наших покровителей и силу, данную нам моей двоюродной бабушкой. Допустим, они были странными духами, и им нельзя было доверять. И допустим, моя двоюродная бабушка – самая спятившая ведьма из всех в Разрушенной Империи, но всё равно, они были формой силы, нашей единственной защитой от всего худшего, что наши враги могут против нас использовать... и Кара забрала их от нас.

Я прошёл через арку и оказался с другой стороны, спиной к той же проклятой пустоши. Когда Кара активировала арку, та перенесла

нас в темноту под Халрадрой... но на этот раз я пришёл из тьмы и нуждался в свете. Я долго стоял, уставившись назад на арку, вспоминая тьму своей камеры и темноту пещер под вулканом. Свет. Вот почему мы здесь ждали. Нам был нужен свет. И, словно повернулся ключ, кусочки памяти сошлись, и я получил свой ответ.

Я закрыл глаза, снова открыл, и обнаружил, что вокруг темно, как и раньше. Почти тишина: тихое бормотание двух человек на другом конце камеры, хрип дыхания умирающего, шарканье мертвеца за прутьями. Я похлопал себя по карманам и проклял свою глупость.

Я работал наощупь, высвобождая двойные флорины из льняных полос, в которые они были зашиты. Разматывал использованные полосы ткани и складывал монеты в стопку между коленями, тщательно следя за тем, чтобы они не звенели.

– Что ты делаешь? – спросил Хеннан.

– Ничего. – Я проклял его острый слух.

– Ты что-то делаешь.

– Просто будь готов.

Парню хватило мозгов ничего не спрашивать – многим взрослым не хватило бы.

– Я собираюсь зажечь свет, – громко сказал я, чтобы все услышали. – Лучше вам закрыть глаза.

Ключ Локи отпирает много разных вещей, и воспоминания – не последняя из них. Я сунул руку в недра своего кармана, в кучу всякой мелочью, старым платком, который надо было бы почистить, обрывками пергамента, медальоном с изображением Лизы де Вир внутри... и нашёл маленький твёрдый комочек, завернутый в ткань, который и искал. Засунул палец под ткань и коснулся холодного металла. Немедленно через платок, через пальцы полилось сияние, и пробилось сквозь ткань моих штанов. Если бы среди нас был острослов, он мог бы сказать, что в кои-то веки солнце, похоже, светит из моей задницы. Я вытащил наружу орихалковый конус Гариуса, спрятанный в кулаке и всё равно настолько яркий, что освещал комнату в розовых оттенках моей крови, иллюминация непредсказуемо пульсировала в такт ударам сердца. Со всех сторон донеслись потрясённые и благоговейные охи. Света, даже

приглушённого моей рукой, было достаточно, чтобы заставить всех вокруг, включая меня, прикрыть глаза.

За секунды благоговение сменилось ужасом. Со всех сторон мои должники-сокамерники кричали и шаркали прочь от прутьев. Я был к источнику ближе всех, и свет ослепил меня сильнее прочих, так что мне пришлось отвернуться от сияния и беспомощно проморгаться, чтобы попытаться рассмотреть, что вызвало панику. Когда я наконец сфокусировался на твари за прутьями, то и сам чуть не взвизгнул, и только сильнейшая решимость не дала мне отшатнуться назад и спрятаться в толпе.

Артос уже содрал с себя большую часть червивой плоти, и от глаз, которые тарацились на нас с ободранного блестящего лица, остались только сочащиеся глазницы, тёмные как ночь. И всё равно, казалось, голод смотрит из темноты этих ям – голод, который был жутко знакомым. Мёртвые руки сжимали прутья, а изо рта с переломанными зубами несло бессвязное угрожающее бульканье.

– Я сейчас собираюсь открыть ворота, – сказал я.

В ответ на это раздался коллективный вздох и хор голосов, кричащих "нет".

– Даже если бы ты мог открыть, я бы туда не вышел! – Антонио, мой самый давний телохранитель, перевёл взгляд с мертвеца на меня, словно я спятил. Его глаза слезились. – Чёрт, я бы туда не вышел, даже если бы там не было этой твари! Стражники просто поймают меня в следующем коридоре, и я вернусь сюда со штрафом вдобавок к долгу, и побоями вдобавок ко всем моим бедам. Надо подождать, пока придёт Раско. Он приведёт стражу разобраться с... чем бы, чёрт возьми, эта тварь ни была. – Он помедлил, покосившись на свечение в моей руке. – Чёрт, как ты это делаешь?

– Я сейчас собираюсь открыть ворота, – громче повторил я, выставив перед собой чёрный ключ. – Следующий, кто умрёт здесь, кончит как Артос, только он будет заперт здесь с нами. – Я многозначительно глянул на мистера Кашля, полубессознательно лежавшего на спине – его грудь со свистом сотрясалась, вверх, вниз. – Просто подумай об этом.

Я подошёл к воротам, и тварь, которая раньше была Артосом, сдвинулась и встала напротив меня. Когда я приблизился к решётке, тварь просунула руки внутрь, потянулась ко мне, остатки лица

прижались к прутьям, словно покойник мог каким-то образом протиснуть свой череп в щель. Я едва успел отпрыгнуть. Чтобы эти люди вытащили меня отсюда, им понадобится храбрость. Им нужен был хороший пример, нужно было продемонстрировать отвагу. Этого я им предоставить не мог, но мог дать сносное впечатление этого.

– А ты не очень-то умён, а? – Я держался в дюйме от тянущихся пальцев. В этих тёмных окровавленных глазницах виднелся разум, тот же жуткий разум, который смотрел на меня через глаза мертвецов, когда мы были в горах со Снорри. Но действиями твари правила жажда – жажда убить меня любой ценой. Я стоял там, казалось, целую вечность, зная, что отступить нельзя, но понятия не имел, что делать. Тогда я сунул руки в карманы за вдохновением. В конце концов, забытый орихалковый конус Гариуса лежал там с самого моего возвращения во дворец, так что на дне другого кармана могло оказаться ещё что-то полезное... я глянул вниз и обнаружил, что полезная вещь лежала на самом верху. Я вытащил кусок парусиновой ленты, в которую недавно были зашиты двойные флорины, и сделал из неё широкую петлю – непростая задача, поскольку приходилось держать и орихалк. Сделав петлю, я подошёл к Артосу, и после нескольких предварительных попыток накинул её ему на правое запястье. Навалившись всем своим весом, я резко оттянул его руку в сторону. Локтевой сустав с тошнотворным хрустом сломался, рука согнулась под неправильным углом, позволив мне привязать её к прутьям вне досягаемости левой руки Артоса. Я взял ещё кусок ленты и повторил процедуру со второй рукой.

– Ну вот. – Артос злобно таращился на нас, привязанный к воротам за две сломанные руки. Он высунул язык и провёл по сломанным зубам, словно пытался им до меня дотянуться. Я вставил в замок ключ Локи. Он идеально подошёл и легко повернулся. Щёлк. Я взялся за край ворот и распахнул их, навалившись всем весом, чтобы преодолеть сопротивление бросившегося на меня Артоса. Одной рукой держа ворота, другой я поманил должников. В остальных семи камерах десятки лиц прижались к прутьям, изумлённо глядя на меня.

Озадаченные и перепуганные должники оставались на своих местах. Некоторые даже отошли назад, хотя и держались подальше от мистера Кашля.

Я вздохнул, отошёл назад, сунул руку в карман и вытащил

мелкие монеты – два серебряных флорина, три гекса и дюжину полушек. Взмах кисти, и они разлетелись по помещению за воротами. Половина народу камеры как ошпаренные бросились вперёд, а большинство остальных вскочили на ноги. Многие из них застряли в проходе, сражаясь друг с другом, отчаянно желая выбраться первыми – прямо перед носом Артоса, который беспомощно дёргал руками.

Я быстро подошёл к Хеннану и передал ему орихалк.

– Подержи.

В опустившейся темноте я сгрёб из-под тарелки свои двойные флорины – всего около пятидесяти – и завернул в подол рубашки.

– А теперь давай обратно. – Мне пришлось повысить голос из-за усиливающейся какофонии драки перед воротами. Спустя пару секунд я взял орихалк, и помещение снова осветилось – моя рука светилась, сияние металось между пальцами. – Пошли. – Я пошёл впереди, Хеннан за мной, и остальные следом. Мы спешили за удаляющимся светом, боясь остаться в темноте с умирающими, которые могли не умереть должным образом.

Я дал бы Хеннану ключ и позволил открывать остальные ворота, но казалось жестоким позволять ему трогать эту штуку. Я даже заморгал от этой мысли. Год назад моё удобство перевесило бы любые беспокойства насчёт жестокости по отношению к ребёнку – на самом деле жестокость могла считаться даже дополнительным преимуществом...

Я перешагнул троих мужчин, сражавшихся за гекс, и открыл первые ворота. Ещё несколько мужчин из тех, кто здоровее и покрупнее, примкнули к сражению за разменную монету. Большинство же держалось позади, боясь моей сияющей руки и чёрного ключа почти так же сильно, как они боялись Артоса с его полусъеденным лицом.

К тому времени, как я добрался до пятой камеры, люди стали медленно двигаться к выходам уже открытых камер. Я отпер ворота и немедленно мимо меня протолкнулся здоровяк. Он не присоединился к драке за последнюю монету в центре, а повернулся вместо этого ко мне. Мне пришлось встретиться с ним взглядом. Воинственные тёмные глаза уставились на меня из-под копны чёрных волос. Он голодал с остальными должниками, но раньше был силачом, и я, видимо, произвёл на него куда меньшее впечатление, чем на его

товарищей.

– Я смотрел, как ты ешь, когда остальные голодали. Смотрел, как ты швыряешься деньгами, северянин. – Он нахмурился сильнее и замолчал, словно задал мне вопрос.

– Северянин? Я? – Это было что-то новенькое, хотя, наверное, технически он был прав. Я посмотрел на него, раздумывая, смогу ли я его одолеть – пробовать мне определённо не хотелось.

– Думаю, ты бросишь денег и в мою сторону. А лучше, спокойно передашь их мне, так, мальчик?

Камеры за моей спиной притихли, заключённые передо мной устали в мою сторону. Защищаться я мог только ключом в своей руке, который держал несколько неловко, из-за спрятанного в ладони двойного флорина. Во второй руке был орихалковый конус, который я крепко прижимал к животу, удерживая подол рубашки, набитый скромным состоянием в золоте.

– Ух. – Меня охватила паника, и ноги были уже готовы помчаться прочь. Громила протянул к моей шее костлявую руку.

– Ял, бей его! – Невежливо запищал рядом Хеннан. Он перенял у Снорри эту проклятую привычку называть меня "Ялом".

Вдохновение озарило меня раньше, чем напал громила.

– Смотри! – сказал я и раскрыл ладонь с ключом, показывая золотой диск в грязной ладони. На секунду его лицо осветилось отражённым светом, а на лице расплылась глупая ухмылка. – Лови! – И я бросил монету между прутьев в камеру за его спиной. Два десятка грязных серых тел немедленно бросились на двойной флорин, и мой мучитель, заворчав, повернулся и рванул в кучу, рыча жуткие угрозы.

– Потратить на здоровье. – Я закрыл за ним ворота, запер и убрал ключ в карман.

Я обернулся, ожидая, что произвёл на публику хотя бы небольшое впечатление, но оказалось, они притихли не из-за моей маленькой драмы у пятых ворот. В коридоре стоял Раско, а за его спиной три стражника – все здоровяки в кольчугах и с обнажённой сталью в руках.

– Живо. Назад. – Раско ронял каждое слово, словно камни. Свою

обычную дубинку он сменил на другую, у которой на конце был уродливый кусок железа. Серое море тел отпрянуло к камерам, множество теней заметалось по стенам от пульсации орихалка в моей руке. Ещё несколько секунд, и мой шанс совсем исчезнет.

– Смотрите! – Крикнул я, вытаскивая пригоршню золота из подола рубашки и протягивая его к потолку.

Это привлекло их внимание. Десятки голов на десятках шей повернулись. Особенности нашего заключения означали то, что я держал в своих руках их свободу. Несмотря ни на какие угрозы, острое железо или тупые инструменты, мало кто здесь даже сейчас не мог купить себе путь за дверь десятью двойными флоринами. Многие из них могли купить освобождение одной-двумя монетами, а в худшем случае одна монета даст им год еды и воды – ещё год между ними и кормом для свиней.

Я позволил деньгам говорить за меня. Швырнул всю пригоршню через головы Раско и стражников, и монеты загремели по коридору за их спинами.

Эффект оказался немедленным. Должники, ни секунды не раздумывая, бросились вперёд. Даже Раско и стражники смотрели в направлении улетевших флоринов. Должники не особо нападали на людей у них на пути – скорее, словно прилив, протекли по ним.

Я схватил Хеннана и побежал в хвосте волны, топнув сапогом по загривку толстой шеи Раско, который пытался подняться. Как я говорю, всегда пни лежачего – лучше шанса у тебя не будет.

Должники, которые в полубезумной схватке, почти без света, собрали большую часть золота, теперь пробивались по тюрьме, отчаянно желая расплатиться с долгами, пока у них не отняли флорины, добытые с таким трудом. Те, кому в общей свалке повезло меньше, теперь бросились в погоню, желая уравнять распределение средств.

К несчастью, некоторые из толпы задумались, откуда взялись деньги, и стояли, когда мы с Хеннаном до них добежали. Путь мне перегородил потрёпанный мужчина средних лет. За его плечом стояла пожилая женщина – голая, если не считать грязи. Сбоку поджидала крупная девушка с растрёпанными грязно-светлыми волосами и нездоровыми глазами, одетая в нечто, напоминавшее мешок. Три мужчины постарше вышли из тени им на подмогу. Все

трое маленькие и похожие друг на друга, так что, наверное, они были родственниками.

– Раскошеливайся. – Девушка протянула руку. – Три двойных излечат мои болезни. Слышала, ты принц. Три двойных – невысокая цена, чтобы пройти мимо меня, красавчик.

Остальные немедленно принялись выкрикивать свои требования и надвигаться плотной угрюмой толпой.

– Назад! – Взревел я, и они остановились. Королевская порода, что тут скажешь. Акцент, поза и многовековое воспитание у низших классов привычки подчиняться – всё это вместе позволяет возмущению принца добиваться большего, чем возмущению обычного человека. – Как вы смеете? – Я вытянулся во весь рост, выпятил грудь и поднял руку, чтобы ударить любого, кто подойдёт ближе. Угроза насилия была, наверное, несколько сглажена тем фактом, что я прижимал левую руку к животу, крепко держа тридцать или сорок двойных флоринов.

– Ну? – Проревел я. Казалось, должники замерли от моего выговора, и таращились на меня, разинув рты. Я резко шагнул вперёд, и они отпрянули, а полдюжины, если не больше, бросились прочь по тёмному коридору. – Что ж! – Я ухмыльнулся Хеннану, весьма удивлённый своим успехом. – Думаю... – Меня прервали две большие руки, схватившие за горло. Прежде чем руки полностью сжались, я в панике развернулся, разбрасывая золото, и обнаружил, что стою перед тем, кто на самом деле напугал должников. Мой взгляд встретился с мёртвым взглядом стражника, голова которого висела под совершенно неестественным углом. Наверное, его шея сломалась в какой-то момент во время исхода должников по его лежащему ничком телу.

Страх – изумительная вещь. От него не только бежишь куда быстрее, чем считал возможным, он ещё придаёт сил, которых у тебя раньше не было. К сожалению, не столько сил, чтобы разорвать хватку мертвеца на шее – поскольку смерть, похоже, так же делает человека сильнее, – но достаточно, чтобы оттолкнуть нападавшего назад. Я ударил его в прутья камеры. Думаю, мне ещё удалось пнуть Раско коленом в лицо, когда тот со стоном пытался сесть...

Это забрало все мои силы, и я повис в объятьях мертвеца. Перед глазами поплыли чёрные пятна, и чувство расстояния стало от меня

ускользать. Мир отдалялся, становясь одной яркой точкой, а боль в шее и лёгких стала стихать. В мягкой окутывающей темноте у меня появилось время осмыслить две вещи. Во-первых, что у трупов уже входит в привычку душить меня. А во-вторых, что мой единственный шанс на выживание зависит от жадности множества взрослых и быстроты ума единственного ребёнка.

В то время как угасали последние остатки зрения, я увидел дюжину рук, которые тянулись ко мне через прутья и прижимали к ним мертвеца. И прямо перед тем, как моё сердце заколотилось настолько громко, что заглушило все остальные звуки, я услышал скрежет меча, который тащили по камням.

***

Я проснулся внезапно, замёрзший и мокрый.

– Держи! – Голос Хеннана в темноте.

– Ч... – Моё горло так болело, что больше сказать ничего не вышло.

– Возьми. – Он что-то вжал мне в ладонь, и полилась яркость, заполняя пространство режущим белым светом. Я сомкнул ладонь на орихалке и зажмурил глаза. Пацан облил меня водой... я надеялся, что это вода.

Потом я заметил, что теперь я куда сильнее обнажён, чем раньше. Мой следующий вопрос начался с "Где моя одежда?", но быстро сменился на "Где, чёрт возьми, мои деньги?".

– Они их забрали. – Хеннан указал на последние серые спины, удалявшиеся по коридору, за которыми ковылял потоптанный Раско. Стражник, который душил меня, дёргался поблизости, уставившись на меня яростным взглядом. Хотя для исполнения угроз ему не хватало рук и ног.

– Я просунул им меч через прутья, и они порубили его на кусочки. – Хеннан содрогнулся от воспоминаний.

Я приподнялся. Полосы ткани, в которые были зашиты мои

монеты, валялись рядом, залитые растекающейся кровью. Разжав ладонь, я обнаружил, что ключ Локи всё ещё в ней, и его отпечаток виднелся на коже.

– Как они... – Я потёр покрытое синяками горло. – Выбрались?

– Я взял ключи Раско, – сказал Хеннан.

– Ты дал им меня ограбить!

– Они держали тебя за ноги, и всё равно забрали бы твоё золото. Здоровяк сказал, что если я их выпущу, они тебя не тронут.

– Уф. – Что ж, неплохое оправдание. Я приподнялся, натянул свои порванные штаны – заключённые очень тщательно искали флорины – и нетвёрдо встал на ноги. – Пошли.

И мы поспешили за убегающими должниками

***

Как я и надеялся, почти две сотни отлично мотивированных должников пробили значительную брешь в системе безопасности тюрьмы. Вместо того чтобы идти за ними к главному выходу, где они уже бунтовали, либо выкупали себе путь на волю, я нашёл проход, ведущий ещё дальше назад. Мы прошли через трое запертых ворот, мимо опустевшего поста охраны, и через тяжёлую дверь в вонючий двор с высокими стенами. Полная луна купала пейзаж в серебристом свете, который скорее маскировал, чем открывал что-либо. Я завернул орихалк в ткань и засунул глубоко в карман.

– Пошли. – Я направился вперёд, обходя ямы с известью, куда складывали останки должников, родственники которых заплатили за тело. Возле стены стояли две шаткие телеги, на одной из которых валялись шкуры и костлявые трупы, предназначенные свиньям.

– Но... – Хеннан схватил меня за руку и задержал меня.

– Что? – Мой голос исказился от гнева из-за того, что я оказался без гроша.

– Они мертвы, – прошептал Хеннан.

– Что ж, будем надеяться... – Я хмуро посмотрел на него. Может, он и был всего лишь ребёнком, но немало мертвецов он видел и раньше. А потом до меня дошло, почему нам лучше было попытаться шансы пройти через бунтующих и пойти на риск снова попасться в передней части тюрьмы. – Чёрт.

Из известковых ям позади донёсся сухой скрежет, а на телеге начали подниматься три тощих трупа.

– Бежим!

Мне лишь чуть-чуть стыдно признаться, что я обогнал мальчишку. От старых привычек сложно избавиться. Хорошо бежать быстрее, чем преследователи, но на самом деле важно бежать быстрее, чем самый медленный из преследуемых. Правило номер один: на голову впереди следующего человека! Или ребёнка.

Надо мной возвышались ворота во внешний мир: толстые плиты сухого дерева, обитые железом, с тяжёлым запорным механизмом посередине. Я лихорадочно сунул туда ключ, повернул и протолкнулся наружу с силой, порождённой отчаянием. Секундой позже Хеннан протиснулся в узкую щель, а прямо за его спиной уже виднелась белая фигура, за которой клубился белый порошок. Вместе мы захлопнули ворота, и ключ Локи запер их, как только первое тело врезалось в доски.

ТРИДЦАТЬ

– Не останавливайся! – Я схватил Хеннана за руку и потащил по улице, которая проходила за тюрьмой. Мы свернули в первый же переулок. Тёмные переулки бывают опасными, но когда бежишь из долговой тюрьмы банкирского города, в которой есть мёртвые обитатели, жаждущие сожрать твои мягкие части, даже худший переулок христианского мира покажется не таким уж страшным.

Узкие проходы не хуже солнца скрывали луну, и, не считая редких полосок света из зданий, мы бежали почти в кромешной тьме. На каждом углу я представлял стоящий в темноте труп какого-нибудь бродяги с широко раскинутыми руками и голодной ухмылкой, но за каждым следующим поворотом никого не оказывалось, и замедлял меня Хеннан, а не мертвец, охотящийся за ключом.

Силы мальчишки оставили его всего за несколько минут. Сначала ему просто нужно было переводить дыхание, но остановки становились длиннее, и вскоре уже мне пришлось выбирать: нести его, тащить, бросить или остановиться. Я тоже чувствовал себя довольно уставшим, так что мы остановились, присев на корточки перед воротами в арочном проходе, ведущем в чей-то сад. Я мог лишь надеяться, что мертвецы в темноте видят не лучше живых, и что ворота у нас за спиной по крайней мере предотвратят нападение с той стороны.

– Нам надо только пройти городские ворота и отправляться на север. Они наверняка пошлют всадников по Римской дороге, так что нам придётся выбрать другой маршрут. На границе могут быть проблемы... но до неё несколько дней пути. – Я помедлил, чтобы чуть отдышаться. – И было бы чертовски проще, если бы у нас были деньги. – Я позволил себе мгновение тишины, вспоминая своё милое золото, раскиданное, разбросанное и украденное в той проклятой тюрьме. У меня глаза защипало от несправедливости. В том портфеле лежали золотые горы, и даже когда у меня его забрали, оставалась ещё приличная золотая горка... Возможно, в уединении той темноты я даже пустил скупую мужскую слезу.

– Сначала надо вытащить Снорри и остальных, – сказал Хеннан.

– С Карой всё будет в порядке: наверняка она выбралась во время бунта. К тому же она ведьма, и удивительно, что не воспользовалась магией и не сбежала до сих пор. На самом деле... – На самом деле меня внезапно осенило: довольно странно, что она вообще оказалась в долговой тюрьме. Разве не должны были и её допрашивать?

– Надо их вытащить. – Донёсся в темноте настойчивый голос Хеннана. – Мы не можем оставить их умирать!

– Ну, да, Хеннан, конечно, я хочу спасти Снорри и Туттугу, это просто... – Просто мне совсем не хотелось этим заниматься, поскольку нас наверняка схватят или убьют. – Этого никак не сделать. Одному человеку тут не справиться. Даже если этот человек – принц. Нет, что нам надо, так это как можно быстрее вернуться в Вермильон, а потом отправить помощь.

– Отправить... помощь? – Может, он и был всего лишь ребёнком, но на это не купился.

– Да. Я скажу Красной Королеве, и...

– Они не смогут ждать так долго! Им нужно, чтобы мы вытащили их прямо сейчас!

– Им придётся подождать. Бога ради, да я даже не знаю, где они! – На самом деле я знал. Они наверняка в Башне Жуликов. Это самая мрачная тюрьма Умбертиде – приземистая серая башня, в которой все незаконные схемы и ухищрения по краже денег раскрывали и распутывали при помощи множества различных острых, раскалённых или сокрушительных инструментов, достигая исчерпывающих результатов. Разумеется, те, кто крали деньги по банковским законам, отлично вознаграждались и назывались банкирами. В Умбертиде с жуликами обходились суровей, чем с убийцами, а убийц здесь укладывали под широкую доску, называемую "дверью", на которую по одному клали камни, пока преступник не признавался мёртвым.

Мне повезло, что меня самого не отвели напрямиком в Башню, и возможно было лишь делом времени, пока меня туда отправят, как только станет ясен масштаб моих уклонений от налогов и комиссий. Или быть может меня уберегли родственные связи. В любом случае, идти туда сейчас казалось худшей идеей из всех возможных.

– Я без них никуда не пойду. – Голос Хеннана был полон стальной решительности.

– Хеннан, мир так не работает. – Я попытался говорить отеческим тоном – строгим, но справедливым. Не то чтобы у меня было на этот счёт много опыта. – Нельзя всё время делать что-то только потому, что это правильно. С такими вещами надо быть разумным. Обдумай всё хорошенько.

– У тебя есть ключ. Он вывел нас из одной тюрьмы. Он же сможет провести нас в другую.

В его словах был смысл. Смысл, в ответ на который я должен был найти возражения. То есть, я мог просто вырубить пацана и сам отнести в холмы. Видит бог, принц Красной Марки не должен отчитываться перед ребёнком, и к тому же, низкого происхождения... перед иностранным ребёнком низкого происхождения! Но дело было в том, что где-то на пути что-то во мне изменилось. Быть может, Баракель нанёс мне какой-то урон замедленного действия... но, проклятье, я знал, что если просто оставлю его здесь, то это будет колоть меня и не оставит покоя, или по крайней мере не оставит достаточно покоя, чтобы наслаждаться жизнью. Так что, похоже, в моих интересах убедить мелкого ублюдка пойти со мной.

– Хеннан, дело не только в ключах, – Начал я утешительным тоном. – Есть и другие соображения. Это небезопасно для мальчика твоего возраста. Во-первых, ключ нужен Мёртвому Королю. Мы не можем здесь околачиваться, тут слишком много трупов, слишком много материала для него... города́ слой за слоем построены на мертвецах... только это их и сдерживает. И даже если мы проберёмся прямо в тюрьму...

– Там есть стражники. Ключ не проведёт тебя мимо тюремщиков. – Говорившая открыла свой фонарь, ослепив меня. Я отпрянул, наткнувшись на ворота. Мои руки отыскивали Хеннана и выставили передо мной, словно какой-то маленький бесполезный щит.

– Уф... ах... мадам, вы меня с кем-то спутали. – Я заморгал и отвернулся, пытаясь прочистить зрение.

– Ялан, тебе нужно бежать. Отдай мне ключ, и Мёртвый Король последует за ним, а не за тобой. – Голос показался знакомым.

– Кара? – Я всматривался прищуренными глазами. Но фигура передо мной была маленькой: девочка не старше Хеннана, светловолосая и бледная, держащая перед собой фонарь. Платье из

простой белой ткани, наряд служанки.

– Отдай мне ключ и беги. Они уже отправились за тобой, Ялан. Тебе лучше быть в безопасности в Вермильоне. – Маленькая девочка протянула руку с раскрытой ладонью.

Я сморгнул слёзы, мои глаза привыкли к свету.

– Что? – В этом не было никакого смысла.

– Хеннан пойдёт со мной. – Казалось, она стала размываться по краям, словно её обгрызали тени. Размытая и... выше.

– Нет. – Я крепче схватил парня за плечи, и он охнул, пытаясь вывернуться. Что-то во мне не хотело отпускать парнишку.

– Да ладно тебе, Ялан, это не твоё. Тебе нужно убираться. Тебе надо бежать. – В словах был некий темп, ритм, проникавший мне в самое нутро. Мне действительно нужно было убираться – и действительно нужно было бежать. Тут не поспоришь.

От девочки уже осталось одно воспоминание – я всё ещё мог её себе представить, увидеть синеву её глаз, но, моргнув, увидел державшую фонарь Кару в грязных обносках.

– Это всего лишь чары, заклинание, чтобы одурачить глаз. Страхни его, смотри ясно, – сказала она. И вот уже передо мной стояла Кара, словно никогда и не была ничем иным. – Это колдовство, чтобы не попасть в Башню Жуликов. Быстро. Времени у нас мало, мёртвые зашевелились. – Она продолжала тянуть руку.

Хеннан вывернулся из моего захвата. Я подумал, он бросится ей в объятия. Чёрт, я бы и сам бросился, если б знал, что меня ждут приятные ободряющие объятия. Но вместо этого он убежал в ночь – неблагоприятная сволочь.

Кара глянула ему вслед и раздражённо покачала головой.

– Ему придётся нас догнать. Надо идти *сейчас*! Отдай мне ключ.

– А ты можешь просто снова его спрятать? – Мне не хотелось отдавать ключ – это была единственная ценная вещь из тех, что у меня осталась. Может, в глазах бабушки его будет достаточно, чтобы простить потерю кораблей Гариуса. И к тому же Кара слишком сильно его хотела. Игрок в покер различает знаки: что бы она ни говорила, важно ей было только одно – чтобы я передал ей ключ. – Преврати его снова в руну, и мертвецы его не учуют!

Кара покачала головой.

– Над тем заклинанием я работала долго, и оно не продержится, если будешь двигаться. Это статичное заклинание. И к тому же, чары, скрывавшие меня, истощили мои силы.

Я удивлённо посмотрел на неё.

– А откуда мне вообще знать, что ты Кара? Мгновение назад ты выглядела как ребёнок... – Как она будет выглядеть через час? Меня внезапно пронзил холод. – Может, ты Скилфа! Может, и не было никогда никакой Кары.

Она рассмеялась, и следует отметить, это был не самый приятный смех.

– Скилфа ещё месяц назад задушила бы тебя во сне. В нашем роду способность терпеть глупцов – редкая черта.

– В твоём роду?

– Ялан, ты не единственный, кто разочаровал свою бабушку.

Я выпучил глаза. Мысль о том, что та ледяная ведьма могла породить потомство, не укладывалась в моём воображении.

– Я...

– Довольно. Больше никаких игр. – Она глянула через плечо, словно волновалась о погоне. – Ключ, Ялан, или я его заберу.

И я её ударил. Я не из тех, кто бьёт женщин... или кого угодно, если уж на то пошло. На самом деле я не из тех, кто бьёт кого угодно, способного ударить в ответ, но при наличии выбора между тяжёлым мужчиной и слабой с виду женщиной, я, несомненно, ударю женщину. Не знаю точно, зачем я её ударил. Мне определённо хотелось сохранить ключ, но также не хотелось, чтобы всю дорогу до дома по моим следам шёл Мёртвый Король вместе с половиной войск Умбертиде. Её предложение было во многих смыслах весьма разумным. А вот что было совершенно неразумно и неожиданно – она отразила удар, и так сильно врезала в ответ, что едва не сломала мне нос. Я свалился на задницу, ударившись головой об ворота сзади. А Кара даже не выронила фонарь.

– Последний шанс отдать его мирно, Ялан. – Она вытерла ладонью кровь с разбитой губы. Я подумал, не свихнулась ли она от пребывания в тюрьме: мало в ней оставалось сходства с той Карой,

которую я знал со времён путешествия на лодке... разумеется если не считать постоянных угроз о жестокой расплате, если будет нарушено её личное пространство... В любом случае я поверить не мог, что за все эти месяцы очарование старого Ялана не зажгло в ней какую-нибудь искорку.

– Кара, милая, да ладно тебе. – Гнусаво сказал я, и поморщился, прикоснувшись к носу.

Каким-то образом тот длинный нож появился в её руке.

– Будет лучше, если ты просто... – С этими словами она плюхнулась на землю, изящно сложила и остановилась в груди юбок, каким-то образом умудрившись мягко поставить фонарь рядом с собой, а нож глухо ударился о пыльную дорогу. Позади неё оказался Хеннан. Выражение его лица было трудно прочесть, с его пальцев свисал носок, наполненный, видимо, песком.

– Ты спас бы Снорри за двадцать двойных флоринов? – Он глянул на Кару, но та не шевелилась.

– У тебя нет двадцати двойных флоринов. – Думаю, прямо сейчас я готов был сделать *что угодно* за двадцать двойных флоринов.

– Но ты бы спас? – Настаивал он.

– Чёрт возьми, да.

Хеннан сделал шаг назад, встал на колено и открыл носок. На грязь выпала тяжёлая золотая монета, а за ней блестела другая. Похоже, носок был битком ими набит!

– Какого чёрта? – Я вспомнил монеты, которые уронил на пол, когда мертвец схватил меня в камере за шею.

– Всегда бери деньги, – Хеннан слабо ухмыльнулся.

ТРИДЦАТЬ ОДИН

Кара лежала без чувств в тёмном переулке. Без чувств или мёртвая. Снорри сказал мне, что от удара по голове чаще всего умирают, или их мозги сворачиваются набекрень до конца жизни. И хуже того, они могут просто развернуться и попытаться тебя убить, как Ален де Вир тем утром, начавшим весь этот долгий кошмар.

– Она не мертва, – сказал Хеннан.

– Откуда ты знаешь? – Я пристально вглядывался, подняв фонарь, высматривая признаки дыхания.

– Она не поднялась и не попыталась отгрызть тебе лицо.

– А-а. Верно. – Я посмотрел налево, а потом направо по переулку. – Давай уходить отсюда.

Я пошёл, и Хеннан за мной. Какие бы уколы вины я не чувствовал от того, что мы оставляли Кару без сознания в канаве, все они испарились от мысли, что если за нами охотятся мёртвые твари, то сейчас мы отводим их от неё. Кровь, которая всё ещё текла у меня из носа, капала с подбородка и оставляла позади алый след. Я чувствовал, как горячая жидкость с медным привкусом затекает мне в горло, и проглотил её, не задумываясь. Кровь включает заклинание – единственное, что я успел подумать, прежде чем провалился в свою темноту.

***

Ночь поглощает меня, я мчусь через неё, слепой и беспечный, и ветер дёргает мою одежду. Какое-то бесконечно долгое время нет ничего – ни звука, ни света, ни земли под ногами, хотя я бегу изо всех сил, быстрее, чем было бы безопасно. Меня пронзает укол света – настолько тонкий и острый, что я удивляюсь, почему мне не больно. Я бегу к нему – здесь нет других направлений – и он растёт,

становясь всё больше и ярче, и ярче и ещё больше, пока не заполняет всё моё зрение. И теперь уже нет спешки, ни бега, ни движения, только я у окна, опираюсь на подоконник, смотрю наружу, на залитый солнцем город далеко внизу.

– Вермильон выглядит отсюда таким маленьким.

Голос раздаётся из-за моей спины – мальчишеский голос, хотя и с отголосками того человека, которым станет мальчик. Я поворачиваюсь и отшатываюсь. Ребёнок искалечен. Мальчику лет четырнадцать, его руки неестественно вывернуты и плотно прижаты к его телу, запястья изогнуты под мучительными углами, ладони скрючены. Его череп выпирает надо лбом, словно перегруженный мозгами... в точности как...

– Что, Гариус? – девичий голос справа от меня.

– Город отсюда выглядит таким маленьким, словно я могу взять его в ладонь, – говорит он.

– Для меня он так выглядит, когда я там, в самом центре.

Я поворачиваюсь и вижу Красную Королеву – это просто девочка, которой не больше одиннадцати. Выпятила челюсть и вглядывается в залитую солнцем даль.

Гариус кажется равнодушным.

– Но мир, сестра... он кажется большим, где бы я ни стоял.

– Я могу завоевать его, – говорит Алиса, по-прежнему глядя поверх дворцовых стен на улицы Вермильона. – Я могла бы провести свои армии из одного конца в другой.

– Когда повзрослеешь, – говорит Гариус покровительственным тоном старшего брата, – ты поймёшь, как работает мир. Его не завоёвывают мечом. Армии – это последнее средство, когда исход уже предрешён. Деньги – вот кровь Империи...

– Империя разрушена. Она была разрушена прежде, чем мы родились. И ради золота копошатся торговцы, а войны выигрывают солдаты. Ты просто одержим деньгами, потому что отец дал тебе сто крон, а ты их умножил. Тебя это волнует только потому...

– Потому что я рождён калекой, да. – Улыбка Гариуса кажется искренней. – Разрушенным, как империя. Но всё равно, я прав. Деньги – это кровь Империи, и каждой её части, каждого

королевства, каждой страны, где есть промышленность, которой хватит, чтобы вооружать и снаряжать существенную армию. Деньги – кровь народов, и человек, который это понимает, который их контролирует – контролирует будущее. Выпусти кровь из страны, и она довольно скоро рухнет.

Они оба оборачиваются в сторону комнаты. Я тоже оборачиваюсь, ослеплённый на миг темнотой после яркого дня.

– Я прав. Скажи ей, что я прав, – Гариус произносит имя, но оно проскальзывает мимо меня, словно специально избегает моих ушей.

Отвечает ему Алиса.

– Он не прав. Решают войны, и когда я стану королевой, то поведу свои армии в Вьену и восстановлю империю. – Хмурый взгляд напоминает мне выражение её лица, когда она смотрела со стен Амерота на войска царя Келджона, меньше десяти лет спустя.

Теперь я вижу, к кому обращаются бабушка и двоюродный дедушка Гариус. Бледная девочка, болезненно худая, с отвислыми бесцветными волосами, того же возраста, что и Гариус. Она не смотрит на них – она смотрит на меня. Её глаза поразительны – один зелёный, другой голубой, и оба нереальных оттенков, словно взятых из какого-то чужого места.

– Не будь так уверена, что станешь королевой, сестрёнка, – говорит Гариус весёлым тоном, но за улыбкой слышна боль. – Когда отец увидит, что я сделал с его вложениями, он...

– Он просто дал денег, чтобы тебе было чем заняться, – говорит Алиса. Она мрачно хмурится, словно произносить суровую правду оказалось не так приятно, как она думала.

– Отец знает, что король должен править экономикой так же, как и людьми... – Гариус замолкает и смотрит в сторону сестры-близнеца. – Я мог бы быть королём...

Молчаливая Сестра невозмутимо смотрит, те странные глаза долгое время от него не отрываются. В конце концов она едва заметно качает головой и отводит взгляд. Лицо Гариуса разочарованно замирает. Под деформированным лбом он почти симпатичный.

– Я буду королём. – Он снова поворачивается к городу за окном. – Ты не видишь всего!

Они втроём стоят в этой тусклой комнате башни, где живым кажется только яркое квадратное пятно света от окна на полу.

Меня что-то беспокоит – я где-то должен быть, должен что-то делать.

– Просыпайся.

Я оглядываюсь посмотреть, кто из них это сказал, но все они погружены в свои мысли.

– Просыпайся.

Я вспоминаю тёмную улицу, ползущих мёртвых тварей, лежащую на дороге ведьму.

– ПРОСЫПАЙСЯ!

Я попытался проснуться, хотел широко открыть глаза, со всей своей решительностью стараясь выплюнуть кровь изо рта и стряхнуть оковы бабушкиных воспоминаний.

– Просыпайся. – Я открыл глаза и посмотрел на Хеннана. – Подъём. – От паники я вмиг вскочил на ноги, пошатнулся и добрался до стены дома, чтобы не упасть. Какой-то части меня ещё казалось, будто она в той комнате в башне.

– Сколько?

– Вечность! – Хеннан посмотрел на меня. Его лицо было грязным и взволнованным. Он спас фонарь, когда я падал, хотя выглядел тот довольно помятым.

Я взглянул на небо – по-прежнему бархатное и усыпанное звёздами.

– Не могло же пройти больше часа? – Заклинание Кары могло неделю продержать меня на спине. Она так и планировала? Возможно, я стал менее восприимчивым. – Два часа?

Хеннан пожал плечами.

– Пошли. – Я схватил фонарь и пошёл вперёд. Меня преследовали голоса Гариуса и Красной Королевы, звучали где-то глубоко за воображением.

Я спешил, поворачивая случайным образом, и раскрывал фонарь только когда показывалась очередная преграда – в остальное время

сломанный кожух пропускал достаточно освещения, чтобы мы не врезались в стены. Я не отрывал взгляда от пятна света перед собой – стоило мне глянуть на темноту, как я видел в ней очертания комнаты Гариуса. Тогда он казался менее искалеченным, но отлично понимал, что такой изуродованный король никогда не сядет на трон. Но всё же взрослым часто сложно представить детские мечты. Дети в обеих руках несут свои хрупкие мечты перед собой, ожидая, когда мир поставит им подножку.

Я бежал, преследуемый жизнями и мечтами других людей, и всякий раз, как замедлялся, они меня настигали, бурлили вокруг меня, наполняя ночь, так что мне приходилось продираться через эти образы, через запахи, воспоминания о прикосновениях, изо всех сил сопротивляясь, чтобы они меня не затащили в один из этих бесконечных снов, которые изводили меня во время путешествия на юг.

Со временем видения сократились, и мы вышли на более широкие улицы, где, несмотря на поздний час, всё ещё изредка ходили люди. Приближалось утро, и я чувствовал, что могу отогнать воспоминания, подожжённые моей кровью, по крайней мере до тех пор, пока мне не придётся уснуть – сложно сказать, какие сны тогда придут. Если Сейджес захочет что-то выведать, ему придётся сразиться с магией Кары. Я подтащил Хеннана к краю дороги и осел, прислонившись спиной к стене.

– Подождём рассвета. – Я не сказал, что мы будем делать на рассвете. Наверное, бежать, но по крайней мере это было похоже на план.

***

Я мог просто отнять у Хеннана двадцать двойных флоринов. А тот факт, что золото с самого начала принадлежало мне, позволял легче оправдать этот поступок в моих глазах. Я мог бы взять деньги мальчишки, оставить Кару без сознания в переулке, купить лошадь и уехать в холмы. Надо было так и сделать. Надо было схватить его за ноги и вытрясти из него мои флорины. Вместо этого с приходом

рассвета я смотрел через улицу Патрициев на высокие бронзовые двери Башни Жуликов и на посеребрённую сталь механического солдата, стоявшего перед ней на часах.

Утро медленно наступало на улицу. Кажется, учитель как-то раз говорил мне, что день преодолевает тысячу миль за час, но когда я смотрел, мне всегда казалось, что он еле ползёт. Верхние части доспехов солдата отразили первый свет и, казалось, загорелись от него.

– Ну вот. Я же говорил. Тут ничего не поделать. – Я взял Хеннана за плечо и потащил его в тень боковой улицы. Он кисло посмотрел на меня. Он так и не простил меня за то, что я взял его за ноги и попытался вытрясти из него мои флорины. Два раза у меня ничего не вышло. Сначала он оказался тяжелее, чем я себе представлял, так что потрясти получилось очень недолго и по большей части головой об землю. А потом он догадался спрятать всё золото. Наверное, припрятал где-то, пока я впал в видение. Я объяснил ему, как ужасно недоверчиво он поступил, и что это оскорбляет не только мою королевскую персону, но распространяется и на всю Красную Марку. Мелкий ублюдок в ответ лишь захлопнул рот и проигнорировал все доводы. Некоторые сказали бы, что мне стоит винить только себя – сам ведь учил его жульничать в карты, советовал всегда брать деньги и делился с ним своей политикой по части отношения к друзьям. Что подобное обучение не порождает доверия к учителю. Разумеется, таким людям я сказал бы "Заткнитесь нахрен". А ещё: "это Снорри виноват!". Ведь это он набил голову пацана чепухой о том, что нельзя бросать друга, и это он так нелепо решил дать отпор вместе с дедом Хеннана в Ошине. В любом случае, парень спрятал деньги, и вряд ли я собирался выкручивать ему руку, пока он не скажет, где они. Ну... я действительно выкрутил ему руку, но не настолько, чтобы он сказал мне, где моё золото. Хеннан оказался крепче, чем я ожидал, а ломать ему руку я не хотел. По крайней мере, если не уверен, что получу ответ. А я не был уверен.

В конце концов, мы пришли к компромиссу. Я согласился привести его к Башне Жуликов и показать, насколько невозможно то, что он просит. В обмен он, когда убедится, отдаст мне деньги, мы купим лошадь и загоним её до смерти, чтобы попасть в Вермильон в надежде получить помощь Красной Королевы в освобождении Снорри и Туттугу.

– Может, есть задний ход, – прошипел мне Хеннан.

– Если и есть, знаешь, что там будет? – Прошептал я в ответ. Не знаю, почему я шептал, но это получалось само собой. – Стражники. Вот что бывает в тюрьмах. Стража и двери.

– Пойдем, посмотрим, – сказал он. Мы уже несколько часов смотрели, как стражники входят и выходят, совершают обходы с фонарями в руках и мечами на поясах. При свете дня и с другой стороны всё будет выглядеть ничуть не лучше.

Я не отпускал его плечо.

– Послушай, Хеннан. Я хочу помочь. Правда, хочу. – На самом деле я не хотел. – Я хочу, чтобы Снорри и Туттугу выбрались оттуда. Но даже если бы у нас было пятьдесят военных, сомневаюсь, что у нас бы получилось. А у меня даже меча нет.

Я почувствовал, как парень обмяк под моей рукой. Наверное, принял, наконец, то, что я снова и снова повторял ему в темноте. Мне стало его жалко. И себя. И Снорри с Туттугу, которых допрашивали в какой-нибудь освещённой факелами комнате, но, по правде говоря, тут нечего было поделать. Снорри сам определил свою судьбу, когда решил оставить себе ключ и отправиться на эти безумные поиски. Штука вот в чём: в день, когда Свен Сломай Весло сказал Снорри, что его семьи больше нет, викинга перестало волновать, жив он или мёртв. А люди, которых не волнует, живы они или мертвы... дело в том, что они... мертвы.

– Нельзя оставаться здесь надолго, – сказал я. – Если не будем перемещаться, ведьма нас найдёт.

– Не называй её так. – Хеннан насупился.

Я прикоснулся руками к опухшему носу.

– Проклятая ведьма, вот как я её называю. – Я не сомневался, что нос она мне сломала.

– Она просто хочет отнести ключ в безопасное место, – сказал он. – Она не хуже тебя. По крайней мере, она готова была помочь Снорри, когда могла...

– Не хуже меня? Она ведьма, и хочет отдать ключ ещё худшей ведьме! – Он знал, что сможет меня купить, и наверное только поэтому ударил её по голове.

– Мой дедушка рассказывал мне истории про Скилфу. В них она не казалась такой уж плохой. Помогала многим людям. – Хеннан пожал плечами. – А ты кому хотел отдать ключ?

– Королеве Красной Марки! Надеюсь, ты не станешь оскорблять мою бабушку?

Парень метнул в меня мрачный взгляд.

– А в руках твоей бабушки ключ будет вне досягаемости ведьм?

Я открыл рот, а потом закрыл. Кара, очевидно, рассказала мальчишке о Молчаливой Сестре. Я глянул через плечо. В тених всё ещё могло скрываться что угодно – любая ведьма или мертвец могли подкрадываться к нам, пока мы тратили время, наблюдая за тюрьмой.

Но всё же тот факт, что все сухие кости города не стремились к нам этой ночью, говорил о том, что Мёртвый Король не мог очень точно отследить ключ. Быть может, он узнавал о его местоположении, только когда ключ приближался к труп. В большинстве городов поутру валялось бы столько свежих трупов в канавах, что, начни они выползать, у нас начались бы серьёзные проблемы. В Умбертиде же совершалось удивительно мало преступлений, связанных с применением насилия – полагаю, жители предпочитали более прибыльные злодеяния. Я надеялся, что если только кто-нибудь не рухнет замертво у наших ног, мы будем в безопасности. Надо только держать ухо востро, особенно в дневное время. Однако Кара нашла нас после побега довольно быстро. Она наложила заклинание на ключ, чтобы его спрятать – похоже, наложила и другое, чтобы его найти. Но её магия не могла быть настолько сильной, или она нашла бы Хеннана в долговой тюрьме... конечно если только её заклинание укрытия не скрыло ключ даже от неё самой... Моя голова закружилась от возможностей, и я понял, что представляю себе изгиб её губ, вместо того чтобы ощущать глубокое чувство несправедливости и предательства. Ни одна из тех историй, что я рассказывал себе о нас с Карой, не заканчивались вот так...

Я потёр больные глаза и откинулся назад. Меня одолела зевота. Я чувствовал усталость и спать хотел сильнее, чем когда-либо в своей жизни. На самом деле мне хотелось лишь лечь и закрыть глаза...

– Мы должны что-то сделать! – С новой решимостью Хеннан потянул меня за рукав. – Снорри бы никогда там тебя не оставил!

– Я бы там не оказался! – Ощетинился я на такое

предположение. – Я не жулик... – Я умолк, поняв, что в глазах чиновников Умбертиде именно жуликом я и являлся. И вполне вероятно, что только моя фамилия спасла меня от ужасов Башни. Или, может, документы ещё не успели дойти. С учётом Умбертидской склонности к бюрократии, и скорости, с которой всё здесь решалось, последнее было, наверное, правильным ответом.

Я с содроганием посмотрел на гранитные стены Башни Жуликов. Высоко над нами первые лучи солнца разогревали терракотовые плитки конической крыши. Снорри держался на допросах тюремщиков уже много дней, и сложно сказать, сколько именно – четыре? Пять? И ради чего? В конце концов они его сломают, и благодаря тому, что он знает, получат ключ. Его боль была настолько же бессмысленной, насколько и его поиски. Неужели он на самом деле думал, что его кто-то спасёт? Чёрт, кто это сделает? Кого хоть он знал? Уж точно никого, кто мог бы взять штурмом тюрьму и вытащить его оттуда...

– Мы могли бы взобраться... – Хеннан замолк – мне даже не пришлось отвечать ему, что забраться мы бы не смогли.

– Чёрт возьми, не может ведь этот здоровенный придурок думать, что... я? Это просто неразумно! Я даже не...

– Тссс! – Хеннан повернулся и оттолкнул меня назад.

По нашей стороне улицы мимо нас прошли два мужчины, погружённые в разговор. Мы пригнулись, спрятавшись за лестницей, а я начал сражаться с внезапным желанием чихнуть.

– ... другой. Но есть правила! Делай то, делай сё, подпиши это. Ох, Иисусе! Десять форм, два суда и пять дней только на то, чтобы приложить раскалённое железо к плоти! – На фоне светлеющей улицы Патрициев вырисовывался крепкий мужчина с широкой шеей. В нём было что-то знакомое.

– Понимаете, специалист, здесь всё делается в своё время, и всё в свой черёд. Конечно, давление на них не было... мягким. Закон требует, чтобы перед железом применялись побои, розги и цеп. На каждого должно быть заведено дело и корректные... – Голос второго мужчины стих, когда они ушли по улице. В другую сторону процокала лошадь с всадником в чёрном на спине. Вскоре начнутся банковские часы, и улицы наполнятся посыльными.

Я поднялся над ступеньками и посмотрел на Хеннана.

– Было там что-то... – Второй тоже казался знакомым, хотя я видел только его силуэт – мужчина поменьше, современный, судя по глупой шляпе. Было что-то в его походке – такой точной, такой размеренной. И голос первого... в нём слышался акцент. – Пошли!

Я подтащил Хеннана к углу и, пригнувшись, выглянул вслед паре. Они перешли дорогу, встали перед механическим солдатом у дверей Башни и теперь стояли спинами к нам. Рядом с солдатом они оба казались карликами. Он удивительно изящно взял своими клещами свиток, протянутый самым высоким из них. Современный чуть повернулся, так что я смог разглядеть его профиль. Как и у всех современных, у него было белое лицо человека, фанатично избегающего солнца, но конкретно этот оттенок рыбьего брюха был даже блее бледности норсйца зимой.

– Марко!

– Кто... – Я закрыл рукой рот Хеннана и оттащил его назад.

– Марко, – сказал я. – Банкир. Один из наименее человеческих людей из всех, кого я встречал, а я знал всяких монстров. – А ещё он был последним, кого я хотел бы видеть, поскольку задолжал его банку больше, чем Мэресу Аллусу. Но что он тут делает? Неужели это Золотой Дом наложил долг в шестьдесят четыре тысячи флоринов на мальчишку-беспризорника и отправил его голодать в долговую тюрьму? Неужели это Золотой Дом крутил шестерёнки правосудия Умбертиде, получая разрешение на раскалённое железо, чтобы развязать язык Снорри?

Я рискнул ещё раз выглянуть за угол. Солдат держал дверь Башни Жуликов для специалиста, и когда тот проходил внутрь, я мельком увидел его. Всего лишь мельком: тёмная рубаша, серые штаны, пыльные сапоги. И волосы: слишком коротко постриженные, железно-серые, и лишь одна полоска ото лба до затылка осталась нетронута возрастом – настолько чёрный гребень, что он почти отдавал синевой.

– Ай! – Хеннан вырвался из моих рук – мои пальцы впились ему в плечо. – А это ещё за что?

– Эдрис Дин, – сказал я. – Ебучий Эдрис Дин. – Я встал и вышел на свет дня.

ТРИДЦАТЬ ДВА

На мне лежит проклятье крови берсерка. Может, это примесь Красной Королевы, её склонность к насилию прорывается во мне редкими, но концентрированными выплесками. Насколько мне известно, такое случалось дважды, и я не помню ничего, кроме некоторых фрагментов: несвязанные образы крови и смерти, и мой клинок, прорубающийся через плоть других людей. А ещё крики. В основном мои. Не могу вспомнить никаких эмоций – ни гнева, ни ненависти, только образы, словно смотришь кусочки чужого кошмара.

Выйдя на улицу Патрициев с первым светом дня, который вполне мог стать моим последним, я всё ещё испытывал страх, но казалось, будто я положил его в маленькую коробочку где-то на задворках своего разума. Я слышал его вопли ужаса, требования, попытки меня урезонить... но, как и крики мальчишки за спиной, это был всего лишь шум. Возможно, от недостатка сна я заснул на ходу. Всё ощущалось не вполне реальным. Я не знал, что сделаю – только что в конце Эдрис Дин должен умереть. Подойдя к механическому солдату, я твёрдо и уверенно поднял руку перед собой, и она ни капли не дрожала.

Автомат шагнул ко мне, взглянул вниз, изучая моё лицо, сверкая медными глазами. При каждом движении гудели тысячи механизмов, сцеплялись миллионы зубцов, от самых крошечных, маленьких и больших, до огромных зубьев, способных пережевать меня.

– Да? – На этот раз нормальный механический голос – металлический скрежет, который каким-то образом казался осмысленным.

Парень уже стоял возле меня. Я видел его отражение на серебристой стали доспехов солдата – искажённый и покоробленный, но всё же Хеннан. Он пытался оттащить меня назад, пытался остановить меня, и понял, что не может. Удивительно, ведь именно этого он требовал всё это время. Такие уж мы. Дай нам всё, что мы хотим, и внезапно окажется, что этого слишком много.

Грудная пластина солдата блестела, и на ней, несмотря на

возраст, почти не виднелось царапин. Но в одном месте, низко на боку, идеальную портила картину колотая рана – тёмная угловатая дыра, пробитая в такой толще серебристой стали, которую ни один человек не смог бы унести, и ни один кузнец – выковать.

– Значит, тебя можно ранить... – Я повернулся и взял мальчика за плечо. – Ступай к двери, Хеннан. – Я повернул его и толкнул туда.

– Назовите предмет вашего запроса. – Солдат сжал пальцы, каждый длиной с моё предплечье и со множеством суставов. От этого мне на память пришёл нерождённый монстр, созданный из могил в лагере Тэпрута. Чтобы его свалить, понадобился слон, а от солдата, судя по его виду, и слон бы отскочил.

– Я просто пришёл посмотреть, что делает мальчик, – сказал я. – Похоже, он собирается пробраться внутрь.

Верхняя часть солдата повернулась в сторону двери. Механический солдат не боится показывать спину потенциальному врагу. Удар боевым топором ему между лопаток развалит хороший топор и уберёт все сомнения в том, враг ты или нет.

Одну руку я держал в кармане. Она сомкнулась на ключе. Ключе Локи. Он казался холодным, скользким, словно выскользнул бы из пальцев при первой возможности. Я вытащил его, и по моей руке пошла радостная тёмная пульсация.

Высоко надо мной, между серебристыми пластинами плеч, на свету блестела круглая впадина, окаймлённая сложной смесью зубцов. Вблизи я видел не только одно кольцо с зубцами, но и второе – чуть меньше и установленное чуть дальше, потом третье и четвёртое, и другие, формирующие коническую выемку в пару дюймов. Ключ сохранял форму того ключа Раско, тень которого на него упала: грубый и тяжёлый, зазубренная прямоугольная пластина на толстом штыре дюймов шести в длину.

Олаф Рикесон держал его раньше Снорри. Ключ Локи взяли с его замёрзшего трупа, но до своей смерти Рикесон поднял с его помощью армию. Армию, которая, как он думал, сможет дойти до врат Йотунхейма и победить гигантов, которых боялись даже боги. Олаф открывал этим ключом не только двери – он открывал сердца, открывал умы.

Вытянувшись изо всех сил вверх, я бросился вперёд и сунул ключ в скважину для подзавода солдата. Холодный как лёд обсидиан,

обжигая кожу, перетекал в моей руке, но я держал крепко, и в тот миг, как ключ встретился с замком, он стал толстым чёрным стержнем с конусом на конце, изрытым бесчисленными зарубками.

Есть правило, по которому что-то заворачивают или отворачивают. Это правило старше империй, и называется оно "по часовой стрелке" и "против часовой". В одну сторону заводишь, в другую – наоборот. Сгоряча, в холодном ужасе, я просто предположил. И всю свою силу приложил к задаче. За три удара сердца, каждый из которых, казалось, грохотал медленнее, чем самый торжественный погребальный ритм, эта чёртова штука не сдвинулась. Время вокруг меня заморозилось. С глухим лязгом солдат остановился и начал разворачиваться в мою сторону, вырывая ключ из моей ладони. Одна рука потянулась ко мне, выгнувшись на локтевом шарнире под таким углом, что развеялось всё сходство солдата с человеком. Длинные металлические пальцы потянулись, чтобы обхватить моё запястье, и каждый оканчивался острыми как бритва когтями, способными легко отделить мясо от кости.

Может, дополнительный страх придал мне сил, или Локи так пошутил, но в этот миг замок без предупреждения поддался, и ключ повернулся. Он резко дёрнулся с таким звуком, будто сломалось что-то дорогое. Затем раздался резонирующий металлический звон и многотональное жужжание тысяч раскручивающихся шестерёнок, маховиков, зубцов и спусковых механизмов. Солдат остановился, как только ключ вывернулся из моей руки, и металлическое лицо повернулось в мою сторону. Солдат обмяк, странный свет в медных глазах погас, и через какую-то долю секунды всё это огромное стальное страшилище стояло передо мной совершенно тихо и без намёков на движение.

Пальцы руки солдата почти дотянулись до моей груди, кончик когтя на самом длинном из них прорезал трёхдюймовую полосу на моей рубашке, в конце которой на ткани начало проявляться маленькое алое пятно.

– Чёрт! – Я взялся за палец и попытался его отодвинуть. Хеннан бросился на помощь и тоже принялся тянуть, нервно глядя на солдата. Хотя механизм, видимо, выключился, пошевелить его было невозможно, и с тем же успехом я мог сидеть за железной решёткой.

– Проскользни, – сказал Хеннан.

– Что? – Даже самый тощий труп в долговой тюрьме и то не смог бы проскользнуть между пальцами.

Хеннан вместо ответа поднял руки над головой и, извиваясь, опустился на корточки.

– А-а. – Недостойно, но какого чёрта? Я последовал его примеру и спустя миг уже выползал из-под руки солдата, не получив новых повреждений, если не считать оторванного с моего плеча парчового эполета.

– Ты его остановил! – Здесь, вблизи, Хеннан глазел на солдата с благоговейным ужасом, которого ему не хватало, когда мы наблюдали из-за угла, и он требовал от меня броситься на штурм башни с голыми руками против стражи.

– Если я не смогу добиться большего, то мы в беде. – Большая часть моего разума кричала мне бежать. Но над этим плавало лицо Эдриса Дина – не каким он был в Берентоппене этой весной, а каким он был, когда моя окровавленная мать сползала с его меча. Алое пятно от когтя солдата словно напоминало о ране, которую в тот день оставил мне клинок Эдриса. Оно медленно разрасталось, расцветая на месте старой раны, которая едва не забрала мою жизнь. На миг этот вид меня загипнотизировал.

– Ял! – Настойчиво проговорил Хеннан и потянул меня за рукав.

– Принц Ялан, – сказал я. – Пусти. – Я стряхнул его, вытащил ключ и обошёл солдата. На улице слева и справа было пусто. Ярдах в пятидесяти на перекрёстке шёл посыльный, погружённый в свои дела. Я потянулся, схватился за плечо солдата, встал ему на колени и поднялся вверх.

– Ял, принц, нам надо... – Хеннан указал на дверь.

– Она заперта, и с другой стороны люди с мечами, – сказал я, глядя на блестящий металлический череп солдата.

На гладком лбу, где в отвратительном отражении искажалось моё лицо, над поверхностью на волос поднимался маленький диск. Я ударил по нему основанием ключа и отодвинул, открыв маленькое круглое отверстие не шире зрачка глаза. Затем прижал конический наконечник ключа и пожелал, чтобы начал действовать обман Локи. Спустя мгновение концентрации обсидиан снова потёк – жидкая ночь в моих пальцах, холодная от возможностей, преобразовалась,

уменьшилась до размеров отверстия, и в конце концов я уже держал в руках тонкий чёрный стержень.

– Ты мой, – прошептал я, вспомнив Юсуфа, ожидавшего вместе со мной в Золотом Доме, и его чёрную улыбку, когда он рассказывал, как машина Механика кодирует стержень для каждого нового владельца, и как этот стержень, вставленный в нужное место головы механического солдата, переносит его верность на купившего его человека. Я почувствовал, как изменяется стержень, как он сцепляется, а потом медленно вынул его, все шесть дюймов обсидиана. – Мой! – сказал я громче.

– Но... – Хеннан нахмурился, когда я спрыгнул на землю рядом с ним. – Ты его сломал...

– Я спустил его завод, – сказал я. – Есть разница. И в любом случае, завода у него оставалось немного. – Я вернулся к месту завода солдата. Пока я тянулся к выемке, ключ изменился под её форму. – Давай-ка... – Я начал поворачивать ключ в противоположную сторону. – Посмотрим... – Я нажал сильнее. – Что... – Внутри туловища солдата зашелестели и зажужжали зубцы. – Мы... – Я продолжал крутить. – Можем... Сделать.

Я не учёный и не ремесленник, но, кажется, припомнил, что природа вещей не сильно отличается от жизни. Из ничего не получишь ничего, а если хочешь получить много, то нужно много вложить. Я хотел получить много из своей новой собственности, и не хотел много вкладывать. На самом деле я должен был заводить целый час, только чтобы заставить солдата сделать шаг, но у ключа были свои правила. Его создали, чтобы отпирать, убирать препятствия, позволять владельцу получать то, что он хочет. Я хотел получить полностью заведённого солдата. Его неспособность работать была для меня препятствием. Я вспомнил, что, держа орихалк, я мог, хорошенько сосредоточившись, собирать дикую пульсацию свечения в единый ослепительный луч и направлять его вперёд, пока концентрация не ослабевала, и тогда луч распадался. Сейчас я так же сосредоточился и попытался направить весь свой потенциал единым лучом через чёрный стержень в моей руке в металлическую массу солдата.

С каждым поворотом ключа шум от солдата возрастал, шестерёнки поворачивались, пружины стонали, зубцы жужжали от яростного движения, раздавались скрипы и звон, по мере того, как

всё внутри у него ещё сильнее натягивалось. Я подумал об Эдрисе Дине и ещё раз повернул ключ, хотя он мне сопротивлялся и грозил скорее содрать кожу с ладони, чем повернуться ещё хоть на градус. Солдат застонал, шевельнулся: глубоко внутри запасы энергии сжались в мощные ядра, которые смогут двигать его следующие семь веков. Огромная голова надо мной повернулась на шее из ободов серебристой стали, сцеплялись механизмы, пронзительно визжали винтовые домкраты. И глаза, смотревшие на меня, полыхали даже в дневном свете.

– Ялан Кендет, – сказал солдат резким голосом, словно зазвенели слишком сильно натянутые струны лютни.

– Принц Ялан, – поправил я. – Видишь этого ребёнка? – Я указал на Хеннана и подождал, пока голова повернётся в его сторону. – Хеннан Вейл. Мы собираемся войти в эту тюрьму, чтобы вытащить двоих заключённых. Ты пойдёшь впереди и защитишь нас от любого, кто попытается нас остановить.

Голова солдата плавным неожиданным движением снова повернулась ко мне – намного быстрее, чем его движения были до подзавода.

– Это будет нарушением многочисленных законов Умбертиде.

– Принято. Пошли. – И я махнул в сторону грозной двери, ведущей в Башню Жуликов.

Солдат резво подошёл к двери и постучал четыре раза. Я услышал грохот, кто-то забормотал, и дверь начала открываться. Солдат резко распахнул её, и стражник, державшийся за ручку двери, растянулся на улице, приземлившись ничком рядом со мной. Я пнул его по голове, как только он поднялся на четвереньки.

– Сукин сын! – Я хотел было извиниться за то, что ударил лежащего, вот только мне было больнее, чем ему. Я захромал вокруг его бесчувственного тела, бормоча себе под нос новые замысловатые ругательства, задержавшись лишь, чтобы вытащить из ножен короткий меч стражника.

Когда я дошёл до входа, механический солдат уже исчез внутри. Я схватил Хеннана за плечо и оттащил назад.

– Глупо спешить внутрь. Да и вообще это совершенно глупо, но давай не будем ухудшать всё ещё сильнее. – Я отпихнул его себе за

спину и заглянул в фойе. Солдат стоял там со стражником в одной металлической руке и писарем, выдернутым из-за стойки, в другой. Возможно, он сжал их слишком сильно, чтобы они могли закричать о помощи, или же они слишком боялись, что их сейчас сдавят в кашу, но в любом случае оба держали рот на замке.

– Отлично... эмм... у тебя есть имя? – Я посмотрел на солдата.

– Страж.

– Отлично, Страж. Лучше не убивай никого, если не будет необходимости. Этих двоих можно поместить в камеру, если будут себя хорошо вести. – *Я должен быть в ужасе. Я должен бежать уже в четырёх кварталах отсюда*, но когда я попытался дотянуться до своего страха, вместо него всплыло лицо Эдриса, каким оно было пятнадцать лет назад, и мама, в тысячный раз сползающая с его меча, с тем же самым выражением удивления на лице. – Ты, писарь. – Я указал на лысеющего мужчину с багровеющим лицом, живот которого выпирал между пальцев Стража. – В какой камере северяне, и как нам туда попасть?

Мужчина что-то прохрипел, выпучив глаза, пронизанные лопнувшими сосудами.

– Страж, поставь его, чтобы он мог ответить на мой вопрос.

Солдат раскрыл руку, и мужчина упал с грацией мешка с зерном.

Я подошёл на несколько шагов ближе. Так близко, что почувствовал: он обгадился.

– Скажи ещё раз. И говори всё правильно, иначе Страж вернётся и вырвет тебе руки.

– Десятая и тринадцатая камеры, четвёртый этаж. – Чиновник хрипло вздохнул. – Прошу вас, не... – Солдат снова схватил его.

– Тогда пошли! – Сказал я солдату. – Погоди-ка! – Тот резко остановился, замерев на полушаге. – Вернись и притащи стражника с улицы. – Даже если он сразу не проснулся, то будет привлекать внимание, если останется лежать на дороге.

Страж послушно прогрохотал наружу и вернулся с бессознательным охранником на плече. Как только он прошёл, я закрыл и запер дверь.

– На лестницу! – Я махнул механизму, и тот прошёл мимо меня

через фойе. Огромные ступни стучали по камням, пока он не дошёл до спиральных лестниц. Лестницы перекрывали большие ворота из перекрещенных железных прутьев с символом розы в каждом месте соединения. Многочисленные двери вели в комнаты или коридоры вокруг лестничного колодца, и основательный человек, или по крайней мере такой осторожный человек как я, должен был сначала проверить первый этаж, чтобы обеспечить себе свободный путь отхода и убедиться, что никто не нападёт со спины. С другой стороны, Эдрис Дин почти наверняка пошёл напрямик в камеру Снорри с ордером на пытки. Я вставил ключ Локи в замок ворот и повернул.

– На четвёртый этаж! Как и сказал этот человек!

На первом этаже тюремщик очнулся от дремоты, едва не свалившись со стула. Ему удалось коротко крикнуть, прежде чем Страж ударил его писарем. Знакомая человеческая вонь подсказала мне, что заключённых держат здесь, и, отперев дверь с лестницы, я увидел спальню тюремщика, кладовую, шкаф и коридор, ведущий в проход, расположенный параллельно периметру Башни, идущий по кругу между двумя концентрическими кольцами камер. Вдоль прохода виднелись тяжёлые двери с маленькими зарешеченными окошками. Страж сложил охранника двери, охранника нижнего этажа, тюремщика и секретаря в первую камеру, удивив столь неожиданной компанией пожилого человека в лохмотьях.

Вернувшись следом за Стражем на лестницы, я слышал крики тревоги с этажей выше. Видимо, сдавленный крик тюремщика и последующий удар тупым инструментом не прошли незамеченными.

– Вверх! Вверх! – Я хлопнул руками. – А ты держись поближе. – Я жестом подозвал Хеннана к себе, держа наготове меч. Теперь страх начал меня настигать. Страж шёл впереди. Тюремщик на втором этаже охранял своё место, держа в руке обитую медью дубину. По бокам от него стояли два охранника с обнажённой сталью. Страж приблизился к ним, широко расставив руки, пока они недоверчиво смотрели на него. Тюремщик выронил дубину, один охранник смог нерешительно нанести удар, скользящий по доспехам солдата, и все трое попали в металлические объятья.

– Запрём их. – Я пробежал вперёд, чтобы отпереть дверь в коридор, а потом первую дверь по коридору. Страж прошёл за мной и бросил своих пленников в камеру, которая на этот раз оказалась

пустой. – Быстро! – Я не знал, сколько у нас есть времени, но точно знал, что оно быстро заканчивается.

Страж собрался идти вверх по лестнице, и я следом за ним, но не успел он поставить ногу на первую ступень, как вниз по спирали с грохотом помчался тюремный охранник, вопя что-то вроде боевого клича (который звучал скорее как крик ужаса), и высоко подняв короткий меч. У него не было времени оценить, с чем он столкнулся, пока удар не отправил его в стену. Когда охранник отскочил от стены, Страж схватил его обмякшее тело обеими руками.

– Проклятье. – По алому пятну на каменной кладке было ясно, что дела охранника плохи. – Осторожнее! Не надо их ранить! – Возможно, я не самый великодушный человек, но по большей части я не склонен к убийствам. Дело в основном тут не в совести, а в безразличности, и в страхе перед последствиями. Хотя для Эдриса Дина я сделал бы исключение и называл бы это правосудием.

Страж сделал ещё три шага с охранником в руках, перепрыгивая по пять ступеней за раз и забрызгивая их кровью. Голова охранника без предупреждения поднялась, и в алом месиве на месте левой стороны его головы блеснул расколотый череп. Он встретился со мной взглядом, и от голода в его глазах мои ноги ослабли, не в силах подниматься по лестнице. Хеннан врезался мне в спину.

– Он мёртв! – Запищал я от страха. Охранник начал вырываться из рук Стража. – Быстро! Покончи с ним! – Голос вернулся ко мне.

Страж выполнил инструкцию с жуткой эффективностью, вколотив стальной ладонью голову трупа в стену, и давил, пока не осталось ничего, кроме пятна кровавой каши и осколков костей, сползающих по стене. Меня стошнило едкой жёлтой слизью на лестницу.

– Держи тело и двигай дальше. – Я вытер рот ладонью и искал, чем бы вытереть ладонь. Потом прошёл мимо своей лужи и месива на стене, зажав больной нос, который отчего-то чертовски пульсировал, и попытался прикрыть глаза, чтобы не видеть всё ещё дёргающийся труп в руке Стража.

– По крайней мере, когда есть помощь, с ними легче разобраться. – Хеннан шёл сразу за мной, и, судя по голосу, боялся чуть меньше меня.

– Один мертвец не проблема, – сказал я, по-прежнему гнуся. –

Теперь они знают, где я. – Если через эти глаза на нас смотрел Мёртвый Король, то он, наверное, уже отправляет в нашу сторону всех мертвецов города. Я раздумывал, что будет ждать нас снаружи, когда мы спустимся по этим лестницам. До этих самых пор худшее, что показывало мне воображение – это шеренги городской стражи.

Мы вышли через арку из лестничной шахты на третий этаж, стараясь держаться поближе к Стражу. Этаж был идентичен второму, только без тюремщика и охранников. Я видел короткий коридор в проход, который шёл вокруг всей Башни – казалось, чего-то не хватало, но я не понимал, чего именно.

– Надо проверить, нет ли охранников, – сказал я. – Нельзя, чтобы они сбежали и подняли тревогу. – Или крались за нами.

Страж сделал три шага по коридору. Ещё один тяжёлый шаг, и что-то огромное показалось сбоку, где его скрывала колонна лестницы. Оно выскочило, размахивая большой железной дверью, и сразу стало ясно, что на этом этаже показалось мне неправильным: коридор к камерам должна была скрывать запертая дверь.

Удар сбил Стража с ног и отшвырнул к стене, в щепки расколов стол тюремщика. Секунду мы с Хеннаном в ужасе стояли, глядя на светящиеся медные глаза механического солдата, который был шире и выше Стража. Тварь держала в своих клешнях над головой помятую железную дверь, готовясь расплющить нас, как мух. И, в отличие от мух, ни один из нас не мог двигаться настолько быстро, когда солдат замахнулся дверью в нашу сторону. Зажужжали зубцы, огромные латунные и медные мышцы напряглись, и железная дверь понеслась к нам, чтобы превратить нас в лепёшки.

Страж прыгнул наперерез – словно брошенный силой одной огромной скрученной пружины, он проскочил под дверью, едва не снеся мне голову, и врезался в грудь новоприбывшего. Оба покатались по каменному полу и остановились только от удара об противоположную стену. Потом поднялись, сцепившись в битве, держа руки друг друга и стараясь сломать друг другу какую-нибудь жизненно важную часть.

– Надо помочь Стражу. – Решительно сказал Хеннан, но сам даже не пошевелился.

– Надо добраться до Снорри и Туттугу, пока ещё можем, – сказал я, хотя вместо этих слов едва не вырвалось: "надо убегать, пока ещё

можем". Я схватил парня и толкнул его на лестницу. Позади нас два металлических бойца молотили друг друга, не заботясь ни о ком вокруг. Яростный пинок Стража выбил из угла коридора кусок камня размером почти с мою голову, который рикошетом отскочил от стены. Сложно сказать, кто побеждал, но, хотя солдат башни был крупнее, Стража впервые за несколько столетий полностью завели, и перевес в силе скоро дал о себе знать. Металл скрежетал по металлу, суставы трещали, арматура стонала от давления и всё громче жужжали механизмы.

– Ял! – дёрнул меня Хеннан.

От доспехов солдата башни отлетела заклёпка и попала в арку над моей головой, раздробив небольшой участок каменной кладки. Поняв намёк, я бросился назад и помчался мимо мальчишки вверх по лестнице.

На четвёртом этаже пахло иначе – здесь стояла вонь крови и рвоты. Такое даже со сломанным носом сложно не заметить. Внизу на посту тюремщика висели дубинка и фонарь, здесь же вдобавок к обычным орудиям на разных колышках висели наручники, верёвки и кляпы. На этом этаже людские жизни не просто иссякали в маленьких каменных коробках. Здесь людям причиняли боль. Каждая частичка моего тела хотела сбежать: казалось, я добровольно отдаю себя в руки Джона Резчика. По лестничной шахте эхом разнёсся резкий металлический звук – видимо, какая-то жизненно важная часть одного из солдат сломалась под нарастающим давлением.

– Надо проверить камеры, – сказал Хеннан, шагнув вперёд. – Найти Снорри и Тутта. – Он никогда не видел тех ужасов, что видел я. Его не привязывали к столу, его не навещал Мэрес Аллус. А ещё он не был трусом. Короткий меч дрожал в моей руке, казался слишком тяжёлым и неуклюжим. Каждая частичка моего тела хотела сбежать, но каким-то образом все они вместе шагнули вперёд на нетвёрдых ногах, толкнув Хеннана перед собой. Тоненький голосок пробился в моей голове через рёв паники – без Снорри мне из города далеко не уехать, а возможно даже будет не выбраться из тени Башни. Когда я решил, что это более дальновидная версия побега в холмы, мои ноги стали лучше справляться со своей задачей.

Я дошёл до поста тюремщика и снял фонарь с крюка. Тюремщики убегали в спешке, возможно собрались на верхнем этаже и заняли там оборону. Если так, то я надеялся, что там они и

останутся. Если осмелеют и спустятся толпой, то мне конец. Я быстро проверил, не видно ли где тюремщиков или охранников, а потом отпер дверь в коридор с камерами. Здесь воняло сильнее, стоял резкий запах чего-то нового и неприятного... запах горелого.

Хеннан хотел броситься вперёд, но я его задержал.

– Нет.

И двинулся, выставив перед собой короткий меч, держа в другой руке фонарь, из-за которого тень от клинка заплясала по стенам.

– Пятнадцать, четырнадцать, тринадцать. – Хеннан читал номера над дверями. Я не знал, может ли он читать, но по крайней мере дед научил его рунам римских цифр.

– Следи за коридором, – сказал я ему. Я не знал, чего ждать за дверью, но возможно там было то, чего ему лучше не видеть.

– Там темно! – Хеннан махнул рукой во мрак.

– Так следи, не мелькнёт ли свет! – Я отвернулся от него, поднял фонарь и сунул ключ в замок. Как обычно, он подошёл идеально, словно сам хотел повернуться. Отперев дверь, я сунул ключ в карман и вытащил украденный короткий меч. С другой стороны мог ждать Эдрис. Дверь скрипнула, когда я её толкнул, и в нос немедленно ударила вонь – запах нечистот, с привкусом рвоты и разложения, смешанный с дымом и жутким ароматом жжёного мяса.

Мёртвым Туттугу казался меньше, чем был при жизни. Вес, который он, несмотря на скудные рационы, пронёс через замороженную тундру и широкие океаны, в Башне сошёл с него меньше чем за неделю. Ему срезали бороду, оставив только клочки посреди ободранной плоти. Он лежал на столе, на котором его пытали, всё ещё привязанный за руки и за ноги. И отметины от раскалённого железа виднелись на его руках, на животе и на бёдрах. Жаровня ещё дымилась, три железных прута с завёрнутыми в ткань рукоятками торчали из маленькой корзины с углями. Они были готовы, ждали только разрешения и немедленно приступили к работе.

Я стоял, глупо оглядываясь, не зная, что делать. В остальном комната была почти пустой: разбитый кувшин для воды на полу, ведро в углу. И очень странно в этом окружении выглядело зеркало в деревянной рамке, висевшее на цепи над столом – тусклое и дешёвое, но совершенно неуместное.

Вокруг головы Туттугу собралась лужица крови из перерезанного горла. Она впиталась в рыжие завитки его волос и капала в щели между досками на плиты пола. Когда мы вошли в Башню, он был ещё жив...

– Хеннан! – Я развернулся.

Эдрис уже схватил парня, прижав меч к его шее, другой рукой держа его за волосы. Они стояли напротив двери у стены коридора.

– Ты спрятался в другой камере... – Я должен был бояться за себя, сердиться на Туттугу или беспокоиться за ребёнка, но отчего-то ни одна из этих эмоций не приходила, словно часть меня, отвечавшая за подобное, устала и отправилась домой спать.

– Так и есть. – Кивнул Эдрис.

Раньше я не видел мёртвого друга. Мёртвых людей я видел немало, и некоторые из них мне нравились. Арне Востроглазый и близнецы мне нравились. Но Туттугу, простолюдин и иностранец, стал другом. И теперь, когда он умер, я готов был признать это.

– Отпусти парня. – Я поднял меч. Эдрис держал у шеи Хеннана покрытый рунами и запятнанный некромантией клинок, который был значительно длиннее, чем у моего меча, но сложно сказать, какое преимущество это дало бы в узком коридоре. – Отпусти его.

– Отпущу, – кивнул Эдрис с кривой усмешкой на тонких губах, – наверняка. Только сначала отдай мне ключ, о котором все говорят, ага?

Я смотрел на его лицо, по которому метались тени. В полумраке были видны его серые шрамы, которые с годами не исчезли, а только огрубели. Я поставил фонарь, держась вне досягаемости Эдриса, и нашарил в кармане ключ. Как только мои пальцы его коснулись, вокруг лица Эдриса запульсировало более молодое лицо – то, которое у него было, когда он убил мою мать, мою сестру внутри неё и вонзил тот же клинок мне в грудь. Всего лишь на один удар сердца. Только его глаза оставались неизменными.

Я вытащил ключ – кусок черноты в форме ключа, прорезь в ночь на ткани мира. Норсийцы называли его ключом Локи, а христиане – ключом Дьявола, и оба названия сулили только хитрости, обманы и проклятие. Ключ Лжеца.

Эдрис расплылся в улыбке, демонстрируя зубы.

– Отдай мальчишке. Как только мы пройдем мимо того, что производит там внизу этот грохот, я заберу ключ и отпущу парня.

У некоторых жажда мести может быть такой сильной, что будет заводить их из одной опасности в другую – она может захватить их, как нестерпимый свет, горящий ярче всех, от которого человек слеп к опасности, глух к осторожности. Кто-то называет таких людей храбрыми. Я называю их шутами. Я и самого себя считал принцем шутов за то, что гнев вообще завёл меня в Башню, вопреки всем доводам разума. А теперь, несмотря на то, что позади меня лежал мёртвый Туттугу, а передо мной стоял его убийца, весь гнев во мне погас, словно пламя. Острый клинок у горла Хеннана отразил свет и привлёк моё внимание. Тени очерчивали туго натянутые под кожей сухожилия, вены, выпуклость шеи. Я знал, какой урон может нанести одно быстрое движение стали. Эдрис вскрыл горло моей матери одним экономным взмахом, как мясник, режущий свинью. И с тем же безразличием. Тем же самым лезвием.

– Ну что, принц Ялан? – Эдрис поднёс клинок ближе, держа руку на затылке мальчишки, чтобы сильнее прижать его к лезвию.

Мне хотелось лишь оказаться где-нибудь в другом месте, за много миль отсюда, на спине отличной лошади, мчащей меня домой.

– Вот. – Я подошёл к ним, протянув ключ. – Бери.

Хеннан посмотрел на меня яростными глазами, с тем же безумным выражением, какое бывало у Снорри в самые худшие времена.

– Возьми! – Прорычал я приказ и вышел в дверной проём. Но всё равно, даже видя, как Эдрис всё сильнее сжимает волосы парня, я не думал, что Хеннан возьмёт ключ. А потом он взял.

Хеннан выхватил ключ, и я обмяк, чувство облегчения затопило меня. Я видел, как изменялся взгляд мальчишки, как расширялись его глаза – это ключ вливал в него свои яды, открывая двери его разума, наполняя видениями и обманами, припасёнными для Хеннана Вейла.

– Нет! – И Хеннан резким движением бросил ключ мимо меня в камеру Туттугу.

Оказалось, что я бросился на Эдриса, и кончик моего меча был направлен туда, где только что сияла его улыбка. Он оказался быстр – чертовски быстр – умудрившись поднять меч и отразить мой удар.

Возможно, я задел мочку его уха. Хеннан вывернулся, оставив немало волос в руке Эдриса, но поскользнулся, ударился головой об стену и рухнул неподвижной кучкой где-то в темноте коридора.

– Ой. – Я попятился в дверной проём. Вокруг меня отовсюду доносились звуки – заключённые поднимались от лязга стали, рядом раздавался приглушённый рёв. – Изви...

Эдрис решил оборвать мечом мои извинения, так что я сберёг дыхание на защиту. Одно дело махать мечами на тренировочной площадке, но когда злобный ублюдок пытается порезать тебя на кусочки, большинство навыков улетает в трубу. Разум человека (во всяком случае мой разум) почти ничего не помнит, когда пропитан диким ужасом, оттого что кто-то из всех своих сил пытается тебя убить. Остаётся только память мышц, которые – если их тренировали из года в год, пусть даже и без особого энтузиазма с твоей стороны, – постараются как можно лучше применить всё, чему их научили, чтобы сохранить тебе жизнь.

Звук меча, бьющего по мечу в замкнутом помещении, разносится оглушительно, ужасающе. Я отбивал удар за ударом, медленно пятясь и вопя, когда клинок пролетал слишком близко.

– Возьми этот чёртов ключ. – Тяжело прохрипел я.

Дополнительные пятнадцать лет не легли на Эдриса тяжким грузом. Он демонстрировал ту же скорость и мастерство, что позволили ему одержать верх над охранником матери, Роббином, в Звёздной комнате. Так что мне оставалось лишь отбиваться. Длина его клинка означала, что у меня нет шансов добраться до него, даже если бы у меня появилась хоть секунда на какую-либо атаку.

– Мне эта проклятая штука не нужна! – Я попятился в дверь камеры, и Эдрис шагнул в неё за мной следом, а фонарь в коридоре очертил его силуэт. Посреди ужаса, бурлившего в моём разуме, носились сумасбродные мысли, вроде безумного желания броситься на него и вспороть ему брюхо – как раз от таких идей людей и убивают.

Конечно, можно постоянно подавлять в себе самые неблагоприятные инстинкты, которые заставляют человека опрометчиво подвергать себя опасности, но тут есть одна проблема. Даже у самых разумных и уравновешенных из нас есть лишь ограниченное пространство для хранения таких нежеланных эмоций.

Ты от них отмахиваешься, засовываешь на задворки разума, но он словно переполненный шкаф: рано или поздно наступает момент, когда пытаешься впихнуть в него ещё одну вещь, внезапно что-то щёлкает, задвижка ломается, дверь распаивается и всё содержимое высыпается на тебя.

– Просто оставь меня в покое! – Но пока я говорил это, спустился красный покров, который я пытался удержать. Текучая пламенная радость охватила меня, и пока еле заметный голосок внутри меня вопил: "Нееет!", я бросился на человека, убившего мою мать.

Между нами была входная дверь, и в ней длинный меч Эдриса стал помехой. Я отбил следующий удар, прижал его клинок своим к двери, и врезал предплечьем ему по лицу, почувствовав, что его нос сломался. Крутанувшись перед Эдрисом и не отпуская его меч до последнего момента, я развернулся к нему спиной и локтем руки с мечом изо всех сил ударил его по голове. Не поворачиваясь, я взял клинок обеими руками, развернул его и ударил под своей подмышкой ему в грудь, почувствовав, как тот скрежещет между его рёбер.

Эдрис зарывал от боли, а я оторвался от него и, оступившись, ввалился в камеру. Мой меч застрял в кости и вырвался из руки. А его клинок с грохотом упал на плиты пола за моей спиной. Едва не растянувшись на останках Туттугу на столе, я повернулся, подпрыгивая на ноге, едва не потеряв равновесие. Эдрис Дин стоял в дверях, прислонившись к косяку, чтобы не упасть, и держался обеими руками за короткий меч, который я глубоко вогнал ему в грудь. Алая кровь бежала по стали.

– Умри, ублюдок. – Прошептал я. Боевое безумие покинуло меня так же быстро, как и пришло. Я закашлялся и заговорил, подпустив в голос немного королевской властности. – Ты убил принцессу Марки! Ты заслуживаешь худшей участи, чем Туттугу. – Казалось, если он просто умрёт и ускользнёт, то это будет слишком легко для него. – Скажи спасибо, что я цивилизованный человек. – Жестокие слова не много значат после того, как проткнул человека мечом, но это была единственная соль, которой я мог посыпать его рану.

Эдрис смотрел, как его кровь капала на пол, потрясённый тем, как от него отвернулась удача. Он поднял руки, разбрызгивая капли, и посмотрел на меня. Тёмно-красная кровь хлынула из его рта. Тот факт, что затем он улыбнулся, показав окровавленные зубы,

несколько поостудило мой пыл, но я продолжал, стараясь не давать неуверенности проникнуть в мой голос. Я достаточно знал о ранах, и понимал, что та, которую нанёс ему, смертельная.

– Некромантша, которая отдаёт тебе приказы... она не обрадуется. Вряд ли твой труп ждёт достойное погребение. – Я попытался улыбнуться в ответ.

– Это. – Эдрис сделал хриплый вдох. – Была ошибка.

– Чертовски верно! И первую ошибку, которую ты совершил, было то, что ты пошёл против м... – Меня прервала жуткая мысль. Я понял, что Эдрис запер меня без оружия в камере... – Ты надеешься, что, когда умрёшь, некромантша снова тебя поднимет, чтобы закончить работу!

– Неужели все королевичи такие тупые? Или эта сука, твоя мать, спала со своим братом, чтобы тебя заделать? – Эдрис выпрямился, оторвался от косяка, стиснув зубы от боли, и взялся за рукоять моего меча, торчавшую из его тела. – Нет в холмах никакой некромантши, придурок. – Он вытащил меч, и из раны полилась чёрная кровь. – Я некромант! От его смеха или от кашля между нами полетели тёмные брызги. Несколько капель попали на мои поднятые руки, обжигая, словно расплавленный металл, вылитый из тигля.

Я мог рассчитывать только на быстроту и проворство. Эдрис снова набирал силы, но из-за раны всё ещё двигался несколько скованно и неуклюже. Я отступил на шаг, ещё, и приготовился прыгнуть, когда он освободит дверной проход. Что-то схватило меня сзади за жакет. Я дёрнулся, но оказалось, меня что-то крепко держит. Эдрис вошёл в камеру с моим коротким мечом в руке, с которого капала чёрная кровь.

– Чем ближе мы к смерти, тем сложнее нас убить. – Он снова улыбнулся. Его лицо почти скрывала тень, и только глаза блестели жаждой убийства.

– Нет, подожди, давай просто...

Он не стал ждать, но шёл не спеша. Меч в его руке не дрожал, кончик указывал мне в лицо. В отчаянии я оглянулся, чтобы посмотреть, на что наткнулся. Со стола на меня злобно таращился Туттугу, знакомый голод мертвеца полыхал в его глазах. Рука, привязанная к ближайшему ко мне углу стола, извернулась в полосу металла на запястье, и пальцы сцепились на ткани моего жакета.

Я потянул сильнее, но за одежду я щедро заплатил, и ткань не порвалась. Снова посмотрев на дверь, я увидел, что Эдрис уже прямо передо мной и замахнулся, чтобы ударить моим же коротким мечом меня по голове.

– Нет! – Бездёжно взмолился я о пощаде, падая на колени и склонив голову. Возможно, не лучший способ умереть для принца Красной Марки, но вся публика здесь была мёртвой или полумёртвой. – Прошу...

В ответ я услышал лишь влажный глухой звук стали, режущей плоть, и кровь полилась мне на плечи. Она принесла сильную обжигающую боль, жжение окутало шею и спину. Кровь лилась повсюду, и меня немедленно поглотило чувство слабости – откуда-то поднялась глубокая усталость и потащила меня вниз. Я остался, где упал, ожидая, что свет померкнет, или поманит, или что он там должен делать в последние мгновения жизни.

– Сука. – Задыхаясь, сказал Эдрис.

"Сука" меня озадачила, но я понял, что надо повременить с вопросами и отойти... Ноги передо мной пошевелились, но за ними я увидел другую пару... более стройные... под грязной юбкой. Тогда я посмотрел вверх. Эдрис двигался в сторону двери, его шея согнулась под неестественным углом, и из пореза, который, видимо, достиг его хребта, текла кровь. С ним двигалась Кара с внушительным синяком под глазом. Она держала свой украденный короткий меч, такой же чёрный от крови, как и клинок некроманта.

Кровь, которая меня залила, принадлежала Эдрису и обжигала меня некромантией. Я остался на коленях, кровь капала с волос и с рук, и Туттугу по-прежнему не отпускал меня.

Несмотря на второй смертельный удар, Эдрис быстро шагнул к Каре, махая перед собой мечом.

– Лучше беги, Эдрис Дин, или я закончу дело. Скилфа постоянно говорила мне, как бы ей хотелось пить из твоего черепа за Синюю Госпожу. – Кара ударила по его клинку, лязгнули два меча.

Эдрис что-то ответил, но слова, которые он пробулькал, сложно было разобрать.

Кара рассмеялась. Холодный звук.

– Дин, ты думаешь, меня пугают мёртвые твари? – И с этими словами фонарь потускнел, все тени сгустились и вытянулись, во всех углах зазмеилась тьма, словно там от дрёмы пробуждались самые чёрные монстры. Эдрис притворно бросился вправо, махнул в её сторону коротким мечом, а потом, шатаясь, неуклюже заковылял в сторону двери. Кара хотела броситься за ним, и уже собиралась ударить его мечом в спину, но резко остановилась, уставившись на что-то на противоположной стене. Ещё одно зеркало, идентичное первому. Не представляю, как я его пропустил. Казалось, отражение её заволокло. Глянув на Эдриса, я увидел, как он замедляется и начинает поворачиваться. Над дверью висело третье зеркало. Я заметил что-то синее в тёмном отражении – вихрь платья?

– Ялан. – Кара говорила сквозь стиснутые зубы, ничего не добавив к моему имени.

– Что? – Глянув налево, я заметил ещё несколько зеркал, которых не видел раньше, два из них висели на уровне головы. Эдрис полностью повернулся. Он смотрел бы Каре в глаза, если бы она не уставилась на то зеркало, которое первым привлекло её внимание. Эдрис ухмыльнулся, чёрная кровь полилась у него изо рта. Он начал вытаскивать нож с пояса – страшную полосу туркменского железа девяти дюймов, тонкую и зазубренную.

– Разбей. Зеркало. – Кара выдавливала из себя слова, словно вела борьбу, с которой едва справлялась.

– Какое зеркало? – Их тут висела, наверное, дюжина, и в этом не было никакого смысла. Я не мог их не заметить. – И чем? – Я снова заметил голубое платье, мимолётные отражения, тут, потом там, здесь и там, и глаза – блеск пристально наблюдающих глаз в тёмной бесконечности за стеклом.

– Живо! – Всё, что ей удалось выдавить.

Эдрис вытащил клинок, его рука действовала неловко из-за большой дыры, которую я пробил в грудной мышце.

Я дёрнулся – мёртвая рука Туттугу по-прежнему меня держала – схватил с пола осколок кувшина и развернулся, чтобы бросить в то зеркало, которое увидел первым. Там теперь висело по меньшей мере шесть зеркал, сцепленных между собой. В них не отражалось ничего из камеры, а вместо этого виднелось другое тёмное место, где горели свечи, словно каждое зеркало было маленьким окошком в комнату за

ним. Те едва заметные глаза отыскиали меня, сосредоточились на мне, вытягивая силу из моей руки, затуманивая разум синевой, которая была глубже, чем у моря, ярче, чем у неба. Я всё равно бросил, наугад. Звук разбитого стекла оказался таким громким, что сбил бы меня с ног, если б я уже не стоял на коленях. Я поднял руки, ожидая, что меня сейчас затопит потоком осколков. Но ничего не упало.

Я огляделся и увидел посреди камеры по-прежнему оцепеневшую Кару.

Эдрис хромал наружу через дверь.

– Там Хеннан! – Крикнул я, адресуя это Каре, но только проговорив, понял, что напомнил об этом и некроманту. Кара без промедления бросилась за ним – порядочно с её стороны, поскольку последнее, что ей сделал мальчишка, это ударил её носком с флоринами по затылку.

Она выбежала, а я остался на коленях в озере страданий с голым животом – жакет задрался до подмышек, поскольку его по прежнему держала мёртвая тварь, привязанная к столу. Я дико оглянулся в поисках чёрных очертаний ключа Локи, затерянного среди грязи на полу, погружённом в густую тень. Благодаря удаче, острому зрению или какому-то фокусу самого ключа, я заметил его, соблазнительно близко, но вне досягаемости. Я напрягся, вытянул руку, пока не стало казаться, что суставы вот-вот лопнут, и шевелил пальцами, словно это сократило бы шесть дюймов расстояния.

– Отпусти, чёрт возьми!

Может, это совпадение, но в тот миг, как я произнёс своё требование, что-то уступило, и я свалился вперёд, едва не разбив сломанный нос об плиты пола. Я поднялся с ключом в руке и спрятал его за пояс, как раз когда вернулась Кара, которая держала перед собой фонарь и вела рядом шатающегося Хеннана.

– Эдрис? – Спросил я.

– Сбежал, – сказала она. – Двумя этажами ниже сражается пара механических солдат. Он с виду не очень-то быстр, и вряд ли проскочит мимо них. – Она пожала плечами.

– Разве тебе не стоит гнаться за ним? Разве твоя бабушка не хочет выпить вина из его черепа?

Мрачная улыбка.

– Я это выдумала.

Она усадила Хеннана у стены.

– Оставайся здесь. – И пошла к столу. Когда она дошла, мне удалось встать. Она вытянула руку над лицом Туттугу, и тот попытался её укусить.

– Не надо...

Она резко повернула голову.

– Что не надо?

– Я... – Я не был уверен. Я знал лишь, что он был моим другом, а я его не спас. – Ты присягнувшая тьме! – Лучшее обвинение из тех, что пришли мне в голову.

– Все мы чему-то присягаем. – Она осторожно вытянула руку и приставила палец ко лбу Туттугу. Его труп обмяк, а когда она убрала палец, на лбу осталась маленькая железная табличка с руной. – Теперь им не смогут воспользоваться. – Она выпрямилась, её глаза блестели. – Туттугу был хорошим человеком. Он заслуживал лучшего.

– А он попадёт в Вальхаллу? – Спросил Хеннан, который всё ещё сидел, съёжившись, на полу. Судя по виду, его голова ещё не прочистилась от столкновения со стеной.

– Попадёт, – сказала Кара. – Он умер в бою с врагами и не отдал им то, что они хотели.

Я посмотрел на месиво, в которое его превратили. Глаза необъяснимо защипало. Наверное, его били каждый день. Подошвы его ног были ободраны, пальцы переломаны.

– Почему? – В этом не было смысла. – Почему он просто не сказал им, где ключ? – Банку не интересно убивать норсийцев. Если бы Туттугу сразу же отдал ключ, то их бы, наверное, изгнали, и они бы шли по северной дороге ещё до того, как Эдрис Дин узнал, что их схватили.

– Из-за Снорри, – сказала Кара. – Если бы он сдал ключ, то он бы сдал и детей Снорри. Или по крайней мере он знал, что Снорри видел бы всё именно в таком свете.

– Да Бога-то ради! Не мог он *настолько* бояться Снорри.

– Он не боялся. – Кара покачала головой. – Он был верен. Он не мог поступить так со своим другом.

Я прижал ладони к глазам и попытался прочистить мысли. Убрав руки, я снова понял, что слышу приглушённый рёв из коридора. Он и не прекращался – я просто не обращал на него внимания.

– Снорри!

Остальные последовали за мной, когда я побежал к камере номер десять и отпер дверь. Снорри приковали к тяжёлым железным кольцам в стене, а рот заткнули кожаным кляпом. На нём не было видно следов пыток, но рана, которую он получил на севере – порез от клинка убийцы – стала полосой сырой плоти в дюйм шириной и в полтора фута длиной, покрытой соляной коростой, которая росла похожими на иголки кристаллами, и некоторые были длиной с ноготь.

Снорри тянул оковы, запястья кровоточили в тех местах, где в них врезались кандалы. Кара прошла по камере, взяв с пояса маленький нож, и потянулась к кляпу северянина.

– Стой! – Я подбежал и перехватил её руку. – Дай я.

Она яростно посмотрела мне в глаза.

– Думаешь, я собираюсь перерезать ему горло?

– Ты хотела его здесь оставить! – Крикнул я, вырвав нож из её руки.

– Как и ты! – Рявкнула она в ответ.

– Я не хотел... я просто... В любом случае, ты хотела увести ключ той ведьме на севере!

– Как и ты. Только другой ведьме и не так далеко на север.

На это у меня ответа не было, так что я просто начал резать полоску, державшую кляп Снорри. Прочная кожа легко поддавалась острому лезвию. Так должен был сдаться и Туттугу. Надо было придурку спасти себя. Я вытащил кляп, и Снорри, задышавшись, обмяк.

Кара вышла вперёд и протянула руки, чтобы поддержать его голову. Я посмотрел на неё и понял, что в этом не было никакого смысла.

– Если Скилфе нужен ключ, то почему она просто не забрала его,

когда Снорри стоял прямо перед ней! Это... тебе он нужен? – Это всё жадность Кары, или Скилфа, чтобы избежать проклятья, использовала вёльву, заставив её украсть ключ? В конце концов разницы никакой не было.

– Сними кандалы. – Она кивнула головой.

– Не могу, они на заклёпках. Тут нужен кузнец. – Я не отрывал от неё глаз, выискивая следы предательства.

Она отвернулась от Снорри, выражение заботы на её лице сменилось чем-то более суровым.

– Ты всё ещё не понял, что у тебя в руках. Используй ключ! И голову.

Я сдержал грубый ответ и решил не напоминать ей, кто тут принц. Чтобы добраться до запястья Снорри, мне пришлось встать на цыпочки. Мало чего ожидая, я взял ключ, который всё ещё сохранял форму ключа от двери камеры, и приложил его конец к первой из двух железных заклёпок. Та не поддавалась. Я надавил сильнее, и протестующе заскрежетав, она выскользнула и упала на пол. Я повторил операцию и раскрыл наручник. Снорри повис на одной руке.

– Где Тутт? – Ему удалось поднять голову, но вся сила, с которой он сражался с цепями, теперь иссякла.

Я позволил ответить Каре, пока сам снимал наручник с другого запястья.

– В Вальхалле. – Она отвернулась и встала рядом с Хеннаном, положив руку ему на плечо. Мальчик вздрогнул, но руку не стряхнул.

Освободившись от оков, Снорри рухнул на колени и упал вперёд, уткнув голову в руки на полу. Я убрал оковы на лодыжках и протянул руку, чтобы похлопать его по спине, но тут же отдёргнул, не успев коснуться. Что-то в нём заставило меня думать, что безопаснее совать руку в ящик с дикими кошками.

– Ты можешь идти? – Спросил я. – Надо отсюда выбираться.

– Нет! – Снорри с рёвом вскочил. – Мы не уйдём, пока все они не сдохнут! Все до единого!

Кара подошла к нему, пока он поднимался на ноги.

– И когда это кончится? Который будет последним? Тюремщик с нижнего этажа? Человек, который доставляет еду в Башню? Банкир, подписавший ордер на арест? Его ассистент?

Снорри, рыча, оттолкнул её.

– Все. – Он вытащил короткий меч с моего пояса, так быстро, что и не остановишь.

Я протянул ключ.

– Туттугу умер, чтобы ты мог воспользоваться этим. Он выдержал раскалённое железо, потому что они посчитали его слабым, решили, что его можно сбить с пути. – Я сунул ключ в ладонь Снорри, впрочем, тут же взял его обратно – в конце концов, это всё, что у меня осталось. – Если не уйдёшь, то придут механические солдаты, ты умрёшь здесь, и тогда боль Туттугу ничего не будет значить.

– Боль никогда ничего не значит. – Прорычал он, опустив голову. Лицо окаймляли грязные пряди чёрных волос, за которыми мелькали горящие голубые глаза. Он собрался уходить.

– Туттугу помнил о твоих детях, – сказал я. – Возможно, тебе тоже стоит помнить.

Его рука сжала моё горло – так быстро, что я не видел, как она приближалась. Я знал лишь, что каким-то образом оказался прижат к стене, и дышать стало невозможно.

– Никогда... – Кончик его меча, направленный мне между глаз, висел в паре дюймов от моего лица, – ... не говори о них. – Я подумал, что он, наверное, тут же меня и убьёт, и, на удивление, у меня не было времени испугаться. Но мои слова, похоже, до него дошли – возможно оттого, что я не мог ничего добавить. Спустя секунду он меня отпустил, его плечи поникли. Оказалось, что мои ноги оторвались от земли, и теперь я упал, ударившись спиной.

– Может, хватит? – Кара посмотрела на нас, нахмурилась и вышла из камеры. Хеннан пошёл за ней, потом Снорри, а потом и я.

Мы дошли до камеры Туттугу. Длинный меч Эдриса лежал на полу неподалёку от входа. Я неуверенно поднял его, почти ожидая, что он меня укусит. Раньше эта штука меня уже кусала.

– Погребальный костёр. – Снорри указал на труп Туттугу. – Мы

сложим погребальный костёр. Такой большой, что дым поднимется до самого Асгарда.

– Чёрт, где...

– Двери. – Оборвал меня Снорри. – Откроем камеры. Собьём ключом петли. Принесём двери сюда.

Так мы и сделали. Открывали дверь за дверью и снимали. От удара ключа петли отлетали. Кара приказывала каждому заключённому найти ключи на любом мёртвом тюремщике и освободить других заключённых на верхних этажах. Все соглашались, но, с другой стороны, все они были мошенниками, так что понятия не имею, поставил ли кто-нибудь из них на первое место других заключённых, а свой побег на второе.

Спустя десять минут Туттугу лежал на своём столе, окружённый морем дверей. Снорри взял лохмотья и солому, полил ламповым маслом и разжёг огонь. Когда пламя занялось и дым за клубился над нами, опускаясь под потолком тёмным одеялом, Снорри заговорил:

– Мы, ундорет, в бою рожденные. Поднимем молот и топор, от нашего клича боги да дрогнут! – Он вдохнул и продолжил на старом языке севера, а Кара присоединилась к нему в молитве. Свет огня мерцал на них. Снорри прикоснулся пальцами к вытатуированным чёрным и синим рунам на толстых мышцах руки, которые всё ещё были видны под слоем грязи. Казалось, он по буквам произносил прощальное слово Туттугу, а может и всем ундорет, поскольку здесь стоял последний из их клана.

Наконец, когда дым опустился так низко, что касался головы Снорри, а пламя обжигало нам щёки, он закончил.

– Прощай, Туттугу. – И Снорри отвернулся.

Я ещё немного постоял, глядя на Туттугу через колыхающуюся дымку пламени. Его одежда уже загорелась, кожа морщилась от жара.

– Прощай Туттугу. – Дым уже душил меня так, что я не смог выговорить слова, и глаза от него начали слезиться. Я отвернулся и поспешил за остальными.

Страж ожидал нас. Он победил, но получил слишком много повреждений, чтобы сопровождать нас по городу, не привлекая чрезмерного внимания. Но я решил не отпускать его, пока не будем

готовы уйти.

***

На нижнем этаже заключённые уже основательно помародёрствовали, но одну тяжёлую дверь им открыть не удалось. Я подбежал, чтобы отпереть её. Нам нужны были любые активы, которые мы могли собрать.

– Пошли! – Снорри направлялся к главному выходу.

Кара схватила меня за плечо, а потом остановилась и уставилась за дверь.

– Какого...

Комната за дверью от пола до потолка была заполнена глубокими разделёнными полками, нагруженными всевозможными вещами, от бумаг до ваз, серебряных тарелок и непарных туфель.

– Хвала богу Умбертидских счетоводов! – Я протянул руку за позолоченной погребальной урной. Хотя мошенников пытали в камерах наверху, их пожитки лежали здесь – упорядоченные, каталогизированные и нетронутые, ожидая завершения законного процесса.

Снорри прошёл мимо меня, оттолкнув мою алчную руку. Кара прошла за ним. Хотя это помещение было целиком завалено, в нём было довольно мало оружия, и оба норсийца направились напрямик к нему. Кара схватила с дальней стены Гунгнир, копьё своей работы.

– Ты же не думаешь, что оно испугает Келема? Оно даже городской страже не помешало вас схватить!

Кара вскинула голову, а потом посмотрела на Стража в дверях. Она протолкнулась мимо Снорри и медленно поднесла копьё, пока наконечник не совпал с одинокой дырой на доспехе солдата. Копьё подошло идеально.

– У них было два солдата. Тот, который схватил Снорри, подошёл сзади, через стену, и обхватил его руками.

Снорри изучал лезвие Хель. Топор его отца висел среди остального оружия. Викинг довольно поднял голову, мрачно улыбнувшись – впервые с тех пор, как я его нашёл.

– Теперь мы готовы.

ТРИДЦАТЬ ТРИ

Когда мы выходили, у дверей Башни уже начала собираться толпа. Вся верхняя половина Башни Жуликов изрыгала дым в окна. Перед тем, как мы ушли, я приказал Стражу обыскать здание в поисках Эдриса Дина и объяснил, на сколько кусочков нужно разорвать его труп.

– О, и позволь всем выйти, – добавил я. Мне не нравилась мысль оставлять кого угодно поджариваться, но в основном я хотел натравить на Умбертиде как можно больше жуликов. Тогда властям будет чем заняться, и они и не смогут слишком усердно ловить меня.

Никто не бросил нам вызов, когда мы в окружении других заключённых высыпали наружу и скрылись переулками в лабиринте Умбертиде. Если Эдрис Дин и сбежал из здания, то у него, наверное, были дела поважнее, чем поднимать тревогу, поскольку на дороге нам встретились лишь пара городских стражников, и оба старались выглядеть неприметно, чтобы никто не подумал, будто они хотят встать на пути потока убегающих арестантов. Я искренне надеялся, что Эдрис уполз, чтобы сдохнуть. Но в самом худшем случае казалось вероятным, что даже некроманту потребуется время и ресурсы, чтобы исцелить такие раны.

***

Утреннее солнце карабкалось над крышами, а мы спешили по узким улочкам вслед за Хеннаном, который знал такие входы и выходы из города, которыми честные люди не пользуются, или о которых не знают. Оказалось, что самый простой путь из Умбертиде – перебраться через стены, а не ползти по канализации, как попал в город Хеннан. Для Кары это был бы узкий и зловонный путь, а мы со Снорри и вовсе бы не пролезли. И к тому же стены любого города в мирное время слабо охраняются, а столп дыма над Башней Жуликов

привлекал взгляд любого стражника, кто сейчас мог бы за ними наблюдать. Так что оказалось довольно легко отыскать участок стены, через который мы могли сбежать.

Единственной проблемой стала покупка верёвки и "кошки". Вообще всегда сложно объяснить, зачем тебе "кошка", а ещё сложнее найти кузнеца, который не скажет тебе заплатить сейчас, а за товаром прийти через три дня.

***

– Выше бросай, – занудно сказала Кара, когда во вторую попытку железный крюк едва не задел мою голову.

Я помедлил и наградил её взглядом прищуренных глаз, вспомнив, что не простил ей свой сломанный нос.

– "*Бросать выше?*" И это вся мудрость вэльв? После стольких лет изучения тайных знаний...

В третий раз я бросил выше и зацепил стену. Вzbираться по тонкой верёвке без узлов оказалось намного тяжелее, чем я себе представлял, и я провёл почти пять минут, прыгая, дёргаясь и напрягаясь, и не поднялся ни на ярд от земли. Наконец у меня стало получаться, по крайней мере частично. Гонимый по большей части смущением, я смог вскарабкаться по верёвке на стену под взглядами двух беззубых стариков и растущей толпы местных беспризорников. Кара и мальчишка поднялись без видимых усилий, причём на спине у Кары было привязано копьё Гунгнир. Снорри поднялся последним – из-за раны он лез неуклюже, хотя взревел от боли только раз, когда соскользнул. А я обнаружил, что спускаться намного проще и быстрее. А ещё – больше вниз.

Собравшись снаружи у основания стен, мы поспешили прочь по пыльной прожаренной земле в сторону границ ближайшей оливковой рощицы, чтобы затеряться среди деревьев.

– Ну? – Первой заговорила Кара. В пятнах тени мы спустились до Умбера – реки, без которой город за нашими спинами был бы всего лишь пустошью с редкими зарослями мескита, который щипали

бы тощие козы.

– Что "ну"? – Спросил я, отмахиваясь от мух. Я уже весь ужарел и вспотел.

– Ты знаешь дорогу?

– Это Хеннан знает потайные ходы. Я приехал по Римской Дороге. – Уже скоро большая часть стражи Умбертиде рассредоточится по северному участку Римской дороги. Для Снорри это не будет иметь значения. Он направлялся на юг, в угрюмые земли, где Келем в соляной норе, известной как Крптипские Копи, устроил себе дом.

– Ты знаешь дорогу к копиям?

– К копиям Келема? Чёрт, с чего бы? Я в Умбертиде только потому, что меня послал мой дядя, разобраться с кое-какими банковскими делами. Я не собирался искать усохшего мага и... и умолять его, что б он позволил мне сделать нечто невероятно глупое. – На самом деле я знал дорогу, по крайней мере в общих чертах, но никакого желания отправляться туда у меня не было, так что этот факт я держал при себе.

– Снорри? – Хеннан печально посмотрел на мрачного норсийца. Такое хмурое выражение на таком юном лице напомнило мне, как Туттугу лежал мёртвым – а этот факт я пытался затолкать на задворки своего разума, где хранятся забытые вещи.

– Я знаю дорогу. – Снорри поднял красные глаза, выпятив челюсть – страшный как чёрт. – Давай ключ, живо, а потом можешь оставаться или уходить.

Я посмотрел на протянутую ко мне широкую ладонь и поджал губы.

– Я вызволял Хеннана из одной тюрьмы и безо всякой помощи штурмовал другую не для того, чтобы просто отдать тебе ключ, который мы все заслужили, все трое – я, ты и Туттугу. Я пришёл, чтобы спасти ваши жизни. И с учётом этого я мог бы просто уйти с ключом – многие сказали бы, что сейчас у меня на него немало прав. Поэтому меньшее, что ты мог бы сделать, это попросить, а не требовать, а ещё, блядь, продемонстрировать немного признательности. – О ругательстве я пожалел, как только оно слетело с моих губ. Частично из-за того, что принцу королевства не пристало

унижать себя грязными разговорами с простолюдинами, но в основном потому, что солнечный свет полыхал на лезвии топора, закреплённого у него на спине кожаными ремнями, за которые я недавно заплатил.

Между нами повисла опасная тишина, от которой медленно напрягались все мои мышцы в ожидании неотвратимого удара. Снорри протянул ко мне руку, и я так сильно вздрогнул, что чуть не отбил её. Он взял меня за плечо, посмотрел мне в глаза своими голубыми глазами и вздохнул.

– Прости меня, Ял. Я не знаю, как ты до нас добрался, но это потребовало отваги и сноровки. Спасибо тебе за это. Туттугу будет рассказывать эту историю за столами Вальхаллы. Север этого не забудет. Ты настоящий друг, и я был неправ, когда так говорил с тобой.

Мы стояли так с минуту – он склонив голову, возвышаясь надо мной и держа тяжёлую руку у меня на плече, а я – раздуваясь от гордости. Некоторые люди могут буквально парой слов поднять настроение. Снорри был одним из них, и хотя я знал, как это работает, и уже видел такое раньше – оно всё равно работало.

Я положил ключ в раскрытую ладонь его второй руки, и его кулак сомкнулся. Ко мне немедленно пришло чувство потери, хотя я и знал, что эта штука в десять раз страшнее яда.

– Я должен это сделать, – сказал он, и говорил так искренне, что казалось, будто он и в самом деле должен.

Я попытался понять это. Он должен отнести ключ человеку, который отправил за ним убийц? Должен отнести ключ человеку, который так сильно в нём нуждается, что ради него добрался до викинга за тысячу миль? Снорри должен войти в логово смертоносного мага с абсурдно низкими шансами на победу... а "наградой" была открытая дверь в смерть и новые самоубийственные поиски, которые не принесут ему то, что он хочет?

– На самом деле не должен.

– Должен. И нет человека, с которым я охотнее отправился туда, чем ты, Ялан, принц Красной Марки. Но это мой путь, и я не буду никого просить разделить опасность. Я взял тебя на север против моих врагов, и не собираюсь вести тебя в Хель.

Чёрт меня подери, но оказалось, что мой рот открыт, и я собираюсь ему возразить. К счастью, мне удалось придушить дерзкое заявление, что я пойду с ним против всех орд подземного мира.

– Послушай. Келем *хочет*, чтобы ты пришёл к нему. Он толкал тебя на юг при помощи этой раны на боку. Он перекрыл тебе дверь в пещере Эридруина, и закроет любую, к какой бы ты ни пошёл. Ты же знаешь, он тянет тебя к себе. Боже, да ты вышел из той башни только из-за снов!

– Каких снов? – Кара подошла ближе, подняв брови.

Мои плечи поникли.

– Келем нанял повелителя снов, Сейджеса. Мы со Снорри встречались с ним в Анкрате. Он насылал на меня кошмары о Хеннане, пока я его не нашёл. Хеннан привёл меня к Снорри. Вот, я пошёл не из-за героизма. Я пришёл, потому что не мог спать. Несколько недель без сна любого заставят попробовать что угодно ради покоя.

– Недель? – Кара улыбнулась и отвернулась.

– Недель!

– Но нас схватили лишь пять дней назад, – сказала она.

Я уставился на её удаляющуюся спину, пытаюсь заново взглянуть на себя. Возможно, всё-таки у меня есть совесть...

Снорри убрал руку с моего плеча и шагнул назад.

– Ял, мы оба знаем, что ключ это проклятие. В нём нет счастья, только обманы. Если отдашь его, то избавишь себя от стольких печалей, что и представить нельзя.

С сожалением в глазах он протянул мне ключ Локи.

– Но ты прав – ты его заслужил. У меня нет прав требовать его у тебя. – Кара резко обернулась и уставилась с такой энергией, что я подумал, она в любой миг может прыгнуть и выхватить у него ключ.

Часть меня подозревала, что Снорри прав, и мне нужно отказаться от ключа. Но всё равно, если меня и ждало будущее в Вермильоне, то скорее всего оно начиналось с того, как я передаю ключ Локи под попечение бабушки. И больше того, я просто не хотел от него отказываться.

Я взял у него ключ.

– Я не пойду в дверь, если мы её найдём. Но я пойду с тобой и пронесу эту ношу до конца. А если ты встанешь перед той дверью и попросишь меня открыть её... я открою. – Я произнёс эту речь отважно и мужественно, глядя ему в глаза. – Так поступил бы друг. – А ещё, двигаясь в неизвестном направлении, неплохо держаться поближе к викингу – это будет лучшей гарантией, что я не встречу с властями Умбертиде, и меня не бросят обратно в тюрьму. Кара бросила на меня подозрительный взгляд, словно могла прочесть мои мысли, но если она и могла, то после стольких недель вожделения на лодке, её мнение обо мне не могло опуститься ещё ниже. Я обаятельно улыбнулся, хлопнул Хеннана по спине и пошёл вперёд, а ключ снова лежал глубоко в моём кармане.

– Куда ты идёшь? – Спросила Кара, когда я прошёл мимо неё. – Ты вроде сказал, что не знаешь дороги.

Тут она меня подловила, так что я свернул к реке и встал на колени, чтобы вымыть руки.

– Чистота – залог благочестия, уважаемая леди. И раз уж я остаюсь в компании язычников, то мне следует, по крайней мере, стараться смыть грязь.

***

Тем вечером мы разбили лагерь у реки, рядом с извилиной, где Умбер медленно течёт по своей пойме. Все мы воспользовались возможностью смыть большую часть тюремной грязи недельной давности. Мне пришлось несколько раз напоминать себе, что Кара – вероломная язычница и ведьма, присягнувшая тьме, поскольку даже сухой и грязной она выглядела чертовски привлекательно, и намного привлекательнее – мокрой и чистой. Как же давно у меня не было женщины. Такое случается, когда слишком сосредоточен на азартных играх. Это их единственный недостаток. Ну, если не считать проигрышей.

Я сказал "разбили лагерь", но точнее было бы сказать "улеглись

в винограднике". К счастью, небо было чистым, а воздух тёплым от воспоминаний о дневной жаре. Кара сидела со Снорри, прочищала его раны и смазывала пастой из каких-то трав, найденных на берегу реки. Раны от наручников были глубокими, уродливыми, и могли загнить, если их не обработать. На жаре даже обработанные лекарем раны склонны загнивать, а если уж зараза попала в кровь, то она затащит тебя в могилу, кем бы ты ни был.

Кара не могла вылечить главную рану, которую викингу нанёс убийца, посланный Келемом. Видно было, что она не даёт ему покоя, и по тому, как он постоянно смотрел на юго-восток, было ясно, куда она его тянет. Я раздумывал, какая часть из его мыслей теперь принадлежит ему. Если Кара действительно отгородила Баракеля от Снорри, чтобы получить больше шансов наложить заклинания и украсть ключ, то она ему вдвойне навредила. Пока он был присягнувшим свету, его магия работала против раны. А без защиты инфекция присягнувшего камню будет только расти, пока либо не убьёт Снорри, либо не заставит его подчиниться.

Когда Кара закончила со Снорри, я попытался заставить её посмотреть мой нос – в конце концов, это она его сломала. Но она заявила, что нос не сломан, и, если уж на то пошло, это я должен лечить ей глаз.

– Это Ял тебе поставил? – Снорри оторвался от виноградин, которые пытался есть, морщась от того, что они в это время года такие кислые.

– Длинная история. – Я быстро лёг и уставился на первые звёзды, которые только-только начали пронзать тёмно-красное небо. Мои плечи горели в тех местах, где на них попала кровь Эдриса Дина, кожа начала покрываться волдырями и облезать, словно я слишком долго пробыл на солнце. Болело сильно, но я утешал себя мыслью, что некроманту, наверное, больнее. И если бы мне пришлось вылить на себя ещё галлон его крови, чтобы он точно помер, то такую цену стоило бы заплатить.

Интересно, видела ли всё это Молчаливая Сестра, когда заглядывала в будущее, которое оказалось настолько ярким, что ослепило её. Или, может, она не заглядывала дальше уничтожения нерождённого, который искал ключ под Суровыми Льдами. Она сделала ход и не дала Мёртвому Королю получить ключ Локи, только чтобы два орудия, один из которых её собственная плоть и кровь,

доставили этот предмет Келему? Из того, что рассказывала бабушка, Келем плотно связан с Синей Госпожой, а ведь это её рука направляла Мёртвого Короля. Мы пронесли ключ больше тысячи миль из ледяных пустошей в засушливые холмы Флоренции, чтобы доставить его к той самой двери, которую Молчаливая Сестра никогда не хотела открывать... В конце концов, похоже, ключ Локи обманул даже мою двоюродную бабушку, дотянувшись сквозь годы в прошлое, чтобы её одурачить.

Когда солнце садилось, я услышал стук. Я оглянулся, но остальные устраивались спать, а Хеннан уже лежал, закрыв руками голову. Стук раздался снова, словно со всех сторон. Я слышал его и раньше, в долговой тюрьме, буквально пару минут... казалось, вечер наполнен шёпотом, небо налилось алым, а солнце опускалось за горы. Стук звучал всё сильнее, а потом стих. Я подумал об Аслауг, о её тёмных склонностях и о её странной красоте. Мне пришло в голову, что я слышал этот стук, только когда держал ключ. Кара каким-то образом заперла Аслауг от меня – неужели теперь у меня появился способ снова её отпереть? Впрочем, прямо сейчас уже поздно было действовать, даже если бы я и захотел.

Я заметил, что Кара следит за мной, и решил повесить ключ на шею на шнурке. Карманы слишком легко обшарить, а я не верил, что она не попробует. Едва я закончил завязывать узлы, как из теней на меня накинuloсь истощение. Я не спал, казалось, уже много дней, и устал, как никогда прежде. Я подумал о Сейджесе, который поджидает меня в моих снах, и с содроганием вытащил ключ из рубашки. Прижал его ко лбу.

– Не подпускай его. – Искренне прошептал я. Казалось, попробовать стоило. Я убрал ключ обратно и зевнул так сильно, что растянул челюсть, и уши наполнились звуком сна.

Я лёг и отдался течению снов, пока на небе выходили многочисленные звёзды, и холмы сотрясали серенады сверчков. Нас свела вместе война моей бабушки – меня, Снорри, Кару, мальчишку, Туттугу, всех нас. Её сестра поставила нас на доску, и они принялись нами играть. Красная Королева делала ходы со своего трона, вокруг которого я вращался – мотался на север, мотался на юг, вечно желая вернуться, а Синяя Госпожа наблюдала через свои зеркала за своими пешками на игровом столе. Интересно, Келем тоже её пешка, или другой игрок?

С тех пор, как я чуть не задохнулся от крови, хлынувшей, когда Кара ударила меня по носу, целый день сон, которого я избегал, продолжался своим чередом, нащёптывая на грани слышимости и рисуя себя на внутренней поверхности век, когда я моргал. Теперь я закрыл глаза и хорошенько прислушался. В своё время я был одновременно и игроком и пешкой. Я знал, что мне нравится больше, и знал, что изучение правил – жизненно важный первый шаг, если собираешься покинуть доску. Ещё один зевок, и сон поглотил меня.

***

Подо мной – банкетный зал большого дворца Вермильона. Он ещё более величественный, заполненный и весёлый, чем я его когда-либо видел. Я стою на галерее музыкантов – раньше я прокрадывался сюда во время пиров, на которых мне было ещё рано присутствовать. Не то чтобы бабушка часто устраивала пиры, если не считать званого обеда на Сатурналии в день зимнего солнцестояния, который она давала по большей части, чтобы позлить папессу. Зато дядя Гертет почитал любые торжества, хоть языческие, хоть христианские, которые давали повод открыть бочки с вином и вызвать свой дублирующий двор во дворец, где все они могли притворяться, что королева умерла, и играть свои роли, пока возраст их совсем не ослабил.

Но в зале подо мной дворян больше, чем когда-либо угощал дядя Гертет. Стены богато украшены гирляндами из остролиста и плюща, среди изумрудных листьев блестят красные ягоды, висят цепочки серебряных колокольчиков, а в веерах мечей и алебард острого железа хватит, чтобы экипировать армию. Я смотрю налево, потом направо. С одной стороны стоит Алиса – ребёнок лет одиннадцати-двенадцати. С другой стороны Гариус с сестрой, а я стою между близнецами и своей бабушкой. Девочки стоят, сжимая покрытые резьбой перила из красного дерева, а Гариус сидит, давая отдых больным ногам.

Мой взгляд приковывает блестящая толпа внизу: пышные наряды ушедшей эпохи, целые состояния в шелках и тафте, и каждый

лорд блещет богатством, демонстрируя его всем и каждому. Когда я проснусь, вряд ли хоть один из этих сотен будет ещё жив – всех заберёт возраст, и дети, стоящие сейчас рядом со мной, уже будут старше, чем можно себе представить. Долгое время я верил, что моя бабушка явилась в этот мир уже сморщенной и покрытой шрамами, а железная седина в её рыжих прядях столь же древняя, как лишайник на статуях. Я нервничаю, видя её девочкой, хотя и сам не знаю, отчего. Наверное потому, что это значит: однажды наступит и моя очередь стать старым.

Пир почти закончен, хотя столы по-прежнему ломаются от еды, и слуги снуют туда-сюда, докладывая и доливая. Тут и там видны пустые места – лорды нетвёрдо встают, кланяются хозяину и уходят в сторону огромных дверей излишне аккуратной поступью нетрезвых людей. Повсюду гости отставляют свои тарелки. Даже собаки по краям зала уже утратили энтузиазм к брошенным костям и едва рычат, заявляя на них права собственности.

Во главе огромного стола из отполированного дуба, ярдов пятидесяти в длину, почти скрытого под серебряными тарелками, кубками, канделябрами, супницами и кувшинами для вина и воды, сидит мужчина, которого я знаю только по картинам. Его портреты так редки, что я задумывался, не сожгла ли их Красная Королева. Его фамилия Голлот – светловолосый гигант, краснолицый от выпивки. Его мундир тщательно украшен эмблемой красного знамени Марки, но покрыт винными пятнами и расползается по швам. На холстах его рисовали вечно молодым и прославленным, каким он смотрел на побережья Адоры – или каким его представляли художники. Его изображали в начале вторжения, которое должно было привязать герцогство к трону Красной Марки. Война Барж, так её называли, поскольку он погрузил свои войска на речные баржи и проплыл шестнадцать миль по морю, чтобы добраться до крепости Тален. А теперь он выглядит лет на пятьдесят, если не больше, и годы его не красят. Мою бабушку он зачал таким же старым, каким был его отец, когда зачал его. Не знаю, где сейчас старый Голлот, может уже мёртв, или сгорбился на своём троне над тарелкой с супом.

Но близнецы смотрят не на отца: Молчаливая Сестра уставилась на кого-то с необычной даже для неё интенсивностью, и Гариус, нахмурившись, следует за её взглядом. Мы с Алисой присоединяемся к ним. Мы смотрим на женщину примерно по центру стола. На мой взгляд, она ничем не выделяется – ни старая, ни молодая, не

красавица, одета по-матерински скромно, платье сшито из блеклой чёрно-кремовой ткани. Блестят только её волосы цвета воронова крыла под паутиной сапфиров на серебряной проволоке.

– Кто она? – Спрашивает Алиса.

– Госпожа Шиваль, незначительная дворянка из какого-то королевства Порты, из Лисбоа, кажется. – Гариус хмурится, копаясь в памяти. – Консультирует короля Отелло, она что-то вроде его неофициального советника.

– Элиас наблюдает за ней, – говорит Алиса, и Гариус моргает, смотрит в другой конец помещения, где вдалеке от пирующих у стены в тени стоит мужчина и, по всей видимости, набивает трубку. В этом человеке есть что-то знакомое. Что-то в шустрых неугомонных движениях его рук. Он тянется вверх, чтобы раскурить трубку от настенной лампы, и свет падает на его поднятое лицо.

– Тэпрут! Бог ты мой! – Разумеется, они меня не слышат. Я не здесь, я всего лишь сновидец, плавающий по воспоминаниям носителей моей крови. Это не может быть Тэпрут. Этому человеку около сорока, а доктору Тэпруту, которого я знаю, за пятьдесят. И к тому же как бы придворный моего прадеда мог путешествовать по всей Разрушенной Империи во главе цирка? Должно быть, это его предок. Но лишь взглянув на него, увидев быстрые птичьи движения головы – он осматривает столы, всегда возвращаясь взглядом к нашей госпоже под сапфировой сетью – я знаю, что это он. Я знаю, что когда он откроет рот, я услышу "Гляди-ка!", и жесты неугомонных рук будут сопровождать каждое его слово.

– Элиас...

– Эта женщина ему не по силам. ... говорит, она здесь, чтобы убить... кого-то. – Обрывает Алису Гариус, сердито отмахиваясь скрюченной рукой. Имя его сестры снова ускользает от меня, и лишь тишина в том месте, где оно должно прозвучать.

– Я не слышала, чтобы она что-то произносила, – говорит Алиса, пристально глядя на свою сестру, которая по-прежнему решительно и сосредоточенно смотрит на женщину внизу. – Кого собирается убить эта женщина?

– Дедушку, – почти шёпотом говорит Гариус. – Она хочет изменить судьбу нашей семьи.

– Зачем? – Это не тот вопрос, который задал бы я, уж точно не в одиннадцать. Я бы спросил, где нам спрятаться.

– ... не скажет, – отвечает Гариус.

Молчаливая Сестра отводит глаза от женщины вниз и смотрит в мою сторону. На миг я уверен, что она видит меня – эти разные глаза, голубой и зелёный, пронизывают меня насквозь. Затем она возвращается взглядом к женщине.

– Она не знает? – спрашивает Алиса.

– Тише, дитя, – говорит Гариус, хотя он сам всего лишь мальчик. Сейчас он выглядит серьёзным, старше своих лет, и печальным, словно на нём лежит огромное бремя. – Я мог бы быть королём, – говорит он. – Я мог бы стать хорошим королём.

Моя бабушка хмурится. Она не может ему солгать, даже в этом возрасте, когда весь мир наполовину воображаемый.

– Почему мы снова говорим об этом?

Гариус вздыхает и садится.

– ... нуждается в моей силе. Ей нужно видеть, иначе эта женщина убьёт всех нас, прежде чем мы сможем её остановить.

Алиса хмурится сильнее.

– ... делала это и раньше, не так ли?

Гариус едва заметно кивает.

– И даже до того, как мы родились.

– Не делай этого. – Алиса говорит им обоим. – Скажите отцу. Пошлите на неё стражу. Пусть её бросят в...

– ... нужно видеть. – Гариус опускает голову. – Эта женщина больше, чем кажется. Намного больше. Если мы не узнаем её, прежде чем начнём действовать, то потерпим поражение.

Молчаливая Сестра перегибается через перила, уставившись на женщину с такой интенсивностью, что дрожит всем своим тощим телом. Она смотрит так пристально, что я почти ожидаю увидеть, как линия между ними подсвечивается расходуемой энергией. Гариус сильно горбится, с его губ слетает слабый вздох.

Поднимаются невидимые силы. По моей коже от них бегут

мурашки, а меня здесь на самом деле даже нет. Сапфиры в волосах женщины внизу, кажется, не только отражают свет ламп, но сверкают каким-то внутренним огнём – яркий танец синевы на черноте волос. Она ставит свой кубок и смотрит вверх. Встречается взглядом с Молчаливой Сестрой, и на её тёмных, как вино, губах играет полуулыбка.

– Ай! – Гариус кричит от боли, плотно прижав руки и ноги. Молчаливая Сестра открывает рот, словно хочет закричать, но звука нет, хотя кажется, будто воздух дрожит от крика. Я смотрю на её лицо – она стоит, по-прежнему не отрывая глаз от женщины. На миг, готов поклясться, от глаз Молчаливой Сестры поднимается дым... и она всё равно не отворачивается. Её ногти царапают тёмное дерево, какое-то невидимое давление отталкивает её назад, и наконец, словно сломавшаяся ветка, она отлетает, крутится и останавливается только об стену позади. Она встаёт, согнувшись пополам, держа руки на бёдрах, судорожно вдыхая, и бледные волосы закрывают её лицо.

– Что... – Голос Гариуса слабый и хриплый – больше похож на тот голос, который я знаю. – Что ты видела?

Нет ответа. Тянется тишина. Я оборачиваюсь посмотреть, что делает женщина, когда Молчаливая Сестра неожиданно выпрямляется. Её лицо открывается, и я вижу, что теперь один её глаз жемчужно-слепой, а второй потемнел, не оставив и воспоминания о голубом небе.

– Всё. – Молчаливая Сестра говорит так, словно это последнее слово, которое она произнесла.

– Надо что-то делать. – Алиса в кои-то веки похожа на ребёнка и говорит очевидное. – Дайте мне только подойти к ней поближе, и я воткну в неё кинжал. – Иллюзия исчезает.

– Это будет нелегко. – Гариус не поднимает головы. – ... и раньше видела достаточно, и потому отравила её вино.

– И? – Алиса поворачивается и смотрит на пир.

– Видишь мужчину, лежащего на столе возле неё? Он мёртв. Она поменяла кубки.

Я не спрашиваю себя, как такая тихая и юная Молчаливая Сестра узнала несколько часов назад, какой кубок смазать ядом, или где его достала. Она узнала это тем же способом, каким женщина внизу

узнала, что нужно поменяться с соседом. Они обе одинаково отмечены.

– Исусе. – Алиса прислоняется к балясине, её глаза суровы. Женщина не сдвинулась: она берёт с тарелки последний цукат, разговаривая с мужчиной рядом – с тем, что не мёртв. Она смеётся на всё, что он говорит. – Так если не яд, то что тогда?

Гариус невыразимо устало вздыхает и поднимает голову, словно та весит с человека.

– Люди, которые меня охраняют – мои. Я заменил людей отца на своих. Это дорого, но они наёмники высочайшего класса, и их верность глубока, как мои карманы. Мы подождём её в галерее Мечей, и... она не уйдёт.

Услышав эту информацию, Алиса поднимает бровь. Мгновением позже она торопится к двери и резко стучит по ней. Входит человек в дворцовой ливрее, толкая кресло на колёсах. Это бдительный крепкий мужчина, и тонкий белый шрам подчёркивает его правый глаз. Хотел бы я сказать, будто сразу заметил, что он не просто слуга, но не уверен, так ли это.

Молчаливая Сестра помогает Гариусу сесть в кресло, и он взмахом показывает, чтобы его выкатили. Сейчас он слаб и ещё более скрючен. Это больше, чем истощение – сестра потратила его здоровье на то, что ей было нужно. Второй громила ждёт в следующей комнате среди инструментов, которые слишком велики, чтобы музыканты их могли унести – арфа, барабаны, длинные трубчатые колокола. Громила помогает спустить кресло по лестнице. Любой аристократ, который по желанию короля остаётся во дворце, будет размещён в гостевом крыле, а чтобы добраться до него из королевского банкетного зала, надо пройти по длинной галерее Мечей. Если женщина планирует убийство, то наверняка она приглашена остаться на ночь.

На миг я задумываюсь, что ни один из людей Гариуса не вооружён – но, разумеется, вряд ли он получил бы разрешение на своих наёмников с оружием в королевском доме, родственник он или нет, а особенно если он наследник, которому не видать трона. Наёмникам можно хорошо заплатить, чтобы они рискнули скрытно пронести ножи, но только чертовски маленькие, иначе их заметят. Вряд ли мой прадед или его отец настолько небрежны, что не

проводят регулярные проверки – и уж точно бабушка впоследствии станет их рьяной сторонницей. Впрочем, парочка наёмников вроде этих может довольно быстро удушить женщину верёвкой.

Мы идём по дворцу, и Гариус на своём кресле с грохотом катится впереди по знакомым проходам, которые удивительно мало изменились за шестьдесят лет. Прямо перед галереей Алиса замедляется, потом остальные, а потом и я. Молчаливая Сестра остановилась позади, рядом с чёрной дубовой дверью и указывает на неё.

– Что она говорит? – спрашивает Алиса брата.

– Я... – Он выглядит потерянным. – Я её больше не слышу.

Впрочем, всё ясно и без слов. Мы идём в дверь и оказываемся в высоком узком помещении, которое заставлено шкафами, закрытыми спереди тонкими листами стекла Зодчих, и в каждом – пара десятков бабочек, проткнутых булавами. Вся комната заполнена пыльными легионами бабочек, мутные стёкла приглушают величие их крыльев – за стеклом приколоты дюжины утраченных лет. Я раньше здесь не бывал, а если и бывал, то насекомых отсюда уже убрали.

– Мы её упустили? – отваживается Алиса, вытаскивая из складок своей кремовой юбки маленький злобный нож.

Молчаливая Сестра качает головой.

– Гвен! Она в безопасности? – Гариус пытается выпрямиться в своём кресле, вспомнив о младшей сестре. Той самой, которую Алиса пронзил стрелой со стен Цитадели Амерот шесть лет спустя.

Молчаливая Сестра кивает, хотя и с грустью, словно уже знает то, что знаю я.

Гариус с усилием поворачивает голову и смотрит на мужчину рядом.

– Грант, есть женщина, которую нужно убить. Она скоро пойдёт по галерее Мечей. Она – угроза мне и моей семье. Когда дело будет сделано, вам придётся немедленно оставить дворец и службу мне. Вы получите триста крон золотом.

Грант смотрит на мужчину за Гариусом.

– Она будет одна?

– С ней могут быть другие, но никакой стражи, никто не вооружён. Госпожа Шиваль единственная, кто должен умереть. У неё в волосах сапфиры.

– Синяя госпожа. Понятно. – Грант чешет подбородок. Пальцы у него толстые и покрыты шрамами. – Три сотни? Уверены, милорд? Убийство во дворце – не пустяк. Если не уверены, то за такое лучше не браться. Вас найдут на месте, если только ваши сёстры не смогут вас спрятать.

Гариус терпит эти вопросы – в конце концов, в них есть смысл, хоть они и дерзкие.

– Я уверен, Грант. Йохан, цена справедливая?

– Справедливая, милорд. – Второй человек, который темнее и старше, склоняет голову. Его высокий и тихий голос удивляет меня. – Где мы получим деньги?

– Порт Исмут. Там есть мой торговый агент, Карлс. В течение двух недель.

Затем мы ждём в тишине среди мёртвых бабочек, сушёные крылья в шкафах неподвижны. Проходит пять минут, десять... час?

Молчаливая Сестра поднимает руку. Грант и Йохан идут к двери, мы идём за ними, Алиса катит перед собой Гариуса.

В галерею Мечей ведут двойные двери, и здесь я вижу разницу между сегодняшним днём и галереей через шестьдесят лет. Бабушка развесит на стенах портреты фехтовальщиков, упражняющихся в своём искусстве. Её отец предпочитал не масло, а железо: на стенах висят сотни мечей, все указывают в потолок, и все разные. Грант выламывает из держателей прекрасный экземпляр – двуручный меч с клинком из чёрного туркменского железа – и передаёт Йохану. Потом берёт себе меч покороче, но тяжелее, из тевтонской стали, и направляется в сторону двойных дверей в дальнем конце.

Двери открываются за секунду до того, как два наёмника до них доходят. И там стоит она, госпожа Шиваль, а за её спиной горничная в королевских цветах, сопровождающая её в покои. Госпожа с виду совершенно не удивлена, увидев приближающихся к ней мужчин с мечами наголо. Уже через несколько лет её можно будет назвать почтенной женщиной, и она улыбается материнской улыбкой – укоризненной, но снисходительной.

– Гляньте-ка на себя! – Говорит она и поднимает руку с маленьким серебряным зеркальцем.

Йохан останавливается, словно врезался во что-то твёрдое. Он поднимает свободную руку, сцепившись с чем-то, чего я не вижу. Мышцы его шеи напрягаются, сухожилия выпирают от усилий. Слева Грант оказывается в подобной ловушке – он с ужасом на лице сопротивляется, рука с мечом не шевелится, свободная рука пытается что-то схватить. Госпожа Шиваль проходит между ними, а ошеломлённая горничная остаётся стоять на месте.

– Разве детям не пора спать? – Она немного наклоняется, обращаясь к трио.

Алиса не тратит время на светские разговоры или беседы, а просто прыгает вперёд, спрятав нож сбоку.

– Нет. – Госпожа быстрее, и лёгким наклоном кисти зеркало направляется в сторону ребёнка, останавливая её так же эффективно, как остановило обоих наёмников. – И остались только близнецы Голлоты... – Она смотрит на них: Гариус сгорбился в своём кресле, Молчаливая Сестра рядом с ним. Госпожа игнорирует мальчика и встречается взглядом с его сестрой. – Мы уже встречались, дорогая. – И снова материнская улыбка, хотя теперь я вижу за ней нечто более жёсткое. – Ну у тебя и взгляд, юная леди. Но если собираешься заглянуть туда, где тебе смотреть не стоит... что ж, давай просто скажем, что будущее очень яркое.

Молчаливая Сестра ничего не отвечает, только смотрит, один её глаз жемчужно-слепой, а другой тёмный и нечитаемый.

– Всё это, – Госпожа Шиваль махает рукой в сторону наёмников, которые по-прежнему сопротивляются, хрипя от напряжения и быстро переставляя ноги. – Всё это очень неудобно. Сейчас мне надо двигаться быстро, поэтому простите, что не останавлиюсь поговорить. – Она поднимает своё зеркало на линию между своими глазами и глазами Молчаливой Сестры.

– Это дыра, – говорит она. И так оно и есть. На месте серебра и отражений лишь тёмная всепоглощающая дыра, засасывающая свет, звук и воздух. Я чувствую, как меня тянет вперёд, сама моя сущность исходит через кожу и устремляется в жуткую пустоту.

Молчаливая Сестра протягивает в сторону зеркала раскрытую ладонь, закрывая его от взгляда, и медленно целенаправленно

сжимает пальцы. Её рука в ярде от зеркала, но раздаётся чистый звон бьющегося стекла, и из её кулака течёт кровь. Дыра уменьшается, закрывается и исчезает.

– Поразительно, – говорит госпожа и делает шаг вперёд. Её глаза голубые. Я таких раньше не видел. Настолько голубые, что почти сливаются с белками, отчего в ней есть что-то нечеловеческое. Ещё шаг вперёд, и она протягивает руку в сторону Молчаливой Сестры. – Впечатляюще для такой юной, но у меня нет времени на впечатления, дитя. – Её губы дрожат от раздражения. – Пора умирать. – И нечто, туго скрученное у неё внутри, высвобождается так внезапно, что по воздуху почти видимой рябью проходит пульсирующий толчок.

Молчаливая Сестра отшатывается, словно от удара. Она остаётся на ногах только из-за того, что держится за кресло Гариуса. Старается вернуться на место, словно борется с сильным ветром, мрачно скривив рот от напряжения.

Синяя Госпожа поднимает другую руку и выпускает свой яд на девочку, которая, беззвучно охнув, падает на одно колено. Синяя Госпожа подходит, а моя двоюродная бабушка беспомощно сгибается перед ней.

– Назад! – Мой крик никто не слышит, и я беспомощно стою, желая убежать – но мне негде спрятаться в этих воспоминаниях крови.

Синяя Госпожа возвышается над Молчаливой Сестрой, а та протягивает ладонь и хватает брата за руку над локтем. Гариус качает головой в её сторону.

– Давай. – С сожалением хрипит он.

Синяя Госпожа наклоняется, когтистые руки с обеих сторон приближаются к голове Молчаливой Сестры, чтобы нанести смертельный удар, но что-то её останавливает, словно воздух густеет. Гариус стонет и извивается в кресле, его тело сотрясается по мере того, как сестра вытягивает из него силу. Они родились соединёнными, и хотя острая сталь их разъединила, оставалась ещё нерушимая связь. Похоже то, что делает Молчаливую Сестру сильнее, ослабляет Гариуса, ломает его и, судя по тому, каким я увижу этого мальчика спустя несколько десятилетий, уже стариком, то, что она забирает, вернуть, видимо, уже невозможно.

– Умри. – Рычит Синяя Госпожа через стиснутые зубы, но

Молчаливая Сестра, хоть и склонившись, продолжает сопротивляться ей, по мере того, как Гариус приносит в жертву свою силу.

– Это всего лишь отражение. – Выдыхает Алиса за спиной госпожи Шиваль. – Это мне *не* ровня.

С чем бы ни сражалась девочка, оно, похоже, слабело. У наёмников всё было совершенно по-другому – оба стояли спиной к стене, и лезвия их мечей неотвратно прижимались к их шеям, хотя никто кроме них не прикасался к клинкам.

Где-то вдалеке раздаётся крик. Я отрываюсь от схватки волею и вижу, что горничная сбежала. Наверное, через несколько секунд в битву вступит дворцовая стража.

Молчаливая Сестра очень медленно поднимает голову. Её волосы мокрые от пота, шея дрожит от напряжения, а на лице, когда она встречается взглядом с Синей Госпожой, играет знакомая мне ухмылка. Алиса уже подняла свой маленький ножик, её запястье белое, словно его обхватывают чьи-то пальцы, а свободная рука отчаянно хватается пустой воздух. Крошечными шажками, каждый из которых даётся ей с огромным трудом, она приближается к Синей Госпоже со спины.

Звучат всё более громкие крики, теперь уже ближе, и вдалеке во дворце раздаются набатные колокола.

Бросив ругательство на языке, которого я никогда раньше не слышал, Синяя Госпожа вырывается, мчится по галерее Мечей и исчезает между двумя наёмниками, свернув налево в двойные двери. Когда она пробегает мимо них, Грант и Йохан прекращают сражаться и оседают у стен, вцепившись себе в шеи, из которых им на грудь льётся кровь.

Я стою, ошеломлённый глубочайшим чувством облегчения, хоть мне ничего и не угрожало. Алиса уже бежит, но в неправильном направлении: она преследует госпожу. Измученная Молчаливая Сестра стоит на четвереньках, опустив голову. Гариус оседает в своём кресле, и теперь он искалечен, каким я его всегда и знал. Остатки его здоровья принесены в жертву силе сестры, вытянутые по той борозде, которая их всё ещё соединяет. Его глаза, почти скрытые в тени чудовищного лба, замечают меня, или по крайней мере так кажется. На миг я встречаюсь с ним взглядом, и мои внутренности сжимает холодная рука от грусти, которую я не могу объяснить.

Знаю, я не из тех людей, кто способен на то, что сделал сегодня этот мальчик. Мои братья, мой отец, сама Красная Марка – все они могут отправляться ко всем чертям, я не собираюсь принимать на себя удар, предназначенный другому.

Я бегу, хотя и не знаю – бегу ли я от взгляда Гариуса, или за Алисой.

***

Путь Синей Госпожи по дворцу отмечен стражниками, сражающимися с отражениями, которые видят только они. Уже поздно, и за исключением стражников дворец безлюден. На самом деле он по большей части безлюден в любое время дня. Дворцы – это сплошное представление: слишком много комнат, и слишком мало людей, которые могут ими насладиться. Король не может подпускать своих родственников слишком близко, и таким образом Внутренний Дворец – это всего лишь роскошные покои, которыми никто не наслаждается, и которых никто не видит, кроме уборщиков, протирающих пыль, и архивариусов, проверяющих, что уборщики не убрали ничего, кроме пыли.

Мы пробегаем мимо новых сражающихся стражников. Опасные люди всегда там, где король. Не в тронном зале, не в этот час – но и по коридорам они ходить не будут, охраняя вазы и ковры. Они будут близко к человеку, который имеет значение.

Я догоняю Алису, хотя это и непросто. Я уже бегал раньше по этим коридорам – ну, в основном по коридорам дальше, поскольку Красная Королева не очень-то любила своих внуков – но иногда ребёнком я проносился по этим залам. Но, как это ни странно, Синяя Госпожа намного опережает нас обоих. Однако ей понадобится удача, и немало. Не так она всё планировала, это уже отчаяние, или гнев, или то и другое, и новый план был придуман на месте.

Пока я бегу рядом с Алисой, пытаюсь вспомнить, что мне рассказывали о смерти пра-пра-прадеда. Ничего не получается. Мне всегда было глубоко плевать на всех мертвецов, если только не

нужно было запомнить какой-нибудь впечатляющий факт о моей родословной, который мог бы дать мне преимущества в спорах с гостившими у нас аристократами. Уж конечно я запомнил бы, если бы какая-нибудь безумная ведьма жестоко убила его прямо во дворце? Кто-то из предков умер на охоте... почти наверняка. А другой "от переизбытка эля". Это мне всегда казалось забавным.

Хотя Алиса выглядит мрачно, и готовится убийство, я не могу избавиться от чувства, что худшее позади. В конце концов, я никогда не знал ни одного из старших Голлотов. Первый и Второй – так их называли историки, и у меня была целая жизнь на привыкание к тому факту, что они оба мертвы. И, честно говоря, мне на это достаточно пяти минут. Мы обнаружим, что Синяя Госпожа его убила, или нет, но в любом случае она сбежит, и я чувствую себя намного легче, чем когда смотрел на её спину в галерее Мечей. Хотя и там мне опасность не грозила... Как бы то ни было, я в этих воспоминаниях успокаиваюсь, и оглядываюсь через плечо. Уверен, я слышал, как гавкнула собака. Пожимаю плечами и догоняю Алису, которая поворачивает за угол и начинает подниматься по лестнице. *Ну вот опять.* Лай гончей. Уж точно ни одной шавке из банкетного зала не позволено бегать по дворцу. *Снова, ещё ближе.* Невыносимо! Псины из зала шатаются по коридорам власти! От неожиданного сотрясения я сбиваюсь с шага. Землетрясение? Кажется, трясётся весь дворец.

– Ударь его! – Женский голос.

– Поднимай его! – Голос мальчика.

Я открываю глаза, смущённый, но по-прежнему разгневанный из-за собаки, и большая рука шлёпает меня по щеке.

– Какого! – Я вцепляюсь себе в лицо.

– Гончие, Ял! – Снорри отпустил меня, и я упал на колени. Земля пыльная, ночь тёмная, звёзд много, и они рассыпаны в таком изобилии, что составляют молочную ленту на небесах.

– Собаки? – Теперь я их услышал – они лаяли вдалеке, но недостаточно далеко.

– Они нас отслеживают. Всё ещё гонятся за ключом. – Снорри снова помог мне. – Уверен, что хочешь его оставить?

– Конечно. – Я вытянулся в полный рост и выпятил грудь. – Меня так просто не запугать, старый друг. – Я хлопнул его по спине

со всей мужественной энергией, на которую только был способен. – Ты забываешь, кто без оружия штурмовал Башню Жуликов!

Снорри ухмыльнулся.

– Пошли, поведём их в холмы. Посмотрим, не найдётся ли подъём, которого им не осилить. – Он повернулся и пошёл вперёд.

Я последовал за ним, пока темнота не поглотила его полностью, а Кара и Хеннан шли по бокам от меня. Будь я проклят, если отдам сейчас ключ! Мне понадобится то, чем можно откупиться, если меня поймают. И к тому же, даже если я вручу ключ Снорри и сбегу в другую сторону, те сволочи всё равно меня выследят. Речь тут шла о банкирах, а я был должен им пошлины. Они будут преследовать меня до края мира!

ТРИДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ

Снорри повёл нас прямо к реке. Этот факт я выяснил, потеряв сапог в неожиданно засасывающей грязи.

– Что такое у норсийцев с лодками? – Теперь, когда Снорри отошёл в сторону, я увидел воду, там где рябь отражала звёздный свет.

– Никакой лодки. – Снорри начал спускаться по длинному пологому берегу.

Я вытащил сапог из грязи. Похоже, я вступил в маленький приток.

– Я не умею плавать!

– Тогда уведи от нас собак? – Крикнул Снорри через плечо. Впереди Кара и Хеннан уже заходили в течение. Будь я проклят, если знал, где парень научился плавать у Ошимского Колеса.

Чертыхаясь и прыгая на одной ноге, чтобы натянуть сапог, я последовал за ними. Гончие лаяли то ближе, то дальше.

– А правда, что вода сбивает со следа?

– Не знаю. – Снорри вошёл в реку и помедлил, когда вода дошла ему до бёдер. – Я просто надеюсь, что они не смогут перебраться, или не захотят.

Ни разу не видел собаку, которая не любила бы броситься в реку. Может, норсийские собаки не такие. В конце концов, у них половину года прыжок в реку привел бы только к синякам.

– Проклятие, какая холодная! – Тёплые реки мне ещё не встречались, каким бы жарким ни был день.

Мы поплыли – или, в моём случае, начали барахтаться в воде, пытаясь двигаться вперёд, а не вниз. Длинный меч Эдриса, висящий в ножнах у меня на бедре, всё пытался меня утопить, указывая в сторону речного дна – он тащил меня в том направлении, словно был сделан из свинца, а не из стали. Сложно сказать, почему я не купил в Умбертиде новый клинок. Разве что это оружие, уже запятнанное

моей собственной кровью и кровью моей семьи, было единственной связью с ублюдком, который их убил и, возможно, однажды оно снова приведёт меня к нему. Как бы то ни было, плавать с мечом я бы рекомендовал ещё меньше, чем просто плавать. Понятия не имею, как Снорри удавалось держаться на плаву с топором на спине и коротким мечом у бедра. Каре тоже, наверное, было нелегко под тяжестью Гунгнира. Я держал это копьё в руках и знаю, что оно тяжелее любого копья.

Умбер в этом месте был широкой и спокойной рекой, но всё равно вскоре течение меня захватило, и на каждый ярд, что мне удавалось проплыть к противоположному берегу, относило на десять ярдов ближе к морю. Остальные где-то в темноте пробирались куда быстрее и тише. Некоторое время я различал их по белизне волн на воде под звёздным светом. Но довольно скоро я уже вёл свою битву в одиночку, не видя берегов и представляя, будто река стала такой широкой дельтой, что меня вынесет в море прежде, чем я снова увижу землю.

Когда моя рука коснулась чего-то твёрдого, я запаниковал и проглотил внушительную часть реки, пытаясь втянуть в себя и всю остальную воду из неё. К счастью, река около меня оказалась глубиной чуть больше пары футов, я с плеском выбрался и измученно лёг в грязь.

– Быстро, поднимайся! – Дёрнула меня за рубашку Кара.

– Что? – Я с трудом поднялся на четвереньки. – Как ты нашла меня так быстро?

– Мы шли вдоль берега вслед за шумом. – Раздался где-то в темноте голос Хеннана.

– Полмили, наверное, проплыл. – Сказал Снорри, поднимая меня на ноги. – Кара думала, не выплывешь.

***

Мы шли и шли в ночи, стараясь различать, насколько это было возможно, очертания, подсвеченные звёздами, и избегать чернильно-

тёмных долин. Тёплый воздух и упражнения довольно быстро просушили меня, страх прогнал сонливость, уши напряжённо вслушивались в ночные звуки, постоянно страшась далёких голосов гончих.

Сложно сказать, сколько раз я спотыкался во мраке – достаточно, чтобы вывихнуть лодыжку. Несколько раз я падал, руки саднило от порезов и содранной кожи, ладони покрылись грубым песком. От остальных я видел лишь тёмные очертания, никаких деталей, хотя этого было достаточно, чтобы разглядеть, как Снорри сгорбился от боли, вцепившись в бок.

Первый свет – сначала серый, а потом розовый – показался над Ромерскими холмами, между которыми ютились Крптипские копи. Прежде чем солнце полностью показалось над горизонтом, я снова услышал гончих. Сначала они казались частью воображения, но Снорри остановился и посмотрел назад. Поморщившись, он выпрямился и положил руку на плечи Хеннану.

– Мы сражались с волком Фенрисом. А несколько флорентийских собак вряд ли опаснее. – Тень скрыла его лицо.

– Пошли. – И я зашагал вперёд. Гончие действуют сообща: полдюжины могут завалить любого противника. А за ними придут и люди. – Наверняка уже недалеко осталось. – Мне нужно было, чтобы оставалось недалеко, но то что мне нужно, часто не совпадает с тем, что преподносит мир.

– Надо разделиться. – Лай раздавался всё ближе и, как обычно бывает, когда всё оборачивается скверно, мой разум принялся искать пути, как мне выкрутиться. Хеннан замедлял нас, тут не было сомнений. Я ещё не настолько перепугался, чтобы оставить парня, но разделиться казалось неплохой альтернативой. Он уже не будет меня замедлять, и всё же я его не оставлю – есть равный или даже бóльший шанс, что погоня последует за мной, и это за недостаточностью улики можно истолковать как спасение пацана! – Если разделимся, то они не смогут преследовать нас всех...

– Что это? – Кара меня проигнорировала, указывая вперёд.

Земля перед нами поднималась, становясь бесплодной и сухой по мере того, как мы взбирались на холмы. У меня было только общее представление о направлении и смутные воспоминания о каких-то картах, которые я внимательно рассматривал в архивах

Золотого Дома, поэтому казалось, что наши шансы отыскать конкретную нору в земле зависели от того, встретим ли мы какого-нибудь местного, который сможет нас провести. К несчастью в Ромерских холмах, видимо, совершенно не было местного населения – возможно оттого, что гостеприимностью это место могло сравниться с поверхностью луны.

– Тропа. – Снорри опустил руку, которой прикрывал глаза, и на миг мрачная линия его губ изогнулась во что-то менее угрюмое.

– А здесь есть только одно место, куда она может вести! – С новыми силами я бросился вперёд, облизывая пересохшие и потрескавшиеся губы, и жалея, что мне не удалось выпить немного больше Умбера, пока я с ним боролся.

Из-за акустики долины казалось, что гончие уже прямо за нами, хотя к тому времени, как тропа провела нас на другую сторону, на склонах, по которым мы спустились, по-прежнему не было видно никаких признаков погони.

– Маловата тропинка. – Проворчал Снорри и подтолкнул Хеннана вверх по склону. – Разве мы не должны были встретить какой-нибудь транспорт?

– Умбертиде импортирует большую часть соли по реке Умбер. Вы шли по её берегу до города, когда высадились в порту Тресто.

Кара обернулась, услышав это.

– Я слышала, что Крптипские копи одни из крупнейших...

– Они огромные – просто соли производят с гулькин нос, – сказал я. – Там живёт Келем. Видимо, он не любит компанию, и, раз уж это место его сохраняет, вряд ли полюбит в ближайшее время.

Мы прошли ещё несколько шагов, и Снорри снова заговорил.

– Но эти дороги смыло бы за несколько лет, если бы ими не пользовались.

– Небольшое производство есть, они работают вокруг помещений у входа. – Я поднял голову и указал: – Вон, смотрите! – Подъём открыл кучку лачуг, сараев, конюшен и несколько телег вокруг чёрной зияющей дыры в основании скалы, где долина внезапно становилась весьма крутой.

Мы ускорили шаг и, изнывая от усталости, трусцой побежали по

пыльной дороге. Отстав, я обернулся и увидел, как из сухих оврагов на дальней стороне долины появляются первые гончие – крошечные на таком расстоянии, но всё равно страшные.

К тому времени, как мы дохромали до площадки, окружённой зданиями перед входом в копи, я уже из последнего стал первым. Я стоял, уперев руки в колени и вдыхая сухой воздух, моя рубашка прилипла к рёбрам. Я скорее услышал, чем увидел, что Снорри за моей спиной вытаскивает топор. Мгновением позже раздался звон тревоги – кто-то принялся колотить по согнутому в треугольник железному пруту, которым здесь созывали людей на обед.

– С-спокойно, – я выпрямился и положил ладонь на толщу руки Снорри. В любом случае, не было похоже, что он готов сражаться: тёмные мешки под глазами, пот на лице, не разгибается от боли в покрытом солью порезе на боку. Из одной спальной лачуги начали выходить шахтёры ночной смены, зевая так, что челюсти трещали. Двое самых незаспанных брали со стойки у двери молоты с длинными рукоятками.

Кара шагнула вперёд.

– Мы хотим всего лишь нанести визит Келему. Нам не нужны неприятности.

Шахтёры уставились на неё так, словно она какое-то странное существо, раскопанное из соли. Эти люди, целыми днями трудившиеся в глубине соляных пещер, были бледнее обычных флорентинцев, но кожа Кары была словно снег, поскольку от солнца её оберегала ведьминская мазь.

Их бригадир наконец очухался, как раз когда я уже собирался его поторопить. Наверное, уже считанные минуты оставались до того момента, как гончие нас догонят, и лай сменится укусами.

– Не могу, мэм. У Келема свои правила. Никто не спускается вниз, если только он не посылает за ним своих слуг. – Он проникательно посмотрел на нас прищуренными от яркого солнца глазами. Его лицо было настолько сухопарым, словно соль высосала из него влагу почти до последней капли.

– Мы можем заплатить. – Кара посмотрела в мою сторону. Она явно слишком устала и стояла, опираясь на своё копьё.

– Содержимого ваших карманов не хватит, мэм, как бы глубоки

они не были. – Он покачал сидящей головой. – Правила Келема нельзя нарушать. Играй по ним, и он будет справедлив. Нарушишь – и узнаешь, что Инквизиция ещё добрая.

– Вы собираетесь нас остановить? – Нахмурился Снорри. Я знал, что его беспокоило не их число, ему просто не хотелось причинять им боль.

Шахтёры напряглись, услышав угрозу в его голосе, и выпрямились. Теперь уже все проснулись, и некоторые брали в руки ломы. Последние шахтёры выходили из длинной хижины, доведя их силы до пятнадцати человек. Меня-то их число сильно волновало, а Снорри едва на ногах держался.

– Стойте! Погодите... – Сказал я, подняв руку над головой и подпустив в голос столько королевской властности, сколько мог. – Говорите, по правилам? – Я сунул руку в жакет и начал шарить по внутренним карманам среди бумаг – там лежали результаты настолько мелких покупок, что у меня не было ни времени, ни желания обналичить их, собирая золото, которое забрал у меня Та-Нам. В недавнем прошлом они всего лишь спасали меня от ночного холода в темнице. Я нашёл ту, что искал, и тщательно отделил от остальных. К счастью, похоже, чернила не очень сильно потекли от моего заплыва по Умберу.

– Вот! – Я изящным жестом протянул бумагу. – Заверено Золотым Домом. – Я провёл пальцем по заголовку с завитками и восковой печати. – Я владею тринадцатую из двадцати четырёх долей Горной Корпорации Крптипа. Грандиозное имя для такого забытого богом сборища лачуг и струйки соли, которую вам удаётся отправлять в город. Так что пока... – Я взглянул на документ. – Антонио Гарраро... ваш казначей, и управляет делами из-за своего стола в городе, именно я, принц Ялан Кендет, десятый наследник престола Красной Марки и её протекторатов, владею контрольным пакетом этой дыры в земле. – Я помедлил, чтобы до всех дошло. – Так что я желаю предпринять экскурсию по своим владениям, и представить себе не могу, как такое действие может нарушить правила, установленные Келемом. В конце концов, эти правила позволяют моим работникам делать именно это, семь дней в неделю.

Бригадир вышел вперёд, не сводя глаз с топора в руке Снорри. Он взглянул на потускневшие и подпорченные водой чернила на пергаменте и протянул руку, чтобы постучать ногтем по восковой

печати. Потом бросил взгляд на грязные лохмотья, прилипшие к моему телу. – Не похоже, что вы владеете копиями, принц...

– Принц Ялан Кендет, наследник Красной Королевы, и не пытайся притворяться, что не слышал о *ней*. – Я повысил голос почти до крика, что отлично работает, когда приказываешь лакеям. – И я выгляжу в точности как человек, который владеет такой выработанной бесполезной дырой, как Крптип, которая не приносила прибыли уже шесть лет.

Бригадир помедлил, прикусив пересохшую верхнюю губу. Я смотрел, как он взвешивает разные возможности, вычисления были ясно видны в морщинах на его лбу.

– Вы правы, ваше величество. Я лично провожу вас вниз. Ночная смена поднимется через час, и тогда...

– Мы отправимся сейчас, и охраны не нужно. – Я пошёл в сторону входа в пещеру. Остальные присоединились ко мне. Далёкий лай быстро становился всё громче.

– Но... вы же заблудитесь! – Крикнул мне в спину бригадир.

– Сомневаюсь! В конце концов, это мои копи, а надо знать свои владения! – Проводник будет лишь удерживать нас в пределах мест, контролируемых компанией, и не больше нашего будет знать, как пройти в пещеры Келема.

– Вы даже фонари не возьмёте?

– Я... – Всегда нелегко проглотить гордость, особенно такую неносную, как моя. Но страх темноты победил, и резко развернувшись, я вернулся назад за тремя фонарями со стеклянными колпаками, висевшими на крюках под карнизом лачуги. Потом пошёл к остальным, и моё достоинство требовало не торопиться. Но собачий вой, который эти твари издают, заведя жертву, выбил из меня все остатки достоинства, и я, грохоча фонарями в руках, бросился ко входу в шахту.

Шаткие деревянные лестницы, связанные покрытыми солью верёвками, исчезали в каменистой глотке, зияющей в полу пещеры в пятидесяти ярдах от входа. Прямо над ней ослепительно голубым кругом пронзала крышу древняя дыра того же диаметра. Я сунул один фонарь Снорри, а другой Каре.

– Нет времени зажигать! Вниз! – И от страха перед гончими я

помчался вперёд, таща Хеннана за собой. Меня не остановил даже зловещий треск лестницы под моим весом. Я в горячке карабкался вниз, а вокруг поднималась поглощавшая меня темнота. Вверху я услышал рычание, скрежет когтей по камню и рёв Снорри, страшнее, чем любого зверя. Что-то пролетело мимо меня, обдав ветерком. Собака, понадеялся я. Ещё немного ближе, и она сбила бы меня со ступенек.

Спустя целую вечность, содрав руки об непереносимо горячие ступеньки, покрытые солью, я спрыгнул на твёрдую землю.

– Вы спускаетесь? – Мои слова потерялись в пустоте наверху, тьму которой пронзал лишь единственный кусочек неба невероятно высоко вверху.

– Да. – Хеннан, где-то высоко.

– Да. – Голос Кары. Немного ближе. – У тебя есть орихалк?

Я отошёл от лестницы, освобождая ей место, и начал шарить по карманам в поисках металлического конуса. Только шагнув, я вступил в скользкую плохо пахнущую грязь и чуть не потерял равновесие. Орихалк никак не находился, и я уж думал, что потерял его в реке, пока пальцы не коснулись металла, который так сильно засверкал, что почти ослепил меня. Пульсирующее свечение открыло несколько фактов: во-первых, изгибы зада спускающейся по последним ступенькам Кары; во-вторых, останки большой тёмной гончей; и в-третьих, то, что я принял за грязь, оказалось внутренностями вышеупомянутой собаки – тварь разорвало при падении. Четвёртый и наименее приятный факт состоял в том, что это был далеко не конец нашего спуска, а скорее узкий уступ, с которого спускались новые лестницы. Весь этот уступ был меньше шести квадратных ярдов и по большей части покрыт месивом из собаки. Мои пятки стояли в дюйме от тёмного и бесконечного обрыва за моей спиной, и я от потрясения снова поскользнулся. Обе ноги вырвались из-под меня и свалились за край. Орихалк выпал из моей руки. Грудь с хрустом ударилась об камень, руки инстинктивно потянулись вперёд, пальцы искали, за что ухватиться, и целую секунду, за которую я чуть не обмочил штаны, я висел на углу планки, плотно прижавшись к обрыву, а мои ноги искали опору.

– Держу! – Кара бросилась вперёд, её рука схватила моё правое запястье за удар сердца до того, как погас свет орихалка.

Казалось, мы висели так целую вечность. Из меня выбило дух, поэтому я не мог подорвать притязания на героизм криками о помощи или мольбами всем богам. В конце концов, когда воздух стал поступать в отбитые лёгкие, я услышал удар кремня по стали, и зажегся фонарь. У лестницы стояли Снорри и Хеннан, Кара лежала в останках собаки, зацепившись ногой за нижнюю планку – и это было единственное, что удерживало нас от смертельного падения.

Снорри потребовалось время, чтобы поднять меня – казалось, ему не хватало обычной силы, и, поднимая меня, он застонал от напряжения, а его рубашка на раненом боку окрасилась тёмным. Когда я наконец поднялся, Кара всё ещё стряхивала с себя самые крупные ошмётки собаки. А ещё я заметил пару кусочков и на себе. Хеннан подобрал орихалк, и я убрал его в карман – мы с Карой уронили свои фонари за край, так что вскоре мне мог понадобиться собственный источник света. Что бы ни затевали люди с собаками, их не было видно на фоне яркого пятна над головой. Я вытер рот, и оказалось, что он весь в крови. Наверное, я прикусил язык, когда врезался в край обрыва.

– Пошли. – На этот раз Снорри полез первым.

Я последовал за Карой, спускаясь осторожно, поскольку сапоги всё ещё были скользкими, и вся грудь болела сверху донизу.

Второй участок спуска оказался длиннее, чем первый, а круг неба стал маленьким и далёким, как луна. На меня начала давить тяжесть невообразимого веса скалы вокруг нас. Я прошёл от ледяных гор севера, чтобы похоронить себя под прожаренными холмами Флоренции, и что бы ни ждало нас внизу, видимо, наше путешествие подходило к своему концу. Столько миль, столько месяцев, и ключ Локи, сопровождавший нас на каждом шагу – главная причина наших долгих перемещений. Я подумал, что бог обмана, должно быть, смотрит на нас из просторов Асгарда и смеётся над шуткой, которую только он по-настоящему понимает.

Видения явились в худший момент из возможных – когда мои руки ныли от слишком долгого спуска, ладони взмокли от пота, и тьма окружала со всех сторон. Над головой тянулась громадная толща скалы и неизвестно какой обрыв подо мной. От вкуса крови в меня хлынули воспоминания. В этом не было ничего удивительного. Остатки заклинания Кары всё ещё меня отравляли, полыхая магией, текущей по венам, расширяя простое заклинание в то, что грозило

раскрыть во сне всю историю моего рода. Во мне оставалось подозрение, что вёльва именно это и планировала. Уж точно, погрузив меня в сон на несколько недель, она получала намного больше возможностей поработать со Снорри и украсть ключ, если он ей его не отдаст.

Видение увело мои мысли от нынешних подозрений к прошлым событиям. Мы с Алисой преследовали Синюю Госпожу – гнались за ней по дворцу в личные покои старшего Голлота, того, кто по легенде был настоящим наследником последнего императора Адама Третьего, хоть и незаконнорожденным племянником. Мы никогда не рассказывали эту историю слишком громко. На самом деле мне её рассказали только на мой двадцать первый день рождения, чуть больше года назад. Поскольку ничто так не объединяет врагов любого королевства, как законное право на престол Империи.

Пока я спускался, память так ярко рисовала на темноте погоню моей бабушки, что перекрывала мне зрение, и я видел перекладыны лестницы, совершенно их не замечая, а в голове мелькали белые коридоры, упавшие стражники, сломанные двери и быстрая бесстрашная Алиса Кендет, бегущая впереди меня.

Мы мчались мимо кровавой резни, изо всех сил гнались за своей целью, и всё равно прибежали слишком поздно – мимо останков элитных телохранителей Голлота Первого у дверей спальни старика. Синяя Госпожа срубила троих человек в латных доспехах. Бог знает, какую магию она использовала, и чего ей это стоило. Это были самые проверенные воины, преданные вне всяких сомнений, смертоносно владевшие мечом и кинжалом. Все лежали разбитые, словно их превратили в стекло и ударили молотком, и острые края их ран сглаживало то, что из них вытекало.

В спальне старика с картинами моря на стене мы обнаружили короля, который был бы императором, если бы не ложь, вероломство и война. Он покойно лежал на постели, прижимая к груди кровавый цветок своей жизненной силы. Если вы жили где-нибудь, где на каждом шагу встречаются статуи императоров, то сразу бы поняли, что из него вытекла их кровь. Я видел это в линии его подбородка, в наклоне носа, в ширине его плеч, хоть и поникших от смерти.

В крике Алисы было больше ярости, чем скорби, но и того и другого было немало. Потом она увидела это, и я проследил за её взглядом. В углу комнаты стояло высокое зеркало. Посеребрённое

стекло в раме чёрного дерева. Если искать такое в Вермильоне в наши дни, оно будет стоить сотню марок золотом. Только зеркало не отражало комнату, а казалось узким окном в другое место. В сказочную страну, где из скал, словно иголки ежа, торчали осколки кристаллов длиннее копья и толще человека, и где бежала фигура, отмеченная мерцающими сапфирами в волосах.

Моя бабушка добежала до зеркала, и я бы поклялся, что она собирается нырнуть в него головой вперёд, но оно разбилось перед ней. Тысячи блестящих осколков взлетели в воздух, и осыпались на фоне чёрной доски.

Тогда Алиса Кендет упала на колени, не обращая внимания на стекло, приложила голову к чёрным доскам и произнесла клятву. Я видел это по её губам, но слова ускользнули от меня, когда я шагнул вниз. Нога искала очередную перекладину и остановилась на полу шахты.

ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ

Соляная шахта застала меня врасплох. Я ожидал что-то вроде грязных нор, где люди отскребают соль от скалы. Вместо этого мы оказались в громадном, словно кафедральный собор, пространстве, вырезанном целиком в пласте кристаллически-белой соли, которую пронизывали тёмные вены, местами создававшие эффект мрамора, похожие на волокна какого-то громадного дерева. Словно здесь врезались в Иггдрасиль, который по мнению норсийцев растёт в пустом центре творения, а миры свисают с его ветвей.

Прямо перед нами лежала круглая плита из серебристой стали толщиной в человеческий рост и шириной в десять ярдов. Она была изрыта ржавчиной, хотя раньше я ни разу не видел, чтобы коррозия касалась такой стали.

– Должно быть, древняя. – Сказала Кара.

– Зодчие знали об этом месте ещё раньше Келема, – сказал Снорри.

Под нашими ногами лежала молотая соль, но тут и там виднелись литые камни Зодчих, целые плиты, потрескавшиеся и разломанные.

– Давайте рассмотрим получше. – Я вытащил из кармана орихалк, и запульсировал свет. Там, где соль оставалась нетронутой, стояли огромные колонны, поддерживавшие крышу, и на каждой был вырезан глубокий спиральный узор, так что они были похожи на гигантские верёвки.

– Тут умерло целое море. – Выдохнула Кара в окружавшую нас пустоту.

– Океан. – Снорри пошёл вперёд по пещере. У воздуха был странный привкус – не соль, а что-то из дыма алхимика. И сухость – это место высасывало влагу с мох глаз. Сухо, как за порогом смерти.

– Так как мы доберёмся до Келемовой части копей? – Кара осмотрелась по сторонам, хмуро взглянув на фонари, горевшие в нишах на далёкой противоположной стене.

– Мы уже в ней, – сказал я, убирая орихалк. – Шахтёры, наверное, проходят напрямик туда, где копают. Они не оставили бы столько соли так близко от входа, если бы это не было для них запрещено... к тому же, это было бы выгоднее. И эти фонари... кто станет вот так тратить масло?

– За нами наблюдают. – Хеннан указал на один из дюжин коридоров, ведущих из основного помещения. Я покосился, куда указывал его палец. Что-то мерцало там в тенях.

Снорри направился в ту сторону, и пока он шёл, тварь, наблюдавшая за нами, выползла на свет. Паук чудовищных размеров, сделанный из сияющего серебра. Ноги больше двух ярдов, блестящее тело больше человеческой головы, усеянное рубинами размером с голубиное яйцо и фасетчатыми, как глаза у паукообразных. Он быстро подполз, по-балетному сложно передвигая ногами и по частям отражая наш свет.

– Один. – Снорри шагнул назад. Я впервые видел, как что-то заставило его помедлить.

– Интересно, почему серебро? – Кара выставила перед собой свой клинок.

– Почему чёртов паук? Вот нормальный вопрос. – Я отошёл за спину Снорри. Я не против пауков, пока они такие маленькие, что подходят под мой каблук.

– Железо ржавеет. – Кара не отрывала глаз от твари. – Механические солдаты здесь долго бы не протянули. Если только они сделаны не из серебристой стали, как вот этот наш друг.

– Друг? – Снорри сделал ещё шаг назад, и я сдвинулся, чтобы он в меня не врезался.

Паук остановился неподалёку от нас, а потом направился обратно в темноту, откуда пришёл, двигаясь преувеличенно медленно.

– Это проводник, – сказала Кара.

– Куда? – Снорри не шевельнулся. – В паутину?

– По-моему, немного поздно волноваться о том, что мы идём в ловушку. – Кара оглянулась на него со смесью гнева и раздражения на лице. – Вер Снагасон, ты прошёл ради этого тысячу миль, не

слушая ничьих советов. Ловушка здесь была всё это время. Ты попал в паутину в тот миг, как взял в руки ключ. Не надо было ему покидать льды. Келем отправил убийц забрать его у тебя, а теперь ты сам принёс ему ключ. На тебе отметина присягнувшего камню, и он притащил тебя к себе. – Она указала на его рубашку с пятном, которую вокруг раны уже пронзали кристаллические наросты.

Кара покачала головой и пошла следом за пауком, подкрутив фитиль в последнем фонаре.

На долгое время наше путешествие свелось к жужжанию и щелчкам механизмов паука, цоканью его металлических ножек по камню и блеску длинных конечностей в свете фонаря. Паук вёл нас вниз по коридорам со стенами из соли, что время от времени выходили в тёмные похожие на пещеры галереи, размеров которых наш свет не мог открыть. Мы спускались по ступеням и по уклонам, где каждый поворот вёл только вниз, никогда вверх. Дважды мы проходили по просторным помещениям, высокие потолки которых терялись во мраке, и поддерживали их колонны природной каменной соли, оставленные на месте залегания. Прочая соль была давным-давно вырезана целыми плитами и вывезена на поверхность, которая находилась неприятно высоко над нами.

В одном из этих залов с колоннами рабочие шахты, ныне уже давно мёртвые, вырезали церковь со святыми. Посреди арочного входа стоял апостол Павел, подняв перед собой белую блестящую руку, чуть разведя пальцы, словно указывал на важную истину. К его груди была прижата библия, а выражение белого лица на белом сложно было прочесть.

Один раз мы прошли коридором из камня Зодчих, который сотнек ярдов был гладким и идеальным, а потом осыпался, и мы снова оказались в пещерах. Похоже, они соорудили здесь какой-то комплекс, не ценя богатство минералов вокруг – просто закапывались поглубже, чтобы спрятаться, только чтобы позже люди принялись копать вокруг них.

Чем глубже заводили нас коридоры, тем сильнее чувствовалась в воздухе алхимия, которая колола мои глаза и проридрала лёгкие. Спустя, наверное, милю коридоров и галерей, если не больше, мы начали встречать дверные проходы, вырезанные в соли: тщательно сделанные арки, но без дверей, за которыми были стены кристаллической природной соли, словно здесь собирались выкопать

новые помещения, но планы изменились.

Воздух постепенно становился гуще и теплее, как обещание Хель. Наверняка огни преисподней горели не слишком далеко под нами. Соль тоже изменилась – с той, что на вкус была как морская соль, на нечто кислое, обжигавшее язык. Цвета сменились: в белом появилась примесь тёмно-синего, которая придавала глубину всем поверхностям. Воздух утратил сухость, становясь влажным по мере того, как наш путь заводил нас всё глубже – так что если раньше пот высасывало из моей кожи даже раньше, чем он успевал выступить, то теперь воздух отказывался его принимать, и ручейки пота текли по моим рукам и ногам, ничуть не охлаждая.

Наконец паук привёл нас по длинному лестничному пролёту и короткому коридору в естественную пещеру, где сквозь стены из соли иногда виднелась скала, и всё было закруглённым, комковатым. За очередным поворотом открылся побеленный деревянный мост, пересекавший горячий ручеёк, который пробивался через соль, источая пар. А за мостом открывался зал чудес.

– Святая Хель! – Помянула Кара языческую богиню, которая правит норсийцами в загробной жизни, если смерть не забирает их в Вальхаллу. По всеобщему мнению это холодная сука, у которой линия от носа до паха отделяет левую сторону из чистого гагата от алебастровой правой.

– Охуеть. – На мой взгляд, у христиан реакция для такой ситуации более подходящая. Пещера перед нами представляла собой широкий извилистый тоннель, словно какой-то огромный червь прокопал здесь ход, и со всех сторон огромными кристаллами лежала соль. Целый лес кристаллов, некоторые длиною в ярд, шестиугольные в сечении и настолько толстые, что мне не удалось бы обхватить их руками. Другие были длиной ярдов в десять, в толщину больше моего роста, и у каждого поверхность более плоская, чем может сделать любой человек, а все углы – острые и идеальные.

Я знал это место. Видел его в видениях, посланных магией Кары. Видел его в зеркале в воспоминаниях бабушки. Синяя Госпожа сбежала в эти пещеры после того, как убила старшего Голлота, первого в моём роду. Это их связывало, Келема и Синюю Госпожу. Но я не знал, кто кем управлял – знал только, что оба играли в эту игру, и играли против моей семьи. Как ни посмотри, из этого

следовало, что рука Келема лежала на плече Эдриса Дина в тот день, когда он пришёл в Вермильон.

Паук двигался между, под и над кристаллами, не сбиваясь с шага, и обтекал каждое препятствие, жужжа множеством ног. Мы двигались медленнее, пытаясь извлечь хоть какую-то пользу от каждого вдоха обжигающего, слишком влажного воздуха, и источали воду с потом быстрее, чем человек может её выписать. Меня охватила вялость, словно тёплое мокрое одеяло, и я понял, что застыл, перелезая через массивный осколок кристалла, который Снорри только что преодолел. Поверхность кристалла подо мной отразила свет фонаря Кары, окрасившись в глубочайший сине-фиолетовый цвет. Казалось, весь осколок запылал внутренним огнём, загоревшись от основания, которое находилось невероятно далеко подо мной. На миг показалось, что я сижу под водой спокойного моря, и только тончайший лист какого-то хрупкого материала удерживает меня, не даёт погрузиться туда, где горит огонь... истощение согнуло меня, огромный вес притягивал голову к кристаллу. Ключ Локи выскользнул из моей мокрой рубашки, качаясь на шнурке – теперь он был чернее, чем я его когда-либо видел, кончик болтался в пальце над поверхностью, которая меня держала...

– Ял! – Рывкнула Кара сзади, и её голос царапал, словно ногти по стеклу, наполняя меня раздражением. – Ял!

Я неохотно повернул к ней голову и посмотрел ей в глаза.

– Не надо, – сказала она... – Мир здесь треснул. – Она нахмурилась, пот тёк по её лбу, светлые волосы прилипли к голове. Казалось, её глаза расфокусированы... по-ведьмински, сказал бы я, за неимением слова лучше. Она попробовала воздух. – Это место дверей.

– Ну... так говорят. – Я помахал рукой. – Что-то я не видел ни одной чёртовой двери с тех пор, как мы спустились с поверхности.

Она глянула на кристалл подо мной.

– Здесь портал. Почти дверь... ошибкой было бы прикоснуться к нему ключом. Не знаю, куда или когда он может тебя перенести.

– Когда?

Но она не ответила, только подставила руки, чтобы Хеннан мог перебраться через осколок. Мальчик обмотал руки лохмотьями.

Правильно. Мои руки были изрезаны от острых краёв кристаллов и уже ныли от соли.

Паук провёл нас из кристальной галереи, мимо источающего пар озера с кобальтово-синей водой, в зал не меньше тех, что мы видели раньше, но на этот раз высеченный из скалы. По каждой стороне стояли массивные соляные кристаллы, громадные восьмиугольные колонны, извлечённые из каких-то глубин искусством, неизвестным людям – по крайней мере никому со времён Зодчих. Каждая колонна едва прошла бы в проход, который привёл нас сюда, и понадобилась бы сотня слонов, чтобы тащить такую.

Не знаю, какая соль сформировала те колонны, но каждая светилась призрачным светом, который исходил из невидимых мне источников и освещал чистые глубины колонн, где паутина и вуали едва заметных белых линий повреждений рисовали формы, подобия ужасов и ангелов, навсегда запертых в сердце кристалла.

– Слушай. – Кара протянула руку, и даже паук остановился на полушаге.

– Я не могу...

– Они поют. – Хеннан глазел по сторонам.

"Поют" – это было слишком громко сказано. Каждый кристалл испускал чистую ноту, на самой границе слышимости. Когда я подошёл к одной колонне, а потом к следующей, я мог различить едва заметные изменения звука, словно они были как камертоны, которые используют музыканты, чтобы настраивать струны.

– Это *и есть* двери. – Я приложил руку к поверхности перед собой, и ключ на моей груди зазвенел той же нотой, а кожу стало покалывать от вибрации.

Я насчитал тринадцать колонн, и все были прозрачные, за исключением одной мёртвой в центре левого ряда. Эта была чёрной, как ложь.

Подошёл Снорри и встал рядом со мной. Он казался маленьким в этом месте, масштабы которого всех нас делали муравьями. Викинг держал перед собой топор, и воспалённые шрамы от оков на запястьях пылали красным. Всё его тело скрючилось от раны, нанесённой убийцей, и разросшиеся кристаллы уже закрывали весь его бок от бедра до подмышки острыми шипастыми отростками.

– Которая из них моя? Чёрная?

– Твоей среди них нет, северянин. – Зазвенел скрежещущий атональный голос сзади, который напомнил мне механических солдат.

Повернувшись, сначала мы увидели вырезанный из соли трон с опорами и плафонами, величественный, как у короля. Дубовые доски, на которых он стоял, лежали на спинах нескольких пауков из серебристой стали – путанный лес их ножек быстро двигался, как пальцы барда по струнам лютни, плавно перемещая платформу с троном.

На соляном сидении, словно пятно на фоне его белизны, скрючилась иссохшая фигура. Сначала я решил, что это труп, серый и голый, обмякший и чахлый. Его кожа во многих местах была проткнута острыми кристаллами соли, которые росли пучками, как иней на замёрзших ветках.

– Это мои залы. – Голова этого похожего на труп тела поднялась, осматривая нас, и в темноте глазниц блеснуло что-то похожее на глаза. На шее, от которой остались кожа да кости, висело устройство из серебристой стали, закреплённое в серой плоти и направленное в нашу сторону дырявой решёткой. Похожие штуки были встроены в шеи механических солдат и издавали голоса.

– Келем...

– Не очень-то мудро с твоей стороны приходить сюда, ведьма. – Прервал Кару механический голос. – Ты из потомства Скилфы? Она обычно лучше понимает, что к чему. – Пока Келем говорил, вылезало всё больше пауков меньшего размера, которые заползали на спинку его трона. У некоторых тела были с руку, а у других не больше монеты. Они сложными волнами перемещались вокруг мага, двигая его тело, меняя позиции рук, так что, словно марионетка, он шевелился в каком-то жутком подобию жизни.

Когда вкладываешь в самообман так много, как я, наступает миг, когда на тебя обрушивается быстрое осознание правды, и точно говорю, внезапное понимание того, каким ты был дураком, не менее жестоко, чем удар ножом. В моём воображении мы проникали в шахту и находили дверь, которую искал Снорри, пока Келем спал. Даже несмотря на паука, ведущего нас к Келему, я думал, что мы сможем найти то, что нам нужно, прежде чем доберёмся до него. А

теперь, похоже, Снорри нужно отдать мою последнюю надежду на спасение, просто чтобы отправиться в место, куда его мог отправить любой кинжал. И если Келем решит не торговаться, а просто превратит нас в четыре соляных столпа... тогда вся надежда только на копьё Кары.

– Ты отправил за мной убийц. – От боли Снорри говорил через стиснутые зубы. Я почти видел медленный рост соли через его плоть.

– Если ты веришь в это, глупо было приходить сюда, Снорри вер Снагасон.

– В пещере Эридруина ты мучил меня демоном в форме моей дочери. – Снорри поднял топор.

– Не я, норсиец. Может, какой-то призрак моего прошлого, чувствующий мою волю, что ты должен прийти сюда, в мой дом. Но прошлое – это иная страна, и я более не в ответе за то, что там происходит. Возраст прощает преступления человека.

Заговорила Кара, волнуясь, наверное, что Снорри бросится в атаку и не даст ей попытать счастья с копьём.

– Но больше ты не отправлял убийц. Решил поторговаться?

– Это правда, я люблю торговаться. – Из голосовой решётки донёлся какой-то ржавый звук, который вполне мог быть смехом. – И, кажется, тебе нужно что-то от меня, Снагасон. Я могу помочь тебе с твоей бедой... – Паук покрупнее провёл рукой Келема ему по боку, отражая жестом линию раны, пожирающей Снорри.

– Я ищу дверь. И больше ничего. – Снорри выпрямился, губы сжались в полосу от боли, затрещали кристаллы, покрывающие его бок, и посыпались целые пласты соли.

Келем осмотрел каждого из нас, его впалые глаза задержались на мне, потом на Хеннане, и среди бледных прядей волос стали видны лапы паука, поднимавшего его голову.

– Вряд ли у тебя есть ключ, Снагасон. Хотя загадка, зачем бы человеку отдавать такое сокровище, если только он не вынужден. – Его взгляд остановился на Каре, задержался на серебряном копьё в её руке, а потом переместился на её лицо. – Отдай мне ключ, маленькая вельва.

Кара двигалась быстро. Быстрее, чем в тот раз, когда я её ударил,

а она сбила меня с ног. Два коротких шага, и она, хрустнув рукой, выпустила Гунгнир. Копьё врезалось в грудь Келема, пригвоздив его к трону – таким броском и Снорри мог бы гордиться.

Никто из нас не пошевелился. Никто не заговорил. Паук наклонил голову Келема, чтобы тот взглянул на копье. Другой паук поднял его руку, чтобы положить предплечье на древко.

– Ты выбрала неверную дверь, вельва. Меня называют повелителем путей. Ты не задумывалась, что я могу заметить, как ты проходишь через порталы, которые стоят неподалёку от Ошимского Колеса? Я сам дал вам это. – Покрытые солью пальцы постукали по тёмному дереву Гунгнира. – Я дал его вам, чтобы сделать вас храбрыми...

– Тебе помог Сейджес. – Я захлопнул рот, проговорив это – я не собирался привлекать к себе внимание.

Келем посмотрел в мою сторону, склонив голову в подтверждение моих слов.

– Моё умение обнаружило тебя. Я направил повелителя слов посеять это в твоих видениях. Ему отлично заплатили. Всего лишь наёмник. Понятия не имею, насколько сложно ему было подвести ваши медленные и тупые умы к этому плану, направить вас к инструментам, поместить их в ваши руки... – Он снова посмотрел на Кару. – А теперь, когда ты напала на меня, Локи не будет возражать, если я просто убью тебя и возьму ключ с твоего трупa. Но всё равно, из уважения к твоей бабушке я даю тебе последнюю возможность отдать его добровольно.

– У меня его нет. – Кара обречённо опустила руки.

Из голосовой решётки Келема раздался скрежет, как гвоздём по стеклу – наверное, только так могла изобразить ярость эта иссохшая имитация человека. Его голова резко повернулась к Снорри.

– Как... как получилось, что человек с величайшей силой не носит и величайшее оружие? Ты отдал копье Одина ведьме, у которой даже нет ключа. Ты спятил?

– Это не копье Одина, – сказал Снорри. – И когда я встану перед тем, что находится за дверью смерти, в руках у меня будет только мой топор, который носил и мой отец, а не чьё-то копье.

– Говори, Снагасон. Ты много прошёл, чтобы сказать это. – В

механическом голосе Келема слышались нотки изумления.

Снорри посмотрел в мою сторону – в необычном свете кристаллов в его глазах не было ни капли голубого цвета, только тьма.

– Тебе надо говорить с принцем Яланом Кендетом, наследником трона Красной Марки. С моим другом. Ключ принадлежит ему.

Келем издал звук отвращения и махнул рукой.

– Ключ, который ты носишь, оставляет отметины в мире. Чем дольше он не двигается, тем глубже отметина. Чем больше его используют, тем глубже отметина. Когда вы начинали своё путешествие, я понятия не имел, где его искать. Но теперь вы стоите передо мной... и я вижу, что это правда. Трофей у принца. – Его глаза блеснули в глубине сухих глазниц и остановились на мне. – Я куплю у тебя ключ. Поторгуюсь?

Келем хотел, чтобы владелец ключа набросился на него. Он вложил копье нам в руки, чтобы нам хватило отваги на такой поступок. Если бы план мага сработал, то он мог бы убить нас и избежать бы проклятия Локи, как избежал его Снорри, когда на него напал нерождённый Капитан. А теперь план Келема потерпел неудачу, и магу требовалось, чтобы я отдал ему ключ по своему желанию, или он мог бы выманить его у меня хитростью или украсть. Я сомневался, что он хорош в карманничестве, зато у него самого карманы были глубокими... интересно, насколько глубоко он готов копнуть, чтобы завладеть ключом.

– Уверен, мы сможем заключить сделку. – Я крепко вцепился в ключ, не собираясь отдавать его какому-нибудь вороватому паукообразному механизму. Сжав ключ, я мельком увидел другое место – комнату со множеством деревянных дверей. Передо мной стоял Келем, моложе даже, чем его дух, которого мы видели в пещере Эридруина. – Что ты предлагаешь?

Келем не говорил, пока лапы паука поворачивали его покрытую солью голову, чтобы посмотреть прямо на меня. Но за это время я снова мельком увидел ту маленькую комнату и услышал, как молодой Келем говорит: "Ты бог, Локи?", не отводя от меня суровых, словно камни, глаз.

– Чт... – Начал я, но видение снова явилось, прервав меня.

"Келем, твоя смерть за одной из этих дверей". – Кажется, это я говорю эти слова в той комнате, так много веков назад, что Келем выглядит не старше Снорри.

Тот молодой Келем усмехнулся. "Бог обманов, так...".

"Не волнуйся". Голос мой, но это не я. "Эту тебе не открыть".

Видение исчезло, и я понял, что Келем – древний и иссохший маг на троне – обратился ко мне.

– Дитя Красной Королевы?

– Её внук, сир. Мой отец кардинал...

– Отродья Скилфы и Алисы ждут моего решения. В соляной шахте глубоко под землёй, вместе со старым Келемом. Как странно крутится мир, и как быстро. Кажется, только вчера Скилфа была молода и прекрасна. Цветок севера. А Алиса Кендет, она ведь ещё ребёнок? Неужели каждому нужно постареть всякий раз, как я моргаю?

Копьё вывалилось из него – его вытаскивали несколько пауков – и упало на землю.

Я поднял ключ, который в моей руке казался холодным, твёрдым, скользким и всё же как-то извивался, словно червь.

– У тебя есть предложение? – Перед моими глазами мелькает видение растущих из скалы кристаллов. Зеркало, белые кристаллы, бегущая Синяя Госпожа, кровь моего рода на её руках. Предложение должно быть чертовски хорошим.

– Задолго до того, как меня называли повелителем дверей, я был повелителем монет. Золотой ключ открывает почти столько же дверей, как и чёрный. И сердца тоже.

Эти пустые глазницы некоторое время изучали меня.

– У каждого есть цена, мальчик. Твою легко угадать. Я заплачу за то, что называю тебя мальчиком, но немного. Я на самом деле богат, мальчик, ты знал? Настолько богат, что Крез рядом со мной попрошайка, а богатства Мидаса выглядят скромными. Деньги, мальчик, это кровь империй. – Пауки поднимали его сухие руки, тянули сухожилия, управляли костями – на его впалой плоти сидела целая паутина пауков. – Деньги текут через эти руки. Назови свою цену.

– Я... – Меня парализовала нерешительность, а жадность отняла голос. Что если я попрошу слишком мало? Но если попросить чрезмерную сумму, это может его разъярить.

– Нелегко узнать себе цену, Ялан Кендет. Познай себя, как сказал философ. Эта истина пережила День Тысячи Солнц. Легко сказать, да трудно сделать. Знать себе цену – это по большей части и есть знать себя, и кто может ожидать такого от столь юного? Десять тысяч крон золотом.

– Д-десять.. – Я попытался представить эту сумму, как она блестит передо мной, как её тяжесть оттягивает мне руки. Больше, чем я потерял, больше, чем у меня украли, больше чем я задолжал. Достаточно, чтобы расплатиться с жадными лапами в Умбертиде и расплатиться с долгами Мэресу Аллусу, да ещё тысяча останется, если не больше.

– Десять тысяч стали бы оскорблением человеку вашего рода, принц Ялан. – Механический голос выдернул меня из видений. – Шестьдесят четыре тысячи. И ни грошом больше или меньше. Мы договорились.

Всегда бери деньги. Шестьдесят четыре тысячи. Нелепая сумма, абсурдная сумма. Я смогу выкупить корабли Гариуса, наслаждаться беспутной жизнью среди элиты Вермильона, соблазнить сестёр де Вир... Я смогу купить бабушке отряд сынов меча, военный корабль или что-то столь же сильное, чтобы увести её мысли от потери ключа, которым она никогда не владела...

– Деньги будут ждать тебя в качестве кредита в Золотом Доме. Я прослежу, чтобы все обвинения против тебя сняли, и когда расплатишься с долгами, сможешь покинуть город, – сказал Келем.

– Они не здесь? – Это меня разочаровало. Я хотел получить гору золота, которую себе представил.

– Я не дракон, принц Ялан. И не сплю на своём кладе.

– Шестьдесят четыре тысячи крон золотом, и ты исправишь то, что сделал со Снорри. – Я помедлил и вздохнул. – И он получит право открыть дверь смерти, прежде чем ты получишь ключ. – Я глянул на норсийца, который стоял, согнувшись, положив отцовским жестом руку на плечо Хеннану. – Хотя надеюсь, ему хватит здравого смысла этим правом не пользоваться.

– Нет. – Только это слово вылетело из решётки на высохшей шее Келема, а затем тишина.

Я сделал глубокий вдох и вытер пот со лба.

– Шестьдесят три тысячи, лечишь Снорри, и он открывает дверь.
– В утрате тысячи золотых есть некая изысканная боль. Я к ней никогда не привыкну.

– Нет.

– Ой, да ладно. – Я постучал по лбу костяшкой пальца. – Ты меня просто убиваешь. Шестьдесят две, лечение, дверь.

– Нет.

Я задумался, насколько смогу его продавить. Келем явно боялся проклятия Локи сильнее, чем потери шестидесяти четырёх тысяч золотом. Но возможно меньше, чем он боялся открыть дверь в смерть.

Я поднял руку, подошёл к Каре и наклонился поближе, чтобы прошептать на ухо. Чёрт, как же я её хотел, даже здесь, даже мокрую от пота и с подозрительностью в глазах.

– Кара... насколько опасно это проклятье?

Она шагнула назад, положив пальцы мне на грудь.

– Почему Скилфа не забрала ключ у Снорри?

– Э-м-м... – я попытался вспомнить. – Свобода делает мир лучше. Даже если для этого надо позволить глупцам решать, на свою голову – это ведь ты сказала? – Я перевёл взгляд на Снорри. – Она оставила ему ключ, потому что... она мудрая. Или что-то вроде того.

Кара подняла брови.

– Звучит не очень-то правдоподобно, не так ли?

– Скилфа тоже боялась?

– Это ключ Локи. Бога обмана. Грубой силой не решить, кто станет им владеть. Иначе уже много веков назад он стал бы ключом Тора!

– Его можно только отдать, – сказал Снорри. – Олаф Рикесон взял его силой, и проклятие Локи заморозило его армию в десять тысяч человек.

– Так... когда ты дал мне ключ в оливковой роще...

– Да, я доверился другу.

– Чёрт. – Снорри дал мне в руки своё будущее. Столько доверия мне не удержать. Это всё равно что приказать собаке охранять кусок мяса. Это было глупо. – Снорри, ты меня совсем не знаешь. – Отчего-то, даже с шестьюдесятью четырьмя тысячами крон золотом, блестящими в моём воображаемом будущем, я почувствовал себя бедным. Лихорадка, наверное, или отравился ядами от солей нижней шахты.

А может, это было оттого, что Снорри даже не спорил, а просто стоял, как огромный излишне доверчивый придурок, кем он и был, и безрассудно ожидал от меня такого же безрассудства.

– Тридцать две тысячи, лечение, и придурок открывает свою дверь.

– Нет.

– Ой, да ради Бога! Сколько стоит открыть эту проклятую дверь?

– Эту дверь нельзя открывать. Даже если бы ты не взял золота, а лишь предложил мне ключ за то, что я покажу тебе дверь смерти, я бы не решился. Есть причина, по которой призраки моей молодости рассеялись по Аду. Не просто так один из них выступил против вас, когда вы подошли к двери Эридруина. Открывать эту дверь опасно. И ещё опаснее проходить через неё. – Челюсть Келема двигалась, а звук исходил из его шеи. Во рту у него что-то блестело – серебро на чёрной штучке, которая раньше была языком.

– Почему? Какая разница такой мёртвой твари, как ты? – Я даже не хотел, чтобы эта дверь открылась. Понятия не имею, зачем я спорил, вместо того, чтобы раздумывать о том, как довести моё золото в Красную Марку.

– Я не мёртв. – Келем склонил голову. – Скорее... хорошо законсервирован.

Я стоял, крепко сжимая ключ в руке, смотрел на ведьму, на воина, на мальчика, и на старые кости в кресле. Что-то в свете кристаллов изменилось – едва заметно, как лёгкое дуновение ветра, но я почувствовал.

– Что вы будете делать с ключом, мастер Келем? – спросил я его,

и зашагал от одной колонны к другой.

– У меня целый дворец дверей. Совершенно естественно, что мне нужен ключ, который может отпереть любую из них. – Трон Келема повернулся, чтобы он мог меня видеть. – Без ключа открывать такие двери сложно и утомительно, даже опасно, и это может истощить старика вроде меня. Вот эти тринадцать дверей передо мной. Они сложные, но за годы мне удалось открыть все, кроме трёх. Двери во тьму и в свет по-прежнему мне сопротивляются. Но те, с другой стороны, слышат, как я пытаюсь, о да. – Скрежещущий звук, который мог быть смехом. – Они меня боятся, ненавидят, и изо всех сил мне сопротивляются. Тьма знает, что если я контролирую дверь, то я ей владею. И свет тоже это знает. Давным-давно мне сказали, что одна из этих дверей никогда не откроется для меня, и что за ней моя гибель. Сказал мне это сам Локи, отец лжи. И я поверил ему, поскольку он всегда честен. Он гордится этим, зная, что частичная правда ранит сильнее, чем ложь. – Келем махнул высушенной рукой в мою сторону. – Ключ отопрёт двери, и последняя – последнюю я оставлю запертой. Эту я снова запру, так хорошо запру, что её нельзя будет открыть до скончания веков.

Неприятно, когда тот, с кем торгуешься, даёт понять, насколько ценно то, что у тебя есть для него. На рынке мы притворяемся, будто нам плевать, очерняем то, что желаем, оговариваем это. Келем честно сказал мне две вещи. Что я могу доверять его предложению, и что глупо будет отказываться, поскольку так или иначе ключом он завладеет.

– Чёрная. – Я указал на колонну. – Это дверь в смерть? Врата в Ад?

– Нет, это одна из трёх, которые всё ещё мне сопротивляются. Врата в Ад открылись довольно легко. После Дня Тысячи Солнц они болтались на петлях, и это была первая дверь из тринадцати, которую я изучил.

Я уставился на чёрный кристалл.

– Значит, это врата в ночь. – Даже произнося это, я понимал, что это не так.

– Вы так думаете, принц Ялан? Неужели ваша связь с тьмой стала такой слабой?

– Нет. – Я покачал головой. – Это не она... – Я прошёл к следующему столпу, проводя по нему пальцами.

– Та дверь в Ошим, принц Ялан. Дверь это Колесо, а Колесо это дверь. Мне нужно завладеть этой дверью.

– Синяя Госпожа распахнёт их все, – сказал я. – Она думает, что время дверей заканчивается, и скоро миры будут перетекать друг в друга. Она хочет открыть пути и руководить разрушением, чтобы обеспечить себе место в том аду, который получится в итоге.

– Меня неверно информировали о стандартах обучения в Красной Марке, – сказал Келем, и два паука размером с глаз потянули за сухие уголки его рта, чтобы получилась улыбка. – Вас отлично обучили, принц Ялан. Но Синяя Госпожа действительно хочет лишь повернуть Колесо. Она может добиться этого, открыв чёрную дверь, но чёрная дверь и сама открывается. Она открывается уже сотни лет. Очень медленно, но с каждым годом всё быстрее и быстрее. Каждая открытая дверь, каждая вещь, что переходит из одного мира в другой... всё это ослабляет стены между этими местами, и стены начинают трескаться. Ошимская дверь открывается, а Колесо поворачивается. С ключом Локи Синяя Госпожа могла бы сегодня же положить миру конец, открыв дверь раньше нас. А без него ей придётся надеяться на то, что Мёртвый Король откроет дверь смерти так широко, что треснут стены вокруг неё... и тем самым он повернёт Колесо и возвестит конец всему.

– А за что вы, мастер Келем? – Разговор стал для меня слишком сложным. Мне хотелось лишь ускользнуть с деньгами и получить в своё распоряжение столько лет, чтобы хватило их потратить.

– Принц Ялан, я торговец. У всего есть своя цена. Я покупаю, я продаю. В этом же нет ничего плохого? Покупаю то, что можно купить, и продаю тем, кому это надо и кто может заплатить. Богатые должны получать то, что они страстно желают – уж вы-то с этим согласитесь? С этой точки зрения моя позиция, наверное, достаточно ясна. Я отказываюсь открывать одну дверь, даже ненадолго, чтобы сберечь десятки тысяч золотом. Вряд ли это делает из меня человека, который страстно хочет открыть их все, не так ли? Да, я хочу обладать тьмой и светом, и существами за этими дверьми, но покончить со всем сущим? Что я от этого получу? Да, у меня с Синей Госпожой есть общие интересы, но в этом стремлении я ей не союзник.

Ты был её союзником в другом стремлении, таком же кровожадном, давным-давно. Эти слова рвались с моих губ. Он участвовал в заговоре, в результате которого убили первого Голлота. Может и второй умер по его приказу. Это он направлял Синюю Госпожу, или она его? В любом случае оба запятнали руки кровью Кендетов. И семья Снорри тоже числится среди их преступлений – весь его клан Ундорет уничтожен, и теперь, когда Туттугу умер от клинка Эдриса Дина, от клана остался лишь один человек. А Эдрис – создание Синей Госпожи, и смерть моей матери была в её планах, и моя нерождённая сестра – всего лишь побочный эффект. Перед глазами у меня снова пронеслось видение, как госпожа исчезает в зеркале, и Красная Королева на коленях среди осколков, её дед зарезан, и простыни его постели алые от крови. Возможно, это легендарный гнев Алисы Кендет заразил мою кровь, а может и мой собственный. Да, пламя довольно хилое, но брось этой искре достаточно топлива, и оно заполыхает. Я снова услышал стук – тот самый стук, который регулярно слышал с тех пор, как попал в долговую тюрьму. Здесь он звучал громче, отражаясь среди колонн. Из остальных никто на него не реагировал.

– А вы... – Я умолк, стук раздавался слева от меня. Я повернулся и пошёл назад в сторону Келема и остальных. Келема, повелителя дверей. Келема, отправителя убийц.

Тук. Тук. Тук. Равномерно, ритмично, и всё громче с каждой секундой. В последнее время я слышал этот стук каждый день... когда садилось солнце. Слышал ли я этот звук во время каждого заката с тех пор, как взял ключ? Слышал ли его Снорри, когда ключ был у него, звучал ли этот стук на каждом рассвете с тех пор, как дверь аномагов отделила от нас Аслауг и Баракеля? Тук. Тук. Стук разбудил меня ото сна тем весенним утром в Тронде. Тук. Некоторые двери лучше не открывать.

Келем повернул голову и смотрел на меня. Я же видел, как с его сухих рук капает кровь моей матери. Я видел Красную Королеву, девочку, стоявшую у останков её деда. Я чувствовал боль, которая стала моей сутью, когда я очнулся от сна крови, показавшего мою умирающую мать и вернувшего её в мои воспоминания.

– Принц Ялан, у тебя есть то, что я купил и продал. – Возможно, Келем мог видеть, как в моей голове поворачиваются шестерёнки. Может даже знал, что теряет меня.

– Неужели? – Я продолжал идти на звук, двигаясь среди колонн.

– Меч у тебя на поясе. Я узнал его. Несколько десятилетий назад я добыл его у некромантши по имени Челла. Вышло недёшево, но Синяя Госпожа заплатила мне вдесятеро.

Я помедлил, положив руку на рукоять меча, и взглянул на Келема.

– Этот? Этот меч был твоим?

– У Синей Госпожи было много союзников среди некромантов, ещё задолго до того, как появился Мёртвый Король. Она много лет увеличивала их силу, выращивая нерождённых при помощи игрушек вроде твоей.

– Келем, если у меня и есть цена, то это её не уменьшает. – Я искал направление, желая, чтобы тот стук раздался вновь. – Эдрис Дин пытался убить меня этим клинком.

– Но не ты был целью, – сказал Келем. – И не твоя мать.

Я остановился и посмотрел на него.

– Твоя сестра. – Пауки шевелили его челюстью. – Планеты выстроились ради неё. Звёзды затаили дыхание, чтобы взглянуть на её рождение. Молчаливая Сестра думала, что ребёнок вырастет и заменит её, превзойдёт её, и объединит империю. И более того...

– Вылечит мир, – выдохнул я. Бабушка думала, что это я отменю проклятье, которое наложили на нас Зодчие, но дело было не во мне: наша спасительница так и не родилась.

– Этот меч отправил твою сестру в Ад. Нерождённую. Продай мне ключ, и амбиции автора её смерти не воплотятся. С ключом Локи я буду обладать всем сущим, а я не позволю причинять вред своей собственности.

Мои пальцы отдёрнулись от рукояти, словно она вдруг стала слишком горячей. Клинок Эдриса не только проклял сына Снорри, убив его в утробе и пометив его, как нерождённого – он сделал то же самое и с моей сестрой.

– Как думаешь, что нерождённый делал в Вермильоне, принц Ялан? – Спросил Келем, и серебристые лапы растянули кожу его черепа в ухмылку. – Капитан Мёртвого Короля, и нерождённый Принц – оба в одном месте, практически в тени стен дворца? Бросили

вызов магии Молчаливой Сестры...

– Они собирались привести в мир нерождённого. – Даже сейчас воспоминание о нерождённом Принце, одна только мысль о его глазах в прорезях маски заставила меня содрогнуться.

– Всё это ради одного нерождённого? – Голова Келема вопросительно наклонилась. – Разве слуги Мёртвого Короля не приводили нерождённых в самых разных местах, каждое из которых намного менее опасное, чем Вермильон?

Я вспомнил могильный ужас, поднявшийся из кладбища, на котором стоял лагерем цирк Тэпрута.

Келем снова заговорил.

– Чем старше нерождённый, чем больше времени он проводит в Аду, тем более могущественным он становится... и тем сложнее ему вернуться. А этому... этому нужна дыра в мире, настолько большая дыра, что в неё может провалиться город. Этому нужна сила двух самых могущественных нерождённых по эту сторону завесы смерти. Эта... ей нужна смерть кровных родственников, чтобы открыть дорогу. Лучше всего смерть близкого родственника. Брата, например.

– Моя... моя сес... – От ужаса у меня перехватило в горле, ноги запутались...

– Твоя сестра должна была стать воином Красной Королевы. Но её забрала Синяя Госпожа и сделала своей. Как нерождённая Королева, она может стать невестой Мёртвого Короля, его кулаком в мире живых, несведущей слугой Синей Госпожи, возвещающей конец всему. Вот кто ждёт, когда откроется дверь смерти. Вот почему тебе следует продать мне ключ, и оставить эту дверь закрытой. Ей нужна твоя жизнь, принц Ялан. Если она уничтожит тебя в землях мёртвых, то это пробьёт дыру, через которую она наконец сможет родиться в этот мир. А если она пройдёт каким-то другим путём, то твоя смерть закрепит её место здесь. И тогда колдовство, способное иначе изгнать тварь, уже не сможет вернуть её назад. – Трон Келема, под которым цокали паучьи ноги, подъехал ближе. – Ялан, на самом деле выбора у тебя нет. Такой разумный человек, как ты. Прагматик. Бери золото.

– Я... – Келем говорил разумно. Он говорил разумно и предлагал такую большую кучу золота, что человек может кататься на ней. Я уже видел эту кучу перед глазами, такую высокую и блестящую.

Но... с рук старого ублюдка капала кровь моей матери.

Стук раздался снова, на этот раз ближе. Никто кроме меня его не слышал. Кара что-то сказала, но я не разобрал, что. Мой взгляд привлекло мимолётное движение – чёрный кулак, стучавший по поверхности ближайшей ко мне кристаллической колонны, *изнутри*. Рука терялась во тьме, которая портила чистоту колонны, словно капли чернил в воде.

– У каждого есть своя цена. – Голос Келема каким-то образом пробился через грохот. Я задумался, какова цена Снорри, и какой могла бы быть цена моей бабушки. Даже Гариус, третий Голлот, с его любовью к золоту, с талантом коммерции... даже он не продал бы друга всего лишь за деньги. Я не думал такого о Гариусе, и одновременно хотел и не хотел думать так о себе.

Шестьдесят четыре тысячи... Келем не показал бы Снорри дверь, даже если бы я принёс все эти тысячи в жертву. А даже если бы и показал, Снорри не смог бы просто войти в неё – оттуда в мир хлынули бы ужасы, и моя нерождённая сестра среди них. Снорри бы умер, а я не получил бы ничего, кроме своих лохмотьев, крошечного бесполезного уголка соляных копеек и прочей чепухи, которую, если повезёт, в сумме можно было продать максимум за пятьдесят флоринов. Здесь не было никакого выбора. Всегда бери...

Кровь. Казалось, весь пол покрылся ею, уже по голень, и уровень поднимался всё выше. Я видел, как она капает с кровати Голлота. Я видел, как Гариус извивался в алых водоворотах, когда Молчаливая Сестра забирала его силу. Я видел, как алые капли падали с меча Эдриса, когда мать соскользнула с клинка. И за каждым из этих действий я видел руки – синюю и серую, и каждая запятнана тем, что я считал священным и драгоценным.

ТУК. ТУК. ТУК.

Весь этот кошмар начался со стука Астрид в мою дверь, который вытаскил меня из отличного сна. Каждая часть моего возвращения была открытием одной двери за другой. И открывать ту первую дверь тоже было ошибкой. Надо было оставаться в кровати.

И всё же... каким-то образом оказалось, что моя рука тянется к кристаллической колонне, возвышающейся над нами. Каким-то образом оказалось, что я протягиваю вперёд ключ Локи.

– Нет! – закричал Келем.

Раздался грохот металлических конечностей – его пауки помчались ко мне. Снорри взревел, бросившись им наперерез, не обращая внимания на свои раны и боль, размахивая топором своего отца.

И вопреки всем доводам разума оказалось, что я прижимаю чёрный ключ к этой невероятно плоской поверхности, вставляю его в появившуюся аккуратную тёмную скважину ... и поворачиваю под усиливающиеся звуки голосов в грохоте сражения.

Дверь распахнулась с такой силой, что меня отбросило на пол. Из неё полилась полночь – чёрные бесы с рогами, копытами и завивающимися хвостами, а за ними виднелись голодные и ещё более ужасные фигуры под расправленными крыльями, похожие на летучих мышей существа, змеи и тени людей. И посреди них всех вперёд бросилась Аслауг, закованная в запятнанные ночью кости. Её несло безумство паучьих лап, рядом с которыми игрушки Келема казались изящными и безопасными.

– Покончи с ним! – Завопил я, указывая на Келема, подчиняя силы ночи заложенным в меня потенциалом и магией, взывая к тем узам, которым я присягнул. И вся орда, завидев своего мучителя и предполагаемого будущего повелителя, хлынула через узкий проход на волне жидкой ночи. Аслауг мгновенно набросилась на Келема – завывающая, неистовая фурия, словно её заразила моя ярость. Остальные помчались за ней – создания тьмы в своём безумстве накинудись на древнего мага, чёрные бесы вонзали клыки в сморщенные руки и ноги, чернильные щупальца тянулись из портала и обвивали его. Все они ненавидели Келема за притязания на власть над ними, за его бесконечные попытки открыть и завладеть дверью в ночь, за его близость к успеху.

Тёмная орда жутким потоком утащила Келема прочь, его трон и платформа с трудом пролезли в колонну, а следом унеслась мешанина грязных и скорченных лап из серебристой стали. В последовавший за этим миг тишины эхом разнёсся тихий смех – не в ушах, а в моих костях – весёлый и хулиганский смех, такой, который заражает слушателей, заставляя и их улыбаться. Он доносился от ключа. Бог смеялся над своей шуткой.

Мы со Снорри лежали там, куда бросились, когда хлынули твари – по обе стороны от их потока.

– Сдохни, сволочь! – Прокричал я вслед магу дверей, поднимаясь на ноги. Я надеялся, что Келем будет страдать в бесконечной темноте, и будет при этом размышлять о Кендетах и обо всём, что он нам должен.

Аслауг осталась, держа в руке раздавленное тельце механического паука, серебряные лапки которого ещё изредка дёргались. С яростью на лице она возвышалась над Карой. Снорри поднялся на колени и толкнул Хеннана к следующей колонне.

– Оставайся там!

Горстка ночных бесов всё ещё шныряла по периметру тьмы, клубившейся вокруг, а позади них извивались другие, куда менее безопасные твари.

– Отправь их назад! – прокричал я. В прошлом Кара сурово разобралась с Аслауг, но вэльва была присягнувшей тьме, и могла приказать силам ночи, если бы захотела. Их преданность не разрушилась бы только оттого, что она сцепилась с кем-то из них.

Но Кару не нужно было понукать: напряжение было видно в каждой её чётточке, когда она подняла руки в изгоняющем жесте.

– Сгинь, порождение ночи! Сгинь, рождённая ложью! Сгинь, дочь Локи! Сгинь, дитя Арракни! – Выставив перед собой угрожающе скрюченные руки, Кара повторяла заклинание, которое однажды выгнало Аслауг с её лодки. Тьма вокруг неё отступила, словно её через соломинку втянуло в дверь во владения ночи.

– Это вряд ли, маленькая ведьмочка. – Аслауг пронзила Кару двумя чёрными ногами, пригвоздив её к соседней колонне.

Кара подняла голову и прорычала окровавленным ртом:

– Назад!

– Возвращайся, Аслауг! – Крикнул я, и она повернула ко мне своё прекрасное, ужасное лицо.

– Ялан, ты не можешь вот так просто использовать меня. Меня нельзя просто отбросить, когда ты получил, что хотел. – Я даже почти поверил, что боль на её запятнанном лице цвета слоновой кости была неподдельной.

Я извинительно поднял ладони.

– Ну, таков уж я...

Короткий меч, брошенный Снорри, повернулся в воздухе и врезался Аслауг промеж лопаток.

– Назад! – Заорала Кара.

– Назад! – Закричал я. И даже ничуть об этом не пожалел.

Тьма забурлила вокруг клинка, торчавшего из её груди, руки вцеплялись в края колонны, чёрные ноги пытались удержаться против возвращавшейся волны – и Аслауг, завывая, провалилась в ночь, из которой и явилась.

Я бросился вперёд, запнулся за паучью лапу, и чуть не провалился вслед за демоницей. В последний миг мне удалось ухватиться за невероятно тонкую дверь, захлопнуть её перед собой и врезаться в неё лицом секундой позже. Цепляясь за остатки сознания, я нашарил ключ и снова запер дверь.

– Христос на велике! – И я рухнул в свою тьму, и даже не почувствовал, как моя голова ударилась об пол.

ТРИДЦАТЬ ШЕСТЬ

Мне снился довольно приятный сон о тех днях, когда я торговал в зале Морского Дома – о тех днях, когда казалось, что я ничего не могу сделать неправильно. Первый урок, выученный мной там, был самым важным. Он касался ценности информации. В Умбертиде с ней ничто не могло сравниться по стоимости. На одном существенном факте можно было сделать или потерять целое состояние.

Контрольный пакет акций бесполезных Крптипских копей я купил не по какому-то ностальгическому капризу. И не из-за возможности, что мне однажды вдруг захочется в них побывать. Я купил это предприятие потому, что знал существенный факт. Факт, который представлял собой высокую вероятность очень значительных перемен. Я кое-что знал. Кое-что важное. Я знал, что туда собирался отправиться Снорри вер Снагасон.

***

Я очнулся и обнаружил, что Хеннан бьёт меня с куда большим энтузиазмом, чем требовалось, и остатки моего сна тут же развеялись.

– Кара? – Я с трудом попытался сесть.

Снорри сел на колени возле вёльвы. Она лежала, прислонившись к колонне, к которой её пригвоздила Аслауг. Снорри срезал ткань и поднял нижнюю рубашку, открыв уродливые красные рубцы на рёбрах слева и справа. Наверное, какой-то амулет или заклятие отвели прикосновение Аслауг от её плоти, поскольку я видел, как ноги демоницы ударили прямо в вёльву. Должно быть, они только чиркнули по коже Кары, не попав в жизненно важные органы, и пригвоздили её к колонне всего лишь за одежду.

– Хуже всего прикушенный язык. – Снорри посмотрел на меня и

отпустил Кару. Потом взял меня за руку и поднял на ноги.

– Ял. – Он отряхнул меня и отошёл с серьёзным видом. – Я знал, что тебя не купить.

– Ха! – Я потёр лоб, ожидая, что пальцы окрасятся кровью. – Ты же знаешь, я человек чести! – Ухмыльнулся я ему.

Снорри по-воински сжал моё предплечье, и я сжал его в ответ.

– А что случилось с твоей... – Я указал на его бок, где его выцветшая куртка во множестве мест была продырявлена и порвана – кристаллы там исчезли.

Он похлопал себя по боку и поморщился.

– Не знаю. Когда я бросил меч, кусок соли просто отвалился. Остальное я соскоблил. Похоже, оно уже не... держалось на мне.

– Заклинание Келема разрушено. – Хромая и опираясь на Хеннана, подошла Кара. – Давайте уйдём отсюда?

Снорри посмотрел на вёльву и на мальчика, волосы которого были рыжими, как и у его среднего ребёнка. Мне хотелось, чтобы он увидел жену и сына, которые могли бы у него быть, и жизнь, которая могла лежать перед ним. Не то, что заменит оставшееся позади, но что-то... что-то хорошее. В любом случае, лучше чем Ад.

Снорри склонил голову.

– Я не могу уйти. – Он посмотрел на свои руки, словно вспоминая, как те когда-то обнимали его детей. – Покажи мне дверь. Я прошёл слишком далеко, чтобы возвращаться.

– Я не знаю, которая из них. – Кара махнула рукой в сторону уходящих от нас колонн, расстояние между которыми, казалось, всё уменьшалось и уменьшалось, пока они не начинали сливаться. – Это была специальность Келема. Помнишь, мы же пришли сюда, чтобы найти Келема? А не дверь. Они тут повсюду. Нам просто нужен тот, кто может разглядеть правильную. А Ял отдал его тьме.

– Снорри, он бы тебе никогда не сказал, – проговорил я. – И нас бы он не отпустил, уж точно не с этим, – я поднял ключ. – Слава Богу, вовремя наступил закат.

Кара удивлённо посмотрела на меня.

– Закат будет через два часа, если не больше.

Я рассмеялся.

– Ну конечно же это не так.

– Это вряд ли, Ял. – Покачал головой Снорри. – Да, время здесь ведёт себя странно, но я согласен с Карой. Не может быть, что я здесь уже так долго.

– Всё дело в тебе, Ял, – кивнула Кара. – Ты сам не понимаешь своего потенциала. Ты связываешь себя всеми этими правилами, всей той ложью, которую рассказываешь себе, чтобы избежать ответственности. Но это ты позволил Аслауг прийти. Ты отыскал дверь к ней. Ты осуществил это.

– Я... – Я закрыл рот. Возможно, Кара была права. Теперь, подумав об этом, я удивился бы, если б вылез из шахты прямо сейчас и там оказалось темно. – У Снорри тоже есть потенциал. Ты сама это говорила. Он разжигает орихалк ярче, чем ты.

– Так и есть, – беззлобно сказала Кара.

Я посмотрел на Снорри, не зная, говорить или не говорить.

– Если дверь смерти так сильно тебе нужна, то здесь ты её и найдёшь. – Я покачал головой. – Не ищи её, Снорри. Но если всё-таки станешь искать и найдёшь, то я её для тебя открою. – А потом моим языком овладело безумие. – И отправлюсь с тобой. – Думаю, это какая-то болезнь. Когда тебя считают отважным и честным человеком, это становится зависимостью. Как мак – тебе хочется его всё больше и больше. Я радовался похвалам, которыми осыпали героя перевала Арал, но когда норсиец стал относиться ко мне, как к равному, те похвалы померкли, и брошенные мне лепестки побледнели. В этом воинском пожатии есть ощущение семьи. Ощущение причастности. Теперь я понимал, как такого мягкого Туттугу затянуло в эту кутерьму. И, будь я проклят, меня тоже затянуло.

– Пойдём со мной, брат! – Снорри зашагал по залу, как человек, у которого есть цель. – Мы откроем дверь смерти и принесём им Ад. Об этом будут рассказывать саги. Мёртвые поднялись против живых, и два человека погнались за ними через реку мечей. Рядом с нашей историей легенда о Беовульфе будет детской сказкой!

Я пошёл за ним, стараясь шагать быстро, чтобы гнавшаяся за мной неуверенность не догнала меня. Кара с Хеннаном спешили

следом. Моя сестра ждала за дверью, нерождённая, изменённая, жаждущая моей смерти. Но Снорри ведь освободил своего ребёнка от этой судьбы... наверное, и Кендет сможет сделать то же самое? Мою голову заливали видения парадов, которые устроят в мою честь в Вермильоне, когда я вернусь, и почести, которыми осыплет меня бабушка. Ялан – завоеватель смерти!

***

Совсем скоро глупость начала меркнуть. Мне надо было лишь вспомнить Чёрный форт, чтобы понять, насколько слабо на самом деле я жажду этой чепухи. Долгое время я надеялся, что мои восторженные похвалы не будут подвергнуты испытанию, что поиски Снорри окажутся бесплодными, но вскоре он остановился, положив руку на колонну, которая на мой взгляд была в точности такой же, как и прочие.

– Эта.

– Уверен? – Я уставился в глубины колонны, пытаюсь разглядеть хоть что-то посреди нагромождения неправильных бледных линий, из-за которых к центру прозрачность затуманивалась.

– Уверен. Я так часто был на волосок от смерти. Чувство на её пороге мне отлично известно.

– Не надо. – Между нами втиснулась Кара. – Умоляю. – Она посмотрела на Снорри, вытянув шею. – Может, на той стороне тебя поджидает нерождённый. Неужели ты и впрямь хочешь спустить этих тварей на наш мир? У тебя, кроме стали, нет оружия, которым их можно остановить. И пока дверь будет открыта... сколько времени пройдёт, прежде чем заявится Мёртвый Король? – Она обернулась ко мне. – А ты, Ял. Ты же слышал, что сказал Келем. Твоя сестра будет тебя отслеживать и съест твоё сердце. Как думаешь, сколько времени ей понадобится, чтобы отыскать тебя, если пройдёшь через дверь?

Снорри положил обе руки на кристалл.

– Я чувствую.

– Они будут ждать тебя! – Кара схватила его руку, словно могла его удержать.

Снорри стряхнул её руку.

– Если бы мы были в землях мёртвых, и я спросил бы тебя, где дверь в жизнь... что бы ты сказала?

– Я... – Она поджала губы, раньше меня заметив ловушку. – Как двери в смерть здесь, так и двери в жизнь там нет смысла быть только в одном месте. Она была бы повсюду.

– А нерождённые будут ждать... повсюду? – Снорри мрачно ухмыльнулся. – Ничто нас там ждать не будет. Ял отдаст тебе ключ. Запри за нами дверь.

Я видел расчёты на её лице. Быстро промелькнуло и исчезло. Скилфа послала её только ради этого момента: ключ предлагали ей добровольно, проклятие Локи не грозило.

– Не ходите туда. – Но из её голоса пропала убедительность. Это меня опечалило, но, наверное, все мы жертвы своих амбиций.

– Оставайтесь. – Сказал Хеннан. Это было его первое слово по данному вопросу. Нижняя губа парня выпятилась, словно хотела удержать верхнюю, глаза ярко горели, но больше он ничего не сказал, поскольку слишком привык к разочарованиям. Казалось, он так молод, что годы ещё не могли выбить из него себялюбие, но тем не менее.

Снорри склонил голову.

– Ялан, окажи мне честь. – Он указал на поверхность кристалла перед нами.

Мне всегда казалось, что фразы о том, как похолодела кровь – это полёт фантазии, но сейчас она действительно замёрзла в моих венах. Когда оказываешься между страхом и гордостью, даже если знаешь, что страх в конце концов победит, кажется невозможным избавиться от гордости. Так что я стоял, замерев, с ухмылкой ужаса на лице, и ключ в моей руке дрожал, словно от нетерпения.

– Кара, Хеннан. – За два быстрых шага Снорри подошёл к ним и заключил в объятия, крепко прижав к груди и оторвав обоих от пола. – Я остался бы, если б думал, что могу стать тем другом, который вам нужен. – Он крепко сжимал их, не давая вымолвить ни слова

протеста. Спустя секунду он отпустил их. – Но это. – Он указал на ключ, потом на дверь, а потом махнул рукой на мир вокруг нас. – Это сожрёт меня изнутри, и в конце концов не останется ничего, кроме старого ожесточённого викинга без клана, ненавидящего себя, и любого, кто удержал его от этой задачи. Может, это и бесполезное дело, но это моё дело. Здесь мой конец. Некоторым мужчинам нужно уплыть за горизонт и плыть, пока океан не проглотит их историю – и это то море, которое я должен переплыть.

– Все мужики дураки. – Выплюнула Кара, вытирая глаза. Я мгновенно согласился с ней. Она сердито шмыгнула носом и отдала Снорри свою последнюю руну. – Возьми!

Хеннан смотрел на Снорри, и одна слеза пробивала канал по грязи на его щеке.

– Мы, ундорет, в бою рожденные. Поднимем молот и топор, от нашего клича боги да дрогнут! – Произнёс он высоким, но твёрдым голосом, ни разу не дрогнув, и клянусь, это был единственный момент, когда я думал, что Снорри может сломаться.

Но он указал на ключ и махнул мне, чтобы я шёл вперёд, не в силах говорить. Я подошёл к двери – разум кричал мне бежать, мысли сталкивались в попытках отыскать выход из ситуации. Может, Каре и Хеннану нужно сопровождение, может они не будут в безопасности. Те люди, которые выслеживали нас от Умбертиде, наверняка в тоннелях, ищут.

Я приложил пальцы к кристаллу, пытаюсь почувствовать там что-нибудь, пытаюсь расслышать ноту и понять, что привлекло Снорри к этой колонне. Ничего. Точнее, так я думал, пока не собрался убрать пальцы – и в ту же секунду я почувствовал, увидел: сухость, жажду и пустоту. Не было чувства, что там кто-то поджидает – лишь голод, который я видел раньше в мёртвых глазах.

– Спаси нас Боже. – Я приложил ключ к кристаллу, и там оказалась замочная скважина, словно всегда там и была, ожидая с начала времён. Остальные смотрели на меня. – Кара, может, тебе увести отсюда парнишку?

– Мне нужно запереть дверь, – сказала она.

Я вставил ключ в скважину. Повернул его. И почувствовал, как улетел год моей жизни. Я потянул за ключ, чтобы приоткрыть дверь – всего лишь чуть-чуть, только чтобы показалась полоска ровного

оранжевого света. Воздух в зале с шипением втянулся в эту щель, словно Ад сделал вдох, а я постарался открыть дверь, взявшись за край. Там, где мои пальцы коснулись обратной стороны, я почувствовал сухость, словно кожа отслаивалась, а плоть уже высохла до костей.

Я вытащил ключ и неохотно, словно тянулся через чёрную патоку, положил его в протянутую руку Кары. И чуть не выхватил его обратно. Это казалось таким окончательным. Возможно, она разглядела это во мне, поскольку довольно быстро убрала ключ в карман. Миновал миг – тот миг, которого Кара ждала тысячу миль. Правда ли Скилфа послала нас за тридевять земель только чтобы дать Каре время на её магию, чтобы воин поддался её чарам, или, если это не удастся, согласился с её мудростью и отдал ключ Локи по собственной воле? Разве не могла Скилфа показать Снорри дверь прямо там, в её пещере в Берентоппене, если б захотела? Уж конечно холодная сука знала свои пути к ней?

– Боги смотрят на нас, – сказал Снорри. – Мы не просим помощи, только свидетельства.

Снорри ухмыльнулся мне, взялся за дверь и распахнул её. Казалось, свет просвечивает через его плоть. Казалось, видны только его кости и широкая ухмылка черепа. И спустя миг он прошёл внутрь.

Дверь выскользнула из моей руки и захлопнулась за ним. Я бы списал это на вспотевшие пальцы, если бы они не пересохли сильнее, чем когда-либо в моей жизни. Надо было протянуть руку и открыть дверь, но обе руки были прижаты к бокам.

– О, Боже, я не могу этого сделать. – Мой голос надломился.

– В этом нет ничего постыдного. – Кара протянула ладонь, коснувшись моего плеча, и в тот же миг я упал в её объятия, обхватил обеими руками, и разрыдался, наполовину от стыда, наполовину от скорби по очередному другу, возможно единственному другу, который теперь всё равно что мёртв.

Я не горжусь тем, что мои руки сделали в тот миг. Ну... совсем немного горжусь, поскольку это была, несомненно, отличная работа. Я знал, что Локи любитель хитростей и воровства, если он, конечно, существует – а он не существует, поскольку есть только один Бог, и он настолько тих, что я в нём даже иногда сомневаюсь. В любом

случае, я знал, что проклятие запрещало забирать ключ силой, но Кара ведь уже продемонстрировала мне, что немного воровства будет в духе этой штуки. Я отступил назад, шмыгая носом, одной рукой вытирая глаза, а другой пряча ключ Локи, который стал удобно маленьким, словно одобрял эту хитрость. Не знаю, сколько времени понадобилось бы Каре, чтобы заметить его отсутствие: если только она не забыла запереть дверь, то обнаружит пропажу очень скоро. Но откровенно говоря, я соображал не очень ясно. Я знал только, что ни за каким чёртом я не войду в Ад, и что теперь у меня в руках билет к благорасположению бабушки, а то и билет на трон, когда она его освободит. Более того, теперь я стал владельцем соляных копей, в которых внезапно открылся доступ к самым большим и прибыльным запасам соли севернее великой пустыни Саха в Африке, что делало меня поистине богатым человеком. Теперь это были уже не соляные копи, а золотые! Прибавив эти два довода к паре тысяч причин не идти за Снорри, я убедился, что любой личный стыд того стоит. В конце концов... всегда бери деньги! У меня была цена, и оказалось, что эта цена – "всё". А мой стыд видели лишь два человека, и оба язычники. Если им это не нравится, то я просто удеру, и не буду останавливаться, пока не доберусь до дома.

***

Дом – есть в этом слове магия. В первое возвращение я не оценил его должным образом, но на этот раз я вернусь домой богатым героем-завоевателем, и, чёрт меня подери, буду этим наслаждаться. В конце концов, разве не я говорил: *"Я лжец, обманщик и трус, но никогда, никогда в жизни не предам друга. Разумеется, при условии, что сохранение верности не потребует от меня честности или отваги"*.

Последовательность! Вот величайшая добродетель, которой может обладать человек. Это сказал кто-то знаменитый. Знаменитый и мудрый. А если и не говорил, то, чёрт возьми, должен был сказать.

Каким-то образом все эти мысли умудрились втиснуться в мою голову за те мгновения тишины, что тянулись между мной, Карой и

Хеннаном. Согретый воспоминаниями о доме, я начал даже думать, что всё будет хорошо. Кара, возможно, смягчится ко мне на пути назад... и покажет мне свои северные прелести...

Когда дверь распахнулась и толстая рука схватила меня сзади за рубашку, утащив назад в дверной проём, у меня не было даже времени закричать.

---

notes

1

...или три, как российским читателям. прим. bydloman

Локи вольно цитирует песню Rolling Stones "You can't always get what you want".

3

Восьмая руна древнегерманского алфавита, означает "Радость".

4

Седьмая руна древнегерманского алфавита, означает "Дар".

Вообще он "Олааф" (среди северян есть и Олафы и Олаафы). И скорее "Райксон" – Rikeson. (Здесь и далее имена и названия, встречавшиеся в оф. переводе первой книжки, приведены в том же виде).

В отличие от Алисы из страны чудес, чьё имя по-английски произносится как "Элис" (Alice), здесь и в оригинале звучит как "Алиса" (Alica).

"little prick" – в зависимости от контекста "лёгкий укол" или "маленький член".

Osheim – в оригинале читается как "Осхайм" или даже почти "Осайм". Судя по карте, это явно какое-то искажённое немецкое название – например, в нашем мире в том районе есть город под названием "Остхайм-фор-дер-Рён".

Engine of Wrong – в "Императоре Терний" переведена как "Машина Зла".

Root – в компьютерной терминологии означает "корень", "корневой". Среди прочего так часто называется пользователь с максимальными правами в системе.

March по-английски и "марка" (в значении "административная единица") и "марш". В оф. переводе трилогии "Разрушенная Империя" королевство называлось "Красный Рубеж"; в "Принце Шутов" – "Красная Марка".

Ладонь – мера длины, используемая, среди прочего, для измерения роста лошадей. 17 ладоней – примерно 172 см. в холке.

13

~142 cm.

В "Императоре Терний" название этой организации переведено как "Золотой Дом, торговое отделение". Такой перевод не вполне корректен, т.к. в оригинале она называется "House Gold, Mercantile Derivatives", т.е. "Золотой дом, Коммерческие Деривативы". В "Императоре Терний" это несущественно, однако в данной книге эта организация активно действует, и занимается, как ясно из её названия, торговлей производными финансовыми инструментами, деривативами.

"Опцион" и "фьючерс" – названия ценных бумаг. В оригинале эти слова ("option", "futures") означают также "возможности" и "будущее".